

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Э Т Н О Г Р А Ф И И

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

№ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор издания
директор Института этнографии акад. *В. В. Струве*

Отв. ред. и председатель редколлегии акад. *И. И. Мещанинов*
Ответственный секретарь, *С. Н. Замятнин*

Члены редколлегии: *В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас*
Секретарь редакции *В. В. Храмова*
Редактор Издательства *Д. Д. Тимофеев*

Технический редактор *Д. С. Бабкин*
Корректоры: *Н. П. Лебедева и В. А. Заветновский*

Слано в набор 2 апреля 1938 г. —
Подписано к матрицированию 8 III
1939 г.—Подписано к печати с матриц
8 марта 1940 г. — I—IV—305 стр. —
(290 рис.) + 9 вкл. — Формат бум.
70 × 108 см. — 20³/₄ печ. л. — 28.03
уч.-авт. л. — 59280 тип. зн. в л. —
Тираж 1000. — Ленгорлит № 2140. —
РИСО № 583. — АНИ № 349. —
Заказ № 605

★

Типо-литография Изд-ва Академии
Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. В. Шмидт . Стоянка у станции Левшино	1
М. Е. Фосс (Москва). Стоянка Кубенино	31
И. Г. Пидопличка (Киев). Палеолитическая стоянка Чулатов I	65
К. М. Поликарпович (Минск). Работы по исследованию палеолита и эпилеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг.	81
А. Я. Брюсов (Москва). Гонцовская стоянка	88
О. Н. Бадер (Москва). Изучение эпилеолита Крымской яйлы	93
П. Н. Третьяков (Ленинград). К вопросу об эпилеолитических памятниках верхнего Поволжья	101
Б. Ф. Земляков (Ленинград). Арктический палеолит на Севере СССР	107
М. В. Воеводский (Москва). К вопросу о развитии эпилеолита в Восточной Европе	144
И. Г. Пидопличка (Киев). Краткий обзор фауны палеолита УССР	151
С. Н. Бибииков (Ленинград). Грот Мурзак-коба — новая позднелеолитическая стоянка в Крыму	159
Е. В. Жиров (Ленинград). Костяки из грота Мурзак-коба	179
В. И. Равдоникас (Ленинград). Археологические исследования на реке Свири в 1934 г.	187
Б. Ф. Земляков (Ленинград). Геологические условия неолитической стоянки у села Вознесенье на реке Свири	206
Н. Н. Гурина (Ленинград). Керамика неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири	215
Я. В. Станкевич (Ленинград). Неолитическая стоянка у «Гремячего» ручья	230
В. И. Селинов и Е. Ф. Лагодовская (Одесса). Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.	239
С. И. Макалатия (Тбилиси). Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаани	264

С О О Б Щ Е Н И Я

С. А. Трусова (Ленинград). Раскопки в пещере Аджикоба в 1933 г.	272
Н. В. Сибилев (Ижум). Эпилеолит Ижумщины и его отношение к позднейшим культурам	275

А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К А Я Х Р О Н И К А

А. Н. Рогачев (Ленинград). Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г.	278
П. И. Борисковский (Ленинград). Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г.	281
К. М. Поликарпович (Минск). Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г.	285
А. П. Окладников (Ленинград). Буреть — новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре	290
С. А. Доктюшев (Ворошиловград). Мастерская крупных кварцитовых орудий на р. Деркул в Ворошиловградской области	293
Г. П. Сосновский (Ленинград). Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катунь	297
С. А. Трусова (Ленинград). Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г.	298
О. Н. Бадер (Москва). Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г.	301
М. З. Паничкина (Ленинград). Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г.	302
В. И. Смирнов (Архангельск). Костромской декоративный топорик	304
А. В. Мачинский (Ленинград). Две новых псевдопалеолитических находки в Америке	305
А. В. Мачинский (Ленинград). Археологическая мексиканская коллекция	305

SOMMAIRE

	Page
A. Schmidt (+). La station près de la gare de Levchino	1
M. Voss (Moscou). La station de Koubéno	31
I. Pidoplička (Kiev). La station paléolithique de Tchoulatov I	65
K. Polikarpovič (Minsk). L'étude du Paléolithique et de l'Épipaléolithique dans la République Soviétique Socialiste Blanc-Russe et la région de l'Ouest en 1933—1935	81
A. Brinson (Moscou). La station de Gontsy	88
O. Bahder (Moscou). L'étude de l'Épipaléolithique du Yaïla de Crimée	93
P. Tretjakov (Léningrad). Sur les monuments épipaléolithiques de la Haute Volga	101
B. Zemliakov (Léningrad). Le Paléolithique arctique dans le nord de l'URSS	107
M. Voevodskij (Moscou). Sur l'évolution de l'Épipaléolithique dans l'Europe orientale	144
I. Pidoplička (Kiev). Aperçu sommaire de la faune du Paléolithique de l'Ukraine	151
S. Bibikov (Léningrad). La grotte de Mourzak-koba, une nouvelle station du Paléolithique tardif en Crimée	159
E. Žirov (Léningrad). Les squelettes de la grotte de Mourzak-koba	179
V. Raudonikas (Léningrad). Les travaux archéologiques de 1934 sur le Svir	187
B. Zemliakov (Léningrad). Les conditions géologiques de la station néolithique près du village de Voznessenié sur le Svir	206
N. Gurina (Léningrad). La céramique de la station néolithique près du village de Voznessenié sur le Svir	215
J. Stankevič (Léningrad). Une station néolithique sur le Grémiatehy-Routchéf	230
V. Selinov et E. Lagodovskaja (Odessa). Fouilles exécutées en 1936 aux environs d'Odessa par le Musée Historico-Archéologique d'Odessa	239
S. Makalatia (Tbilissi). Trouvailles archéologiques aux villages de Dablagomi et d'Agaiani (Géorgie)	264

COMMUNICATIONS

S. Trusova (Léningrad). Les fouilles de la grotte d'Adji-koba (1933)	272
N. Sibilev (Izioum). L'Épipaléolithique de la région d'Izioum et ses relations avec les cultures plus récentes	275

CHRONIQUE ARCHÉOLOGIQUE

A. Rogaçev (Léningrad). Communication préliminaire sur les travaux de la mission de Kostenki en 1936	278
P. Boriskovskij (Léningrad). Les fouilles de la station paléolithique Borchévo II en 1936	281
K. Polikarpovič (Minsk). Les travaux sur le Paléolithique exécutés en 1936 dans la région de l'Ouest	285
A. Okladnikov (Léningrad). Boutréti, une nouvelle «station» paléolithique sur l'Angara	290
S. Loktiušev (Vorochilovgrad). Un atelier de gros instruments en quartzite sur la rivière Derkoul dans la région de Vorochilovgrad	293
G. Sosnovskij (Léningrad). Fouilles d'une station paléolithique dans la vallée de la rivière Katouni	297
S. Trusova (Léningrad). Aperçu sommaire des travaux de la mission paléolithique de Crimée en 1936	298
O. Bahder (Moscou). Résultats des travaux de la mission paléolithique de Crimée organisée en 1936 par l'Institut d'Anthropologie de Moscou	301
M. Paničkina (Léningrad). Les recherches de 1936 sur le Paléolithique de la région de la mer Noire	302
V. Smirnov (Moscou). Une hachette décorative de Kostroma	304
A. Mačinskij (Léningrad). Deux nouvelles trouvailles pseudopaléolithiques en Amérique	305
A. Mačinskij (Léningrad). Une collection archéologique mexicaine	305

Скалистые навесы и гроты в урочище Буран-кая близ Кайнаута
(к статье Бадера)

А. В. ШМИДТ

СТОЯНКА У СТАНЦИИ ЛЕВШИНО

1. ВВЕДЕНИЕ¹

Каменные орудия и глиняные черепки периода употребления каменных орудий были впервые обнаружены близ ст. Левшино Горнозаводской линии железной дороги им. Л. М. Кагановича² И. Н. Глушковым и С. И. Сергеевым в 1890 г. Эти остатки найдены в районе железнодорожных путей к востоку от станции. Ф. А. Теплоухов, подвергший левшинские находки внимательному анализу, считал, что эти предметы обнаружены не *in situ*, а были вымыты весенними водами или же попали на поверхность при устройстве железной дороги.³ Таким образом точное местонахождение древней стоянки оставалось невыясненным. В 1924 г. автором были вновь найдены близ ст. Левшино древние черепки, и в 1925 г. (в сентябре и октябре) на месте находки произведены раскопки,⁴ окончательно доказавшие, что в этом пункте находилось древнее поселение эпохи употребления каменных орудий, от которого сохранились многочисленные культурные остатки. Работами 1925 г. были обнаружены близ ст. Левшино три местонахождения, из которых два (I и II) подверглись раскопкам. Всего было вскрыто 84 кв. м. Раскопки велись по системе квадратов. Они показали, что стоянка в значительной степени была уже разрушена карьером для добычи песка, устроенным на той же террасе, где находилось древнее поселение.

В 1926 и 1931 гг. Левшинская стоянка была вновь посещена мной, причем в 1931 г. совместно с Н. А. Прокопьевым; в обоих случаях были сделаны различные наблюдения и произведен сбор подъемного материала. В 1932 г., в связи с изучением района затопления будущей Камской гидроэлектростанции, в ходе работ Камской археологической экспедиции ГАИМК автором была произведена детальная глазомерная съемка местности (план, рис. 1). В 1934 г., в процессе работ Камской экспедиции под руководством

¹ От редакции. Посмертно публикуемая работа Алексея Викторовича Шмидта представляет большой научный интерес, так как «Левшинская стоянка» — это первый древний (позднеолитический) памятник Пермского Прикамья, освещенный с достаточной полнотой. Но, как почти всякое посмертное издание, работа не свободна от некоторых недоделок, не снижающих, впрочем, ценности публикации. Рукопись хранится в архиве ИИМК АН СССР. См. фонд № 26.

² Станция Левшино железной дороги им. Л. М. Кагановича находится в 16 км к северу от Перми.

³ Ф. А. Теплоухов. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губ. Труды Пермской ученой архивной комиссии, I, 1892, стр. 12, отд. отт.

⁴ Работы Уральской археологической экспедиции Академии Наук и Пермского Гос. музея под руководством А. В. Шмидта, при участии ассистента Пермского Гос. университета И. А. Четверкиной.

Н. А. Прокошева, Левшинская стоянка, к тому времени уже значительно уменьшенная постоянной добычей песка в железнодорожном карьере, была

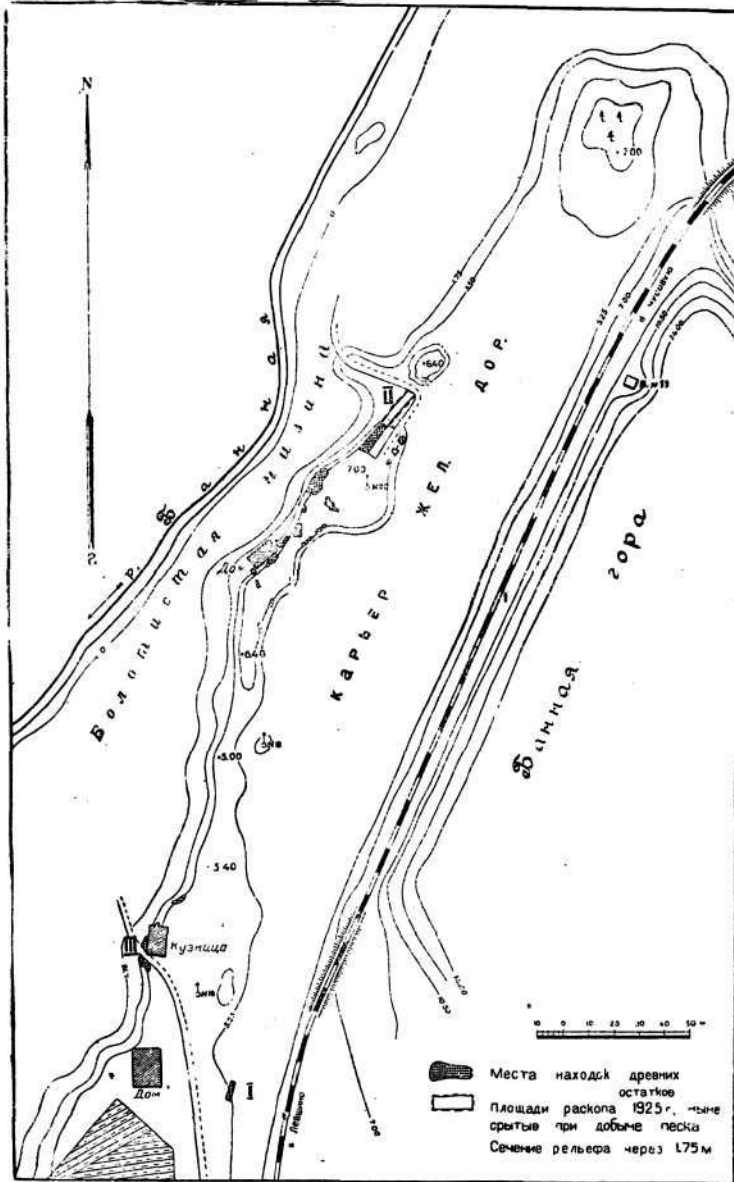

Рис. 1. План Левшинской стоянки (глазомерная съемка А. В. Шмидта).

вновь подвергнута раскопкам с целью спасти уцелевшие части памятника. Этими работами была захвачена почти вся свободная от жилых сооружений площадь стоянки.¹

¹ См. отчет Н. А. Прокошева, Камская экспедиция 1934 г. Материалы по археологии СССР, т. I; его же. К вопросу о неолите Пермского Прикамья (о Левшинской стоянке). Материалы по археологии Урала и Приуралья, т. I (печатаются в ИИМК АН СССР).

Добытые в Левшине материалы хранятся в Пермском Гос. музее (находки 1925 г. и часть старых сборов), в Свердловском Гос. музее (большие сборы Сергеева и Глушкова), в Институте антропологии и этнографии АН СССР (сборы 1924 и 1926 гг. и отчеты о работах 1925 г.), в Гос. Эрмитаже (сборы 1931 и 1932 гг. и материалы раскопок 1934 г.) и Гос. историческом музее (часть сборов 1931 г.).

2. ОПИСАНИЕ МЕСТНОСТИ, В КОТОРОЙ РАСПОЛОЖЕНА СТОЯНКА

Левшинская стоянка расположена на второй (надпойменной) террасе левого берега р. Чусовой. Эта терраса ограничивает с юго-востока обширную пойму, которую образует р. Чусовая при впадении в р. Каму. Устье р. Чусовой находится примерно в 3 км к западу от стоянки.

Пойма представляет низину, на которой местами тянутся суглинистые и песчаные гряды (по-местному «веретей»). Эти гряды обычно (но не всегда) проходят под углом около 45° к р. Каме. Такая, например, песчаная гряда тянется свыше чем на 2 км вдоль берега к югу от р. Чусовой. На ней, около оз. Грязного, расположено неолитическое местонахождение. Кроме «веретей» попадаются и холмообразные возвышенности.¹ Высота этих гряд и возвышенностей не превышает 9—12 м над уровнем реки. Так как обычно высота весенних наводнений не превышает ныне 3.55—5 и лишь в исключительных случаях (1914) достигает 8 м, то эти возвышения не подвергаются затоплению, тогда как остальная пойма почти вся покрывается водой. Можно предполагать, что в эпоху расцвета родового общества, — что на Каме соответствует позднему неолиту обычной археологической периодизации, — высота наводнения была несколько ниже современной.²

Пойма изобилует болотами. На ней имеется несколько водоемов с болотистыми низкими берегами, из которых самыми крупными являются оз. Грязное к югу от устья р. Чусовой и оз. Банное к северо-востоку от Левшинской стоянки (план, рис. 2). Размеры поймы с севера на юг около 4 км, с запада на восток около 3.5 км, считая от р. Камы до восточного конца оз. Банного. Далее к востоку пойма Камско-чусовского междуречья переходит в пойму р. Чусовой, ширина которой на участке вплоть до устья р. Сылвы достигает примерно 2—4 км. В этом районе расположена стоянка у дер. В. Гари, открытая в 1934 г. Н. А. Прокопьевым. Пойма междуречья в настоящее время частью покрыта густыми зарослями ивняка, березняка, осинника, ольшатника, липняка и другого кустарника, частью представляет луговые покосы соседних деревень. Из деревьев, кроме вышеупомянутых, попадают ель и некоторые другие хвойные.

Несомненно, в древности междуречье было богато различным зверем и птицей. Пойменные водоемы и сейчас изобилуют рыбой; попадавшие на низких местах запоры для рыбы указывают на прибыльность примитивных форм рыболовства при весеннем спаде вод и в наши дни.

Для земледелия сырая и болотистая пойма представляет мало удобств. В настоящее время пашни встречаются местами по возвышенностям, преимущественно

¹ На подобной возвышенности расположена весьма архаичская стоянка на урочище Гладком к югу от дер. Стрелка-Подгалкина.

² Некоторые данные по стратиграфии поймы. На участках примерно в 1 км к северо-западу от Левшина и к северу от р. Чусовой (по дороге от левшинского переезда к Галкину городищу): шурф № 1 — дерн 0—4 см, суглинок 35 см, глубже слойстый суглинок; шурф № 2 — дерн 0—1 см, суглинок до 40 см, глубже слойстый суглинок.

Возникла ли эта слоистость благодаря процессам ледниковой эпохи, или она должна быть объяснена послеледниковыми паводками, пока сказать нельзя. Во всяком случае, залегание слоистого слоя ниже ранне-неолитической стоянки в Гладком указывает на его большую древность.

щественно на правом берегу р. Чусовой, где на пойменных возвышенностях и на II террасе расположены две небольшие деревни: Усть-Чусовская и Подгалкина (иначе Подстрелка), имеющие каждая по несколько дворов. Усть-Чусовская при этом является поселением, обитатели которого живут преимущественно за счет занятий, связанных с рекой.

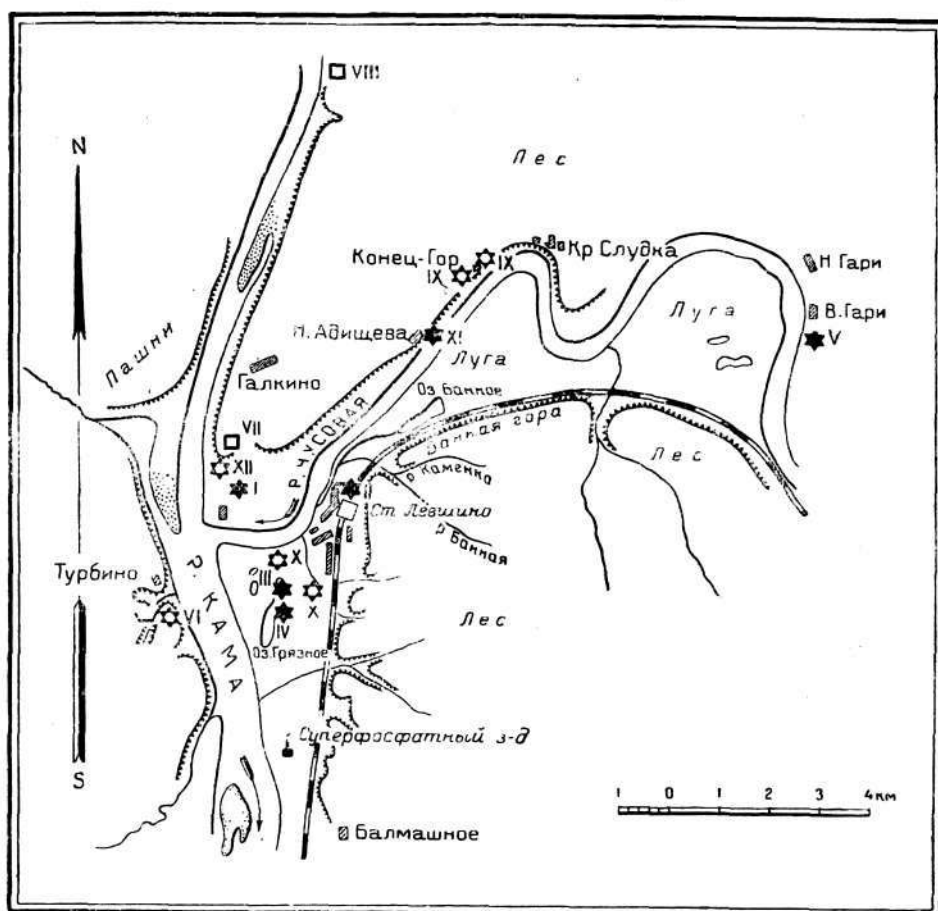

Рис. 2. План местности района устья р. Чусовой.

I. Стоянка на Гладком. II. Стоянка у ст. Левшино. III—IV. Стоянки у оз. Грязного. V. Стоянка у д. В. Гарей. VI. Могильник эпохи бронзы и селище ананьинской эпохи. VII. Городище у д. Галкина. VIII. Городище Чумкосна. IX. Селище у д. Конец-гор. X. Мелкие селища у д. Пески и Медведевки. XI. Стоянки у д. Н. Адищевой. XII. Находки у д. Подгалкиной.

В настоящее время Левшинская стоянка расположена примерно в 1 км от русла р. Чусовой. У ее подножия находится болотистая низина, по которой протекает рч. Банная.¹ Возможно, что эта низина в древности представляла залив оз. Банного. Стратиграфию низины у подножия террасы дают пробные раскопы экспедиции 1934 г. (см. отчет Н. А. Прокошева).

С юга и севера пойму ограничивает высокая верхняя терраса или коренной берег долины. II терраса выступает лишь в немногих местах и обычно занимает неширокую полосу у подножия верхней террасы. Так,

¹ Эта низина в наиболее низком месте, в пойме рч. Банной у стоянки, на 4.14 м ниже береговой террасы р. Чусовой.

ширина ее в районе стоянки не превышает 70—80 м. Коренной берег во многих местах сложен из известняковых пород пермского возраста (мергеля и гипса). Такова, например, Галкина гора с известным «чудским городищем»,¹ образующая стрелку, вдающуюся на севере в Камско-чусовское междуречье. Из известняка сложена и Банная гора, расположенная непосредственно к востоку от стоянки. Южнее Банной горы подъем коренного берега делается более отлогим, чем к северу от поймы, где, например, Галкина гора почти отвесно поднимается примерно на 40 м выше уровня поймы. Еще выше высоты правого, противоположного, берега Камы, достигающие 50—60 м в близком расстоянии от реки. Против устья р. Чусовой коренной берег Камы крутым обрывом спускается непосредственно к реке. Поймы здесь пет. Местное население в дер. Турбино охотно рассказывает легенду о двух богатырях, некогда обитавших — один на Шустовой горе (против устья Чусовой), другой — на Банной горе. Эти богатыри пользовались общим топором, который они по мере надобности перекидывали с горы на гору. Легенда связывается населением с находками бронзовых орудий (в частности топоров) на Шустовой горе, где расположено известное турбинское местонахождение остатков эпохи бронзы. На Банной горе древние находки пока не найдены. Верхняя терраса южного берега покрыта лесом, изобилующим различными ягодами и грибами. Из древесных пород встречаются сосна, ель, пихта, береза, осина, ольшина, рябина. До настоящего времени в лесу достаточно дичи. Северный берег давно лишен леса. На сухом и открытом солнцу плато верхней террасы давно ведется земледелие. Недаром русские деревни появились в этих местах еще на рубеже XVI—XVII вв.

На южном берегу междуречья прочные поселения появляются позднее. Левшино обязано своим развитием удобному положению в важном для сплащиков пункте близ впадения р. Чусовой в Каму. Для сельского хозяйства, в частности для земледелия, его положение не очень удобно, и оно и сейчас там еще мало развито. А в эпоху первобытного общества, в условиях густого облесения края, склоны, открытые северным ветрам и расположенные среди леса, конечно, не могли представлять никаких удобств для примитивного земледелия.

3. ОПИСАНИЕ МЕСТА СТОЯНКИ У СТ. ЛЕВШИНО

Левшинская стоянка расположена в восточной части II террасы, примыкающей к восточному коренному «берегу» поймы. На западном продолжении этой террасы расположена значительная часть поселка Левшино и, в частности, железнодорожная станция Левшино (план, рис. 3). Стоянка начинается примерно в 700 м к северо-востоку от станции. Она, или точнее ее остатки, непосредственно прилегает с запада к железнодорожным путям. Древние культурные остатки начинают попадаться примерно в 300 м от пункта, где кончался в 1921—1932 гг. сплошной жилищный массив поселка. Прямо против главного местонахождения стоянки, но на другой стороне путей, расположена железнодорожная будка № 11.

Культурные остатки не доходят до северного конца террасы, у железнодорожного места через рч. Банную (план, рис. 1). Они обнаружены во многих пунктах указанной части террасы, преимущественно на ее наиболее возвышенном участке, поднимающемся на 1,3—2 м над остальной частью. Гуще остатки встречаются на западной стороне II террасы, следовательно в местах, прилегающих к обрыву к пойме. В общем область их распространения («ареал стоянки») занимает площадь около 300 м в длину и около 10—25 м в ширину (1932 г.). В 1925 г., когда песчаный карьер был еще менее разработан, ширина площади достигала 12—30 м. В древности она,

¹ Как выяснилось, званьинского времени.

вероятно, захватывала значительную часть нынешних железнодорожных путей. Площадь, на которой встречаются древности, ныне занимает около 6000 кв. м, первоначально она занимала не менее 10 000 кв. м.

Разумеется, этот ареал не сплошь занят культурными остатками. Участки со скоплениями культурных остатков перемежаются с участками, в настоящее время лишенными памятников. В древности, в эпоху существования стоянки, остатки человеческой деятельности залегали, конечно, гуще, чем ныне.

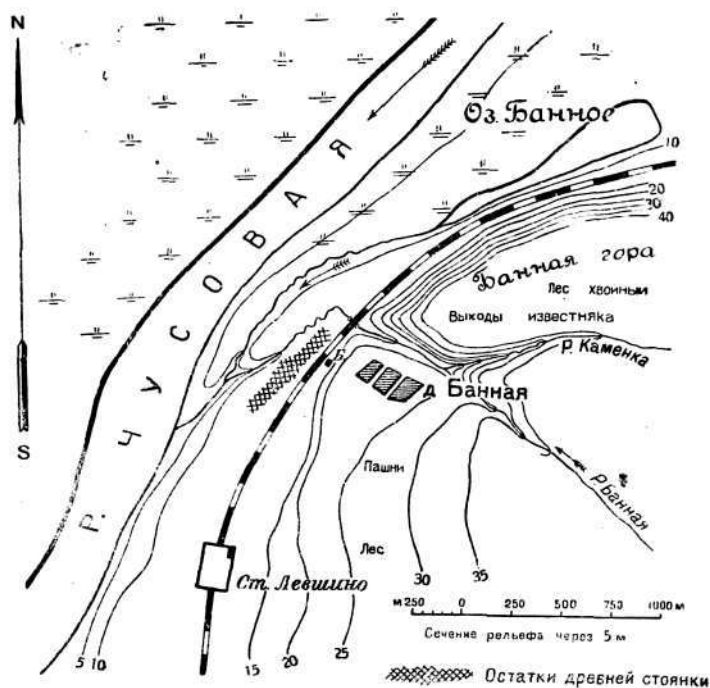

Рис. 3. План ближайших окрестностей Левшинской стоянки.

Дерево, кожа и мех, волокнистые вещества, кости, пища — все это до нас не дошло. И ныне пустые участки стоянки, возможно, отнюдь не были таковыми. На них, быть может, разворачивались те стороны общественной жизни, общественного производства, материальные остатки которых не могли сохраниться до наших дней.

Терраса в наиболее высокой части поднимается на 8.78 м над уровнем р. Чусовой и на 5.25 м над прилегающей частью поймы. Терраса не заливается в весеннее половодье. В 1923—1925 гг. на ней еще встречались редкие сосны и более многочисленные сосновые пни и росла трава-белоус. Северо-восточнее стоянки значительная часть террасы была в свое время снесена в связи с работами по сооружению железнодорожного пути во второй половине XIX в. На юго-западной части террасы, близ стоянки и отчасти на ее территории, имеются несколько построек и огороды. В 1925 г. среди них были устроены две ямы для выжигания извести. Постройки на террасе не раз переносились. Эти сооружения немало повредили древний памятник. Пойменная терраса, начиная от подножия второй террасы, несколько понижается к руслу рч. Банной, которая протекает по наиболее низкой части поймы.

Терраса сложена из песка. Стратиграфия ее следующая. Сверху песок покрыт тонким слоем дерна, перегноя и подзола. Местами перегноя и подзола нет, и трава растет прямо на песке. Глубже этого поверхностного слоя во многих пунктах залегает переходный горизонт потемненного песка бурожелтого цвета. Местами этого горизонта не заметно, и над дерном залегает непосредственно мелкий чистый песок, очевидно навеванный ветром. Начиная от глубины 13—40 см (в различных пунктах различно), на участках с культурными остатками лежит обычно довольно мощная толща мелкого потемненного песка, в котором попадаются черепки, кремневые отщепы и орудия, редкие гальки разного размера, угли, редко прослойками, зола и другие следы пребывания человека. Глубина этого слоя достигает до 50—120 см и лишь в редких случаях до 20—50 см. Ниже лежит чистый мелкий песок, лишенный культурных остатков, плотно слежавшийся и труднее поддающийся лопате, чем залегающие выше. Еще глубже, на глубине около 120—140 см (по стенке карьера), проходит прослойка редкого и мелкого галечника, до которого культурные остатки никогда не достигают. Еще глубже залегает крупнозернистый песок. (Отдельные разрезы см. на стр. 8).

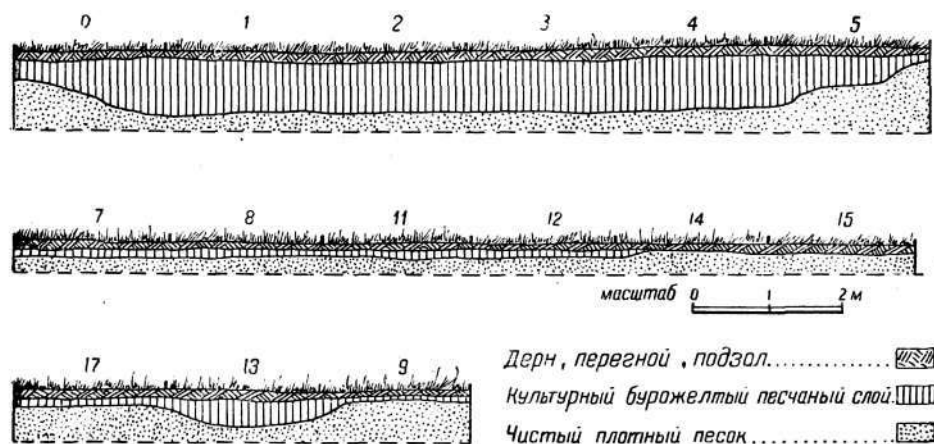

Рис. 4. Разрез местонахождения II.

Во многих местах верхние слои смешаны с обломками известняка щепою и другим современным мусором.

Культурные остатки со стороны карьера обычно залегают на глубине 15—40—60 см. Лишь в немногих местах они доходят до 100—120 см.

В эпоху существования стоянки уровень почвы был, очевидно, на 15—40—60 см ниже современного. Выше лежащий слой почвы частью навезен ветрами (например чистый мелкий песок), частью явился результатом разложения растительных и других органических остатков. Нарастание почвы примерно за 4000 лет, протекших со времени существования Левшинской стоянки, таким образом колеблется примерно между 60 и 15 см.

4. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ II

а. Описание

Раскопки местонахождения II (1925) производились в северо-восточной части наиболее высокого участка надпойменной террасы; эта часть ныне представляет ровное плато. Пункты раскопок показаны на рис. 1. Вскрыта площадь: около 60 кв. м на северо-западном крае террасы и 8 кв. м

на северо-восточном. Местонахождение II занимает обширную площадь, охватывающую, по видимому, всю возвышенную часть террасы, может быть за небольшими исключениями. Раскопки коснулись только небольшой части, в наибольшей степени подвергавшейся в то время разрушению вследствие осыпей и устройства дороги.

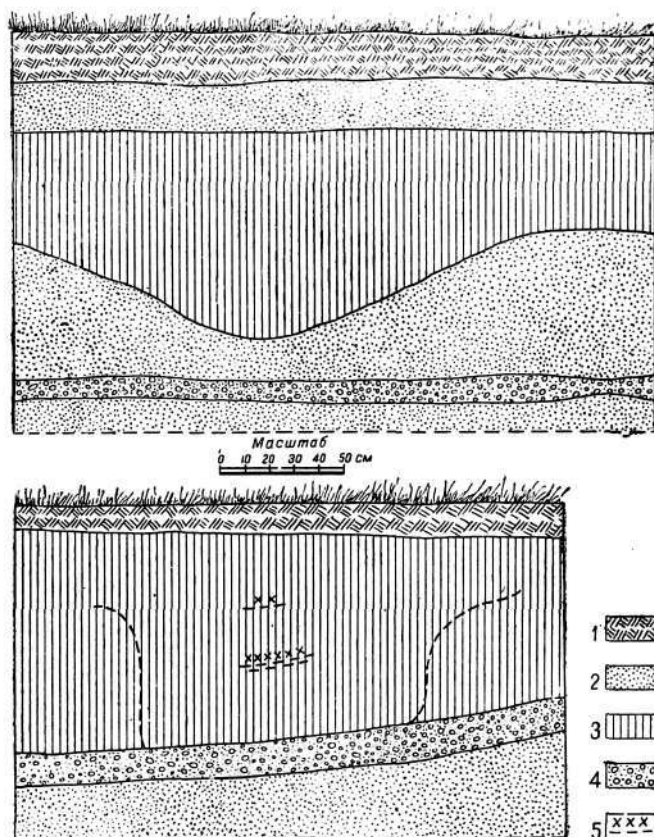

Рис. 5. Разрезы обнажений железнодорожного карьера. 1—дерн, перегной и культурные остатки; 2—чистый песок без находок; 3—слой темносерого песка с редкими культурными остатками; 4—песок с мелкой галькой; 5—фрагменты керамики.

Стратиграфия:

Юго-восточная стенка квадрата 0: дерн, перегной, подзол — 0,13 м.
Переходный буро-желтый слой, содержащий песок (в основном) и перегной до 18 см.

Темножелтый песчаный слой с культурными остатками до 57—83 см.
Глубже — материковый песок, светлый, как бы мытый, плотно слежавшийся и труднее поддающийся лопате, чем более высокие слои.

Квадрат 5	Дерн и подзол	0—11 см
(юго-восточная стенка)	Переходный буровато-коричневатый слой, в основном из песка с примесью перегной	до 14 »
	Желто-коричневый песчаный с культурными остатками	» 54 »
	Материковый песок	глубже
Квадрат 11	Дерн и перегной	0—11 см
(юго-восточная стенка)	Буровато-желтоватый с культ. остатками	до 20 »
	Белый мытый песок без культ. остатков	глубже

Квадрат 19 (юго-восточная стенка) Как квадрат 0, но «мытый» песок от 92 см¹

Для сравнения привожу 4 замера, произведенные в 1931 г. на восточной стороне возвышенной части террасы, на стенках карьера. Все 4 пункта расположены несколько ниже района раскопок (на рис. 6 между точками А и Б).

I.	Дерн и перегной	0—14—17 см
	Песок чистый, мелкий	до 39—47 »
	Песок с культ. остатками	» 57—62—92 см (до 92 см—углубление с отлогими стенками)
	Материковый песок	глубже
II.	Дерн и перегной	0—20 см
(рис. 5)	Песок чистый	до 40 »
	Песок с культ. остатками	» 80—120 см (до 120 см—углубление с отлогими стенками)

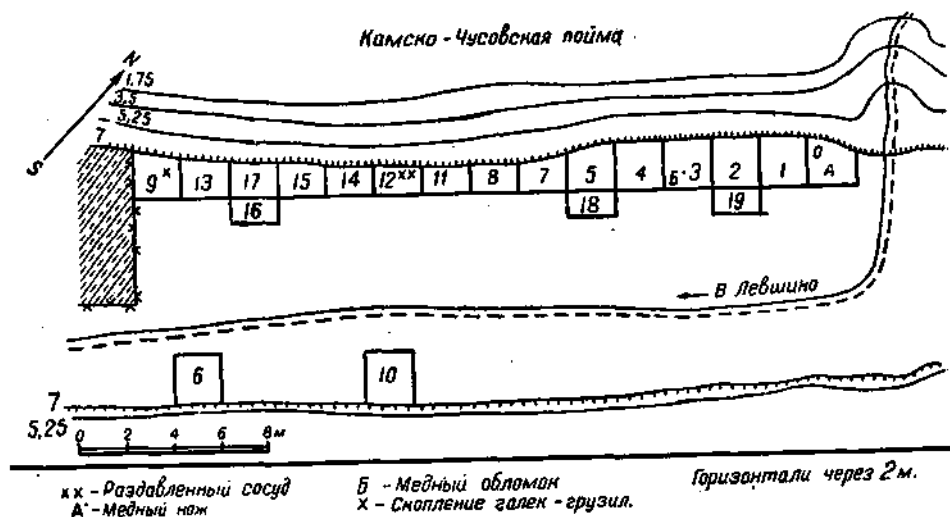

Рис. 6. Схема местонахождения II.

III.	Дерн и перегной	0—10—14 см
(рис. 5)	Песок, в средней нижней части с культурными остатками	до 83—101 »
	Материковый песок	глубже
IV.	Дерн, перегной, современные культурные остатки	0—22—36 см
	Песок с культ. остатками	до 54—58—77 см (до 77 см—углубление с отлогими стенками)
	Материковый песок	глубже
V.	Некоторые замеры на стенке карьера показывали распространение культурных остатков всего до глубины 20 см.	

Таким образом глубина лишенных культурных остатков материкового песка, считая от современной высоты почвы, оказывается весьма различной: она колеблется между 11 и 92 см в области раскопок и даже между 10 и 120 см по стенке карьера. Объяснить это можно на мой взгляд двумя способами. Во-первых, тем, что терраса во времена жизни стоянки не представляла такого ровного плато, как в наши дни. Во-вторых, тем, что древние обитатели выкапывали на террасе искусственные сооружения вроде ям или землянок. Трудно объяснимые в условиях песчаного грунта резкие переходы с 57 (55) до 83 (92) см в квадратах 0 и 5 как будто бы подтверждают второе предположение.

¹ Общую картину дает рис. 5.

б. Поквадратное описание

Квадраты северного края террасы (рис. 6)

К в. 0. Глубина находок до 75 см.

а. Штых от 0 до 40 см.¹

Черепков 17.² Кремневых орудий: 3 скребков 2 (№ 15, 16),⁴ кремневых отщепов 3.⁵ Медный нож (№ 1) на глубине 25 см в пункте А на рис. 6. Галька маленькая. Разбросанные угольки.

б. Штых от 40 до 80 см.

Черепков 9. Кремневых отщепов 6. Обломок расколотой наменной естественной плитки размером 5 × 4 см. Разбросанные угольки.

в. В том же квадрате, кроме того, найдено: черепков 6, кремневый скребок 1 (№ 5), кремневых отщепов 6.

К в. 1. Находки до 77 см.

Черепков 49. Кремневых орудий: скребков 4 (№ 8, 17, 23, 27), острие 1 (№ 45), резец 1 (№ 50), кремневая пластина 1, отщепов 18. Гальки — разбросанно. Угли на глуб. 18—63 см, разбросанно.

К в. 2. Находки до 74 см.

а. До 40 см.

Черепков 33. Кремневых орудий: скребков 2 (№ 9, 11), пилка 1 (№ 51), кремневых пластинок 1, отщепов 341, большую часть очень мелких, плоских острых «чешуек». Угли — разбросанно. Гальки мелкие — разбросанно.

б. От 40 до 80 см.

Черепков 31. Кремневых орудий: скребков 10 (№ 6, 10, 12, 18, 20, 21, 22, 24, 30, 33), скребков шлифованных 1 (№ 4), кремневых отщепов 12, большую часть «чешуя». Одна галька средней величины. Угли — разбросанно. Обломок песчаника (?) в виде плитки 5 × 2,7 × 1,5 см.

К в. 3. Находки до 92 см.

а. До 30 см.

Черепков 16. Кремневых орудий: скребков 1 (№ 25), кремневых отщепов 13. Угли — разбросанно.

б. От 30 до 45 см.

Черепков 6. Кремневых орудий: скребков 1 (№ 13), кремневых отщепов 2. Угли — разбросанно.

в. От 45 до 52 см.

Черепков 3. Кремневый отщеп 1.

г. От 52 до 95 см.

Черепков 13. Кремневых орудий: скребков 1 (№ 26), кремневых пластинок 1, отщепов 11. Обломок медного изделия (№ 2, на плане № 6 пункт Б) на глуб. 62 см. Угли — разбросанно.

д. Кроме того, в квадрате найдено: черепков 4, кремневых наконечников стрел 2 (№ 35, 36), кремневых отщепов 11.

К в. 4. Находки до 81 см.

а. До 50 см.

Черепков 19. Кремневых отщепов 4. Угли — разбросанно. Гальки разной величины, целые и расколотые — разбросанно.

б. От 50 до 85 см.

Черепков 16, из них 15 в груде на глуб. 81 см. Кремневых отщепов 1.

К в. 5. Находки до 53 см.

а. До 40 см.

Черепков 16. Кремневых орудий: скребков 3 (№ 14, 28, 31), кремневых отщепов 6. Угли в большом количестве. Кан и в кв. 7, они залегают высоко и, по видимому, недавнего происхождения.

б. От 40 до 55 см.

¹ Понятие «штых» не имеет стратиграфического значения и не совпадает с почвенными слоями.

² Здесь и в последующем учитываются только черепки размером не менее 3—4 кв. см.

³ Здесь, как и всюду в «описании», под обозначением «кремень» следует понимать не только кремнь, но и другие близкие породы, например роговик, яшму и т. д. Более точные определения даны на стр. 16 и сл.

⁴ Номера находок соответствуют номерам сокращенного редакцией «Описания отдельных орудий и сосудов».

⁵ Под «отщепами» разумеются разнообразного вида и размера осколки и обломки кремня и близких пород.

Черепков 23. Кремневых орудий: обломок кремневого наконечника стрелы (№ 37), острие 1 (№ 46), кремневых отщепов 5, пластинка 1.

К в. 7. Находки до 25 см. Угли до 45 см.

Черепков 10. Кремневых отщепов 7, нуклеус 1, пластинка 1.

К в. 8. Находки до 23 см.

Черепков 4. Кремневых орудий: наконечник дротика 1 (№ 40), кремневых отщепов 1.

К в. 9. Находки до 25 см.

Черепков 1. Кремневых орудий: скребков 2 (№ 7, 34), острие 1 (№ 41), резец 1 (№ 49), кремневых отщепов 3, пластинка 1. На глуб. 25 см скопление галек-грузил. Всего 17 галек. Место находки отмечено знаком X на рис. 6.

К в. 11. Находки до 25 см.

Черепков 8. Кремневых орудий: острие 1 (№ 48), кремневых отщепов 4, пластинка 1 (№ 52). Угли — разбросанно.

К в. 12. Находки до 23 см.

Черепков 27, из них 25 от одного сосуда в 2 скоплениях на глуб. 23 см. Кремневых орудий: скребков 2 (№ 19, 32), кремневая пластинка 1.

К в. 13. Находки до 54 см.

Черепков 8. Кремневых орудий: острый 3 (№ 42, 43, 47), кремневых отщепов 9.

К в. 14.

Кремневых отщепов 1, нуклеус 1.

К в. 15.

Кремневых отщепов 1.

К в. 16.

Находок нет.

К в. 17.

Находки до 30 см.

Кремневых отщепов 2.

К в. 18.

Черепков 2. Кремневых отщепов 3.

К в. 19. Находки до 90 см.

Черепков 39, в том числе 2 или 3, возможно сосудов, от днищ на глуб. 90 см. Кремневых отщепов 8.

Квадраты у карьера (с восточной стороны террасы).

К в. 6. Находки до 50 см.

а. До 25 см.

Черепков 12. Кремневых отщепов 9.

б. От 25 до 50 см.

Черепков 10. Обломок неопределенного глиняного предмета в виде овального пряника (с плоской нижней частью) 7 (на глуб. 31 см). Кремневых отщепов 3.

К в. 10. Находки до 53 см.

Черепков 4. Галька 1.

Кроме того, собран довольно значительный подъемный материал, преимущественно по дороге (рис. 1) и на осыпи террасы. Среди этих находок следует отметить, помимо большого числа черепков и кремневых отщепов, кремневый наконечник стрелы (№ 38), скребок (№ 29), топор плоский шлифованный диоритовый, сильно фрагментированный (№ 3).

Анализ данных дневника приводит к следующим выводам. Основная, подавляющая масса остатков обнаружена в квадратах 0—1—2—3—4—5 и смежном с ними 19 (рис. 6).

В них на площади около 25 кв. м обнаружено 303 черепка, размером 2×2 см и выше, 171 кремневый предмет, в том числе 42 орудия, 2 медных предмета (из них один нож или наконечник копья). В квадратах 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 на площади около 25 кв. м обнаружено всего 60 черепков и 47 каменных предметов (12 орудий, не считая 17 галек-грузил).

Разница получается поразительная и очень определенно сигнализирующая разные использования обоих участков. Едва ли может быть сомнение, что преимущественное сосредоточение углей, посуды, орудий, отбросов производства и т. п. указывает наличие постоянного жилья.

Но одновременны ли все эти остатки, залегающие в слое довольно значительной мощности в глубину от 15—20 до 77—92 см? Может быть они разновременны? Оказывается, что керамика, кремневые отбросы и

орудия совершенно аналогичны во всей толще. Больше того, в квадратах 0—1—2—3—4—5 культурные остатки однородного характера залегают от глубины 15—20 до 77—92 см сплошной массой, без каких-либо стерильных слоев. Это залегание, правда, не густое, но однородные остатки примерно равномерно распределяются по всей толще. Наконец, в некоторых из этих квадратов обнаружены черепки одного и того же сосуда на весьма различной глубине. Так, черепки одного и того же сосуда найдены в кв. 2 как в верхней части (до 40 см), так и в нижней (глуб. 40 см), в кв. 3 на глуб. 64 см, в кв. 4 на глуб. 26 см. Черепки другого сосуда найдены в кв. 5 (5 на глуб. более 0—40 см и 3 глубже 40—53), в кв. 4 на глуб. 0—50 см (4 черепка), в кв. 3 на глуб. 0—30 см (1 черепок). Таких примеров можно привести еще несколько. Эти данные убедительно показывают, что в квадратах 0—5 не может быть и речи о разновременности культурных остатков.

Последние относятся к той же, повидимому, не слишком длительной эпохе.

Следует подчеркнуть и другое.

В квадратах 2, 3, 4, 5, а, как показывают другие данные, также еще 0, 1 и 19, попадаются черепки одних и тех же сосудов. Мы можем, следовательно, говорить о каком-то единстве всех этих квадратов.

О том, что перед нами комплекс находок жилищного характера, свидетельствует также и ряд других моментов. Угли, например, зарегистрированы преимущественно в квадратах 0, 1, 2, 3, 4, 5. То же относится к гальке.

Как следует понимать этот «жилой комплекс»? Характер залегания остатков дает нам некоторые указания. Как уже отмечено, остатки залегают на глубине 15—92 см. В соседних квадратах, например в 7, 8, 11, 12, 14, 15, при однородности остатков глубина залегания не превышала 25 см.

Очевидно, что в квадратах 0—1—2—3—4—5 и 19 перед нами какое-то углубление, служившее жилищем. Его дно, или пол, находилось на глубине около 90 см, где начинался материковый песок. Очень вероятно, что здесь некогда была землянка.

К моменту раскопок она начиналась вплотную от края террасы. Следовательно, часть ее уже обвалилась при ежегодном подмыве террасы во время весеннего паводка. На границы землянки указывают ничтожное количество и неглубокое залегание культурных остатков в квадратах 18 и 7, а также переход от большой глубины залегания этих остатков (свыше 40 см) к значительно меньшей (около 55 см) в квадратах 0 и 5.

Размер жилища рисуется следующим образом.

К сожалению, при раскопках характер жилого комплекса не был тотчас установлен, и сейчас нам приходится ограничиваться предположениями. Повидимому, длина его не могла быть меньше 10 м, т. е. длины линии, проходящей через квадраты 0, 1, 2, 3, 4, 5. Это дает площадь не менее 40—60 кв. м при допущении, что ширина равнялась 4—6 м (меньшая ширина недопустима для данного типа жилища). При округлой форме вероятна более высокая цифра и площадь была не менее 110 кв. м. Все эти цифры не выходят из пределов известного нам о размерах «неолитических жилищ» в лесной полосе Восточной Европы.

Описанное жилище, или землянка, имело такую судьбу.

После оставления жилища обитателями различные культурные остатки, находившиеся кругом землянки, вместе с песком и обвалившимся покрытием сползли внутрь ямы. Последующие осыпи, обвалы и принесенный ветром песок окончательно заполнили углубление.

К западу от описанного жилища находятся квадраты 18, 7, 8, 11, 12. Как мы знаем, в них обнаружено ничтожное количество находок, очевидно

являвшихся отбросами жилища. В квадрате 12 скопление обломков одного сосуда¹ свидетельствует о каком-то моменте хозяйственной деятельности. Далее, в квадратах 14, 15, 17 не обнаружено почти ничего или вообще ничего. Больше находок в квадратах 13 и 9. В квадрате 9 найдены грузила. В этом пункте, неподалеку от края террасы, очевидно, хранились сети. Кремневые остатки (орудия и отщепы, 12 в кв. 13 и 9 в кв. 9) говорят о какой-то производственной деятельности, впрочем вполне естественной по соседству с местом хранения сетей. Может быть не случайно 4 из найденных 8 острий обнаружены именно здесь. Более глубокое залегание остатков в кв. 13 (до 54 см, рис. 4) свидетельствует, по видимому, о какой-то, очевидно, искусственной ямке.

Квадраты с южной стороны террасы, заложенные в разведочных целях, дают глубину культурных остатков около 50 см при более густом их залегании, чем в квадратах 7, 8 и т. д. По видимому, эти квадраты пришлились на окрестности другого «жилого комплекса».

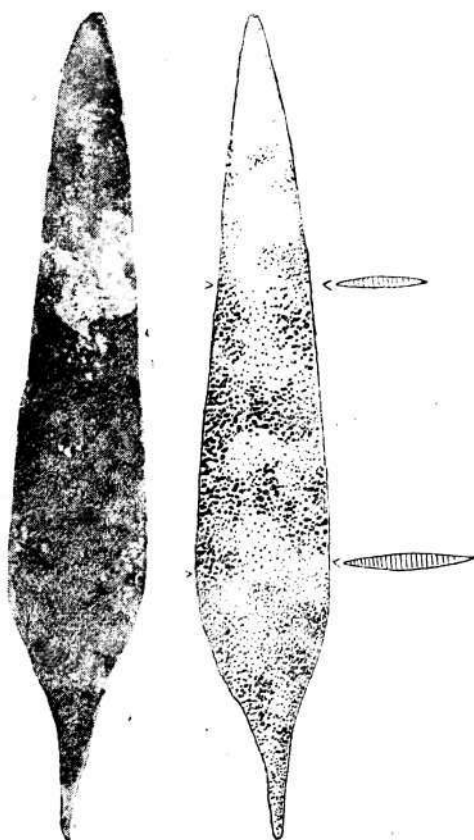

Рис. 7. Медный нож.

в. Орудия труда

1. Металлические изделия

Состав изделий точно не известен, так как анализа не производилось. Вероятнее медь, чем бронза

№	Наименование предмета	Форма	Размер	Примечание
1	Нож или наконечник копьа	Плоский обоюдо-острый	Длина 17.2 см. Толщина в среднем 0.2 см	Вероятно, кованый
2	Неопределенный обломок	Плоский, удлинённый	Длина 0.67 см, Ширина 0.15 см. Толщина 0.2 см	Возможно, кованый

Описанные предметы являются древнейшими металлическими изделиями, найденными на Урале (стр. 26). Никаких следов металлургии в Левшинской стоянке не обнаружено. Очевидно, оба изделия являются привозными.

¹ На плане рис. 6 отмечено ××.

2. Каменные шлифованные орудия¹

№	Место находки	Материал	Функция	Размеры	Примечание
3	Дорога	Порода, близкая к диориту	Обломок топора (рис. 10, левый нижний)	7,2 см	
4	Дорога	Черный кремнь	Скребок длинный, подтрапециевидный. Форма рабочего края прямая ²	2,3×2 см	Крутизна рабочего края 70°

Никаких следов обработки камня (не кремня), а также орудий шлифования на стоянке не найдено.

Таким образом количество шлифованных орудий в Левшине минимально.

3. Оббитые орудия

Огромное большинство орудий Левшинской стоянки принадлежит к числу оббитых. В их числе находятся: скребков 30, наконечников стрел 4, наконечников функционально неопределенных 2, резцов 2, острий 8, пилок 1, ножей пластинчатых 1. Итого 48.³

Обращает на себя внимание незначительный процент наконечников стрел (в сборах 1925 г. всего 4, т. е. 8%). Всех орудий, считая шлифованные (особенно если сравнить со скребками, считая шлифованный), 31, т. е. 62%. Количество топоров (1, т. е. 2%) тоже сравнительно очень незначительно.⁴

Нижеследующие таблицы детальнее познакомят нас с левшинскими орудиями, изготовленными посредством оббивки.

Скребки⁵

Форма рабочего края	Количество
угловатые	5
прямые	7
прямые с закругленными краями	7
вогнутые	2
дугобразные	10

Угол рабочего края угловатых скребков

90—130°	— 2
130—150°	— 3

Крутизна рабочего края

Крутизна рабочего края	Количество
80—90°	7
60—80°	13
35—50°	5
20—35°	6

¹ См. также стр. 22.

² Редкий пример шлифованного скребка.

³ Кроме того, в сборах 1926 и 1931 гг. скребков 3, ножевидных пластин 1. Наконеч, в собрании Теплоуховых наконечников стрел 2, ножевидных пластин 2 (стр. 22).

⁴ При подсчете приняты во внимание исключительно данные раскопок 1925 г. Прочие данные дают результаты сборов подъемного материала с других пунктов стоянки. Количественно небольшой, а в отношении старых сборов несомненно неполный, он дает слишком неточные данные и может сигнализировать лишь присутствие тех или иных видов орудий, не более.

⁵ Шлифованный скребок всюду принят во внимание.

Радиус дуги дугообразных скребков

1—2 см	— 5
2—3 »	— 0
3—4 »	— 4
6 »	— 1

Длина рабочего края	Количество
в см	
1—2	3
2—3	15
3—4	7
4—5	3
5—6	2
6—7	1

Назначение левшинских скребков, как вообще назначение орудий, в археологической литературе называемых скребками, далеко не вполне ясно. Различная форма рабочего края и различная острота его совершенно определенно указывают на различные функции, которые выполнялись этими небольшими и малозаметными орудиями. Вероятно, что многие из них действительно служили при обработке кожи.¹

Как показывают этнографические материалы, процесс обработки шкуры и кожи даже в первичных формах достаточно сложен. На разных этапах этого процесса употребляются различные орудия. Так, у североамериканского племени ассинибойн (из группы Докотани Ону), согласно Denig'у, «ружейные кремни», т. е. скребки (с которыми ружейные кремни действительно имеют некоторое сходство), употреблялись для снятия верхнего слоя внутренней поверхности кожи бизона, но не для удаления мездры, что обычно считается главной функцией скребков. Мездру и налипшие куски мяса отделяли от шкуры посредством гребневидного костяного орудия.²

Как употреблялись различные группы левшинских скребков, сказать пока трудно. Надо полагать, что «скребки» с острым лезвием (от 20 до 45°) служили скорее для резания, чем для скобления. Возможно, что они применялись, например, для удаления волос при обработке кожи. На стадии Левшинской стоянки мог еще господствовать «механический» способ удаления волос, а не употреблявшийся позднее «химический» (т. е. применение различных жидкостей и полужидких веществ).

В какой мере описанные скребки употреблялись для других работ, например при обработке дерева или кости, судить трудно.

Левшинские скребки, как, повидимому, и «ружейные кремни» ассинибойн, применялись, очевидно, без рукоятки. Они все удобны для держания в руке и не имеют специальных приспособлений для прикрепления к рукоятки.

Несомненно, что многие отщепы и пластинки, особенно с острыми краями и не слишком мелкие, служили в качестве ножей, а может быть и других орудий. Отделить отщепы, имевшие рабочее значение, от остальных не представляется возможным.

¹ В этом направлении весьма интересные данные известны этнографии. В частности у алтайцев некоторые процессы обработки кожи выполнялись без помощи орудий, посредством одних ногтей, которыми скребли внутреннюю поверхность шкуры. Скребок, т. е. орудие с дугообразным рабочим краем (обычная форма скребка), надо полагать, воспроизводит палец. Это орудие продолжает палец и усиливает его действие, воспроизводя его форму (разумеется, на первоначальном этапе развития этого орудия). Аналогичное явление, как известно, имело место, например, в отношении гребня, который в первоначальном виде воспроизводил пять пальцев руки.

² E. Denig, Indian Tribes of the Upper Missouri, 46 Annual Report of the Bureau of American Ethnology, 1928—1929, Smiths. Inst. 1930.

Технический уровень обработки кремня не был высоким. В найденном инвентаре мы не находим крупных изящных наконечников стрел строго правильной геометрической формы, обработанных тщательными равномерными фасетками, какие известны, например, на стоянках Белого моря. Орудия из более позднего местонахождения около д. Турбино, всего в 4 км от Левшинской стоянки, резко отличаются от левшинских тщательностью выработки, правильностью форм, тщательностью ретуши и фасеток. На стоянке не обнаружено хорошо полированных кремневых топоров или долот, с тонко сработанным лезвием, вроде, например, известных из приволжских стоянок.

Низкий уровень обработки кремня и других пород особенно заметен на оббитых орудиях, составляющих громадное большинство находок. Материал для них в большинстве очень плохой. Частью это речные гальки, вероятно с соседнего берега Чусовой. Частью это кремни синего или серо-синего цвета, добытые из искомого залегания, как видно по присутствию пористых включений. Частью, наконец, роговик серо-желтого цвета. На многих скребках и других орудиях сохранилась валунная корка, выдающая галечное происхождение. Синий кремень непрозрачный, плохо колющийся и плохо поддающийся тонкой обработке. Роговик, пожалуй, является лучшим из имевшихся материалов. Он более однороден по структуре, чем упомянутый синий кремень, и допускал откол длинных пластинок. Одна из пластинок, из роговика, найденных на стоянке, достигает длины 12 см. Осколки и орудия из синего кремня не достигают и половины этого размера. Речная галька, синий кремень и серо-желтый роговик являются наиболее распространенными, но отнюдь не единственными материалами оббитых орудий. На стоянке обнаружены, правда в небольшом количестве, обломки пластинок и орудия самых различных кремней синего цвета, от светлоглубого до черно-синего. Встречен черный кремень, зеленый, красный, серый. По качеству эти кремни тоже очень различны, начиная от хорошо колющегося, прозрачного и кончая трудно поддающимися обработке переходными породами к роговикам и другим кремнистым породам. Роговик тоже разнообразен; кроме серо-желтого был использован белый и розовый. Оказались также зеленая яшма и некоторые другие кремнистые породы, напоминающие кремнистый сланец.

Следующая таблица дает некоторую картину. В ней приняты во внимание и орудия и осколки из находок при раскопках 1925 г. Некоторые мелкие обломки не использованы.

Кремней синих (всех оттенков и видов) . . .	38 (около 35%)
» черных » » . . .	9
» серых » » . . .	11
» красных » » . . .	4
» желто-белых (всех оттенков и видов) .	7
» зеленых	1
» без указания цвета	2
Роговиков серо-желтых	8
» розовых	2
» серых	2
» белых	2
» без указания цвета	1
<hr/>	
Всего роговиков	15 (около 14%)
• Яшмы зеленой	1
Сланца зеленого	4
Прочих пород	18

Итого 110

Приведем еще данные по подъемному материалу сборов 1931 г.

Камень голубоватый	5	} Всего синих кремней (около 65%)
» синий блестящий	5	
» темносиний	25	} (около 33%)
» розовый	1	
Роговик серо-желтый, различных оттенков	17	
Итого	53	

Приведенные данные ярко демонстрируют чрезвычайное разнообразие каменных материалов.

Находки, например, в Турбине дают значительно меньшее разнообразие при значительно лучшем качестве. Очевидно, в распоряжении древних левшинцев не было собственных месторождений хорошего кремня. Им приходилось получать нужные материалы или путем сборов речной кремневой гальки или посредством обмена. Следует помнить, что в условиях материнского рода, на основе рыболовного хозяйства, обмен находился еще в зародышевом состоянии. Разнообразие и плохое качество каменного материала, употреблявшегося на изготовление орудий, хорошо отразило неразвитый и случайный характер обмена. Еще не существовали правильно налаженные постоянные связи, обеспечивавшие регулярный приток материала подходящего качества. Материал был плохим, но и обработка его носила тоже относительно примитивный характер. Орудия одного и того же назначения совершенно различны по форме. Достаточно сравнить друг с другом скребки или наконечники стрел. Среди них почти не найдем повторений одной и той же формы, что, как известно, весьма обычно при более развитой кремневой индустрии. Форма отдельных орудий часто очень неправильна. В этом отношении показательны не только скребки, но и некоторые наконечники стрел (рис. 14). Левшинским орудиям далеко до геометрически-правильных форм того же Турбина. Специальной обработке подвергался почти исключительно рабочий край орудия, как мы видим и на скребках, и на наконечниках стрел (рис. 14, № 5). За вычетом рабочего края поверхность не подвергается или почти не подвергается обработке мелкой ретушью. Ретушь носит беспорядочный характер. Фасетки одного и того же изделия различны по величине и разно направлены.

Размеры орудий мелкие, что, вероятно, связано с недостатком в кремне.

В целом индустрия производит впечатление убогой и технически отсталой. В соответствии с этим находится, с одной стороны, присутствие в инвентаре стоянки таких примитивных и в эпоху неолита уже отживших орудий, как резцы, с другой стороны, — отсутствие коний, топоров (обнаружен только один топор небольших размеров да обломок другого). Показателем той же технической отсталости является также почти полное отсутствие шлифованных орудий и изделий.

г. К е р а м и к а

Фрагментов глиняной посуды найдено много. Жилой комплекс дал 303 черепка (не считая мелких обломков — мельче 2×2 см), которые принадлежали не меньше чем 35 сосудам. На остальных участках местонахождения II насчитано 60 черепков, на площади около 42 кв. м.

Общее число сосудов точно установить трудно: примерно обнаружены черепки от 45—55 сосудов.

Основная, подавляющая масса глиняной посуды, сколько можно судить по обломкам, имела полую яйцевидную (или коническую, по терминологии В. А. Городцова) форму, либо с прямыми стенками, либо со стей-

камн, несколько суживающимся к горлу. Диаметр сосудов, поскольку можно было определить по относительно небольшим фрагментам венчика, колебался между 36 и 54 см. Высоту сосудов определить не удалось, но, судя по размерам диаметра, она не могла быть меньше 40—60 см. Соответственно диаметру толщина стенок тоже была довольно значительной и колебалась между 0.6 и 1.3 см, причем более обычной была ширина от 0.8 до 1 см. При этом в области горла стенки были тоньше (от 0.6 до 0.9 см), в области дна отмечена один раз толщина 1.3 см (при стенках в 0.8 см). Только в трех случаях венчик хорошо уплощен по срезу края и только в двух случаях несет узор.

Состав глины однороден. Примесь в виде мелкого песка, а иногда и мелких камешков редка. Примерно у шести сосудов по поверхности заметны четырехугольные выщерблены от каких-то выпавших частиц, возможно органического происхождения,¹ либо естественно оказавшиеся в глине, либо подмешанные искусственно. В пазоме черепок пористый, обычно несколько более светлого цвета, чем на поверхности, иногда сероватого, глинистого цвета и вида.

Черная или серо-черная середка встречается в редких случаях. Цвет «песочный», сухого песка, нередко с оранжеватым, коричневатым или красноватым оттенком (вплоть до кирпичного). Попадаются черные (не более 6) с черным налетом («нагаром») с внутренней стороны. Обжиг слабый, в пределах 650—750°; часто он был неравномерным.

Орнамент обычно покрывает всю поверхность сосуда. Господствующий орнамент — гребенчатый. Штампы были различными. Встречаются крупные и мелкие зубцы (рис. 12, 13). «Гусиный» штамп отмечен примерно в 4 случаях, причем один раз в комбинации с обычным гребенчатым узором. Ямочный орнамент отмечен только на одном сосуде. Веревочного или шнурового орнаментов нет.²

Орнамент располагается поясками. Обычен поясok из косо положенных гребешков, нередко в елочку. Встречается «передвижная» гребенка (рис. 12, верхний левый): при нанесении этого узора всякий раз передвигается только один конец гребенчатого штампа, другой же остается неподвижным. Пояски из горизонтально, в одну линию, поставленных гребенчатых отпечатков зарегистрированы два раза. Горизонтально положенный гребенчатый узор (но не вытянутый в линию) отмечен один раз. В одном случае узор состоит из наклонных линий (рис. 13, верхний средний).

Орнамент по срезу венчика, нанесенный гребенчатым штампом, отмечен тоже только один раз.

Встречены конически-просверленные отверстия. Отверстия просверливались в уже затвердевших стенках сосуда.

Только два сосуда резко выделяются среди этой массы однородной керамики. Даем их описание в начале стр. 19.

Изготавливались все сосуды посредством лепки. Некоторые пазомы ясно проходят по стыку полос, находивших в данном месте одна на другую. Поверхность хорошо сглажена. Следы сглаживания каким-то гребневидным орудием обнаружены в одном-двух случаях.

Техника изготовления сосудов не отличается, следовательно, от того, что мы знаем о неолитическом гончарном деле в Восточной Европе. Насколько почти полное отсутствие искусственных примесей может считаться примитивным признаком, сказать затруднительно. Следует помнить, что вопрос

¹ А. А. Спицын полагал, что в глину подмешивались мелко нарезанные стебли или солома.

² См. стр. 23.

№	Форма	Диаметр	Толщина стенок	Состав глины	Цвет	Орнамент	Примечание
1	Сосуд круглодонный (?), с шейкой, резко отделенной от тулова, повидимому шаровидной формы, ¹ край плоско срезан и несет гребенчатый орнамент	28—30 см	0.7 см	Поверхность густо усеяна выщерблинками и в значительной части облупилась	Песочный	Пояски из редких косе постылевых гребней	Встречены только в жилищном комплексе около 30 обломков
2	Чашка небольших размеров, край плоско срезан		0.4 см		»	Орнамент нет	2 обломка с квадратов 1 и 4

об эволюции техники лепки до сих пор почти не изучен. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие ямочного орнамента.²

В массе посуда по своим размерам, конечно, не могла служить, например, чашками для приятия пищи. Функция ее была другой. Она могла служить для приготовления пищи, а также для хранения и обработки пищевых продуктов.

Кроме перечисленных орудий и изделий, в местонахождении II обнаружено 17 галек-грузил (рис. 8). Это гальки уплощенной формы размером около $8 \times 6 \times 1.5$ см. С двух сторон у них имеется по неглубокой искусственной выбоине. В общем они повторяют обычный тип грузил для сетей, бытующих и поныне, например, на Терском берегу Кольского полуострова.

5. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ I (рис. 9)

Местонахождение I расположено южнее II (главного) местонахождения (рис. 1). Оно обнаружено на более низкой, южной части террасы, примерно в 160 м от возвышенной части и в 40 м от обрыва. Это местонахождение является самой южной известной группой остатков древнего поселения. Часть местонахождения I уничтожена при прокладке железнодорожных путей. Ареал местонахождения в сохранившихся частях около 4.5 кв. м.

Местонахождение раскопано в 1925 г. Сохранившийся участок взят целиком.

Стратиграфия:

Перегной и песок, смешанный с перегноем — до 33 см.
Чистый мелкий песок — глубже.

Находки встретились на глубине от 12 до 44 см, главным образом от 12 до 27 см. Выраженного культурного слоя не было. На многих черепках легкие следы окатки, может быть вызванные одной раз имевшим место затоплением этой части террасы. Область распространения находок показана на чертеже пунктиром.

Характерно для местонахождения отсутствие кремневых орудий и отбросов, за исключением одного осколка.

¹ Обломков плоского дна нет. Возможно, что сосуд напоминал находку на Панфиловской стоянке на Оке. Труды Владимирского обл. музея, II, 1926, табл. III, рис. 27.

² Ср., однако, рис. 13, верхний левый.

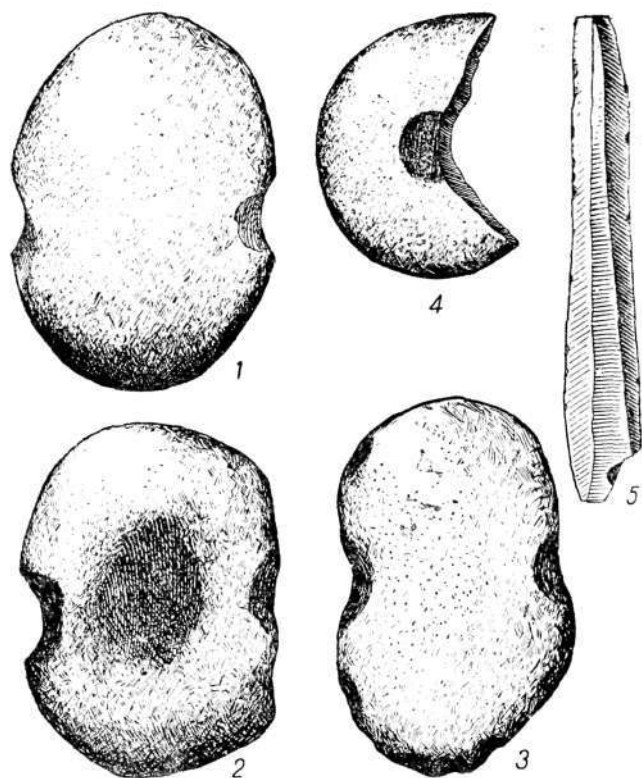
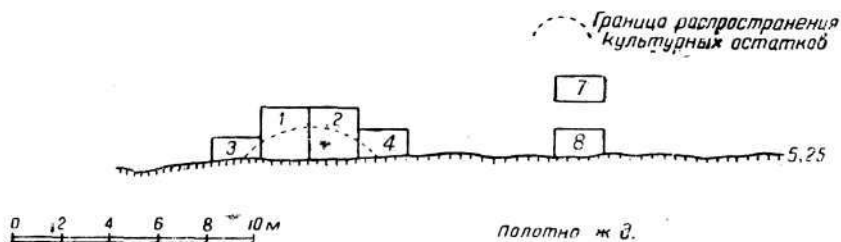
Рис. 8. Грузила и кремневый нож. $\frac{1}{3}$ н. в.

Рис. 9. Схема местонахождения I.

Данные дневника (по квадрату)

- Кв. 1. Черепков 87 (3 тонких); 1 кремневый осколок.
Тонкие черепки на глубине 17 см.
Кв. 2. Черепков 80.
Кв. 3. » 17.
Кв. 4. » 6.

В 1 м к СЗ от кв. 4 раскопан полуквадрат (№ 8) и в 1 м к СВ от последнего еще полуквадрат. Оба не дали находок. Обрез террасы у железнодорожного пути не дал находок на расстоянии около 140 м, все в низкой части террасы, за исключением квадрата 9 (в 9.30 м к СВ от № 8, полуквадрат), где обнаружено два тонких черепка.

Тонкие черепки, залегающие в менее глубоком слое и отчасти в других пунктах, чем остальные, очевидно относятся к другому, более позднему времени (стр. 23).

6. ДРУГИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

а. Юго-западный участок высокой части террасы

На высокой части террасы изыскания и сборы производились автором в 1926 г. и совместно с Н. А. Прокошевым в 1931 и 1932 гг. Они затрагивали пункты, расположенные к западу от местонахождения II.

Стратиграфические наблюдения на этом участке даны на стр. 8—9. Они указывают на более глубокое залегание слоя с находками (местами от 40 и вплоть до 120 см).

Если до глубины 80—120 см доходят только углубления, то на глубине около 55 см находки залегают очень часто. Обнаруженные углубления имеют огловые стенки. Они не превышают 1.9 м в ширину и, следовательно, не могут быть землянками. Учитывая присутствие в них культурных остатков, тем не менее можно допустить, что эти углубления связаны с жилищами. Раскопки 1934 г. (см. отчет Н. А. Прокошева) показали, что в данном пункте были кострища, очевидно связанные с жилищами.

Находки культурных остатков встречены в значительном числе в разных пунктах западного участка высокой части террасы. Они отмечены на поверхности и указывают, что во многих местах вследствие различных работ снесен поверхностный слой почвы; находки отмечены также по стенкам карьера и имеющихся искусственных углублений. Повидимому, этот участок был густо и длительно заселен и использован обитателями стоянки. В 1931—1932 гг. подобраны на западном участке: скребка 3 (кремневых, оббитых), нож 1. Нож серого роговика, сделан из пластинки. Острие и нижний край (со стороны пластинки) ретушированы.

б. Прочие местонахождения древних остатков на террасе

Помимо возвышенной части и I местонахождения на террасе обнаружены еще и другие пункты с находками древних остатков. Из них наиболее интересный расположен у кузницы (пункт III на плане, рис. 1).

Кроме фрагментов керамики, однородных с основной массой находок остатков посуды, там найдено большое число отбросов от производства в виде мелких кремневых осколков, наподобие находок в квадратах 2 и 3 II местонахождения. Возможно, что в этом пункте также находилось жилище. Как и упомянутый комплекс находок, оно было расположено близ обрыва террасы к пойме.

в. Находки 1890 г.

Описаны (без воспроизведений) Ф. А. Теплоуховым в уже упоминавшейся статье.¹ Точно место находки этих предметов установить сейчас нельзя, но, судя по описанию, несомненно, что они сделаны не на возвышенной части террасы, а в более низких местах в непосредственной близости от железнодорожных путей.² В виду трудности достать статью Ф. А. Теплоухова приводим из нее некоторые данные, необходимые для полноты наших сведений о Левшинской стоянке.

¹ См. стр. 1.

² Находки хранятся в Областном музее в Свердловске. При их описании пользовался также двумя таблицами рисунков, заготовленными Ф. А. Теплоуховым, но в печать не попавшими. Некоторые предметы поступили с собранием Теплоуховых в Пермский музей. Последние не описаны в упомянутой статье.

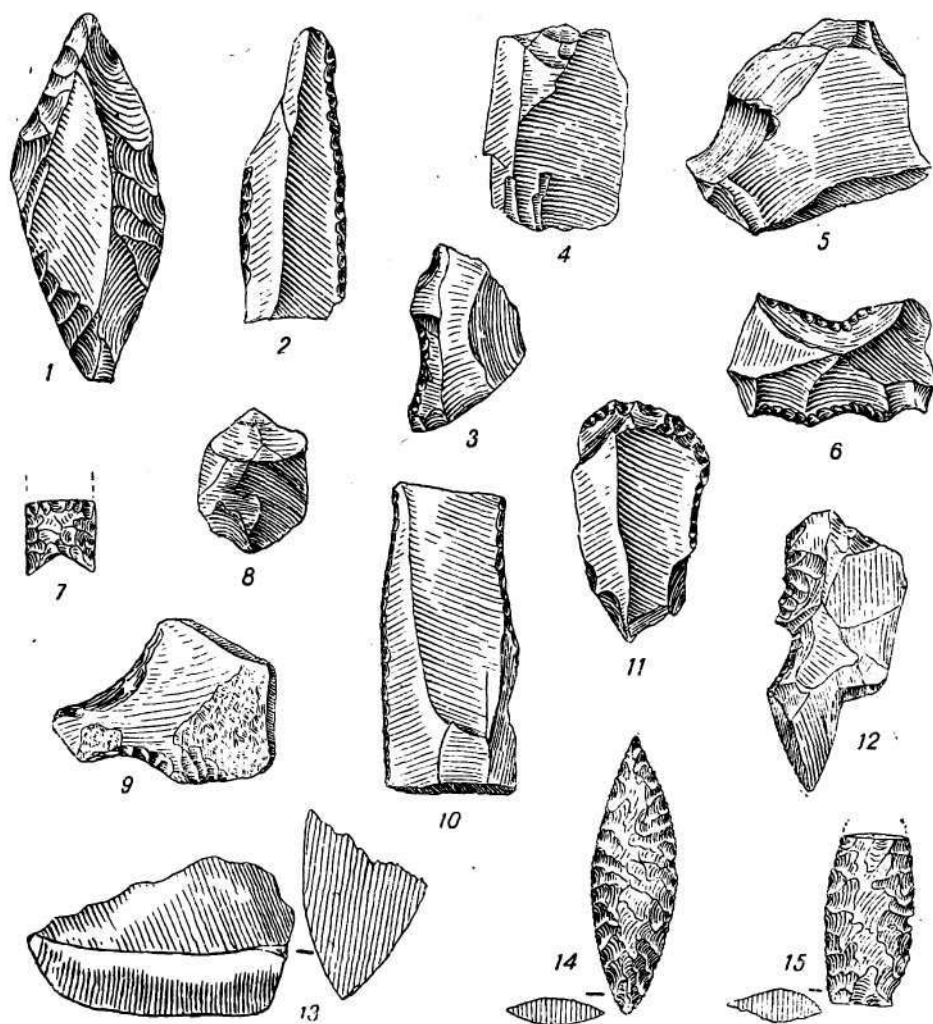

Рис. 10. Каменные орудия: 7, 14, 15 — наконечники стрел; 13 — обломок нижней части шлифованного топора; 8 — нуклеус; 11 — скребок; 1 — 6, 9, 10, 12 — ножевидные пластинки и отщепы с ретушью и следами от употребления. $\frac{3}{4}$ н. в.

г. Орудия труда

Шлифованные изделия

Обломок топора

Зеленовато-белый пятнистый камень

Обломок плоского круга булавы¹

Кварцевый песчаник

Диам. ок. 6 см, Не окончена свер-толщ. ок. 3 см лением (рис. 8, № 4)

Оббитые орудия

Наконечник стрелы, рис. 10, № 14

Синева-то-серый кремнь

Листовидный 5 см

Наконечник стрелы, обломок: средняя часть рис. 10, № 15

Бурый роговик

¹ Часть находок, судя по письму С. И. Сергеева Ф. А. Теплоухову, хранящемуся в Пермском музее, была сделана в насыпи железнодорожной ветки. Очевидно, разрушение стоянки началось уже давно.

Кроме того, 2 пластинки желто-серого кремня, длиной в 6,5 см, шириной 2,5 и 2 см, и значительное число отщепов разных размеров преимущественно желтоватого роговика и сине-серого кремня, т. е. тех же материалов, которые преобладают среди остальных левшинских находок.

Керамические остатки в одной части в общем сходны с основной массой находок, хотя обломков сосудов I и II местонахождений среди них, повидному, нет.

Другая часть не обычна для Левшина. Это обломки резко профилированной посуды. Обнаружено около 7—8 фрагментов от не менее чем 6 сосудов. По форме эти сосуды круглодонные, с шейкой, резко отделяющейся от тулова (рис. 11). По размерам они значительно меньше неолитической посуды. Соответственно толщина стенок тоньше и колеблется от 0,3 до 0,6 см. Цвет светлосесочный, на поверхности много выщерблинок. Орнамент только в верхней части сосуда. Два сосуда имеют веревочные пояски,¹

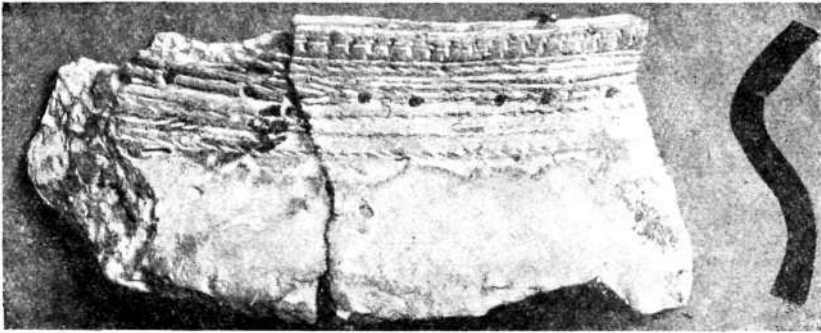

Рис. 11. Фрагмент сосуда с веревочным орнаментом. Подъемный материал.

среди которых проходит пояска из ямочек (рис. 11),² два сосуда — только пояска из ямочек, один — только веревочный пояска.

Резко выделяющиеся шейки, тонкостенность, веревочный орнамент, пояски из ямочек, размещение узора только в верхней части сосуда — все это резко отличает эту группу сосудов от остальной посуды. Лишь несколько черепков, найденных в I местонахождении, связываются с этой группой находок.³

Эта группа находок, очевидно, принадлежит совершенно другому времени. Ближе всего она напоминает пермскую посуду I тысячелетия н. э.

Судя по небольшому числу остатков, вероятно посуда оставлена из тех временных поселений, которых в I тысячелетии или, быть может, позднее было немало на устье р. Чусовой.⁴ Можно думать, что посуда принадлежала партиям охотников и рыболовов, приехавшим, быть может, издалека в некогда несомненно богатое зверем и рыбой устье р. Чусовой.

7. ДАТА ЛЕВШИНСКОЙ СТОЯНКИ

Примитивность обнаруженных орудий и других изделий ясно указывает на значительную древность стоянки. Если обратимся к другим древним поселениям близлежащего района, то увидим, что большинство окрестных

¹ Ф. А. Теплоухов, возможно, прав, когда считает, что узор нанесен мочальной веревкой. Ф. А. Теплоухов. Вещественные памятники, стр. 15.

² Пермский гос. музей, Археол. отдел, № 1729. Не описан у Теплоухова, хотя поступил с собранием Теплоуховых и носит метку «Левшино».

³ Краевой черепок 2—83 из сборов 1932 г. относится сюда же.

⁴ ИГАИМК, вып. 109, стр. 187.

памятников относится к более позднему времени. Так, не может быть сомнений, что Галкино городище, на котором обнаружены железные ножи, глиняная посуда и украшения анапийских типов, значительно моложе Левшина. Известный могильник у дер. Турбино, богатый бронзовыми изделиями, хотя и древнее Галкина, но все же свидетельствует о более высоком уровне развития производительных сил, чем Левшино.

Едва ли могут быть сомнения, что обитатели стоянки еще не знали земледелия и скотоводства. Они жили рыболовством, охотой, собирательством. Металлические изделия, обнаруженные в Левшине, являются древнейшими из всех известных металлических находок с устья р. Чусовой. Каменные орудия также весьма архаичны. Почти полное отсутствие шлифованных изделий также архаический признак. Керамика также достаточно архаична. Открытая в 1934 г. стоянка у д. В. Гарей и стоянки у оз. Грязного в основной части, судя по присутствию шлифованных изделий и по характеру керамики, являются более поздними, чем Левшино. Древнее Левшина только такая стоянка, как Гладкое,¹ где керамики вовсе не обнаружено, а орудия обладают более архаическими признаками, и может быть находки у дер. Подгалкиной, дата которых недостаточно ясна.²

В общем последовательность памятников в районе устья р. Чусовой рисуется в следующем виде (обоснование даты будет дано ниже):

Стоянка на урочище Гладком. Находки у дер. Подгалкиной . . .	Не ранее 2500 г. до н. э.
Стоянка у Левшина. Часть находок нижнего слоя стоянки у оз. Грязного (хут. Астраханцева). Местонахождение I у оз. Грязного (у Рр. 154)	Около 2000 г. до н. э.
Основная масса находок нижнего слоя стоянки у оз. Грязного (хут. Астраханцева). Стоянки у дд. В. Гарей и В. Курьи . . .	Около 1800 г. до н. э.
Погребение I 1934 г. в д. Турбино	Около 1400 г. до н. э.
Погребение 1924 г. в д. Турбино	Около 1300 г. до н. э.
Галкино городище. Селище Конец гор. Городище на р. Чумкосне	Около 700—200 гг. до н. э.
Турбинское селище. Клад у д. Турбино	Около н. э.
Находки верхнего слоя стоянки у оз. Грязного (селищенский слой)	VI—VIII вв. н. э.

Насколько длительно время существования стоянки? Если исключить заведомо поздние остатки (стр. 23), то вся остальная масса находок носит отпечаток однородности. Эти памятники, несомненно, относятся к одной эпохе, продолжительность которой могла быть довольно значительной (в пределах нескольких веков). Лишь некоторые остатки,

¹ ИГАИМК, вып. 109, стр. 187.

² А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сборн. МАЭ Акад. Наук СССР, VII, 1928.

например сосуды № 7, 16 и 17, черепки которых обнаружены в подъемном материале, повидимому, относятся к несколько более позднему времени. Но таких остатков очень мало. Учитывая находку медного обломка на значительной глубине в квадрате № 3, мы должны считать, что медные изделия одновременны основной массе находок.

Какова абсолютная дата Левшинской стоянки?

Памятники района устья р. Чусовой очень удобны для определения хронологии. Здесь на небольшом пространстве в 4—5 км в ширину сосредоточены находки, характеризующие весьма различный уровень развития производительных сил и весьма различный общественный уклад. Не может быть сомнения, что эти столь разнохарактерные памятники относятся к различным хронологическим эпохам.

Для ответа на поставленный вопрос исходным пунктом наших соображений и выводов является дата Галкина городища.

Все находки с него несомненно относятся к ананьинской эпохе. Эта эпоха жизни Прикамья в общем и целом синхронична со скифским периодом истории южных степей, следовательно относится примерно к 700—200 гг. до н. э. В эту эпоху в Прикамье уже не изготовлялись и почти не употреблялись каменные орудия.

Более ранние памятники дер. Турбина свидетельствуют об обществе, в противоположность дер. Галкино, еще не знавшем железных орудий, широко применявшем бронзовые орудия и в большом числе еще употреблявшем и изготовлявшем каменные орудия. Учитывая медленные темпы развития производительных сил в родовом обществе, в частности в лесной полосе Евразии, приходится принять, что между памятниками Галкина и Турбина прошло не менее нескольких веков. Если более древняя стоянка у оз. Грязного оставлена обществом, в основном употреблявшим только каменные орудия, то, как уже сказано, Левшинская стоянка еще примитивнее, хотя время, протекшее между эпохами существования обеих стоянок, повидимому, не так велико: возможно даже, что в известный период времени они сосуществовали.

Таким образом период, протекший между эпохой Турбина и эпохой Левшина, продолжался также не менее нескольких веков. Остается, однако, весьма вероятным, что наша стоянка относится к несколько более раннему времени. Ведь при наших суждениях мы все время берем минимальные сроки. Процесс же развития производительных сил мог идти и, вероятно, шел гораздо медленнее.

Нет ли данных для более точной датировки?

Никаких материалов естественно-исторического порядка, которые могли бы облегчить хронологические изыскания, в нашем распоряжении пока нет. Путь к более точному определению абсолютной хронологии могут дать только привозные изделия, которые могли бы быть датированы на основании хронологии района их происхождения,¹ конечно при условии, что последняя уже установлена. Нельзя забывать, что все изучаемые памятники, исключая, может быть, находки у Гладкого и у Подгалкиной, относятся к тому времени, когда в районе Средиземноморья и Передней Азии уже существовали египетское и месопотамское государства, население которых широко употребляло письменность. Для этих стран, естественно, уже имеется более или менее точно установленная абсолютная хронология.

В Левшине обнаружено два безусловно привозных изделия. Это нож и «шило» (найденное в 1934 г.). Как уже указывалось,² левшинский нож напо-

¹ А. В. Шмидт. О хронологии доклассового общества. Проблемы ист. мат. культ., 1933, № 7—8, стр. 18.

² A. Schmidt. Die Kurgane der Staniza Konstantinovskaia. E. S. A., IV 1929.

минает очень ранние металлические орудия степной полосы Восточной Европы. То же следует сказать о «шילה». Подобные ножи и шилья употреблялись, например, в левобережной Украине, начиная со времени так называемых ямных погребений, на Северном Кавказе в эпоху курганов типа Майкопа, и притом только в эту эпоху. Ножи, в частности, в последующую эпоху, так называемую эпоху катакомбных погребений, имеют уже несколько иную форму.¹

Ножи начала эпохи катакомб имеют уже несколько более развитую форму,² свидетельствующую о дальнейшем развитии производительных сил.

Шилья сохраняют старую форму — не дольше эпохи катакомб.³

Сходные ножи и шилья найдены и в Венгрии,⁴ где они встречаются в памятниках так называемой бодрог-керастурской культуры и близких к ней.

В абсолютной хронологии украинские и северокавказские находки падают, по А. В. Шмидту, на середину III тысячелетия; по Талльгрену, их дата несколько позднее (первая половина II тысячелетия до н. э.). Почему автор не считает возможным принять дату Талльгрена, указано в упомянутой статье в *E. S. A.*, IV.

Венгерские находки датируются временем около 2300 г. до н. э. Эти даты основываются в значительной мере на данных формально-типологического порядка,⁵ однако для них использовались также и факты находок вещей иноземного происхождения (в частности месопотамских, эгейских).

Специально интересующие нас изделия — ножи и шилья — имеют аналогию не только на юге Восточной Европы, но и дальше, в Передней Азии. В частности нож, совершенно сходный с левшинским, не только формой, но, повидимому, и технически,⁶ найден в одной из могил ассирийского города Ашшур, который датируется эпохой около 2300 г. до н. э.⁷ Этот нож не единичная находка.

Если европейские находки являются предметами привозными, или если они сделаны по месопотамским или вообще переднеазиатским образцам, то они могут дать опоры хронологии и соответственных памятников Северного Кавказа, Украины, Венгрии и Левшинской стоянки. Расстояние между северной Месопотамией и стоянками юга Европы, в частности Северного Кавказа, не так уже велико, чтобы можно было категорически отрицать торговый обмен и импорт месопотамских изделий на Северный Кавказ, хотя бы через посредников. А из степей Восточной Европы отдельные предметы могли попадать и на Каму даже в эпоху родового общества и слабо развитого обмена.

Таким образом возможно, что левшинские нож и шило являются степным импортом, сделанным по еще более южным образцам. Но при настоящем уровне наших знаний мы этого не можем категорически утверждать. Нам ведь неизвестно, откуда оба металлических орудия попали на Каму, хотя их южное, степное, происхождение более чем вероятно. Не доказан, а также лишь вероятно и привоз металлических орудий из Передней Азии в Восточную Европу.

¹ Ср. Tallgren, *E. S. A.*, II.

² Курганы у ст. Константиновской: Schmidt, *ук. соч.*, стр. 41. Находки Пальчика: М. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk, *E. S. A.*, IV, стр. 52.

³ Schmidt, *ук. соч.*, стр. 14, сл. По А. М. Талльгрену.

⁴ Jeno Hillebrand. Das Frühkupferzeitliche Graberfeld von Pacztaist vanhaza. *archaeologia Hungarica*, IV, 1923, стр. 30, 31. Табл. IV.

⁵ А. В. Шмидт. Проблемы ИМК. 1933, № 7—8.

⁶ Поскольку можно судить по фотографии.

⁷ Andrée. Die archaischen Ischtartempel in Assur. Taf. 60, SS. 105—106.

При таких условиях имеющийся материал дает основание только для гипотезы, хотя сама по себе дата Левшинской стоянки эпохой около 2000 г. до н. э., может быть даже несколько раньше, не представляется невероятной и не противоречит известным фактам истории Восточной Европы в эпоху родового общества.

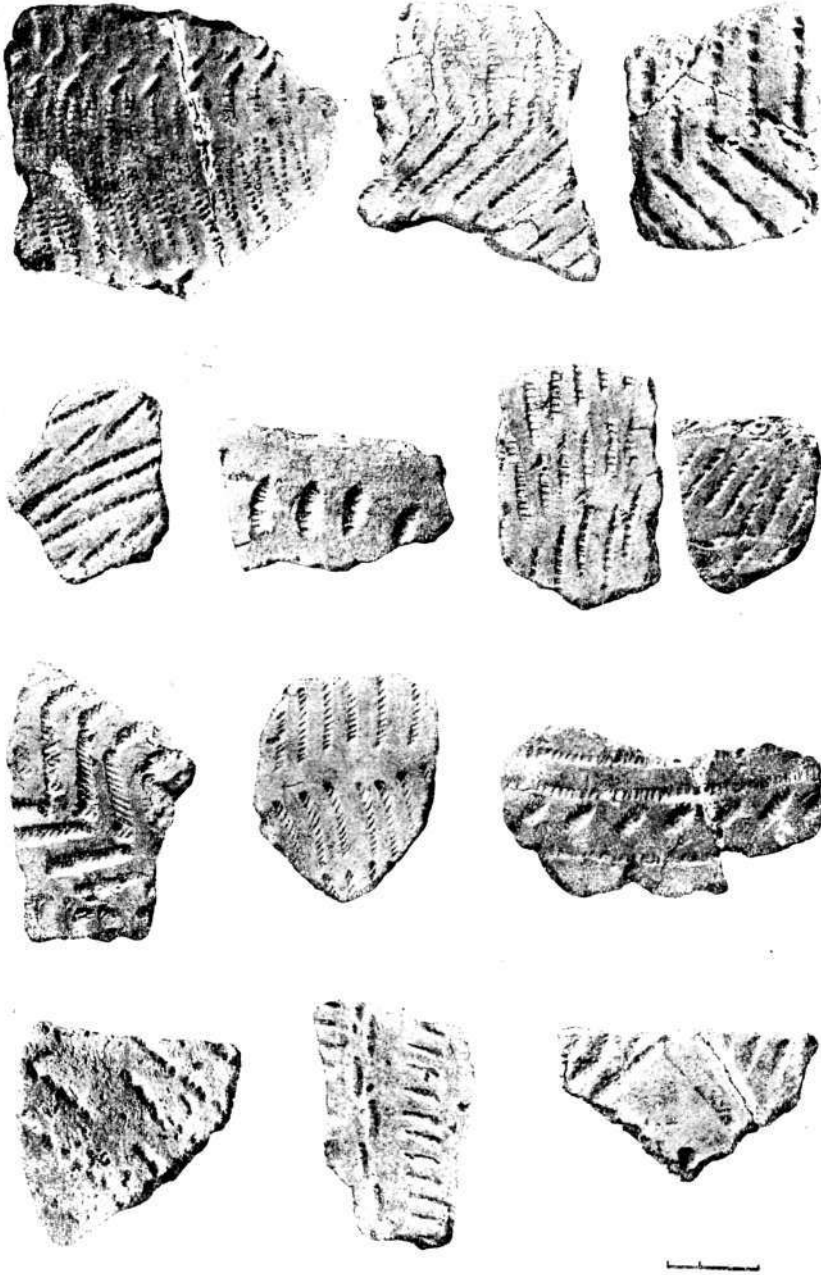

Рис. 12. Фрагменты орнаментированной керамики.

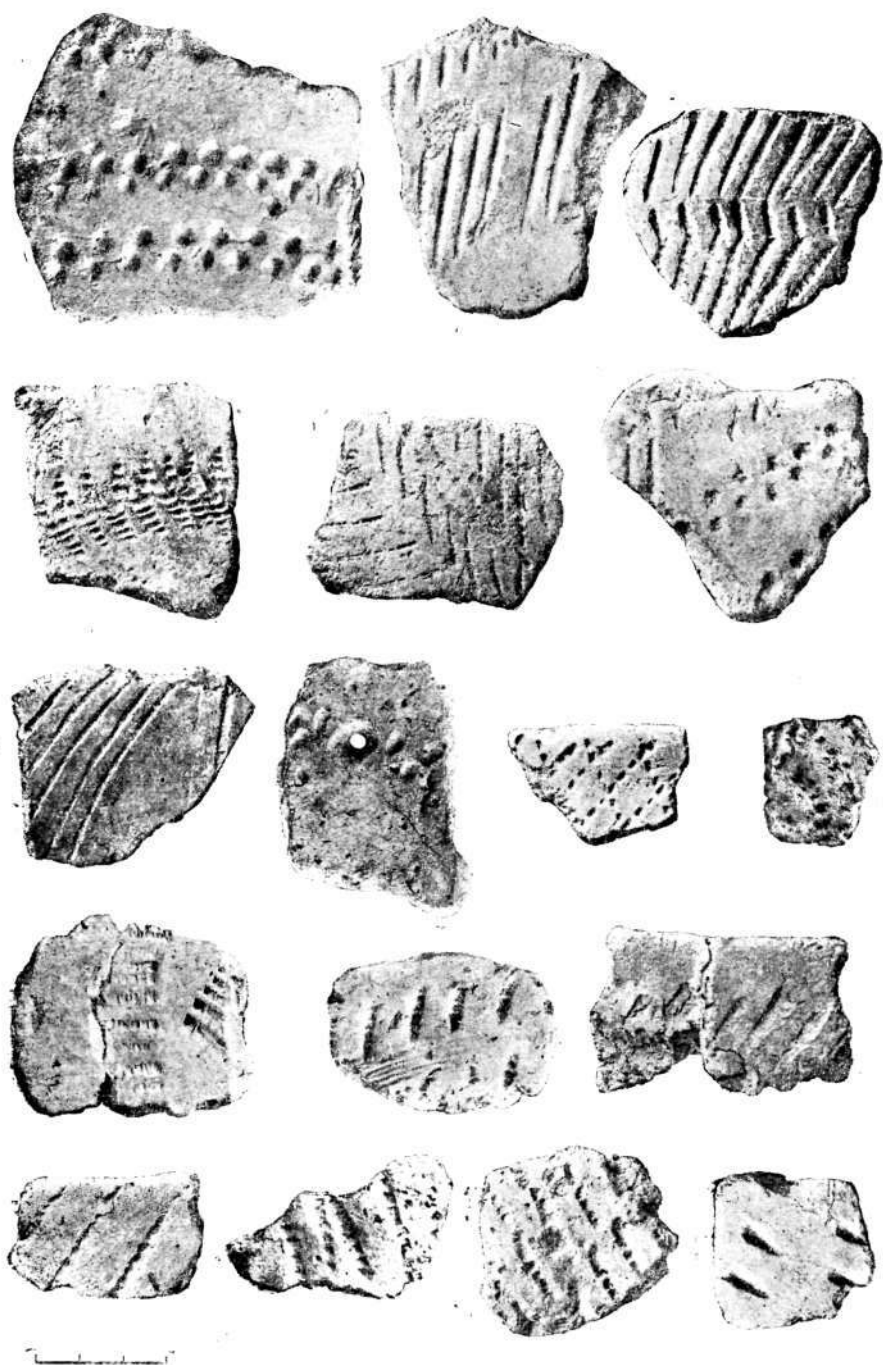
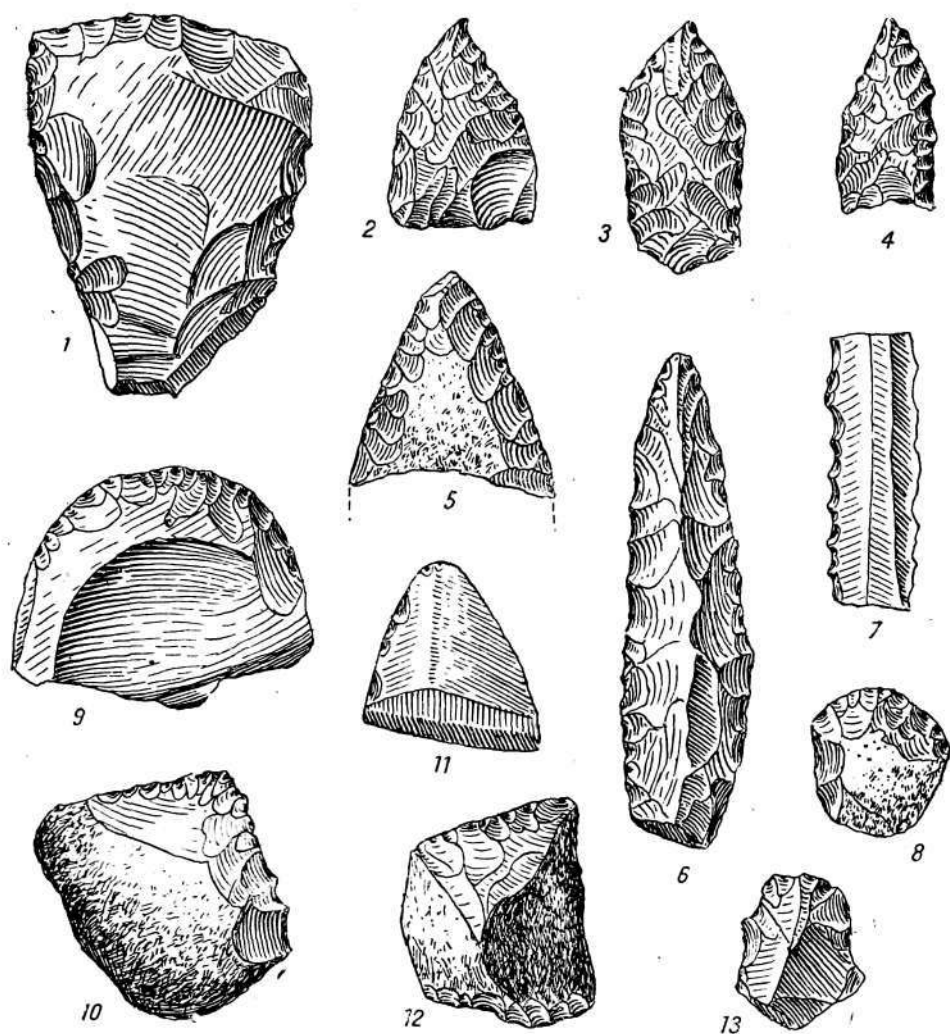

Рис 13. Фрагменты орнаментированной керамики.

Рис. 14. Кремневые орудия труда. $\frac{2}{3}$ н. в.

A. SCHMIDT

LA STATION DE LEVCHINO RÉSUMÉ

La station décrite se trouve à 16 km. de Perm, près de la station de chemin de fer Levchino. Les premières trouvailles archéologiques y ont été faites encore en 1890, mais ce n'est qu'en 1924 et 1925 que son emplacement exact put être établi par l'auteur à la suite de fouilles rationnellement exécutées, qui ont exploré une surface de 84 m.² et fourni un important matériel décrit dans le présent travail. La station de Levchino est le premier monument de l'époque néolithique récente dans la région permienne de la Kama étudié et publié d'une manière suffisamment complète. L'auteur décrit en détail les conditions extérieures du monument et donne les notes d'altitude des trouvailles au-dessus

du niveau de la Tchousovaïa, qui l'amènent à la conclusion que la station est située sur la seconde terrasse.

Le matériel recueilli consiste surtout en fragments de céramique et en instruments et éclats de silex. L'auteur examine en détail les types de ces objets. A l'époque d'existence de la station se rapportent également deux instruments de travail en cuivre trouvés au cours des fouilles: un couteau et un fragment de poinçon. L'analyse de l'outillage convainc l'auteur que ces deux dernières pièces ont été apportées des steppes du sud-est de l'Europe. Ce sont les plus anciens objets métalliques découverts dans la région de l'Oural. Les objets en cuivre et les types de la céramique et des instruments en silex permettent de dater la station de Levchino de la fin du III-e ou du début du II-e millénaire avant notre ère. La base de l'économie était la pêche, comme l'atteste clairement la trouvaille d'un nombre considérable de poids de filets sous forme de galets plats aux bords ébréchés. La situation de la station dans la région de l'embouchure de la Tchousovaïa (affluent de la Kama), près d'un grand lac poissonneux, le confirme aussi. L'énorme majorité des instruments de travail était encore en pierre et l'ensemble de la culture offre un cachet néolithique récent. En 1934 l'expédition de la Kama a de nouveau exploré la station de Levchino (sous la direction de N. Prokošev) sur toute la surface occupée par la couche archéologique et susceptible d'être fouillée. Les résultats de ces travaux seront publiés séparément.

La région de l'embouchure de la Kama présente un intérêt tout particulier, vu qu'on connaît dans les alentours un nombre considérable de monuments archéologiques d'époques diverses. Cette circonstance est fort importante pour la répartition des monuments dans leur ordre chronologique relatif et absolu, à laquelle l'auteur procède à la fin de son mémoire posthume (A. Schmidt est décédé le 23 avril 1935), qui a dû être quelque peu abrégé pour des raisons techniques.

М. Е. ФОСС

СТОЯНКА КУБЕНИНО

(На материалах Каргопольской экспедиции Московского Гос. Исторического музея 1928—1931 гг.)

Первые сведения о стоянке Кубенино относятся к восьмидесятым годам прошлого столетия. И. С. Поляков в своих «Исследованиях по каменному веку в Олонецкой губ.»¹ упоминает о раскопках, произведенных им на правом берегу р. Онеги, у истоков, там, где в нее впадает ручей Поляпостный (или Поляпочный), т. е. в местности, называемой Кубенино. «Я делал пробы, — пишет Поляков, — в разных местах и остатки встречались в почве недалеко от р. Онеги, на весьма обширной площади, так что даже удивительно, как густо была некогда заселена здешняя местность, или же, чтобы скопить на такой площади подобную массу остатков, нужно было много времени».²

Стоянка Кубенино и в дальнейшем обращала внимание исследователей и местных жителей своими древними культурными остатками, вымываемыми водой на поверхность земли. В Каргопольском музее местного края хранится коллекция, составленная из случайных находок, сделанных в Кубенино в разное время.

В 1918—1919 гг. в бассейне оз. Лача работал гидролог К. В. Марков, собравший большую коллекцию из каменных орудий и фрагментов керамики. Эта коллекция вместе с картой оз. Лача, составленной Марковым, на которой им были отмечены пункты находок древних предметов, была передана в Московский Гос. Исторический музей, где и находится в настоящее время.

В 1928 г. Московский Гос. Исторический музей направил в Каргопольский район экспедицию для проведения археологического обследования бассейна оз. Лача и раскопок мест с остатками древних поселений. В числе 11 стоянок, обнаруженных экспедицией, была и стоянка Кубенино, раскопывавшаяся в течение четырех лет, начиная с 1928 по 1931 г.³

Кубениным каргопольские жители называют местность, находящуюся на правом берегу р. Онеги, около 1.5 км от ее истоков (рис. 1). В этом месте р. Онега достигает ширины 1 км и на всем протяжении, начиная от оз. Лача (начало р. Онеги), до Каргополя и ниже до с. Надпорожского она остается широкой рекой с низменными берегами. В местности Кубенино берег р. Онеги заметно повышается над заболоченной равниной и доходит до 2.15 м над уровнем реки.⁴ В настоящее время это место имеет вид довольно сухого луга, кочковатого, заросшего кое-где кустарником, переходящим в лес, и ограниченного с одной стороны ручьем Поляпочным.

¹ Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. IX, СПб., 1882 г.

² Часть коллекции И. С. Полякова находится в Московском Гос. Историческом музее, часть в Музее антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

³ В раскопках экспедиции Гос. Историч. музея принимали участие Вологодский музей в лице научного сотрудника Е. А. Писковой и Каргопольский музей местного края в лице зав. музеем Г. П. Сергиевского.

⁴ Уровень взят в июле 1928 г.

Ни в Кубенине, ни поблизости от него жилья нет; земля здесь никогда не распаивалась, так что культурный слой стоянки, несмотря на его доступность, благодаря близкому залеганию к поверхности почвы, остался непо потревоженным, если не считать нескольких ям случайного происхождения, например в северной части стоянки, где добывался гравий. Но стоянка сильно пострадала от размывания ее водами р. Онеги. Значительная часть ее площади совершенно уничтожена, и вещи, вымытые из культурного слоя, находятся далеко от берега на дне реки. Это явление было уже отмечено в свое время Поляковым, который писал, что «Онега в общей сложности отступает здесь от своего левого берега, где благодаря этому образуются болотистые луга; местами она подмывает правый берег».¹ То же он замечает и относительно восточного берега оз. Лача: «в течение десяти—пятнадцати лет исчезали с берега целые десятины земли, служившие покосами, на место сочной травы наносился сюда песок, галька и ил или заливались водой».² Противоположно восточному «западный берег все больше и больше увеличивается, зарастает травой и мелколесьем».³

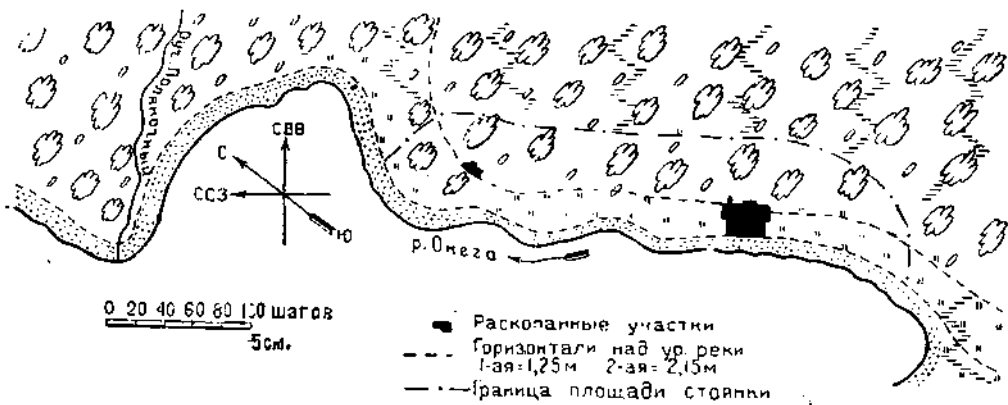

Рис. 1. План местности Кубенино.

Прав ли И. Поляков, объясняя подмывание и затопление берегов отступлением озера в восточном направлении и р. Онеги — к правому берегу? Не могут ли аналогичные явления — заболочивание низменного и размывание высокого берега — произойти вследствие общего повышения уровня воды в бассейне оз. Лача? Несомненно, что за большой период времени, истекший со времени существования стоянки, измеряемый тысячами лет, уровень воды не раз испытывал колебания в связи с изменениями климата в отношении подъема и понижения. Подмывание и затопление берегов наблюдаются и на других реках, впадающих в Лачу, например на р. Кинеме в местностях Веретье и Поново, где были также открыты следы древних поселений. Для нас особенно интересно Веретье, находящееся в 0,5 км от устья р. Кинемы, с двумя разновременными культурными наслоениями, из которых более древнее нижнее залегает в торфе ниже современного уровня реки.⁴

Очевидно, что в эпоху жизни стоянки, представлявшей собой не временное становище, а поселение, существовавшее длительный период, пло-

¹ См. ук. соч. И. Полякова, стр. 8 и 15.

² См. ук. соч.

³ См. ук. соч.

⁴ Уровень взят наименьший в сухое время года — в августе.

падь, занятая нижним Веретьем, была свободна от воды, и уровень р. Кинемы был ниже современного. Исследование же торфа,¹ в котором найдены были культурные остатки стоянки Веретье, показало, что время бытования ее в древней стадии совпадает с концом суббореального периода, характеризующегося сухим климатом и низким стоянием воды в реках и озерах. Позднее, когда климат стал более влажным, вода в р. Кинеме повысилась, затопила стоянку, и жизнь на Веретье прервалась. К этому времени относится образование осоково-топяного и осоково-лесного торфа. Затем по высыхании верхних слоев торфа, повидимому с наступлением современного или близкого к современному климата, Веретье заселилось вторично, и образовался верхний культурный слой, представляющий собою в настоящее время разложившийся торф, с культурными остатками более поздней эпохи, датированными приблизительно концом I тысячелетия до н. э.

Основываясь на сходстве археологических комплексов Кубенина и нижнего Веретья, можно предполагать одновременное существование обеих стоянок, и так как Кубенино удалено от Веретья всего лишь на расстояние 35 км к северу, то надо думать, что природные условия их не должны были чем-либо различаться. И уровень р. Онеги, как и р. Кинемы, входящей с Онегой в одну общую систему бассейна оз. Лача, должен был быть ниже современного, так что Кубенино не заливалось водой. Вероятно, кубенинский растительный и животный мир тоже ничем не отличался от Веретья, где в лесу росли сосны, березы и ели, в небольшом количестве — ольха, вяз, лиственница, дуб, и где водилось много разного зверья и птицы (из животных в изобилии были лось, бобр, медведь, куница, выдра и др.). В Кубенине при раскопках найдено много костей перечисленных животных, рассеянных по площади стоянки.

Культурные остатки Кубенинской стоянки находились непосредственно под дерновым покровом в почвенном слое, окрашенном гумусом в черный цвет, толщина которого колебалась от 0.08 до 0.45 м. Ниже под ним залегала глина ледникового образования (без находок), местами с примесью гальки, с известковым плитняком и валунами (рис. 6). Шурфы, произведенные в пизинах неподалеку от высокой части Кубенина, дали иную стратиграфию. На берегу Поляночного ручья под дерновым покровом залегал торф толщиной в 0.30—0.40 м (без находок), под ним глина с галькой. То же наблюдалось на линии, граничащей с заболоченным лугом: под дерном шел торф (без находок) или торфообразный слой, окрашенный гумусом в черный цвет (без находок или с редкими находками), ниже — глина с известковым щебнем. Благодаря шурфовке, а также траншее, перерезавшей стоянку поперек (рис. 2), доведенной почти до СВВ окраины стоянки, можно приблизительно наметить ширину полосы, занятой стоянкой в настоящее время, примерно в 50—60 м. Судя по находкам, сделанным на поверхности размытого берега, стоянка имела протяжение в длину $\frac{1}{4}$ км. Таким образом современная площадь стоянки может исчисляться приблизительно в 1500 кв. м (рис. 1, предполагаемые границы обозначены прерывистой линией и крестами). Раскопки стоянки начаты были срезом (обозначенным на плане пунктиром) вдоль волноприбойной линии, имевшей направление с ССЗ на ЮЮВ. Это и послужило основанием для ориентирования всей площади раскопок, расширившейся вглубь, в сторону СВВ, и захватившей часть стоянки от самого края (берега реки), где высота ее над уровнем воды равнялась 1.25 м, до повышения в 2.15 м, совпадающего, повидимому, судя по истощению культурного слоя, с границами ее распространения на ЮВВ. Стоянка, таким образом, занимала прибрежную полосу,

¹ М. Е. Фосс. Стоянка доисторического человека на торфяном болоте. Торфяное дело, 1934, № 6.

огibaющую залив реки, и располагалась как бы по склону повышающегося берега.

В Кубенине были произведены раскопки в двух пунктах — в первом раскопано 479 кв. м, во втором — 18 кв. м. Вся вскрытая площадь была

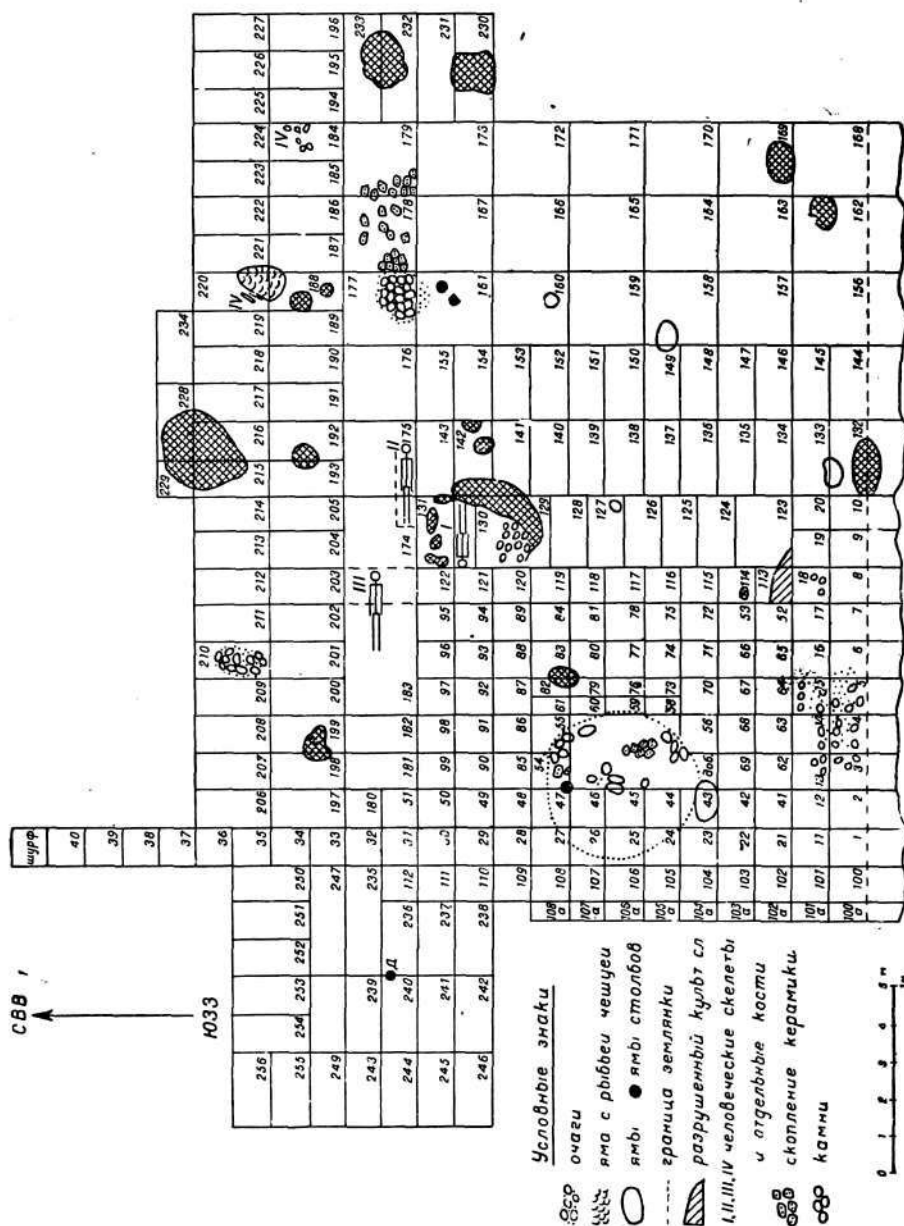

Рис. 2. План раскопок Кубенино в пункте I.

покрыта более или менее интенсивным культурным слоем. Раскопками обнаружены были: одна землянка, два кострища, два очага и много ям как естественного, так и искусственного происхождения. Самым замечательным в Кубенине было открытие на площади стоянки под культурным слоем трех человеческих погребений.

Кубенинская землянка имела вид неглубокой ямы, вырытой в глине, с неправильно округлыми очертаниями, диаметром в 3.6 м (рис. 2). Она настолько мелка, что ее можно рассматривать лишь как основание наземного жилища. Посредине землянки найдены остатки очага, состоявшие из четырех больших камней, обожженных огнем, массы угольков, фрагментов пережженных костей, кремня и фрагментов керамики. В ЮВ части землянки обнаружено скопление некрупных камней, среди них угольки, рыбы кости и чешуя. У самого края в ЮЗЗ части лежал громадный валун, размером $0.83 \times 0.60 \times 0.40$ м, положенный здесь намеренно (на что указывает находка под ним скребка), может быть, с целью укрепления стенки жилища; за ним, у внутренней стенки землянки, лежал ряд небольших камней, которые, как и другие, найденные в землянке, могли служить для установли на полу круглодонных сосудов. В восточной части землянки обнаружена яма от стоявшего здесь деревянного столба, вероятно поддерживавшего покрытие жилища. Яма, заполненная черной землей, отчетливо вырисовывалась на окружавшей желтой глине (рис. 3). Судя по очертаниям ее,

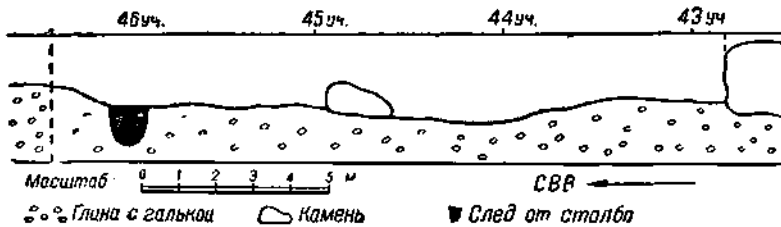

Рис. 3. Профиль землянки.

столб имел 0.20 м толщины и был с слегка округлым концом. В землянке и около нее обнаружено много вещей бытового значения. Кроме фрагментов глиняных сосудов найдены каменные, преимущественно кремневые, орудия, костяные изделия и украшения. На ряду с законченными предметами попадались и полуфабрикаты, со следами первичной обработки, осколки, нуклеусы и тому подобные отбросы, указывающие на способы изготовления изделий и подтверждающие предположение об обработке сырья на месте стоянки как в жилище, так и под открытым небом.

Среди находок в землянке оказались разнообразные скребки в количестве 27 экземпляров, 6 ножей, 2 проколки, 5 костяных шилев и обломки костяных игл, повидимому для вязания сетей. Найдены 4 долотообразных орудия из кости и 1 из кремня, 1 слепцевый топор и тесло малого размера. Из орудий, связанных с обработкой камня, найдены камни и плиты для полирования орудий в 7 экземплярах, нуклеусы, ножевидные пластинки (6 экземпляров), много кремневых осколков и 5 незаконченных кремневых орудий, 1 болванка костяной рукоятки и обломки каменных и костяных предметов. Из охотничьего инвентаря найдены 6 кремневых и костяных наконечников стрел, фрагменты костяных гарпунов и рыболовных крючков.

Найдены украшения: подвески из звериных зубов — резцов лося, бобра, клыка собаки (?) и зуба медведя (?). На ряду с примитивными украшениями были найдены украшения более тщательной отделки, например фрагментированное шиферное кольцо совершенно правильной формы с отшлифованными гранями и большая костяная подвеска полукруглой формы с орнаментом. Среди находок, произведенных в землянке, выделяется одна, небытового значения, представляющая собой глиняную фигурку, изображающую человека (табл. I, рис. 11, и табл. XI, рис. 15). Вторая подобная обнаружена неподалеку от нее, на расстоянии двух метров у самого края землянки (табл. I, рис. 13).

Эти две фигурки, а также несколько других изображений человека и животных, найденных в Кубенине, представляют материал для наблюдений над религией и культом эпохи неолита на Севере, но это — тема самостоятельного исследования,¹ и в настоящей работе, имеющей целью описание материалов кубенинских раскопок, мы не станем ее касаться.

Закончив на этом обзор находок, обнаруженных в землянке, перейдем к ознакомлению с остальными предметами, найденными на площади стоянки вне землянки.

В трех метрах к З от землянки находился костер (рис. 2, уч. 4—6 и 13—15), от которого сохранились обожженные огнем камни (в 25—30 см длины), осколки кремня, разбросанные в беспорядке, кости животных,

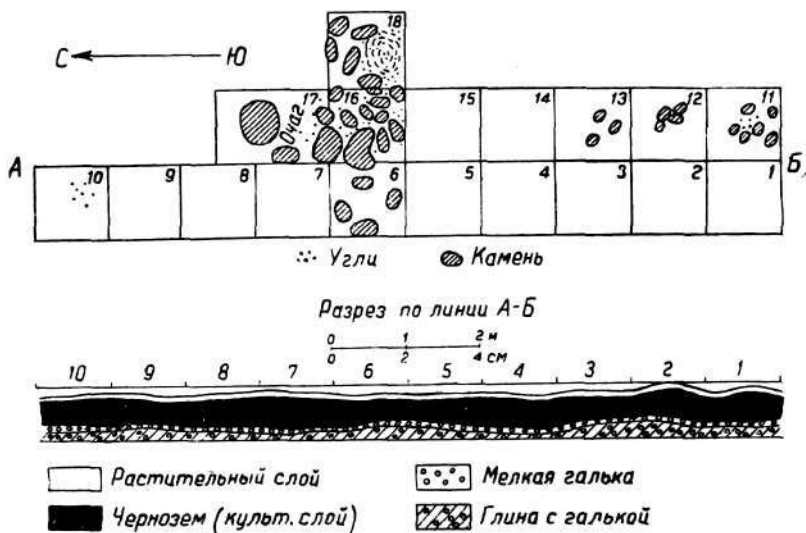

Рис. 4. План стоянки Кубенино в пункте II.

рыб и фрагменты посуды, сопровождаемые угольками и золой. Все это занимало около 6 кв. м пространства. Здесь также найдены были орудия из кремня и кости: 11 скребков, нож, скобель, фрагменты трех наконечников стрел и дротиков, 5 нуклеусов, 2 ретушера, полировальный камень и много обломков неопределенных орудий. Кострище имело вид обычный для кострищ неолитических стоянок. Присутствие в них камней объясняется не только теплоемкостью камней, важной для сохранения тепла на более долгий срок, но и использованием их в качестве подпорок при установке на костре сосудов с коническим и круглым дном. Из находок вблизи кострища особенно интересна одна — фрагмент кости (головка медвежьего бедра), на которой вырезаны знаки, похожие на рунические письма (табл. III, рис. 6).

Если бы не было огромной разницы во времени существования между теми и другими, то можно было бы сопоставить кубенинские знаки с рунами: «и», «i», «к» и их значениями — «зубр», «лед», «боль».²

Что бы ни означали кубенинские начертания, во всяком случае с уверенностью можно утверждать, что они не имеют случайного характера

¹ Автором готовится статья на тему: «Погребения на стоянке Кубенино», которая будет напечатана в Сборнике Гос. Историч. музея, вып. 1.

² Сравнение с рунами и объяснение их значения были любезно сообщены А. И. Смирницким.

паралин: линии врезаны глубоко в определенном направлении, расположение же их таково, что совершенно исключает даже отдаленное сходство с орнаментом, и мы думаем, что не ошибемся, определяя их как идеографические письмена.

Другое кострище обнаружено было ближе к восточной окраине стоянки на расстоянии 8 м от землянки. Оно занимало площадь около 2 м. Здесь, кроме сопровождавших кострище камней, сохранились золистые пятна, угольки, пережженные кости животных, рыб и фрагменты глиняных сосудов (рис. 2, уч. 210). Из вещей были найдены лишь один фрагмент костяного наконечника стрелы и один кремневый нуклеус.

На ряду с кострищами был открыт в южной части раскопок большой очаг (рис. 2, уч. 177), представлявший собой груды камней, пространство между которыми заполняла земля с большим количеством угольков и золы. В самом очаге найдены фрагмент кремневого наконечника и несколько черепков, а рядом с ним обнаружено скопление фрагментов керамики, принадлежавших одному сосуду. Фрагменты этого же сосуда были разбросаны на соседнем участке (рис. 2, уч. 178). В западном направлении, на расстоянии 1.5 м от очага, сохранились следы стоявших здесь двух столбов, служивших, как мы предполагаем, основой шалашеобразного жилища, которое могло иметь вид примитивного заслона от дождя и ветра и состояло из вертикальной стенки и односкатного покрытия. На месте стоявших столбов остались ямы, вырытые в глине, по отчетливым очертаниям которых было видно, что один столб имел круглое поперечное сечение (11 см в диаметре) и конически заостренный конец, другой был четырехгранным (10 см в поперечном сечении) со стесанным наискось концом (табл. IX, рис. 1, уч. 161). Глубина ям равнялась 0.27 м.

Еще одна яма была отмечена на глубине 0.25 м от современной поверхности (табл. IX, рис. 2, уч. 240). Судя по профилю ямы, столб имел круглое поперечное сечение (0.30 м в диаметре) и слегка заостренный конец. Глубина ямы, считая от современной поверхности, равнялась 0.55 м. Этот столб мог быть тоже основой жилища, будучи поставлен в центре шалаша, имевшего круглую форму. Но и здесь, кроме ямы, не сохранилось никаких других следов строения, и даже отсутствовали обычно сопровождающие жилище остатки кострища или очага. В настоящее время раскопано много землянок со следами столбов, устанавливавшихся внутри их для поддержания крыши. Неподалеку от Кубенина в том же году Кяргопольской экспедицией была раскопана землянка на берегу р. Кивемы в местности Попово, и на полу ее обнаружены следы двух упавших столбов: одного, подпавшего покрытие землянки у самой стенки, другого — ближе к середине.

Раскопки в Кубенине захватили довольно большой участок стоянки и, судя по находкам, центральную ее часть, где можно было ожидать открытия землянок, но никаких следов жилищ, кроме ям от столбов, не было обнаружено, и мы думаем, что в Кубенине сооружались легкие постройки на поверхности земли или с небольшим углублением пола.

На площади стоянки, кроме ям от столбов, отмечены еще 13 ям естественного происхождения, с неопределенными очертаниями, разной глубины и разных размеров. Самая большая из них (рис. 2, уч. 228—229) была глубиной в 0.55 м (считая от современной поверхности). В ней найдены две костяных подвески, наконечник стрелы, обломки гарпуна и ножа. Вторая яма (рис. 2, уч. 232—233), глубиной в 0.50 м (от совр. поверхн.), была заполнена землей с глинисто-песчаными прослойками, встречавшимися и в других местах стоянки, и прослойками с углем, толщиной в 4—5 см. Повидимому, это остатки костра с размокшей плохо обожженной керамикой, обычной примесью которой в Кубенине служила дресва.

Третья яма (рис. 2, уч. 220), тоже довольно большого размера, и четвертая около нее (рис. 2, уч. 188), небольшая, были заполнены слежавшейся рыбой чешуей, костями рыб и животных, среди которых попадались угольки. Содержимое этих ям, очевидно, было связано с вышеупомянутым очагом (рис. 2, уч. 177), расположенным всего в 2 м от них. Пятая яма (рис. 2, уч. 192), глубиной в 0.55 м (от совр. поверхности), была заполнена глиной с гумусными прослойками интенсивно черного цвета, получившимися от перегнивания органических остатков, отбросов, сваленных в яму во время бытования стоянки. Остальные ямы (рис. 2), глубиной в 0.40—0.55 м, были заполнены культурным слоем, в чем не отличающимся от покрывающего остальную площадь стоянки.

Погребения. Человеческие погребения в Кубенине были обнаружены под культурным слоем, в глине, почти посередине раскопанной площади, неподалеку от очага (рис. 2). Их было три. Скелеты найдены в неглубоких могильных ямах в совершенно необычном положении, вниз лицом, на животе, с вытянутыми нижними конечностями и согнутыми в локтях верхними, так что кисти находились под тазовыми костями. Два из них были положены головой на ЮЮВ, один — в прямо-противоположном направлении — к ССЗ. Черепа всех трех скелетов найдены в виде фрагментов.

Около первой могилы обнаружена неглубокая яма, как бы огибающая ее с Ю и ЮЮВ, а в СВВ направлении отмечено несколько сливающихся ям неопределенных очертаний. Неподалеку от могилы, к ЮЗЗ, лежали сгруженные в кучу камни, за ними возвышалась глина в виде бугра (рис. 2, I). Все это было покрыто культурным слоем, оложившимся после захоронения, содержащим в себе кости животных и слежавшуюся рыбу чешую.

Происхождение ям и кучи камней с глиной связаны с выкапыванием и засыпанием могильной ямы. Земля, заполнявшая ее, была рыхлой и почти без камней, между тем как окружающая ее глина отличалась плотностью и обилием известкового шпателька. Этими признаками и пришлось руководствоваться при определении границ могилы, так как в окраске земли, по сравнению с окружающей, никакой разницы не было. Самая могила имела вид корытообразного углубления с расплывчатыми очертаниями и слегка покатым дном, по направлению к ССЗ на ЮЮВ, отстоявшим от современной поверхности на 0.25—0.30 м. Скелет, найденный в могиле, сохранился плохо. Особенно пострадала верхняя часть туловища: череп, ключицы, ребра и верхние конечности были фрагментированы, а значительная часть костей совершенно разрушена. Лучше сохранились нижние конечности, быть может, благодаря тому, что находился несколько глубже, чем череп, прикрытый тонким слоем земли. Судя по расположению оставшихся костей, скелет имел в длину 1.50 м. Никаких вещей при нем не оказалось.

Вторая могила расположена была к В от первой (рис. 2, II). Как и в первом случае, при определении краев могилы пришлось руководствоваться лишь плотностью земли. Очертания ямы намечались на глубине 0.27 м от современной поверхности, непосредственно под культурным слоем. На дне ямы (0.40 м от поверхности) найден был скелет (рис. 5), лежащий в таком же положении, как и первый, вниз лицом, но с ориентировкой головой в противоположном направлении — на ЮЮЗ. Ниже дна могилы (на глуб. 0.50 м от поверхности) замечена была гумусная прослойка толщиной в 2—3 см, совпадающая по своим очертаниям с могильной ямой. Эту прослойку можно принять за остатки перегнившей подстилки из луба, засыпанного сверху землей, на которую был положен умерший (или же погребенный) растительный слой, если представить, что для могилы была использована естественная впадина, заросшая травой и засыпанная во время захоронения землей). Могила № 2 была с неопределенными очертаниями, и мы думаем,

что второе предположение не лишено основания. Скелет в этой могиле сохранился несравненно лучше, хотя кости верхней части туловища пострадали от происшедших здесь сдвигов почвы.¹ Правое предплечье и ключица найдены лежащими выше, чем левые; череп, ребра и другие кости были сильно фрагментированы. Скелет имел в длину 1.50 м. У его левой бедренной кости сделана чрезвычайно интересная находка — костяная человеческая фигурка (табл. I, рис. 12), лежавшая в таком же положении, как и кубенинские скелеты, вниз лицом. Она была фрагментирована, но отдельные ее части — голова, туловище, две ноги — расположены были так, что составляли целую фигурку. Очевидно, фигурка разломалась на части от длительного пребывания в могиле под тяжестью земли.

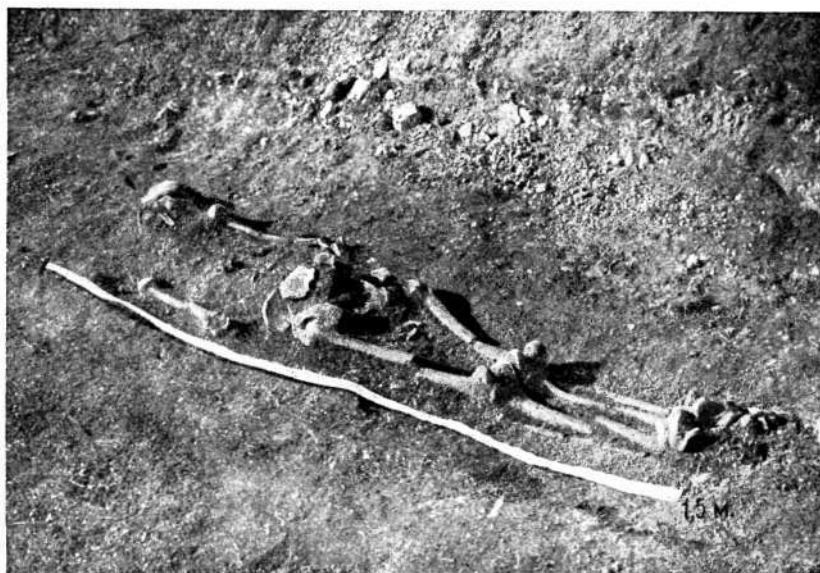

Рис. 5. Погребение № 2.

Факт нахождения этой фигурки в могиле особенно интересен тем, что определяет значение других фигурок, изображающих человека, найденных в Кубенине на ряду с бытовыми вещами в культурном слое. Их следует интерпретировать как предметы культа, предметы, связанные с религией.

Кроме фигурки, в могиле найдены были следующие предметы: слева от тазовых костей лежали две подвески, служившие украшением пояса или амулетами, сверху на тазовых костях найдены фрагменты костяного шила, у правой берцовой кости найдено второе шило, тоже костяное, с обломанным концом; неподалеку от ступни лежало третье шило.

За пределами могилы, недалеко от ее края, была обнаружена также интересная находка — фрагмент схематического изображения ноги с копыт-том (табл. I, рис. 16).

Инвентарь и небольшой размер скелета дают основание предполагать захоронение здесь женщины.

Третий скелет находился поблизости от первых двух в направлении к С. Он обнаружен также под культурным слоем в неглубокой яме с неяс-

¹ Погребение № 2 было вырезано вместе с землей и передано в Центральный антирелигиозный музей.

ными очертаниями (глуб. 0.25—0.40 м от совр. поверхн.). Дно могилы было густо засыпано темнокрасной охрой, местами попадались кусочки углей и зола. Кости скелета, хорошо сохранившиеся, приобрели красно-коричневый цвет от посыпки умершего при захоронении охрой. Скелет найден лежащим тоже вниз лицом, на животе, с вытянутыми нижними конечностями и согнутыми в локтях верхними. Череп был фрагментирован. Длина скелета доходила до 1.93 м (рис. 6).

В этой могиле найдено много вещей; у черепа слева — фрагмент кремневого наконечника копья, обращенного острием к виску, другой фрагмент этого же наконечника обнаружен под черепом; у правого виска — костя-

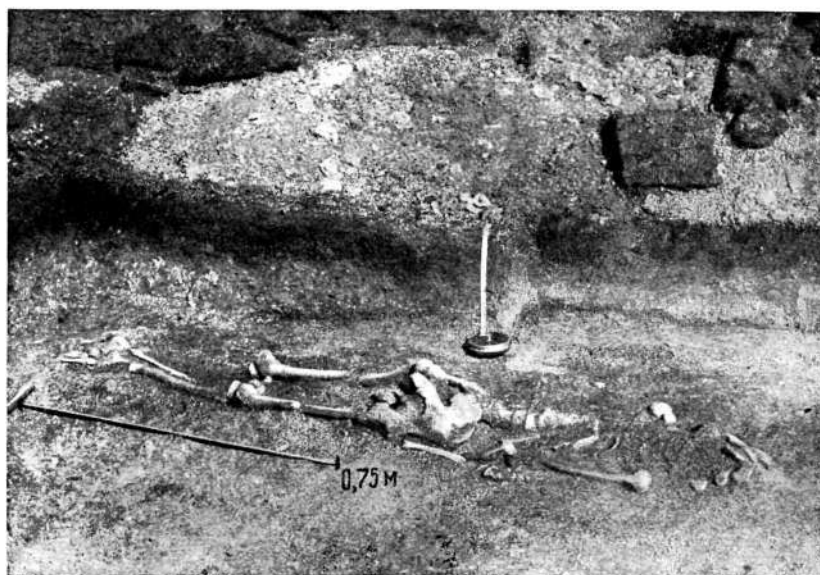

Рис. 6. Погребение № 3.

ной наконечник стрелы стилевидной формы; в области шеи найдено пять подвесок, лежавших в виде ожерелья. Первая справа — в виде головы лебеда (?), вторая — слегка изогнутая, удлинённой формы, как бы с копытцем на конце, третья напоминала по форме костяное шило, четвертая — в виде кочедыка из грифельной кости и пятая — трубчатая птичья кость. В области поясничных позвонков, у предплечья правой руки, найден наконечник стрелы стилевидной формы. Такой же наконечник лежал на тазовых костях сверху. Под тазовыми костями найдены 29 бляшек из резцов бобра и фрагменты челюстей куницы и выдры, представлявшие украшение пояса и прикреплявшиеся, повидимому, на ремне. Там же обнаружена роговая рукоятка с фрагментами костяного шила и ножа. Справа от тазовых костей найдено костяное долото крупного размера, а рядом с ним фигурка из рога, без рук и без ног, состоящая из туловища и головы. У левой бедренной кости найдена фрагментированная пластинчатая подвеска с резным узором, а у берцовой — расколота вдоль трубчатая кость какого-то крупного животного и коготь медведя, представляющие, повидимому, остатки пищи, положенной вместе с умершим в могилу. И могильный инвентарь и самый скелет указывают на захоронение в этой могиле мужчины-охотника, занимавшего, повидимому, при жизни выдающееся положение в обществе (табл. II, рис. 1—7).

Кроме погребений, на стоянке Кубенино находились и разрозненные человеческие кости. В первом пункте раскопок на глубине 0.24 м от поверхности обнаружены фрагменты черепа, предплечья и бедра на расстоянии 3 м от очага. Во втором пункте на глубине 0.20 м от поверхности найдены фрагмент человеческой челюсти, в 2 м от очага, и фрагмент черепа (часть теменной кости) — у самого очага. Эти кости по определению, произведенному в Антропологическом институте Московского Гос. университета, принадлежали женскому скелету. Подобные находки не раз имели место в раскопках неолитических стоянок, и присутствие их у очагов нередко объяснялось антропофагией. В настоящее время, после открытия погребений на стоянках в Кубенино и Языкове,¹ совершенно ясно, что предположение о людоедстве было необоснованным, так как никаких других данных, кроме находок отдельных человеческих костей в культурном слое, не было, и что следует рассматривать их скорее всего как остатки разрушенных погребений.

Действительно, в Кубенино глубина могил была настолько незначительной, так тонок был слой земли, покрывающий скелеты, что малейшая случайность, как, например, размывание водой, рытье земли животными и т. п., могла быть причиной повреждения и разрушения погребений. Так как на неолитических стоянках, как и в Кубенино, погребения бываюи расположены поблизости от очагов, то и остатки их, в виде отдельных костей, находятся у очагов.

Заканчивая обзор результатов раскопок в первом пункте Кубенина, необходимо добавить несколько слов о характере распространения находок на площади стоянки. Как уже отмечалось выше, интенсивность культурного слоя уменьшалась по мере удаления от реки в сторону СВВ. Сравнительно мало было их и на участках южной части раскопок. Больше всего находок было обнаружено в центральной части, около землянки и у кострища № 1. Здесь на один квадратный метр приходилось в среднем 10 предметов, не считая фрагментов керамики, по мере же удаления от этого места к окраинам количество найденных предметов уменьшалось почти вдвое. Очевидно, жизнь в Кубенино сосредоточивалась главным образом посередине раскопанной части стоянки. В южной части раскопа открыто место, где, повидимому, производилась главным образом работа по изготовлению каменных полпрованных орудий. Здесь найдено много полировальных плит и камней, среди которых один выделяется по своим размерам (вес его доходит до 90 кг); найдены целые орудия и незаконченные изделия из сланца, а также различные отбросы производства.

Второй пункт раскопок был намечен ближе к Полянскому ручью в местности, где, по описанию К. В. Маркова,² сохранились будто бы следы древних жилищ-землянок с очагами. Эта часть стоянки заросла кустарником, среди которого виднелась ямы с громадными валунами на дне. При обследовании места и по расспросам каргопольских жителей удалось выяснить, что культурный слой был нарушен в недавнее время и что ямы вырыты здесь при добывании гальки для ремонта дороги. По всей вероятности, К. В. Марков был введен в заблуждение неровностью рельефа местности и принял ямы за землянки, а крупные валуны, оставшиеся внутри ям, — за очаги. Правильность наших предположений была проверена двумя шурфами, произведенными неподалеку от этих ям у современного рыбацкого очага, существующего в течение десятилетий на одном месте,

¹ Раскопки Б. С. Жукова в Калужинской области близ с. Языкова. О. Н. Бадер. Археологические работы у дер. Языково. . . , см. Антропол. журн., т. 2, 1936.

² Отчет К. В. Маркова находится в архиве Гос. Историч. музея.

среди больших валунов. Земля в шурфах оказалась перемешанной с песком и галькой, и древние предметы — кремневые орудия и керамика, попадавшие в ней, — находились вместе с современными железными вещами — гвоздями, крючками и т. п.

Раскопки во втором пункте были произведены несколько поодаль от перерытого участка, там, где место было свободно от растительности (рис. 4). Площадь раскопок в этом пункте равняется 18 кв. м. Стратиграфия отличалась от первого пункта тем, что под слоем почвы залегала прослойка толщиной от 5 до 10 см, из мелкой гальки, местами перемешанной с желтым песком, а затем уже шла глина с известковым плитняком. Находки сосредоточивались в почвенном слое, толщина которого доходила здесь до 0.35—0.50 м, и только иногда попадались в подстилающей галечной прослойке, в глине же совершенно отсутствовали. Почти по всей площади рассеяны были угольки, обожженные огнем кремневые осколки, камни и кости. Раскопками была вскрыта часть стоянки с большим очагом, устроенным среди беспорядочно лежавших валунов, занимавших около 4 кв. м площади и нагроможденных в высоту до 0.40 м (рис. 6). Самые крупные из них имели 0.20—0.30 м в длину, остальные — 0.05—0.1 м. Камни настолько перегорели в огне, что раскалывались от прикосновения на части. Земля, лежавшая между камнями очага, была перемешана с золой, угольками и отличалась большой плотностью; в ней найдены обломки костей, керамики и кости животных. К В от очага обнаружена была яма глубиной в 0.15 м (0.30 м от поверхности), размером 0.50 × 0.50 м, заполненная слезавшейся рыбьей чешуей и костями. Неподалеку найдено много фрагментов одного большого сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, попадавших на всем протяжении культурного слоя, начиная с 0.08 и до 0.50 м глубины от поверхности.

Мощность культурного слоя второго пункта превосходила первый, и количество находок здесь пропорционально увеличилось. В среднем на одном квадратном метре находилось 15 предметов, не считая керамikki. Из них самыми интересными были скульптурные изделия из глины, фрагменты изображений человека и животных (табл. I, рис. 7, 10). Среди костяных предметов, сохранившихся большей частью в виде фрагментов, выделяется один, имеющий плоскую овальную форму и хорошо отполированную поверхность. Назначение его остается невыясненным (табл. III, рис. 2).

При сравнении комплексов предметов обоих пунктов наблюдается полная однородность их: та же керамика, те же орудия, одинаковые приемы обработки камня, кости и глины. Принимая во внимание и одинаковые условия залегания находок в культурном слое, совершенно очевидно, что хронологических несоответствий между первым и вторым пунктами не было.

Выше была отмечена большая мощность культурного слоя по сравнению с остальной частью стоянки, но мы затрудняемся объяснить причину этого. Можно было бы предположить, что во втором пункте, расположенном в наиболее высоком месте Кубенина, куда в период повышения уровня р. Онеги вода не доходила, жизнь продолжалась дольше, чем на остальной площади стоянки, и что соответственно с временем должна была возрастать и толщина культурного слоя. Но состав инвентаря находок, целиком совпадающий с первым пунктом, не дающий предметов, выходящих по времени за пределы кубенинского комплекса, исключает это предположение. Можно также предположить, что во втором пункте процесс образования культурного слоя шел вследствие каких-либо особенностей природных условий, например мягкости или сырости почвы, ускоренным темпом: находки фрагментов, принадлежащих одному сосуду и обнаруженных на разной глубине, начиная от самого верха культурного слоя до его низа, указывают на легкое проникновение упавших на поверхность предметов вглубь.

В общей сложности раскопками в обоих пунктах Кубенино найдено 2780 предметов, не считая фрагментов керамики, осколков кремня и костей животных. Из них 2516 — в первом пункте и 264 — во втором. Главная часть находок приходится на каменные изделия, костяные представлены в меньшем количестве и несравненно худшей сохранности. Материалом для каменных изделий служил главным образом валунный пестрый кремнь, реже — сланец, гранит и песчаник. Кремнь в Кубенино преимущественно коричневого, красного и желтого цветов, сланец, характерный для Олонецкого края, зеленовато-серого цвета. Орудия приготовлены из сердцевины кремневых желваков, иногда с частично сохранившейся коркой.

Многочисленный и разнообразный материал Кубенинской стоянки в основном распадается на две группы: предметы быта и предметы искусства; часть последних связана с религиозным культом. Кроме того, необходимо отметить, что комплекс предметов Кубенино объединяет разновременные группы, относящиеся к более ранней и более поздней стадиям существования стоянки, характеризуя ее на протяжении длительного отрезка времени. Это можно проследить и по каменным орудиям, среди которых выделяются, на ряду с поздними типами, древние, и по керамике, главным образом по орнаментике и форме сосудов.

Орудия. Значительную часть бытовых предметов составляют орудия охоты. На стоянке найдено 285 наконечников стрел, дротиков и и копий, из них 242 сделаны из кремня и 43 — из кости. Наконечников копий и дротиков мало, и все они, судя по сохранившимся фрагментам, имели листовидную форму. Наконечники стрел представлены в большом количестве различными типами, отличающимися по величине и по форме (табл. V, рис. 1, 4—5, 11—16, 20—23). Самым распространенным типом среди них является листовидный, реже встречается треугольный, ромбический, черешковый и ланцетовидный. Размеры листовидных колеблются от 6.2 до 2.0 см, треугольных — от 5.0 до 1.9 см, ромбических — от 6.3 до 3.0 см, черешковых — от 10.2 до 2.8 см, ланцетовидных — 6.0 см. Изготовлены обычно наконечники из осколков кремня с ретушью по всей поверхности, со вторичной подправкой по краю. Иногда наконечники обработаны особым приемом, широко применявшимся в скандинавских неолитических культурах и у нас на Беломорье, сообщавшим лезвию пильчатые края. Попадаются наконечники и древних типов, изготовленные из ножовидных пластин, ретушированные по краю (табл. V, рис. 12, 20). В южных областях и средней части Восточной Европы они характерны для стоянок ранней стадии неолита, и в Северном крае подобные наконечники должны быть также отнесены к древнему периоду существования стоянок. Основанием этому служит обнаружение их в комплексе предметов нижнего Веретья, относящемся к концу суббореального периода.¹

Характерными для стоянки Кубенино, как и для других северных стоянок (в бассейне Лача, Вожа, Белоозера и т. п., а также по берегам Белого моря) являются обычно находимые в большом количестве наконечники листовидной формы, получившей широкое распространение в Волго-Окском и междуречье в эпоху позднего неолита.

В отношении датировок очень мало дают костяные наконечники стрел, сохранившиеся в Кубенино большей частью фрагментированными, по все же, при сравнении их с найденными в нижнем Веретье, Волго-Окском районе и на Урале, можно извлечь ряд признаков, характеризующих позднюю стадию неолита и начало бронзовой эпохи. В Кубенино найдены накопечники

¹ См. Коллекцию Гос. Историч. музея и «Торфяное дело», 1934, № 6, статью М. Е. Фосс.

черешковые, стилевидные, ланцетовидные, четырех- и трехгранные (табл. IV, рис. 10, 11, 15, 17).

Орудия охоты Кубенинской стоянки не ограничиваются наконечниками стрел, дротиков и копий. На ряду с ними есть гарпуны, дошедшие до нас большей частью фрагментированными (23 экземпляра), и рыболовные крючки. Гарпуны различаются между собой не только размерами, но и устройством зубцов (табл. V, рис. 2—7).

Имеются наконечники с крупными и редко расставленными зубцами, с мелкими или среднего размера частыми зубцами или с едва намечающимися. Попадаются и с одним зубцом, расположенным у верхнего конца орудия. Есть и такие, у которых зубцы заменены зарубками, идущими в ряд по краю лезвия, или вместо них вставлены кремневые вкладыши в специально сделанный для этого желобок, идущий вдоль лезвия. Орудия с кремневыми зубцами, укреплявшимися в желобке с помощью смолы, пользовались широким распространением повсеместно, на протяжении очень длительного отрезка времени, начиная с конца палеолита,¹ в течение всего неолита² и в эпоху бронзы.³

Судя по устройству нижнего конца гарпунов, крепление их с деревом производилось, как и у наконечников стрел, наглухо. Какие-либо признаки, указывающие на подвижное крепление, посредством шнура, отсутствуют. Только в двух случаях можно предполагать о привязывании наконечников к дереву или шнуру.

Из орудий рыболовства имеются рыболовные крючки, простые, сделанные целиком из кости, и составные из двух частей — грузила, каменного или костяного, и собственно крючка или зубца. Найдено 3 простых крючка и 16 частей составных (табл. IV, рис. 8, 12—13, 14, 16, 18). Все крючки небольшого размера, причем у некоторых в верхнем конце сделана зарубка для привязки шнура. Грузила и зубцы имеют суженные концы, которые прикладывались друг к другу при соединении вместе и обматывались шнуром. Подобного типа рыболовные крючки находились на охотничье-рыболовецких стоянках неолита и ранней бронзы в разных местах: на многих стоянках Финляндии,⁴ в Карелии на р. Выг,⁵ в Западной Сибири и др.

Возможно, что так называемые привески, сделанные из кости, типа изображенных на табл. II, рис. 9, тоже служили грузилами рыболовных крючков.

Кроме того, в Кубенине найдены еще грузила для сетей (2 экземпляра), сделанные из глины, шарообразной формы с отверстием посредине.

Инвентарь орудий Кубенина, связанных с обработкой сырых материалов, очень разнообразен.

Найдены пилы, применявшиеся преимущественно при обработке дерева, — тесла (в 30 экземплярах) и топоры (2 экземпляра), изготовленные из мягких пород камня — кристаллических и глинистых сланцев, легко поддававшихся обработке. Первые отличаются от вторых асимметричным профилем (табл. III, рис. 1, 4) и способом крепления с рукояткой, к которой бок тесла прикреплялся в поперечном направлении к ее оси, так что получалось орудие с поперечным лезвием.

¹ В Мезине найден костяной наконечник с пазами для вкладышей.

² Находки костяных орудий с пазами и микролитических нуклеусов в Волго-Онском междуречье, Северном крае, на Урале и в других местах.

³ См. коллекции микролитов на стоянках «поздней бронзы» в Курской обл., Уразовском р-не, близ сел. Шелаева. Раскопки 1935 г. М. Е. Фосс.

⁴ Suomen Museo, XXXVI, 1929, стр. 29; Aikakauskirya, XXVIII, табл. XI, 3—6; то же, XXVI, S. Pälvi, Über steinzeitliche Hackenfischereigeräte in Finland.

⁵ Случайная находка — в коллекции Гос. Историч. музея.

Размеры тесла колеблются от 1.5 до 2.3 см в длину; большинство их имеет прямое лезвие или слегка округлое; у некоторых экземпляров у самого лезвия имеется желобчатое углубление. Распространение подобных орудий не ограничено какой-либо одной территорией, их можно проследить повсюду на стоянках, где похоронены камни, но они характерны для определенного отрезка времени — именно для позднего неолита. Крупного размера тесла могут быть определены и как мотыги, так как никакой разницы в конструкции тех и других нет и одно и то же орудие могло служить как для обработки дерева, так и для вскапывания земли.¹

Орудия, приспособленные специально для вскапывания земли, имеются в Кубенине лишь во фрагментах. Найдено два обломка кпрок олонецкого типа с характерным для них изгибом тыльной части. У первого из них сбитая нижняя часть во время работы — повидимому, от сильных ударов по попадавшимися в землю камням; тупой конец его имеет желобчатые углубления для привязи шнуром к рукояти. В качестве землекопных орудий могли применяться кремневые орудия типа «рис», имеющие незавершенный вид благодаря грубой обработке крупными сколами.²

При обработке дерева, а также и рога, в большом ходу были долота, изготовленные из камня (3 экземпляра) и кости (42 экземпляра). Первые имеют форму клина и несут на себе следы, в виде сколов, от сильных ударов (табл. III, рис. 5). Костяные же долота представлены большей частью фрагментами рабочих концов, которые бывают трех видов: обточенные равномерно кругом, как конус (табл. VI, рис. 2), или с двух сторон так, что получался острый угол с равными сторонами (табл. VI, рис. 8, 5), или только с одной стороны (табл. VI, рис. 1, 14, 15). Последние описаны А. А. Ионостранцевым как заострения под углом в 45°.³

К орудиям, употреблявшимся при изготовлении деревянных изделий, следует присоединить также каменные молотки, хотя возможно применение их и при обработке кожи. В Кубенине они представлены лишь одним экземпляром. Сделан он из сланца, посредине имеет желобок для привязи рукоятки (табл. III, рис. 3).

В Кубенинском инвентаре выделяется целый ассортимент орудий, связанных с обработкой шкур, кожи и шитьем одежды. Не говоря уже о скребках, скреблах и ножах, применявшихся в работах по отделке поверхности изделий из кожи, в Кубенине найдены такие инструменты, как шилья, иглы и лощила.

Шилья сделаны из кремня (так называемые проколки) и кости. Кремневые приготовлены из осколков (табл. VII), иногда отретушированных по нижнему краю для более удобного захватывания рукой и кожевидных пластин, предназначенных для очень тонкой работы. Встречаются проколки, комбинированные со скребками (табл. VII, рис. 5). Костяные шилья изготовлены из осколков трубчатых и грифельных костей животных. Большая часть их приспособлена для употребления без рукояток (табл. VI, рис. 6—7, 12). На ряду с шильями и проколками, при шитье кожи и меха применялись костяные иглы, с помощью которых в готовые отверстия продевался шнур из сухожилий или растительных волокон.

¹ Под мотыгой мы понимаем землекопное орудие, употреблявшееся в разных работах — при выкапывании корней, рытье ям, добывании каменных пород для изделия орудий и т. д. Оно же с развитием земледелия стало применяться для вскапывания и разрыхления земли.

² Фосс и Ельницкий. Добывание камня и древнейшие каменоломные орудия. Рукопись сдана в печать.

³ А. А. Ионостранцев. Доисторический человек каменного века. СПб., 1882, стр. 145.

В Кубенине найдены три иглы: две — с отверстием в ушке, третья — с неглубоким надрезом для привязывания шнура (табл. VI, рис. 9). Подобными иглами могли плести сети, как еще и в настоящее время каргопольские рыболовы плетут матицу (сеть в виде мешка). Были и специальные иглы для плетения сетей.¹

Заглаживание поверхности кожи и разглаживание швов производилось ложилами, представленными в Кубенине двумя костяными экземплярами и одним каменным (табл. VI, рис. 10, 13). Концы их отшлифовались — по всем признакам — во время работы.

При плетении из лыка различного рода изделий для заправки концов лыковых полос применялись костяные кочедыки, найденные в Кубенине в шести экземплярах. Четыре из них плоские, один сделан из трубчатой кости и один — цилиндрической формы с уплощенным концом (табл. VI, рис. 11).

Обработка кости и рога производилась ножами, скребками и специальными инструментами, которые можно объединить под одним общим названием — орудий для резьбы. К этой группе орудий нами отнесены не только резцы, удержавшие древние формы эпохи палеолита, но и орудия, получившие новые формы, вследствие деградации старых типов, и вновь выработанные независимо от существовавших раньше. Судя по обработке рабочего конца, эти орудия исполняли ту же функцию, что и резцы. Из древних типов в Кубенине имеются боковые резцы, с затупленной спинкой и характерным резцовым сколом, срединные, с двумя сколами под углом, дублированные и комбинированные со скребками (табл. V). В кубенинских резцах иногда резцовый скол заменялся ретушью. К орудиям для резьбы нами отнесены также острия с затупленной спинкой (табл. V, рис. 9, 17). Из вновь появившихся следует отметить три формы (табл. V, рис. 10, 18—19, 25). С первого взгляда подобные орудия можно принять за скребки, но при внимательном рассмотрении нетрудно заметить отчетливо выделяющийся на лезвии, сбоку или на середине, тщательно обработанный выступ, исполнявший функцию резца. По краю этих орудий идет затупляющая ретушь. Всего в Кубенине найдено 15 орудий для резьбы кости.

В большом количестве найдены ножи, число которых (целых и фрагментов) доходит до 147. Все они, за исключением трех, сделанных из сланца и песчаника (табл. VI, рис. 9), — кремневые. По форме ножи распадаются на две группы: удлиненные из ножевидных пластин или отщепов (табл. VII, 1—2, 8—9) и короткие, широкие из аморфных пластинчатых осколков (табл. VII, рис. 12, 13). Ножи употреблялись не только по прямому своему назначению — для разрезания, но и для скобления поверхностей деревянных, костяных и кожаных изделий, заменяя, таким образом, скребки и скобели. В отличие от этих орудий у ножей отсутствует скребковая изогнутость и выгнутость лезвия. Форма ножей имеет более или менее случайный характер, так как зависит всецело от формы кремневых осколков, но некоторые экземпляры выделяются определенностью, законченностью формы, например ножи с кривым лезвием и черешком (табл. VII, рис. 2). В качестве ножей обычно употреблялись ножевидные пластинки, несущие на лезвие следы работы в виде выщерблин. Из ножевидных пластинок обращает на себя внимание своими малыми размерами изображенная на табл. VIII, рис. 26, пластинка, отретушированная по краям, с одной стороны совершенно ровно, с другой — с зазубринами. Повидному, она представляет собой один из вкладышей, вставлявшихся вдоль лезвия костяных орудий, как у гарпуна, изображенного на табл. IV, рис. 4.

¹ Подобные современные иглы называются в Каргопольском районе «шуйнами».

Самым распространенным орудием в Кубенине, как и на всех неолитических стоянках, были скребки. Количество их намного превышает число остальных орудий. Найдено более 600 экземпляров, считая целые и фрагменты. Из них выделяются изготовленные из крупных осколков, с широким лезвием скребла (табл. VII, рис. 21). Собственно скребки, представленные в Кубенине самыми разнообразными типами, различаются по размеру (величина их колеблется от 1,6 до 7 см), по форме и характеру лезвия: есть скребки с прямым лезвием, округлым, скошенным и угловым (табл. VIII, рис. 4). Большая часть их изготовлена из пластинчатых осколков неправильно четырехугольной или подтреугольной формы (табл. VIII, рис. 1—4). С помощью ретуши скребкам придавалась округлая и овальная форма (табл. VIII, 21, 28). Меньшая часть скребков изготовлена из ножевидных пластин (табл. VIII, рис. 5), удлиненных отщепов (табл. VIII, рис. 8) и массивных осколков (табл. VIII, рис. 16, 19, 29). Последние, обработанные крутой ретушью, отличаются крепким рабочим краем. Скребки из массивных осколков и особенно ножевидных пластин характерны в южной и средней частях Восточной Европы для ранней стадии неолита, на севере же, до раскопок в Кубенине, они почти не были известны. Ретуширование скребков обычно производилось по лезвию, иногда по боковым краям или по одному из них и очень редко по всей спинке (табл. VIII, рис. 20, 22). У скребков обычно отсутствуют признаки, указывающие на скрепление их с рукояткой (за исключением изображенного на табл. IV, рис. 1). Но, несмотря на это, многие из них, должно быть, вставлялись в рукоятку, например изготовленные из ножевидных пластин с острыми режущими краями. Рукоятка не только предохраняла руку от пореза, но, сообщая большую эффективность орудию, способствовала повышению производительности труда.

К скребкам тесно примыкают по своему функциональному назначению орудия, называемые скобелями. Это — те же скребки, но с вогнутым лезвием, приспособленным для обработки выпуклых поверхностей. В большинстве случаев кубенинские скобели сделаны из аморфных осколков, отретушированных по лезвию (табл. VII). В общем они распадаются на две группы: с широким лезвием, рассчитанным на обработку больших поверхностей (табл. VII, рис. 20, 22), и узкой выемкой вместо лезвия, соответствующей выпуклости тонкого цилиндрического стержня черешков или древков наконечников и т. п. (табл. VII, рис. 18). Среди них есть и такие, по лезвию которых расположен ряд выемок. Скобели, изготовленные из массивных осколков, напоминают скребки как бы с сильно сработанным лезвием, получившим вогнутость.

К скобелям следует также присоединить орудие, напоминающее по виду так называемый «фигурный кремь» (табл. VII, рис. 19). Несмотря на то, что оно фрагментировано, все-таки можно, по сохранившейся части, представить его исполнявшим роль скобеля и, может быть, проколки. То же можно сказать и о другом фрагменте (изображенном на табл. VII, рис. 17). Всего в Кубенине найден 71 скобель.

Особую группу в Кубенинском инвентаре составляют орудия, применявшиеся при обработке камня. Это — отбойники или ручные ударники, ретушеры, отжимники, пилы, полировальные камни и плиты. В Кубенине обрабатывались кремь, сланец, гранит и другие породы, которые и в настоящее время в изобилии встречаются на берегах р. Опеги. Первичная обработка, заключавшаяся в скалывании поверхностного слоя камня, и дальнейшая оббивка, имевшая своей целью получение болванки задуманного орудия, производилась отбойником.

В Кубенине отбойники были преимущественно кремневые и не имели определенной формы. Первый попавшийся камень или случайный осколок.

удобный для захватывания рукой, слегка подрабатывался и служил как ударное орудие.

При ретушировании краев, а также и всей поверхности кремневых орудий применялись кремневые ретушеры (табл. VI, рис. 16) и роговые отжимники, сделанные из боковых отростков лосиных рогов. Концы их несут следы работы в виде неглубоких выщерблин. Аналогичные отжимники из оленьих рогов известны на многих стоянках в торфяниках Дании.¹

Характерным признаком употребления отбойников и ретушеров служит сработанность их ударной части, несущей на себе массу мелких изломов, получившихся при ударе о твердый камень. В Кубенине найдено 20 отбойников и ретушеров; величина их колеблется от 3.5 до 13.5 см.

Найденные в Кубенине нуклеусы (число их доходит до 108) и осколки характеризуют технику изготовления нуклеуса посредством удара. Нуклеусы с тонкими удлиненными гранями, получающимися при отщеплении пластинок с помощью отжимника, очень редки (табл. VIII, рис. 30).

Обработка сланцевых орудий, после первичного обкалывания, производилась с помощью пил и шлифовальных камней или плит. Орудия получали окончательную форму посредством отпиливания лишних частей, нанесения граней, затачивания лезвия и полирования поверхности. Пилы в Кубенине представлены лишь одним экземпляром. По форме этот экземпляр совершенно совпадает с найденными на Ладожской стоянке² и в Карелии³ и имеет вид полированной удлиненной пластины, сделанной из песчаника, с продольным, двусторонне заточенным лезвием, оставляющим при пилении след в виде узкого желобка, имеющего в поперечном разрезе острый угол.

Найденные в Кубенине полировальные камни и плиты (в 73 экземплярах) большею частью фрагментированы. Материалом для них служили различные каменные породы: сланец, песчаник, гранит, диорит и т. п. На ряду с камнями, доходившими по весу до 100 кг, были и очень небольшого размера, которые по способу употребления напоминали лощила; во время работы обрабатываемый предмет оставался неподвижным, а по поверхности предмета скользил полировальный камень, зажаты в руке.

К е р а м и к а. Громадную часть инвентаря Кубенина, как и всех наших стоянок центрального и северного неолита, составляют фрагменты керамики, рассеянные по всей площади стоянки. Кубенинская керамика сохранилась плохо: фрагменты ее некрупного размера и настолько разнокалиберны, что представляют собой преимущественно материал для изучения орнамента, техники лепки, но не формы, поддающейся реконструкции лишь в редких случаях. Судя по орнаменту, из всей массы керамики намечается около 15 сосудов, которые могли бы быть частично восстановлены. Обжит керамики довольно слабый, и бывали случаи нахождения черепков, совершенно размокших в земле, имевших вид глинистых прослоек, о чем уже упоминалось выше. Цвет керамики — грязножелтый и красноватый, неравномерный, с выступающими светлыми или темными пятнами, в изломе — серого цвета, внешняя поверхность по цвету отличается от внутренней. Глина обычно с примесью крупнозернистой дресвы, самой распространенной в керамических изделиях северного неолита. Как исключение в нескольких случаях замечен асбест. Характерный разлом некоторых фрагментов — наискось — указывает на приемы лепки сосудов из глиняных полос, от руки; но только по одному из них, имеющему скошенность краев с обеих сторон, можно судить о ширине полосы, равной 4.5 см. Обработка

¹ Mémoires des Antiquaires du Nord, 1897, стр. 157.

² А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 197, рис. 97.

³ Из сборов А. Я. Брюсова в Карелии на оз. Лососином.

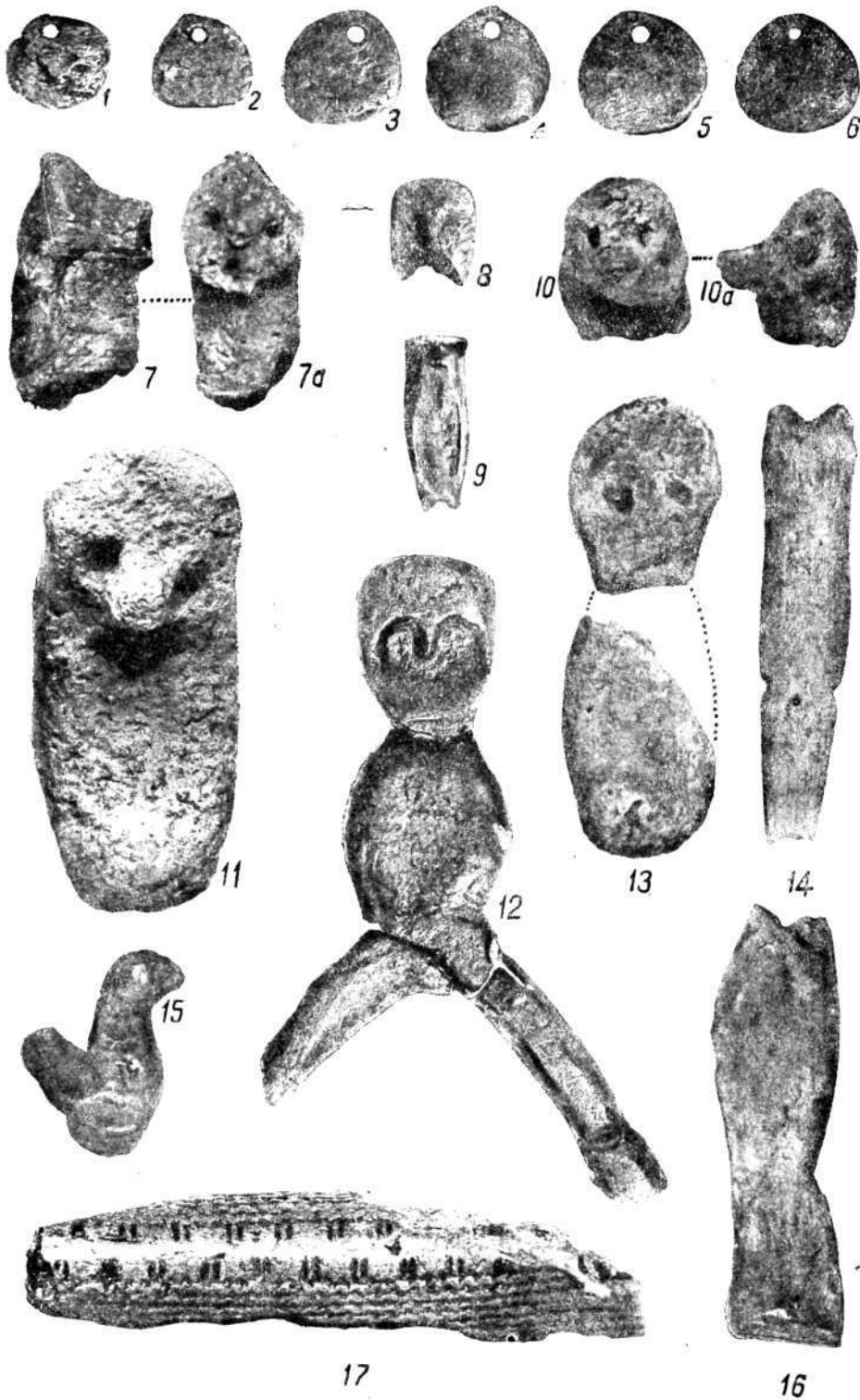

Рис. 1—6 — костяные подвески; 7—7а, 10—10а — фрагменты глиняных фигурок; 8 — фрагмент фигурки совы; 9 — подвеска в виде совы; 11, 13 — глиняные фигурки; 12 — фигурка из рога; 14 — костяная фигурка; 15 — глиняное изображение птицы; 16 — фрагмент в виде ноги с копытом; 17 — подвеска с резьбой. Н. в.

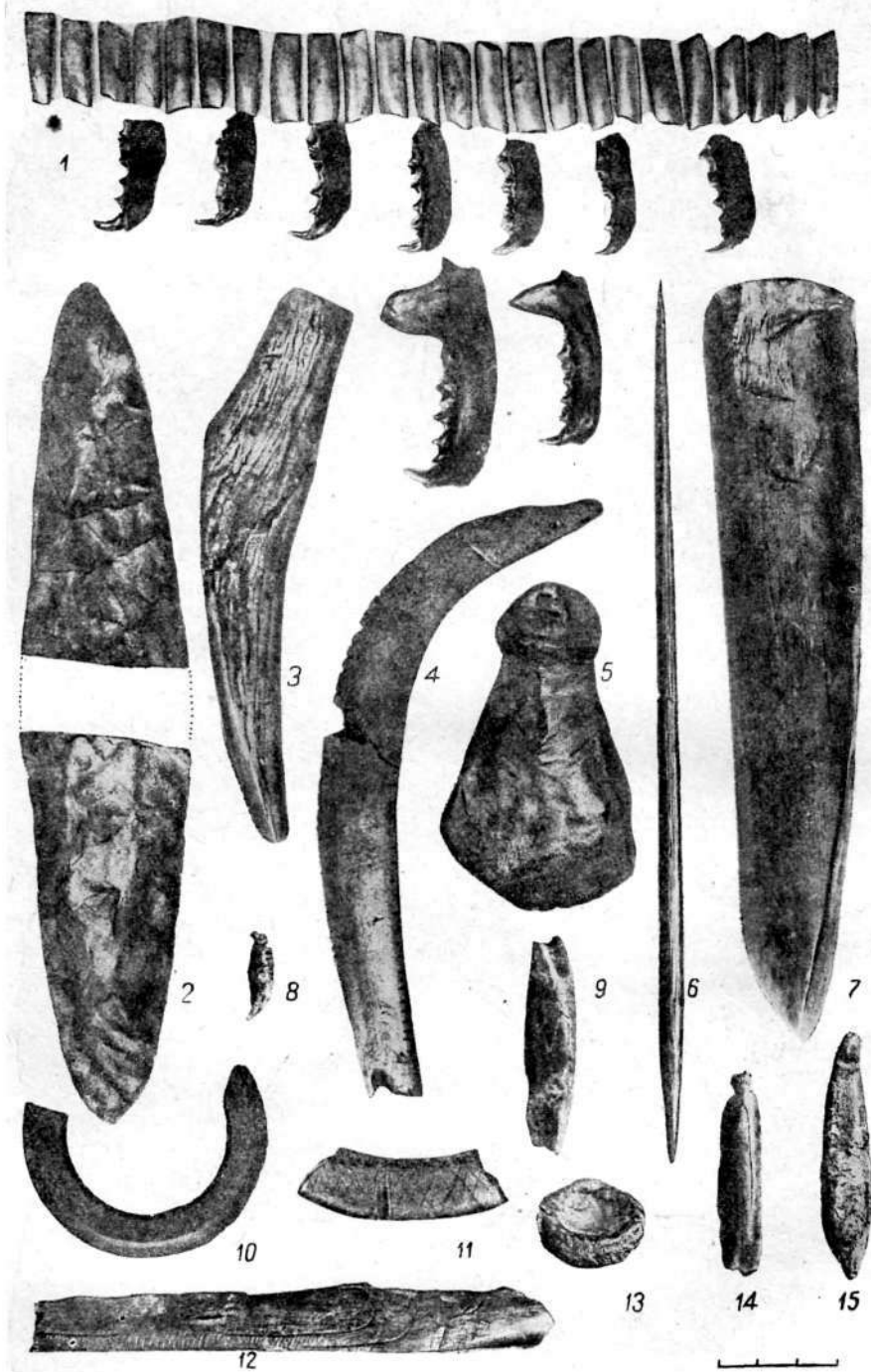

Рис. 1. — часть поясного набора из резцов бобра и челюстей выдры и куницы; 2 — кремневый наконечник копья; 3 — рукоятка из рога; 4 — подвеска в виде головы лебедя; 5 — фигурка из рога; 6 — наконечник стрелы из кости; 7 — костяное долото; 8 — подвеска из зуба куницы; 9, 14, 15 — подвески из резцов лосося; 10, 11 — фрагменты сланцевых колец; 12 — фрагмент кости с резьбой; 13 — глиняный сосудик.

поверхности сосудов производилась заглаживанием мокрой рукой или куском кожи, иногда, чаще на внутренней поверхности, наблюдаются грубые штрихи, являющиеся следами заравнивания концом щетки и зубчатого штампа. Очень редко встречаются фрагменты с неровной шероховатой поверхностью или, как принято говорить, с «сетчатым орнаментом» (типа волосовской стоянки), указывающим на заглаживание поверхности новым приемом — посредством обтягивания сосуда каким-то плетением или грубой тканью (табл. X, рис. 22).

По орнаменту и по форме краев и доньшек сосудов керамика распадается на три различные группы. К первой, самой многочисленной, относятся фрагменты со сплошными ямочно-гребенчатыми узорами. Элементы этого орнамента состоят из ямок круглой, реже — ромбической, формы, расположенных в шахматном порядке и разделенных параллельными поясами из косых, вертикальных или пересекающихся коротких полос, произведенных гребенчатым штампом. Эта часть керамики сопровождается прямыми, имеющими иногда наклон и загибающимися внутрь сосуда краями. Обрез края нередко орнаментирован косыми зубчатыми полосами. Попадают фрагменты, у которых орнамент переходит на внутреннюю поверхность сосуда у самого обреза. Толщина фрагментов этой группы колеблется от 0.5 до 1.3 см. Дно сосудов — коническое или круглое.

К этой группе тесно примыкает вторая группа, состоящая из фрагментов, украшенных одним гребенчатым орнаментом, из косых полос, зигзага, «елки» или полос, пересекающихся в виде сетки. Нередко подобные узоры нанесены посредством нарезки. На ряду с ними встречаются оттиски перевитого шнура, плетения или грубой ткани. Форма краев дна и толщина стенок керамики остаются прежними.

Обе эти группы на стоянках северной и центральной части Восточной Европы в эпоху средней стадии неолита обычно встречаются совместно. Примером может служить федоровская керамика, которая ближе всего подходит к рассмотренной нами кубенинской, но при детальном сравнении кубенинская керамика создает впечатление менее совершенной техники: элементы орнамента менее отчетливы, и расположение их не имеет той правильности, которая наблюдается в федоровской.¹

Третью группу составляют фрагменты сосудов, орнаментированных лишь в верхней части — по плечикам и шейке, а также — без орнамента, с гладкой или покрытой штрихами поверхностью от заравнивания концом щетки, пучком травы и т. п. В сравнении с первыми двумя группами орнамент редет, и значительная часть поверхности остается пустой. Орнаментация производится мелкозубчатой гребенкой, посредством надреза, вдавливания палочки или косточки. Элементы ямочного орнамента теряют правильность очертаний и превращаются в углубления неопределенной формы. Иногда встречаются края небольших сосудов, орнаментированные вокруг венчика круглыми отверстиями в один ряд. Наиболее характерным для этой группы керамики является украшение шейки и плечиков сосудов орнаментом из коротких надрезов, расположенных попарно, а также — рельефный валик, идущий вокруг шейки на некотором расстоянии от обреза, называемый А. А. Спицыным «воротничком», обычно сопровождаемый косой гребенкой или оттиском шнура (табл. XI, рис. 3—5). Сосуды с таким украшением встречаются не только в Кубенине, но и на других стоянках в бассейне Лаца и Вожа и на Летнем берегу Белого моря, а в более позднюю эпоху распространяются в Вятско-Камском районе. Третья группа керамики характеризуется также плоским дном, хорошо выраженными

¹ М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. Труды Секции археол. РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 514.

шейкой и плечиками, которые существуют на ряду с круглым дном и прямым горлом.

Таким образом в кубенинской керамике выделяются два комплекса, резко разнящиеся друг от друга как по орнаменту, так и по форме. Но местонахождение фрагментов керамики в культурном слое не дает основания относить ее к двум, отложившимся в разное время, наслоениям. Фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом находились на ряду с неорнаментированными, круглые доньшки — вместе с плоскими и т. д. Объяснение разнообразности кубенинской керамики следует искать в продолжительном существовании стоянки, во время которого керамика изменила свой неолитический облик и приобрела черты, свойственные керамике более поздних эпох. Остальной инвентарь стоянки, как и наблюдения, произведенные в процессе раскопок над культурным слоем — его мощностью, характером распределения находок, — также дают основание предполагать длительное пребывание поселенцев на стоянке в Кубенине, о чем более подробно сказано в заключительной части этой статьи.

Искусство. Предметы искусства представлены в Кубенине украшениями, скульптурными изделиями и резной костью. Рассматривая их с точки зрения художественной ценности, мы не отрицаем и другого значения, которое они имели: привески, повидимому, служили амулетами, фигурки животных и человеческие изображения связаны были с магией и религией, о чем уже говорилось выше, при описании погребений. Часть украшений имела крайне примитивный вид, особенно привески, сделанные из зубов животных — резцов лося, бобра, клыков мелких хищников, челюстей куньи, выдры, а также фрагментов костей с частичной обработкой. Обычно подобные украшения снабжались зарубкой для привязки шнура (табл. II, рис. 8, 14, 15). На ряду с ними были привески тщательно обработанные, отполированные, законченной формы. Среди этих находок встречаются наиболее распространенные в эпоху неолита медальоны — плоские кружки с отверстием для шнура (14 экземпляров, табл. I, рис. 1—6). Кроме этого, найдены две подвески, отличающиеся по размеру, форме и отделке. Первая из них — полулунной формы, украшена орнаментом, состоящим из коротких черточек, расположенных рядами (табл. I, рис. 17, и табл. XI, рис. 14). Орнамент, как бы выжженный на кости, по технике выполнения очень близок к образцам костяных изделий, найденных в торфяниках Западной Европы (в Дании, Ютландии и др.).¹ Другая подвеска напоминает собой голову лебеда с длинной изогнутой шеей, украшенной по краям насечкой, и плоской головой (табл. II, рис. 4). В отношении сходства с лебедем она во многом уступает известной волосовской скульптуре.²

Бляхи в Кубенине найдены в количестве 29 штук (из погребения № 3). Изготовлены они из резцов бобра, в виде коротких, отточенных на концах пластинок, служивших, судя по расположению их на скелете, украшением пояса (табл. II, рис. 1).

Кроме костяных, были и каменные украшения. Найдены подвески и кольца, изготовленные из сланца: одна подвеска, сделанная из плоской гальки с отверстием для шнура, другая, такая же, с незаконченным сверлением, и затем — шесть фрагментированных колец, которые, судя по хорде имели в диаметре 4—4.5 см. Одно из них, меньшего размера, типа Плеканова бора,³ плоское, с насечкой по краю, остальные — с высокими гранями

¹ Mémoires des Antiquaires du Nord, 1897, стр. 100 и 109.

² См. коллекцию из Волосова в Гос. Историч. музее и статью П. Кудрявцева, в 1892, стр. 233.

³ См. коллекцию из Плеканова бора, близ Муромского у. в Гос. Историч. музее.

(табл. II, рис. 10—11). Подобные кольца находились также в Карелии¹ и на многих стоянках Западной Европы, относящихся к поздней стадии неолита. Они могли служить и подвесками и поясными бляхами.

Из костяных изделий с резным орнаментом в Кубенине найдены две пластинки (одна — ромбической формы, орнаментированная с обеих сторон), близкие по технике нанесения узора к полудунной привеске (табл. VI, рис. 3—4).

Очень интересны кубенинские скульптурные изделия из глины и кости. Все они небольшого размера и изображают человека, животных и птиц. В фигурке, найденной в погребении № 2, человеческое изображение сочетается со звериным: одна из ее ног оканчивается копытом, другая обломана. Туловище и голова фигурки плоские, рук нет,² черты лица намечены впадиной, ограниченной в верхней части лица двумя сходящимися дугами, обозначающими одновременно глаза и нос. Подобный прием, известный в примитивной скульптуре, распространенный в эпоху неолита и бронзы, придавал изображению сходство с совой.³

Вторая фигурка, роговая, найденная тоже в могиле (№ 3), лишена и рук и ног и состоит лишь из туловища и головы, на которой черты лица не выражены (табл. II, рис. 5).

Фигурки из глины представляют собой образцы примитивной грубой лепки. Две из них изображают человеческие фигуры без рук и без ног, со слегка изогнутым торсом. На голове глаза и рот обозначены глубокими ямками, а нос вылеплен выпуклым, выдающимся вперед. У одной фигурки верхняя часть головы сплюснута и вытянута кверху, образуя подобие прически. Кроме целых фигурок, в Кубенине найден еще один фрагмент, представляющий человеческую голову с длинной шеей, с отчетливо выдающимся подбородком и тонким носом и ямками вместо глаз и рта (табл. I, рис. 13). Находки глиняных человеческих фигурок на неолитических стоянках известны, кроме нашего района, в б. Костромской губ.⁴ и в Финляндии, где можно указать целый ряд аналогичных изображений.⁵

Одна из финляндских фигурок по форме, по размеру и по характеру и стилю лепки совпадает с кубенинской. Найдена она на стоянке близ города Borgå, стратиграфия которой, толщина культурного слоя, кремневый инвентарь и другие предметы очень близки Кубенинской стоянке.⁶

Изображения животных сохранились лишь в виде фрагментов. Один из них представляет собой голову с широкой, несколько вытянутой вперед мордой на короткой шее. Пространство между глазами, намеченными ямками, орнаментировано поперечной нарезкой (табл. I, рис. 10). Другой фрагмент — незаконченной лепки, повидимому, изображающий тоже голову животного, третий напоминает по своим очертаниям — удлинённо-приплюснутой мордочке со ртом, обозначенным надрезом, и углублениями вместо глаз — голову рептилии.

Из фигурок, изображающих птиц, имеется одна — глиняная, малого размера (табл. I, рис. 15), другая, сделанная из реза лося, в виде привески, изображающая сову (табл. I, рис. 9), третья уцелела в незначительной части, представляющей собой голову совы с условным изображением клюва в виде треугольника (табл. I, рис. 8).

¹ Из раскопок А. Я. Брюсова на р. Выг.

² Неподателю от Кубенина, на стоянке Веретье, найдена еще одна человеческая фигурка без рук. См. «Торфяное дело», 1934, № 6, статью М. Е. Фосс.

³ См., например, аналогичное изображение на костяном гребне, найденном на Готланде. Ebert, Reallexikon, Gotland, tab. 185(a).

⁴ Из раскопок В. И. Смирнова на стоянке Станок, б. Костромской губ.

⁵ Aikakauskirja, XXVIII, 1920, табл. XIX, 3—5.

⁶ То же, XXVI, 1912 г., статья В. Cederhvarf.

Есть еще одна фигурка неопределенного вида, изготовленная из грифельной кости с двумя выемками по бокам (табл. I, рис. 14).

Кроме найденных в Кубенине, глиняные фигурки птиц известны еще из раскопок стоянки при устье р. Кипемы¹ и стоянки на Купштозере в Вытегорском р-не Ленинградской обл.²

На всех скульптурных изделиях Кубенина лежит отпечаток условности, схематичности, свойственной вообще примитивному искусству и искусству эпохи неолита. У нас на севере и в области Волго-Окского междуречья собран довольно большой материал по неолитической скульптуре из кремня и кости: беломорские,³ волосовские,⁴ карельские,⁵ белозерские⁶ и другие фигурки, изображающие животных, птиц, рыб и человека, а также петроглифы, выбитые на скалах Карелии,⁷ все это отличается по своему выполнению условной манерой изображения, которая нередко служит причиной возникновения различных, иногда диаметрально противоположных, суждений по поводу выяснения и определения предметов изображений.

Заканчивая описание материалов кубенинских раскопок, подведем итоги. Кубенино является типичной для позднего неолита стоянкой. Как и большинство неолитических стоянок северной и средней части Восточной Европы, она расположена низко, у самой воды, и по своему инвентарю, характерному для охотничье-рыболовческих стоянок, мало чем отличается от них: каменные, преимущественно кремневые орудия без каких-либо признаков металла, большое количество фрагментов керамики, костяные изделия, фауна, представленная костями диких животных и рыб, остатки жилищ, очагов и кострищ. Как и на всех охотничье-рыболовческих стоянках, предметы в Кубенине находились обычно рассеянными по площади стоянки, не связанными между собой, за исключением лишь тех, которые были обнаружены вблизи очагов, кострищ, близ жилища или в могилах.

Особенностью Кубенинской стоянки является присутствие на ее площади человеческих погребений. На севере Европы, в Норвегии, давно уже известны захоронения на стоянках, но на нашей территории они были открыты только за последние годы в двух пунктах — в Кубенине и близ Языкова.⁸ Погребения, обнаруженные в Костромском крае на берегу р. Вексы, вызывают сомнение, благодаря необычайным условиям захоронения. Места для погребений, как правило, выбирались в отдалении от воды, в наиболее высокой части стоянки, где-нибудь поблизости от очага. Человеческие же скелеты на р. Вексе найдены на самом берегу заболоченной части стоянки, служившей как бы свалочным местом, причем раскопками не были выяснены ни характер погребального обряда, ни связь захоронений со стоянкой.⁹

Погребения же в Кубенине, как и в Языкове, связаны со стоянкой и относятся к древней стадии ее существования: захоронения найдены непосредственно под культурным слоем, и часть могильного инвентаря совер-

¹ В 35 км от Кубенина (см. в Гос. Историч. музее коллекцию из раскопок М. Е. Фосс 1928—1929 гг.).

² Коллекция Петрозаводского музея, из раскопок А. Я. Брюсова.

³ Коллекция Гос. Историч. музея, из сборов на р. Зимней Золотице.

⁴ Коллекция Гос. Историч. музея, из сборов Кудрявцева в окрестностях Муромы, близ Волосова.

⁵ Коллекция Гос. Историч. музея, из раскопок А. Я. Брюсова в Карелии в местности Бесовы следки (на Белом море) и на Онежском оз. на Бесовом носу.

⁶ Коллекция Череповецкого музея, из раскопок М. Е. Арсаковой.

⁷ А. Линевский. К вопросу о петроглифах Карелии. См. Сборн. Ленингр. общ. изучения культуры финно-угорских народов, 1929, т. I.

⁸ Раскопками Б. С. Жукова и О. Н. Бадера в Калининской обл. См. отчет Бадера в «Антропологическом журнале», 1936, т. 2.

⁹ Труды Чухломского отд. Костромского научного общества, вып. IV, стр. 5.

шенно аналогична вещам, обнаруженным в нижнем Веретье и относящимся к концу суббореального периода.¹

Инвентарь Кубенинской стоянки — довольно пестрый по своему составу. В комплексе его объединены предметы, относящиеся к различным стадиям бытования стоянки. Подобные находки разновременных предметов, не разграниченных стратиграфически и обнаруженных на одинаковой глубине от поверхности культурного слоя, обычно дают повод предполагать перемещение предметов от смешения различных наслоений в силу каких-либо естественных причин, чаще всего — от размывания земли водой. Это предположение в данном случае исключается, так как в Кубенине сохранились в неприкосновенном виде комплексы кострищ и очагов, сопровождаемых золой, угольками, рыбой чешуей (что было бы, несомненно, уничтожено водой), а также и состоянием найденной керамики, фрагменты которой сохранили свежесть излома по краям, обычно утрачиваемую при перемещении и длительном обмывании их водой.

Разновременные предметы, найденные в Кубенине в одном культурном слое, свидетельствуют прежде всего о продолжительности бытования стоянки. Это подтверждается также и наблюдениями, произведенными в отношении насыщенности культурного слоя; при незначительной его толщине на 1 кв. м раскопанной площади в среднем приходилось 10 предметов, около 100 осколков кремня и 25—30 фрагментов керамики, причем, как уже упоминалось выше, глиняные сосуды сохранились лишь в виде разрозненных некрупных фрагментов, а костяные изделия дошли до нас сильно поврежденными или в обломках. Мы обращаем здесь особенное внимание на сохранность этих вещей, так как считаем, что плохое состояние их в значительной степени является следствием непрерывной жизни на одном месте в течение длительного периода времени, при условии образования в Кубенине культурного слоя на твердом грунте, мешающем проникновению упавших на поверхность вещей вглубь и подвергавшихся, благодаря этому, быстрому разрушению.

Предположения И. С. Полякова о насыщенности культурного слоя в связи с многочисленностью, густотой населения Кубенинской стоянки² нам кажутся маловероятными. Кубенино представляло собой типичную охотничье-рыболовческую стоянку родового общества. Способ же ведения хозяйства, связанного с охотничьими и рыболовными участками, занимавшими большие пространства земли, в значительной мере, наряду с другими факторами, обуславливал редкое заселение стоянок. Поселения, растянувшиеся неширокой полосой на большом протяжении, иногда на 2—3 км вдоль берегов рек, озер или моря, в эпоху неолита были обычным явлением.

Такие стоянки, бытовавшие по сравнению с Кубениным менее продолжительный срок, как, например, ряд стоянок, находившихся также в бассейне оз. Лача, при устье рр. Ольги, Ольженицы, Кинемы³ или на дюнах Летнего берега Белого моря⁴ и многих других местах, оставляли после себя нетолстый культурный слой с довольно редкими находками.

Продолжительность обитания на Кубенинской стоянке, повидимому, измеряется многими сотнями лет. Древнюю стадию ее характеризуют также находки, как ямочно-гребенчатая керамика типа поздненеолитических стоянок Волго-Окского междуречья, скульптурные изделия из глины,

¹ М. Е. Фосс. Стоянка доисторического человека в торфе. Торфяное дело, 1934, № 6.

² И. С. Поляков. Исследования по каменному веку... стр. 32.

³ См. отчеты М. Е. Фосс за 1928—1929 гг.

⁴ А. В. Збруева и М. Е. Фосс. Раскопки на дюнах Белого моря. Сборн. к десятилетию Октября, 1928, изд. ГАИМК.

аналогичные найденным на финляндских стоянках, костяные стилевидные наконечники стрел, совпадающие по форме с найденными на торфянике Веретье в его нижнем слое; сланцевые небольшого размера тесла, кремневые наконечники стрел листовидной формы и пластинчатые треугольной формы скребки, получившие широкое распространение повсеместно в конце неолита, наконец, украшения в виде сланцевых колец. Все эти предметы составляют комплекс, характеризующий эпоху позднего неолита северной и средней частей Восточной Европы, датируемого приблизительно около половины второго тысячелетия до н. э.

Присутствие в комплексе Кубенна керамики, отнесенной нами к третьей группе (см. раздел о керамике), характеризует позднюю стадию существования стоянки. Часть этой керамики представляет полную аналогию с керамикой Пижемского городища, но комплексы городища и нашей стоянки весьма различны: в первом керамика сопровождается каменными орудиями, во втором — железными, чем совершенно устраняется возможность какого-либо сближения их по времени. Ближе по материалу к Кубенну, в его поздней стадии, подходят беломорские стоянки, у с. Красной горы¹ и р. Люлинки,² где наряду с кремневым инвентарем, во многом аналогичным кубеннскому, найдена была, впервые на стоянках, керамика типа пижемской. Так как и территориально эти стоянки связаны с Кубенным — р. Онгой, то можно наметить приблизительную дату позднего Кубенна, в соответствии со временем беломорских стоянок, т. е. конец второго тысячелетия до н. э.

Среди стоянок, открытых в бассейне оз. Лача, Кубенно является наиболее древней и просуществовавшей наиболее продолжительный период стоянкой. В основном комплекс ее совпадает с комплексами остальных стоянок, отличаясь лишь в деталях, зависящих от различного времени бытования их, что особенно заметно в керамике — форме и орнаментике сосудов. Кубенинский материал мы рассматриваем как часть одного комплекса, принадлежавшего одной племенной группе, заселявшей в эпоху позднего неолита бассейн оз. Лача и оставившей после себя многочисленные поселения.

¹ А. В. Збруева, указ. выше статья.

² Коллекция Гос. Историч. музеев.

Таблица III

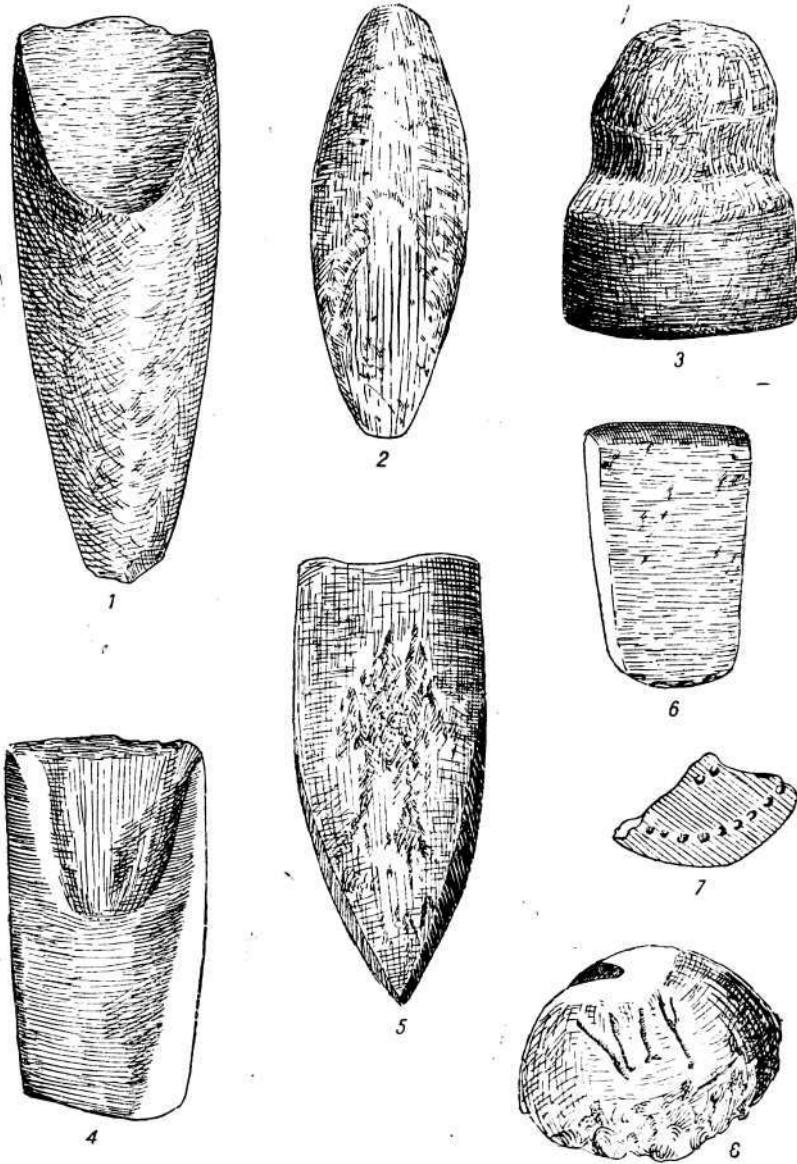

Рис. 1, 4 — желобчатые тесла из сланца; 2 — костяной предмет неопределенного назначения; 3 — молоток из сланца; 5 — клин из сланца; 6 — тесло из сланца; 7 — фрагмент глиняного пряслица; 8 — фрагмент кости с буквообразными знаками. $\frac{1}{2}$ н. в.

Таблица IV

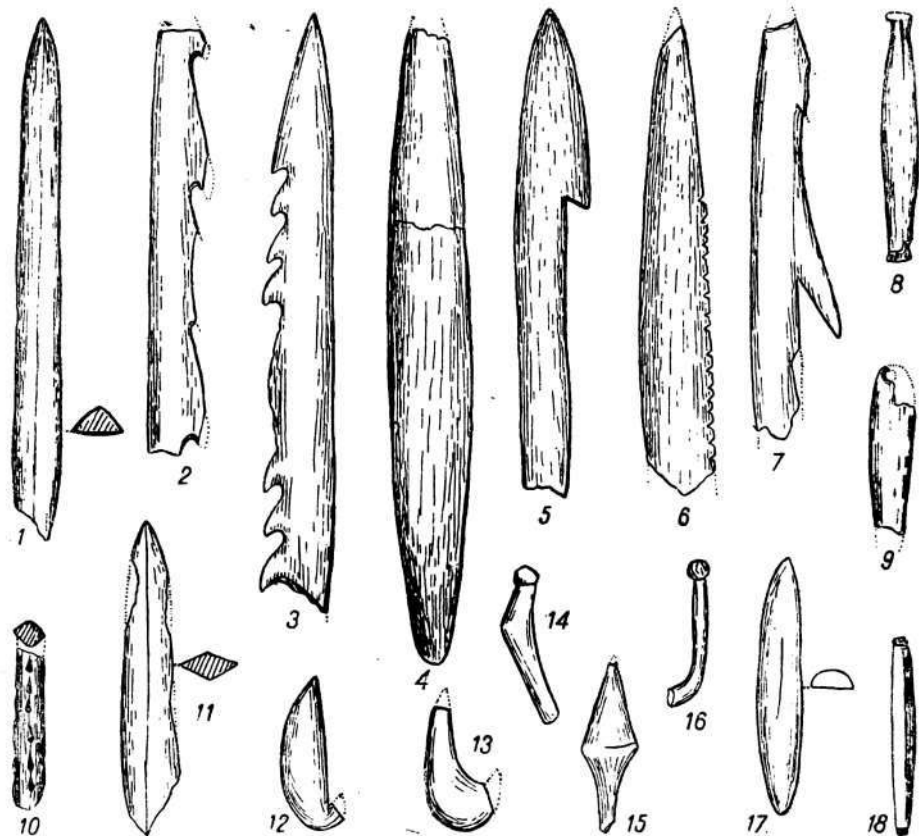

Рис. 1, 10, 11, 15, 17—костяные наконечники стрел; 2—7 — наконечники гарпунов; 8, 18 — грузики удильных крючков из сланца; 12—13, 16 — рыболовные крючки из кости; 14 — часть составного удильного крючка из кости; 9 — фрагмент костяной иглы. Около $\frac{5}{8}$ н. в.

Таблица V

Рис. 1, 4—5, 11—16, 20—23 — наконечники стрел; 2, 3, 6—10, 17—19, 24—25 — орудия для резьбы по кости. Около $\frac{2}{3}$ н. в.

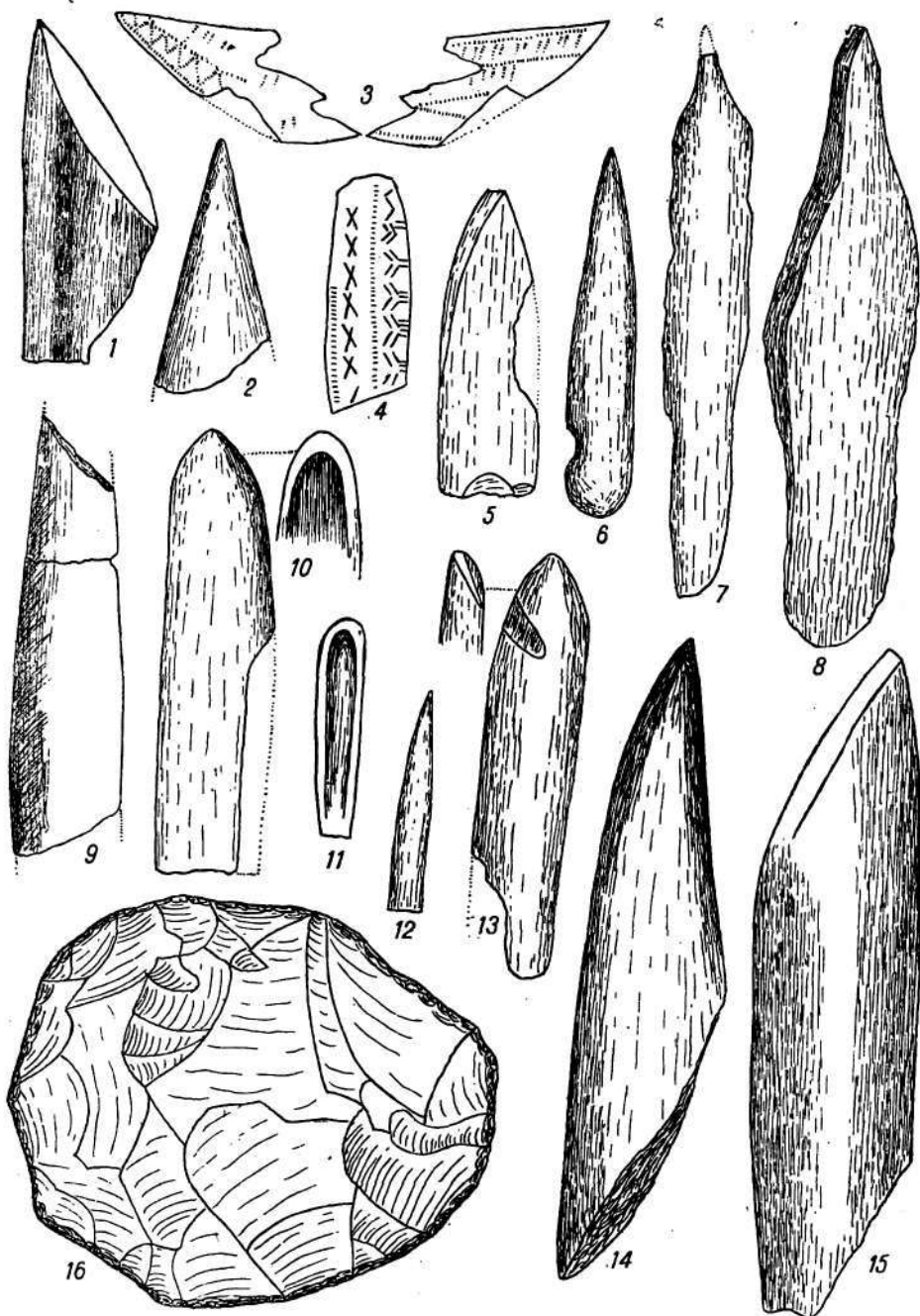

Рис. 1, 2, 5, 8, 14, 15 — костяные долота; 3—4 — костяные пластинки с резьбой; 6, 7, 12 — костяные шилья; 10, 13 — костяные лощина; 11 — костяной кочедык; 9 — каменный полированный нож; 16 — кремневый ретушер. Около 1½ н. в.

Таблица VII

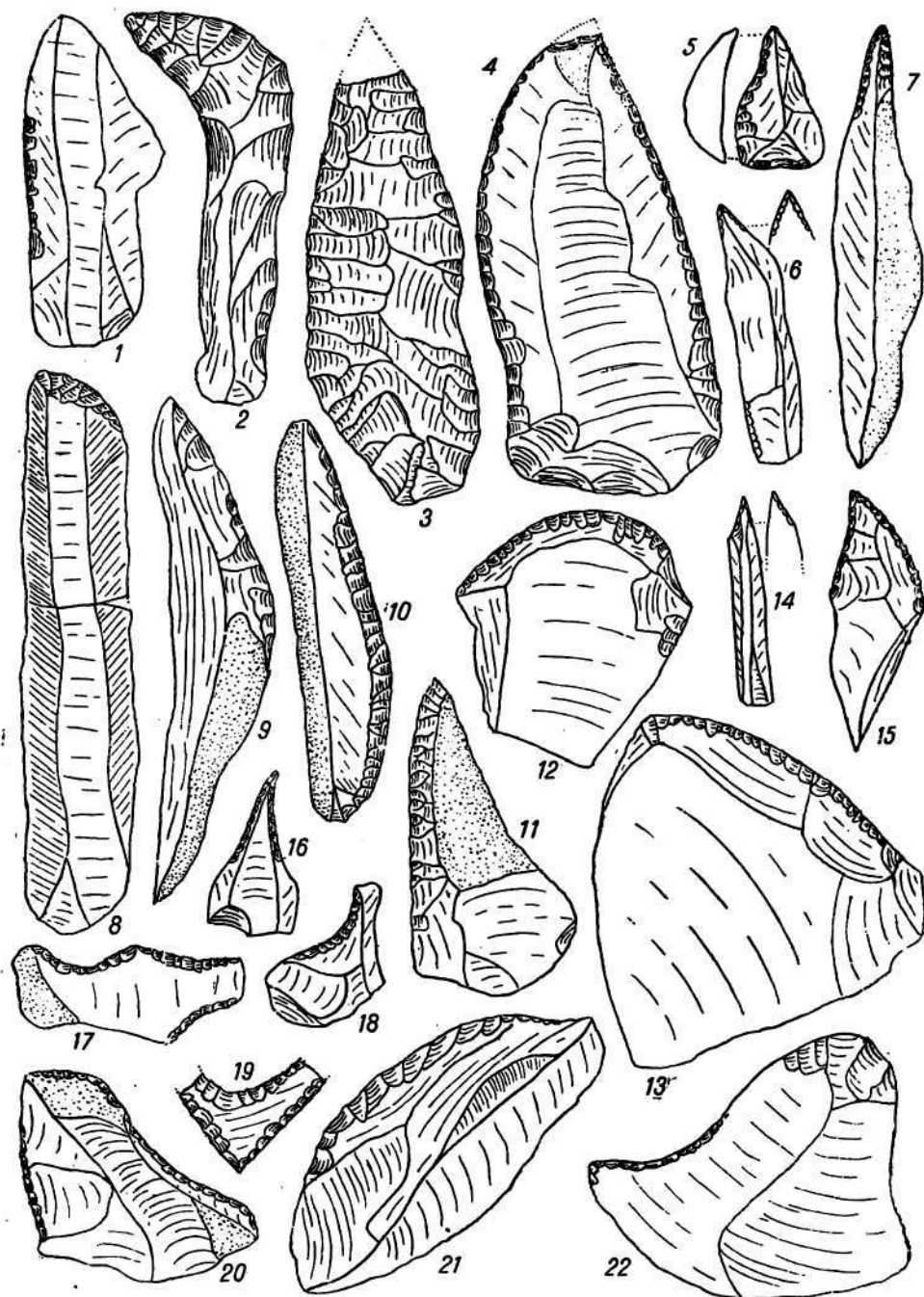

Рис. 1—4, 8—13 — кремневые ножи; 5 — проколка-скребок; 6, 7, 14—16 — проколки; 17, 18, 20, 22 — скребки; 19 — фигурный кремнь; 21 — скребло. Около $\frac{2}{3}$ н. п.

Таблица VIII

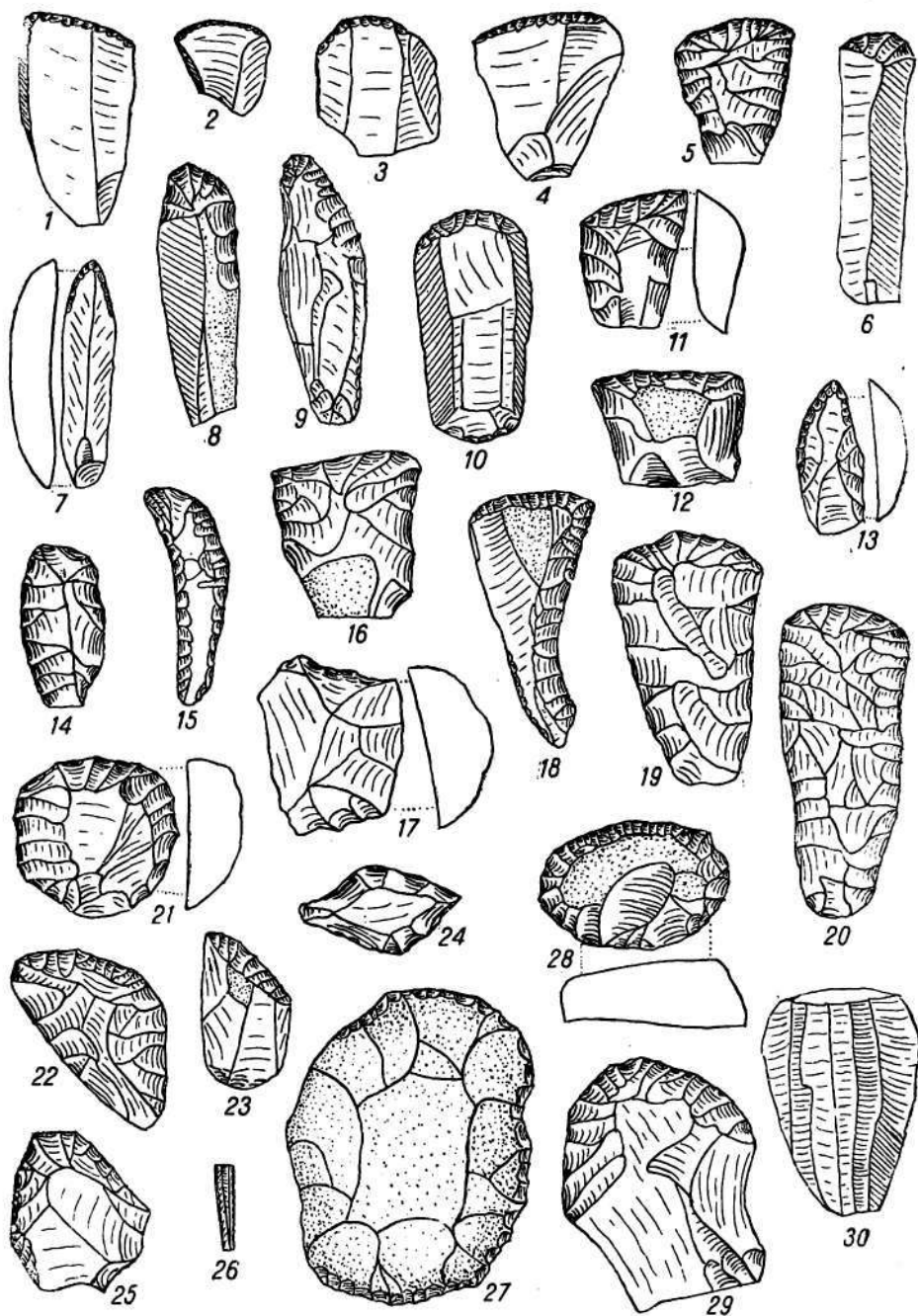
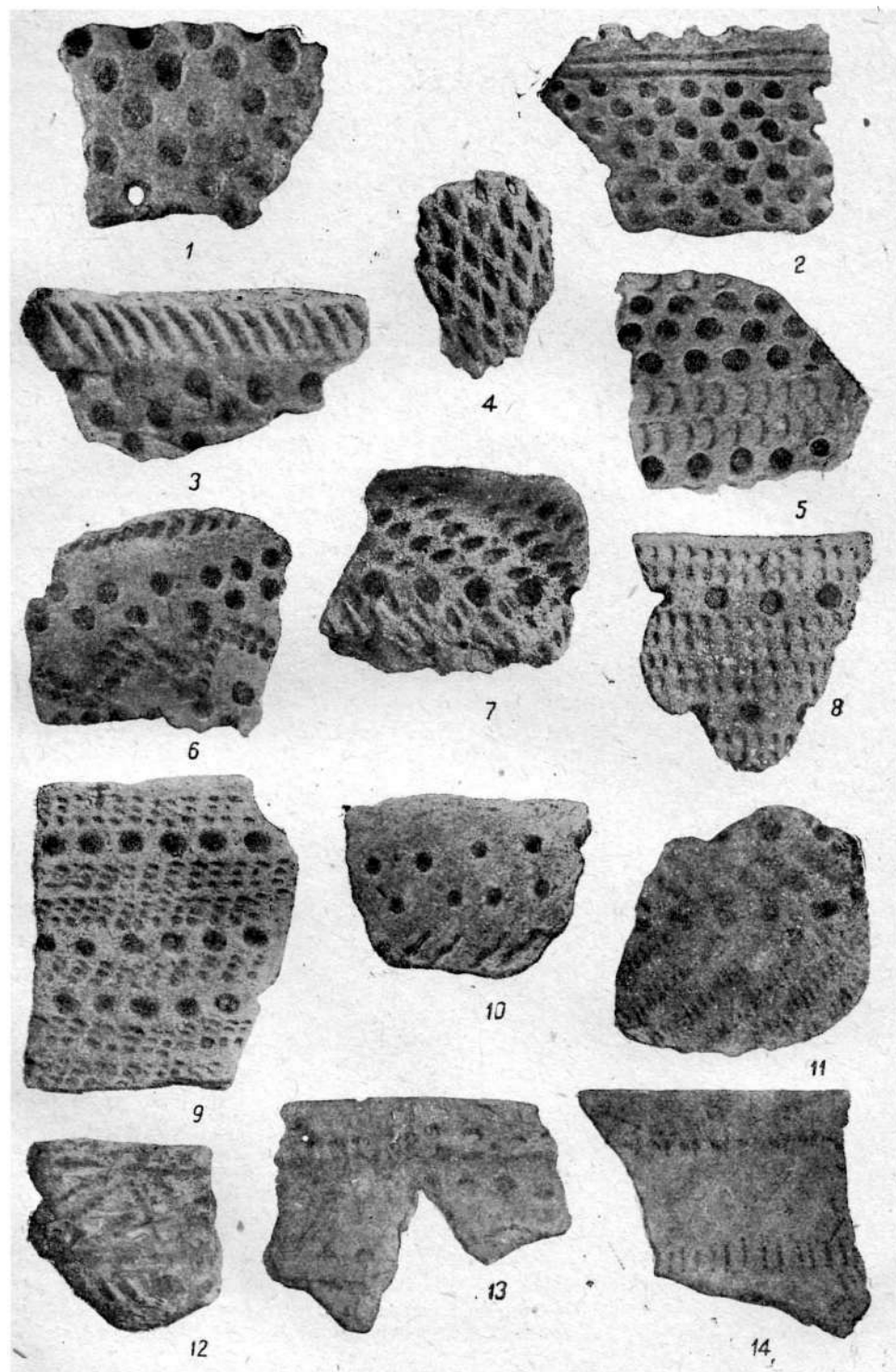

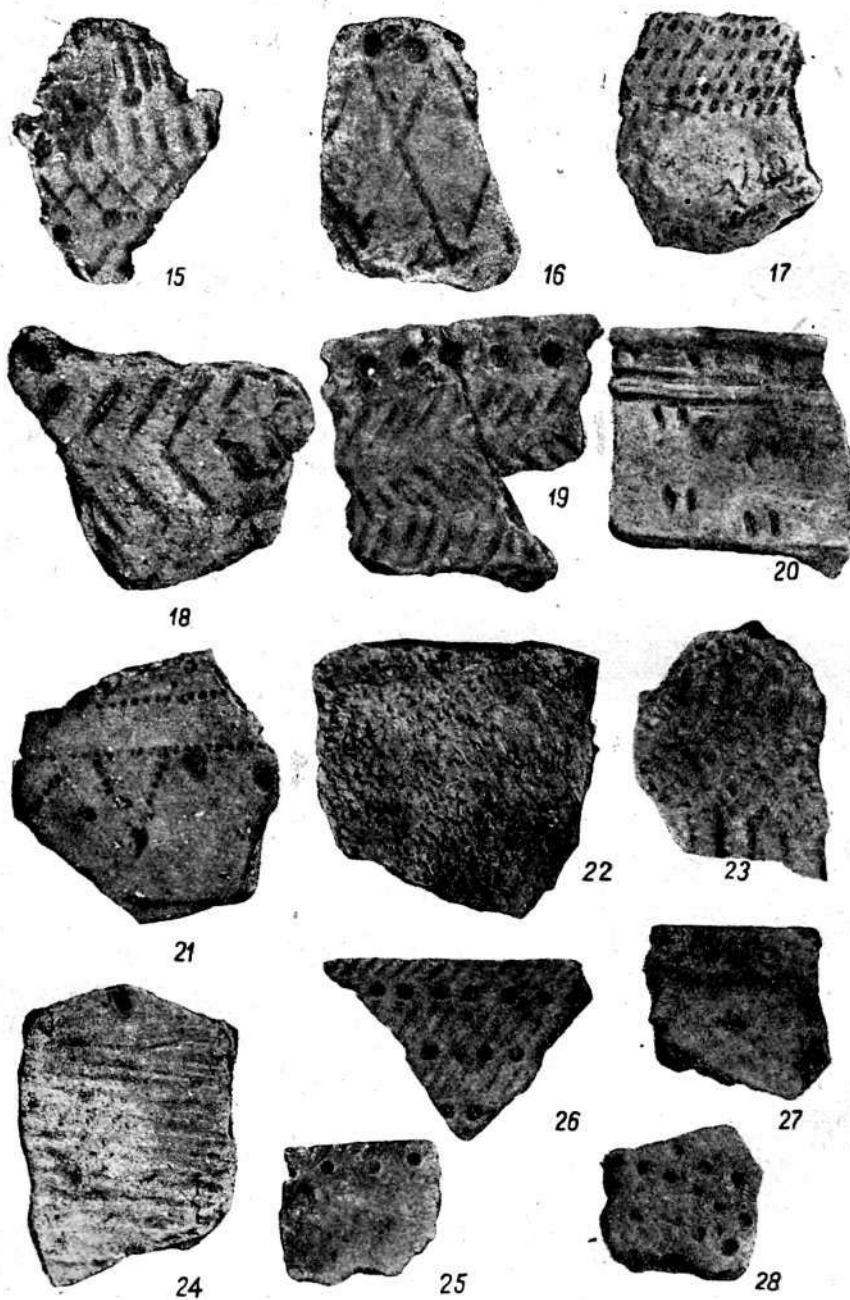
Рис. 1—25, 27—29 — скребки из пластинчатых и массивных осколков, отщепов, лямов, с ретушью по краю и по всей спинке, с прямым, округлым и скошенным лезвиями; 26 — лям, ретушированный по краям; 30 — нуклеус. Около $\frac{5}{8}$ н. в.

Таблица IX

Фрагменты керамики.

Таблица X

Фрагменты керамики.

Таблица XI.

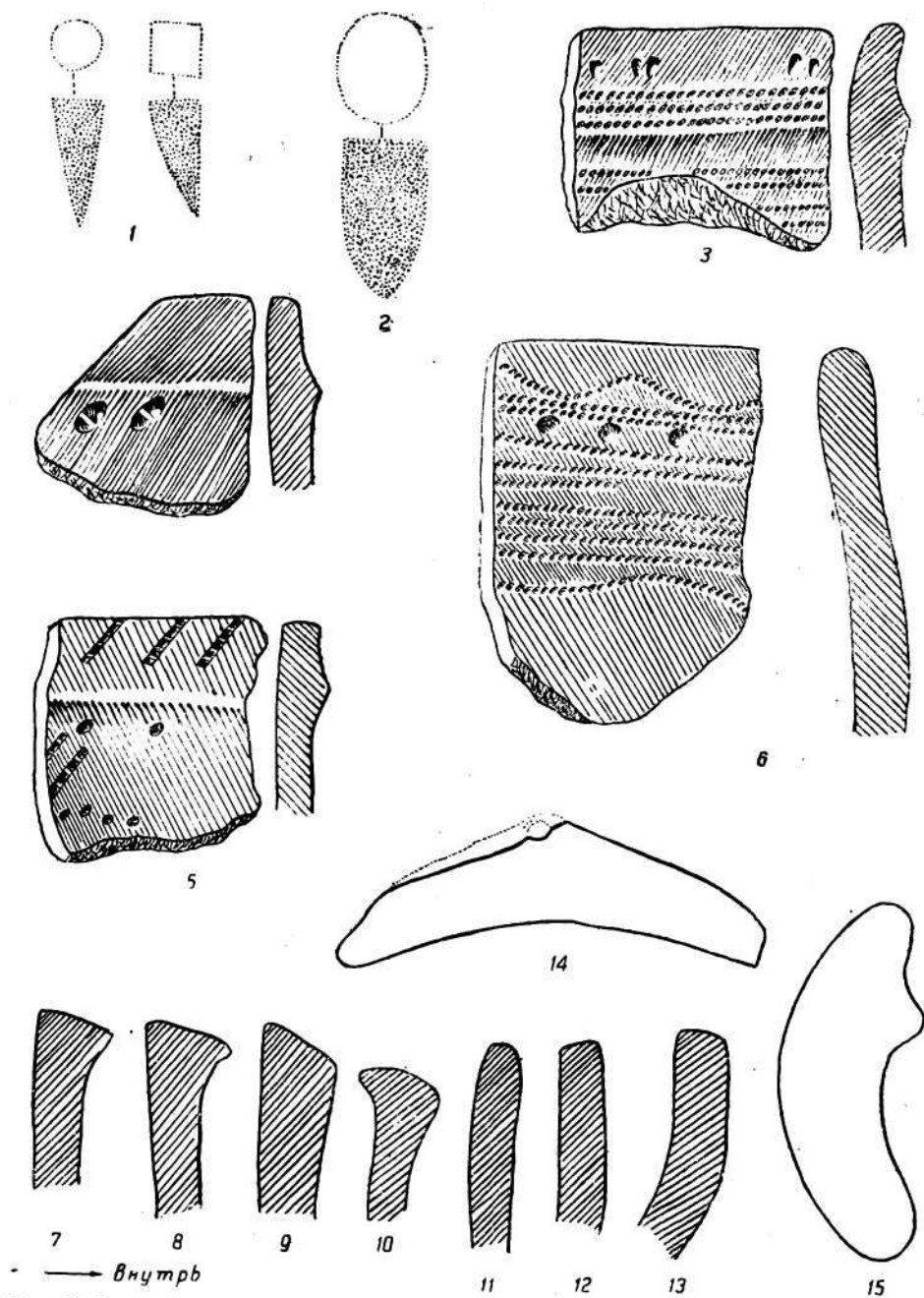

Рис. 1—2—следы столбов; 3—6—фрагменты керамики; 7—13—профили краев сосудов; 14—профиль полулунной костяной привески; 15—профиль глиняной человеческой фигурки.

M. VOSS

LA STATION DE Koubénino

RÉSUMÉ

La station de Koubénino est située près des sources de l'Onéga, à 4 km. de Kargopol (pays du Nord). Les fouilles accomplies en 1928—1931 ont exploré une surface de 500 m.² environ. La couche archéologique est remplie d'objets, dont le nombre atteint jusqu'à 2800 pièces, sans compter plus de 6000 fragments de céramique. La céramique est très variée — à côté de la céramique «à peigne et fossettes» (Kammkeramik) on trouve de la céramique réticulée, avec empreintes de cordon, lisse ou à surface rayée, ainsi qu'à rares fossettes et saillies autour du col du vase. On a rencontré en grande quantité des instruments en silex—grattoirs, couteaux, perçoirs, pointes de flèche et burins; il y a aussi des herminettes, des coins, un marteau, ainsi que des instruments en schiste et des objets en os — ciseaux, poinçons, aiguilles, alènes à crochet et objets de parure. On y a reconnu des ossements d'animaux sauvages — élan, castor, loup, fouine, loutre, ours, etc. et des os de poisson.

Parmi les trouvailles les plus intéressantes, on peut mentionner des figurines en terre cuite, en corne et en os représentant des hommes et des animaux, ainsi qu'un fragment d'os avec signes graphiques.

Sur la surface fouillée, on a mis à découvert une cabane en terre, deux foyers et des restes de feux. Un intérêt particulier s'attache aux trois sépultures humaines décelées sous la couche archéologique, au milieu de la fouille, dans des fosses peu profondes. Les squelettes, orientés deux au sud, un au nord, étaient accompagnés de mobilier funéraire. Dans la tombe N° 2, on a recueilli une figurine humaine à pied terminé en sabot (pl. I, fig. 12), un poinçon et deux pendeloques. Dans la tombe N° 3, le squelette et le fond de la fosse étaient saupoudrés d'ocre rouge; on a trouvé ici de nombreux objets (pl. II): parure de ceinture faite d'incisives de castor et de mâchoires de fouine et de loutre, cinq pendeloques en os, une pointe de lance en silex, trois pointes de flèche styloïdes en os, un silex pour produire du feu (?), une figurine en corne, un fémur fendu en long d'un gros animal et une griffe d'ours. Le squelette atteignait 1.93 cm. de longueur.

Le matériel fourni par les fouilles caractérise Koubénino comme une station typique de chasseurs-pêcheurs du Néolithique tardif, qui a eu une longue existence à la fin de la période subboréale, approximativement au milieu du IIe millénaire avant notre ère.

И. Г. ПИДОПЛИЧКА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧУЛАТОВ I

(По материалам 1935 г.)

Верхнепалеолитическая стоянка в с. Чулатове Новгород-Северского района Черниговской области УССР была открыта и предварительно исследована Институтом истории материальной культуры Академии Наук УССР в 1935 г. Стоянка расположена в пределах одного из наиболее старых местных меловых карьеров «Крейдяный Майдан». Работы по добыче мела в этом карьере ведутся уже более 100 лет. Во время работ часто были найдены кости мамонта и других животных, обугленные кости, кремь, сажистая масса и в одном случае, по рассказам рабочих, целый череп человека. Но на эти находки никто не обращал должного внимания.

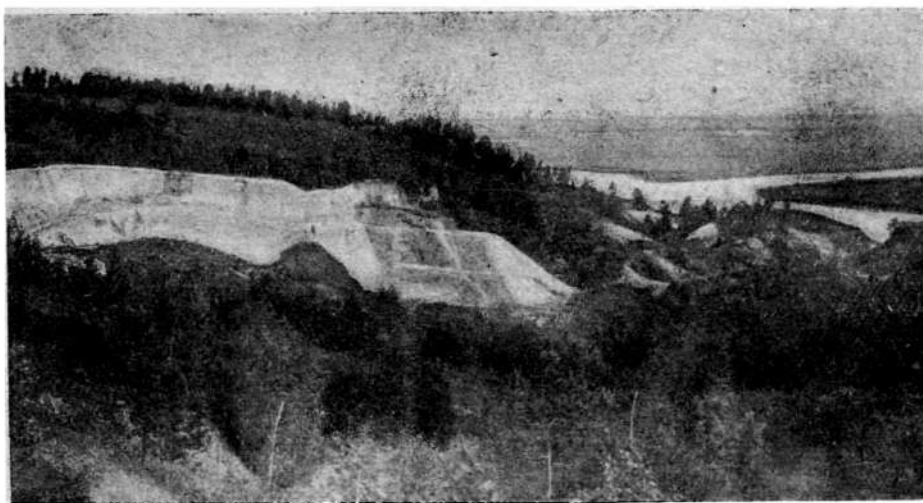

Рис. 1. Общий вид карьера «Крейдяный Майдан» в с. Чулатове.

В 1935 г. местный учитель В. Я. Захарченко собрал образцы культурного слоя стоянки (в том числе обработанный кремь и обломки костей животных) и передал их в ИИМК АН УССР. Командированный ИИМК АН УССР автор этой статьи произвел раскопки той части стоянки, которая была под угрозой непосредственного разрушения. Большую помощь при этих раскопках нам оказала артель им. Куйбышева, в ведении которой находится карьер. Раскопки велись в течение месяца (июль и начало августа); всего было вскрыто 60 кв. м стоянки (рис. 7).

Карьер «Крейдяный Майдан» (рис. 1) расположен в урочище «Горка диче», на правом берегу р. Десны между селами Чулатов и Дробышев. Правый высокий и бугристый берег р. Десны в районе стоянки изрезан оврагами. С востока к нему примыкает безлесная пойма, за которой следуют обширные песчаные площади, представляющие древнюю аллювиальную равнину, ныне заросшую сосновым лесом. В настоящее время правый и левый берега р. Десны в районе с. Чулатова резко различны в ландшафтном отношении. Геологический характер правого берега р. Десны дает возможность предположить, что в свое время месторасположение Чулатовской стоянки представляло первую, т. е. пойменную, террасу древней реки пра-Десны.

По рассказам старожилов, карьер «Крейдяный Майдан» расположен в том месте, где прежде был высокий бугор. Ныне уцелела от него только часть. Группа прибрежных чулатовских бугров и оврагов отчасти повторяет рельеф древней террасы, перекрытой толщей лёсса, средняя мощность которого равняется 5 м. Чулатовская стоянка приурочена к древней четвертичной речной террасе. На месте стоянки лёссовая толща подстилается песком (четвертичный дериват третиных и меловых песков) толщиной 1—2 м. Ниже идет мощная толща (около 24 м над уровнем реки) отложений меловой системы, состоящая главным образом из белого мела, и только местами на него налегают остатки меловых песков. Характерною чертою геологического строения этой террасы является отсутствие морены, которая обнаруживается далее на запад уже в пределах плато. Культурный слой залегает в базальной части лёсса, приблизительно на глубине 4.5 м; он прослежен на протяжении около 100 м вдоль западной стены карьера. Падение культурного слоя на запад и на север повторяет наклон древнего холма.

На север от «Крейдяного Майдана» расположена система оврагов под названием «Рабочий Ров». Около устья «Рабочего Рва» нами обнаружен выход культурного слоя. Во время разведки в северной стене одного из оврагов «Рабочего Рва» было найдено в культурном слое около 40 кремней.

На основании всех данных о геологическом строении местности нами составлены приведенные ниже геологические схематические профили стоянки в меридиональном и долготном направлениях (рис. 3).

Лёсс, в котором расположены остатки культурного слоя, слоистый, при этом кверху слоистость становится мало заметной. Число прослоек в средней части лёссовой толщи на протяжении 1 м по вертикали равняется в среднем 50. Характер этой слоистости ясно свидетельствует о водной аккумуляции лёсса,¹ при этом довольно длительной, связанной с сезонными разливами во время отступления глетчеров. Лёсс обогащен углекислой известью, что объясняется содержанием в нем большого количества меловых частиц. Местами в лёссе встречаются и целые прослойки мела. Богатством углекислой извести объясняются и большое количество известняковых конкреций, а также и сильная цементация костей кальциевыми солями.² На многих извлеченных нами костях имеются также следы воздействия корней деревьев. Что касается кремней, то значительная часть их также оцемментировалась известняковой массой.

Материалы Чулатовской стоянки дают пример сильного воздействия химизма породы на сохранность культурных остатков.

¹ Это подтверждается также находением моллюска *Neritina fluviatilis* (по определению М. Е. Мельник) в базальной части лёсса.

² На рис. 8, табл. I, показан обломок рога северного оленя, припавшийся к плоскому обломку кости мамонта, к которому в свою очередь прикреплены конкреционной массой кусочки кремня.

Кремень, являясь местным материалом, залегает в большом количестве в меловых отложениях, а также в виде валунов в морене. В меловых отложениях он встречается в двух видах: в виде крупных конкреций (желваков) и в виде ровных больших плит толщиной 1—8 см. Желваковый кремень залегает в с. Чулатове на глубине 18—20 м от поверхности меловой толщи, отдельные прослойки плиточного кремня встречаются выше и ниже. Судя по кремням, собранным в стоянке, плиточный кремень использовался наряду с кремнем желваковым. Оба вида чулатовского кремня обычно черного и в редких случаях дымчатого цвета.

Рис. 2. Общий вид раскопок 1935 г. в с. Чулатове. Линия 0—7 показывает горизонталь, проведенную через высшую точку залегания культурного слоя. Вертикальные линии показывают высоту падения культурного слоя.

Несколько плит и обломков песчаника, найденного в стоянке, происходят из размытых третичных (бучакских) песков. Отдельные глыбы песчаника зарегистрированы нами в нескольких местах в самом карьере «Крейдяный Майдан», где они залегают почти на поверхности мела в переложенных песках.

Охра — прекрасного качества, желтовато-красного цвета, встречена в самом карьере в надмеловых песках, где она залегает небольшими гнездами. Кроме того, железисто-охристые глины встречаются небольшими гнездами и кусками в морене.¹

Кости животных, найденные на стоянке, по всем данным, разного происхождения. Часть из них относится к животным, современным чулатовскому человеку (северный олень, песец, волк, медведь, россомаха и некоторые другие); часть же, например кости мамонта, — «мерзлотного» про-

¹ В культурном слое кусочков охры не обнаружено, но отдельные пятнышки и охристые мазки встречены в лёссовидной породе, покрывавшей культурный слой, а также в самом карьере в надмеловых песках.

исхождения, о чем мы упомянем еще ниже. Заслуживает внимания факт отсутствия остатков дерева, хотя бы в виде углей; по всей вероятности, это можно объяснить не только явлениями разложения, но и вообще отсутствием достаточного количества в то время древесной растительности (безлесная или кустарниковая тундра или арктическая степь).

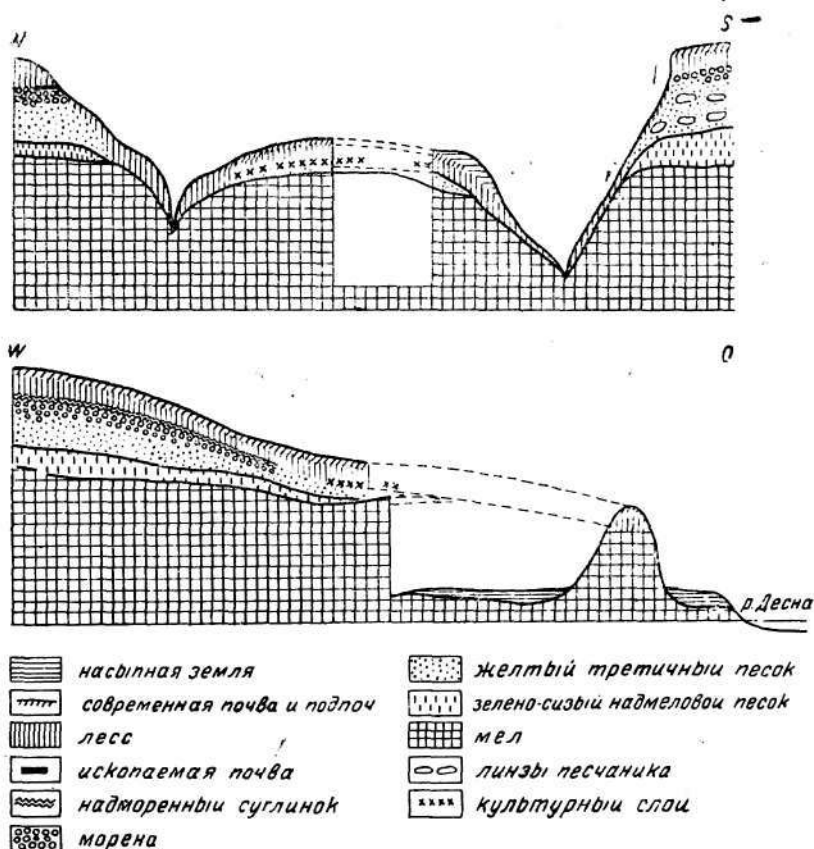

Рис. 3. Меридиональный и долготный схематические геологические профили карьера «Крейдяный Майдан». Пунктиром указаны прежние контуры бугра. Длина профилей 1 км, наибольшая высота 47 м.

Результаты раскопок. При первой разведке была раскопана площадка около 4 кв. м (квадрат 1) в месте, где впервые были обнаружены остатки культурного слоя. На этой площадке оказались прослойки темной сажистой массы в числе 2—3 с наибольшей высотной амплитудой между ними 0.25 м. Как показали дальнейшие раскопки, такие прослойки сажистой массы в слоистом лёссе произошли отчасти в результате смыва культурного слоя с высших точек прежнего холма. Кроме прослоек сажистой массы обнаружено было много кремней и фрагментов костей. Добытые в этом квадрате кости животных чрезвычайно плохой сохранности, они сильно измельчены, часть из них носит следы действия огня.

Раскопки были на время приостановлены в связи с продолжавшейся разработкой карьера и продолжены лишь после снятия рабочими верхней «пустой» породы. В процессе вскрытия породы был поврежден участок культурного слоя, примыкающий к квадрату 1. С этого участка удалось

собрать: 1) несколько кремней, 2) плечевые кости взрослого мамонта, на одном из обломков которого имеются следы обработки, 3) обломок давно расколотого бивня мамонта, 4) обломок голени маленького мамонта, 5) голень молодого мамонта, 6) 4 обломка трубчатых костей мамонта, 7) верхний целый зуб и обломки другого зуба мамонта. На этих костях сохранились следы сажиистой массы вместе с мелкими кремнями из культурного слоя.

Всего на площади в 60 кв. м в 1935 г. в Чулатове обнаружено около 1000 кремней и 1000 фрагментов костей. Среди этой массы материала орудий оказалось немного. Краткий перечень их мы приводим ниже. Весь материал сгруппирован в три комплекса — 1-е и 2-е кострища и 3-й малый очаг.¹

1-е кострище исследовано нами не полностью. Часть его была уничтожена до нашего приезда, часть осталась не затронутой раскопками. Раскопанную площадь этого кострища, около 5 кв. м (квадрат 1 и отчасти 1-а), мы выделили в отдельный комплекс на том основании, что это кострище расположено на самой верхней точке юго-западного склона древнего бугра и содержит остатки костного хозяйственного инвентаря и резаную кость.

Здесь было найдено около 300 кремней и около 200 костей. Среди указанного количества кремня оказалось несколько резцов и пластинок, а также крупных кусков кремня со следами оббивки. Остальная масса кремня — отщепы и обломки. Среди костей нашлась плечевая кость волка, перерезанная пополам, а также обломки трех проколов из кости и одна мелкая костная пластинка с насечками.

2-е кострище исследовано нами на всей занятой им площади (квадрат 2, отчасти 3, 2-а и 1-а), всего около 10 кв. м; площадь эта наклонена на северо-запад. Наивысшая, южная, часть кострища отделяется от 1-го кострища большой тазовой костью мамонта, поставленной так, что широкая подвздошная кость оставалась в вертикальном положении, в виде стенки. Возле этой кости в квадрате 1-б, уничтоженном во время разработки карьера, найдены упомянутые выше крупные кости мамонта.

Рядом с тазовой костью, к западу от нее, лежала почти горизонтально плита песчаника размером 38 × 25 × 5 см. Возле нее найден эпинфиз и обломок трубчатой кости мамонта. В том же западном направлении от плиты песчаника на расстоянии около 1.5 м расположено было особенно четко выделявшееся пятно кострища. Это пятно площадью 0.25 м круто наклонено на север под углом 45°. В сажиистой массе этого пятна были разбросаны кремни и фрагменты костей. Рядом на площади около 2 кв. м лежало много фрагментированных костей мамонта и кремней, а также одна целая бедренная кость. Всего во втором кострище найдено около 450 кремней и 400 фрагментов костей. Кости не обнаруживают следов обработки за исключением одной перерезанной пополам бедренной кости песка (табл. I, рис. 6). То обстоятельство, что скопление фрагментированных обломков бивней и трубчатых костей мамонта было приурочено только к западному краю кострища, к площади около 2 кв. м, наличие тут же крупной нефраgmentированной кости мамонта, нескольких резцов, 2 нуклеусов, скобеля (габот) и нескольких крупных кремней со следами оббивки, и там же множества кремневых осколков и отщепов свидетельствует об искусственном характере подобного расположения материала. В этом кострище найдены кусочки обугленных костей, пятна и прослойки сажиистой массы, пережженные

¹ Общее расположение верхнего горизонта предметов культурного слоя видно на рис. 7; расположение главнейших предметов по вертикали, а также падение культурного слоя видно из рис. 8.

кремни, дающие возможность говорить, что многочисленные упомянутые выше обломки костей были предназначены для топлива.

Рис. 4. Очаг.

обломок бивня мамонта. Кроме того, в пределах очага найдены еще один обломок рога северного оленя, возможно происходящий от рукоятки молотковидного изделия, два обломка бивня мамонта и берцовая кость песца.

В самом сажистом пятне кремня не найдено (за исключением одного пережженного обломка), но вокруг очага возле ребра мамонта, а также с южной стороны найдено несколько кремневых обломков и пластин.

Обработка костных остатков, обнаруженных на площади стоянки в 1935 г., дала следующую картину состава чулатовской фауны:

¹ Размеры этих плиток следующие:

	Длина	Ширина	Толщина
1	18 см	9.5 см	1—1.5 см
2	17 »	8 »	1—1.5 »
3	10 »	7.5 »	1—1.5 »

Рядом со 2-м кострищем, в самой западной части 2-го квадрата, обнаружен очаг (рис. 4), имевший около 0.75 кв. м площади. В центре этого очага оказалась сажистая масса толщиной около 1.5 см, а также несколько обожженных кусочков кости. Непосредственно на сажистой массе лежало молотковидное изделие из рога северного оленя. У края сажистого пятна вблизи этого изделия лежал зуб медведя. Северная часть этого очага ограничивалась ребром мамонта, поставленным выгнутой частью вниз. Выше ребра с северной и западной сторон, как бы обставляя очаг, лежали в наклонном положении, приближающемся к вертикальному, три больших плитки кремня.¹ С восточной стороны очага лежал желобкообразный обрезанный

Название животных	Количество фрагм.	Количество особей	Примечание
1. Мамонт (<i>Elephas primigenius</i>) . . .	800	3	
2. Лошадь (<i>Equus equus</i>)	1	1	
3. Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	18	4	
4. Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	2	1	
5. Волк (<i>Canis lupus</i>)	12	2	
6. Песец (<i>Vulpes lagopus</i>)	36	4	
7. Россомаха (<i>Gulo gulo</i>)	1	1	
8. Ошейниковый лемминг (<i>Dicrostonyx torquatus</i>)	4	1	
9. Узкочерепная полевка (<i>Stenocranius gregalis</i>)	ок. 100	7	
10. Тушканчик (<i>Alectaga jaculus</i>) . . .	17	1	
11. Байбак (<i>Marmota bobak</i>)	1	1	
12. Рыбы	ок. 50	1	Рыбы найдены в культурном слое, но за пределами вскрытой площади

Из приведенного списка видно, что фауна Чулатовской стоянки имеет так называемый «смешанный» характер. Вероятные причины подобного смещения освещены в статьях Пидоплички,¹ Кузнецова-Угамского,² Шарлеманя³ и Браунера,⁴ в связи с нахождением фауны, аналогичной чулатовской в Новгород-Северске в 1933 г. Поэтому мы здесь коснемся только вопроса о расчленении чулатовского комплекса фаунистических остатков. К несомненным современникам чулатовского человека нужно отнести северного оленя, песца, волка, медведя, россомаху, ошейникового лемминга, узкочерепную полевку, т. е. животных, и ныне входящих в типичный арктический биоценоз. Это свидетельствует о том, что преобладающие ландшафтно-климатические условия во время существования чулатовского палеолитического человека имели еще арктический характер. Наличие байбака не противоречит этому, так как в настоящее время некоторые сурки, например *Marmota bungei*, живут в условиях настоящей тундры, проводят 9 месяцев в спячке. Наличие теплолюбивой формы, как тушканчик, может указывать на существование теплого, хотя может быть и короткого лета (остальное время года тушканчик так же, как и байбак, проводит в спячке). Кроме того, наличие тушканчика должно указывать еще и на близость настоящих сухих лугов или степей, прогрессивное формирование которых на общем фоне отступающей тундры и должно было быть в то время послеплейстоценовой эпохи, к которому мы относим существование Чулатовской стоянки (ранний век послеплейстоценовой эпохи).

Что касается остатков мамонта, то их происхождение нужно отнести к более раннему времени. За это говорят анатомическая разрозненность их и общий характер этих остатков.

¹ И. Г. Пидопличка. Нахождение «смешанной» тундровой и степной фауны в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, № 5, 1934.

² Н. Н. Кузнецов-Угамский. По поводу смешанных фаун. Природа, № 8, 1934.

³ Н. В. Шарлемань. О «смешанной» фауне в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, № 11, 1934.

⁴ А. А. Браунер. К вопросу о «смешанных фаунах». Природа, № 11, 1934.

Полное отсутствие древесного угля, наличие типичной костной сажи, наличие мелких обожженных обломков костей, раздробленность костей мамонта, заполнивших и окруживших 2-е кострище, свидетельствуют о том, что кости употреблялись в качестве топлива.¹

Наличие крупных трубчатых костей и в особенности ребер разной сохранности в одном и том же месте стоянки и в одинаковых условиях залегания говорит о том, что часть костей, поступивших в пользование чулатовского человека, перед этим была уже в условиях, благоприятствующих их разложению, другая же часть была свежее. Подобные условия вполне допустимы при бывшем и начавшем исчезать мерзлотном режиме.

Мы допускаем широкое использование костей мамонта и при отсутствии активной охоты на него, которая в условиях Чулатова не могла существовать, так как не мог существовать и сам мамонт.² На этом более подробно мы остановимся в других работах.

Итак, состав фауны Чулатовской стоянки выражен наличием двух групп животных; более ранней — мамонта и, видимо, лошади, погибших во время оледенения, но сохранившихся в законсервированном мерзлотном виде до начала отступания глетчеров, и более поздней — современной чулатовскому человеку, представленному перечисленными выше арктическими формами.

Тушканчика нужно рассматривать как представителя местной, лугово-степной, группы, жившей в Чулатове и в доледниковое время. Нужно также отметить нахождение в Чулатове в культурном слое, но за пределами раскопок, рыбьих остатков, которые, как известно, в палеолитических стоянках вообще очень редки.

Происхождение этих костей пока не ясно, но факт наличия рыбы в культурном слое заслуживает внимания.

Одной из наиболее важных находок 1935 г. в Чулатове является фрагмент черепа палеолитического человека. Этот фрагмент был разломан лёссовидной породой на шесть небольших кусочков. Площадь фрагмента — всего около 50 кв. см. Сохранность, как и всех чулатовских костей, плохая, но все же в результате препарировки этот фрагмент оказался вполне пригодным для исследования. Благодаря тому, что хорошо сохранились *sulci arteriosi*, удалось точно установить, что этот фрагмент относится к лобной и теменной костям левой стороны черепа. Вследствие принадлежности черепа старому индивидууму лобно-теменной шов почти совершенно зарос и слабо заметен.

Хорошо сохранившиеся насечки, бороздки и край среза свидетельствуют о том, что фрагмент происходит от черепа, у которого была отрезана базальная часть. Видимо, мы имеем в данном случае обломок черепа-сосуда (рис. 5).

По условиям залегания описываемый фрагмент целиком связан с культурным слоем. Найдена он на глубине 5.12 см от поверхности (на глубине 170 см от наивысшей точки культурного слоя) в 10 м от 2-го кострища, куда его снесло по склону вместе с кремнем и костями.

Так как других частей черепа-сосуда в смежных квадратах не оказалось, можно думать, что этот череп лежал некоторое время на поверхности стоянки и был разбит еще до захоронения его лёссом.

Черепе крапички и окраска, имеющиеся на некоторых частях фрагмента, связаны, видимо, с пребыванием его в сажистом слое, где он мог

¹ Данные об употреблении костей мамонта в качестве топлива дала также Супоньевская стоянка вблизи Брянска (см. музейную выставку в Антропологическом институте в Москве).

² Это отнюдь не значит, что мамонт вообще не существовал в это время. В Крыму и других местах юга СССР, а также в Восточной Сибири он мог в это время сохраняться.

находиться до времени смыва. Прослойка сажистого слоя в квадрате не обнаружено.

Описанная нами находка особенно интересна потому, что является первой достоверной находкой остатков палеолитического человека в СССР и четвертой находкой (после Крыма, Афонтовой горы и Мальты) в СССР.

Среди обнаруженных на стоянке остатков особое место занимают расколотые и раздробленные кости. Как было указано, они заполняли и окружали кострища и малый очаг на большой площади, однако среди них нашлось только несколько описываемых ниже костяных изделий. Мы склонны объяснить бедность костяного инвентаря тем, что нам не удалось напасть на то место стоянки, где концентрировалась ее хозяйственная жизнь, хотя 1-й квадрат и составлял, видимо, часть такой площади. Специфическое назначение 2-го кострища как топливного места, видимо, и обусловило почти полное отсутствие там костяных изделий.

Среди найденных костяных изделий наиболее важным является молоткообразное изделие из рога северного оленя (табл. I, рис. 1), найденное в малом очаге. На одном из концов этого изделия имеются следы грубого затесывания, вследствие чего этот конец заострен; на другом конце имеется довольно крупная, искусственно сделанная борозда, возможно, служившая для закрепления, путем обвязки, кремневых или костяных инструментов. Под тяжестью лёссовидной породы это изделие было раздавлено на несколько кусочков. В одном из разломов рукоятки образовалась конкреционная накипь. Общая длина изделия вдоль рукоятки 22 см, длина самого «молотка» 17 см, ширина конца с бороздкой 3 см, наибольшая ширина «молотка» 4.5 см, толщина «молотка» 2 см, диаметры сечения рукоятки 2.7 × 2 см.

В 3-м квадрате найден клиновидный, с одним острым ребром и со следами рабочего сглаживания обломок трубчатой кости мамонта (табл. I, рис. 2); длина обломка 13 см, наибольшая ширина 5.5 см, наибольшая толщина 2.5 см.

В 1-м квадрате найдена часть проколки (табл. I, рис. 3), длиной 6.5 мм, шириной 6 мм, толщиной 3.5—4 мм. Эта проколка вполне идентична с подобными проколками из Мезинской палеолитической стоянки.

В том же 1-м квадрате найдено еще два обломка проколок из ульярной кости песка (табл. I, рис. 9), а также одна костяная пластинка (повидимому, из трубчатой кости волка) с девятью насечками (табл. I, рис. 5). Длина этой пластинки 23 мм, ширина 6 мм, толщина 2.5 мм.

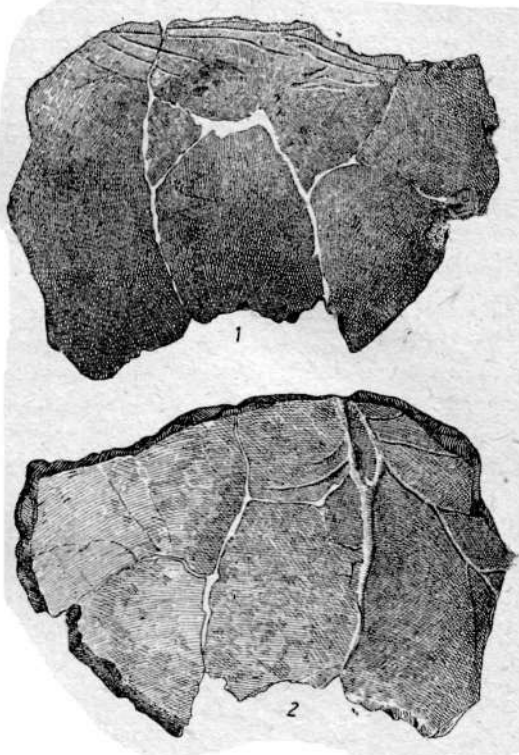

Рис. 5. Лобно-теменная часть черепа чулатовского палеолитического человека со следами среза и бороздами на наружной стороне (верхний рис.) и с *sulcus arteriosus* изнутри (нижний рис.).

Плечевая кость волка с поперечным перерезом и продольными царапинками и бороздками также найдена в 1-м квадрате (1-е кострище). Видимо, эта кость (табл. I, рис. 7), как и другие трубчатые кости волка, служила материалом для мелких костяных изделий.

Кроме всех указанных изделий, найден еще обломок плечевой кости песца со вставленным в него мелким острым осколком дымчатого кремня без явно заметной ретуши (табл. I, рис. 4). Вопрос о том, есть ли это настоящий инструмент или случайное сочетание кости и кремня, нельзя сейчас считать окончательно решенным. Некоторые особенности этого костяного фрагмента (изломы, образовавшие трубку, отсутствие губчатой костяной ткани, видимо в связи с вставкой кремня) дают основание предполагать, что это—орудие. Размеры его—длина 28 мм, занято кремнем 25 мм, длина свободного конца кремня 10 мм, ширина лезвия 2—4 мм.

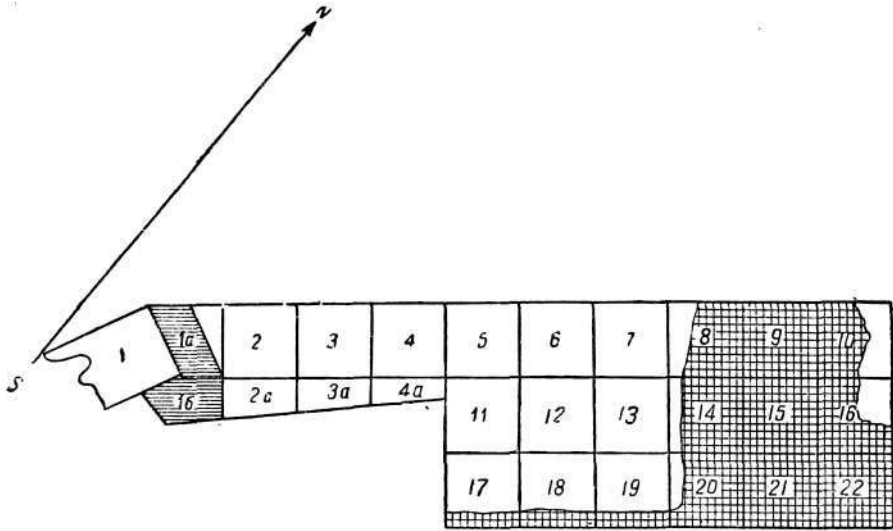

Рис. 6. План раскопок палеолитической стоянки Чулатов I.

Среди большого количества кремневых обломков (около 1000 штук) настоящих кремневых инструментов или кремней со следами какой-либо специальной обработки (ретушь, специальные сколы и пр.) оказалось очень немного.¹

Кремней, которые в той или иной степени можно причислить к кремневому инвентарю чулатовского человека, оказалось всего около 100, среди них: отбойников 2, нуклеусов 5, скребков 3, скобелей 2, резцов 16, маленькая пожевидная пластинка 1, остальные — пластинки. Особенности каждой из указанных категорий кремневого инвентаря в кратких чертах следующие.

Пластинки (табл. II, рис. 3; табл. III, рис. 1) представляют собой большей частью мелкие удлиненные отщепы, размеры которых колеблются в пределах: длина 2.5—6 см, ширина 0.6—4 см, толщина 0.2—1 см. Только 3 отщепы оказались сравнительно крупных размеров и заслуживают название пластин. Мелкие пластинки изображены на рис. 2, табл. III (длина 36.5 мм, ширина 12 мм, толщина 8 мм), и рис. 9, табл. III (длина 27 мм, ширина 8 мм, толщина 7 мм). Большинство пластинок имеет ретушь, глав-

¹ Рисунки кремней, а также фрагмента черепа человека выполнены художником Ю. Ю. Павловичем.

ным образом на одном из концов, а также по бокам, часть же пластинок (5 шт.) имеет зазубренные боковые края.

Резцы. Среди резцов оказалось срединных 5, боковых 6, других 5 (табл. II и III).

Характер резцов и их отделка видны из приведенных рисунков; можно отметить только очень грубую отделку резца, изображенного на рис. 6, табл. II.

Скребок — 3, один из них изображен на рис. 6, табл. III, с мелкой ретушью на одном из концов.

Отбойников — 2, не совсем типичных, но со следами употребления, указывающими на их назначение именно для целей отбивания.

Скобелей — 2: один не совсем типичен, второй изображен на рис. 10, 10-а, табл. III. Его размеры: длина 76 мм, ширина 48 мм и толщина 38 мм.

Этот скобель вполне похож на подобные инструменты, найденные в большом количестве в палеолитической стоянке с. Пушкирей Новгород-Северского р-на.¹

Нуклеусы. Представлены 5 обломками, из которых 1 изображен на рис. 3, табл. III.

Ножевидная пластинка из дымчатого кремня изображена на рис. 8, табл. III; почти не имеет на себе настоящей ретуши, но несет следы употребления. Размеры ее: длина 28 мм, наибольшая ширина 11,7 мм, наибольшая толщина 2,5 мм.

Как видно из приведенных материалов, пока в Чулатове среди настоящих кремневых орудий в значительном количестве найдены только резцы. По характеру резцов

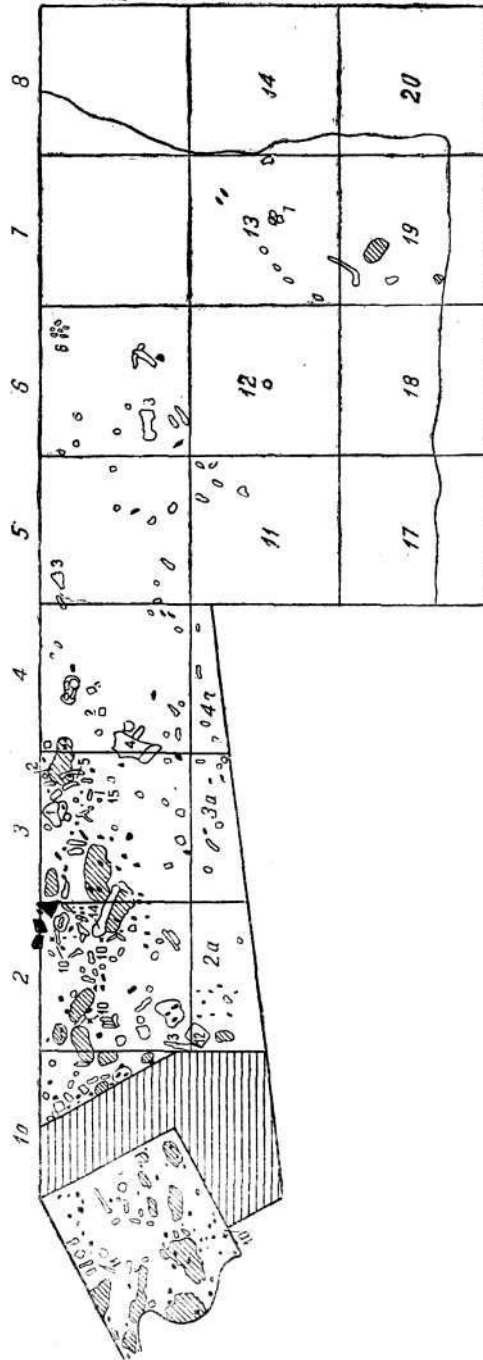

Рис. 7. План раскопок палеолитической стоянки Чулатов I с указанием расположения культурных остатков.

¹ По материалам ИИМК АН СССР.

и прочих кремневых изделий мы можем говорить об идентичности их типа с кремневыми изделиями Мезинской палеолитической стоянки, материалы которой имеются в коллекциях ИИМК АН УССР. Нужно только отметить, что среди чулатовских кремневых изделий пока не найдено ни одной мелкой пластины с ретушированными боковыми краями, которые столь характерны для Мезина.

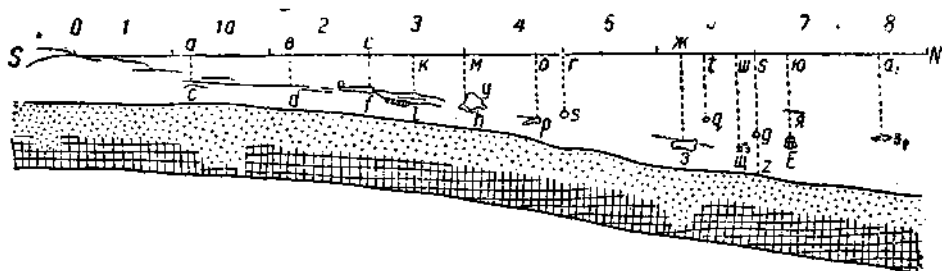

Рис. 8. Профиль раскопки палеолитической стоянки Чулатов I.

Геологические особенности залегания культурных остатков Чулатовской стоянки, характер фауны и тип кремневых изделий¹ дают нам возможность считать Чулатовскую стоянку одновременной с Мезинской. Кроме того, с Чулатовской стоянкой можно синхронизировать размытую стоянку, открытую в Новгород-Северске, фауна которой идентична с Чулатовской.²

Таким образом намечается существование ряда³ одновременных палеолитических поселений вдоль правого берега р. Десны во время начала отступления глетчеров днепровского оледенения. Дальнейшее ускорение исчезновения льдов, видимо в связи с резким изменением климатических условий в сторону потепления, вызвало большие, продолжавшиеся долгое время разливы флювиогляциальных вод. Взмученный материал, оседая из указанных флювиогляциальных вод, перекрыл стоянки, в связи с чем они все оказались приуроченными к базальной части лёссовидной толщи, которая покрывает древнюю террасу правого берега современной р. Десны.

¹ П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ., 1912.

² Село Чулатов расположено в 8 км в югу от Новгород-Северска и в 30 км к северу от с. Мезина.

³ Ближайшим аналогом Чулатовской стоянки можно считать также верхнепалеолитическую стоянку Тимоновка возле Брянска.

Таблица I

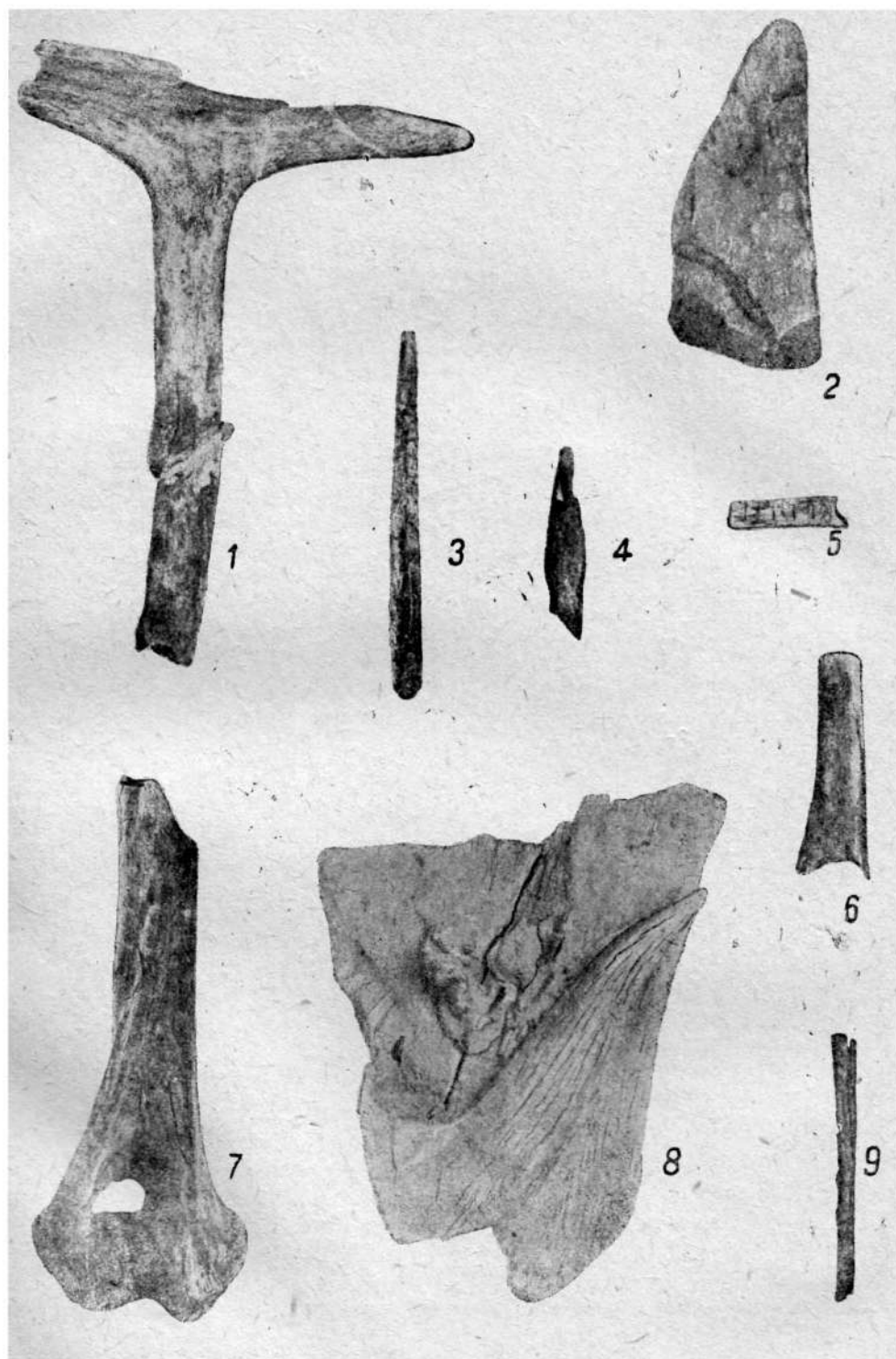

Таблица 11

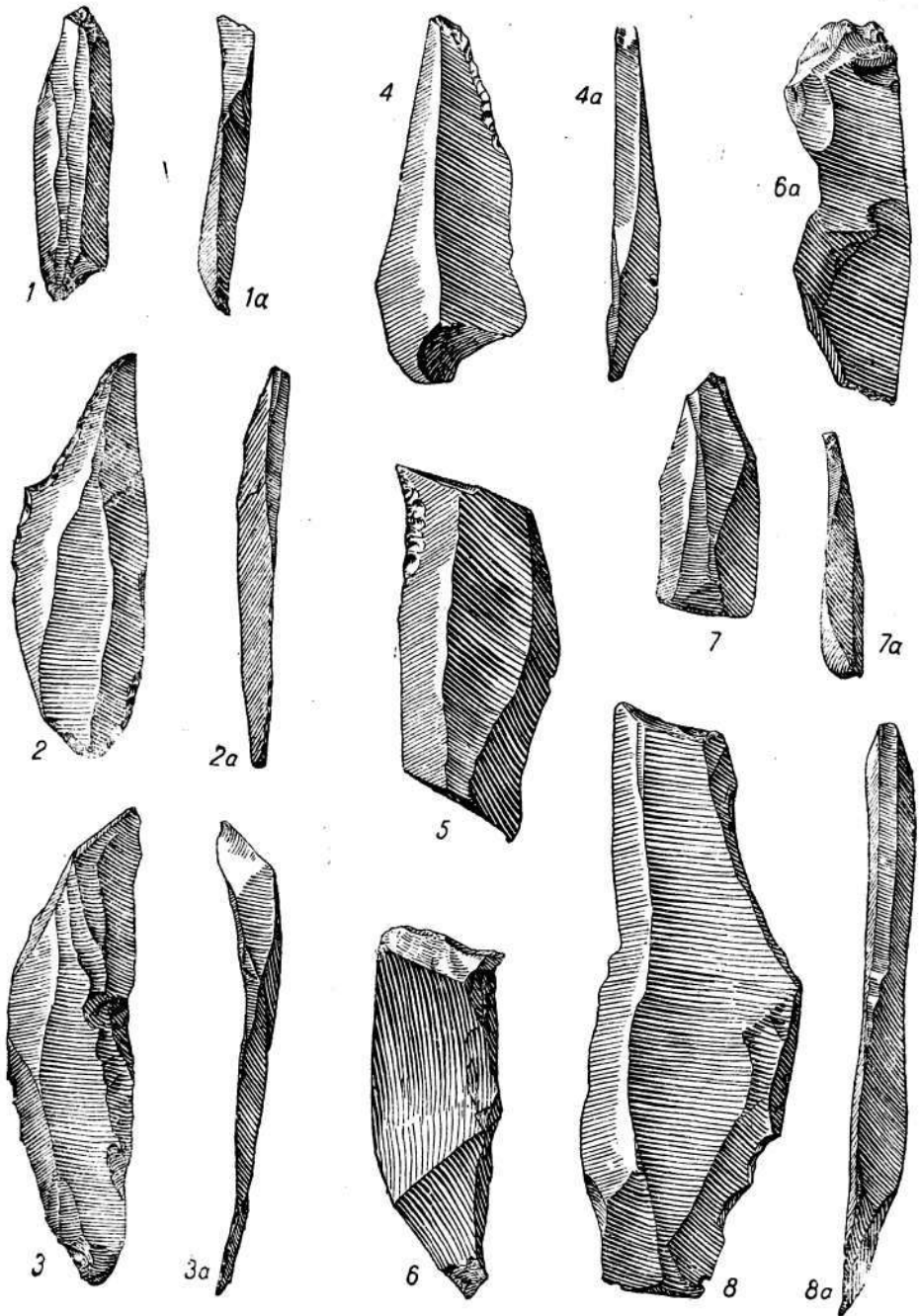
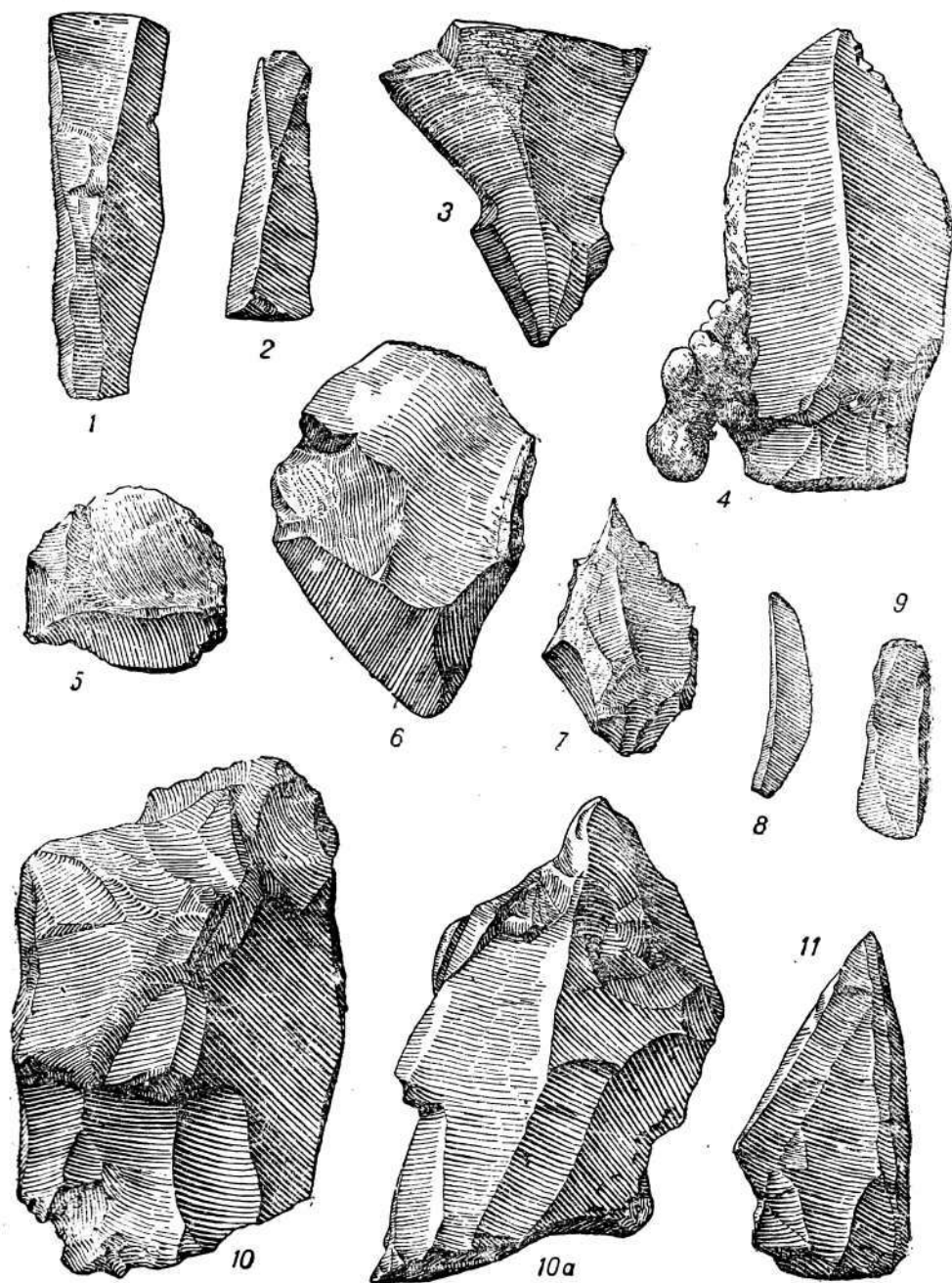

Таблица III

I. PIDOPLIČKA (I. 9. Pidoplitshka)

LA STATION PALÉOLITHIQUE DE TCHOULATOV I

RÉSUMÉ

Jusqu'à ces derniers temps on connaissait sur la rive droite de la Desna, dans les limites de la région de Tchernigov (Ukraine), trois stations du Paléolithique supérieur: Mézène, Novgorod-Séversk (station détériorée par les eaux) et Pouchkari. En 1935, une quatrième station assez importante a été découverte à Tchoulatov, à 8 km. au sud de Novgorod-Séversk.

L'exploration préliminaire de cette station, accomplie en 1935 par l'Institut Ukrainien d'Histoire de la Culture matérielle, a montré toute l'importance qu'elle offre pour la compréhension des conditions d'existence et du mode de gisement des stations du Paléolithique supérieur de la région de la Desna en général.

Les fouilles ont dégagé une surface de 60 m.² La couche archéologique a été mise au jour sur une centaine de mètres.

Conditions de gisement. La station de Tchoulatov est localisée dans une terrasse fluviale ancienne assez étroite, caractérisée par la dénudation de tous les sédiments supracrétacés, sauf les poches de sables vert-bleuâtre crétacés supérieurs à la craie blanche et les restes remaniés de sables et de grès tertiaires directement sus-jacents à la craie ou aux sables sus-indiqués. Au-dessus s'étend une puissante assise (jusqu'à 7 m.) de limon stratifié jaune paille riche en carbonate de chaux, dans le bas de laquelle, à 0,5 m. seulement au-dessus des sables, se trouvent les restes archéologiques. La terrasse est donc du type dit à une couche de limon et sans moraine. La couche archéologique se trouve à une altitude de 24 m. environ au-dessus du niveau de la Desna.

Faune. Sur les 60 m.² fouillés, on a recueilli environ 1000 fragments d'os, dont 800 de mammoth (*Elephas primigenius*). En outre on a trouvé dans la couche archéologique, en dehors de la surface fouillée, des restes de poissons. Parmi les animaux de la station prédominent les formes arctiques typiques, au nombre desquelles l'auteur ne range pas le mammoth qui, bien que membre de la tanatocénose de Tchoulatov, ne faisait pas partie de la biocénose caractérisant l'époque de l'homme de Tchoulatov.

Outils de silex. Sur près de 1000 fragments de silex récoltés, il ne s'en est trouvé qu'une centaine présentant des traces de façonnage.

Objets en os et os portant des traces de façonnage. Comme objets en os on a découvert une petite pioche en forme de marteau en corne de renne, des fragments de poinçons (dont deux faits avec des cubitus de renard bleu), un lissoir cunéiforme en os de mammoth. Comme os à traces de façonnage, on a trouvé une plaquette osseuse avec 9 petits anneaux parallèles, un humérus de loup coupé transversalement, un fémur de renard bleu également coupé, etc.

Restes humains. Dans le carré 13 de la surface fouillée, à la profondeur de 5,12 m., on a recueilli un fragment de crâne humain (partie fronto-pariétale) avec trace de séparation de la partie basale et éraflures artificielles; c'est apparemment une partie d'un crâne servant de vase.

Par le caractère de l'outillage lithique, des objets en os et de la faune, la station de Tchoulatov est presque identique à celles de Mézène et de Novgorod-Séversk. On a donc des raisons d'admettre l'existence simultanée d'une série de stations paléolithiques sur la rive droite de la Desna à l'époque post-glaciaire précoce, à laquelle l'auteur rapporte ces stations.

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

РАБОТЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАЛЕОЛИТА И ЭПИПАЛЕОЛИТА В БССР И ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ в 1933—1935 гг.

В 1933—1935 гг. работы, связанные с исследованием палеолита и эппалеолита, велись в различных частях БССР и в западной части Западной области. Были проведены обследования местонахождений четвертичной фауны и, в нескольких случаях, раскопки палеолитических стоянок.

В 1933 г. была обследована р. Западная Двина от ее верховьев (Калининская область) почти до г. Полоцка. Обследование археологической экспедиции Белорусской Академии Наук показало бедность этого отрезка Двины палеонтологическими остатками. На всем протяжении указанного участка (500 км) были обнаружены только три находки четвертичной фауны. О палеолите на Западной Двине пока не приходится говорить.

Не дало положительных результатов также и междуречье рр. Ипуты — Снови, где обследованию (автором в 1935 г.) был подвергнут западный берег «мертвой» долины р. Ипуты.

Несколько лучшие результаты были получены при обследовании, произведенном автором в 1935 г. на р. Снови (юг Западной области РСФСР и север УССР). Здесь в трех местах найдены палеонтологические остатки. В местечке Седневе (в пределах УССР) обнаружены остатки мамонта и (по данным геолога Г. И. Молякко) носорога. Эти остатки залегают ниже верхней ископаемой почвы, что указывает на их древность. Дальнейшие работы по обследованию этого места являются делом первоочередным.

К последним годам относятся находки фауны межледникового (рисс-вюрмского) времени в районе г. Гомеля, БССР, и г. Дятькова, Западной, теперь Орловской, области (к северу от г. Брянска).

В настоящее время секцией археологии Академии Наук БССР на исследование мест находок четвертичных палеонтологических остатков в БССР обращено серьезное внимание, и ни одна такая находка не остается не обследованной. По БССР составлен (К. М. Поликарповичем) и опубликован в 1932 г. список находок четвертичной фауны. В нем указано 129 находок, среди них две, связанные с верхним палеолитом. К настоящему времени в БССР уже известно до 150 мест подобных находок.

Работы по нижнему палеолиту в БССР и Западной области производились в те же годы, но положительных результатов они не дали. В частности, обследовалось известное местонахождение около д. Гамково (под Смоленском). Гамково указывалось Г. Ф. Мирчинком как возможное местонахождение палеолитической культуры. Остатки мамонта и сибирского носорога залегают здесь под мощными лёссовыми отложениями на плато, что, по Г. Ф. Мирчинку, связано с большой древностью этих остатков (не моложе вюрма). В 1933 г. в Гамкове на месте, где ранее были обнаружены указанные находки, были поставлены незначительные раскопки. Исследования дали только небольшое количество костей; никаких остатков индустрии открыто не было.

В д. Клевевичах (восточная часть БССР) автором велись небольшие раскопки на месте, где ранее были находимы кремни с ретушоподобной обработкой. Раскопки, произведенные в 1934 г., показали, что о палеолите в этом месте приходится говорить с большой осторожностью.

Несмотря на отрицательные результаты перечисленных исследований, дальнейшие поиски стоянок нижнего палеолита на территории БССР и Западной области все-таки нельзя считать безнадежными. Об этом говорит обнаружение нескольких весьма интересных межледниковых отложений флоры, известных по работам, главным образом, В. С. Доктуровского. Присутствие таких теплолюбивых форм, как *Brasenia purpurea*, *Carpinus betulus* (граб), говорит о наличии плейстоценовой фауны (о находках такой фауны уже сказано выше) и о возможности существования здесь палеолитического человека.

Более значительные работы по верхнему палеолиту на данной территории относятся к д. Елисеевичи (к западу от г. Брянска, в 40 км от Супонева и Тимоновки, находящихся рядом с Брянском), в верхнем течении р. Судости (правый приток Десны).

На протяжении 1930—1935 гг. автором велись обследования по Десне, Судости и целому ряду мелких рек Западной области, на территории, обнимающей районы Брянска, Стародуба, Новозыбкова, Мглина, Почепы, Трубчевска, Рослава, Смоленска. Эти обследования привели к открытию на р. Судости верхнепалеолитических стоянок. Первая — это стоянка в д. Елисеевичах, открытая в 1930 г. В 1934 г. открыта стоянка в колхозе Первомайском (д. Юдиново) на Судости, к северу от местечка Погара. Здесь при рытье ямы для колхозного погреба было встречено большое скопление костей четвертичных животных. Обследование этой стоянки показало, что в данном случае можно говорить не об одном, а о двух местах обитания верхнего палеолита, расположенных по двум сторонам широкой ложбины, на расстоянии одно от другого около 200 м. В обоих местах культурные остатки залегают на глубине двух метров. Фауна — мамонт и песец. Раскопок здесь не производилось.

В 1935 г. на средства Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР были поставлены раскопки в Елисеевичах. О находках остатков древней фауны в Елисеевичах было известно уже давно, около 50—60 лет назад. В 1904 г. местный учитель К. А. Зеленецкий сообщил в Черниговскую губернскую архивную комиссию о подобных находках. На это, однако, тогда не было обращено должного внимания. Впервые это место в Елисеевичах было обследовано автором только в 1930 г.

Раскопки 1935 г. нельзя назвать большими: вскрыто всего 24 кв. м (не считая шурфов), причем и эту площадь пришлось уменьшить потом до 20 кв. м.

Стоянка расположена на высоте 12 м на правом берегу Судости, на второй надпойменной террасе, в лёссе. Заложённые в нескольких местах шурфы показали, что с северной стороны стоянки в древности находилась балка, выходившая своим устьем в долину Судости. На мысу, образованном долиной реки и балкой, на южном склоне последней и было расположено древнее поселение. Если это так, то данная стоянка не отличается по условиям своего расположения от других стоянок верхнего палеолита, например в Мезине, Супоневе, Бердыже и др. На северной стороне древней балки установлены следы палеолитического местонахождения (с костями и кремнями), границы которого на севере пока определить не удалось и которое отделено от местонахождения на южной стороне балки расстоянием приблизительно в 30 м. Часть стоянки на южной стороне балки занимает около 100 м в длину и около 50 м в ширину. При закладке раскопа приходилось руководствоваться тем обстоятельством, что в данном месте

был обнаружен хороший выход культурного слоя. Результаты раскопки показали, что место для раскопа было выбрано удачно.

Когда были удалены почва и верхний слой лёсса (всего до глубины от 0.6 до 1.3 м), оказалось, что все вскрытое пространство (20 кв. м) было заполнено громадным количеством костей, главным образом, мамонта. В то время как, например, стоянки в Вердыже и Юровичах (БССР) доставили преимущественно кости конечностей мамонта, на стоянке в Блиссевичах таких костей найдено сравнительно немного (примерно 4—5 экз.). В то же время найдено большое количество черепов мамонта: на 20 кв. м их было обнаружено 27; из них 3 черепа оставлены в стенках раскопа. Кроме мамонта (не меньше 30 экз.), встречено много костных остатков пещера (40—50 экз.); среди них имеются целые черепа, много лапок этого животного. В небольшом количестве в находках представлены волк (2 экз.), медведь (1 экз.), северный олень (1 экз.). Найдено много костей мелких грызунов. Состав фауны, таким образом, не представляет ничего необычного по сравнению с другими стоянками верхнего палеолита восточной Европы.

Среди костей находилось громадное количество кремня и костного угля. В распределении костного угля отмечена та особенность, что он был сосредоточен на пространстве нескольких квадратных метров в юго-восточной стороне раскопа. Костный уголь представляет, очевидно, остаток сплошного очажного слоя толщиной в 40—50 см. В других местах раскопа такого скопления угля не наблюдалось. Чрезвычайно большое количество угля и кремня в юго-восточной части раскопа дает право предполагать, что в данном месте мы имеем дело не с чем иным, как с полом древнего жилища.

Если взять разрез этого места с восточной и южной сторон, то получается такая картина: в южной стене очажный слой идет с некоторым наклоном в направлении к востоку. Дальше, в восточной стене раскопа, очажный слой несколько повышается, причем от середины этой стены в направлении к северу этот слой почти выклинивается, продолжаясь к северу в виде тонкой прослойки вплоть до северной стены раскопа. Ниже этого слоя, наполненного костями и кремнем, идет лёсс с редкими находками. Еще ниже, в северо-восточной части раскопа, расположено большое скопление, о котором будет сказано ниже.

В северо-западном углу раскопа были обнаружены следы второго жилища несколько иного типа. В то время как остатки первого жилища были без стен, второе, уходящее под северную стену раскопа (целиком оно работами 1935 г. не вскрыто), имеет стену, состоящую из вертикально поставленных лопаток, тазов и трубчатых костей мамонта. Пространство между крупными костями в этой стене было заполнено более мелкими. Стена эта оставлена неразобранной и снова закрыта целиком землей с тем, чтобы при будущих исследованиях она могла быть вскрыта полностью. Высота стены равна, приблизительно, 0.7 м.

При раскопках обнаружено, как уже указывалось выше, очень много кремня. Общее число всяких обломков кремня, пунлеусов, пластинок доходит до 20 тыс. Изделия из кремня обычного мадленского типа. На первом месте по количеству стоят резцы (несколько сот). Скребок найдено очень немного — не больше двух десятков.

Костяные орудия представлены несколькими небольшими шильями и иглой (с сохранившимися следами ушка). Остатков дерева совершенно не найдено.

Громадный интерес среди находок, сделанных на стоянке, представляет упомянутое уже выше скопление, которое было обнаружено в северо-восточной части раскопа и имело около 1.5 м в длину и около 0.75 м в ширину, при высоте до 0.73 м. Это скопление было как бы окружено черепами

мамонтов, поставленными на разных расстояниях от него, большей частью альвеолами бивней вниз (бивни отсутствуют). Среди черепов было помещено вместе более 30 бивней (чаще их концов) молодых мамонтов. На некоторых бивнях имеется резьба. Вместе с бивнями было найдено больше десятка овальных пластин, длиной от 15 до 25 см, сделанных из бивня мамонта. Большая часть пластин, с которых удалось удалить прочную корку известкового налета, покрыта резьбой геометрического характера. Интересна пластина, на которой среди такой резьбы имеются три крышеподобных изображения. Весьма любопытна пластина со сплошной резьбой, напоминающей чешую рыбы. Внизу юго-западной части этого скопления была найдена вырезанная из бивня статуэтка (длиной около 15 см) женщины без головы и рук. Здесь же найдено несколько больших берцовых костей небольшого размера, принадлежащих, по видимому, молодым мамонтам. В других местах данного раскопа вещей с резьбой почти не было; были встречены только небольшие обломки костей с нарезками.

Главный интерес находки описанного скопления заключается не только в том, что оно содержит в себе значительное количество предметов палеолитического искусства, но и в том, главным образом, что нахождение их в определенном сочетании дает право говорить о некоторых сторонах идеологии верхнепалеолитического человека. Скопление черепов мамонта, при небольшом количестве длинных костей и других костных остатков, безусловно, не является случайным. Это, конечно, не только остатки трапезы палеолитического человека. Скопление черепов можно рассматривать как свидетельство о той форме первобытной идеологии, которая известна под именем тотемизма. Тотемами являлись в большинстве случаев животные, которые занимали важное место в охотничьей добыче. Мамонт, несомненно, играл большую роль в палеолитической охоте и потому мог быть тотемом известных групп, в то время как у других групп могли быть иные тотемы. Пластины представляют, по видимому, чуринги. Из находок, более близких по времени к пластинам из Елисеевичей, можно указать хотя бы чурингоподобную гальку с резьбой из Пекарны (Моравия), а также вырезанное на челюсти лошади изображение рыбы (?) оттуда же. В более позднем искусстве азийской эпохи (Мас д'Азиль, Бирзек в Швейцарии, некоторые скальные изображения в Испании) можно найти такие же аналогии (на значение, например, азийских галек как чуринг указывали П. Вернерт и Г. Обермайер).

Все скопление в целом можно по аналогии, например, с чурингохранилищами австралийцев рассматривать как хранилище тотемных знаков и чуринг местной верхнепалеолитической группы.

Принимая во внимание состав фауны, характер кремневых орудий и особенности выявленных раскопками предметов «искусства» Елисеевичской стоянки, можно с наибольшей долей вероятности относить ее по времени примерно к рубежу верхнего солютре и нижнего мадлена. Утверждать это можно, конечно, только в том случае, если основной материал стоянки представляет единое по возрасту наслоение, а не распадается, что весьма вероятно, на два хронологически различных горизонта — верхнесолютрейский (со включением в него описанного скопления) и нижнемадленский (с жупищем в юго-восточной части раскопа). Дальнейшие раскопки должны выяснять окончательно стратиграфию стоянки.

Из работ по эппалеолиту БССР и Западной области следует остановиться на следующих. В 1933 г. удалось обнаружить интересную стоянку эппалеолитического облика в дер. Крыжи, на нижней (первой надпойменной) террасе правого берега Западной Двины (ниже Витебска). Культурный слой стоянки, заключающий остатки благородного оленя (*Cervus elaphus*), по определению В. И. Громова, и обработанные кремни (пако-

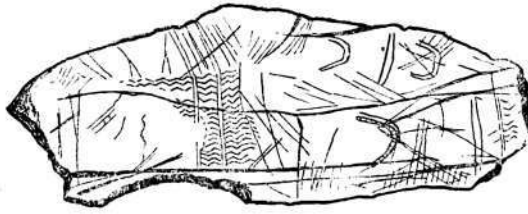

Рис. 1. Пластина из бивня мамонта с резьбой.

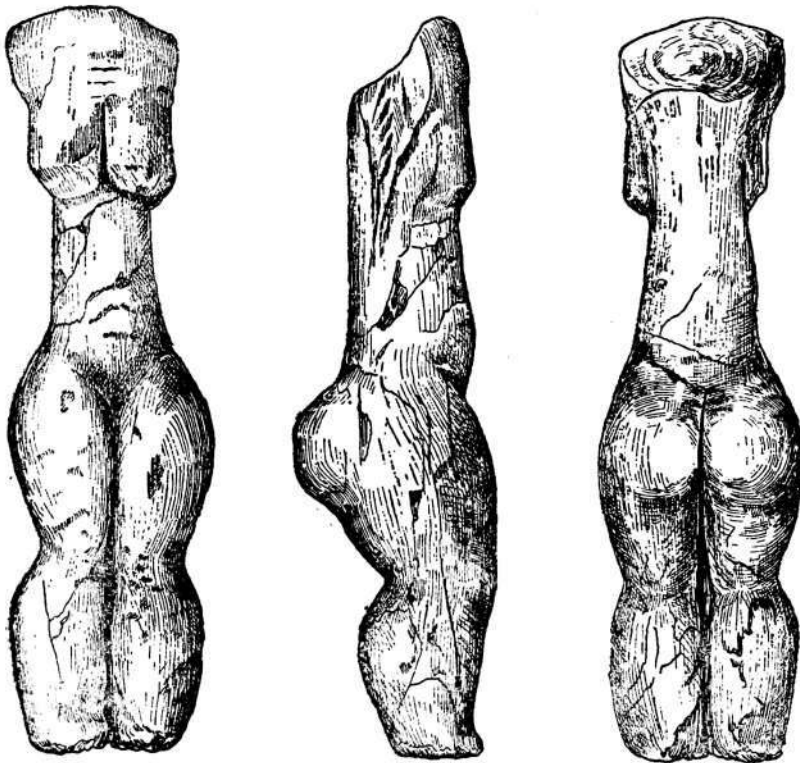

Рис. 2. Статуэтка из слоновой кости.

нечник стрелы, напоминающий тип Font Robert, несколько скребков на небольших отщепках), залегают ниже почвы в красном слое суглинки, отделенном от почвы стерильным слоем такого же суглинки, примерно в 15 см толщиной. По геологическому возрасту эту стоянку можно отнести к анциловому времени (бореальный период), к концу которого формирование первой надпойменной террасы завершилось. В данном случае мы имеем первую датированную довольно точно геологически стоянку эппипалеолита для Белоруссии. Возможно, что здесь будут обнаружены остатки пыльцы. Соответствующие образцы слоя были взяты при раскопках; предстоит их исследование на пыльцу.

В 1933—1935 гг. найдено также несколько эппипалеолитических стоянок в южных частях БССР (в дер. Столбун на р. Беседи — стоянка свидерской стадии) и в Западной области (несколько тарденуазских стоянок на верхней Судости, в окрестностях Елисеевичей).

Что касается задач будущих исследований по палеолиту и эппипалеолиту в БССР и Западной области, то хотелось бы указать, прежде всего, на необходимость дальнейших поисков нижнего палеолита. Следует произвести широкие раскопки в Гамкове, Западной области, а также около г. Орши БССР, на междуречье Днепра и Оршны, где уже известно значительное количество остатков четвертичной фауны (мамонт, носорог, северный олень, овцебык и др.). Необходимо продолжить раскопки стоянки в Елисеевичах, давшей также интересные находки при раскопках 1935 г. Следует начать раскопки верхнепалеолитических стоянок в колхозе Первомайском (дер. Юдиново), а также в дер. Новых Бобовичах (район Новозыбкова). Наконец, весьма интересно было бы поставить исследования эппипалеолитических стоянок, перенести, в частности, поиски их на торфяники, что могло бы привести к установлению хронологических вех последовательной истории человека в БССР и Западной области.

K. POLIKARPOVIČ

L'ÉTUDE DU PALÉOLITHIQUE ET DE L'ÉPIPALÉOLITHIQUE DANS
LA RÉPUBLIQUE SOVIÉTIQUE SOCIALISTE BLANC-RUSSIENNE ET
LA RÉGION DE L'OUEST EN 1933—1935

RÉSUMÉ

De 1933 à 1935 inclusivement, des recherches de restes de faune quaternaire ont été exécutées depuis le cours supérieur de la Dvina du Sud presque jusqu'à Polotsk, dans l'espace d'entre Ipout et Snov et sur cette dernière rivière. Elles ont conduit à la découverte de plusieurs nouveaux gisements de faune quaternaire ancienne, mais sans traces de stations humaines. Les principaux travaux ont été accomplis à la station du Paléolithique supérieur du village d'Iélistiévitshi (à l'ouest de Briansk), dont l'étude avait été commencée en 1930. Les fouilles de 1935 n'ont embrassé qu'une surface restreinte (20 m.²). Malgré cela, elles ont fourni une riche collection d'objets. Les restes archéologiques sont renfermés dans le loess, à la profondeur de 0.6 à 1.3 m. Tout l'espace fouillé était rempli d'ossements de mammoth, surtout de crânes (27 échantillons). En outre, on y a reconnu des os de renard bleu, de renne, d'ours, de loup et de rongeurs. Au milieu des ossements se trouvait beaucoup de charbon d'os et de silex. On a tout lieu de croire qu'il y avait là une habitation humaine, dont on a fouillé précisément le plancher. Dans l'angle nord-ouest, on a mis à découvert des traces d'une seconde habitation, qui a conservé un mur fait d'omoplates, d'os pelviens et de longs os des extrémités de mammoth dressés ver-

ticalement. Particulièrement intéressant est l'amas d'ossements à la partie nord-est de la fouille, qui mesure 1.5 m. de long sur 0.75 m. de large et 0.73 m. de haut. Cet amas était comme entouré de crânes de mammoth, placés à des distances diverses de lui, la plupart les alvéoles en bas et sans les défenses. Dans cet amas étaient disposés plus de 30 défenses (ou surtout d'extrémités de défenses) de jeunes mammoths, dont certaines portent des gravures. A côté, on a trouvé plus d'une dizaine de plaques ovales de 15 à 25 cm. de longueur faites en ivoire de mammoth. La plupart des plaques qu'on a réussi à débarrasser de la croûte calcaire dure qui les recouvrait sont ornées de gravures géométriques. Sur l'une d'elles, on voit parmi ces gravures trois figures en forme de toit. Fort curieuse est une plaque toute couverte de gravures rappelant des écailles de poissons. Dans le bas de la partie sud-ouest de l'amas d'ossements, on a découvert une statuette de femme sans tête ni bras en ivoire de mammoth (de 15 cm. environ de longueur). Cet amas d'ossements a un rapport avec l'idéologie de l'homme primitif. Les plaques à dessins géométriques étaient probablement des churinga.

Les fouilles ont décelé une grande quantité de silex (près de 20 000 pièces). Les plus nombreux sont les burins (plusieurs centaines), tandis qu'on ne compte guère qu'une vingtaine de grattoirs. Les objets en os sont représentés par quelques petits poinçons et une aiguille.

Tenant compte d'une part de la composition de la faune et du caractère de l'industrie lithique de la station d'Iéïssiéévitchi, d'autre part des particularités de ses objets «d'art», on peut admettre avec le plus de vraisemblance que chronologiquement elle se place quelque part à la limite entre le Solutréen supérieur et le Magdalénien inférieur. Il est fort possible que le matériel trouvé se répartit dans deux niveaux chronologiques différents — solutréen supérieur (qui inclut l'amas culturel d'ossements susdécrit) et magdalénien inférieur (avec l'habitation de la partie sud-est de la fouille). Les explorations ultérieures doivent élucider définitivement la stratigraphie de la station.

Au cours des travaux de 1933—1935, on a découvert plusieurs stations épipaléolithiques près des villages de Kryji (en aval de Vitebsk) et de Stolboun sur la rivière Besséd (partie sud de la Russie Blanche), et sur la rivière Soudost.

А. Я. БРЮСОВ

ГОНЦОВСКАЯ СТОЯНКА

Летом 1935 г. Государственным историческим музеем (Москва) и Институтом истории материальной культуры Украинской Академии Наук (Киев) были организованы раскопки известной палеолитической стоянки у сел. Гонцы Лазоркинского района Харьковской области УССР. Раскопками руководил И. Ф. Левицкий.

Были подробно изучены геологические и топографические данные, касающиеся площади самой стоянки. Почти на всем протяжении восточного склона оврага 1 (см. план) были произведены «зачистки»; при каждой такой зачистке на значительном протяжении снималась часть ската на глубину в 2—3 м, а так как раскопки доводились до культурного слоя, находящегося здесь ниже дна оврага, то получались таким образом траншеи в десятки квадратных метров. Такими зачистками в оврагах 1 и 2 было вскрыто около 200 кв. м.

Одновременно в центральной части стоянки были вскрыты две соприкасающиеся площади в 8 на 8 м (квадраты XII и XIII); более северная из них путем прирезки шириною в 4 м к северу и востоку была доведена до основной площади раскопок В. Шербаковского (квадрат XVIII). В конце работ эти раскопки были соединены при

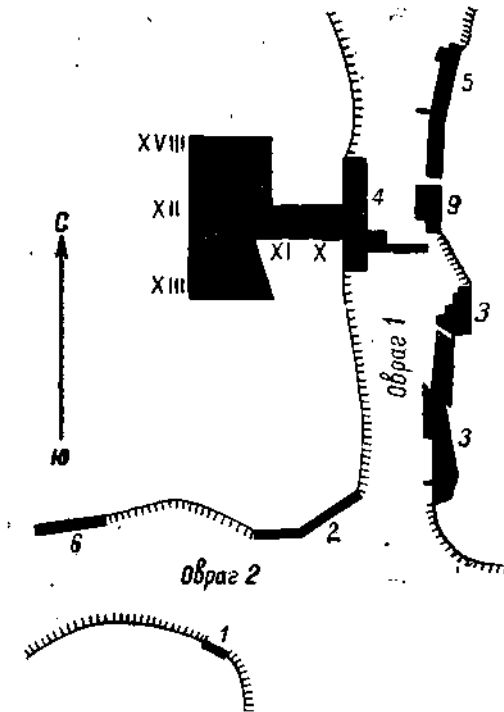

Рис. 1. План раскопок Гонцовской стоянки в 1935 г. Масштаб 1:300. Арабские цифры означают номера зачисток, римские — номера квадратов раскопок.

помощи траншеи в 4 м шириною с зачисткой 4 (квадраты X и XI).

Общая площадь раскопок составляет более 400 кв. м.

Предварительно весь район стоянки был нивелирован относительно уровня воды в р. Удае. Были поставлены нивелировочные столбы, и замеры производились в цифрах высот над уровнем р. Удая.

В статье проф. В. А. Городцова¹ вполне убедительно показано, что Гонцовская стоянка существовала в послеледниковое время (для данной

¹ В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Труды Секции археол. Росс. ассоц. научно-иссл. институтов обществ. наук, т. I.

широты) «в течение развития усиленной делювиальной деятельности, имевшей место во время последнего оледенения».

«Реставрируя по нашему профилю физико-географическую обстановку, — писал В. А. Городцов, — можно представить ее в таком виде: материковый высокий берег, покрытый лёссом третьей межледниковой эпохи, начинает смываться усиленными атмосферными осадками и, становясь объектом действия делювиальных процессов, начинает сползать на пологие спуски к долине реки Удая».

Исследование почвенных разрезов на площади самой стоянки позволяет дополнить это описание. Зачистки по склонам оврага 1 показали, что этот нового происхождения овраг образовался на месте старой низины, уже существовавшей во времена стоянки. Здесь под слоем оподзоленного лёсса («чернозем» в описании В. А. Городцова) залегает желтоватый лёсс мощностью в среднем от 1 до 2 м, ниже которого идут желтоватые лёссовидные суглинки (1), в свою очередь подстилаемые красноватыми суглинками (2). В разных местах лёссовидные суглинки (1) прорезаются прослойками белого песка. Подобная свита тонко наслоенных суглинков и песков, как уже отмечено было В. А. Городцовым, должна быть отнесена к овражным отложениям.

На некоторой глубине в суглинках (1), в зачистках, на одной из песчаных прослоек были обнаружены культурные слои в виде костей четвертичных животных, остатков кострищ, осколков кремня, кремневых и костяных орудий. Частично этот культурный слой подвергся смыву и перемещению, преимущественно в восточной, более низкой своей части. В южной части оврага это выражено распределением костей по их весу: в самой глубокой части оврага 1 (северной) культурный слой сильно размыт.

К западу от оврага 1 лёссовидные суглинки переходят в такого же строения, с такими же песчаными прослойками, слоистый светлый лёсс, обрывающийся у юго-западного угла квадрата XIII, около крутого склона охристых желтых межледниковых суглинков с налегающими на них резко выраженными следами моренного ссыла сверху с глиной и мелкими валунами.¹ Эти охристые суглинки имеют резкое склонение с юго-запада на северо-восток. В юго-западном углу квадрата XIII верхняя поверхность их находится на высоте 8.45 м над уровнем р. Удая, а в зачистке 6 по оврагу 2, на расстоянии около 20 м от этого места, верхняя поверхность этих суглинков достигает уже 13.5 м, т. е. падение их составляет более 20 см на каждый метр.

В слоистых суглинках, обрывающихся около этих охристых суглинков, были открыты культурные наслоения, одно из которых непосредственно сливается с культурным слоем в зачистке 4, лежащим в суглинках 1.

Эти факты позволяют сделать следующее заключение.

На месте современного оврага 1 существовал — до времени стоянки, во время ее и некоторое время спустя — широкий овраг с довольно покатым склоном с запада на восток.² Периодические овражные потоки наполняли эту впадину продуктами размыва местных почв, размывая при этом западный край оврага, состоящий из лёсса, и соответственно располагая материал: сосредоточивая к центру оврага преимущественно размываемые выше слои — лёсс и суглинки, а у западного склона — слой размытого тут же лёсса.

¹ В этом смысле были обнаружены части культурного слоя с костями пещерного (?) медведя.

² При отметке соответственного культурного наслоения в квадрате XIII на высоте 7.28—7.40 м, а в зачистке 4 — на высоте 5.6—5.8 м, падение составляет около 11—12 см на метр.

Во времена, когда происходили эти процессы, здесь, частью на **молодой** возвышенности, частью вдоль широкого оврага, в защищенной от ветра большой ложине второй террасы, около современного сел. Гонцы, периодически разбивали свое стойбище палеолитические охотники. Что такое неоднократное посещение этой ложбины действительно имело место, свидетельствуют культурные наслоения в разных уровнях, обнаруженные при раскопках квадратов XI, XII, XIII и в зачистках 4 и 9.

Процесс отложения лёсса и слоистых лёссовидных суглинков на площади стоянки продолжался и после оставления этого места человеком. По заполнении оврага подобными отложениями место Гонцовской стоянки покрылось, как и другие пологие спуски к долине р. Удая, сползающим с плато лёссом.

Значительный интерес возбуждают некоторые особенности в строении лёссовидных суглинков 1 и 2. Лёссовидные суглинки 1, вместе с заключенным в них культурным слоем, обнаруживают ясные признаки позднейшей дислокации в виде вертикальных трещин и разрывов (рис. 2). Эта дислокация особенно резко была выражена в виде перелома большого кострища на зачистке 4 на протяжении более 2 м, причем северный край разрыва дугообразно поднялся кверху. Лёссовидные суглинки 2 при одинаковом составе по материалу с лёссовидными суглинками 1 резко отличаются от них сильной волнистостью слоев. Оба явления зависят, по видимому, от одной причины, выяснение которой принадлежит участвовавшему в раскопках И. Г. Пидопличка, и были вызваны таянием существовавшей здесь вечной мерзлоты; неравномерное таяние ее вызывало искривление лёссовидных суглинков 2 и дислокацию вышележащих суглинков 1.

Площадь, занятая последовательным рядом стойбищ палеолитических охотников, не вполне выяснена. Но работы 1935 г. показали, что она, несомненно, продолжается на восток за овраг 2, т. е. значительно больше, чем предполагалось ранее. Вместе с тем на этой площади имеется несколько культурных напластований.

Раскопки 1935 г. подтвердили (пока нет других данных) предположение В. А. Городцова, что жилищами на Гонцовской стоянке служили надземные постройки. Край такого жилища был прослежен в квадрате XIII. Пол его представлял собою плотно утопанный лёсс, перемешанный с глиной и кусочками красной охры. На этом полу лежали кремневые орудия и осколки кремня. Можно думать, что резкое обозначение краев этого пола зависит от того, что над этим местом стояло какое-то покрытие, или же эта часть площади была чем-либо огорожена.

Ниже этого края жилища было открыто второе наслоение в виде большого скопления костей мамонта и находившегося около этих костей кострища, вскрытого тоже только частью. Оба наслоения были разделены стерильной прослойкой лёсса в 40 см.

Огромное кострище оказалось на зачистке 4, где вскрытая часть его занимала площадь около 6 кв. м. Следы размытых кострищ были прослежены также на зачистках 3, 5, 9.

Все кострища состояли исключительно из жженных костей. Древесного угля не встречено.

Орудия, найденные в 1935 г., немногочисленны. Больше всего найдено кремневых скребков с полукруглым рабочим краем, большей частью из осколков, реже — на концах ножевидных пластин. К такого же рода орудиям надо отнести скребкообразные массивные нуклеусы. Значительно менее было найдено резцов исключительно бокового типа. Есть дублированные орудия. В единичных экземплярах найдены скобели, ретушированные ножевидные пластины и небольшие костяные шилья. Из украшений найден зуб жвачного животного с двумя концентрическими нарезками.

Среди большого числа костей животных были кости мамонта (преимущественно), бизона, северного оленя, медведя, рыси, россомахи, волка, свиньи, байбака, суслика, зайца, водяной крысы, песца, слепыша и какой-то птицы (не определена).

Рис. 2. Скопление костей в нижнем культурном слое в квадрате XIII.

Время Гонцовской стоянки уже было определено В. А. Городцовым (средний горизонт поздней поры палеолита по классификации В. А. Городцова). Отдельные культурные наслоения стоянки не отличаются в этом отношении друг от друга.

Раскопки 1935 г. были доведены только до 5—7 м над уровнем р. Удая. Они показали, что предыдущие исследователи не всегда доходили до нижних культурных наслоений. Гонцовскую стоянку нельзя считать исчерпанной не только по площади ее, но и в глубину.

A. BRÏUSOV

LA STATION DE GONTSY

RÉSUMÉ

En été 1935, des fouilles ont été exécutées sous la direction de I. Levickij dans la station paléolithique bien connue du village de Gontsy, région de Kharkov (Ukraine). La surface fouillée atteint plus de 400 m.² Les données obtenues permettent de tirer les conclusions suivantes. Sur l'emplacement du ravin actuel existait, à l'époque où s'y trouvaient les stations humaines et quelque temps après, un large ravin à versant assez faiblement incliné de l'ouest à l'est, périodiquement comblé par les produits de la dénudation des sols environnants. Au cours de cette période, les chasseurs paléolithiques vinrent à maintes reprises y établir leurs campements, dont les traces ont été constatées à différents niveaux. Intéressante est la structure des limons, qui accuse des

dislocations ultérieures, dues selon I. Pidoplička au dégel du sous-sol jusqu' alors congelé en permanence. Les fouilles de 1935 ont confirmé la supposition de V. Gorodčov que les habitations de la station de Gontsy étaient des constructions bâties sur le sol. Au-dessous du plancher d'un des logis; on a mis au jour un second niveau plus ancien, avec foyer, d'une superficie de 6 m.² environ. Les instruments en silex trouvés en 1935 sont peu nombreux et consistent pour la plupart en grattoirs et en proportion beaucoup moindre en burins latéraux. Les ossements d'animaux abondent; parmi eux, on a reconnu différents os de mammoth, de bison, de renne, d'ours, de lynx, de glouton, de porc, de bobaque, d'isatis et de loup.

О. Н. БАДЕР

ИЗУЧЕНИЕ ЭПИПАЛЕОЛИТА КРЫМСКОЙ ЯЙЛЫ

(Московский Научно-исследовательский институт антропологии)

В 1927 г. Научно-исследовательским институтом антропологии Московского государственного университета были начаты работы по планомерному изучению памятников эппалеолита на вершинном плато главного хребта Таврических гор, или на так называемой Крымской яйле. За эти годы институтом в горном Крыму было проведено 6 относительно крупных экспедиций: в 1927—1929 гг. под общим руководством В. С. Жукова и в 1930, 1934 и 1935 гг. под руководством О. Н. Бадера. В этих экспедициях приняли участие следующие организации: Главнаука НКП РСФСР, Ялтинский музей краеведения, Центральный музей Тавриды (Симферополь), Центральный музей народоведения (Москва), Институт этнографии Академии Наук (Ленинград) и Управление научно-исследовательских учреждений и университетов НКП. Собранные материалы хранятся в Институте и Музее антропологии Московского университета и в Институте этнографии Академии Наук.

Крымской экспедицией института за эти годы были произведены раскопки трех древних стоянок на Ай-Петринской яйле: Ат-Ваш, у бассейна фермы б. Юсупова и близ вершины Ай-Петри, под руководством В. С. Жукова, а также раскопки стоянки Джайлау-Ваш на Чатыр-даге под руководством О. Н. Бадера. Кроме того, исследованы раскопками древние раковинные кучи на морском побережье в бухте Ласпи (В. С. Жуков) и в Орианде (О. Н. Бадер).

Одновременно О. Н. Бадером, при постоянном участии Е. И. Висниовской (Ялта), в дополнение к разведкам 1916—1922 гг. А. С. Моисеева, произведены поиски и обследование эппалеолитических стоянок на Ай-Петринской, Никитской яйлах, Бабутане, Чатыр-даге и отчасти на Караби-яйле, а также — в северо-восточных предгорьях в Карасубазарском районе. Эти обследования носят вполне систематический характер как по интенсивности поисков и охвату территорий, так и по полноте программы обследования отдельных памятников. Археологическая карта, явившаяся одним из результатов этих обследований, насчитывает свыше 20 открытых стоянок и местонахождений кремневых осколков на южном берегу Крыма, около 80 — на Яйле (в том числе несколько пещер) и 20 — в северных предгорьях Караби-яйлы, а также 6 гротов того же времени на склонах Долго-руковской и Караби-яйлы, частью с хорошо сохранившейся костью.

Научная обработка собранных материалов, по независящим от института причинам, сильно задержалась и была интенсивно двинута вперед лишь в последнее время; поэтому некоторые из предлагаемых ниже общих заключений носят предварительный характер.

Как известно, «поверхность Яйлы образуется юрскими известняками с преобладающим сероватым, почти белым цветом. Виднеющиеся повсюду выходы голубого камня, в форме ли полей или холмов и скал, при преобладаю-

жем или полном безлесии составляют характерную черту ландшафта Яйлы (по В. Талиеву). Основной особенностью Яйлы является ее ярко выраженный карстовый характер. Лес на плато Яйлы встречается в настоящее время только в немногих местах и образован преимущественно буком, а также сосной, иногда грабом, грушей, тиссом, видами клена, можжевельником. Его можно наблюдать чаще в областях ярко выраженных карстовых явлений, на оголенных известняковых склонах, почти лишенных почвы. По климату Яйла может быть подразделена на 2 района (по А. В. Пенюгалову). Климат западной части Яйлы характеризуется как холодный и влажный, восточной — как холодный и полувлажный. Годовая температура Яйлы приравняется к Смоленску или Орлу. Однако, благодаря резким колебаниям, климат Яйлы весьма суров. Летом — очень жаркие дни с прохладными, а то и холодными ночами. Зима отличается большим количеством снега и очень сильными ветрами, вследствие чего бывают большие заносы, и Яйла становится буквально непроходимой.

Почвы Яйлы (по А. Криштофовичу) преимущественно представляют собою нерастворимый продукт химического разложения известняка — глинистую красную почву (*terra rossa* Неймайра), которая местами достигает мощности 1.50 м, не вскипает с кислотой (отсутствие солей извести), сверху на 5—7 см окрашена гумусом. Кроме того, указываются еще щебнистые почвы, расположенные на каменистых склонах; слабо гумусные глинистые почвы располагаются большей частью в понижениях; почва же более возвышенных и горизонтальных площадей носит горно-луговой характер (по Богословскому, Яната, Клепинину) с гумусностью, в несколько раз превышающей почвы склонов и придающей почвам темную, буро-коричневую окраску. Характерной особенностью части почв Яйлы является их прекрасно выраженная зернистая, ореховатая структура.

Веками продолжавшийся на Яйле выпас огромного количества скота, преимущественно овец, неминуемо вел к разрушению дернового покрова путем не столько вытравливания, сколько постоянного вытаптывания поверхности тысячными овечьими стадами, в особенности на местах их стоянок и перегонов. Рыхлый почвенный покров после нарушения целостности покрывающего его дерна крайне легко подвергается размыванию, а постепенно и смыванию со склонов, частью отлагаясь затем в низинах, частью уносясь водами Яйлы. В настоящее время вся поверхность Яйлы пестрит темными или желтыми пятнами подобных размывов. Это же явление привело к разрушению большого числа находящихся на Яйле остатков древних стоянок человека, без чего наши поиски не могли бы быть столь продуктивны.

Древние стоянки Яйлы чаще всего обнаруживаются по находкам кремневых осколков и орудий на поверхности вышеописанных размывов почвы. На плоскогорье они располагаются как у его края, над склонами (рис. 1), так и в глубине плато, в его центральных частях. Они находятся под защитой скал или холмов, в седловинах, а также и на совершенно открытых пространствах.

Резко выраженный карстовый характер Яйлы делает ее почти совершенно безводной. Источники питьевой воды, за единичными исключениями, на Яйле отсутствуют и выходят на поверхность обычно ниже, на ее склонах или в глубоких низинах и балках. На Яйле вода местами задерживается только в некоторых замкнутых древних карстовых котловинах, на дне которых скопился нанос толстого, водонепроницаемого слоя глины. Мелкие, но иногда довольно обширные по площади скопления снеговой и дождевой воды в таких низинах образуют немногочисленные озера или «голи», в благоприятные годы сохраняющиеся целое лето. Таким образом редкость водоемов привела к тому, что почти всегда поблизости от источников или

крупных «голей» находятся и следы стоянок. Крупнейшие из них расположены, как правило, близ источников, действующих и в наше время.

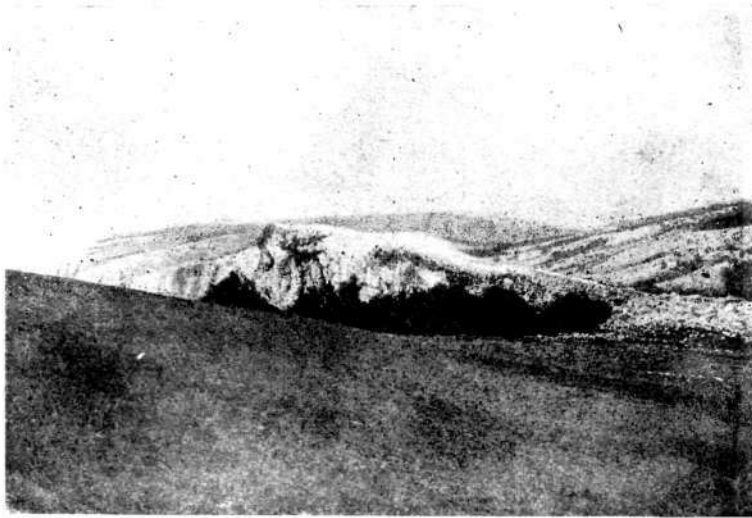

Рис. 1. Условия, типичные для расположения эппалеолитических стоянок у обрывов Яйлы над Южным Берегом.

Большинство обследованных местонахождений, преимущественно беднейших по количеству находок, не дает возможности судить об их стратиграфии: сделанные на них разведочные шурфы вовсе не обнаружили никаких культурных остатков в слое, и последние находились исключительно на поверхности. Эти местонахождения представляют собою обычно мелкие, совершенно разрушенные стоянки.

На некоторой части стоянок удалось обнаружить находки в почвенном слое. Однако в большинстве случаев это — сильно разрушенные стоянки, и условия на них не создают полной уверенности в том, что культурные остатки здесь не находятся во вторичном залегании.

О подлинной стратиграфии стоянок Яйлы дают представление стоянки, подвергнутые раскопкам, в особенности — стоянка Ат-Баш над Симензом, на которой был изучен явно ненарушенный культурный горизонт. Стратиграфия слоев Ат-Башской стоянки такова (рис. 2):

1. Под очень тонким, слабым дерном — верхний почвенный, глинистый темный слой, ореховатой структуры.

2. Светлая, серо-желтая глина со включением мелкого неразрушившегося щебня. В этом слое, так же как отчасти и в верхнем, залегают культурные остатки, но в явно вторичном залегании, с примесью средне-

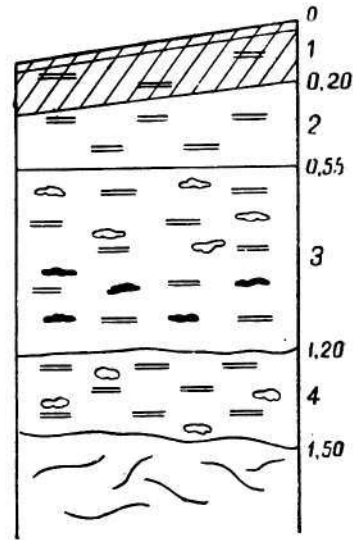

Рис. 2. Стратиграфия слоев на стоянке Ат-Баш.

вековой керамики, происходя из разрушенного, размытого в верхней (по склону) части стоянки горизонта первичного залегания культурных остатков.

3. Плотная, желтая глина в нижней части со включением рыхлых, сильно разрушившихся посредством окисления железистых, темнобурых, почти черных остатков щебня; в верхней части — ореховатой структуры, со включением невыветрившегося щебня. Приблизительно в средней его части, между двумя вышеописанными его горизонтами, находился нетронутый горизонт залегания культурных остатков, но содержащий кусочки угля, охры, мелкие фрагменты костей животных, остатки очага и однородную массу кремневых орудий и осколков, относящуюся к эпипалеолитической эпохе.

4. Наконец, в наиболее глубоких, контрольных участках удалось наблюдать древнюю подстилающую глину, плотную и вязкую, буро-красного цвета, местами переходящую в буро-желтый. В этой глине, лежащей непосредственно на скале, содержатся небольшие окатанные кусочки известняка. По мнению некоторых геологов, изучавших отложения Ат-Башской стоянки во время раскопок, эту глину можно сопоставить с валунной глиной и, следовательно, отнести ее к четвертичной эпохе. Переход этой глины в вышележащую мало заметен.

Таким образом горизонт залегания эпипалеолитических остатков крымской Яйлы соответствует отложениям древней постчетвертичной желтой глины, со включением остатков темного, сильно выветрившегося щебня, ниже непосредственно переходящей в буро-красную и буро-желтую глину четвертичного возраста с окатанными кусками известняка.

Трудность обнаружения в условиях горного ландшафта хорошей сохранности стоянок под открытым небом, дающих уверенность в ненарушенности слоя с культурными остатками, заставляет обратить особое внимание на изучение пещер на Яйле, в особенности же — пещер Чатыр-дага. Раскопкам они подвергнуты еще не были, но наше предварительное обследование показало наличие в них мощных (до 3 м) культурных отложений с хорошо сохранившимися остатками костей и т. п., почти всегда к нашему времени без следа исчезающих на открытых стоянках.

Среди собранных нами на стоянках Яйлы остатков материальной культуры подавляющее количество принадлежит кремневым орудиям, которых найдены тысячи, в соединении с десятками тысяч кремневых осколков. Инвентарь кремневых производственных орудий состоит из скребков на сколах, огромного количества небольших, нередко очень мелких ножевидных пластинок и соответствующих им нуклеусов, ножевидных пластинок с выемкой, с боковой ретушью, микропластинок с притупляющей боковой ретушью, скребков на конце ножевидных пластинок, боковых резцов на пластинках, проколов, наконец, типичных мелких сегментовидных и трапециевидных орудий, а также кремневых отжимников для нанесения ретуши и т. д. Весь комплекс перечисленных орудий указывает на огромную роль ножевидной пластинки в технике обработки кремня: из нее сделаны почти все категории орудий. Кроме того, не подлежит сомнению, что кремневый инвентарь стоянок Яйлы достаточно ясно указывает на широкое применение техники изготовления сложных вкладышевых орудий, чему была подчинена и техника выделки так называемых микролитических орудий. Вкладышами, укреплявшимися в деревянных или костяных стержнях, являлись не только орудия в виде сегментов и трапеций, но и, в большом числе, ножевидные пластинки.

Во времени вся масса стоянок Яйлы располагается, повидному, между поздним азилом и неолитом включительно. Следует отметить, что для них намечается более близкое сходство с культурой стоянок того же

времени на юго-западе, в Средиземноморье, чем со стоянками северо-западных областей.

Чрезвычайный интерес представляют неоднократно сделанные нами на стоянках Яйлы находки фрагментов древней грубой керамики коричневого цвета, с заостренными днищами, подобно тому, как мы имеем это для керамики датских кьёккенмёддингов. Один экземпляр такого днища вместе с отдельными фрагментами стенок был найден в нижнем, ненарушенном слое стоянки Ат-Баш (рис. 3), на древнем очаге, вместе с целостным, хорошо выраженным комплексом кремневых орудий, без сомнения связан с последним и, следовательно, относится к тарденуазской эпохе. Таким образом, если эти тарденуазские стоянки Крыма совпадают по времени с аналогичными стоянками Западной Европы, мы имеем здесь остатки древнейшей в Европе керамики. Условия безводной Яйлы могли оказать положительное влияние на весьма раннее появление здесь глиняной посуды.

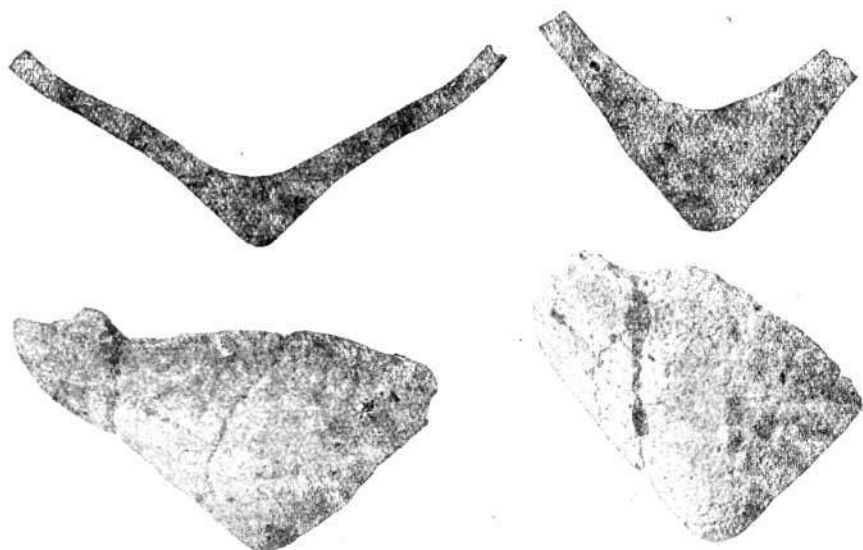

Рис. 3. Фрагменты днищ глиняных сосудов со стоянок Ат-Баш и Балин-Кош. 2/3 н. в.

На некоторых стоянках нами обнаружены остатки также безусловно древней, но несколько иной керамики. Так, раскопки стоянки Джайлау-Баш на Чатыр-даге, результаты которых, к сожалению, утрачены, дали два различных по составу и окраске слоя: в нижнем залегало большое количество тарденуазских кремневых орудий без керамики, в верхнем — более поздний комплекс безусловно тарденуазского же облика с достаточно многочисленными обломками грубой, плохо обожженной керамики. Весьма вероятно, что при отсутствии в Крыму памятников хорошо выраженного неолита эти находки при дальнейшем их изучении позволят разрешить вопрос о, по всей вероятности, своеобразных формах «микролитической» же культуры, соответствующей в Крыму неолитической эпохе.

Среди прочих остатков, найденных на древних стоянках Яйлы, следует отметить каменный светильник, аналогичный мадленским, находки некоторых украшений и, в особенности, нескольких орнаментированных камней безусловно культового значения (стоянка Балин-Кош). Один из них, изданный Т. Ф. Гелахом, представляет собою окатанную гальку, три других — плоские, удлиненные куски глинистого сланца с орнаментом,

нацарапанным в виде тонких линий, черточек и зигзагов (рис. 4). Само собою напрашивается сопоставление их с раскрашенными гальками западно-европейского азилия.

Остатков жилищ на открытых стоянках Яйлы не обнаружено.

Для суждения о хозяйственных условиях описанных эппалеолитических поселений большое значение имеет вопрос о ландшафте Яйлы в рассматриваемую эпоху. Вопрос об естественно присущем Яйле ландшафту имеет большую литературу, излагающую большую часть противоречивые мнения различных специалистов, и до сего времени не считается окончательно разрешенным. В результате самостоятельного изучения этого вопроса, учитывая также данные археологии, мы пришли к общему выводу о том, что в прошлом Яйла была покрыта почти сплошными лесами, которые были здесь уничтожены человеком частью путем выжигания, частью благодаря неумеренному выпасу стад, подрывавшему возможности лесовозобновления, причем процесс уничтожения яйлинских лесов сделался интенсивным вряд ли раньше эпохи средних веков. Вывод о лесном ландшафте Яйлы мы считаем возможным распространять и на эпоху эппалеолита.

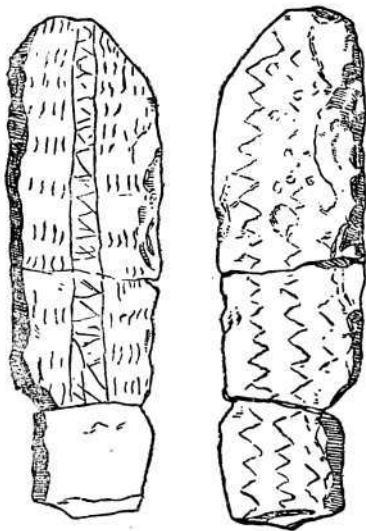

Рис. 4. Один из орнаментированных камней со стоянки Балин-Кош. 3/4 н. в. Рис. Е. И. Висниевской.

Следовательно, изучаемые стоянки были расположены в лесах или на их опушках, будучи в свое время более защищены от господствующих здесь сильных ветров, чем в наше время. Обитателями их были охотники на лесного зверя — благородного оленя, кабана, косулю, остатки которых найдены на стоянках. Отмеченная же выше суровость зим Яйлы и редкость здесь удобных естественных убежищ в виде пещер заставляют считать эти стоянки сезонными, летними стоянками охотников. Некоторые из них, наиболее излюбленные, посещались из года в год в течение продолжительных периодов и накопили значительное количество культурных остатков. Заключение о сезонном характере стоянок Яйлы может быть подкреплено их внешним обликом — в большинстве случаев крайней незначительностью, а также и тем, что зимою Яйла вследствие суровости климата покидается и большинством животных, спускающихся на ее склоны.

В то же время северные предгорья Крыма, отличающиеся более благоприятным климатом, изобилующие пещерами, гротами, удобными убежищами под навесом скал, без сомнения, являлись зоной постоянного обитания родовых групп эппалеолита, в том числе и тех, которые в теплое время года использовали природные ресурсы Яйлы. В этом убеждают находки пещерных поселений, сделанные в предгорьях экспедициями Г. А. Бонч-Осмоловского и нами в 1935 г.

Находки на стоянках Яйлы морских галек доказывают и без того несомненный факт постоянных общений обитателей Яйлы со склонами южного берега Крыма. В связи с этим приобретают особый интерес остатки целого ряда древних раковинных куч с кремневым инвентарем, известные на морском побережье южного Крыма. Мы знаем, что именно в эпоху эппалеолита морские побережья Западной Европы и Северной Африки покрываются

большим количеством подобного рода стоянок, и надо думать, что в Крыму мы имеем аналогичную картину.

Продолжение начатых исследований, можно надеяться, позволит нам ближе разобраться в сложном комплексе памятников крымского эпипалеолита, с редкой убедительностью показывающем уменьше эпипалеолитического населения Крыма разносторонне использовать разнообразные природные ресурсы страны.

Мы рассчитываем продолжать свои исследования во всех указанных районах Крыма.

O. BAHDER

L'ÉTUDE DE L'ÉPIPALÉOLITHIQUE DU YAÏLA DE CRIMÉE

RÉSUMÉ

L'Institut d'Anthropologie de l'Université de Moscou a commencé en 1927 et continué jusqu'à ce jour l'étude méthodique des monuments paléolithiques et épipaléolithiques dans la Crimée montagneuse. De 1927 à 1929 furent accomplies trois missions sous les ordres de B. Žukov et en 1930 trois autres, dirigées par O. Bahder. Des fouilles furent exécutées dans trois stations sur le Yaïla d'Al-Pétri (At-Bach, près du bassin de l'ancienne ferme Jussupov et près du sommet de l'Al-Pétri) et dans une station sur le Tchatyrdagh (Djalou-Bach), ainsi que dans des amas de coquillages anciens sur la côte sud de la Crimée: baie de Laspi et Orianda.

En même temps, O. Bahder a effectué, en collaboration constante avec E. Visniovskaja (Yalta), des recherches de monuments anciens et leur exploration sur le Yaïla d'Al-Pétri, le Yaïla Nikitine, le Babougane, le Tchatyrdagh, ainsi que sur le Karabi-Yaïla. Au cours de ces travaux, il a étudié plus de 20 stations et gisements à ciel ouvert sur les versants sud des montagnes, plus de 20 sur les versants nord du Karabi-Yaïla et 75 environ sur les plateaux supérieurs.

Le climat du Yaïla de Crimée est froid et humide. Son caractère nettement continental et les vents violents le rendent fort rigoureux. En hiver la traversée du Yaïla est impossible à cause des neiges. La question des causes du déboisement actuel du Yaïla a donné lieu à toute une littérature, mais elle n'est pas définitivement élucidée jusqu'à présent. Selon toute vraisemblance, le Yaïla était jadis presque entièrement couvert de forêts, plus tard détruites par l'homme.

Les stations anciennes du Yaïla se révèlent le plus souvent d'après les trouvailles d'éclats et instruments de silex à la surface érodée du sol. Sur le plateau, elles sont situées aussi bien près de ces versants qu'au fond même du plateau, au voisinage de sources et de petits marécages (fig. 1). Dans leur immense majorité, elles sont fortement détériorées, occupent une surface peu étendue et n'ont pu servir de lieu d'habitation prolongée. Dans certaines des stations fouillées, les restes archéologiques sont localisés dans l'argile jaune postquaternaire ancienne (fig. 2).

L'état de conservation défectueux des stations en plein air fait accorder une attention particulière aux fouilles des grottes du Yaïla, où, d'après les observations de l'auteur, les couches archéologiques atteignent parfois une puissance de 3 m.

Tout le complexe des instruments en silex dans les stations décrites accuse le rôle énorme des lames-couteaux dans la technique. Il apparaît évident que non seulement les pièces en forme de segments et de trapèzes, mais sou-

vent aussi les menues lames-couteaux étaient insérées au bout d'un manche en bois ou en os.

Dans plusieurs stations du Yaïla, on a trouvé des fragments de céramique, en particulier de fonds de vase en pointe semblable à ceux des kjoekkenmoedings danois. Un échantillon de pareil fond de vase avec fragments des parois (fig. 3) a été découvert dans la couche épipaléolithique inférieure intacte de la station At-Bach, sur un foyer, avec tout un complexe bien caractérisé d'instruments en silex; sa relation avec ce dernier est incontestable, ce qui le fait rapporter au Tardenoisien.

Dans certaines stations, on a décelé également des restes de céramique, mais d'un caractère quelque peu différent, associés à des pièces d'insertion microlithique. Il est fort probable que cet outillage date du Néolithique, période encore à peine étudiée en Crimée et dans la partie nord de la région de la mer Noire.

Comme autre restes recueillis dans les stations du Yaïla, il convient de mentionner une lampe en pierre analogue à celles du Magdalénien de l'Europe occidentale et, surtout, plusieurs pierres ornementées ayant incontestablement une valeur culturelle (station Balin-Koch). Ces galets et pierres ornementées (fig. 4) peuvent être rapprochés des galets colorés de l'Aziléen de l'Europe occidentale.

Les stations du Yaïla n'ont pas un caractère uniforme. Chronologiquement elles se placent entre l'Aziléen et le Néolithique inclusivement, la plupart appartenant à l'époque tardenoisienne.

La rigueur de l'hiver sur le Yaïla et la rareté des refuges naturels commodes tel que grottes et abris, ainsi que l'absence de restes d'habitation dans les stations étudiées, obligent à considérer ces dernières comme des stations saisonnières estivales de chasseurs. Certaines d'entre elles, auxquelles on accordait la préférence, étaient évidemment les principales résidences d'été, fréquentées d'année en année durant des périodes prolongées, et il s'y est accumulé une quantité considérable de restes de culture.

Outre la liaison incontestable du Yaïla avec les régions de l'avant-pays nord, les trouvailles répétées de galets marins dans les stations du Yaïla prouvent des rapports constants des habitants du Yaïla avec le littoral. Cela confère un intérêt particulier aux restes de tas de coquillages anciens avec instruments et éclats de silex colorés découverts par les missions de l'Institut d'Anthropologie de l'Université de Moscou sur la côte sud de la Crimée.

Les stations épipaléolithiques du Yaïla ne doivent pas être examinées isolément. Elles constituaient, avec les stations des versants nord et les stations du littoral, un complexe économique déjà assez compliqué, mais unique, lié selon toute probabilité aux mêmes groupes claniques de la société primitive.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

I

За последние годы в Верхнем Поволжье было открыто несколько древних стоянок с находками своеобразных каменных орудий, напоминающих по своим формам остатки эппалеолитического возраста. Один из этих пунктов — стоянка у с. Соболева около устья р. Дубны — был исследован путем раскопок, другие же три — стоянки у с. Золоторучье, с. Коприно и дер. Заладь — установлены на основании разведочных обследований и раскопок, произведенных О. Н. Вадером в 1932—1933 гг. В имеющихся публикациях памятники эти были интерпретированы как эппалеолитические, близкие стоянкам свидерской стадии.¹

По своим топографическим и стратиграфическим особенностям все четыре указанных пункта оказались почти равноценными. Находки были сделаны на берегах Волги на прибрежных дюнных всхолмлениях, не заливаемых в половодье. Культурный слой с находками кремневых изделий на стоянках у Соболева, Золоторучья и Заладь залегал непосредственно под незначительным слоем с остатками старых русских селищ, а у Коприна — непосредственно под почвенным слоем. В трех пунктах (Соболево, Коприно и Заладь) почвенный слой был перекрыт современными песчаными наносами небольшой мощности, образовавшимися теперь в связи с разрушением этих дюн ветром.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что стратиграфия волжских стоянок далеко не идентична условиям залегания свидерских остатков, культурные слои которых лежат, как правило, в основании параболических дюн бореального времени, соответствующего эпохе анциллуса в Прибалтике. Расположение культурных остатков волжских стоянок на гребнях дюн является фактом, говорящим далеко не в пользу признания их древнего возраста. Мало того, материалы геологических исследований последних лет позволяют утверждать, что возраст береговых дюнных всхолмлений верхней Волги не может быть старше суббореального времени. А это значит, что культурные остатки, лежащие на гребнях дюн, могут быть датированы временем либо конца суббореального периода, либо начала субатлантического периода в истории послеледниковых климатических колебаний северной Европы. Другими словами, эти остатки по данным геологии являются более поздними, чем памятники неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Таким образом определение времени волжских стоянок на основании геологических данных позволяет сделать выводы, диаметрально противо-

¹ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. ГАИМК, вып. 109; М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы. Труды II Междунар. конф. ассоциации по изуч. четверт. пер., т. V.

положные тем, которые были получены на основании изучения морфологии культурных остатков. Окончательное разрешение вопроса о возрасте некоторых волжских стоянок было достигнуто в верхнем Поволжье на основании работ, произведенных в 1935 г., а также исчерпывающего учета всего старого материала по верхневолжскому неолиту.

II

Летом 1935 г. во время работ экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в зоне строительства Угличской гидроэлектростанции и связанной с этим строительством зоне затопления были произведены раскопки двух стоянок, кремневый инвентарь которых формально близок эппалеолиту. Первым памятником явилась стоянка у с. Золоторучье около Углича, вторым—стоянка в устье р. Куксы между Калязиным и Угличем. Кроме того, была обследована стоянка у с. Коприно, между Мышкиным и Мологой.

В результате этих исследований получен материал, точно определяющий возраст памятников временем последних этапов употребления каменных орудий, что вполне согласуется с данными четвертичной геологии этого района.

Стоянка у с. Золоторучье расположена в 0,25 км ниже села на краю берега, на северном конце небольшого песчаного возвышения, представляющего собой сильно деформированную дюну. Площадь распространения древних культурных остатков не превышает сейчас 40×15 м. Раскоп, заложенный в центральной части стоянки, имел размеры 12×4 м. Территория стоянки и соседние части берега, повидному в XVI столетии, служили местом кладбища, и поэтому в значительной части раскопа культурный слой оказался нарушенным могилами. Не затронутым могилами оказался участок в южной части раскопа, в пределах которого вокруг древней очажной ямы были сделаны наиболее интересные находки.

Стратиграфия стоянки имеет следующий характер:

0—15 см — гумусированный песчаный слой с остатками XVI столетия и более позднего времени, образовавшийся в результате естественной нивелировки, которой подвергалась территория покинутого кладбища.

15—50 см — желтоватый песчаный горизонт с серыми пятнами и мелкими обломками кальцированных косточек, содержащий древние культурные остатки.

50 см и глубже — чистый дюнный песок белой окраски.

Культурный слой стоянки оказался чрезвычайно насыщенным материалом. В результате раскопок получены 1300 отщепов и осколков кремня, 135 правильных ножевидных пластин, целых и обломанных, 10 призматических нуклеусов классической формы, ряд пластин с краевой ретушью, косые острия из ножевидных пластин, острие «с ножкой», миниатюрные скребки, в том числе изготовленные на ножевидных пластинах (рис. 1). По общему облику весь этот инвентарь чрезвычайно напоминает материалы эппалеолитических стоянок.

Однако здесь же, в культурном слое, в условиях, исключающих возможность каких-либо смещений, были сделаны и другие находки. Найденны: каменное двусторонне обработанное орудие, повидному мотыга, обломки нескольких крупных кремневых орудий с двусторонней обработкой, шлифованный сланцевый топорик, обломки двух других шлифованных орудий, большой шлифовальный камень и, наконец, обломки керамики с «сетчатым» орнаментом.

Керамика эта чрезвычайно характерна. Она плохо обожжена, содержит в глине песчаную примесь. Такая керамика уже не раз была находима

в культурных слоях наиболее поздних неолитических стоянок, предшествующих появлению на этой территории поселений в виде городищ (рис. 2).

Такого же рода культурные остатки были получены в результате исследования стоянки в устье р. Куксы. Правда, кремневый инвентарь там содержал меньше эппалеолитических черт, однако там найдены и ножевидные

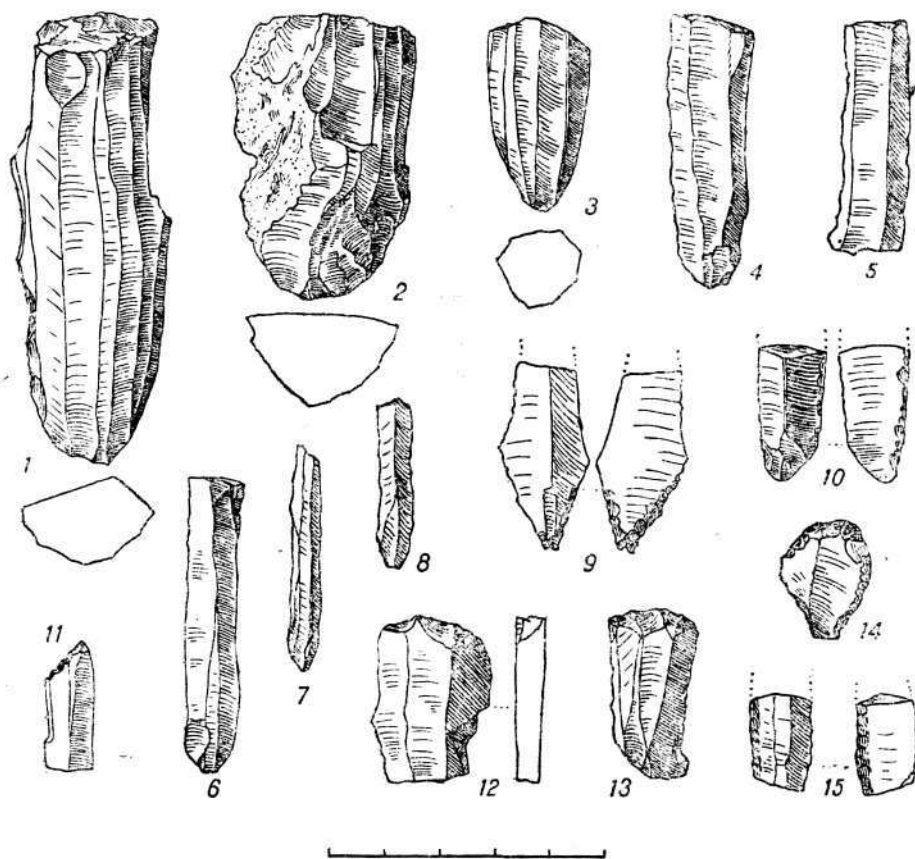

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки у с. Золоторучье.

пластины и призматические нуклеусы, два резца бокового типа и острие «типа Лингби». На ряду с этим встречается керамика с «сетчатым» и «гребенчатым» узором.

Несколько обломков такой керамики было обнаружено на дюне у с. Коприно, где раскопки в 1935 г. поставлены не были.

III

Среди известных уже давно верхневолжских неолитических стоянок имеется целый ряд местонахождений, в культурном слое которых на ряду с позднеолитическими остатками были встречены каменные орудия, формально близкие эппалеолитическим.

Группа таких стоянок известна в районе г. Костромы при впадении р. Костромы в Волгу. Здесь сравнительно на небольшом пространстве имеется ряд дюнных стоянок, культурные остатки которых совпадают

с материалами стоянки у с. Золоторучье.¹ Особо следует отметить стоянку у дер. Некрасово (б. Святое), откуда происходят несколько сот ножевидных пластин, призматические нуклеусы, остря «с ножкой», скрепки на конце

Рис. 2. Обломки керамики из стоянки у Золоторучья.

ножевидной пластины п, на ряду с этим, шлифованные орудия, неолитические наконечники стрел и керамика с «гребенчато-сетчатым» орнаментом.

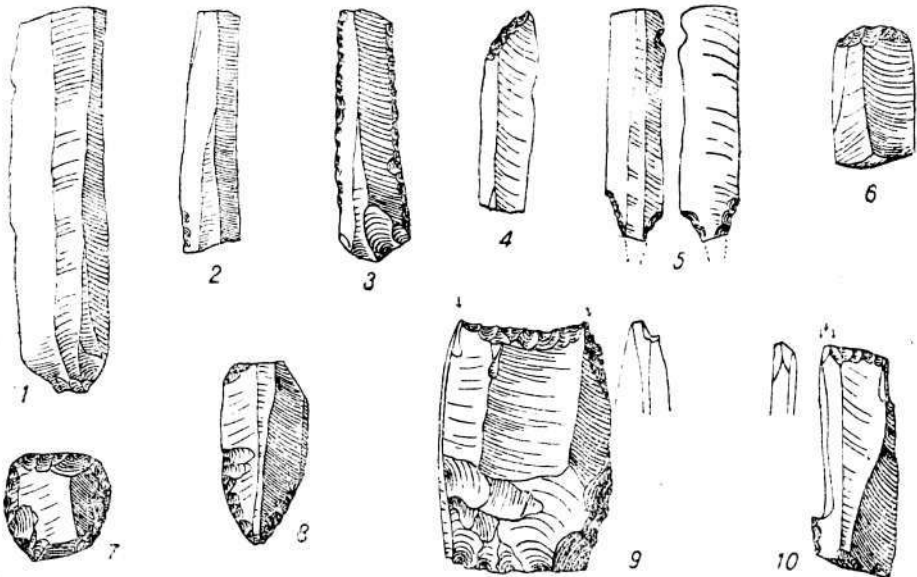

Рис. 3. «Эпинеолитические» орудия Бологовской стоянки.

В 1933—1934 гг. автором этих строк была исследована аналогичная описанным выше стоянка у с. Устье в 12 км выше г. Ярославля. В ее культурном слое, лежащем непосредственно под слоем с находками III—V вв. н. э., встречены вместе с «сетчатой» керамикой разнообразны каменные орудия, по форме напоминающие эпинеолитические.

Группа таких же стоянок была выявлена на дюнных всхолмлениях р. Мологи. Таковы стоянки у дер. Бутырки, у дер. Елец, в устье р. Кудашь, на северном берегу оз. Яно, и, наконец, у дер. Сенцы, где на пашне были собраны 30 ножевидных пластин, призматический нуклеус, шлифованный

¹ Н. М. Бекаревич. О каменном веке в Костромской губ. Труды Ярославск. обл. съезда, М., 1902.

топорик, обломок другого шлифованного орудия и сильно окатанная керамика. Материал молодежских стоянок кратко опубликован в сборнике «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», т. I.¹

Псевдоэпипалеолитические стоянки известны не только на берегах Волги, но и в других, отдаленных от берега Волги, районах.

Можно указать на стоянку в устье р. Юг на Чухломском озере, где, на ряду с керамикой, встречен ряд орудий эпипалеолитического облика, в том числе миниатюрная трапеция из кремня, обработанная со всех сторон.²

Множество ножевидных пластин и орудий из них было встречено вместе с «сетчатой» керамикой на р. Лахости около г. Нерехты.³

Нельзя не указать, наконец, на материал верхних слоев известной Бологовской неолитической стоянки, где, вместе с керамикой, орнаментированной «гребенчатым» и «сетчатым» узорами, и шлифованными каменными орудиями, встречено большое число ножевидных пластин, пластин с ретушью, острый «с ножкой», наконечников стрел эпипалеолитического характера и, наконец, несколько резцов (рис. 3).⁴

Работы последних лет показали, что не только в Верхнем Поволжье, но и в других районах Восточной Европы памятники времени последних моментов употребления каменных орудий характеризуются инвентарем, формально близким эпипалеолитическому, и что значительное число так называемых «микролитических» стоянок должно быть отнесено не к тарденуазу, а к эпохе раннего металла. В качестве примеров можно указать на исследования В. В. Гольмстен, Т. М. Минаевой и И. В. Синицына в Нижнем Поволжье, где в ряде случаев «микролиты» были встречены в культурных наслоениях эпохи ранней бронзы.⁵ Нельзя не вспомнить орудий геометрических очертаний из Майкопского кургана, хранящихся в Гос. Эрмитаже.⁶

Вместительным подтверждением бытования «микролитов» в эпоху ранней бронзы является материал известного Мариупольского могильника, где встречены между прочим и прекрасные трапеции «со струганой спинкой», до настоящего времени считающиеся одной из руководящих форм тарденуаза Украины.

Возвращаясь к памятникам Верхнего Поволжья, следует отметить, что более или менее бесспорным местонахождением эпипалеолитического возраста в настоящее время является лишь Соболевская стоянка. При исследовании ее не было обнаружено ни керамики, ни крупных каменных изделий.⁷

Однако этот памятник требует дополнительного изучения, главным образом в отношении его стратиграфии.

¹ Известия ГАИМК, вып. 109, стр. 142—144.

² А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге. Труды Секции археол. РАНИОН, т. IV.

³ Н. М. Бекаревич. О каменном веке в Костромской губ. Труды Ярославск. обл. съезда, М., 1902.

⁴ Бологовская стоянка каменного века. Зап. Отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, СПб., 1903, табл. XIII—XIV.

⁵ В. В. Гольмстен. Археологические памятники б. Самарской губ. Труды Секции археол. РАНИОН, вып. IV, 1923; Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Труды Нижне-Волжск. научн. общ. краевед., вып. 36, 1929; И. В. Синицын. Кремневые орудия донных стоянок Калмыцкой обл. Журн. Нижне-Волжск. инст. краевед., 1931.

⁶ Отчет Археологической комиссии за 1897.

⁷ Настоящая статья представляет собой резюме доклада, прочитанного на Пленуме Комиссии ископаемого человека Советской секции INQUA в 1935 г. В настоящее время в Верхнем Поволжье открыта эпипалеолитическая стоянка у д. Скнятино, в устье р. Нерли. Были произведены там же дополнительные работы на Копринской стоянке, вполне подтвердившие ее позднеолитический возраст.

P. TRETJAKOV

SUR LES MONUMENTS ÉPIPALÉOLITHIQUES DE LA HAUTE VOLGA
RÉSUMÉ

Dans ces dernières années, on a découvert dans la région de la Haute Volga plusieurs monuments qui furent décrits comme des restes de l'époque épipaléolithique, proches par leur culture des monuments de Swiderski en Pologne. Cependant, la stratigraphie de ces monuments, situés sur des dunes dont l'âge, d'après les données géologiques et paléobotaniques, ne peut être antérieur à la période subboréale, fait douter de la justesse de leur datation.

Dans le but d'élucider cette question, on a entrepris en 1935 des fouilles de deux monuments connus plus tôt sur la rive droite de la Volga près des villages de Koprino et de Zolotorouchié, ainsi que l'étude d'un monument nouvellement découvert dans la même région, près du village de Kouksy. Ces recherches ont établi que dans tous les monuments indiqués, on rencontre dans la couche archéologique, à côté d'une industrie de silex morphologiquement très proche de celle de l'Épipaléolithique, de la céramique à ornements «textiles» se rapportant aux dernières étapes de l'époque du bronze, ainsi qu'un petit nombre de gros instruments en pierre, en particulier des pointes de pioches en pierre et des outils et pierres polis.

De même, on a constaté que semblables monuments sont connus de longue date dans la région de la Haute Volga, mais on ne leur avait pas accordé l'attention qu'ils méritaient (cours inférieur de la Volga et environs de Kostroma). La station néolithique du lac Bologoïé renferme un matériel tout à fait identique dans le niveau supérieur de sa couche archéologique.

Tout cela montre que l'hypothèse de l'âge épipaléolithique de certains monuments de la Haute Volga est erronée.

В. Ф. ЗЕМЛЯКОВ

АРКТИЧЕСКИЙ ПАЛЕОЛИТ НА СЕВЕРЕ СССР

В последние годы изучение археологических памятников далекого севера Европы обогатилось целым рядом весьма любопытных находок, открывших совершенно новую страницу истории заселения Арктики и привлечших к себе внимание широкого круга исследователей.

Эти исследования, начатые Нуммедалем¹ на севере Норвегии, привели к открытию в совершенно пустынных или весьма слабо населенных в настоящее время местах Финнмаркена, под 70° с. ш., целой серии древних стоянок, группирующихся преимущественно на древних береговых валах и пляжах, а также у подножия или на бровках древних террасах видных уступов.

Места обнаруженных Нуммедалем древних стоянок оказались залегающими на двух резко различных высотных уровнях.

Группа низко расположенных стоянок содержала инвентарь исключительно неолитического характера, относящийся к так называемому арктическому каменному веку или арктическому неолиту Брэггера² с характерным комплексом орудий из сланца.

Сопоставление этих памятников с неолитическими стоянками Швеции, Финляндии и Севера СССР позволяет датировать их самым концом неолита, отвечающим, на побережье Арктического океана, времени регрессии моря Trivía,³ а в Балтике — концу второй трансгрессии каменного века, по В. Рамсею,⁴ или древнебалтийской трансгрессии С. А. Яковлева.⁵

Иной характер имеют стоянки, приуроченные к высоким абсолютным отметкам. Прежде всего в инвентаре этих стоянок находятся исключительно каменные поделки, притом настолько архаического облика, что Нуммедалем счел возможным сблизить эти находки с памятниками палеолита. Этим памятникам впоследствии и было присвоено название культуры Комса или арктического палеолита.

С представлением о глубоком возрасте этих находок вполне согласуются, как указывает Нуммедалем, условия нахождения их на высоких абсолютных отметках, отвечающих времени позднеледниковых трансгрессий арктического оледенения.

¹ A. Nummedal. Stone age finds in Finnmark. Oslo, 1929.

² A. Brøgger. Den arktiske Stenalder i Norge. Cristiania, 1910.

³ V. Tanner. Studier över kvartärsystemet i Fennoskandias nordliga delar. Bull. Comm. Geol. de Finl. № 88. Helsinki, 1930; V. Tanner. Note sur la position chronologique des trouvailles préhistoriques etc. Helsinki, 1931; В. Таннер. Соотношение между последнеледниковыми геологическими ярусами и археологическими находками в Фенноскандии. Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. II, Л., 1933.

⁴ Ramsay. Nivåförändringar och stenåldersbosättning etc. Helsinki, 1926; Esa Nuuprä. Die postglazialen Niveaueverschiebungen aus der Karelischen Landenge. Fennia, 56.

⁵ С. А. Яковлев. Наносы и рельеф г. Ленинграда. Лгр., 1926.

Исследования Нуммедала нашли свое продолжение в работах Бёе, Бьёрна, Гессинга и др. в Норвегии и В. Таннера в северной Финляндии.¹

Характерной особенностью стоянок арктического палеолита являются условия их нахождения.

Все они располагаются на открытых участках древних береговых пляжей, что указывает на несомненную тесную связь последних с морем. Чаще всего их находят по берегам древних бухт при впадении рек, т. е. в местах, особо благоприятных для рыбной ловли и других морских промыслов. Обычно, находки лежат на поверхности или в слое прибрежного гравия и гальки, местами перекрытые пластом современного торфа.

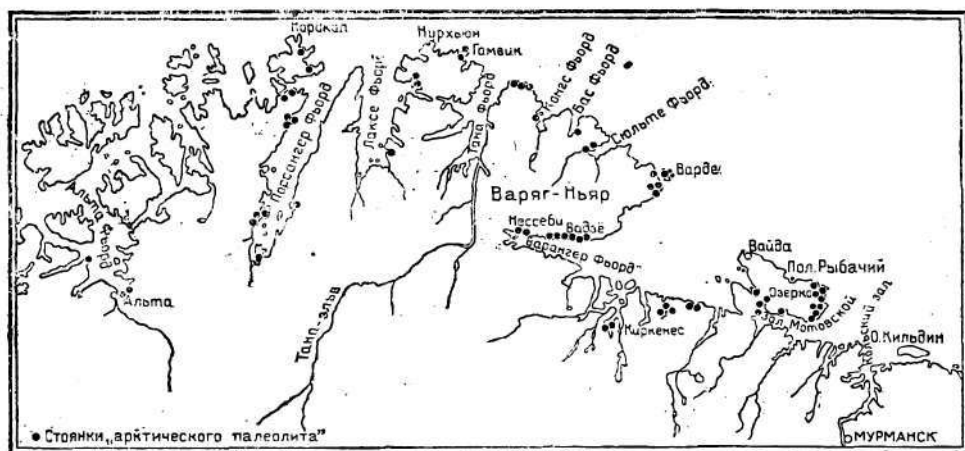

Рис. 1. Карта стоянок «арктического палеолита» на севере Скандинавии.

Исключительно неблагоприятные условия консервации находок, захороненных в верхних горизонтах гравийных и галечных валов, позволили сохраниться лишь поделкам из камня; все же иные материалы, как кость, дерево, равно как и всякого рода кухонные отбросы, исчезли бесследно, а потому сборы фаунистического материала, дающего столь ценные указания для установления условий обитания и геологической датировки, здесь совершенно отсутствуют. Из органических остатков на стоянках этого типа изредка попадались лишь мелкие кусочки угля.

Сделанные на этих стоянках находки представлены каменными орудиями, а также многочисленными отщепами и осколками.

Шлифованных орудий встречено не было. Все собранные здесь поделки обработаны ударной техникой, иногда в сочетании с более тонкой отжимной ретушью.

В качестве характерных форм орудий необходимо упомянуть крупные призматические и дисковидные нуклеусы, орудия, близко напоминающие ручные рубила, изготовленные из нуклеусов, со следами двусторонней обработки. По своим очертаниям они часто приближаются к мидалевидным формам, заостренным с одного конца. В отдельных случаях орудия этого типа имеют форму грубого скребла. На некоторых стоянках скребла представляют наиболее распространенный тип орудий. Интересно отметить,

¹ J. Vøe. Funde von paläolithischem Charakter in Finnmark. Bergens Museums Arbok. № 3, 1932; A. Bjørn. Nye boplassfund fra yngre stenalder i Finnmark. Oslo, 1930; J. Vøe et A. Nummedal. La Finnmarkien. Oslo, 1936; V. Tanner, ук. соч.

что некоторые из скребловидных орудий Нуммедала Бёе склонен сближать с кодунами или «топорами для раскалывания» из Кьёккенмеддингов Дании.

Не менее распространенным типом орудий являются резцы, среди которых норвежские исследователи выделяют почти все специальные типы этого рода поделок. Реже попадаются орудия типа остроконечников, по форме близкие к мустьерским. Наконец, следует упомянуть менее четко выраженные орудия типа проколов, наконечников и т. п.

Самой любопытной особенностью этих находок является их смешанный характер.

Из описания Нуммедала, Бёе, Бьёрна и др. следует, что среди инвентаря стоянок арктического палеолита встречаются типы орудий, характеризующие как верхний, так и нижний палеолит.

«Если рискнуть на более близкое сопоставление, — говорит Бёе, — то можно сказать, что инвентарь описываемых стоянок в основе имеет мустьерские типы орудий и техники, в то же время в ряде находок замечается известное сходство с орудиями верхнего палеолита».¹ Изучение морфологических черт орудий со стоянок арктического палеолита в сильной степени осложняется низким качеством употреблявшегося камня. Обычно материалом для поделок служили породы и минералы, встречающиеся в районе стоянки. В области кристаллических архейских пород чаще всего употреблялись кварц и зеленокаменные породы, тогда как в области развития палеозойских отложений использовались песчаник, кварцит, сланец и аморфный кварц из включений в доломитах. Базируясь на всех приведенных выше данных, норвежские исследователи первоначально склонялись к тому, что возраст стоянок арктического палеолита сближается с верхнепалеолитическим, присутствие же форм, напоминающих орудия нижнего палеолита, рассматривалось как бытование реликтов в более примитивной технике. Попытка Бьёрна расчленить арктический палеолит Норвегии на отдельные возрастные ступени не дала положительных результатов, так как различие в технике обработки орудия с различных стоянок может быть гораздо проще объяснено особенностями и качеством употреблявшегося материала.

При столь значительной сложности и запутанности археологической характеристики материала стоянок арктического палеолита исключительно важное значение приобретает геологическая датировка этих памятников. Однако полное отсутствие палеонтологических находок, сопровождающих археологические сборы, равно как и невозможность использования обычного стратиграфического метода, делают фактически невозможным применение в этом вопросе обычной геологической методики.

Единственный путь к разрешению поставленной задачи намечается в комбинированном геоморфолого-стратиграфическом изучении этих стоянок.

Решение поставленной задачи в сильной степени упрощается тем, что все найденные стоянки располагаются в прибрежной полосе океана, в области развития древних береговых линий, приподнятых медленным вековым поднятием суши на более или менее значительную высоту.

Тесная зависимость стоянок от древних береговых линий не подлежит сомнению, поскольку древние обитатели этих мест в своей хозяйственной деятельности целиком зависели от морских промыслов. Очевидно, человек мог поселиться на древнем пляже или валах лишь после отступления моря от указанных линий. На это обстоятельство указывает отсутствие следов окатанности на подавляющей массе находок. Но все же в отдельных

¹ J. Bøe. Funde von paläolithischem Charakter in Finnmark. Bergens Museums Årbok. Bergen, 1932.

случаях, как указывают Нуммедаль, Таннер, Бёе и др., на орудиях удается констатировать следы водной оглаженности, из чего Таннер делает вывод о возможной синхронности формирующегося пляжа и древних поселений, располагавшихся в наиболее повышенной его части.

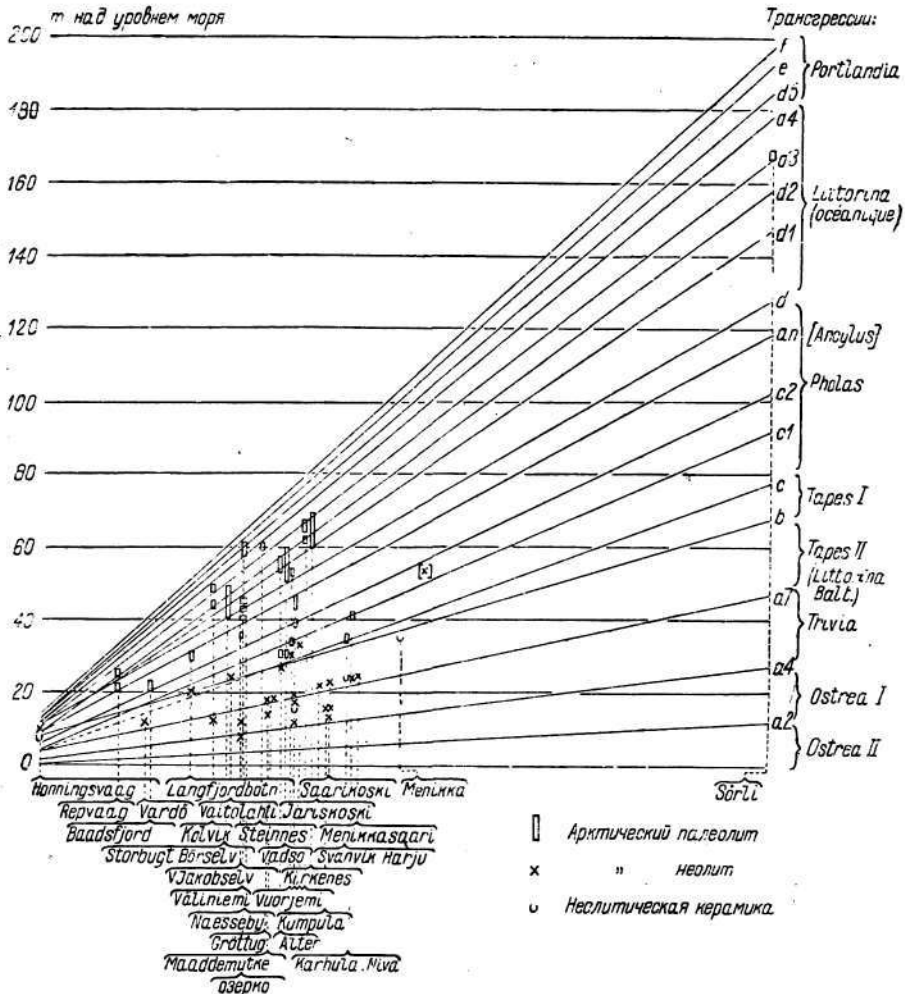

Рис. 2. Эпейрогенический спектр севера Фенноскандии с показанием положения стоянок «арктического палеолита» и арктического неолита (по В. Таннеру).

При таком толковании определение древности стоянок арктического палеолита получило весьма простое разрешение и свелось лишь к определению возраста древнего пляжа, на котором расположена стоянка.

В целях придания своим построениям наибольшей наглядности, Таннер воспользовался эпейрогеническим спектром Фенноскандии,¹ представляющим собою проекцию древних береговых линий на вертикальную плоскость, ориентированную вдоль линии поднятия. Естественно, что в результате векового поднятия суши все древние береговые линии оказываются приподнятыми и перекошенными, причем наиболее сильное перекашивание получают древнейшие, самые высокие линии.

¹ V. Tanner, ук. соч.

Нанеся на описываемую диаграмму положение отдельных стоянок, Таннер получил весьма стройную картину расположения этого рода памятников в строго определенных границах, отмеченных древними береговыми линиями.

Наиболее древние стоянки, датируемые арктическим палеолитом, расположились в интервале между уровнями трансгрессий Littorina (океаническая) и Taras I. По балтийской схеме это отвечает промежутку времени между II польдевым морем Мунте и морем Клипеус. По геохронологической шкале Де-Геера этот промежуток соответствует 9500—7300 гг. до н. э. Далее, на диаграмме, между линиями Taras II и Trivium, располагаются стоянки, относящиеся к типу арктического неолита Брёггера. По балтийской схеме указанному интервалу отвечает конец трансгрессии Littorina (балтийской) и II трансгрессия каменного века (Рамсея).¹ По геохронологической шкале для этой поры мы имеем промежуток времени между 2000 и 1500 г. до н. э. Возможно, однако, что последнюю цифру придется снизить еще более.

Приведенные выводы Таннера позволяют уложить стоянки арктического палеолита в четкие хронологические рамки позднего и послеледникового времени между II польдевым морем и морем Клипеус, хотя Нуммедаль и склоняется к мысли о существовании на Финмаркене стоянок более древних, чем трансгрессия Portlandia, синхроничная I польдевой трансгрессии Балтики (по Мунте). Еще дальше идет Кальдхоль,² допускающий возможность отнесения стоянок арктического палеолита на последний интергляциал. Этот взгляд основывается на находке нескольких кремневых орудий, весьма архаического облика, обнаруженной Кальдхольем в области фьорда Ромсдала (Гьермунднес) и отнесенных им к последнему интергляциалу. Однако следует заметить, что последнее оледенение Кальдхоля, как указывает Нордман,³ отвечает лишь периоду Ca схемы Ойена и Таннера и потому не может быть приравнено к последнему оледенению Европы. Последний же интергляциал Кальдхоля, к которому относятся находки из Ромсдала, может быть идентичен лишь Аллерёдской стадии Дании и южной Швеции, т. е. относится к значительно более позднему времени, чем последний интергляциал в понимании подавляющего большинства четвертичников Европы. Еще более крайнюю точку зрения на возраст стоянок арктического палеолита принял Нордхаген.

Основываясь на своих наблюдениях над современной растительностью северной Норвегии, Нордхаген приходит к выводу о наличии здесь ряда реликтов, которые могли сохраниться, по его мнению, лишь со времени последней межледниковой эпохи.

Еще Де-Геером и Рамсеем высказывались предположения, что север Фенноскандии во время последнего оледенения не покрывался сплошным покровом льда, а имел полосу свободной земли, которая, согласно взглядам Нордхагена, и послужила тем «убежищем», где могла сохраниться во время последнего оледенения межледниковая флора (реликты), фауна и, наконец, человек.

Таким образом в построениях Нордхагена стоянки арктического палеолита могут быть вполне синхроничны классическому верхнему палеолиту Европы. На протяжении послеледниковой поры эти стоянки подверглись более или менее значительному переувлажнению водами морских трансгрессий, на что указывают разбросанность находок по поверхности береговых

¹ W. Ramsay. Nivåförändringar och stenåldersbosättning etc. Helsinki, 1926; E. Нуурра, ук. соч.

² H. Kaldhol. Har vi Spor efter flere Istider i Norge? N. G. T. B. 12, 1931.

³ V. Nordmann. Meneskets Indvandring til Norden. Danmarks Geol. Undersøgelse III Raenke № 27. København, 1936.

валов и следы окатанности некоторых орудий на наиболее высоко расположенных стоянках.¹

Приведенные взгляды Нордхагена встретили резкую критику со стороны Таннера,² показавшего своими многолетними наблюдениями на севере Фенноскандии, что льды последнего оледенения во время своей максимальной фазы целиком покрывали северную Финляндию и Финмаркен, а потому сохранение на этой территории флоры, фауны или человека со времени последнего интергляциала лишено всяких оснований. К сказанному следует добавить, что детальное исследование геоморфологии и четвертичного покрова северной части Кольского полуострова не подтвердило предположений Рамсея³ о нахождении здесь области, лишенной ледникового покрова во время последнего оледенения.⁴

Эти взгляды в основном разделяются также большинством норвежских геологов (Хольтедаль, Грэнли, Мартинуссен и др.), которые хотя и допускают возможность наличия более или менее обширных нунатаков в районе устья фьорда Альта, на островах восточного Финмаркена или северной части полуострова Варангера и т. д., однако, в самой категорической форме исключают возможность бытования человека на севере Фенноскандии во время последнего оледенения.

Все это вместе взятое дает основание предполагать, что стоянки арктического палеолита могли появиться на берегах Арктического океана лишь после отхода с указанной территории льдов последнего оледенения, а потому датировка их более ранним временем, чем позднеледниковая пора, лишена достаточных оснований.

Широко распространенные на севере Норвегии и Финляндии стоянки указанного типа были прослежены вплоть до самых границ СССР. Дальнейшее развитие вопроса об арктическом палеолите стало невозможным без постановки соответствующих исследований на территории Советского Союза, что неоднократно и настойчиво подчеркивалось норвежскими и финскими исследователями. Поэтому Советская секция INQUA сочла своевременным включить в план своих полевых работ изучение арктического палеолита на севере СССР.

Для выполнения поставленной задачи осенью 1935 г. Советской секцией INQUA, совместно с Институтом истории доклассового общества ГАИМК, была организована экспедиция под руководством В. Ф. Землякова и при ближайшем сотрудничестве П. Н. Третьякова, ставившая своей задачей изучение археологических памятников северной части Кольского полуострова и увязку их с геологическими данными.⁵ Непосредственным районом работ был намечен Рыбачий полуостров, где Таннером и Гьессингом в районе горы Väliniemi была обнаружена стоянка типа арктического палеолита. В результате работ, произведенных экспедицией, в числе других памятников были найдены и изучены три стоянки арктического палеолита.

¹ R. Nordhagen. De senkvartaere klimavekslinger i Nordeuropa og deres betydning for kulturforskningen. Inst. sammenl. kult. serie A. XII. Oslo, 1933.

² V. Tanner. Några ord i frågan om den sista landisens utbredningsgräns inom Fennoscandias nordligaste delar. G. F. F. № 408, Stockholm, 1937, Bd. 59, N. 1.

³ W. Ramsay. Geologische Entwicklung der Halbinsel Kola in der Quartärzeit. Fennia 16, 1898.

⁴ А. Полканов. Геолого-петрологический очерк сев.-зап. части Кольского п-ова, ч. I, 1935, Акад. Наук СССР, Лгр., 1937; А. Полканов. Очерк четвертичной геологии сев.-зап. части Кольского п-ова. Труды Сов. секции INQUA, вып. III, 1937.

⁵ В. Земляков. Отчет о работах Кольской экспедиции. Труды Сов. секции INQUA, вып. II, Лгр., 1936; В. Земляков. О следах арктического палеолита на севере СССР. Труды Ком. по изуч. четвертич. периода при Акад. Наук СССР, вып. V, 1937; В. Земляков. Археологические исследования на побережье Арктического океана. Труды Сов. секции INQUA, вып. III, Лгр., 1937; П. Третьяков. Экспедиция по изучению «Арктического палеолита». Сов. археол., вып. II, Лгр., 1937.

Начатые в 1935 г. работы по изучению арктического палеолита на севере СССР были продолжены по инициативе Советской секции INQUA и ИИМК летом 1937 г.

В работах экспедиции, возглавлявшейся Б. Ф. Земляковым, приняла участие геолог И. И. Краснов и С. В. Яковлева, а также студент ЛГУ П. Г. Левинтов. Исследованиями была охвачена вся площадь Рыбачьего полуострова, за исключением побережья залива Большая Мотка, изученного работами 1935 г., и Вайда-губы. В результате произведенной работы в числе других археологических памятников было обнаружено 9 стоянок арктического палеолита, давших значительные сборы археологических материалов. Параллельно с археологическими исследованиями территория полуострова была подвергнута изучению со стороны четвертичной геологии и геоморфологии.

Оставляя разрешение ряда геологических проблем истории развития Рыбачьего полуострова, на протяжении четвертичного периода, до окончания обработки всего собранного экспедицией материала, мы постараемся в настоящем очерке дать краткую сводку материалов по арктическому палеолиту севера СССР в том виде, как они рисуются нам после двухлетней экспедиционной работы на Западном Мурмане.

СТОЯНКИ АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В связи с основным заданием, стоявшим перед экспедициями 1935 и 1937 гг., особое внимание было уделено изучению древних береговых линий, среди которых, согласно данным норвежских и финских исследователей, можно было ждать нахождения стоянок, относимых к арктическому палеолиту.

Методика исследований, в основном, сводилась к тщательному осмотру древних гравийно-галечных пляжей и береговых валов, расположенных выше границы трансгрессии Тарес.

Эти валы и террасовидные абразионные уступы, легко прослеживаемые до отметки 74—80 м над уровнем наивысшего современного прилива, соответствуют одним из наиболее древних позднеледниковых бассейнов, определяемых Таннером как трансгрессии *Portlandia* и *Littorina* (океаническая).¹

Производству этой работы в значительной степени способствовало почти полное отсутствие растительности на высоко расположенных валах.

Там же, где растительность встречалась, она не имела характера сплошного покрова и позволяла видеть значительные участки поверхности древних пляжей и береговых валов.

С особым вниманием изучались участки валов, образующих изгибы параллельно древним береговым линиям давно исчезнувших бухт, приуроченных к местам впадения рек.

Обычным материалом береговых валов Рыбачьего полуострова является хорошо окатанная галька песчаника, кварцита и различных сланцев, среди которых спорадически попадаются так же хорошо оглаженные куски белого молочного кварца, красного кварцита и кристаллические породы с Кольского полуострова, реже гравий и песок.

Несмотря на значительное число детально осмотренных валов и древних пляжей общим протяжением во много десятков и даже сотен километров, удалось обнаружить 12 стоянок арктического палеолита, из которых две встречены на берегах полуострова Среднего, в заливе Большая Мотка,

¹ А. Полканов. Очерк четвертичной геологии сев.-зап. части Кольского п-ова. Труды Сов. секции INQUA, вып. III, Лгр., 1937; V. Tanner. Studier över kvartär-systemet i Fennoskandia etc. Bull. Comm. Geol. de Finlande, № 78. Helsingki, 1930.

и одна в окрестностях становища Озерко на полуострове Рыбачьем, того же залива. Одна стоянка того же типа обнаружена на западном берегу Эйнагубы. Главная же масса стоянок арктического палеолита оказалась сосредоточенной на восточном берегу Рыбачьего полуострова, между мысом Лог-наволоок и устьем р. Пузырева в окрестностях становища Цыц-наволоок.

Здесь, на сравнительно небольшом пространстве между Лауш-губой и устьем р. Типуновой, на протяжении 8—9 км было встречено 7 стоянок арктического палеолита. Самая северная из них была обнаружена в северо-восточной части Рыбачьего полуострова между Лауш-губой и Лог-наволоком. Это единственная известная в настоящее время стоянка северного берега, открытого действию северных, северо-восточных и северо-западных штормов.

Настоящих раскопок на местах стоянок не производилось, так как подавляющая часть находок залегала или непосредственно на поверхности гравийно-галечных пляжей или под маломощным слоем торфа и растительного войлока.

С углублением в галечник число находок резко сокращалось. Лишь в отдельных единичных случаях, как, например, в северной части стоянки у подножия Аникиевой горы, можно было наблюдать залегание находок в слое крупного галечника на глубине до 20—25 см от поверхности. Одновременно со сбором археологического материала производилась инструментальная нивелировка древних береговых линий, а также общее изучение геологической и геоморфологической обстановки каждого местонахождения. На разрезах древних террас производились изучение геологического строения четвертичной толщи и сборы заключенной в слоях морской фауны.

СТОЯНКИ БЕРЕГОВОЙ ПОЛОСЫ ЗАЛИВА БОЛЬШАЯ МОТКА

1. Стоянка на берегу Корабельного ручья

Первая из обнаруженных в районе залива Б. Мотка стоянок расположена недалеко от Корабельного ручья, на береговом валу, примыкающем к правому берегу последнего, на западном берегу залива Б. Мотка.

Произведенными замерами высота гребня этого берегового вала показала 33—36 м над ур. м., считая от наивысшей приливной линии.

Стоянка была обнаружена благодаря обилию мелкодробленного белого, молочного кварца, буквально усевавшего поверхность галечного вала на площади около 30—40 кв. м. При этом главная масса находок оказалась сосредоточенной на площади, не превышающей 8—10 кв. м.

Большая часть находок залегала непосредственно на поверхности вала, прикрываясь местами лишь растительным слоем и торфом общей мощностью не более 15—20 см. Частично находки оказались погруженными в толщу галечного материала, не опускаясь, однако, глубже нескольких сантиметров. В то время как галечник берегового вала носит следы прекрасной окатанности, на описываемом кварце она отсутствует совершенно. Все находки этого пункта, представленные весьма значительным числом кварцевых осколков, отщепов и орудий, имеют острые, совершенно не окатанные края и ребра, что с несомненностью свидетельствует о том, что после захоронения кварцевых поделок последние совершенно не подвергались какому-либо перемыванию и залегают здесь *in situ*. Несмотря на тщательный осмотр места стоянки, никаких иных культурных остатков обнаружить не удалось, что является вполне естественным для такого пещерного консервирующего материала, как галечник.

При изучении собранных на стоянке кварцевых осколков бросается в глаза очевидная преднамеренность дробления, на что указывает наличие

ударных бугорков, характерные формы пластинок и иглообразных отщепов, которые никогда не образуются при естественном распаде кварца в результате выветривания.

К сожалению, кварц представляет собою материал, лишь с трудом поддающийся обработке, и потому не даст столь отчетливых форм орудий, как кремьен или роговик; тем не менее в части сделанных здесь находок можно было без труда признать орудия.

Преобладающим типом находок являются сравнительно крупные, грубо сработанные скребки, приготовленные из массивных отщепов (табл. VIII, рис. 118, 119).

Несколько особняком стоит скребок высокой формы, конических очертаний.

Обстоятельством, сильно осложняющим изучение находок описываемой стоянки, является очень плохое качество встречающегося здесь кварца, который отличается крайне неравномерной грубой зернистостью, придающей отдельным осколкам характер крупнозернистого кварцита.

Если основываться на схеме, разработанной В. Таннером, то вал с описанными выше находками на правом берегу ручья Корабельного следует отнести ко времени трансгрессии Rhodas, что в Балтике соответствует анциловому веку.

Залегание культурных остатков в верхних горизонтах галечника и непосредственно по поверхности берегового вала, а также полное отсутствие хотя бы слабых следов окатанности находок, заставляют предполагать, что человек поселился здесь уже после отступления моря от указанного уровня. Таким образом время описываемого поселения должно быть отнесено к еще более поздней поре.

Более точная датировка, к сожалению, не представляется возможной; однако если исходить из того предположения, что человек, тесно связанный в своей хозяйственной деятельности с морем, едва ли переносил места своих стоянок далеко от берега, то мы должны будем датировать описываемые

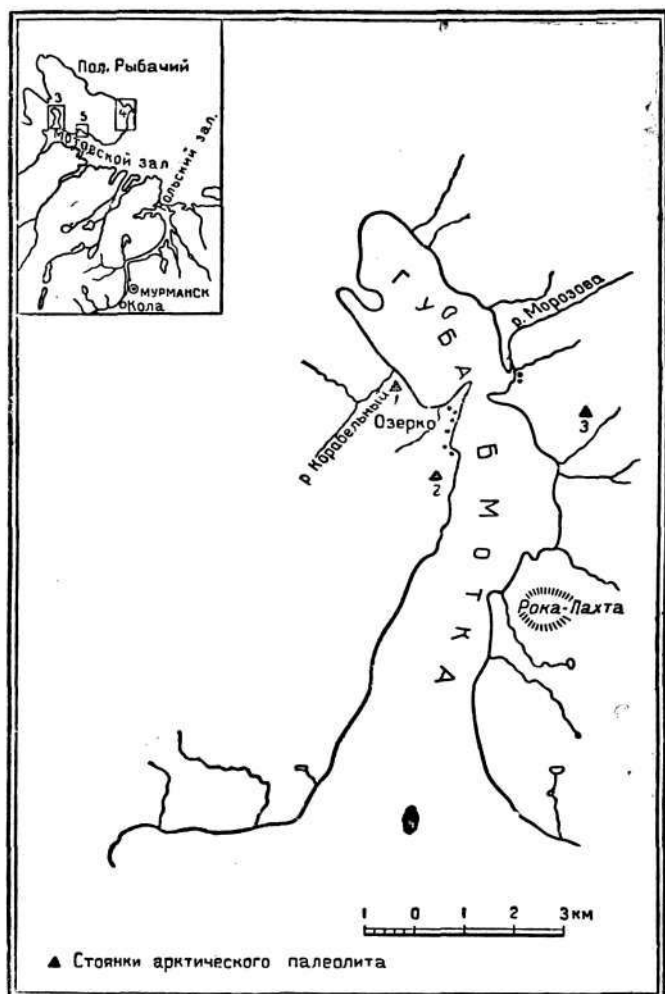

Рис. 3. Карта стоянок в районе губы Б. Мотка.

мую стоянку временем не древнее конца периода Pholas, так как возникновение самого вала, на котором расположена стоянка, отвечает времени регрессии моря Pholas.

2. Стоянка у становища Озерко

Вторая стоянка подобного типа была встречена на том же западном берегу залива Б. Мотка, в $\frac{3}{4}$ км к югу от центральной части становища Озерко.

Стоянка располагается на гребне берегового вала, возвышающегося, как показала нивелировка, на 42 м над ур. м. (считая от максимальной линии прилива).

Рис. 4. Поверхность берегового вала на месте стоянки у становища Озерко. Остроугольные осколки кварца среди окатанной гальки.

Она занимает гребень берегового вала и прилегающие части межвалей. Главная масса находок сосредоточена на очень небольшом пространстве, площадью около 6—8 кв. м, более или менее округлых очертаний.

За пределами указанной площади количество находок резко падает, хотя последние и прослеживаются на площади около 100 кв. м.

Находки залегают на поверхности вала или в верхних горизонтах галечника.

В центральной части стоянки количество кварцевых поделок, отщепов и осколков настолько значительно, что они буквально усеивают всю поверхность вала (рис. 4). За пределами площади радиусом около 3 м количество находок очень резко падает.

Создается впечатление, что главная часть находок была захоронена на весьма ограниченной площади чума, четко очерчивающегося по находению кварца.

Небольшая прикопка на месте стоянки обнаружила, что битый кварц проникает на некоторую глубину в толщу галечника, не превышающую,

однако, 10—15 см, причем количество находок с глубиной резко сокращается.

Тщательный осмотр всего собранного здесь материала показывает полное отсутствие каких-либо следов водного окатывания и оглаживания, что может служить доказательством того, что стоянка после отложения материала не подвергалась какому-либо перемыванию. Об этом же свидетельствует и распределение материала по поверхности вала.

Материалом для найденных на стоянке поделок является исключительно кварц. По качеству он значительно лучше встреченного на описанной выше стоянке, в особенности молочно-белая разновидность, использованная при изготовлении самых лучших из найденных здесь орудий. Наиболее интересной частью находок являются нуклеевидные резцы, найденные в количестве 8 экземпляров, весьма близко напоминающие соответствующие находки Нуммедала, изготовленные из кварцита, со стоянки *Vergeluneset II* (табл. XLIX, № 228).¹

Известную близость обнаруживают некоторые находки стоянки Сандарна (*Sandarna*) у Гёттеборга, описанные Н. Никлассоном (рис. 51, 5).²

Типичные нуклеевидные резцы изображены на рис. 54, 61, 62, 63, 64 табл. VI. К той же группе орудий относится находка, представленная на рис. 59, 60 табл. VI, близкая к типу срединного резца.

Последней, наиболее многочисленной группой находок являются скребки весьма тщательной работы с прямым или закругленным рабочим краем, часто миниатюрных размеров (11—15 мм) (рис. 106, 109, 110 табл. VIII). Любопытна тонкая, слабо изогнутая пластинка (рис. 113 табл. VIII), подправленная с одного края, близкая к соответствующим находкам со стоянки Сандарна.

Значительно реже встречаются здесь орудия типа сверл.

По геологическим условиям эта стоянка близка к ранее описанной. Древний бергстовый вал, на котором она расположена, относится ко времени, близкому к максимуму трансгрессии *Pholas*, что даст возможность предпочтительно датировать стоянку временем регрессии моря *Pholas*. Для более точной датировки мы, к сожалению, не имеем данных. В общем же, можно считать, что возраст двух описанных стоянок более или менее одинаков, за что говорят как сходные геологические условия, так и инвентарь находок.

3. Стоянка на восточном берегу залива В. Мотка

Третья стоянка того же типа обнаружена на восточном берегу залива В. Мотка, между р. Морозовой и протекающим южнее ручьем, у подножия высокой скалы. Многочисленные кварцевые отщепы и осколки залегают здесь в бергстовом галечнике и гравии, окаймляющем небольшое, сильно заросшее озеро.

Абсолютная отметка места этой находки колеблется в пределах от 55 до 60 м над у. м., что весьма близко подходит к высотам находок А. Нуммедала и В. Таннера в районе горы *Väliniemi*.

В отличие от описываемых выше стоянок, находки здесь залегают на довольно обширной площади, причем отсутствует характерная для двух первых стоянок концентрация материала на небольших площадках. Время образования галечного пляжа, на котором расположена стоянка, отвечает трансгрессии *Littorina* (океанической), соответствующей 2-му льдниковому морю Мунте в Балтике.

¹ A. Nummedal, Stone age finds in Finnmark, Oslo, 1929.

² J. Alin, N. Niklasson och H. Thomasson. Stenåldersboplatsen på Sandarna vid Götteborg, 1934.

Однако глубокий возраст пляжей, на которых сделаны описываемые находки, еще не дает права для синхронизации этой стоянки с момептом выхода пляжа на дневную поверхность, так как поселение могло возникнуть здесь и в гораздо более позднюю пору, располагаясь на берегу озера, а не древнего берега моря.

Собранный здесь материал представляет исключительно кварцевые поделки и осколки.

Рис. 5. Общий вид террас и береговых валов трансгрессии Pholas на восточном берегу залива Б. Мотка.

Благодаря исключительно хорошему качеству встреченного здесь плотного, молочно-белого кварца, следы искусственной обработки камня выступают значительно лучше, чем на находках описанных выше стоянок.

Из найденных здесь орудий, кроме обычных типов скребков на концах отщепов, следует отметить узкие трехгранные острия (рис. 74 табл. VII); весьма близкие формы описаны Нуммедалем в качестве односторонних наконечников для стрел (табл. XIV, 83) из района Хьсмелсфьа и Толлевика (табл. IX, 49), Сторбуа (табл. XXXVIII, 186).

СТОЯНКИ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА РЫБАЧЬЕГО ПОЛУОСТРОВА В РАЙОНЕ СТАНОВИЩА ЦЫП-НАВОЛОК

4. Стоянка у горы Перевальной

Стоянка расположена в 1 км к югу от южной оконечности поселка Цып-наволок, у подножия небольшого скалистого хребта (горы Перевальной) на северо-западной стороне последнего. Абсолютная отметка галечного пляжа площади стоянки имеет 36.3 м. Выступающие по соседству со стоянкой скалы хорошо защищают ее от северных и северо-восточных ветров, а высоты правого берега р. Аникиевой образуют преграду западным и отчасти северо-западным ветрам, оставляя стоянку открытой лишь действию южных и юго-восточных ветров, отличающихся здесь наименьшей силой. Стоянка занимает поверхность галечного вала, примыкающего к скалистым выходам, и имеет площадь около 100 кв. м, протягиваясь неширокой

полосой вдоль гребня вала. Культурного слоя в обычном представлении здесь, равно как и на других стоянках арктического палеолита, нет; наблюдается лишь обогащение самых верхних горизонтов галечника осколками кварца, роговика, кремня, кварцита, среди которых встречаются многочисленные орудия и поделки.

Острые ребра и грани этих подделок и отщепов резко контрастируют с хорошо окатанной, по преимуществу сланцевой и песчаниковой галькой берегового вала.

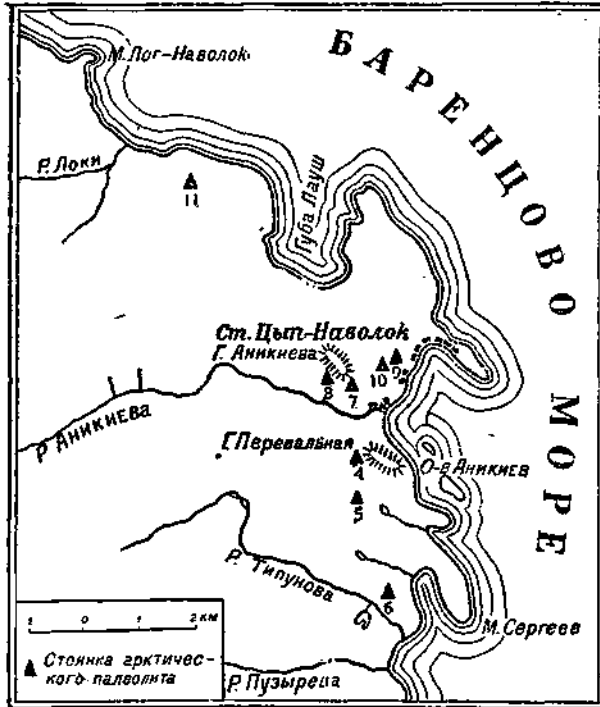

Рис. 6. Карта стоянок восточной части Рыбачьего п-ова.

Небольшие пробные раскопки показали, что поделки человека сосредоточены лишь в самом верхнем слое галечника, исчезая совершенно с глубиною 8—10 см от поверхности. Все находки оказались более или менее равномерно рассеянными на площади стоянки, однако объяснить это обстоятельство позднейшим перебиванием стоянки морскими волнами не представляется возможным, так как даже самые тонкие отщепы и осколки совершенно лишены малейших следов оглаживания.

Среди находок описываемой стоянки обращает на себя внимание обилие мелких орудий из кремня, роговика, плотного серого песчаника и кварца при сравнительно небольшом числе грубых крупных отщепов и нуклеусов из буро-красного кварцита.

Широко распространенным типом поделок являются члтянутые пластинки из кремня и роговика, подправленные по краям или на конце (рис. 96, 97, 98 табл. VIII). Особый тип орудий представляют пластинки, заостренные при помощи косога скола, образующего с одним из ребер трехгранной пластинки острый угол (рис. 95 табл. VIII). Попадаются раздробленные на куски пластинки, подправленные по краю (рис. 105 табл. VIII).

Часто встречаются проколки, приготовленные из треугольных массивных отщепов кремня, роговика и кварца (рис. 89, 90 табл. VII); обращает на себя внимание также тонкая, заостренная кремневая пластина, напоминающая примитивный наконечник (рис. 75, 76 табл. VII). На нескольких массивных пластинах роговика можно видеть отчетливые сколы, приближающие указанные поделки к типу полувэдрических резцов. Наконец,

Рис. 7. Общий вид места стоянки у г. Перевальной на восточном берегу Рыбачьего п-ова, в окр. становища Цын-наволоок.

последнюю группу находок представляют орудия типа скребков, сильно варьирующие по форме и размерам. Здесь же найден небольшой призматический нуклеус из того же роговика, что и встречающиеся на стоянке поделки.

На двух крупных кусках сильно разрушенного песчаника отмечены следы действия огня.

По своему богатству, размерам и обилию кремня и роговика эта стоянка значительно отличается от вышеописанных стоянок района В. Мотки.

5. Стоянка на склоне возвышенности между р. Аникиевой и р. Типуновой (Мастерская)

Стоянка находится в 1 км к югу от стоянки № 4. Она располагается на северо-восточном склоне возвышенности, разделяющей долину р. Аникиевой от долины р. Типуновой. Она открыта действию северных и восточных ветров и в этом отношении является одной из наименее удачно расположенных стоянок описываемого района. Она занимает гребень почти лишенного растительности берегового вала, сложенного крупной хорошо окатанной галькой и валунами, и имеет отметку 40.3 м над ур. м.

Как и на других стоянках этого типа, мы не имеем здесь настоящего культурного слоя; находки оказываются разбросанными по поверхности берегового вала или погруженными в его толщу, но не более чем на глубину 10 см от поверхности.

В отличие от описанной выше стоянки, главная масса находок здесь сосредоточена на сравнительно небольшой площади в 25—30 кв. м, за пределами которой число находок резко падает, хотя они и продолжают встречаться еще на площади более чем в 150 кв. м.

Второй особенностью этой стоянки является своеобразие находок, представленных почти исключительно из крупных, грубых поделок из буровато- или лиловато-красного слитого кварцита. Значительную часть находок составляют нуклеусы призматического и дисковидного типов (рис. 3, 4 табл. I). Далее следует указать нуклеовидные орудия, приближающиеся к типу ручных рубил, эллипсовидной или миндалевидной формы. Встречены здесь крупные, массивные отщепы, в большей своей части совершенно лишенные следов какой-либо дополнительной обработки (рис. 17, 18 табл. III). На ряде крупных отщепов видна грубая ретушь, сообщающая орудиям характер массивных скребел (рис. 7, 8, 9 табл. II).

Особую широко распространенную группу орудий представляют массивные короткие пластины почти прямоугольных очертаний, сближаемые Нуммедалем с орудиями типа транше (рис. 21, 22, 24, 25 табл. IV). Весьма своеобразную группу находок представляют остроконечники, изготовленные из треугольных пластин различных размеров, сближаемые Нуммедалем и Бёе с мустьерскими остроконечниками (рис. 10, 11, 12, 13 табл. II).

Наконец, необходимо отметить тонкие подправленные по краям пластины (рис. 101 табл. VIII) и проколки, приготовленные на углах массивных пластин (рис. 23, 26 табл. IV).

Кроме поделок из кварцита, на месте стоянки в небольшом числе собраны поделки из молочного кварца, относящиеся к типу скребков. Кремь и роговик не были обнаружены здесь совершенно.

В целом, находки описываемой стоянки характеризуются обилием нуклеусов, отщепов и поделок из красного кварцита при почти полном отсутствии поделок из других материалов. Все находки сосредоточены, в основном, на ограниченной площади, в изобилии содержащей валуны красного кварцита, служившего материалом для изготовления орудий.

Наконец, местоположение стоянки, открытой действительно преобладающих ветров, заставляет видеть в описываемом памятнике лишь мастерскую для изготовления орудий, привлекавшую человека обилием встречающихся здесь валунов и крупной гальки красного кварцита.

При отличной окатанности валунов и гальки берегового вала на месте стоянки обращает на себя внимание прекрасная сохранность кварцитовых поделок, сохранивших на себе острые ребра и углы. Все это свидетельствует об отсутствии следов действия морского прилива на стоянку после оставления ее человеком.

6. Стоянка в районе мыса Сергеева (Хрустальная)

Стоянка расположена на галечном пляже, окаймляющем с юго-запада небольшой скалистый хребет, протягивающийся на широте мыса Сергеева по левому берегу р. Типуновой. По занимаемой площади это одна из самых крупных стоянок этого района. Осколки дробленого кварца, кремня, роговика, кварцита и горного хрусталя вместе с поделками из указанных материалов встречаются здесь на протяжении по крайней мере 250—300 м. Вся поверхность пляжа от выходов скалы (песчаника) и до отчетливого спуска к долине р. Типуновой, шириною от 20 до 50 м, содержит следы обработки камня. Галька, слагающая площадь стоянки, содержит значительную

примесь песчанникового щебня, количество которого возрастает по мере приближения к скальным выходам.

Стоянка расположена весьма удачно в отношении защиты от преобладающих ветров, оставаясь открытой лишь с юга. Отметка галечного пляжа стоянки имеет всего лишь 27.3 м над ур. м.

К югу и на других стоянках описываемого района, находки залегают на самой поверхности или в слое галечника, на ничтожной глубине 5—10 см от поверхности. Материал распределен по поверхности стоянки весьма неравномерно, давая наибольшую концентрацию в северо-западном и юго-восточном концах указанной площади.

Встреченные на стоянке поделки относятся к обоим типам находок, встречаясь на других стоянках порознь. Мы имеем здесь как грубые поделки из красного или серого кварцита, очень близкие к находкам стоянки № 2 (Мастерской), так и мелкие орудия из тонких кремневых, роговиковых, кварцевых или хрустальных пластинок, весьма тщательной отделки. Среди грубых крупных поделок необходимо упомянуть нуклеусы неправильно-призматической формы из красного кварцита, массивные пластины типа транше (рис. 27, 28 табл. IV), остроконечники из массивных пластин треугольной формы, и, наконец, тонкие пластины, подправленные по краям.

Среди мелких орудий обращает на себя внимание широкое использование горного хрусталя, послужившего материалом для целого ряда орудий. Особенно интересна коллекция боковых, средних и нуклеидных резцов весьма тщательной работы (рис. 42, 43, 44, 45, 49, 50, 51 табл. VI). Сюда же относятся тонкие песчанниковые и кварцевые пластинки с подправкой по краям и направленным под углом сколом на одном из концов (рис. 83, 84 табл. VII). Наконец, необходимо упомянуть многочисленную группу скребков, приготовленных главным образом из белого кварца и горного хрусталя. Все собранные на стоянке орудия лишены следов действия морского прибоя, за исключением одного небольшого нуклеуса из роговика, найденного на склоне абразионного уступа, обращенного в сторону р. Типунов й. Однако эта единичная находка оглаженного прибором нуклеуса, найденного на склоне террасы, лишь подтверждает правильность заключения о полном отсутствии следов перемывания на площади, занятой стоянкой.

7. Стоянка у подножия Аникиевой горы

Описываемая стоянка, расположенная в 1 км к западу от центральной части поселка Цып-наволок, у южной оконечности подножия горы Аникиевой, является одним из самых значительных по занимаемой площади и количеству находок местонахождений арктического палеолита Рыбачьего полуострова. Она занимает обширную пляжевую полосу, сложенную хорошо окатанным валунным и галечным материалом, общей площадью не менее 800—1000 кв. м.

Абсолютная отметка этого сильно наклоненного к юго-востоку пляжа колеблется, по данным нивелировки, в пределах между 37.2 и 38.3 м над ур. м.

В северной части описываемой площади галечник и валунник, слагающие пляж, постепенно выклиниваются, налегая на пологую, оглаженную льдом поверхность бараньего лба, образованного выходами песчанников, слагающих Аникиеву гору. Стоянка хорошо защищена от северных и западных ветров, но открыта действию северо-восточных и восточных ветров.

На большей части площади стоянки находки залегают на поверхности галечного пляжа, вплоть до самых скальных выходов северной части этого местонахождения.

Иная картина наблюдается в северо-западной части пляжа, слагающегося крутым, отлично окатанным галечником и валунником. Находки

залегает здесь не только на поверхности, но также и в толще галечника, опускаясь до глубины 25—30 см от поверхности. Эта особенность залегания находок с особой отчетливостью прослеживается на склоне валунно-галечного пляжа, обращенного к долине р. Аникиевой. Здесь можно видеть, как крупные кварцитовые отщепы с хорошо сохранившимися острыми ребрами залегают в толще крупного, прекрасно окатанного галечника и валунника.

Собранный на стоянке материал, как находившийся на поверхности пляжа, так и в толще галечника и валунника, не носит на себе следов окатанности, за исключением одного призматического нуклеуса из красного кварцита, имеющего сильную оглаженность. Указанная находка была сделана на склоне галечного ската, довольно круто наклоненного в сторону долины р. Аникиевой. Эта единичная находка указывает, какой облик получают кварцитовые поделки, случайно попадающие в зону прибоя, и с еще большей достоверностью подчеркивает отсутствие следов перемывания на площади стоянки.

Находки описываемой стоянки дают то же сочетание грубых и весьма архаических по форме, крупных орудий из красного кварцита с мелкими поделками из кварца, кремня и роговика, носящими следы тщательной и тонкой отделки.

Среди первой группы орудий обращают на себя внимание многочисленные нуклеусы из кварцита, среди которых преобладают призматические типы, но единично встречаются формы, приближающиеся к дисковидным нуклеусам (рис. 1, 2, 5, 6 табл. I). Среди крупных орудий обращает на себя внимание ручное рубило, приготовленное из крупной гальки красного кварцита, заостренной с одного конца грубыми сколами и сохранившей первоначальную, оглаженную поверхность в основании (рис. 15, 16 табл. III). По своей форме и характеру двусторонней обработки это орудие приближается к наиболее примитивному типу ручных рубил. Поверхность орудия носит следы длительного употребления, несколько сгладившего первоначально острые ребра сколов.

Не менее распространены здесь и орудия, приготовленные из отщепов. Сюда должны быть отнесены остроконечники из треугольных массивных пластин, массивные пластины, приближающиеся к типу транше, тонкие и широкие пластины с подправкой по краю и т. п.

Все собранные здесь орудия как по материалу, так и по форме и технике изготовления чрезвычайно близки к находкам описанных выше стоянок, повторяющим до мелочей все основные черты этого типа поделок.

Вторая группа орудий, изготовленных из кварца, кремня, роговика и кварцита, также повторяет основные формы орудий описанных выше стоянок. В основном мы имеем здесь подправленные пластинки, проколки и скребки различных типов. В качестве относительно редких находок необходимо указать кварцитовый удлиненный отщеп в форме наконечника с черенком (рис. 77, 78 табл. VII) и кварцитовый же резец на конце небольшой, но массивной пластинки.

8. Стоянка у подножия западного склона Аникиевой горы

Стоянка расположена у подножия западного склона средней части Аникиевой горы, в расстоянии 0,5 км к северо-западу от стоянки № 7. Она занимает ничтожную площадь, едва ли превышающую 15—20 кв. м.

Стоянка расположена на склоне сильно задернованного гравийно-галечного вала, вытянутого вдоль склона Аникиевой горы и имеющего отметку гребня в 31,8 м над ур. м.

Особенностью этого местонахождения является присутствие здесь большого количества окатанной пемзы, принесенной сюда для каких-то надобностей человеком, так как обычное ее залегание, по данным Рамсея,¹ не выходит за пределы верхней границы линии Тарес, отметка которой в описываемых местах не превышает 20—25 м над ур. м.

Наблюдения А. А. Полканова над распространением пемзы в морских отложениях Западного Мурмана приводят его к выводу, что последняя встречается и на более высоких отметках, соответствующих нижним линиям трансгрессии Pholas (C_2-C_1).²

Во всяком случае эти находки свидетельствуют об относительно позднем возрасте указанной стоянки, датированной концом регрессии Pholas или началом трансгрессии Тарес.

Археологические сборы этой стоянки отличаются бедностью и малой характерностью. Мы имеем здесь по преимуществу кварцевые отщепы, среди которых могут быть выделены орудия типа скребков. В небольшом числе встречены также отщепы серого и красного кварцита и единичные осколки темного кремня.

9. Стоянка в районе левого берега р. Аникиевой на окраине становища Цып-наволоок

Стоянка располагается на бровке террасы, очерчивающей древний морской залив в районе современного нижнего течения р. Аникиевой, на северо-западной окраине южной части становища Цып-наволоок.

Абсолютная отметка поверхности гравийно-галечного пляжа, на котором расположена стоянка, достигает 24,8 м над ур. м.

Следы деятельности человека прослеживаются здесь на узкой полосе шириною до 15—30 м, на протяжении 80—100 м занимая самую бровку террасовидного уступа, вытянутого в направлении с северо-запада на юго-восток. Стоянка слабо защищена от действия северных и северо-восточных штормов.

Находки залегают в верхнем горизонте гравийно-галечного слоя, прикрываясь лишь маломощным слоем торфа или растительного войлока, которые, однако, не образуют сплошного покрова, а перемежаются с многочисленными плешинами. Эти раздутые ветром участки поверхности пляжа и позволили обнаружить наличие стоянки. Небольшие пробные раскопы дали возможность установить полную стерильность гравия с глубины 5—7 см.

Археологические сборы этой стоянки характеризуются громадным числом кварцевых поделок, относящихся в основном к типу скребков. Единично встречены кварцевые угловые резцы. Малиновый кварцит представлен на стоянке большим числом массивных отщепов, не несущих, однако, следов вторичной обработки. Среди кремневых поделок необходимо упомянуть два скребка, приготовленных из тонких отщепов, весьма тщательной работы, и многочисленные пластинки, иногда со следами подправки по краям.

Одною из своеобразных особенностей описываемой стоянки являются следы использования плотных разностей сланца, послуживших для изготовления накопичников (рис. 71, 72, 80 табл. VII), встречающихся на стоянках арктического палеолита довольно редко.

¹ W. Ramsay. Geologische Entwicklung der Halbinsel Kola in der Quartärzeit. Fennia 16, 1898.

² А. А. Полканов. Очерк четвертичной геологии сев.-зап. части Кольского п-ова. Труды Сов. секции INQUA, вып. III, 1937.

10. Стоянка северо-западной оконечности древнего залива в районе левого берега р. Аникневой, на окраине становища Цып-наволок

Описываемая стоянка расположена в 300—400 м к северо-западу от стоянки № 9, в самой глубине древнего залива, очерченного хорошо выраженным террасовидным уступом, ориентированным в направлении, близком к широтному.

Она занимает небольшую площадь на поверхности бровки террасы, едва ли более 15 кв. м, с абсолютной отметкой около 25 м над ур. м.

Среди встреченных здесь находок необходимо отметить большое число кварцевых отщепов, среди которых обнаружено несколько скребков овальной формы. Кремневые поделки представлены несколькими отщепами и обломком какого-то вытянутого орудия с отчетливым резцовым сколом на одной из сторон и очень тщательной плоской ретушью на другой. Очевидно, мы имеем здесь дело с позднейшим использованием сломанного орудия в качестве бокового резца (рис. 55, 56 табл. VI). Своеобразной особенностью этой стоянки является значительное число обломков плотного зеленого (хлоритового) сланца, среди которых обнаружено несколько наконечников для стрел, сильно варьирующих по форме. В то время как некоторые из них имеют весьма архаический облик, встречаются формы, близкие к неолитическим (рис. 67, 68, 69, 70, 79 табл. VII). Судя по абсолютным отметкам двух последних стоянок, а также по некоторым особенностям их инвентаря, можно предполагать, что мы имеем здесь образцы наиболее поздних памятников группы арктического палеолита.

11. Стоянка между мысом Лог-наволок и Лауш-губой

Стоянка расположена на гребне галечно-валунного берегового вала с абсолютной отметкой, немного превышающей 20 м, вытянутого в направлении, близком к широтному, в расстоянии 1.6 км к востоку от устья р. Локи.

Следы деятельности человека, отмеченные массой осколков дробленого белого кварца, прослеживаются здесь в виде узкой полосы шириною до 8—10 м, протяжением в 50—55 м. Собранный материал, представленный почти целиком кварцевыми и отчасти кварцитовыми поделками, состоит из скребков, сильно варьирующих по своей форме, нескольких резцов, среди которых встречены нуклеовидные разновидности, очень близкие к находкам стоянки № 2 на берегу залива Б. Мотка (рис. 52, 53 табл. VI). Обращает на себя внимание также обилие осколков горного хрусталя. Реже попадаются отщепы и поделки из очень плотного белого или светлозеленого мелкозернистого кварцита и черного кремня.

Все находки залегают на поверхности вала, прикрываясь местами лишь маломощным слоем растительного войлока.

Эта единственная из известных нам стоянок северного берега Рыбачьего полуострова, открытая действительно северо-западных, северных и северо-восточных ветров, очевидно, представляет следы временного промыслового становища, на что указывают крайне неблагоприятные для жилья условия этого пункта.

12. Стоянка на западном берегу Эйна-губы

Стоянка занимает бровку террасы, сложенной гравийно-галечным материалом. Близкие коренные выходы зеленовато-серых песчаников

идентичных с образованиями полуострова Среднего,¹ сильно обогащают древние береговые образования щебенкой, получающейся в процессе выветривания скал.

▲ Стоянка арктического палеолита

Рис. 8. Карта стоянок Эйна-губы.

Абсолютная отметка поверхности стоянки лишь немного превышает 20—22 м. Сильная задернованность террас значительно осложнила изучение этой стоянки, прослеженной на площади около 60—70 кв. м.

Основной частью находок является дробленный молочный кварц. Среди собранных здесь многочисленных кварцевых отщепов удалось обнаружить несколько обычных скребков с полукруглым рабочим краем на конце коротких, часто неправильной формы, пластинок. Здесь же был найден небольшой конический нуклеус из того же молочного кварца. В довольно значительном числе были собраны также отщепы и пластинки из сильно выветрившегося роговика и, наконец, пластинки из плотного зеленовато-серого, слабо осланцованного, слитого песчаника.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СТОЯНОК АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА НА РЫБАЧЬЕМ ПОЛУОСТРОВЕ

Подводя некоторые итоги изучению стоянок арктического палеолита Рыбачьего полуострова, необходимо отметить, что многие своеобразные черты инвентаря этих местонахождений в значительной степени могут быть поняты в связи с особенностями употреблявшегося для поделок материала. Основными требованиями, предъявлявшимися к используемому материалу, являлась достаточная твердость и стойкость породы, с другой стороны — однородность (изотропность и отсутствие спайности), допускавшая возможность обработки ее при помощи стесывания, скалывания или отжимания.

Среди тех разновидностей пород и минералов, которые использовались древними обитателями Рыбачьего полуострова, ближе всего указанным требованиям отвечал кремний. Коренных месторождений кремния ни на Рыбачьем полуострове, ни в прилегающих частях Кольского полуострова мы не знаем. Небольшого размера кремневые желваки черного и темносерого цвета, часто сильно пористые, изредка встречаются среди морских отложений, куда они, в свою очередь, попали из морены, оставленной ледником. Коренные месторождения этого минерала известны в доломитовых отложениях нижнего кембрия в области Альта и внутренних частях Порсангер-фьорда и фьорда Тана.

Явная недостаточность кремния и мелкие размеры желваков не позволяли древним обитателям Рыбачьего полуострова широко использовать этот минерал для своих поделок. Примерно в том же положении находится возможность использования роговика, который изредка встречается в четвертичных отложениях полуострова в виде мелких желваков темной, буро-

¹ А. Fieandt. Fiskarhalföns och ön Kildins Geologi. Fennia 32. 1911—12; Б. Куплетский. Петрография Кольского полуострова. Петрография СССР, вып. 1, Изд. Акад. Наук, 1932.

вато-зеленой окраски, переходящей при выветривании в светлосерую или белую. Кроме Рыбачьего полуострова, роговик известен как на стоянках, так и в четвертичных отложениях Варангера. Однако месторождения роговика в пределах Кольского полуострова, северной Финляндии и Норвегии (по данным Розендаля) не известны.

Значительная редкость кремня и роговика вынуждали человека прибегать к использованию материалов значительно худшего качества, но зато широко распространенных.

На первом месте здесь должен быть поставлен кварцит, особенно в виде буровато-красной или малиновой разновидности. Менее широко использовался белый, серый и слегка рассланцованный зеленоватый кварцит.

Эти кварциты, коренные выходы которых известны среди пиннекембрийских отложений Финляндии, довольно часто встречаются в виде валунов или гальки крупных размеров среди ледниковых и моренных отложений полуострова. Эта порода, которую человек собирал на поверхности береговых валов или пляжей (стоянка № 5), непосредственно использовалась в качестве нуклеусов, без всякой предварительной подготовки. Вследствие крупнозернистости зерна этой породы поверхность сколов получала грубую зернистость, что позволяло использовать этот материал лишь для грубых, крупных орудий, обработка которых была возможна только ударной техникой. В качестве наиболее широко распространенного на стоянках материала следует указать кварц в виде белой молочной разновидности, серой или дымчатой и, наконец, горный хрусталь. В свою очередь, белые разновидности кварца могут быть подразделены на зернистые, обладающие следами слоистости, и плотные, напоминающие эмаль, с отличным раковнистым изломом.

Все перечисленные разновидности кварца встречаются на Рыбачьем полуострове в виде жил, в коренном залегании, а также в четвертичных отложениях. Наиболее пригодные для обработки плотная молочная разновидность и горный хрусталь встречаются в виде небольших кристаллов, что и определяет использование последних лишь для мелких орудий, отличающихся наряду с кремневыми и роговиковыми поделками, наибольшей тщательностью отделки и применением отжимной техники.

На последнем месте должен быть поставлен сланец, по преимуществу в виде зеленых хлоритовых разновидностей. Указанная порода является весьма широко распространенной вместе с плотными разновидностями глинистого сланца на неолитических стоянках описываемого района и играет совершенно ничтожную роль в инвентаре арктического палеолита. В сколь угодно заметном числе поделки из нее были встречены только на двух стоянках (№№ 9 и 10), причем к обработке этого материала была применена обычная отбойная техника, в то время как на неолитических стоянках орудия, приготовленные из указанной породы, носят следы шлифовки.

В тесной зависимости от используемого материала находится форма орудий и техника их изготовления.

В целом археологические сборы стоянок арктического палеолита слагаются из двух групп орудий. К первой относятся тяжелые, крупные орудия из кварцита весьма архаического облика, изготовленные из нуклеусов или больших и массивных отщепов; ко второй — орудия из тонких пластинок, носящих следы тщательной обработки и имеющих черты микролитоподобной техники. Обе группы орудий, различные по облику и технике, присутствуют на стоянках, как было описано выше, одновременно, явно связываясь единственно для каждой стоянки культурным горизонтом.

Попытка расчленения этого, повторяющегося почти на всех стоянках, комплекса находок на отдельные возрастные группы, предпринятая А. Бьёрном, оказалась несостоятельной.

Мы теперь с полной уверенностью можем утверждать одновременное употребление обеих групп орудий, трудно укладываемых в обычных представленных в единый комплекс.

Первая группа орудий, связанных с обработкой дисковидных нуклеусов и получением массивных отщепов, лишенных следов дополнительной обработки, иногда сопровождается крупными орудиями типа ручных рубил эллипсоидальных или грубо-миндалевидных очертаний с двусторонней обработкой. Во многих случаях отщепы несут следы дополнительной обработки или грубой ретуши, превращающей отщепы в орудия типа скребел, остроконечников и транше. Одновременно с этим мы встречаем многочисленные призматические и копьевидные нуклеусы из того же кварцита, со следами отделения от них крупных пластин. Многие из этих пластин несут следы явной, иногда тонкой, насколько позволяет материал, ретуши. Сюда относятся подправленные с боков пластины, орудия типа транше, грубые проколки, скребки на концах пластин и, наконец, резцы.

Ко второй группе мелких орудий, изготовленных, в основном, из кремня, роговика, горного хрусталя, кварца и особо-тонкозернистых разновидностей белого, просвечивающего кварцита, относятся поделки из более или менее тонких, часто удлинённых пластинок, отделённых от цилиндрических или конических нуклеусов и получивших дополнительную обработку в виде специальных сколов в случае изготовления мелких (часто совсем миниатюрных) резцов — угловых, срединных, полздрических и т. п.

В других случаях мы встречаем тонкую подправку краев пластинок, следы заострения или даже имеем прекрасную раковистую отжимную ретушь.

Сюда относятся, кроме упомянутых выше резцов, ножевидные пластинки, острия и наконечники для стрел, проколки, а также многочисленные, сильно варьирующие по форме скребки (опять-таки часто миниатюрных размеров).

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТОЯНОК АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА НА РЫБАЧЬЕМ ПОЛУОСТРОВЕ

Разбирая геологические условия стоянок арктического палеолита на Рыбачьем полуострове, необходимо отметить большое сходство с тем, что уже указывалось для стоянок этого типа на площади Финнмаркена и северной Финляндии, а именно: все стоянки располагаются по древним береговым линиям в пределах между трансгрессиями *Littorina* (океаническая) и *Tapes I*. На обследованной территории не было обнаружено только стоянок, аналогичных самым высоким стоянкам Финнмаркена и Финляндии, увязывающимся с линиями трансгрессии *Portlandia*.

На всех обследованных нами стоянках собранный материал в массе лишен следов водного окатывания. Единичные находки окатанных орудий в крайних частях отдельных стоянок не меняют этого вывода, так как случайное попадание отдельных орудий в полосу прибоя на стоянках, располагавшихся у уреза воды, не представляет ничего невероятного.

Но отсюда еще очень далеко до утверждения Нордхагена о полном переывании материала всех стоянок описываемого типа водами поздней и последнедевических трансгрессий, поскольку указанный исследователь датирует эти стоянки последним интергляциалом. В этом вопросе мы целиком становимся на сторону Таннера о полной невозможности существования человека на севере Фенноскандии во время последнего оледенения, поскольку вся поверхность суши была скована льдами. Более того, последние выдвигались далеко в Варенцово море, о чем свидетельствуют оставленные ими на дне этого бассейна конечные морены.

В дополнение к материалам Таннера можно сообщить, что на всей площади Рыбачьего полуострова, включая и самые высокие фьельды, прекрасно сохранялась ледниковая штриховка на таких малостойких породах, как песчаники и сланцы. Вместе с ледниковой штриховкой, ранее отмечавшейся Рамсеем, Фиандтом и Таннером в западной части полуострова, наши наблюдения с полной убедительностью показывают, что площадь Рыбачьего полуострова во время последнего оледенения полностью покрывалась льдами. Возможность же сохранения ледниковой штриховки на открытой поверхности скал со времен более раннего, чем последнее, оледенения лишена даже малейшей доли вероятности, поскольку и аркозовые песчаники и сланцы Рыбачьего полуострова являются породами очень малостойкими в отношении физического выветривания. При толковании же Нордхагена приходится допустить, что эта тонкая ледниковая штриховка на малостойких в отношении выветривания открытых скалах сохранилась на протяжении длительного межледникового периода с его относительно теплым климатом и усилением процессов химического выветривания, пережила последнее оледенение, вызвавшее мощное усиление процессов морозного выветривания, и все же уцелела до наших дней.

Еще менее убедительным является предположение Нордхагена о перемывании материала стоянок водами поздней и послеледниковых трансгрессий.

Против этого, по крайней мере для стоянок Рыбачьего полуострова, свидетельствуют наблюдения над сохранностью поделок, а также условиями залегания последних.

Мы уже указывали, что следы водного оглаживания были констатированы лишь на единичных находках, обнаруженных по окраинам стоянок, основной же материал, включая как самые тяжелые, крупные, так и мелкие орудия, — отщепы или пластины, — сохранил в полной неприкосновенности свои острые ребра и края.

Еще менее надежным представляется установление следов размыва стоянки морскими волнами по наличию разбросанных по поверхности берегового вала орудий и отщепов, иногда оказывающихся погребенными на небольшую глубину в 5—10 см в толщу галечника или гравия, так как случаи нахождения рассеянных по всей площади стоянки редких, единичных находок не представляют редкости для неолитических стоянок Севера СССР, которые по своим геологическим условиям совершенно исключают возможность какого-либо перемыва культурного слоя после его отложения. Основываясь на этом, можно думать, что стоянки побережья арктического океана должны быть несколько моложе тех пляжей и валов, на которых они располагаются.

Вполне присоединяясь к мнению Таннера, поддерживаемому в последнее время Нуммедалем и Бёе, о позднеледниковом и отчасти послеледниковом возрасте стоянок арктического палеолита, мы тем не менее отказываемся принять его объяснение следов перемывания на некоторых находках как доказательство возможности существования древних становищ у подножия подмываемого абразионного уступа и потому подвергнувшихся действию прибойных волн во время особенно сильных бурь.

По крайней мере наблюдения над стоянками Рыбачьего полуострова подтверждений высказанного предположения не дают.

Поэтому нахождение стоянок на древних береговых линиях трансгрессии Littorina (океаническая) еще не дает основания для датировки стоянки временем Littorina, так как время этой трансгрессии может служить лишь нижней границей интересующей нас даты, в то время как вопрос о верхней границе остается открытым.

То же обстоятельство, что совершенно однотипные стоянки, относящиеся к арктическому палеолиту, встречаются на террасовых поверхностях, датированных трансгрессией Littorina (океаническая), трансгрессией Pholas и даже трансгрессией Tapes, т. е. на протяжении по крайней мере 4—5 тысячи лет не меняя своего характера, заставляет относиться к указанным датировкам финского исследователя с некоторой осторожностью.

Все это заставляет предположить, что общая продолжительность времени стоянок арктического палеолита должна быть значительно короче приведенных выше цифр. Хотя человек, обитавший на берегах Арктического океана, в своей хозяйственной деятельности и был тесно связан с морем, однако из этого еще не следует, что его поселения должны были располагаться на только что оставленных морем пляжах, еще подвергавшихся периодическим затоплениям во время сильных бурь и пагонов волн. Скорее можно предположить обратное — что поселения располагались на древних береговых пляжах, приподнятых достаточно высоко, чтобы не затопляться во время даже самых значительных подъемов воды. Поэтому нет ничего удивительного, что древние поселки могли быть расположены на участках берега, значительно возвышавшихся над современным им уровнем океана, если общая конфигурация берега представляла достаточно благоприятную к тому обстановку.

Основываясь на приведенных выше соображениях, будет правильнее думать, что верхней возрастной границей арктического палеолита Рыбачьего полуострова будет трансгрессия Tapes I (по Таннеру).

Нижнюю же границу следует со времени maximum'a трансгрессии Littorina (океанической) поднять до второй половины трансгрессии Pholas.

Тогда на время арктического палеолита придется значительно более короткий промежуток времени, измеряемый всего 2000—2500 лет, на протяжении которых культура арктического палеолита могла оставаться почти неизменной, что и нашло свое отражение в однородности инвентаря стоянок этого типа. Из приведенных же выше датировок следует, что арктический палеолит почти целиком укладывается в последнедевское время и бытует параллельно с памятниками раннего палеолита.

В связи с изучением стоянок арктического палеолита на побережье арктического океана следует упомянуть о находках центральной Карелии, отмеченных автором во время работ в районе строительства Балтийско-Беломорского комбината.¹

Особенно обращают на себя внимание наиболее высоко расположенные стоянки центральной Карелии. Сюда относятся стоянки района Медвежьей Горы, приуроченные к террасовым поверхностям, возвышающимся на 72—74 м над ур. м., и обнаружившие при полном отсутствии керамики поделки из кварца и кремня, весьма близкие к описанным выше находкам Рыбачьего полуострова и Финнмаркена. Возможно, что дальнейшее изучение именно этих памятников Карелии позволит подойти к разрешению спорного вопроса о путях заселения севера Европы, базируясь на прочных фактических основаниях.

¹ Б. Земляков. Работы на строительстве Балтийско-Беломорского канала. Археол. работы Академии на новостройках. Изд. ГАИМК, вып. I, Лгр., 1935; Б. Земляков. Четвертичная геология Карелии. Труды КНИИ, вып. I, Петрозаводск, 1936.

Таблица I

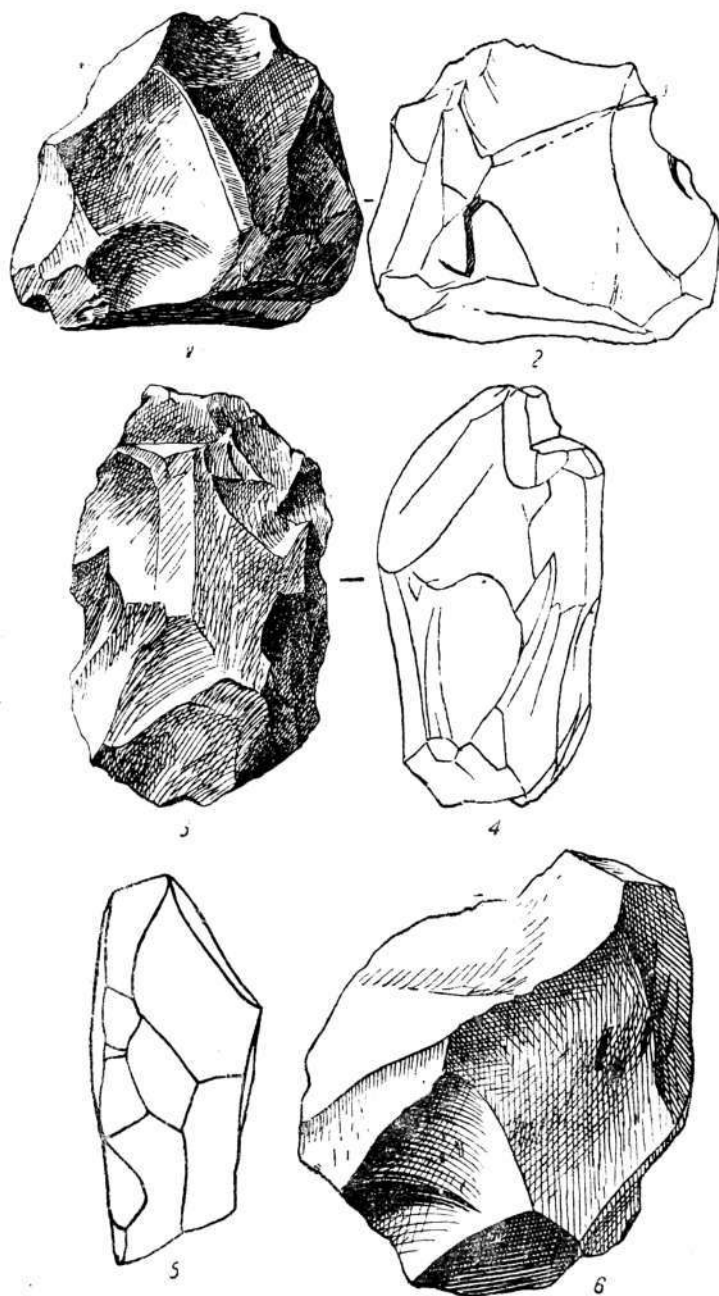

Таблица II

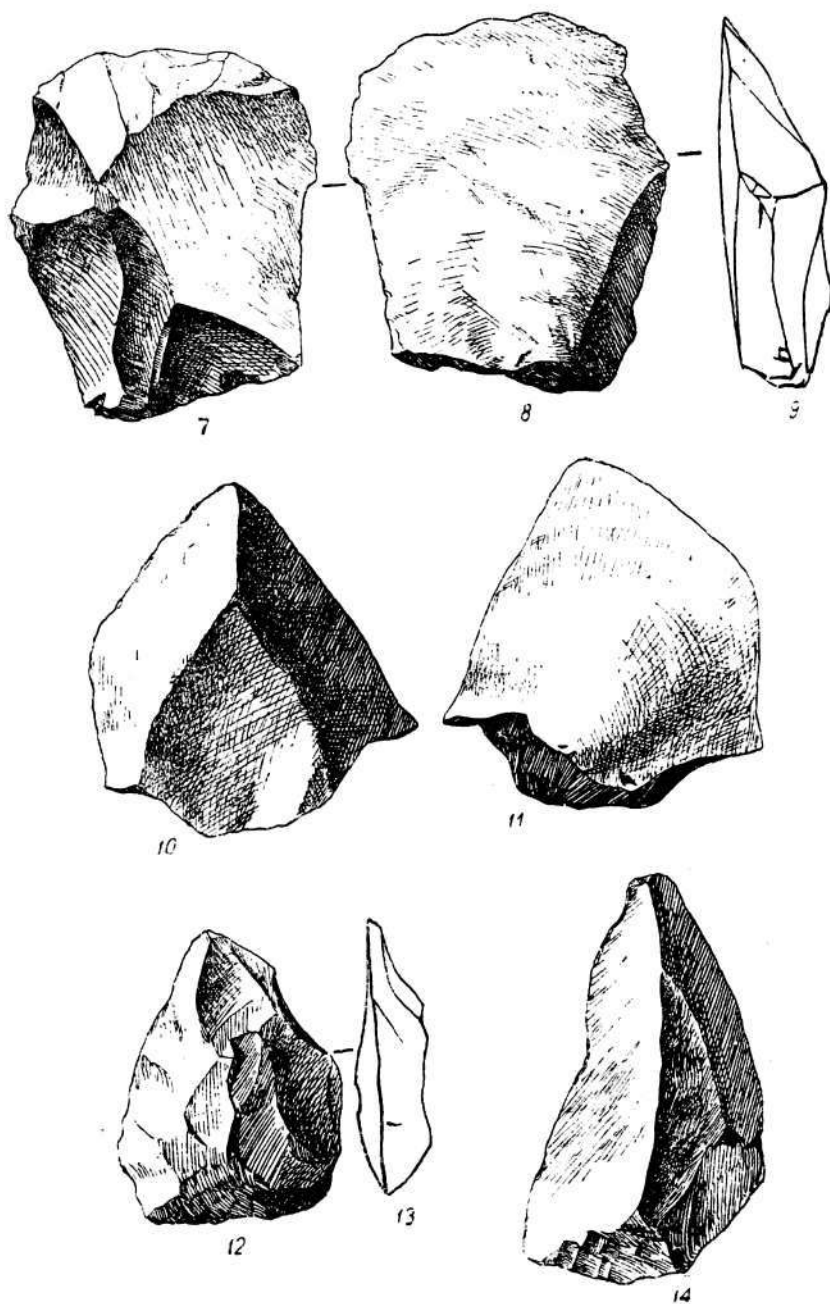
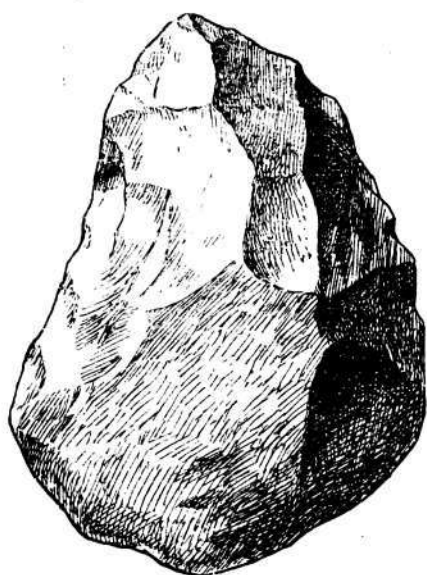
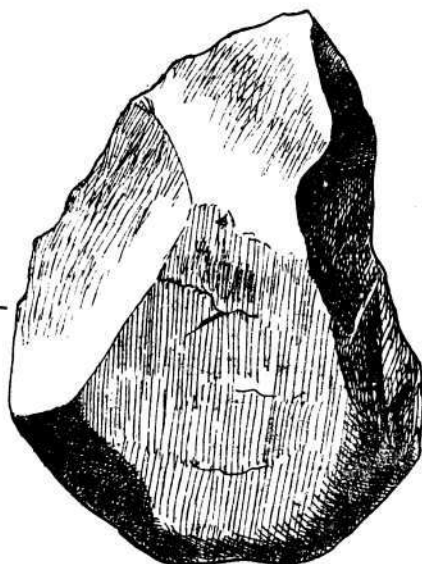

Таблица III

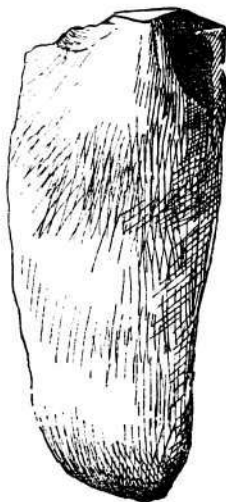
15

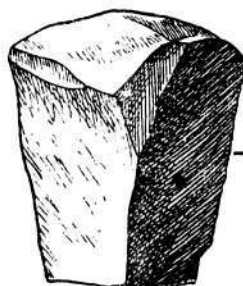
16

17

18

19

20

Таблица IV

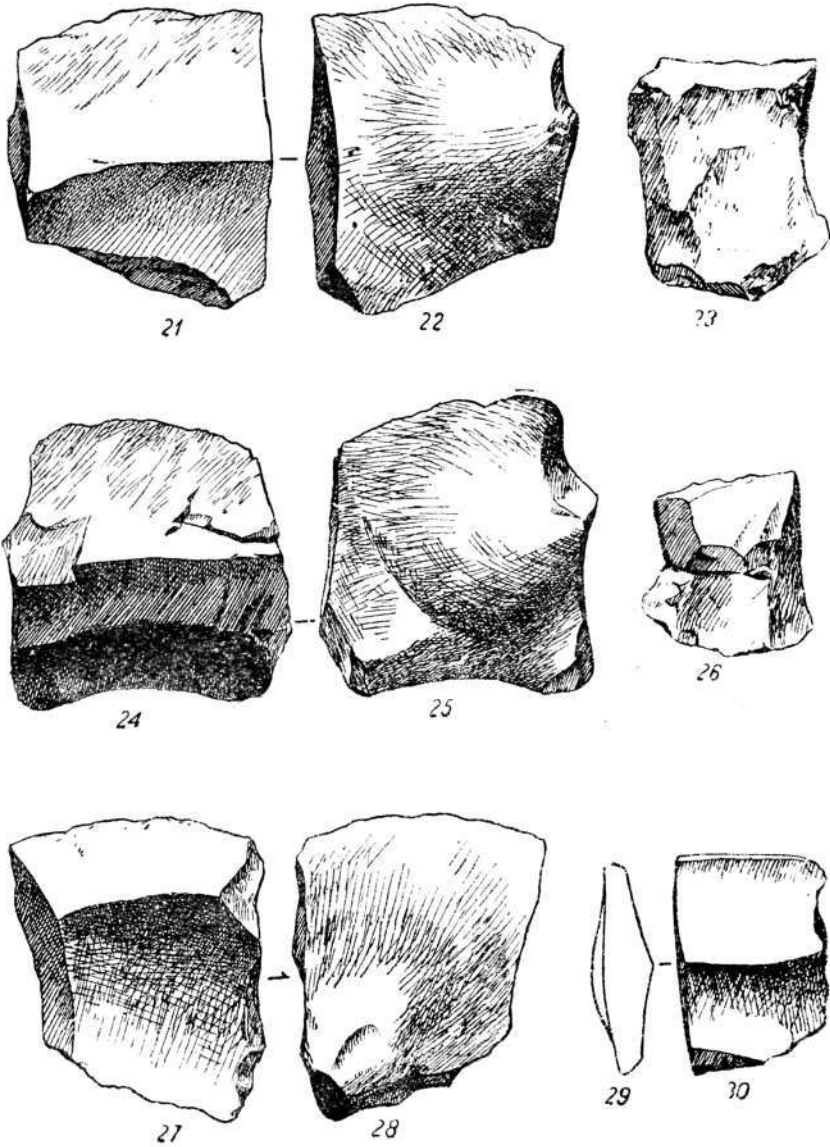

Таблица V

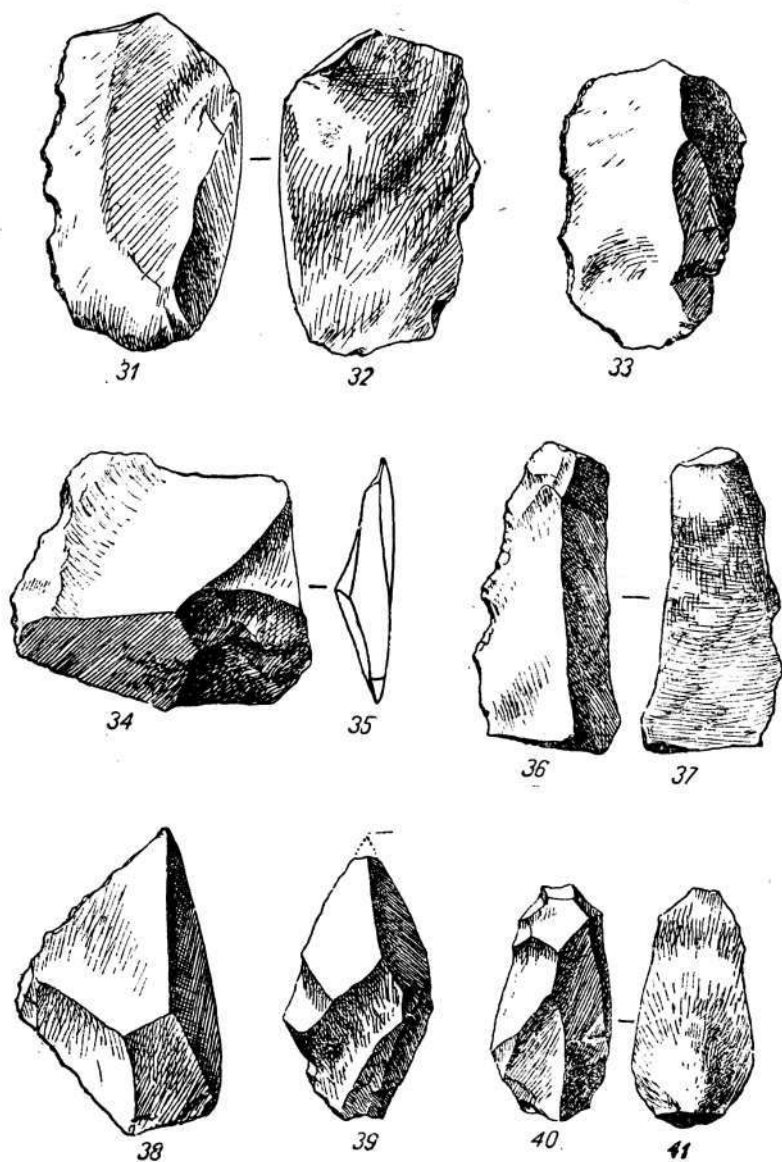

Таблица VI

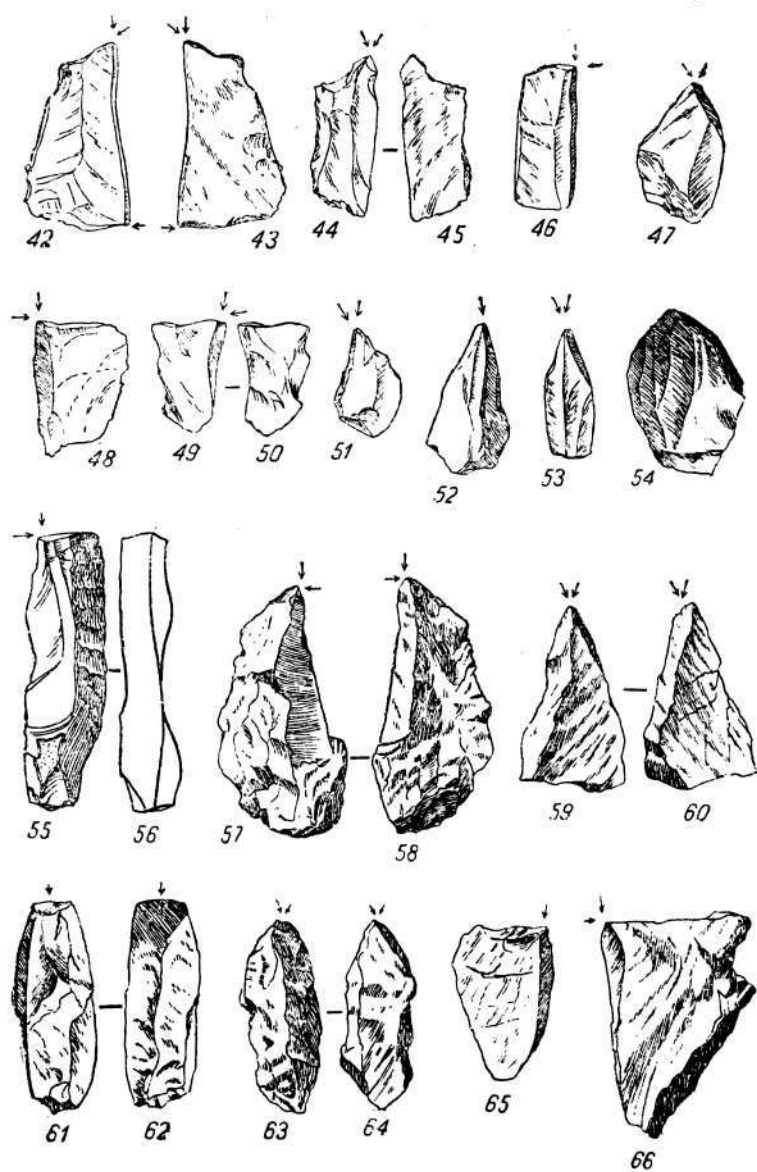

Таблица VII

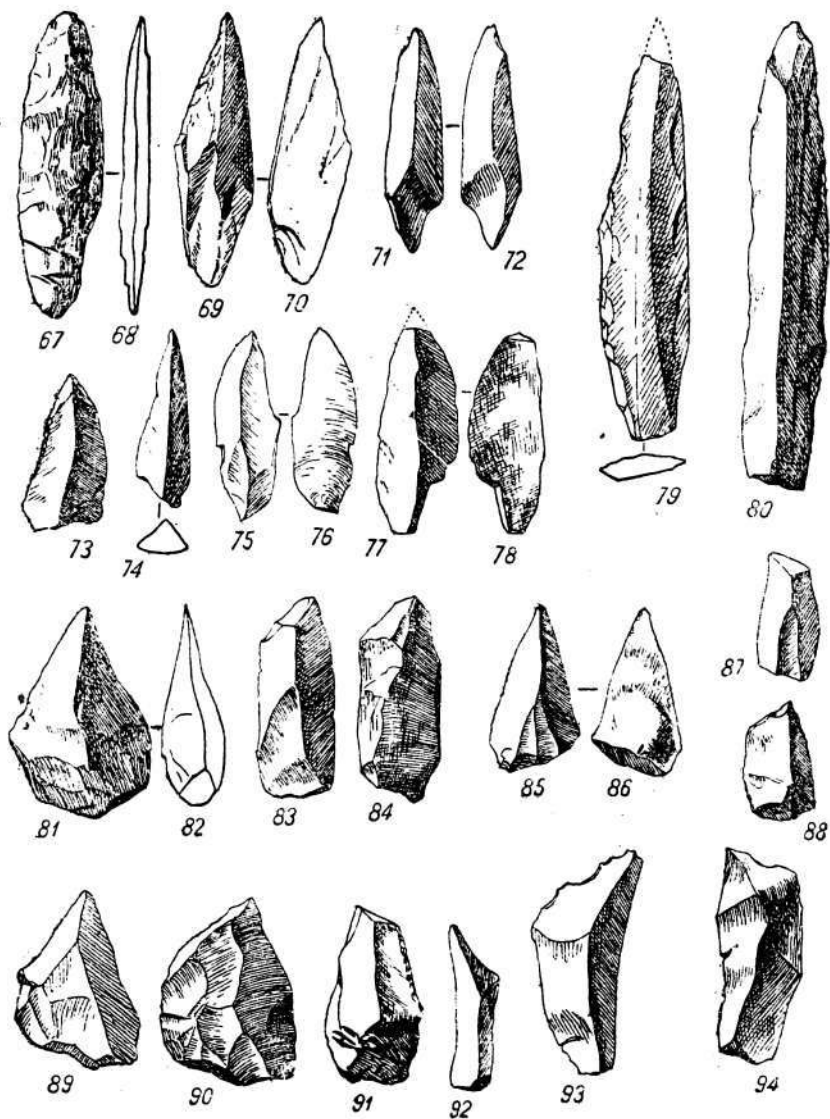
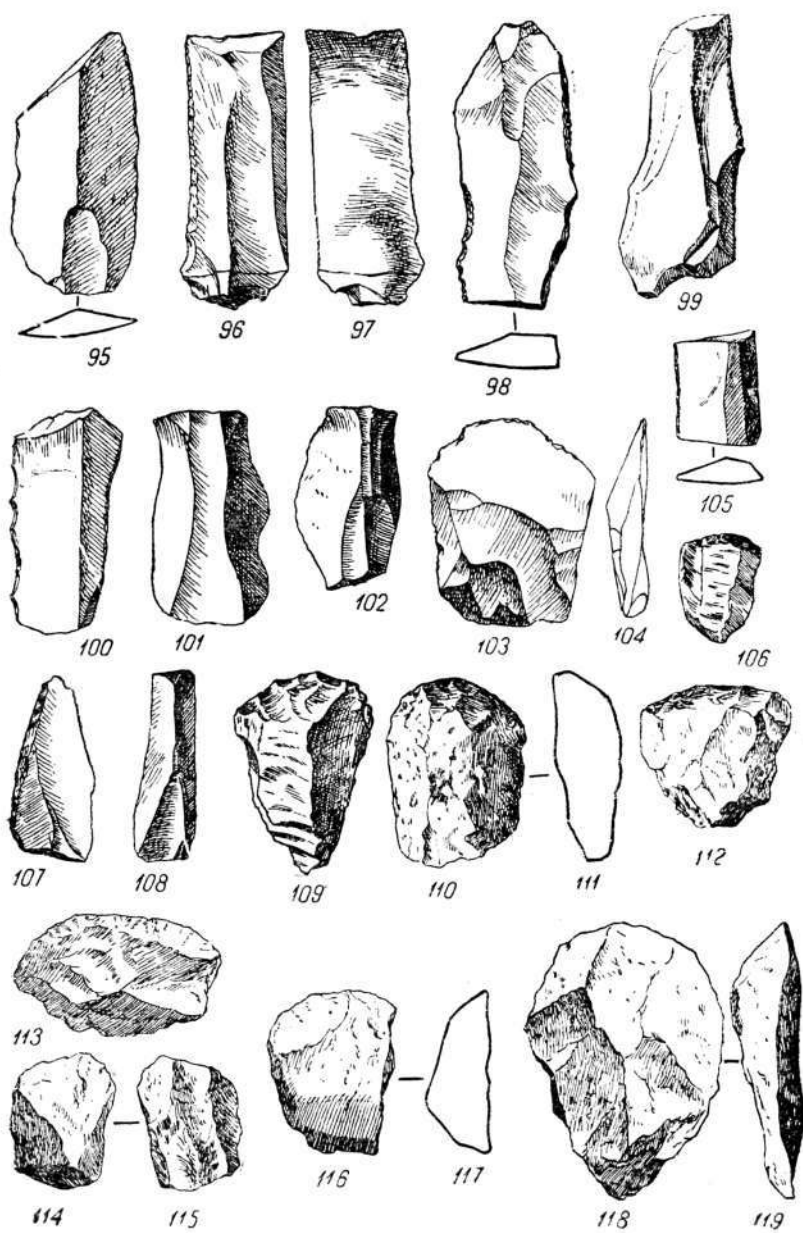

Таблица VIII

ОБЪЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

Таблица I

- Рис. 1, 2. Призматический нуклеус из красного кварцита. Стоянка № 7.
 Рис. 3, 4. Орудие типа ручного рубила из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 5, 6. Дисковидный нуклеус из красного кварцита. Стоянка № 5.

Таблица II

- Рис. 7, 8, 9. Скребло из массивного отщеп красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 10, 11. Массивный отщеп подтреугольной формы из красного кварцита. Стоянка № 6.
 Рис. 12, 13. Орудие типа остроконечника из массивного отщеп красного кварцита подтреугольной формы. Стоянка № 5.
 Рис. 14. Массивный отщеп из красного кварцита подтреугольной формы. Стоянка № 5.

Таблица III

- Рис. 15, 16. Ручное рубило из красного кварцита. Стоянка № 7.
 Рис. 17, 18. Массивный отщеп удлинённой формы. Стоянка № 7.
 Рис. 19, 20. Массивный отщеп из красного кварцита. Стоянка № 7.

Таблица IV

- Рис. 21, 22. Орудие типа транше из массивного отщеп красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 23. Проколка на конце отщеп красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 24, 25. Орудие типа транше из массивного отщеп красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 26. Проколка на конце отщеп из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 27, 28. Орудие типа транше из массивного отщеп красного кварцита. Стоянка № 7.
 Рис. 29, 30. Массивный отщеп из красного кварцита. Стоянка № 5.

Таблица V

- Рис. 31, 32. Пластинка из красного кварцита с подправленными краями. Стоянка № 7.
 Рис. 33. Пластинка из красного кварцита с подправленными краями. Стоянка № 7.
 Рис. 34, 35. Широкая пластина из красного кварцита. Стоянка № 7.
 Рис. 36, 37. Пластинка из красного кварцита с подправленным краем. Стоянка № 5.
 Рис. 38. Пластинка подтреугольной формы из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 39. Остроконечник из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 40—41. Пластинка из красного кварцита. Стоянка № 7.

Таблица VI

- Рис. 42, 43. Двойной резец из горного хрусталя. Стоянка № 6.
 Рис. 44, 45. Резец из горного хрусталя. Стоянка № 6.
 Рис. 46. Резец из молочного кварца. Стоянка № 6.
 Рис. 47. Резец из молочного кварца. Стоянка № 6.
 Рис. 48. Резец из молочного кварца. Стоянка № 11.
 Рис. 49, 50. Резец из горного хрусталя. Стоянка № 6.
 Рис. 51. Резец из горного хрусталя. Стоянка № 6.
 Рис. 52. Резец из молочного кварца. Стоянка № 11.
 Рис. 53. Резец из молочного кварца. Стоянка № 11.
 Рис. 54. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 55, 56. Резец на конце сломанного кремневого орудия. Стоянка № 10.
 Рис. 57, 58. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 59, 60. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 61, 62. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 63, 64. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 65. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 66. Резец из молочного кварца. Стоянка № 2.

Таблица VII

- Рис. 67, 68. Наконечник из хлоритового сланца. Стоянка № 10.
 Рис. 69, 70. Наконечник из хлоритового сланца. Стоянка № 10.
 Рис. 71, 72. Наконечник из зеленовато-серого сланца. Стоянка № 10.
 Рис. 73. Острие из темпозеленого кварцита. Стоянка № 4.
 Рис. 74. Острие из белого кварца. Стоянка № 3.
 Рис. 75, 76. Наконечник из тонкой кремневой пластинки. Стоянка № 4.
 Рис. 77, 78. Наконечник из красного кварцита. Стоянка № 7.
 Рис. 79. Наконечник из зеленовато-серого сланца. Стоянка № 10.
 Рис. 80. Наконечник из зеленовато-серого сланца. Стоянка № 10.
 Рис. 81, 82. Проколка из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 83, 84. Заостренные пластинки из серого кварцита. Стоянка № 4.
 Рис. 85, 86. Проколка из серого кварцита. Стоянка № 4.
 Рис. 87, 88. Проколка из серого кварцита. Стоянка № 4.
 Рис. 89. Проколка из молочного кварца. Стоянка № 4.
 Рис. 90. Проколка из темного кремня. Стоянка № 4.
 Рис. 91. Проколка из роговика. Стоянка № 4.
 Рис. 92. Пластинка из серого кварцита. Стоянка № 4.
 Рис. 93. Пластинка из роговика. Стоянка № 4.
 Рис. 94. Проколка из темного кремня. Стоянка № 4.

Таблица VIII

- Рис. 95. Пластинка из красного кварцита. Стоянка № 6.
 Рис. 96, 97. Пластинка из серого кремня. Стоянка № 4.
 Рис. 98. Пластинка из темносерого кварцита, подправленная по краям. Стоянка № 4.
 Рис. 99. Пластинка из роговика с подправкой по краю. Стоянка № 4.
 Рис. 100. Пластинка из роговика, подправленная по краям. Стоянка № 4.
 Рис. 101. Пластинка из красного кварцита. Стоянка № 5.
 Рис. 102. Пластинка из темного кремня. Стоянка № 4.
 Рис. 103, 104. Пластинка из роговика с подправкой по краям. Стоянка № 7.
 Рис. 105. Обломок пластинки из серого кремня. Стоянка № 4.
 Рис. 106. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 107. Кремневая пластинка с подправленной спинкой. Стоянка № 4.
 Рис. 108. Кремневая пластинка со следами подправки. Стоянка № 4.
 Рис. 109. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 110, 111. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 112. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 113. Пластинка из молочного кварца, подправленная на краю. Стоянка № 2.
 Рис. 114, 115. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 116, 117. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 2.
 Рис. 118, 119. Скребок из молочного кварца. Стоянка № 1.

Размер всех предметов на таблицах в $\frac{3}{4}$ н. в.

B. ZEMLIAKOV

LE PALÉOLITHIQUE ARCTIQUE DANS LE NORD DE L'URSS

RÉSUMÉ

L'auteur expose les résultats de deux expéditions dans le Mourman occidental, organisées par la Section soviétique de l'Association internationale pour l'étude du Quaternaire et l'Institut d'Histoire de la société primitive de l'Académie Marr d'Histoire de la culture matérielle et accomplies en 1935 et 1937 sous sa direction générale et avec la collaboration active de P. Tretjakov et I. Krasnov, S. Jakovleva et N. Levintov.

Les travaux des expéditions ont embrassé la presqu'île Ribatchy, où l'on a réussi à découvrir 12 stations se rapportant au type du Paléolithique arctique (culture de Finmark ou de Komsa des archéologues norvégiens).

Trois stations ont été rencontrées sur les bords du golfe de Bolchoï Motka dans la région d'Oserko, une dans la région de Eina-gouba, une sur le rivage nord de la presqu'île et sept dans les environs de Tsyp-navolok.

Toutes les stations découvertes sont situées sur les crêtes des anciennes lignes de rivage, à l'altitude absolue de 55—60 m à 24.7 m, ce qui correspond aux anciennes lignes de rivage comprises entre le maximum de la transgression de la mer à *Littorina* (océanique) et la transgression de la mer à *Tapes I*.

Le matériel archéologique recueilli gisait directement à la surface des cordons littoraux ou des plages de galets et, sauf quelques rares exceptions, ne portait aucune trace de roulement, ce qui atteste qu'il s'y trouvait in situ.

Les données rassemblées par les expéditions réfutent entièrement la supposition de Nordhagen de l'attribution possible des stations du Paléolithique arctique aux dernières périodes interglaciaire et glaciaire.

Les récoltes archéologiques faites par les expéditions caractérisent l'outillage de ces stations comme un complexe original réunissant en lui de gros instruments lourds en quartzite d'aspect fort archaïque, taillés dans des nucléi ou des éclats et lames massifs, et des instruments fins tirés de minces lames de silex, de cornéenne, de quartz ou de cristal et présentant des traces d'un façonnage soigné par compression.

Les observations faites par l'auteur sur les conditions géologiques du gisement des objets trouvés l'amènent à conclure que les stations du Paléolithique arctique de la presqu'île Ribatchy doivent être rapportées à l'époque de la transgression de la mer à *Pholas*, ce qui permet de les synchroniser avec celles du Paléolithique ancien du sud des pays Baltiques.

Геохронология по Де-Гееру	Трансгрессии Балтики	Трансгрессии Арктического океана	Климатические периоды	Археологические памятники Балтики	Археологические памятники Арктического океана и Атлантики
1338	Время Муа	Муа	Субатлантический период		Цельмь Варангер-флора
1000	Время Limnaea	Ostrea II			Могилики Оленьего о-ва в Кольском заливе
0	Вторая трансгрессия каменного века	Ostrea I	Суббореальный период	О ериный неолит с ямочно-гребенчатой керамикой	Арктический неолит (севера Скандинавии и Беломорья)
1000	Литориновое время	Tapes II	Атлантический период	Эртеблде	Салжарна II
2000	Литориновое время	Tapes I		Блоксберг	Пествет Фосна
3000					
4000					
5000					

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭПИПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В 1932 г. на II Международной конференции АИЧПЕ в Ленинграде нами был поставлен вопрос о выделении азийско-свидерской стадии как раннего этапа развития послепалеолитических культур на территории восточной Европы. В виду крайней ограниченности имевшегося материала многие вопросы остались тогда слабо освещенными, а целый ряд высказывавшихся положений имел характер гипотез, для подтверждения которых часто не хватало фактического материала. За истекший с того времени период новые факты, собранные по преимуществу советскими археологами, позволяют глубже и полнее осветить ряд вопросов и, таким образом, ближе подойти к освещению одного из самых темных периодов развития родового общества на его ранней ступени. Для правильного понимания путей развития этого общества необходимо прежде всего в основных чертах представить себе характер предыдущей стадии, т. е. стадии верхнего палеолита.

Большинство верхнепалеолитических стоянок, несмотря на ряд стадийных и территориальных различий, по основным моментам имеет очень много общего.

Очень характерными являются прежде всего условия расположения стоянок. Они всегда расположены на высоких обрывистых речных берегах, пересеченных оврагами и балками, имевшими в те времена гораздо более крутые склоны.

В Крыму стоянки приурочены также не к равнинным участкам, а к местам, изобилующим ущельями и обрывами.

До сих пор не известно ни одной стоянки, расположенной на водораздельном плато или вообще в условиях равнины.

Для интересующей нас природной обстановки, с которой связаны памятники верхнего палеолита, очень показательны остатки охотничьей добычи в виде собранных на стоянках костей животных.

К сожалению, до настоящего времени полные списки и подробные описания остатков фауны опубликованы по небольшому количеству памятников. Однако и при этих условиях материал дает настолько яркую картину, что на основании его можно сделать ряд важных выводов. Остатки фауны всего верхнего палеолита восточной Европы, за исключением самого последнего этапа — позднемадленских стоянок, представляются, как правило, довольно однообразными. Основным охотничьим животным, судя по остаткам костей, был прежде всего мамонт (8 особей на Костенковской стоянке, 25 на Бердыжской, 15 на Тимоновской и т. д.) и затем крупные копытные в виде лошади, бизона или тура, северного оленя. Все остальные животные, кроме песца, встречаются единицами. Почти отсутствуют кости птиц и рыб.

Этому вполне соответствует и сохранившийся охотничий инвентарь, состоящий из кремневых и костяных наконечников копий и дротиков, при полном отсутствии рыболовческих орудий.

Самые стоянки представляют собой стационарные поселения — охотничьи лагеря больших коллективов, насчитывающих по подсчетам различных авторов до 60 и более человек. Длительность обитания подтверждается наличием остатков сложных жилых сооружений в виде землянок и полуземлянок, обнаруженных на большинстве хорошо раскопанных стоянок, и огромным количеством находимых орудий и костей животных.

Стационарность поселений доказывается также присутствием на них постоянных мест для выделки орудий с большим количеством полуфабрикатов и отходов производства.

Очень важным является факт, что, несмотря на большое количество исследованных стоянок, мы не имеем даже среди близко расположенных (как, например, группы костенковских, боршевских или брянских) хотя бы двух, настолько сходных между собою, чтобы их можно было считать принадлежащими одному коллективу, одной родовой группе. И, наконец, весьма любопытный материал обнаружен С. Н. Замятинным¹ на Гагаринской стоянке, где среди инвентаря, сделанного из местного кремня, им найдено 3 орудия из кремня, происходящего из района Костенок. При этом автор доказывает с достаточной убедительностью, что эти орудия были принесены сюда в готовом виде. Если этот факт получит в дальнейшем подтверждение, то кроме наличия устанавливаемого Замятинным межгруппового обмена, можно предполагать, что на берегах Дона, между Гагаринским и Костенками, не было других одновременных им поселений.

Из приведенной выше характеристики некоторых моментов верхнего палеолита можно сделать следующие выводы:

1. Судя по условиям расположения стоянок и остаткам охотничьей добычи, основной, ведущей формой хозяйства была охота на мамонта и крупных копытных.

2. Охота имела характер коллективной загонной охоты с применением простейших метательных орудий — дротиков, метавшихся, возможно, с помощью копьёметалки и пращи или боласа, присутствие которых можно предположить, судя по находимым на стоянках круглым небольшим камням.

Собирательство, охота на мелких животных и рыбная ловля, конечно, также имели место, но они не имели характера основной, ведущей отрасли производства.

3. Каждая из стоянок населялась в течение длительного периода одним коллективом, имевшим, повидимому, характер родовой группы.

В самом конце верхнего палеолита наблюдается начало довольно резкого перелома, прослеживаемого на ряде стоянок (верхний горизонт Боршево II, верхний горизонт Кирилловской стоянки, ряд стоянок на Буге в Западной Украине и др.). Перелом этот связан уже с переходом к азильско-свидерской стадии, прослеживаемой почти на всей территории Восточной, Средней и Западной Европы.²

Изменения прослеживаются в характере расположения стоянок и их планировки, объектах охоты, технике изготовления и формах орудий и других важнейших моментах и свидетельствуют, несомненно, об изменениях в самой структуре родовых групп. Уже упомянутые выше стоянки имеют ряд отличий по сравнению со стоянками более раннего времени.

На них культурный слой состоит в большинстве случаев из ряда небольшого размера «очагов», состоящих из остатков кострища с разбросанным вокруг небольшим количеством орудий. На некоторых стоянках,

¹ Замятин. Раскопки у с. Гагарино. Палеолит СССР. Изв. ГАИМК, № 118, 1935.

² М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории восточной Европы. Труды II Междунар. конф. АИЧЕВ, вып. V, 1934.

особенно это ярко прослеживается на Бугских,¹ эти «очаги» не одновременны и, таким образом, являются как бы отдельными самостоятельными временными поселениями. Бросается в глаза отсутствие остатков постоянных жилищ-землянок, столь характерных для верхнего палеолита.

В условиях расположения стоянок также заметны изменения: некоторые из них располагаются не на высоких берегах, а значительно ниже — на дюнах надпойменных террас.

В производственном инвентаре вместе с рядом других изменений наблюдается появление в значительном количестве небольших пластинок-вкладышей, вставлявшихся, повидимому, в костяные или роговые стержни. Эти пластинки, равно как и некоторая часть скребков, имеют часто правильный геометризованный характер.

Значительно меняется и состав животных — охотничьей добычи.

Мамонт не попадаетея вовсе, а на ряду с крупными копытными, в виде северного оленя, лошади, лося и др., встречаются иногда в значительном количестве кости зайца, крупных степных грызунов — сурков, сусликов и других мелких животных.

Все эти изменения говорят несомненно о начале какого-то перелома. Особенно резко указанные изменения выступают на более позднем этапе — в азийско-свидерской стадии.

Стоянки этой стадии, хотя еще недостаточно изученные, все же дают много материала для характеристики некоторых сторон хозяйства.²

Почти все стоянки этого времени находятся на открытых пространствах песчаных дюн на надлуговых террасах рек (Гренск на Соже, Елин-Бор на Оке, Свидры Виельке на Висле и т. д.). Самые стоянки отличаются очень небольшими размерами, слабой насыщенностью культурного слоя, отсутствием постоянных жилищ в виде землянок и, по сравнению с палеолитическими стоянками, малым количеством находимых орудий (обычно в количестве нескольких десятков, редко сотен) и отбросов производства. К сожалению, условия залегания материала на песчаных переваемых дюнах не позволяли сохраниться остаткам костей животных и костяным орудиям.

Некоторые стоянки Крыма, расположенные в иных условиях, позволяют все же несколько дополнить этот вопрос. Здесь, на ряду с сохраняющимся еще частично арктическими животными, встречаются кабан, благородный олень, барсук, волк и раковины съедобных улиток.^{3, 4} При сопоставлении этой фауны с фауной классических азийских стоянок Западной Европы бросается в глаза их большое сходство.

Среди орудий появляются в большом количестве новые типы — наконечники стрел особой формы и техники, позволяющие предполагать изобретение в это время лука, неизвестного в верхнем палеолите, и большое количество мелких кремневых пластинок-вкладышей для наконечников, стержни которых делались; повидимому, из кости и, возможно, из дерева. Прочий кремневый инвентарь, если не считать некоторых изменений в деталях формы и техники изготовления, остается сходным с верхнепалеолитическим.

¹ Z. Schmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadom. Archeol., t. X, Варшава, 1929.

² В виду того, что азийско-свидерская стадия была нами охарактеризована на II четвертичной конференции, мы даем здесь лишь очень сжатую характеристику ее по основным моментам.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II Междунар. конф. Асс. по изучению четв. пер. Европы, вып. V, Л., 1934.

⁴ С. Н. Бибинов. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г. Сов. Археол., 1, Лгр., 1936.

Основной, ведущей формой хозяйства на этой стадии является не загонная охота на крупных животных, дававшая меньшую обеспеченность и, главное, меньшую равномерность в поступлении охотничьей добычи, а охота небольших групп охотников, вооруженных гораздо более совершенным орудием — луком и, по всей вероятности, применявших всякого рода ловушки и силки на мелкого зверя. Это давало возможность гораздо более полно освоить занимаемую территорию. На меньшее значение загонной охоты указывает и приведенный выше состав фауны, состоящий в основном из животных, не встречающихся большими стадами.

Вместе с тем эти моменты послужили толчком к распаденню крупных коллективов на ряд более мелких единиц. Не следует, однако, думать, что произошла «индивидуализация» этих групп и нарушение связи между ними.

Несомненно, ряд таких производственных единиц связывался в крупную родовую группу, объединяемую прежде всего сезонными облавными охотами, владением общей охотничьей территорией, родовыми праздниками и прочими моментами общеродового порядка.

Рыболовство в этот период, возможно, было развито несколько больше, чем в верхнем палеолите, но не имело сколько-нибудь крупного значения. На этой стадии человек заселяет значительные пространства, освобожденные от ледникового покрова и ставшие к этому времени пригодными для обитания.

Во всяком случае стоянки азийско-свидерского типа известны далеко на севере вплоть до побережья Балтики (например в низовьях Вислы),¹ в Литве,² на верхней Волге (Соболевская)³ и т. д.

В процессе этого заселения, как это нами уже отмечалось ранее,⁴ на основе азийско-свидерской стадии развиваются на лесной, озерной территории так называемые «макролитические» культуры⁵ с оседлым рыболовско-охотничьим населением, начиная с древнейших стоянок Маглемозе, Муллерупа, Свердборга и их аналогов, переходящих затем в неолит с так называемой «ямочно-гребенчатой» керамикой.⁶ В древнейших стоянках Прибалтики с достаточной отчетливостью прослеживается их связь с азийско-свидерской стадией в виде сохранения значительной части орудий, сделанных из ножовидных пластинок и имеющих характер, вполне аналогичный свидерским.⁷

Затем, на более поздних этапах, типа культуры прибалтийских Кьеккенмедингов, и далее, в рыболовско-охотничьем неолите, эти пережитки постепенно исчезают, и весь комплекс каменных орудий имеет «макролитический» характер.

В южных степных и лесостепных областях на базе той же азийско-свидерской стадии развиваются культуры тарденуазского типа с «микролитическим» кремневым инвентарем. Судя по условиям расположения

¹ J. Kostrzewski. Nouvelles fouilles et découvertes en Poméranie polonaise. *Revue Antropol.*, № 10—12, 1929.

² В. Антоневич. Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве. Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

³ М. В. Воеводский и О. Н. Бадер. Остатки поселений родового общества на Верхней Волге. Археол. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. ГАНМК, вып. 103, 1935.

⁴ Воеводский, ук. соч.

⁵ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. *Рус. антропол. журн.*, т. XXXVII—XXXVIII, вып. 1—2, 1916.

⁶ В. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ села Лялова, Московского у. Труды Антропол. и-иссл. инст., т. I, Москва.

⁷ В. С. Жуков. О некоторых морфологических чертах кремня Маглемозе по отношению к вопросу о древней каменной индустрии северо-западной России (отгиски).

стоянок и характеру производственного инвентаря, формы хозяйства тарденуазской стадии должны были быть в значительной мере сходными с азийско-свидерской. Стоянки этого времени располагаются также на дюнах надлуговой и, частью, луговой террас наших рек, что говорит за их более поздний возраст, и имеют в большинстве случаев характер небольших временных поселений. Производственный инвентарь, наряду с сохранением большого количества азийско-свидерских форм в целом ряде категорий орудий, имеет и ряд существенных отличий — прежде всего в виде большого количества пластинок-вкладышей, имеющих в большинстве случаев геометризованную форму, новых типов скребков, микрорезцов и других орудий.

Стоянки с микролитическим инвентарем распространены не только в пределах степной и лесостепной полосы, но и значительно севернее, простираясь глубоко в пределы лесной зоны. Но здесь они встречаются как правило в условиях, отличных от ранне-неолитических стоянок рыболовческо-охотничьего типа с «макролитическим» инвентарем.

«Микролитогидные» стоянки известны на Оке, западнее — на р. Соже¹ (на территории Белорусской ССР), в Польше² и Литве.³ Они обычно бывают расположены на дюнах надпойменной и иногда пойменной террас рек и почти никогда не встречаются на низких берегах озер и речек, где обычно располагаются рыболовческо-охотничьи поселения с «макролитическим» инвентарем.⁴ К сожалению, в настоящее время по памятникам этого типа почти нет достоверного, хорошо собранного материала, но в виде предварительной гипотезы можно предположить, что они принадлежали племенам, ведшим хозяйство охотников-собрателей, близкое к хозяйству тарденуазцев на юге и живших в соседстве с племенами с рыболовческо-охотничьим хозяйством. В некоторых районах на юге наблюдается сходная картина.

Здесь можно проследить, что наряду с большим количеством «микролитических» стоянок встречаются и целые группы стоянок так называемого «кампибьенского» облика, связанных, возможно, уже с начальной стадией мотыжного земледелия. При этом попытки доказать, что «макролиты» здесь появляются позднее «микролитов» и как бы сменяют их, до сих пор нельзя считать достаточно убедительными. И наоборот, за последнее время накапливается все больше данных, позволяющих проследить очень позднее существование микролитов, возможно вплоть до эпохи металла.

В северной, лесной, полосе стоянки с «микролитогидным» инвентарем, относящиеся иногда к поздне-неолитическому времени, известны также во многих пунктах. Они приурочены обычно, так же как и более древние, к дюнам на берегах рек и, несомненно, связаны с сохранением специфических форм охотничьего хозяйства.

Сосуществование в довольно близком соседстве двух форм хозяйства — охотничье-собрательного и рыболовческо-охотничьего — известно и по этнографическим сведениям у индейцев Сев. Америки и у народов Сибири, в частности, например, у коряков,⁵ находящиеся, правда, на более высокой ступени развития.

¹ Поликарпович. Дагистарычные стоянки срядняга и нижняга Сажа. Працы Катедры Археалогии, т. I. Белорусск. Акад. Навук. Менск, 1928.

Его же. Дагистарычные стоянки срядняга Сажа. Працы Кат. Арх., т. II, 1930 г.

² L. Sawicki. Przyczynek do znajomości prehistorji Polesia. Ziemia № 6, 7, 8, 1925.

³ В. Антонец. Древнейшие остатки человека в северно-восточной Польше и Литве. Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V.

⁴ П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма. Старовинности Изюмщини, вып. III. Изюмский окружной музей, 1928.

⁵ Н. Билибин. Обмен у коряков. Научно-иссл. ассоц. Инст. народов Севера ЦИК СССР, 1934.

Приведенный нами краткий очерк развития эпипалеолита на территории восточной Европы позволяет наметить пути его развития. Более полная и детальная характеристика возможна лишь после обработки огромного материала, собранного в местных музеях, и проведения плановых полевых исследований, которые позволят по-новому осмыслить и имеющийся старый, часто дефектный, материал.

M. VOEVODSKIJ

SUR L'ÉVOLUTION DE L'ÉPIPALÉOLITHIQUE DANS L'EUROPE ORIENTALE

RÉSUMÉ

Pour bien comprendre les voies de l'évolution de la société du stade azilo-sviderkien, il est nécessaire de se représenter dans ses traits fondamentaux le caractère du stade précédent, c'est-à-dire du Paléolithique supérieur.

A juger d'après la situation des stations du Paléolithique supérieur et les restes des produits de la chasse, la forme prépondérante de l'économie était alors la chasse au mammoth et aux gros ongulés. Celle-ci présentait le caractère d'un rabattage collectif, avec emploi d'armes de jet primitives: dards, lancés peut-être à l'aide du jette-lance, et fronde ou bolas, dont la présence peut être présumée d'après les trouvailles dans ces stations de pierres rondes de faible grosseur. Le ramassage, la chasse au menu gibier et la pêche étaient également pratiqués, mais jouaient un rôle secondaire dans la production. Chaque station fut habitée durant une longue période par une collectivité ayant apparemment le caractère d'un groupe clanal.

Tout à la fin du Paléolithique supérieur, on constate des changements dans la situation des stations et leur disposition intérieure, dans le genre de gibier, dans la technique de la fabrication des outils et armes et leurs formes et dans d'autres éléments essentiels, ce qui témoigne de changements incontestables dans la structure même des groupes clanaux.

Les stations de la fin du Magdalénien sont souvent situées sur les dunes de la seconde terrasse et présentent fréquemment le caractère d'établissement temporaire sans habitations permanentes. Parmi la faune commencent à prédominer les ossements de petits animaux — lièvres, rongeurs des steppes. Le caractère des instruments de production subit aussi des modifications importantes — les outils à pièces d'insertion sous forme de lamelles à contours réguliers commencent à y jouer un rôle considérable.

Ces changements sont particulièrement apparents au stade plus récent azilo-sviderkien, qui se laisse constater presque sur tout le territoire de l'Europe orientale, centrale et occidentale.

La plupart des stations de ce stade se trouvent dans des endroits découverts, sur les dunes de sable des secondes terrasses fluviales. Elles ont le caractère de petites localités habitées temporairement par des chasseurs errants. Parmi la faune on a rencontré dans certaines d'entre elles le sanglier, le serf, le blaireau, le loup et des coquilles d'escargots comestibles. Parmi l'outillage apparaissent en grand nombre des pointes de flèche d'une forme particulière témoignant de l'existence de l'arc. L'emploi des petites lames d'insertion continue à se développer. La forme dominante de la chasse était celle pratiquée par un groupe peu nombreux de chasseurs armés d'arcs. La pêche devait avoir une importance plus grande qu'au Paléolithique. A ce stade l'homme peuple les territoires du nord débarrassés de leur manteau de glace, s'avancant à l'est jusqu'aux sources de la Volga et à l'ouest jusqu'aux rivages de la Baltique.

Au cours de cette occupation, le stade azilo-sviderkien donne naissance dans les régions forestières et lacustres aux cultures dites «macrolithiques» avec population sédentaire de pêcheurs-chasseurs, à commencer par les stations anciennes de Maglemose, Mullerup, Swedborg et leurs analogues, cultures qui passent ensuite au Néolithique à céramique dite «à fossettes et à peigne» (Kammkeramik).

Dans les régions méridionales de steppe et de forêt-steppe se développent sur la base du stade azilo-sviderkien des cultures de type tardenoisien à outillage de silex «microlithique». À juger par la situation des stations et le caractère des instruments de production, les formes de l'économie du stade tardenoisien devaient ressembler d'assez près à celles du stade azilo-sviderkien. Les stations de cette époque sont également situées sur les dunes de la seconde et en partie de la première terrasse et représentant pour la plupart les habitats temporaires.

Les stations à outillage microlithique se trouvent non seulement dans la zone de la steppe et de la forêt-steppe, mais aussi beaucoup plus au nord, loin à l'intérieur de la zone des forêts. Mais ici elles se rencontrent en général dans des conditions autres que celles des stations du Néolithique ancien de pêcheurs-chasseurs à outillage macrolithique.

И. Г. ПИДОПЛИЧКА

КРАТКИЙ ОБЗОР ФАУНЫ ПАЛЕОЛИТА УССР

В последние годы мы занимались изучением фауны палеолитических стоянок УССР. Списки животных палеолитических стоянок УССР установлены нами путем непосредственной проверки и обработки остеологического материала, поступившего из раскопок последних лет или сохранившегося из старых раскопок. Применяя единую методику количественного учета остатков фауны и экологический метод оценки фаунистических комплексов, мы имели возможность сравнивать фауны отдельных стоянок в качественном и количественном отношениях, что привело к некоторым выводам, которые мы и излагаем в кратких чертах в этой статье.

Палеолитические стоянки УССР по их отношению к области, подвергавшейся оледенению в среднечетвертичную эпоху, мы можем разбить на две группы:

- 1) стоянки, расположенные в пределах бывшего оледенения по его краю, или перигляциальные;
- 2) стоянки, расположенные за пределами бывшего оледенения, или экстрагляциальные.

За исключением Кодакской стоянки и, может быть, нижнего слоя Кирилловской стоянки (Киев), относящихся к среднечетвертичному, т. е. ледниковому времени, все прочие стоянки являются позднечетвертичными или послеледниковыми, т. е. существовали, начиная с ранней фазы отступления глетчеров. Это подтверждается залеганием культурного слоя стоянок перигляциальной группы выше валуных отложений. С археологической точки зрения все стоянки УССР, за исключением Кодака (и, может быть, нижнего слоя Кирилловской), являются верхнепалеолитическими.

Из нижеприведенного списка¹ животных отдельных стоянок и их отношения к ландшафтно-географическим зонам (см. таблицу) видно, что фаунистические комплексы стоянок, расположенных в пределах бывшего оледенения, отличны от фаунистических комплексов стоянок экстрагляциальной области, т. е. мы имеем отражение в составе фауны прошлой ландшафтно-географической зональности.

Кроме того, эти же фаунистические комплексы обнаруживают в своем составе наличие гетерохронных элементов, т. е. животных, живших в разное время.

Такие животные, как мамонт, носорог, отчасти бизон и лошадь, в перигляциальных стоянках, по нашему мнению,² являются бифоссильными, т. е. они попали в стоянки уже вторично в виде остатков погибших ранее животных. Некоторые грызуны хотя и являются монофоссильными животными, также не современны стоянкам и попали в культурный слой позже (по кротовым и проч.)

¹ В таблицу включены не все животные, найденные в палеолитических стоянках УССР.

² Этот взгляд автора не разделяется другими исследователями. *Ред.*

Учтя подобную разнородность фаунистических комплексов отдельных стоянок, можно сделать следующие заключения по поводу отдельных видов или групп видов животных.

Мамонт (*Elephas primigenius*) и носорог (*Rhinoceros antiquitatis*) являются представителями одного биоценоза и поэтому всегда могут встретиться вместе. Относительная редкость носорога в сравнении с мамонтом объясняется тем, что носорог в противоположность мамонту не является стадным животным.

Остатки мамонта найдены во всех палеолитических стоянках УССР, за исключением Журавки,¹ остатки носорога найдены также почти во всех стоянках (не найдены в Гонцах, Ямбурге и Журавке). Однако наибольшее количество остатков этих животных, имеющих бифоссильный характер, встречается в стоянках перигляциальной области; реже они встречаются в стоянках экстрагляциальной области. Исключение составляет Кодакская стоянка, где и мамонт и носорог встречены в значительном числе и, возможно, являются животными монофоссильными.

Лошадь (*Equus equus*) и бизон (*Bison priscus*) встречаются довольно редко в перигляциальных стоянках и чаще в стоянках экстрагляциальных. Особенно это относится к бизону, который доминирует в Кодаке, Осокоровке, Ямбурге и недавно открытой стоянке Амвросиевке.

Таким образом за пределами оледенения условия для существования бизонов и лошадей были благоприятны, тогда как в перигляциальную область эти животные могли попадать спорадически в летнее время.

Обыкновенный олень (*Cervus elaphus*) совершенно отсутствует в стоянках перигляциальной области и найден лишь в Кодаке и Журавке, т. е. в стоянке экстрагляциальной области (Кодак) и в самой поздней перигляциальной стоянке (Журавке).

Очень характерно, что и другой представитель фауны, связанной с приречным лиственным лесом, — бобр (*Castor fiber*) найден только в Осокоровке, т. е. в стоянке экстрагляциальной.

Можно с уверенностью сказать, что такие животные, как козуля (*Capreolus capreolus*), обыкновенный олень и бобр, будут обнаружены в большем количестве стоянок, но только экстрагляциальных или самых поздних послеледниковых. Эти животные связаны с лиственным лесом, поэтому не могли существовать в тундровых условиях перигляциальной области. По мере смещения перигляциальной области с тундрой и лесотундрой к северо-востоку должна была продвигаться далее к северу и фауна лиственных лесов, что мы и имеем на самом деле, но уже, главным образом, в послепалеолитическое время (неолит и позже), хотя этот процесс начался еще в позднем палеолите.

То же нужно сказать о фауне, связанной, главным образом, с лугами и влажными степями, как, например, бизон и гигантский олень (*Cervus giganteus*) (последний найден только в Кодаке).

Характерными представителями фауны перигляциальной области являются: овцебык (*Ovibos moschatus*) (найден только в Мезине), северный олень (*Rangifer tarandus*) (отсутствует в Кирилловской, Журавке и Осокоровке), песец (*Vulpes lagopus*) (не найден только в Кирилловской, Кодаке, Журавке), шейник (*Dicrostonyx torquatus*) (найден в Новгород-Северске, Мезине и Чулатове), полярная куропатка (*Lagopus lagopus*) и полярная сова (*Nyctea nyctea*) (найден в Мезине).

¹ Остатки мамонта, найденные в Журавке, к культурному слою этой стоянки, видимо, не относятся.

Эти животные, представители так называемой дикростоникисовой фауны, являлись пришлым элементом для юга СССР, т. е. появились во время оледенения и отодвинулись к северо-востоку вместе с исчезновением глетчеров и связанных с ними тундр.

Значительное количество видов животных, а именно малая пищуха (*Ochotona pusilla*), желтая и степная пеструшки (*Lagurus luteus* и *L. lagurus*) (найлены в Новгород-Северске), тушканчик (*Alactaga jaculus*) (Чулатов, Новгород-Северск), байбак (*Marmota bobak*) (Мезин, Чулатов, Новгород-Северск), рыжеватый суслик (*Citellus rufescens*) (Мезин, Новгород-Северск) и др., являясь животными степными, существовали в этой местности еще до оледенения (на что указывает ископаемый материал из пределов УССР), но с появлением последнего некоторые из них (байбак, суслик, даже тушканчик и пр.) сумели приспособиться к условиям существования в перигляциальной области.

Из лесных животных или животных, так или иначе связанных с лесом, найдено очень мало: рысь (*Lynx lynx*) (Новгород-Северск, Гонцы), медведь (*Ursus arctos*) (Мезин, Новгород-Северск, Чулатов, Гонцы), россомаха (*Gulo gulo*) (Мезин, Гонцы), что говорит о слабом развитии лесных пространств.

Нужно отметить, что типичным показателем леса в данном случае можно считать только рысь; медведь и россомаха заходят в лесотундру и даже тундру.

Из животных интерзональных нужно указать на зайца (*Lepus*.) (не найден лишь в Кирилловской стоянке) и волка (*Canis lupus*) как на явление обычное в палеолитических стоянках как перигляциальной, так и экстрагляциальной областей.

Из слабоизученных животных нужно упомянуть крупную кошку (*Tigris* sp.) (тигр или лев), найденную в Кирилловской и Кодакской стоянках.

Морфологическое сходство остатков крупной кошки из Кирилловской стоянки с тигром делает возможным предположение о спорадическом существовании этого животного в перигляциальной области. Что же касается гиены (*Hyena crocuta*), указанной для Кирилловской стоянки, то этот вопрос для нас является открытым, так как среди сохранившихся костей из Кирилловской стоянки гиены не оказалось.

Нужно отметить, что кроме остатков мамонта, широко использовавшихся палеолитическим человеком, огромную роль в его жизни играли также животные, как овцебык, северный олень, песец, волк, заяц, байбак и некоторые другие мелкие животные.

Остатки мелких животных обнаруживаются в костном детрите из пережженных и вообще использованных костей. Таким образом большое развитие охоты за мелкими животными в палеолите нужно считать несомненным. Недостаточность данных о мелких животных в палеолитических стоянках до сих пор нередко объяснялась неполнотой сборов и исследования костных остатков.

Несмотря на огромные успехи последних лет в изучении палеолита СССР и, в частности, в получении новых фактических данных о палеолитической фауне, нужно все же отметить, что будущие раскопки дадут еще очень много важнейших материалов.

Так, например, нигде в УССР в палеолитических стоянках не найдены пока лось (*Alces alces*) и козуля (*Capreolus capreolus*), хотя наличие этих показателей лиственного и смешанного леса можно предполагать в стоянках экстрагляциальной области. Характерно то обстоятельство, что и лось и козуля являлись представителями доледниковой фауны. Отсутствие их в стоянках перигляциальной области не случайно объясняется

арктическими условиями этой области, так же как не случайно появление их в огромном количестве уже в неолите вместе с оленем и диким кабаном, когда арктические степи и тундры в значительной степени сменились лесами.

Согласно нашим представлениям о происхождении палеолитической фауны, вместе с остатками мамонта, носорога, бизона и лошади должны встречаться и остатки лося, козули, сайги, обыкновенного и гигантского оленей и прочих животных, находившихся в составе мамонтовой фауны. Из этих животных олени (обыкновенный и гигантский) найдены вместе с мамонтом в экстрагляциальных стоянках (Кодак и за пределами УССР в Крыму) и вне стоянки также в экстрагляциальной области. Что же касается лося, то он вообще не найден вместе с мамонтом.

Таким образом лось или не был охотничьим палеолитическим животным или же там, где мамонт и носорог являются животными бифоссильными, лось отсутствует потому, что больше чем эти животные обладал способностью откочевывать к югу в случае неблагоприятных условий (суровые предледниковые зимы, речные разливы и пр.). Это же можно, отчасти, сказать о козуле и обыкновенном олене.

Неясен также вопрос об отношении свиньи (*Sus scrofa ferus*) к фауне палеолита. Это животное связано с лиственным, главным образом, дубовым, лесом или же с поемными зарослями. Остатки свиньи обнаружены в Мезине, Гонцах и Журавке. Наличие свиньи в такой поздней стоянке, как Журавка, понятно, так как в это время климатические и ландшафтные условия начали уже приближаться к современным. Что же касается паличьи свиньи в Мезине и Гонцах, то этот вопрос остается пока открытым в связи с некоторыми неясностями условий нахождения и залегания остатков этого животного в указанных стоянках. Если будущие исследования наличие свиньи в Мезине и Гонцах подтвердят, то ее придется рассматривать как одного из представителей раннепоследниковой фауны в перигляциальной области. Неясен также вопрос о наличии в палеолите УССР и других млекопитающих.¹ Остатки птиц встречены в палеолитических стоянках УССР в незначительном числе. Поэтому птицы пока дают очень мало материалов к познанию ландшафтных условий существования палеолитических стоянок. Только в Мезине найдены типичные представители орнитофауны тундры — полярная куропатка (*Lagopus lagopus*) и полярная сова (*Nyctea nyctea*). В Новгород-Северске найдены полярная куропатка, жаворонок (*Alauda arvensis*), пустельга (*Tinnunculus* sp.), лунь (*Circus* sp.) и гусь (*Anser* sp.).² В Гонцах найдена косточка небольшой птички, пока не определенной. В других стоянках остатков птиц не обнаружено. Таким образом фактический материал свидетельствует о слабом использовании птиц палеолитическим человеком.

Кроме млекопитающих и птиц, в палеолитических стоянках УССР найдены также остатки рыб: сома (*Silurus glanis*) в Осокоровке, щуки и других рыб в Новгород-Северске и неопределенной рыбы в Чулатове. Таким образом и рыба, видимо, использовалась палеолитическим человеком. Редкость остатков рыб в палеолитических стоянках объясняется, видимо, не только слабым развитием добычи этих животных, но и плохой сохраняемостью костей мелких рыб.

Из беспозвоночных животных в палеолитических стоянках найдены (в Мезине) обломки белемнитов (*Belemnitea mucronata*), происходящих из меловых отложений и, видимо, для чего-то употреблявшихся палеолитическим человеком.

¹ Указание на наличие в Кодаке верблюда не подтвердилось.

² Определение А. Я. Тугарянова.

Кроме белемнитов найдены также раковины (большой частью просверленные) морских моллюсков: *Cerithium vulgatum* и *Nassa reticulata* в Мезине, *Cerithium vulgatum* в Кайстровой балке, *Didacna sp.* и *Nassa reticulata* в Дубовой балке. Исследование этих моллюсков показывает явно неместное их происхождение, и в Мезини они занесены на расстояние около 500 км (с берегов Черного или Азовского морей).

Из числа опубликованных работ, касающихся фауны палеолита УССР, можно назвать следующие:

- Громов В. И. О геологии и фауне палеолита СССР. Пробл. истор. мат. культуры, № 1—2, 1933.
- Громов В. И. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита восточной Европы и Сибири. Палеолит СССР. Изв. ГАИМК, вып. 118, 1933, стр. 268.
- Підопличка І. Гризани та хижани в розкопках у с. Журавці Прилуцької округи, 1929.
- Підопличка І. Г. Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки. Природа, № 3, 1935, стр. 79—81.
- Підопличка І. Г. Нахождение «смешанной» тундровой и степной фауны в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, № 5, 1935, стр. 80—82.
- Підопличка І. Г. Фауна Гонцовской палеолитической стоянки. Природа, № 2, 1936, стр. 113—116.
- Підопличка І. Г. Фауна Коданской палеолитической стоянки. Природа, № 6, 1936, стр. 118—120.
- Підопличка, І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. 1, 1938.

I. PIDOPLIČKA (I. G. Pidoplitshka)

APERÇU SOMMAIRE DE LA FAUNE DU PALÉOLITHIQUE DE L'UKRAINE

RÉSUMÉ

L'auteur divise les stations paléolithiques de la République Ukrainienne en deux groupes d'après leur rapport avec la région qui a subi la glaciation du Quaternaire moyen: 1. Stations situées dans les limites de l'ancienne glaciation à sa périphérie, ou périglaciaires. 2. Stations situées au delà des limites de l'ancienne glaciation, ou extraglaciaires.

Les complexes faunistiques de ces deux groupes de stations sont différents, en tant que reflétant les zones de paysages géographiques du passé. Leur composition montre en outre la présence en eux d'éléments hétérochrones, c'est-à-dire d'animaux ayant vécu à des époques diverses. L'auteur caractérise brièvement les espèces ou groupes d'espèces animales.

Les restes de mammoth et de rhinocéros se rencontrent en grand nombre dans les stations de la région périglaciaire, où ils présentent un caractère bifossile, et plus rarement dans celles de la région extraglaciaire, à l'exception de la station de Kodak, où mammoth et rhinocéros ont été trouvés tous deux en nombre élevé et sont des animaux monofossiles. Le cheval et le bison, au contraire, sont plutôt rares dans les stations périglaciaires et plus fréquents dans les stations extraglaciaires. Cela est vrai surtout pour le bison, qui prédomine à Kodak, Ossokorivka, Yambourg et dans la station récemment découverte d'Amvrossievka.

Le cerf fait totalement défaut dans les stations périglaciaires, de même un autre représentant de la faune des forêts à essences feuillues — le castor, qui n'a été constaté qu'à Ossokorivka, station extraglaciaire. À mesure du déplacement de la toundra et de la forêt-toundra vers le nord-est devait aussi s'avancer plus au nord la faune des forêts à essences feuillues, des prairies et des steppes humides, ce qui s'observe en effet, mais déjà dans la période post-paléolithique. Le boeuf musqué, le renne, l'isatis, le lemming à collier, la perdrix blanche et le harfang sont des représentants typiques de la faune de la région périglaciaire. Ils ont apparu dans le sud de l'URSS durant la glaciation et se sont retirés au nord-est après la disparition des glaciers.

Un nombre considérable d'espèces steppiques existait ici déjà avant la glaciation (comme l'attestent les restes fossiles trouvés sur le territoire de l'Ukraine), mais lorsque celle-ci apparut, plusieurs de ces animaux (le bobaque, le spermophile, voire la gerboise, etc.) surent s'adapter aux conditions d'existence qu'offrait la région périglaciaire.

Les débris des petits animaux se rencontrent surtout dans les détritiques osseux formés d'os calcinés ou en général utilisés. Le développement de la chasse aux petits animaux au Paléolithique doit donc être considéré comme indiscutable. Les restes d'oiseaux n'ont été constatés qu'en quantité insignifiante dans les stations paléolithiques de l'Ukraine. Ce n'est qu'à Mésine qu'on a trouvé des représentants typiques de l'ornithofaune de la toundra — perdrix blanche et harfang. A Novgorod-Séversk, on a reconnu des restes d'*Alauda arvensis*, *Tinnunculus* sp., *Circus* sp., *Anser* sp. (déterminations de A. Tugarinov). Outre les mammifères et les oiseaux, les stations paléolithiques de l'Ukraine renferment aussi des restes de poissons.

Comme invertébrés, on a rencontré dans les stations paléolithiques (Mésine) des fragments de bélemnites crétacées, ainsi que des coquilles (pour la plupart perforées) de mollusques marins (*Cerithium vulgatum*, *Nassa reticulata*, *Didacna* sp.). L'étude de ces mollusques a établi qu'ils ne sont pas de provenance locale et ont été apportés à Mésine des bords de la mer Noire et de la mer d'Azov (à 500 km. environ de distance).

С. Н. БИВИКОВ

ГРОТ МУРЗАК-КОБА — НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В КРЫМУ

Летом 1936 г. разведочный отряд Крымской палеолитической экспедиции, работавший под руководством Е. В. Жирова, получил задание подвергнуть исследованию западную часть Байдарской долины и низовья каньона р. Черной. Эти маршруты вполне соответствовали замыслу детальных разведок на палеолит в Балаклавском районе, частично уже осуществленному Г. А. Бонч-Осмоловским при участии автора в 1927—1928 и 1930 гг. В результате работы разведочного отряда в 1936 г. открыты новые позднепалеолитические стоянки тарденуазского возраста — в навесе Юсуф-коба I в 3 км к северу от сел. Вьюк-Мускомья на восточном склоне мыса Ланга, и другая стоянка в гроте Мурзак-коба. На последней мы остановим свое внимание, так как она представляет немалый интерес для характеристики слабо изученной тарденуазской стадии в развитии палеолита Крыма.

Грот Мурзак-коба расположен на левом берегу р. Черной на высоте 36 м от уровня реки, у входа в ущелье Боклу-дере. Это ущелье является продолжением каньона, берущего свое начало в западной окраине Байдарской долины и заканчивающегося вскоре же после выхода реки к сел. Чоргуль. Река Черная, прорываясь между Айтодорской горой и горой Каракуш-кая, делает крутой поворот и направляется в теснину Боклу-дере, имея справа гору Кара-куш-кая, слева гору Исар, на восточном склоне которой находится грот Мурзак-коба (рис. 1). Далее, река, совершая ряд крутых поворотов, вытекает на широкую долину, окаймленную известняковыми возвышенностями, и у Инкермана впадает в море.

Склоны ущелья Боклу-дере, крутые, в нижней части поросшие кустарником; выше простираются скалистые обнажения, покрытые скудной растительностью. Грот обращен входом на восток, сухой, с почти ровным полом (рис. 2). В стенках грота имеется ряд ниш и глубоких каверн, располагающихся от уровня пола на разной высоте и достигающих в глубину нескольких метров. Спуск от грота к реке крутой, покрытый тонким дерновым покровом, поросшим кустарником, местами же выступает материковый известняк. Стратиграфия напластований, установленная разведочным шурфом и дополненная дальнейшими наблюдениями, ясна и представляется в следующем виде.¹

- 1 слой. Современная, серая, очень рыхлая сухая пыль, смешанная с кизяком, мощностью 10 см
- 2 » Серо-желтый, сухой, менее рыхлый слой. Имеет небольшую примесь мелкого угловатого щебня 22 см
- 3 » Серого цвета, значительно плотнее, чем 2-й слой, также сухой, содержит больше щебня и массовое включение раковин улиток *Helix vulgaris*. Кроме того в этом слое заметны вкрапления красной охры. 37 см

¹ Разрез дан по юго-западному углу участка 5е.

4 слой. Прослежен в контрольном шурфе на участке 5е. Слой желтый, глинистый с большой примесью крупного угловатого щебня. Археологических находок не включает. Пройден на глубину 55 см

Культурные остатки встречены во втором и третьем слоях. Во втором слое обнаружены археологические объекты, датируемые XIV—XV вв. н. э., т. е. ранним татарским периодом в истории Крыма. Поливная керамика зеленого и коричневого цветов с орнаментом, красная керамика без поливы, каменные плитки, немногочисленные бесформенные кремневые осколки и кости животных составляют основные находки из этого слоя.

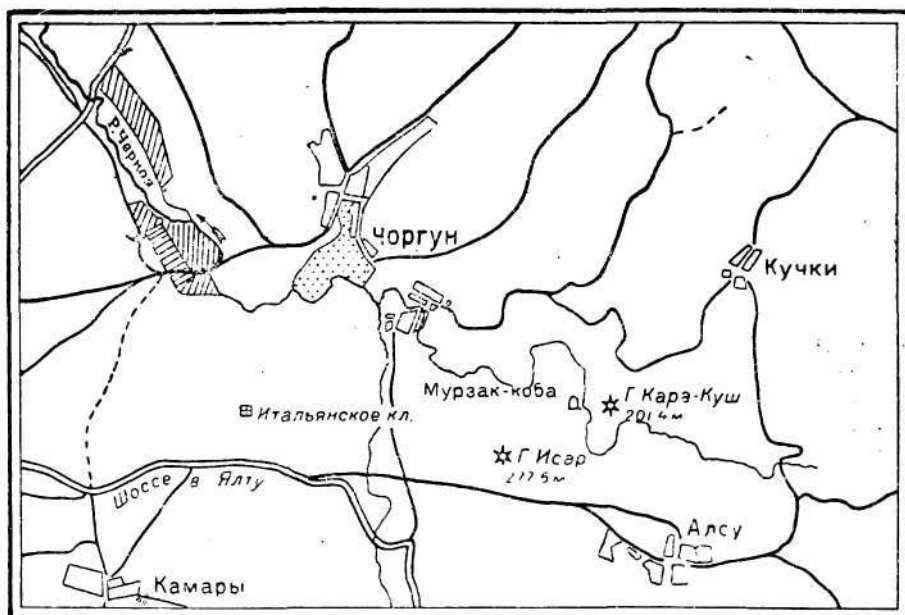

Рис. 1. Карта района селения Чоргун.

Третий слой по своей консистенции и по характеру находок резко отличается от второго слоя. Здесь встречены остатки деятельности человека, носящие типичные поздне-палеолитические черты. Отсутствие керамики, кремневые орудия, насыщенность слоя раковинами улиток дают полную возможность для сближения этого культурного горизонта с исследованными ранее стоянками позднего палеолита в Крыму. Во время закладки разведочного шурфа в этом слое был обнаружен череп человека, примятый камнями. В дальнейшем, в процессе подготовки площадки для извлечения погребения, был обнаружен и второй череп человека. Таким образом было установлено, что здесь имеет место двойное погребение. Обстоятельства захоронения, в которых обнаружены оба костяка, не оставляют никаких сомнений в том, что они относятся к третьему слою. Учитывая всю важность находки, была применена возможно более точная методика как при извлечении костяков, так и в подготовительных работах. После составления подробной полевой документации вся площадь грота была разбита на участки размером 1×1 м. Площадка, охватывающая 8 кв м^1 и совпадающая с участками 4,5ж, 4,5е, 4,5д и 4,5г на сетке,

¹ Участок 5е совпадает с разведочным шурфом.

являлась основным местом производства раскопок (см. план грота). Удаление напластований с места раскопок происходило последовательно по слоям с обязательной предварительной нивелировкой на углах квадратов, нанесением на план и нивелировкой верхних и нижних границ залегающих камней, встречающихся на участках, и фиксации уровня находок.

Для третьего слоя был также использован прием разборки его по горизонтам.

В целях достижения максимальной точности в определении положения костей погребения каждый метровый участок дополнительно разбивался на 25 квадратов. С помощью такой мелкой сетки, дающей увеличение числа координат для подсчетов, кости наносились на план в масштабе $\frac{1}{8}$.

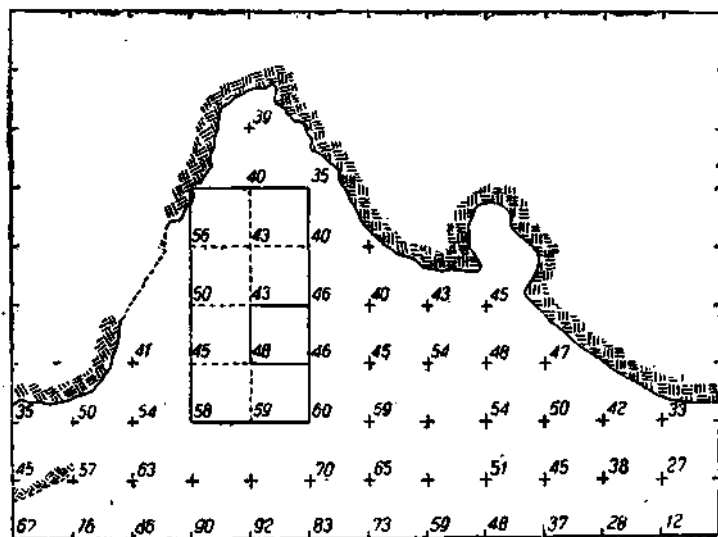

Рис. 2. План грота Мурзак-коба.

В тех частях скелетов, где скученность костей мешала правильной ориентировке их на плане (стопы ног костяка I, ребра, локтевые сочленения костяков I и II), расположения костей наносились на отдельные планшетки с отметками для совмещения их с основным планом. Особое внимание уделялось фотографии, способствующей точному воспроизведению общей картины погребения и ряда весьма важных деталей, связанных с ним.

Однородность второго слоя на уч. 4.5д была несколько нарушена норой грызуна, имеющей несколько входов и идущих в глубину до поверхности третьего слоя, где они заканчивались в виде небольшой утрамбованной площадки. Однородность третьего слоя нарушена на границе уч. 5д в 5е (северная сторона) и 5ж (северная сторона), в обоих случаях мусорными ямами, заполненными золой, обломками керамики и пр., относимыми ко второму слою.

В области грудного отдела позвоночника костяка II (в третьем слое) тоже ясно прослеживалась норка грызуна, содержащая его кости и мелкую сыпучую землю.

На других участках распространения третьего слоя никаких признаков деформации его обнаружено не было. Слой остается вполне однородным и в смысле слагающего его материала и в смысле состава находок в нем.

На защищенной поверхности третьего слоя найден лежащий плашмя призматический нуклеус, скребок, несколько других кремневых изделий и масса дробленого ракушника (рис. 3).

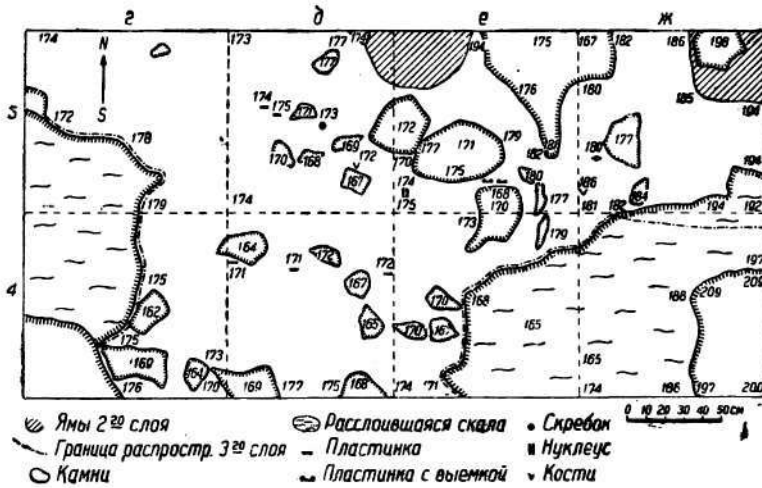

Рис. 3. План поверхности третьего слоя.

В процессе расчистки участков второго слоя выяснилось, что в нижнем горизонте его прощупывались камни, уходящие своими нижними границами в толщу третьего слоя. Дальнейшие наблюдения показали, что эти камни прикрывали собой оба костяка, причем число их значительно увеличилось по мере расчистки слоя, прикрывающего горизонт камней, не выходящих во второй слой (рис. 4 и 5). Некоторые камни лежали непо-

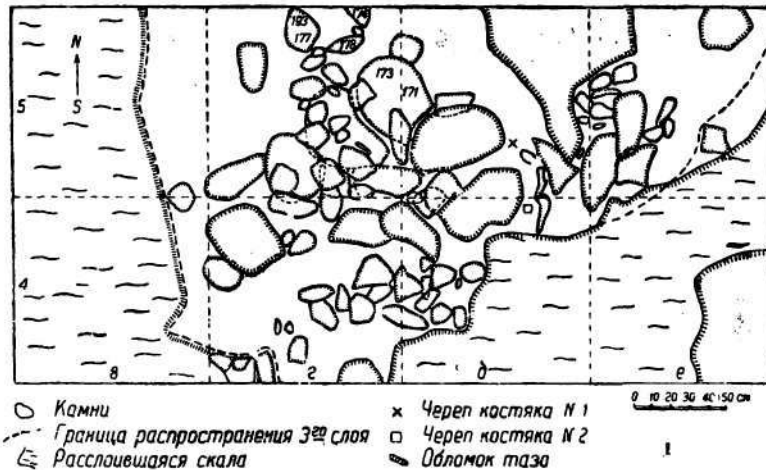

Рис. 4. План расположения камней над погребением.

средственно на костях погребения, другие отделялись от костей тонкой прослойкой (третьего слоя), почти сплошь состоящей из дробленого ракушника (улиток *Helix*). Положение камней в общем беспорядочное (если не считать дугообразно расположенных камней в головах погребенных), но локализованное у места захоронения. Явных следов могильной ямы

Рис. 5. Расположение камней, прикрывающих погребение.

Рис. 6. Двойное погребение в гроте Мурзак-коба (фото-автора).

не установлено. Оба покойника были погребены на жилой площадке грота и сверху завалены камнями. Очень возможно, что кроме камней, прикрывающих погребение, была здесь сделана и небольшая присыпка землей.

С южной и восточной сторон погребение ограничивалось рассыпавшимися обломками скалы, лишь частично прикрытыми третьим слоем. Эти обломки скалы появились здесь до погребения — в результате разрушения стенки и потолка грота.

С западной стороны к костям стоп примыкает естественный выход скалы, повышающийся к западу. С северной стороны погребение ограничивалось крайней камней, прикрывающих погребение. Описание костяков и положение отдельных костей сводится к следующим данным (рис. 6 и 7).

К о с т я к I (северный).¹ Лежал на спине в вытянутом положении и ориентирован головой на восток. Череп этого костяка поврежден при закладке разведочного шурфа, кроме того он был еще раздавлен налетавшим сверху камнем.

Лучше всего сохранились основание черепа и нижняя челюсть. Остальные кости хотя и повреждены, но сохранили правильное соотношение друг с другом и без особого труда могут быть совмещены, так как вещество кости имеет хорошую сохранность. Череп соприкасался с полом чешуей затылочной кости, причем затылочное отверстие и тело затылочной кости образовывали с горизонталью угол, примерно, в 45° . Лицевая часть черепа в отношении к мозговой части черепа и нижней челюсти была смещена кзади и книзу. Нижняя челюсть нижним краем тесно прижималась к 1-му грудному позвонку. Шейные позвонки образовывали с остальной частью позвоночника угол, примерно, в 20° и сдвинуты влево градусов на 10. Атлант смещен кверху относительно эпистрофея. Весь остальной позвоночник располагался правильно по оси. Сохранность позвоночника средняя, за исключением нескольких позвонков, раздавленных камнями. Ключица, лопатки и ребра лежат в анатомическом порядке. Сохранность ребер нижсредняя. Правая рука костяка располагается вдоль туловища и слегка согнута в локтевом сочленении. Кисть обращена тыльной частью кверху и соприкасается с тазом. На правой подвздошной кости найдены два фаланга большого пальца. Левая рука имеет то же положение и согнута в локте. Кисть лежит тыльной стороной кверху в области крестца и лонного сочленения. Голени и бедренные кости вытянуты по оси тела и обращены передней стороной кверху, несколько сближаясь в коленных сочленениях. Кости стоп сохранились в хорошем состоянии. Плюсовые кости расположены выше предплюсовых. Оси обеих стоп обращены вовнутрь. Полностью отсутствуют коленные чашки и большая берцовая кость правой ноги. Выдающийся интерес приобретает отсутствие средних и ногтевых фаланг на обоих мизинцах рук костяка. Повреждения и деформация основных фаланг мизинцев убедительно свидетельствуют о преднамеренной ампутации их при жизни человека.

К о с т я к II (южный). Лежал, повидному, также в вытянутом положении и ориентирован головой на восток. Кости в общем хорошей сохранности, но многих недостает. Костяк находится в непосредственной близости с костяком I, примыкая к нему с юга, и захоронен одновременно с первым.

Череп костяка II расположен на правом боку и сохранился в хорошем состоянии. Этот череп также был раздроблен камнями. Хорошо сохранилась нижняя челюсть с сильно стертными зубами. Соответственно положению черепа атлант был повернут, примерно, на 90° . Остальные шей-

¹ Оба костяка хранятся в Антропологическом отделе Института этнографии Академии Наук СССР под инвентарным номером 5482/1,2.

ные позвонки, в том числе и эпистрофей, обращены передней частью кверху и несколько приподняты по отношению к грудной части позвоночника. В грудном отделе позвоночника недостает нескольких позвонков, разру-

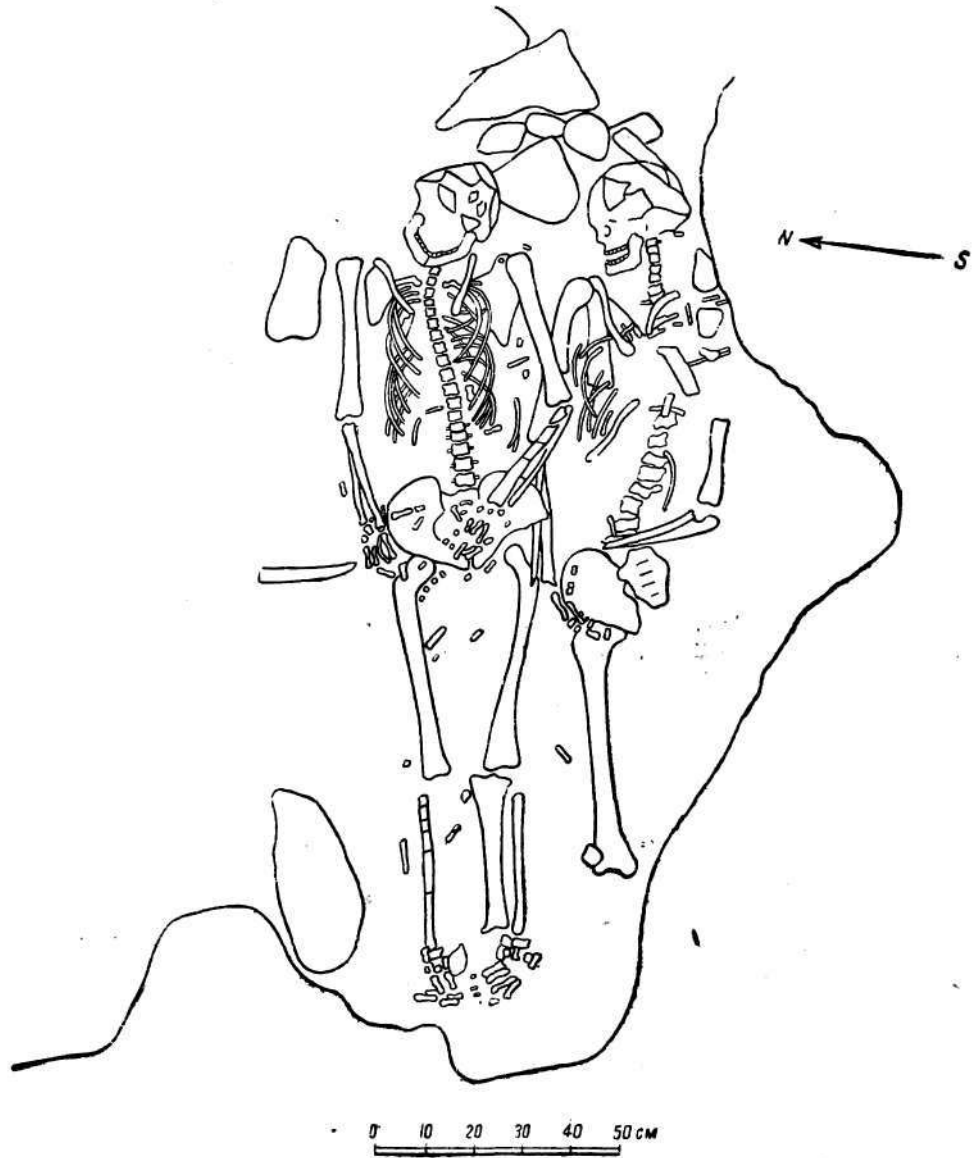

Рис. 7. План расположения костяков в гроте Мурзак-коба.

1. Ребро со следами обработки.
2. Кремневая пластинка.

шенных грызунами, нора которых обнаружена в этой части позвоночника. Последние грудные и все поясничные позвонки несколько смещены вправо. От таза уцелела только правая безымянная и крестец. Часть левой безымянной была обнаружена на уч. Бг, в третьем слое, одной частью соприкасаясь с камнем, лежавшим над погребением. Ребра сохранились тоже неполностью, и если правые имеют анатомический порядок, то левые пере-

мещены грызунами. Обломок ребра найден даже внутри черепа. Правая рука вытянута вдоль туловища и заходит под левую руку костяка I. Кисть обращена тыльной частью кверху и находится справа от таза. Левая лопатка не сохранилась. Ключица несколько смещена к западу. Левое плечо разбито на несколько частей, причем головка его найдена недалеко от первых грудных позвонков. Нижняя половина плечевой кости почти соприкасалась с костями предплечья и образовывала с последними прямой угол. Локтевая и лучевая кости своими изломанными концами налегали на крайний нижний поясничный позвонок.

Кисть левой руки полностью отсутствовала. Из костей нижних конечностей сохранились лишь правое бедро и правая коленная чашка. Бедро головкой соприкасалось с тазом, обращено передней поверхностью кверху и вытянуто по оси туловища. Никаких следов других костей нижних конечностей обнаружено не было. В связи с отсутствием ряда костей возникает вопрос о времени частичного разрушения погребения и о тех возможных обстоятельствах, при которых оно произошло.

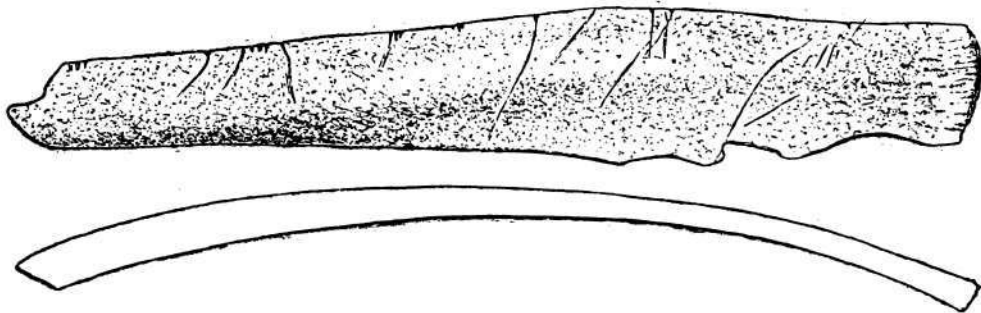

Рис. 8. Ребро крупного животного со следами обработки и употребления. Найдено у правой кисти руки костяка № 1 (женского). 2/3 nat. вел.

Прежде всего, как уже говорилось, *третий слой, однородный, прикрывает всю площадь погребения, включая и те места, где кости не сохранились*. Обломок левой подвздошной кости, лежавший выше погребения в третьем слое, тоже не выходил за пределы верхней границы этого слоя, следовательно, частичное разрушение костяков могло произойти только в период, одновременный с формированием третьего слоя. В противном случае остались хотя бы едва уловимые следы, свидетельствующие о более позднем нарушении целостности костяков, в виде ли изменения цветности слоя, вызванного засыпкой могильной ямы, или компактности его, остатков культуры позднего времени и проч. Однако ничего подобного замечено не было. Обращаясь к плану, на котором изображены все камни над погребением, нетрудно подметить, что они не сплошь покрывают оба костяка, и там, где скопление камней меньше и где слой присыпки тоньше (например, у длинных костей ног костяка II) доступ к ним не встречал особых препятствий, чем и воспользовались хищные животные.

Положение правой подвздошной кости (видимо, не съеденной хищниками) в слое, а не на поверхности его, может быть объяснено дальнейшим пребыванием охотничье-собирательского коллектива в гроте, покинувшего лишь на время свое убежище. О нехватке нескольких позвонков у костяка II мы уже говорили, связывая это с наличием норы грызунов.

Выше указывалось также и на причину отсутствия средних и ногтевых фаланг на обоих мизинцах рук у костяка I.

У правой кисти костяка I лежал крупный обломок ребра животного с явными признаками обработки и употребления (рис. 8). Узкий конец его

близко подходил к костям кисти и располагался с ними на одном уровне. Выпуклая сторона ребра была обращена вверх. Относительно назначения этой вещи с полной достоверностью мы говорить пока не можем. Не исключена возможность ее использования в качестве пожа. Связь ее с погребением также остается не совсем ясной.

У правой малой берцовой кости скелета I лежала длинная и узкая пластинка (рис. 10 е), продольная ось которой была параллельна длинной оси малой берцовой кости. Немного выше, у правой лучевой кости, найдена небольшая кремневая пластинка с боковой ретушью. С левой стороны костяка I обнаружены у верхнего эпифиза левой плечевой кости — скребок округлых очертаний с выпуклым рабочим краем и концевой скребок. Между плечевой костью и плечевыми ребрами найдена одна кремневая трапеция и обломок костяного шила. В черепе костяка II обнаружен обломок костяного шила. Между бедром костяка II и коленным сочленением костяка I лежала пластинка с выемкой. Все перечисленные объекты, исключая обломок обработанного ребра, очевидно, попали в погребение случайно; об этом свидетельствует беспорядочное положение их в погребении и различие в уровнях залегания.¹

Предварительное изучение обоих костяков, предпринятое Е. В. Жировым, установило ряд ценных фактов, открывающих интересные особенности в их физическом строении. Как оказалось, череп костяка II принадлежал пожилому мужчине высокого роста (по измерениям длинных костей около 180 см) с явно выраженными чертами, присущими так называемому кроманьонскому типу. Череп долихокранен, имеет сильно развитые надбровные дуги, прямоугольные глазницы, низкое и необычайно широкое лицо (скуловой диаметр 147 мм). Костяк I принадлежал молодому субъекту, вероятно женщине, антропологические признаки которой также близки кроманьонскому типу.

Как сказано выше, оба костяка относятся к третьему слою и одновременно с ним. Для характеристики культурных остатков из этого слоя остановимся сначала на кремневых изделиях. Материалом для кремневых изделий служил меловой кремнь, преимущественно серых тонов. Качество кремня хорошее. При раскалывании он дает правильный раковистый излом вследствие своей однородности и плотности. Кремнь принесен с верховьев каньона р. Черной, все правобережье которой у сел. Чоргунь усеяно кремневыми обломками и целыми желваками, вымытыми и вынесенными водными потоками из известняковых отложений, где кремнь залегает в виде плит и правильных шаровидных конкреций.

Типологически кремневый инвентарь достаточно разнообразен и с технической точки зрения показывает высокую степень овладения приемами изготовления орудий труда.²

1. Н у к л е у с ы. Крупные массивные ядрища призматических или пирамидальных форм. Ударные площадки, как правило, располагаются на одном конце нуклеуса. Исключение дает лишь один экземпляр, имеющий две ударные площадки на противоположных концах. Следы скалывания чаще приурочиваются к одной стороне нуклеуса, не всегда правильно ограничивая его. Другая сторона остается либо без всякой обработки либо имеет 1—2 скола. Некоторые нуклеусы несут явные следы употребления, может быть в качестве стругающих орудий, обычно совпадающие с краем

¹ Кроме указанных законченных изделий, в разных местах среди костей находились мелкие отщепы и осколки, подобные обычно встречающимся в третьем слое.

² Коллекция кремневых и костяных орудий хранится в Археологическом отделе Института этнографии Академии Наук СССР. Инвентарный номер коллекции 5458.

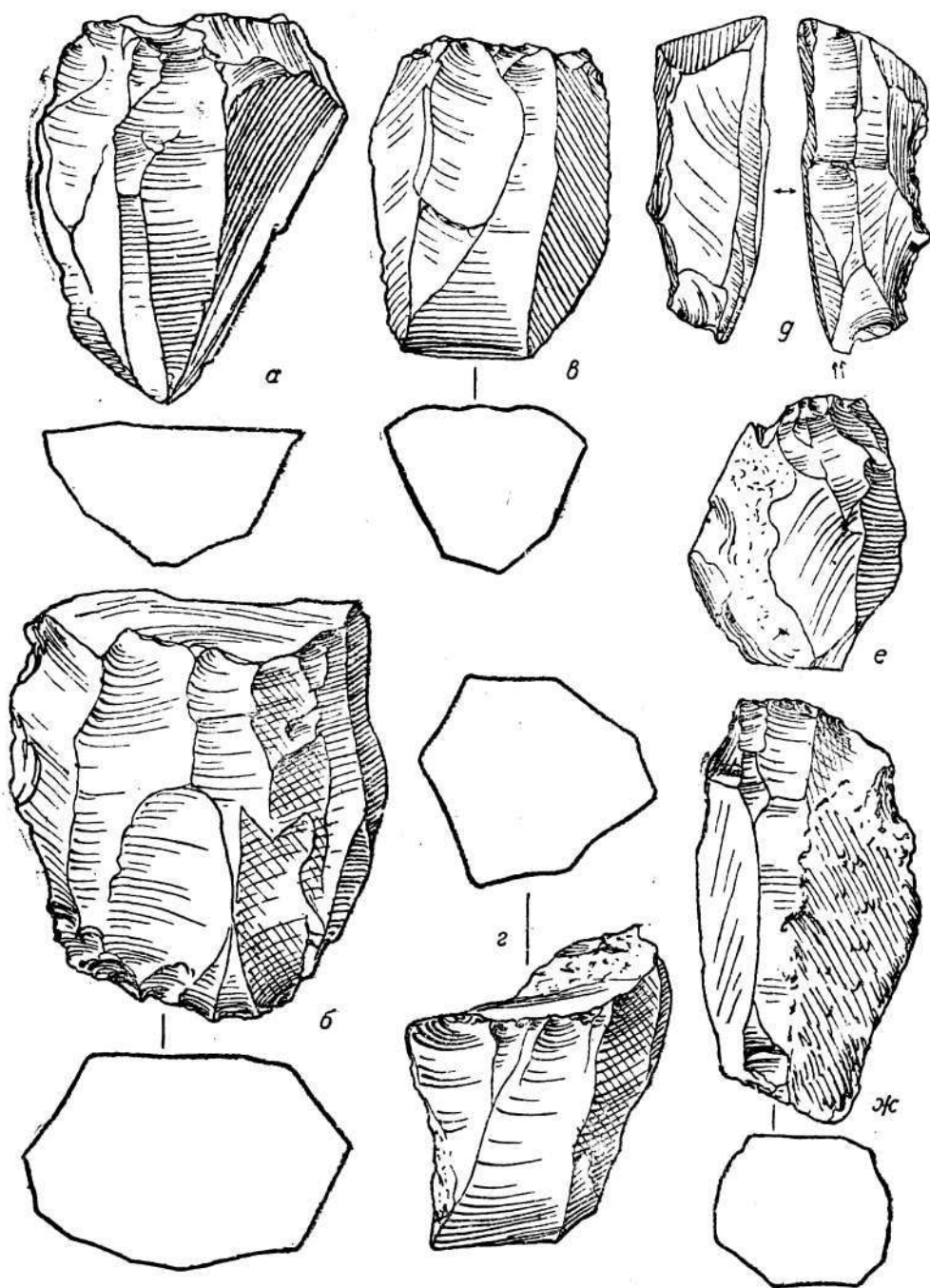

Рис. 9. Нуклеусы из третьего слоя Мурзак-коба. Нат. вел.

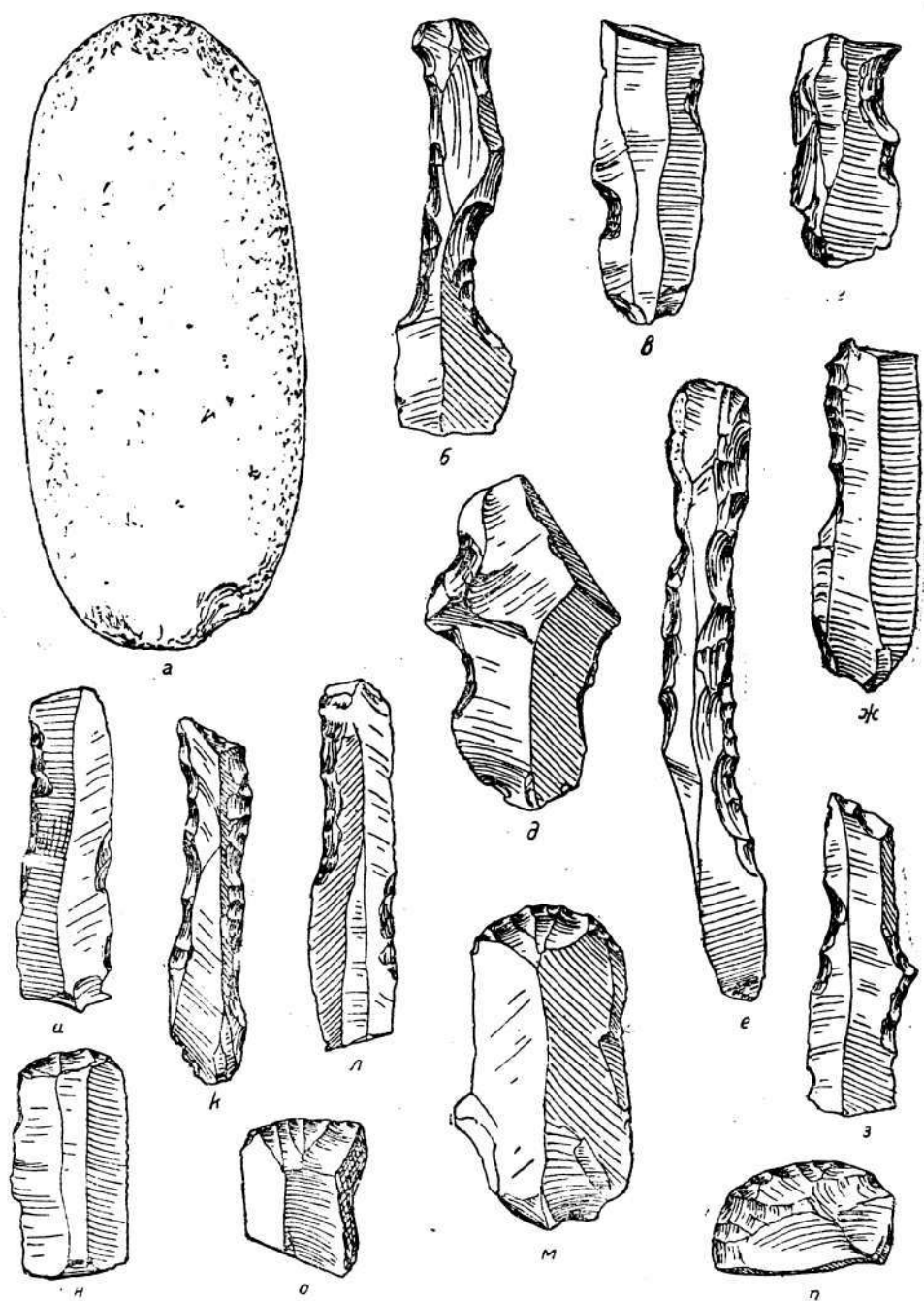

Рис. 10. Кремневые изделия из третьего слоя Мурзак-коба. Нат. вел.

отбивной площадки. Размеры: длина от 4.3 см до 5.9 см, ширина от 1.5 см до 5.6 см (рис. 9).

2. **Отбойники.** Найдены в количестве трех экземпляров. Два из них представляют собой речные гальки со сбитыми концами. Одна сохранилась в целом виде и дана на рис. 10 а. Другая сломана и имеет менее выраженные черты отбойника. Третий экземпляр — из кремня, первоначально служил в качестве нуклеуса, а затем был использован как отбойник, свидетельством чему осталась звездчатая поверхность, локализирующаяся на двух углах отбойника. Размеры целого отбойника из гальки: длина 8.7 см, ширина 3.9 см, толщина 1.3 см (рис. 10 а).

3. **Отжимники.** В коллекции имеется орудие удлинённой формы с несколько суживающимися концами, причем на одном конце заметны следы утолщения в виде характерной выщербленности и заплыванности.

4. **Пластинки с боковой ретушью.** Собраны в большом числе. Пластинки во многих случаях сохраняют правильные очертания. Ретушь располагается с одной, реже с двух сторон и редко когда охватывает пластинку во всю ее длину. Ретушь имеет характер обычной «оживляющей» рабочей края, не притупляя их. Размеры: длина от 3.8 до 8.5 см, ширина от 0.9 до 1.2 см (рис. 10 в, ж, и, к, л).

5. **Пластинки с выемками (epicoste).** Многочисленная группа изделий, рядом переходных форм соединяющаяся с обычными пластинками с боковой ретушью. Выемки приурочиваются к краям пластинок, иногда довольно глубоко заходя в ее тело. Число выемок на имеющихся экземплярах не превышает двух. Заметное место принадлежит и отщепам с такими же выемками. Размеры пластинок с выемками: длина от 3.2 до 5.7 см, ширина от 1.2 до 1.4 см, глубина выемок до 0.5 см (рис. 10 б—д).

6. **Резцы на пластинках.** Распадаются на следующие виды:

а) Боковые резцы с косой поперечной подретушкой и резцовым сколом, нанесенным с угла пластинки по направлению продольной оси. Иногда скол образует с осью пластинки прямой угол, иногда по отношению к плоскости пластинки сохраняет острый угол. Ретушь, формирующая скошенный конец пластинки, в некоторых случаях переходит на длинную сторону ее, противоположную сколу.

б) Боковые резцы на пластинках, имеющие на конце, где произведен скол, выемку (типа вогнутого концевое скребка). У двух экземпляров ретушь, оформляющая эти выемки, частично переходит на края пластинки.

в) Боковые резцы на сломанной пластинке без ретуши. Характеристика резцового скола остается той же, что и для типа а.

7. **Срединные резцы.** Слабо представленная группа изделий, заготовками для которых служили, главным образом, массивные отщепы. Резцовые сколы расположены относительно друг друга под острым углом, оформляя режущую грань. Обычно число резцовых сколов на отщепах не превышает двух. Один экземпляр срединного резца сделан на пластинке с помощью мелкой ретуши. Размеры резцов: длина от 2.6 до 5.7 см, ширина от 1 до 2 см (рис. 12 ж—л, рис. 11 а—е).

8. **Пластинки со скошенным концом,** имеют поперечную косую подретушку на конце, а иногда подправку режущего угла.

9. **Скребки.** По характеру оформления рабочего края и по качеству заготовок могут быть разделены на следующие группы:

а) Концевые скребки. Сделаны на коротких и широких призматических пластинках, с выпуклым рабочим концом. Размеры: длина пластинок от 3.1 до 4.3 см, ширина от 1.3 до 2.2 см (рис. 10 м—п, рис. 12 а).

б) Округлые скребки на уплощенных отщепах. Диаметр от 2.3 до 4.9 см (рис. 12 в—д).

В коллекции имеется один округлый скребок на очень массивном отщепе, сохранившем на спинке желвачную борозку. Диаметр орудия 5.6 см (рис. 12 б).

10. **Дублированные орудия.** Одно из таких орудий — прекрасно сделанный боковой резец с поперечной подретушкой на одном

конце пластинки, на другом конце представляет концевой скребок с выпуклым рабочим краем. Длина пластинки 4.9 см, ширина 2.2 см (рис. 11 м). Также единичной формой остается кремневая пластинка с двумя выемками на одном краю пластинки. Другой край пластинки имеет хорошо сформированное короткошильное острие. Подобные вещи были встречены в раскопках 1936 г. в третьем слое Шан-коба. Длина пластинки 4.3 см, ширина — около 1.5 см (рис. 10 з).

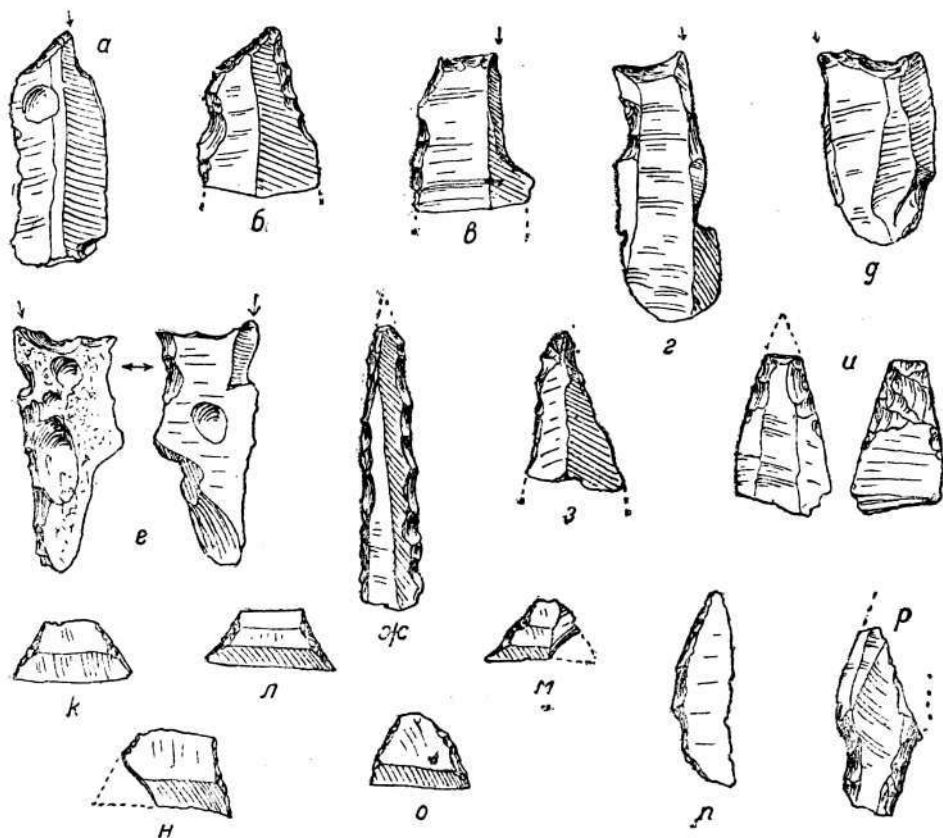

Рис. 11. Кремневые изделия из третьего слоя Мурзак-коба. Пат. вел.

11. Так называемые «микролиты». Очень характерная группа изделий, отличающихся своей миниатюрностью, тщательностью обработки и правильностью очертаний. Для изготовления «микролитов» пользовались фрагментами тонких призматических пластинок. По своим типам «микролиты» распадаются на трапециевидные, сегментовидные и переходные — близкие к треугольным.

а) Трапециевидные изделия. Наиболее частый тип, встречающийся в крымских тарденуазских стоянках. Как правило, трапециевидные «микролиты» имеют правильные очертания с искусно ретушированными боковыми сторонами трапеций. На спинке они сохраняют одну или, реже, две грани от предыдущих сколов с нуклеуса. Основание трапеций лишено обработки и сохраняет острое лезвие, соответствующее краю кремневой пластинки.

б) Сегменты. Найден один экземпляр. Он приготовлен на фрагменте пластинки. Ретушь оформляет дугу сегмента, хорда остается без обработки.

в) Переходная форма является лишь вариацией типов а и б. Размеры: длина от 1.4 до 2.6 см, высота от 0.7 до 0.8 см (рис. 11 к—п).

Все эти изделия, как неоднократно указывалось в русской и иностранной литературе, использовались в качестве вкладышей, главным образом, для оснащения стрел, дротиков и проч. Вероятно, ими пользовались и при выделке составных орудий, для различных производственных целей.

12. **Н а к о н е ч н и к и стрел.** Представлены в коллекции двумя экземплярами, сохранившимися лишь в виде обломков. Первый — это пластинка с ретушью по двум краям, нанесенной со стороны спинки, и плоской ретушью у сломанного конца на брюшке. В целом наконечник имел, видимо, форму «ивового листа». Этот тип наконечников стрел хорошо известен из третьего слоя Шан-коба, Сюрени II, а также распространен в стоянках так называемого свидерского типа (рис. 11 и). Второй экземпляр дает представление о наконечниках стрел с черенком. Фрагментарность вещи не позволяет говорить о ней более определенно (рис. 11 р).

13. **П р о к о л к и (?)**. Заготовками для них служили узкие призматические пластинки. Их найдено всего два экземпляра. В одном случае — это узкая пластинка, при помощи крутой притупляющей ретуши сведенная на острие (конец отломан), во втором — сохранилось только острие, несколько изогнутое книзу. Такие проколки широко представлены в материалах Шан-коба (рис. 11 ж, з).

Список кремневых изделий, найденных в слое, содержащем погребение в Мурзак-коба, не исчерпывается перечисленными типами. Здесь много осколков и пластинок с явными следами употребления и т. п.

Мы уже обращали внимание в работе, посвященной обзору материалов из раскопок 1935 г. в Шан-коба, на далеко не маловажное значение кости в изготовлении орудий труда в позднелолитическое время. Костяные поделки, собранные в Мурзак-коба, это мнение лишь подтверждают. По нашим материалам из Мурзак-коба первобытный человек не имел здесь постоянного и обильного запаса костей животных для выделки орудий, будучи вынужденным использовать для этой цели часто неудобные и случайные осколки кости. Это делается понятным, если учесть слабую насыщенность костными остатками палеолитического слоя, что, впрочем, относится и к аналогичному слою навеса Шан-коба, а также ряда других стоянок.

Несмотря на небольшую площадь раскопок, нам удалось собрать интересные объекты, до сих пор неизвестные, из стоянок позднего палеолита в Крыму. Приведем некоторые наиболее интересные из них.

1. Костяной наконечник гарпуна, сломанный у пятки, с небольшим изломом на конце. В сечении он имеет ромбовидную форму. Острие гарпуна оформлено в виде головки стрелы. По обеим сторонам сохранились остатки сломанных шпвов или бородок, расположенных симметрично. Форма их, видимо, была треугольной, насколько можно судить по изломам и по одному сохранившемуся шпву. Орудие носит явные следы обработки путем строгания и скобления кости. Оно сильно заполировано даже в местах излома, что бесспорно свидетельствует об использовании его как гарпуна уже после того как были сломаны шпвы. Гарпун из Мурзак-коба по своему характеру отличается от широко известных гарпунов азийского времени из западноевропейских стоянок. Длина его 5,6 см, наибольшая ширина между зубцами 1,2 см (рис. 13 а).

2. Обломок гарпуна или наконечника стрелы из рога (?). На конце имеет две поперечных насечки. Оба шпва расположены по сторонам заостренного стержня, но не на одном уровне (рис. 13 б). В общем этот обломок аналогичен головке гарпуна, описанного выше.

3. Ребро крупного животного. Найдено у кисти правой руки костяка I. На выпуклой стороне ребра, у края, сохранился простой орнамент в виде неглубоких нарезок, образующих три пучка, в каждом из которых по 3—4 нарезки. Поверхность его носит следы употребления. Другой край

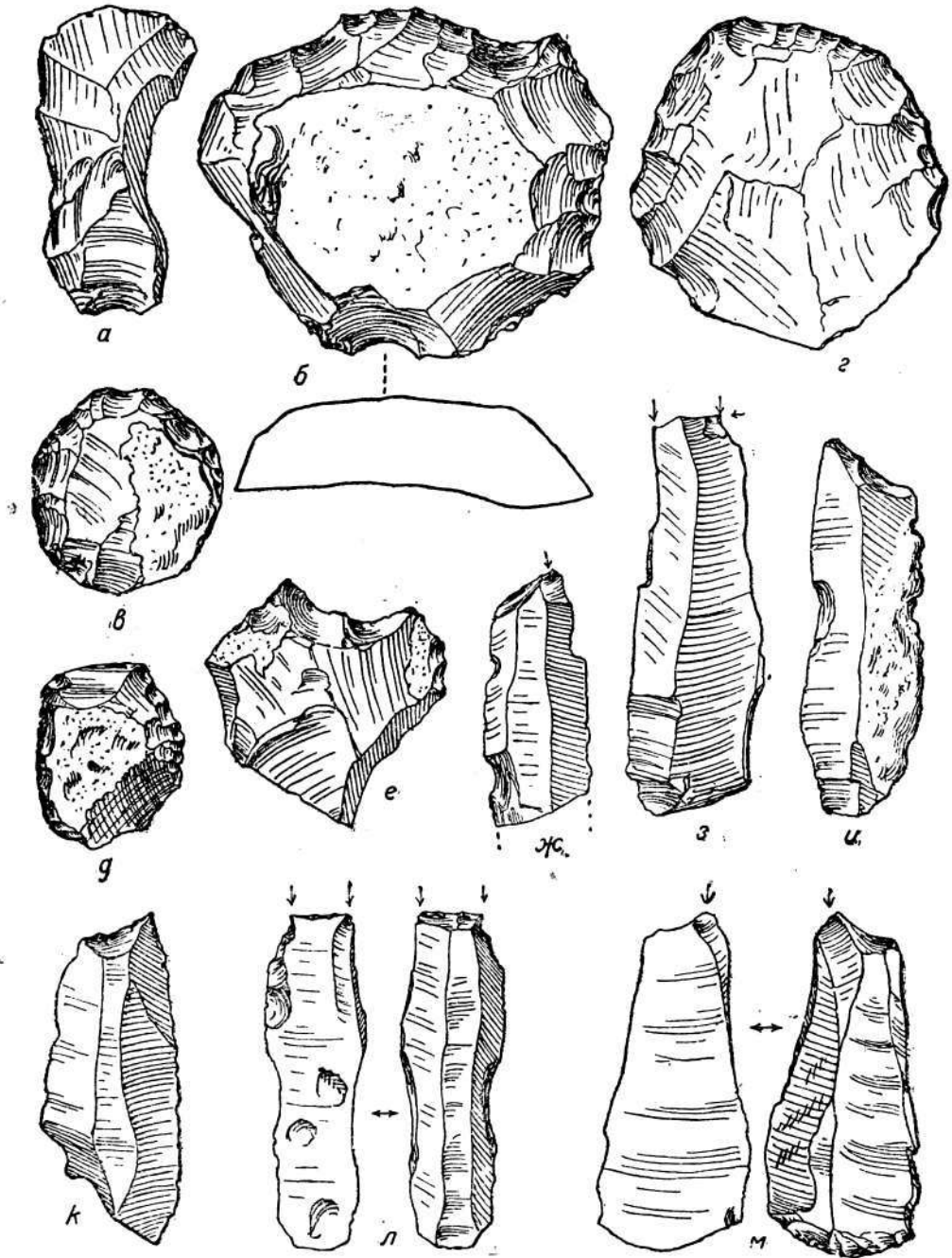

Рис. 12. Кремневые изделия из третьего слоя Мурзак-коба. Нат. вел.

с внутренней стороны сглажен для придания лезвию наиболее выгодной формы. Длина ножа (?) 20.3 см, ширина 3.2 см (рис. 8).

4. Костяное шило из трубчатой кости, тщательно обработанное и заполированное от употребления. Имеет удлиненный рабочий конец. Шляпка шила лишена обработки. Длина 6.3 см (рис. 13 и).

5. Два фрагмента наконечников метательных орудий (?), сделанных из обломков трубчатых костей. Длина 4.7 и 6.2 см, ширина 1.8 и 1.3 см (рис. 13 д, е).

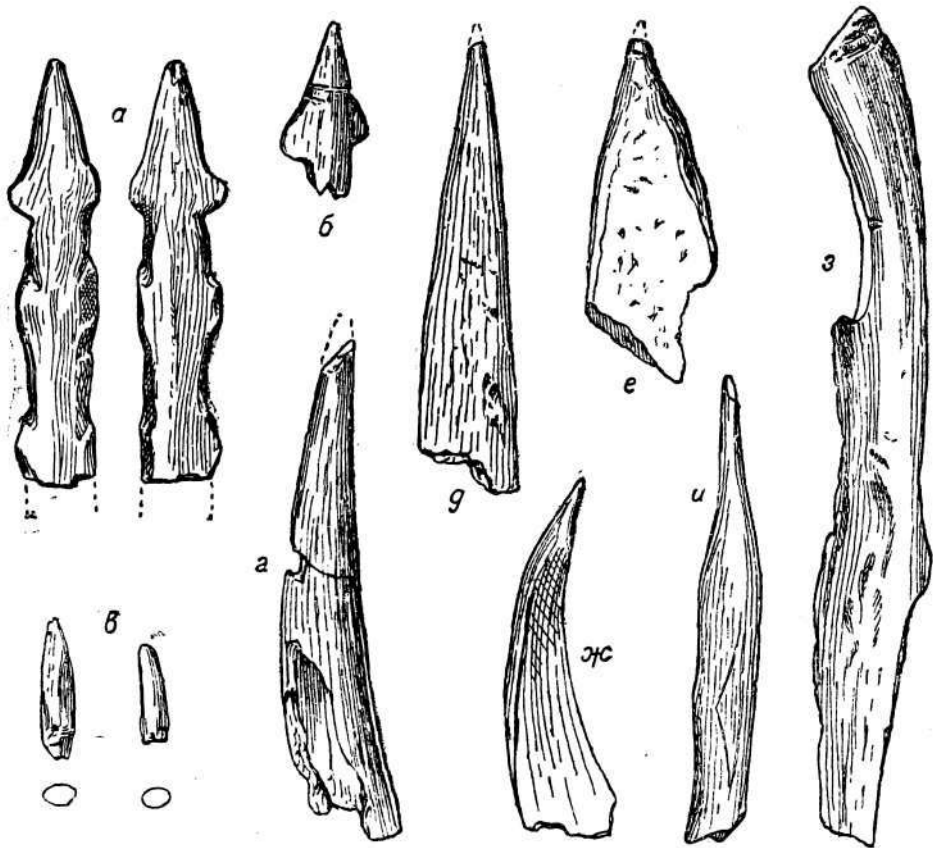

Рис. 13. Костяные изделия из третьего слоя Мурзак-коба. Нат. вел.

6. Проколка из наружного слоя клыка кабана. Имеет заточку только на рабочем конце. Длина 4.7 см (рис. 13 ж).

7. Крупный фрагмент ребра косули (*Capreolus*). Вогнутая поверхность ребра покрывает часто нанесенные насечки, расположенные относительно друг друга под углом. Длина 9.1 см.

8. Два обломка рога косули, на одном ясно выражены следы употребления в виде заглаженности конца; на другом по всей поверхности рога остались бороздки от скобления, повидимому с целью затачивания.¹ Длина 6.7 и 9.5 см (рис. 13 г).

9. Крупный фрагмент трубчатой кости, сильно заполированный от употребления, может быть, в качестве гладильника. Этот объект побывал в огне и сохранил сильную закопченность и обжиг. Длина 11.1 см (рис. 13 з).

¹ Обломок склеен из двух фрагментов, найденных на разных участках.

10. Две маленькие костяные поделки с заостренными концами. Обращают на себя внимание концы, противоположные острию. Они явно преднамеренно срезаны. Скорее всего эти изделия выполняли роль вставок-бородок для метательных орудий. Длина первого 0.9 см, ширина 0.4 см. Длина второго 1.3 см, ширина 0.3 см (рис. 13 в).

Изделия из кости дополняются многочисленными осколками костей животных, носящими бороздки, царапины, следы сточенности, надрезы и проч., показывающие, что для своих хозяйственных целей человек широко использовал костяной материал.

Чтобы перейти к вопросу о датировке, необходимо несколько расширить наши сведения о стоянке в гроте Мурзак-коба данными взаимоотношения фауны, любезно представленными нам В. И. Громовым. В третьем слое определены:

1. <i>Cervus elaphus</i> (maral) — олень	6. <i>Canis familiaris</i> — собака
2. <i>Capreolus</i> — козуля	7. <i>Meles</i> sp. — барсук
3. <i>Sus scrofa ferus</i> — дикий кабан	8. <i>Lepus</i> sp. — заяц
4. <i>Ursus</i> sp. (arctos?) — медведь	9. <i>Aves</i> — птицы
5. <i>Vulpes</i> sp. — лисица	10. Много костных остатков рыб.

Датировка инвентаря (а также и погребения) из третьего слоя Мурзак-коба не вызывает особых затруднений при сопоставлении вещественных остатков этого слоя с материалами, происходящими как из крымских, так и зарубежных стоянок этой эпохи. Крымские местонахождения азийско-тарденуазского возраста вполне основательно синхронизируются¹ с целым рядом известных нам памятников Старого Света. Мы ограничимся здесь лишь несколькими сопоставлениями, по преимуществу опираясь на материал, происходящий из пещерных поселений Крымского полуострова, главным образом на материал из Шан-коба. Одной из своеобразных особенностей стоянок, содержащих инвентарь позднепалеолитического облика, является присутствие в них многочисленных остатков раковин улиток *Helix vulgaris*. Такие скопления раковин улиток обнаружены в виде целого слоя в навесе Шан-коба (третий слой), открыты они также в навесах Фатьма-коба, Сюрень II, Черкез-керменском и в недавно открытой позднепалеолитической стоянке в навесе Юсуф-коба I. В западноевропейских местонахождениях той же эпохи улитки вида *Helix vulgaris* часто заменяются разновидностью *Helix nemoralis*. Остатки улиток этого же рода *Helix* составляют обычное явление в позднеласийских поселениях на территории африканского материка, особенно в так называемых скоплениях кухонных отбросов, где они вместе с остатками других моллюсков составляют основное содержание этих скоплений. Для нас в данном случае присутствие улиток в третьем слое Мурзак-коба имеет значение как указание на ту начальную пору голоцена, когда этот пригодный для употребления в пищу моллюск получает широкое распространение во всей южной Европе от Испании и Франции до Крыма. В эту пору окончательно исчезают ледниковые явления и наступает теплый и влажный период, способствующий размножению моллюска *Helix*, ставшего предметом усиленного собирательства как дополнение к менее продуктивной охоте.

Третий слой Мурзак-коба вполне аналогичен по цветности констатации и массивности включения улиток третьему слою в навесе Шан-коба. Последний, как известно, датируется Г. А. Бонч-Осмоловским тарденуазским временем, на основании сопоставления с другими подобными стоянками. Это почти формальное сравнение оставалось бы мало убедительным,

¹ См., например, работу Г. А. Бонч-Осмоловского «Итоги изучения Крымского палеолита». Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V.

тельным, если бы мы не могли добавить к нему других, более важных фактов, например в отношении кремневого инвентаря.

Оказывается, что кремневые изделия из третьего слоя Мурзак-коба мало отличаются, скорее по существу лишь воспроизводят типы орудий из третьего слоя Шан-коба, Фатьма-коба, Замиль-коба (верхний горизонт) и других, менее изученных, стоянок. Высокая техника первичной обработки кремня, определенные, постоянно повторяющиеся в них виды орудий из камня сближают эти комплексы находок. Черты сходства, вернее тождества, выступают с особенной отчетливостью в оформлении миниатюрных геометрических изделий, в наличии многочисленных пластинок с выемками, в отжимниках и прочих компонентах, дающих основание определить кремневый инвентарь Мурзак-коба тем же тарденуазским временем.

Костяной инвентарь исследованного нами поселения имеет ту главную особенность, что в нем представлены изделия, еще не известные из крымских позднепалеолитических местонахождений. Причина тому, что эти находки (например находка гарпуна) имеют место впервые для тарденуазских памятников Крыма, лежит в весьма неблагоприятных условиях залегания большинства позднепалеолитических стоянок, где удовлетворительная сохранность органических остатков явление очень редкое. Весьма любопытным фактом остается орнаментация изделий из кости. В отчете о раскопках в Шан-коба (1935 г.) нами опубликована оправа ножа (?) в виде стержня с продольной прорезью для вкладышей, причем мы обратили внимание на примитивный орнамент в виде прямолинейных неглубоких нарезок, расположенных параллельно по три и образующих три ряда поясков, которыми снабжена эта оправа. Подобный орнаментальный мотив встречался и на других объектах из раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского. На костяном ноже (?), лежащем у правой кисти руки костяка I, находим его повторение.

Нельзя не сказать еще несколько слов о фауне, найденной в третьем слое Мурзак-коба. Определение фауны, данное В. И. Грозовым, близко к его же определенным костных остатков из третьего слоя Шан-коба и Фатьма-коба, т. е. памятников, датируемых тарденуазским временем.¹ В списке животных занимают видное место остатки косули — представительницы фауны, появляющейся в Крыму только в тарденуазское время и не встречающейся вовсе в горизонтах, относимых к ранней фазе позднего палеолита (например, нижний слой Шан-коба). Это может служить в качестве лишнего аргумента в пользу датировки тарденуазским временем третьего слоя Мурзак-коба. Наконец, для определения возраста стоянки имеет свое значение и обстановка, в которой нами было встречено погребение.

Сравнивая погребение из Мурзак-коба с ранее открытым погребением в Фатьма-коба,² мы можем констатировать существенные отличия, главным образом, в положении костяков. В Мурзак-коба оба скелета находились в вытянутом положении на спине, тогда как костяк из Фатьма-коба лежал в сильно скорченном состоянии на правом боку — с кистями рук под головой. Кроме того, фатьма-кобинский костяк находился в специально вырытой по размерам тела ямке. В Мурзак-коба явных следов могильной ямы не установлено. Сходные черты в обоих погребениях выражаются в наличии завала костяков камнями и в отсутствии ритуального инвентаря при погребениях. Если учесть эти сходные моменты и добавить к этому замечание, что вообще позднепалеолитические погребения часто не выявляют общих признаков в условиях захоронения индивидов, то факты, дающие

¹ Различие в списках фауны состоит, главным образом, в присутствии мало-характерных видов.

² Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч., стр. 131, 162; Г. Ф. Дебев. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-коба в Крыму. Антропологический журнал № 2, 1936, М.

основание говорить о различии в условиях захоронений, не могут служить основанием для хронологического разделения сравниваемых погребений. Достаточно сравнить погребения из пещеры Оффнет в Баварии с погребениями на островах Тевиек и Гоедик (Бретань),¹ или эти последние с погребениями в Муджен (Португалия) или же в местонахождении Бени-Сегуаль (Алжир)² и др., чтобы убедиться в различии условий захоронений приблизительно в одну и ту же эпоху.

Стратиграфическая определенность культурного комплекса из третьего слоя Мурзак-коба и аналогия этого слоя с третьим слоем в убежище Шан-коба, близость кремневых объектов с кремневыми изделиями из тарденуазских стоянок Крыма, данные фауны и некоторые черты сходства в захоронении костяков из Мурзак-коба и Фатьма-коба позволяют включить стоянку Мурзак-коба в круг тарденуазских стоянок Крыма. Приведенные сведения о работах экспедиции в гроте Мурзак-коба являются в значительной мере предварительными не только потому, что материал из этого местонахождения изложен вкратце, но и вследствие слишком небольшой площади наших раскопок, не дающей возможности осветить, например, такой важный вопрос, как характер планировки стоянки.

Тем не менее, располагая материалом из раскопок 1936 г., можно не только датировать культурные остатки из грота Мурзак-коба, но и с немалой уверенностью говорить об основных формах хозяйственной деятельности у человеческой группы, обитавшей в гроте. Весьма ограниченное количество костей млекопитающих в соотношении с огромным количеством раковин улиток *Helix vulgaris* и обильным количеством костей рыб свидетельствует об исключительно важной роли собирательства и охоты на рыбу при помощи гарпуна, крупный фрагмент которого найден в третьем слое. Охота на млекопитающих и птиц не имела того доминирующего значения, как это было в верхнепалеолитическое время, и не обеспечивала существование человеческих групп. Однако орудия труда, предназначенные для охоты, технически совершенствуются, что указывает, очевидно, на усложнение приемов самой охоты, внесенных дроблением крупных охотничьих коллективов на более мелкие. П. П. Ефименко, пользуясь материалами из позднепалеолитических стоянок Старого Света, убедительно вскрывает ту исключительную роль активного собирательства на рубеже двух эпох — палеолита и неолита, — подготовлявшего крупный экономический сдвиг при переходе от охоты к рыболовству, пастушеству и земледелию.³ Позднепалеолитическая стоянка Мурзак-коба, наравне с ранее исследованными стоянками Шан-коба, Фатьма-коба и пр., подтверждают, что на территории Крыма процесс перехода к неолиту шел через усиление собирательства и ранние формы рыболовства при соподчиненном значении охоты.

Дальнейшие исследования позднепалеолитических местонахождений и поиски стоянок неолитического возраста дадут возможность детализиро-

¹ Péquart M. et S. J. La nécropole mésolithique de Téviek (Morbihan). L'Anthropologie, 1929, t. XXXIX, № 5—6; их же. La nécropole mésolithique de l'île d'Hoëdic (Morbihan). L'Anthropologie, 1934, t. XLIV, № 1—2 (краткое сообщение дано в XLIII томе, № 5—6, стр. 646—647 того же журнала).

² Arambourg, M. Boule, H. Vallois, R. Vernau. Les grottes paléolithiques de Beni-ségoual (Algérie). Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, 1934, mémoire 13, стр. 19 и сл. Смотреть также, напр., работы L. S. Leakey «The stone age cultures of Kenya colony». Cambridge, 1931; О погребениях в пещере Camble's Cave II; П. П. Ефименко. Дорожное общество, 1934, стр. 495—496, 506—508; R. R. Schmidt. Die diluviale Vorzeit Deutschlands (о погребениях в Оффнет); H. Obermaier. Fossil man in Spain, стр. 326 (о погребениях в Муджен), а также работу Гаррод. Каменный век в Палестине, Antiquity, июнь, 1934 г., стр. 138 (о погребениях в Mugharet el Wat).

³ П. П. Ефименко. Дорожное общество, 1934, гл. X.

вть хронологическую классификацию позднепалеолитических стоянок Крыма и подойти к разрешению вопроса о переходе к начальной стадии неолита.

В дополнение к сказанному выше, остановимся на открытии двойного погребения в связи с перспективами, которые открываются даже теми предварительными данными, которыми мы располагаем сейчас. находка кроманьонских костяков представляет двойной интерес; во-первых, с точки зрения реконструкции физического типа человека и, во-вторых, с точки зрения критики буржуазных теорий по вопросу происхождения рас и связи их с «культурами». Совсем необычным является факт находки костяков кроманьонского типа в тарденуазском слое. Его (кроманьонский тип) обычно связывают с развитыми формами материального производства орияньской и мадленской стадий. В позднем же палеолите, как утверждают зарубежные авторы (Брейль, Осборн и др.), появляется несколько новых рас, якобы принесших новую культуру (азиль-тарденуаз). находка кроманьонских скелетов в тарденуазское время в корне противоречит реакционной «науке», пытающейся установить прямую связь между физическим типом человека и его материальной культурой. Политическая сущность подобных «теорий» ясна, и факты решительно противоречат фальсификациям. Фюрфозские брахицефалы, средиземноморские типы, длинноголовые и короткоголовые типы из Офнет и, наконец, кроманьонские типы из Мурзак-коба вместе с не-кроманьонским из Фатьма-коба находятся в близком стадильном родстве, поэтому и дают аналогичные черты в материальной культуре.

Немаловажное значение приобретает также факт ампутации двух последних фаланг на мизинцах обеих рук у костяка I. Его нельзя не поставить в связь с рядом этнографических данных. Обряд отрубания пальцев очень широко распространен на всех материках земного шара исключая Европу. Особенное распространение он получил у африканских народов. Лагеркранц¹ приводит многочисленные примеры обрядовых ампутаций суставов пальцев у африканских племен в специально посвященной этому вопросу сводке. Имеются также указания на наличие обрядового отрубания пальцев у некоторых австралийских племен,² у дравидов (в Индии),³ у североамериканских индейцев и т. д. Этот обряд связан с различными идеологическими представлениями, не дающими, пока, возможности выделить наиболее древние элементы от более поздних. Поэтому трудно сейчас дать даже предварительную интерпретацию тем представлениям, которыми руководствовались обитатели грота Мурзак-коба при выполнении этого обряда. Пока лишь можно, кроме констатации самого факта, напомнить о знаменитых изображениях в гроте Гаргас в департаменте Верхних Пиренеев. Здесь, среди рисунков четвертичных животных, на стене грота обнаружены изображения кистей человеческих рук, полученных в отпечатках на фоне черной и красной краски. В большинстве на изображенных кистях отсутствуют суставы пальцев. Это вызвало ряд догадок и объяснений, основанных на привлечении этнографических сравнений. Наши наблюдения впервые подтверждают на археологическом объекте существование этого обряда в столь отдаленные времена и служат предупреждением к усилению внимания в отношении антропологических остатков.

¹ S. Lagerkrantz. Fingerverstümmelungen und ihre Ausbreitung in Afrika.

² Ратцель. Народоведение, т. I, стр. 369—370.

³ Плосс. Женщина, т. I, стр. 101, 221—222.

S. BIBIKOV

LA GROTTTE DE MOURZAK-KOBA, UNE NOUVELLE STATION DU PALÉOLITHIQUE TARDIF EN CRIMÉE

RÉSUMÉ

La grotte de Mourzak-koba est située sur la rive gauche de la Tchernaiâ, à l'entrée de la gorge de Boklou-déré, à 36 m. au-dessus du niveau de la rivière, elle s'ouvre à l'orient (fig. 2).

Une fouille faite dans le plancher de la grotte a établi l'existence de 4 couches, dont la 2-e et la 3-e renferment des restes de culture humaine. La 3-e couche, sèche et grise, abondant en coquillages, a 37 cm. de puissance. Elle recèle des traces d'habitation de l'homme paléolithique tardif. On y a découvert une sépulture double ensevelie sous des pierres. Les deux squelettes reposent la tête à l'orient, couchés sur le dos, dans une position allongée. Les os sont détériorés, mais gardent leurs rapports anatomiques naturels. On remarque l'absence des phalanges médianes et terminales à l'auriculaire des deux mains du squelette I, la mutilation des phalanges principales attestant une amputation intentionnelle du vivant de l'individu.

Près des squelettes, on a trouvé un fragment de côte d'un gros animal, avec traces de façonnage et d'usage par l'homme.

Une étude préliminaire de ces squelettes effectuée par E. Žirov a montré que le squelette I appartient selon toute vraisemblance à une jeune femme et le squelette II à un homme âgé de haute taille, et qu'ils présentent les traits typiques de l'homme de Cro-Magnon.

Les objets en silex extraits de la 3-e couche comprennent des nucléi, des percuteurs, un compresseur, des lamelles à retouche latérale, des lamelles à encoches, des burins médians, des burins sur lames, des lamelles à bout oblique, des grattoirs, des outils doubles, des «microlithes» — trapézoïdes et segments, des pointes de flèche et des perçoirs. On a trouvé aussi quelques objets en os (fig. 13).

V. Gromov a déterminé dans la 3-e couche la faune suivante: *Cervus elaphus*, *Capreolus*, *Sus scrofa ferus*, *Ursus* sp., *Vulpes* sp., *Canis familiaris*, *Meles* sp., *Lepus* sp., restes de poissons.

Par la composition de son sol aussi bien que par le caractère de l'outillage lithique et des restes de faune (*Capreolus*), la 3-e couche est tout à fait analogue aux couches des grottes et abris sous roche de la Crimée précédemment étudiés — Chan-koba, Fatma-koba, qui datent du Tardenoisien. Les différences constatées dans le mode de sépulture (position allongée à Mourzak-koba et ramassée à Fatma-koba) ne peuvent servir de raison suffisante pour une division chronologique de ces sépultures, car à cette époque divers modes d'inhumation étaient usités simultanément.

La quantité énorme de coquillages d'*Helix*, l'abondance d'os de poissons et la trouvaille de harpons en os témoignent du rôle important que jouaient le ramassage et la pêche dans la vie des habitants de la grotte de Mourzak-koba, alors qu'au Paléolithique supérieur, l'occupation essentielle de la population était la chasse aux gros ongulés.

Un fait particulièrement intéressant est le type de Cro-Magnon des squelettes de Mourzak-koba, qui n'est pas commun dans les sépultures des couches tardenoisiennes.

Е. В. ЖИРОВ

КОСТЯКИ ИЗ ГРОТА МУРЗАК-КОБА

Осенью 1936 г. автор производил по заданию Крымской палеолитической экспедиции поиски палеолитических стоянок в Балаклавском районе Крымской АССР. В гроте Мурзак-коба, расположенном в урочище Воклу-дере на левом берегу р. Черной, недалеко от дер. Чоргунь, в непо потревоженном палеолитическом слое был обнаружен человеческий череп. Предпринятые под руководством С. Н. Бибикова и при участии С. А. Трусовой раскопки дали следующие результаты. Под рыхлыми золистыми напластованиями с современной и средневековой керамикой залегал более плотный слой, насыщенный раковинами улиток и содержащий двойное погребение. Оба костяка лежали на спине, в вытянутом положении, головами к выходу грота. На основании многочисленных кремневых и костяных поделок, а также остатков фауны, найденных в этом слое, Бибиков¹ датирует его тарденуазской эпохой и сближает с ранее исследованными пещерными тарденуазскими стоянками Байдарской долины. Крупные камни, которыми были завалены скелеты, раздавили черепа и часть костей. Степень дефектности последних различна: некоторые из них были разбиты на два-три куска, другие буквально раздроблены. Однако превосходное состояние вещества кости, обусловленное сильным обызвествлением, и отсутствие помертвой деформации обеспечили удовлетворительную реставрацию черепов и ряда длинных костей. В виду того, что реставрация остаточного материала и реконструкция недостающих частей, необходимая для определения многих важных кранио- и остеометрических признаков, займет еще много времени, мы сообщаем здесь лишь предварительные данные о физических особенностях людей из грота Мурзак-коба.

Согласно принятым во время раскопок обозначениям скелет, лежавший севернее и обнаруженный первым, мы называем «Мурзак-коба I», лежавший к югу — «Мурзак-коба II». В приложенных таблицах измерений и указателей они отмечены цифрами «I» и «II». Числа, стоящие перед наименованием признаков, указывают обозначения по сводке Мартина.² При регистрации скелетов в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР, где они ныне хранятся, им присвоены инвентарные номера 5482/1 и 2.

Костяк Мурзак-коба I сохранился почти полностью. У него отсутствуют только правая большеберцовая, обе коленные чашки и несколько фаланг стопы. Естественно, что от давления камней наиболее пострадали ребра и позвонки. На мозговом черепе отметим недостаток небольших участков лобной и левой теменной кости, а также незначительный, но весьма досадный дефект переднего края большого затылочного отверстия. Лицевой череп сохранился хуже и большие пробелы, обнаружившиеся при восстановлении его, заставляют отнестись с известной осторожностью

¹ С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. Сов. Археол., 1938, № 5, стр. 159.

² R. Martin. Lehrbuch der Anthropologie, 2. Aufl., Bd. II. Jena, 1928.

к некоторым измерениям. Пол субъекта, которому принадлежал данный костяк, по строению черепа и таза можно определить как женский. Для определения возраста служат следующие факты. Затылочно-основной синхондроз полностью окостенел. Зубы довольно сильно стертые, за исключением третьих моляров, прорезавшихся незадолго до смерти. Все швы на наружной и внутренней поверхности черепа открыты. Не закончилось окостенение грудного конца обеих ключиц. Отсюда мы делаем вывод, что возраст этой женщины не превышал 20—25 лет. Значительная стертость зубов в столь ранние годы находит себе объяснение в аналогичных явлениях у современных культурно-отсталых народов.

Женщина Мурзак-коба I отличалась высоким ростом. Величина этого признака, вычисленная по формулам Пирсона, несомненно ближе к истин-

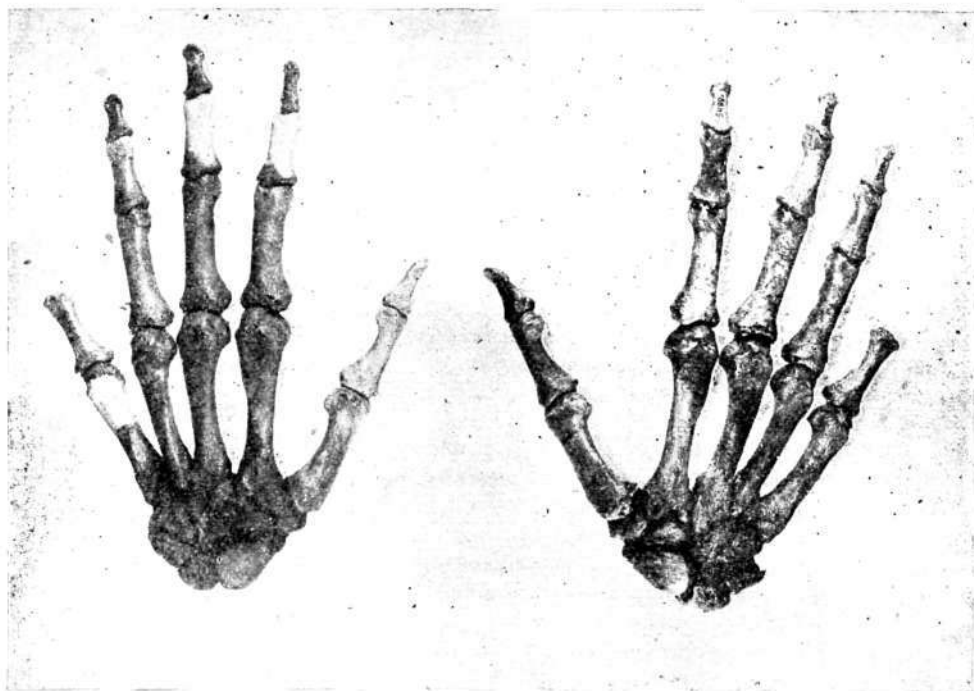

Рис. 1. Кисти рук костяка Мурзак-коба I.

ной, чем та, которая получена нами по методу Мануврие. Действительно, размеры роста, выведенные из отдельных формул Пирсона, колеблются в пределах от 157.7 (правая плечевая) до 163.5 (лучевая), тогда как из таблицы Мануврие получаются числа, варьирующие от 158.7 (большеберцовая) до 172.1 (локтевая). Уже эти цифры дают представление об особенностях телосложения описываемой особи, которая обладала несколько длинным предплечьем и короткой голенью, что находит превосходное отражение в весьма высокой величине луче-берцового указателя. Мозговой череп для женщины огромен. Очень большая длина его сочетается с большим поперечником и довольно значительным высотным диаметром. По указателям череп мезо-орто-метриокранный. Рассматриваемый сверху, он имеет эллипсоидную форму. Лобная кость широкая и выпуклая, с сильно развитым надпереносьем (№ 4 схемы Мартина). Однако надбровные дуги выражены нерезко и сходят на-нет посередине верхнего края глазницы; благодаря этому можно ясно различить *trigonum supraorbitale*. Затылочная

область выпячена, что, вероятно, связано с наличием сверхкомплектных швов, образующих *os arisii* и билатеральную кость янков. Мышечный рельеф развит слабо. На левой теменной кости, близ стреловидного шва в области обелдона имеется округлое углубление, диаметром в 12 мм, с неровным дном. Происхождение этого образования, несомненно, патологическое. Лицо очень широкое, средневысокое, эйриэнное, слабо-прогнатное. Глазницы широкие и низкие, хамэконхные. Межглазничная ширина и указатель малы, высота спинки невелика. Нёбо имеет среднюю высоту. Зубная дуга параболической формы. Нижняя челюсть отличается большим бигонимальным диаметром и хорошо развитым подбородком. Любопытная особенность этого костяка — прижизненная ампутация средней и ногтевой фаланг обоих мизинцев (рис. 1).

Костяк Мурзак-коба II менее полон, чем описанный выше. У него отсутствует грудина, левая лопатка, все кости левой ноги, правая голень и стопа, левая кисть. Ребра и позвонки сохранились довольно плохо и далеко не все. Отчасти повреждения этого костяка вызваны грызунами, нора которых обнаружена в области грудных позвонков. С другой стороны, тот факт, что левая безыменная была найдена на камнях, покрывавших скелеты, дает основание предполагать, что труп был потревожен хищными животными вскоре после захоронения. Наиболее серьезные дефекты черепа относятся к области основания, которое не может быть точно восстановлено. Скелет этот, вне всяких сомнений, мужской. Суждение о возрасте должно основываться на нижеследующем. На наружной поверхности черепа целиком заросла височная часть венечного шва и почти полностью (№ 3 схемы Брока) задняя половина стреловидного. На внутренней поверхности венечный и стреловидный швы облитерированы на всем своем протяжении. На большинстве зубов верхней челюсти целиком стерта коронка; нижние зубы стерты несколько меньше. Из всего этого заключаем, что ко времени смерти субъекту было 40—50 лет.

Рост мужчины из грота Мурзак-коба должен быть оценен как очень большой. Опять-таки мы отдаем предпочтение величине, полученной при посредстве формул Пирсона, хотя Мартин и утверждает, что при гигантском росте эти формулы дают слишком низкие цифры. Предплечье относительно еще длиннее, чем у костяка I. Череп Мурзак-коба II аристенкефален. Приведенное в табл. II число дано с поправкой на толщину стенок, которая весьма значительна. Продольный диаметр очень велик, поперечный мал, высотный среднего размера. Отсюда характерная в данном случае долихо-орто-метриокrania. В вертикальной норме форма черепа овоидная. Лоб неширок и слабо наклонен. Надпереносье выражено для пожилого, рослого мужчины не слишком сильно (№ 4 схемы Мартина), но собственно надглазничные области развиты сильнее. В них можно различить медиальные части — более выпуклые, высокие и резко очерченные, и латеральные, нависшие над наружными краями глазниц в виде мощных валков. Очень рельефны височные и обе верхние затылочные линии. Последние медиально сливаются, образуя затылочный вал. Верхняя чешуя затылочной кости сагиттально уплощена. Скуловой диаметр очень большой, верхняя часть лица высока, лицевой указатель мезэнный, лицо ортогнатное. Широкие и низкие глазницы дают чрезвычайно малые указатели. Межглазничное расстояние относительно узкое. Носовые кости довольно широки. Спинка носа высокая, медiano-сагиттальная кривая ее соответствует № 3 схемы Г. Вирхова. Собачья ямка отсутствует. Зубная дуга параболическая. Нижняя челюсть отличается высоким телом, слабо развитым подбородком и, повидному, небольшими широтными размерами. Отметим еще неправильный прикус — нижняя челюсть сильно выступает вперед относительно верхней.

Сравнивая между собою оба костяка, находим в строении их различия, которые, несомненно, не покрываются половым диморфизмом. Все широтные размеры мозгового черепа женщины абсолютно больше таковых мужского черепа. Из этого вытекает огромная разница в черепном указателе (6 единиц!). Женщина отличается прогнатизмом, в то время как череп

Рис. 2. Череп Мурзак-коба I. 1/6 nat. вел.

Рис. 3. Череп Мурзак-коба II. 1/6 nat. вел.

Мурзак-коба II ортогнатен. Однако еще разительнее сходство, которое обнаруживается в ряде других признаков, а именно: в больших абсолютных размерах тела, своеобразных пропорциях конечностей, сильно развитом надбровье, необычайной широколицести и достигающей крайних пределов хамэконхии.

Морфологические параллели нашей находке указать нетрудно. Рослая, длинноголовая, широколицая, хамэконхная кроманьонская раса является одной из старейших и наиболее популярных категорий палеоантропологии. Ближайшее сходство с костяками из грота Мурзак-коба выказывают «везер-

ские троглодиты» (в частности знаменитый «старик»), «кроманьонцы» гротов Гримальди и скелеты из Оберкасселя. Переходными формами, к которым мы относим Лауч и Бискордин, эта группа соединяется с морфологически и, вероятно, хронологически более древней, известной в литературе под названием брюкссской или брюннской расы. Последнюю еще Швальбе ставил на прямом пути развития от неандертальца к современному человеку. Концом палеолита датируются находки, которые хотя и не могут быть причислены к собственно «кроманьонцам», тем не менее обладают рядом кроманьонидных черт (Мугем, Офнет и др.). Черепа из Кауфертсберга и Фюрфооз, сходные по своему строению с некоторыми офнетскими, ничего кроманьонского в своем облике уже не имеют. Из этого ясно, что кроманьонскую расу следует рассматривать как одну из важнейших стадий эволюции физического типа человека верхнего палеолита Европы, Северной Африки и Передней Азии. Нельзя забывать, однако, что морфологические особенности скелетов из Комб-Капелль, Шанселяд и двойного погребения в Гроде Детей указывают на сложность процессов расообразования и широкий размах вариаций вокруг основной линии, идущей через кроманьонидный комплекс признаков. С другой стороны, многочисленные «австралоидные», «негроидные» и «монголоидные» гипотезы, порожденные этими единичными находками, должны быть признаны по меньшей мере преждевременными. Изложенные соображения определяют наши взгляды на соотношение костяков Мурзак-коба с наиболее близкой к ним территориально находкой — скелетом из грота Фатьма-коба, описанным Дебецом.¹ Оба местонахождения находятся друг от друга на относительно небольшом расстоянии (12 км), и слои, в которых найдены погребения, по видимому, тождественны по заключающимся в них кремневым поделкам и остаткам фауны. Замечательно, что несмотря на это наблюдаются большие различия как в характере захоронения, так и в антропологических особенностях скелетов. Костяк Фатьма-коба отличается значительно меньшими абсолютными размерами тела, относительно более коротким предплечьем и длинной голенью, менее развитым надбровьем, более узким лбом, меньшей шириной и высотой лица, более узкими глазами. Совокупность этих признаков свидетельствует о меньшей кроманьонидности этого индивида и, следовательно, о более позднем его расогенетическом возрасте.

E. ŽIROV

LES SQUELETTES DE LA GROTTTE DE MOURZAK-KOBA

RÉSUMÉ

En automne 1936, S. Bibikov, S. Trusova et l'auteur ont mis à découvert une sépulture double tardenoisienne dans la grotte de Mourzak-koba, située dans la vallée de la Tchernafa, près du village de Tchorgoun, région de Balaklava (République de Crimée). L'un des squelettes, désigné sur les tableaux annexes par le chiffre I, appartenait à une femme de 20—25 ans, l'autre (II) à un homme de 40—50 ans. Tous deux présentent les caractères de la race de Cro-Magnon, que l'auteur considère comme un des principaux stades de l'évolution du type physique de l'homme du Paléolithique supérieur de l'Europe, de l'Afrique du Nord et de l'Asie Antérieure. Chez la femme, les deux phalanges distales des petits doigts des deux mains ont été amputées de son vivant. Dans les tableaux des mesures et des indices, les noms des

¹ Г. Ф. Дебеч. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-коба в Крыму. Антропол. журн., 1936, № 2, стр. 144—165.

caractères sont précédés de leurs désignations d'après le manuel de R. Martin. Les deux squelettes sont conservés aujourd'hui au Musée d'Anthropologie, et d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS.

Fig. 1. Mains du squelette I de Mourzak-koba.

Fig. 2. Crâne I de Mourzak-koba.

Fig. 3. Crâne II de Mourzak-koba.

Таблица I

Table I

Измерения и указатели конечностей Dimensions et indices des membres	I	II
Humerus		
1. Наибольшая длина } dext.	313	364
Longueur maximum } sin.	321	368
2. Длина caput-capitulum } dext.	309	358
Longueur caput-capitulum } sin.	317	363
Radius		
1. Наибольшая длина } dext.	—	285
Longueur maximum } sin.	246	—
Ulna dext.		
1. Наибольшая длина	266	—
Longueur maximum		
Femur		
1. Наибольшая длина } dext.	456	507
Longueur maximum } sin.	447	—
2. Длина в так наз. естественном положении } dext.	—	504
Longueur en position } sin.	447	—
Tibia sin.		
1. Латеральный лодыжечно-мыщелковый диам.	354	—
Longueur condylo-malléolaire latérale		
2. Медиальный лодыжечно-мыщелковый диам.	350	—
Longueur condylo-malléolaire médiale		
(H2 + R1) : (F2 + T1v). Интермембральный указатель	70.6s	—
Indice intermembral		
R1 : H2. Луче-плечевой указатель	77.6s	79.6s
Indice radio-huméral		
T1v : F2. Берцово-бедренный указатель	78.3s	—
Indice tibio-fémoral		
H2 : F2. Плече-бедренный указатель	70.9s	71.0s
Indice huméro-fémoral		
R1 : T1. Луче-берцовый указатель	69.5s	—
Indice radio-tibial		
Рост (по Парсону)	160.1	177.4
Taille (d'après Pearson)		
Рост (по Мануврье)	163.2	182.4
Taille (d'après Manouvrier)		

Таблица II
Table II

Измерения и указатели черепов Dimensions et indices des crânes	I	II
1. Наибольший продольный диаметр Longueur maximum	190	198
2. Диаметр глабелла-инион Longueur glabella-inion	174	185
8. Наибольший поперечный диаметр Largeur maximum	146	140
9. Наименьшая ширина лба Largeur frontale minimum	101	98
11. Биаврикулярный диаметр Largeur biauriculaire	131	128
20. Высота порион-брегма Hauteur porion-bregma	119	121
22a. Высота свода Hauteur de la calotte	111	118
32a. Угол профиля лба Angle frontal de Schwalbe	91°	90°
32(2). Угол наклона лба Angle bregmatique de Schwalbe	60°	61°
38. Вместимость (по Парсону) Capacité (d'après Pearson)	1534	1534
8:1. Черепной указатель Indice céphalique	76.8	70.7
20:1. Высотно-продольный указатель Indice porobregmo-longitudinal	62.6	61.1
20:8. Высотно-поперечный указатель Indice porobregmo-transversal	81.5	86.4
22a:3. Указатель высоты свода Indice de la calotte	63.3	63.8
9:8. Лобно-поперечный указатель Indice fronto-pariétal	69.2	70.0
44. Двуглазничная ширина Largeur biorbitaire	105	107
44(1). Назомалярная ширина Largeur nasomalaire	115	110
45. Скуловой диаметр Largeur bizygomatique	139	147
48. Высота верхней части лица Hauteur nasion-prosthion	67	76
50. Межглазничная ширина (au mf) Largeur interorbitaire (au mf)	18.5	20
51. Ширина глазницы правой Largeur de l'orbite droite au mf	46	46
Ширина глазницы левой Largeur de l'orbite gauche au mf	46	47
52. Высота глазницы правой Hauteur de l'orbite droite	—	27
Высота глазницы левой Hauteur de l'orbite gauche	29	27

(Продолжение)

Измерения и указатели черепов Dimensions et indices des crânes	I	II
55. Высота носа Hauteur du nez	48	52
57. Наименьшая ширина носовых костей Largeur minimum des os nazaux	7.5	9.5
60. Длина верхней челюсти Longueur alvéolaire maximum	55	59
61. Ширина верхней челюсти Largeur alvéolaire maximum	68	68
66. Бигонимальная ширина Largeur bigoniale	107	—
70. Высота восходящей ветви правой Hauteur max. de la branche montante droite	66	79
Высота восходящей ветви левой Hauteur max. de la branche montante gauche	68	—
71a. Наименьшая ширина восходящей ветви правой Largeur min. de la branche montante droite	29	37
Наименьшая ширина восходящей ветви левой Largeur min. de la branche montante gauche	30	40
72. Лицевой угол Prognathisme total	79°	86°
75. Угол носовых костей Inclinaison des os nazaux	—	59°
48:45. Указатель части лица Indice supérofacial	48.2	51.7
66:45. Скуло-нижнечелюстной указатель Indice gonio-zugomatique	77.0	—
52:51. Глазничный указатель правый Indice orbitaire droit	—	58.7
Глазничный указатель левый Indice orbitaire gauche	63.0	57.4
50:44. Межглазничный указатель Indice interorbitaire	17.6	18.7
44(1):44. Назомаллярный указатель Indice nasomalaire	109.5	111.2
61:60. Верхне-челюстной указатель Indice maxilloalvéolaire	114.6	115.3
71a:70. Указатель восходящей ветви правой Indice de la branche montante droite	43.9	46.8
Указатель восходящей ветви левой Indice de la branche montante gauche	47.6	—
45:8. Скуло-темянный указатель Indice zugo-pariétal	95.2	105.0
9:45. Лобно-скуловой указатель Indice fronto-zugomatique	72.7	66.7

В. И. РАВДОНИКАС

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА р. СВИРИ в 1934 г.

(Предварительное сообщение)

Задачей Свирской экспедиции ГАИМК 1934 г. явились обнаружение, учет и предварительное частичное исследование посредством раскопок археологических памятников, находящихся на территории, охваченной всеми видами работ ведущегося Свирьстроем строительства второй ГЭС на р. Свири. Обследованию подлежали площадка строительства (Свирьстрой II), участки, отводимые под разработку карьеров, жилищные и тому подобные работы, связанные с перемещением грунта, и зона затопления и подтопления р. Свири и ее притоков от Свирьстроя II (дер. Подпорожье) до Онежского озера (исток Свири, с. Вознесенье). Кроме того, было намечено произвести обследование восточного берега Онежского озера в районе местонахождения наскальных изображений, в частности с целью выяснения вопроса о том, угрожает ли этим изображениям частичное затопление после сооружения плотины Свирьстроя II.

Работа экспедиции продолжалась со 2 июля до 1 августа. Ниже излагаются важнейшие результаты экспедиции.¹

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРИБРЕЖНОЙ ПОЛОСЫ р. СВИРИ И ЕЕ ПРИТОКОВ ОТ с. ВОЗНЕСЕНЬЯ

Предварительное изучение печатных и архивных материалов дало мало для выявления памятников в районе работ экспедиции. На р. Свири в литературе указаны 5 курганных групп² и два неолитических местонахождения — одно, раскопанное Б. Ф. Земляковым на р. Негежме,³ и второе — с. Вознесенье,⁴ причем в район работ экспедиции из этих памятников входили только стоянки у с. Вознесенья.

Уже из этих данных, принимая во внимание, что дело идет о районе, часто посещавшемся археологами, можно было предполагать, что по крайней мере памятники с резко выраженными наружными признаками, например курганы или городища, экспедицией в изобилии на р. Свири открыты не будут. И действительно, это предположение в ходе работ экспедиции оправдалось вполне.

Тщательное обследование площадки строительства и прилегающего к ней района (с. Подпорожье и его окрестности), включая сюда карьеры, подъездные пути и т. д., археологических памятников не обнаружило.

¹ В состав экспедиции входили В. И. Равдоникас (начальник экспедиции), научные сотрудники Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин, Л. А. Иванова и А. А. Афанасьев (студент-практикант).

² Обозначены на карте, приложенной к работе W. J. Raudonikas «Die Normannen der Wikingerzeit und des Ladogagebiets», Stockholm, 1930.

³ Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Труды Комиссии по науч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, т. II, 1932, стр. 47 сл.

⁴ М. В. Едемский. Остатки культуры доисторического человека. Природа, 1924, № 7, стр. 62.

Произведенное Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным обследование прибрежной полосы р. Свири выше Свирыстроа II (от с. Подпорожье до с. Вознесенье) по маршруту, указанному на прилагаемой схеме (рис. 1),

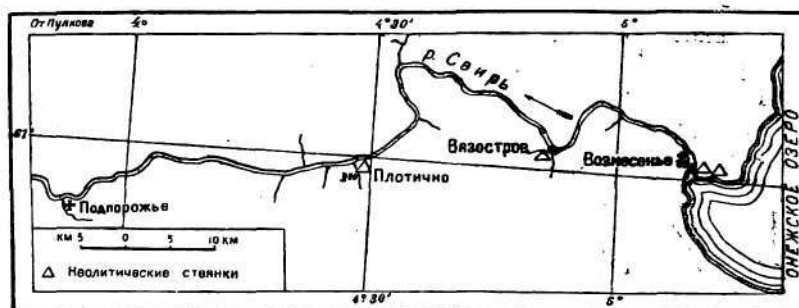

Рис. 1. Схема маршрута экспедиции.

дало другие результаты. Памятников с резко выраженными наземными признаками (курганы, городища) на всем протяжении маршрута (96 км р. Свири и 10 км р. Ивины) обнаружено не было, но остатки неолитических поселений были выявлены (не считая известных ранее Вознесенских стоянок) в трех местах: 1) в дер. Вязостров, 2) в дер. Прокино и 3) в устье р. Тойбы у дер. Плотично.

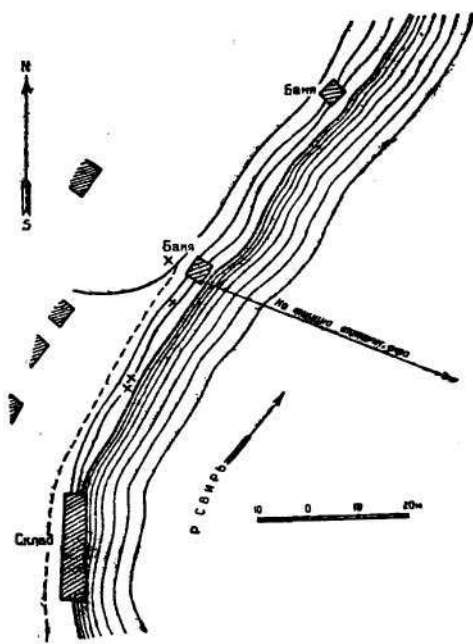

Рис. 2. Схема местонахождения неолитической стоянки у д. Вязостров. Знаком + отмечены шурфы и места находок остатков неолитической культуры.

жены вдоль берега на полосе длиной около 60 м (рис. 2). Судя по тому, что шурф № 3, заложенный в 7 м от воды, не дал находок, можно думать, что значительная площадь стоянки уже смыта рекой. Подъемный материал и находки в шурфах однородны: это фрагменты ямочно-гребенчатой керамики (крупные ямки, время перехода от первой ко второй ста-

стоянка в дер. Вязостров. На левом берегу р. Свири в середине дер. Вязостров между складом и банями были найдены лежащие на поверхности земли обломки ямочно-гребенчатой керамики. Находки сосредоточивались в прибрежной полосе. Стоянка несомненно размывается рекой. Чтобы выяснить степень этого размывания и характер залегания культурного слоя, были заложены в разных точках три небольших шурфа-зачистки. Стратиграфия — чрезвычайно близкая к тому, что наблюдалось, как увидим ниже, и в Вознесенской стоянке. Находки были просле-

дии по Айлю) и кремневые орудия (один скребок, одно нуклеидное орудие и четыре отщеп).

В окрестностях дер. Вязостров на берегу р. Свири, между устьями речек Святухи и Кудры, были найдены кремневые отщепы и фрагменты сланцевых; зачисткой (правда, очень незначительной) открыты здесь культурный слой не удалось.

Стоянка в дер. Прокрино. Расположена в нижнем конце деревни, на правом берегу р. Свири. Здесь между берегом и водоприбойной линией лежит прибрежная полоса, на которой и была обнаружена подъемная неолитическая керамика ямочно-гребенчатого типа. Два заложённых здесь у подножия высокого берега небольших шурфа показали: фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, миниатюрная кремневая пластинка и кремневый отщеп с ретушью. Культурный слой уходит в толщу высокого берега. Судя по крайне незначительному количеству подъемного материала, в то время как шурфы дали находки, можно думать, что стоянка в дер. Прокрино еще не подверглась значительному современному размыванию.

Стоянка в устье р. Тойбы (у дер. Плотично). Речка Тойба образует по левому своему берегу долину, пересекающую левобережную Свирскую возвышенность и переходящую далее в такой же берег р. Свири. Правый берег Тойбы образует при впадении Тойбы в Свирь стрелку, на которой и были сделаны находки ямочно-гребенчатой неолитической керамики. Находки — ямочно-гребенчатая керамика и кремневые отщепы. Шурф, заложённый рядом, дал ту же картину. На правом берегу Тойбы культурный слой обнаружить не удалось. Подъемный материал встречается на берегу Свири на протяжении около 40 м от стрелки при устье Тойбы. Очевидно, стоянка уже подвергалась сильному размыванию в наше время.

Условия нахождения культурных остатков эпохи неолита в прибрежной полосе р. Свири, насколько можно судить по описанным выше стоянкам, более или менее одинаковы. Культурный слой свирских стоянок залегает почти у самой водоприбойной линии реки на невысоких песчаных отмелях или на мысах, образуемых устьем впадающих в Свирь речек и ручьев. Это связано, очевидно, с геологическими условиями образования и развития р. Свири. Впрочем, условия залегания неолитических культурных слоев у современной водоприбойной линии и ниже ее, наблюдающиеся в ряде озерных стоянок (Новгород, Коломцы, Вологое, Шерегово, Пирос и мн. др.) Новгородского края, заставляют предполагать возможность существования здесь в эпоху неолита жилищ свайного или плотинного типа, что, конечно, возможно как для р. Свири, так и для соединяемых ею озер. Решить этот вопрос конкретно, т. е. по отношению к каждому водоему и к каждой стоянке в отдельности, дело будущих исследований. Но, разумеется, данное явление может быть объяснено и более низким, чем в настоящее время, уровнем воды в соседних с неолитическими поселениями водоемах, вследствие большей сухости климата. Считаю необходимым отметить, что лишь накопленный к концу экспедиционных работ опыт дал личному составу экспедиции ориентирующие указания, где преимущественно искать неолитические стоянки на Свири. Будет, очевидно, вполне целесообразно во время ближайших экспедиционных работ подвергнуть вторичному обследованию, с указанной точки зрения, пройденный в 1934 г. маршрут, тем более, что по ряду местных условий сплошное обследование по всему маршруту в 1934 г. организовать не удалось.

Открытые экспедицией стоянки все находятся в зоне Свирьстрога и потому должны подлежать исследованию до сооружения Свирьстрога II, т. е. в ближайшие годы.

ОБСЛЕДОВАНИЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В РАЙОНЕ ДЕР. БЕСОВОС НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Задачей обследования являлось, как уже указывалось, предварительное изучение наскальных изображений и выяснение степени опасности для них (затопление или порча). Были обследованы группы древних наскальных изображений, находящихся близ дер. Бесовосовская (Бесов Нос, Перн-нос, Кладовец и др.). Выяснилось, что высота расположения наскальных изображений исключает возможность их затопления.

Однако этим выдающимся памятникам древнего изобразительного искусства угрожает другая опасность. Среди них и рядом с ними появились высеченные на граните в самое последнее время чьи-то инициалы и вензеля, например, ТГИ ($\frac{В.А.Х.}{1933}$), В. В. 193., МПИ, Т. Г. и т. п. Если такого рода мемориальные знаки будут умножаться в числе — наскальные изображения, памятники безусловно мирового значения, погибнут безвозвратно или, во всяком случае, подвергнутся сильному искажению. Необходимо принять меры к спасению и охране этих выдающихся памятников, что может быть осуществлено путем превращения района наскальных изображений в государственный заповедник, хорошо охраняемый.¹

РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В СЕЛЕ ВОЗНЕСЕНЬЕ

Неолитические поселения в истоке Свири (с. Вознесенье) были открыты в 1921 г. студентом Горного института Р. Ф. Геккером,² исследованы Б. Ф. Земляковым³ и в последнее время К. К. Марковым,⁴ причем раскопки здесь до работ нашей экспедиции, если не говорить о небольших шурфах Б. Ф. Землякова, не производились. В виду того, что по условиям своего залегания сохранившиеся остатки данных поселений неминуемо будут затоплены, было решено подвергнуть их углубленному исследованию путем широко развернутых археологических раскопок и с этой целью сосредоточить в этом пункте всю раскопочную работу экспедиции.

Данные предварительного обследования, произведенного экспедицией, совпали с тем, что известно о вознесенских неолитических поселениях в литературе. По полосе этого побережья, на дне реки у берега встречаются обломки ямочно-ребенчатой керамики, каменные (кремневые, кварцевые и сланцевые) орудия и отщепы. Подъемный материал этого рода был собран экспедицией в довольно обильном количестве — 45 обломков керамики, 148 каменных орудий, их фрагментов и отщепов, причем находки встречались, начиная от самого берега Онежского озера вниз по реке на протяжении до 1 км (план-рис. 3). Ясно, что поселение постепенно размывается рекой в настоящее время.

¹ Результаты изучения наскальных изображений в 1934 г. и в последующее время изложены нами в других работах. См. в частности «Советская Археология» №№ 1, 3 и 4.

² М. В. Едемский. Остатки культуры доисторического человека, найденные в последние годы в северо-западном крае Европейской России. Природа, 1924, № 7—12, стр. 47—62.

³ Б. Ф. Земляков. Доисторический человек Северо-западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время. Докл. Акад. Наук СССР, 1928; его же. Негежемская неолитическая стоянка. Труды Комиссии по изуч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, т. II, 1932, стр. 88. См. также «Наука и Техника», 1928, № 2, стр. 19.

⁴ К. К. Марков, В. С. Порецкий и Е. В. Шляпина. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время. Труды Комиссии по изуч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, т. IV, 1934, стр. 101—102.

В указанном пункте находится главное неолитическое местонахождение района с. Вознесенье. Подземный материал неолитической эпохи встречается и в местности Стеклянное (берег Онежского озера в 2 км к северу от Вознесенья) и на Онежском канале, что было констатировано и разведками настоящей экспедиции.

В качестве объекта раскопок было избрано поселение на правом берегу Свири в с. Вознесенье, как наиболее богатое подземным материалом и как занимающее небольшую площадь, доступную для раскопок. Раскопкам предшествовали ориентировочные изыскания.

Для выяснения наличия культурного слоя и условий его залегания на линии выхода керамики, в 4 разных точках была произведена зачистка берега, благодаря которой сразу же выяснилась стратиграфия поселения и намечилось место для раскопок.

Раскопки были произведены в трех точках (план-рис. 3): раскоп I — у будки Кареллеса, раскоп II — приблизительно на 200 м ниже раскопа I и раскоп III — на берегу Онежского оз. у стрелки истока Свири. Всего было вскрыто 264 кв. м площади поселения.

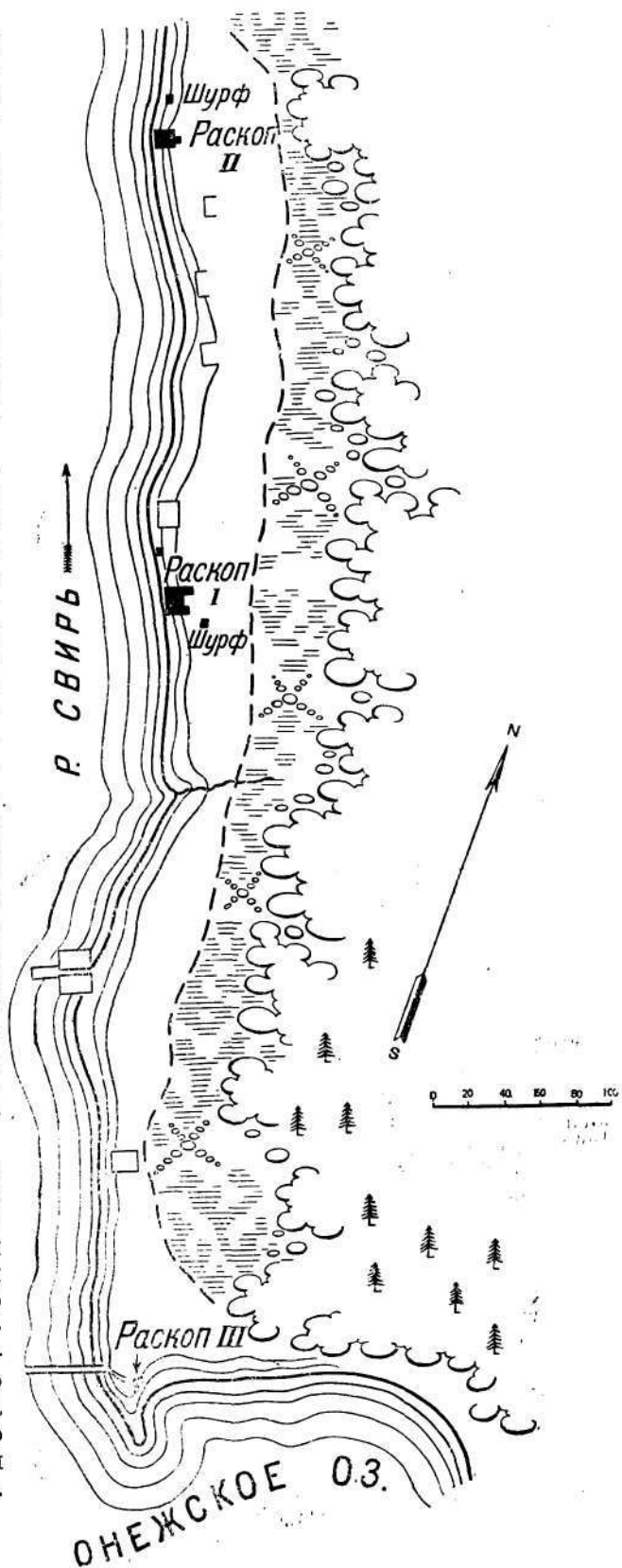

Рис. 3. План местонахождения неолитических стоянок у с. Вознесенья.

Приемы раскопок заключались, коротко, в следующем. Площадь раскопа разбивалась на квадраты со стороной 2 м, производилась нивелировка поверхности, затем снимался грубыми приемами слой намывного галечного песка, нередко содержащий свежую щепу. Разборка культурного слоя производилась поквратно мелким инструментом вручную с персональной ответственностью сотрудников за порученные им для разборки квадраты. Каждая находка и каждое наблюдение фиксировались как на плане, так и в разрезе, выполнявшихся для каждого квадрата в отдельности и для раскопа в целом (сводные планы и разрезы). Когда выяснилось, что культурный слой Вознесенского неолитического поселения был перебит, как увидим ниже, в древности и что нет хронологических различий между культурными остатками верхних и нижних горизонтов культурного слоя, решено было высотных отметок находок в сводные планы раскопок не включать.

Раскопки дали чрезвычайно обильный вещевой материал (вместе с подъемным материалом — 7045 инвентарных номеров; из них фрагментов керамики — 6454, кремневых орудий и их фрагментов — 398, сланцевых орудий с фрагментами — 117, кварцевых — 73, орудий из других материалов — 3).

В настоящем кратком отчете дается лишь самое беглое и общее освещение результатов раскопок неолитического поселения в истоке р. Свири, оставляя подробный анализ найденного материала, требующего времени для тщательного изучения, до специальной публикации.

Раскоп I (примыкает своей широкой стороной к реке). Общая площадь раскопа — 140 кв. м (рис. 5). Характеризуя стратиграфию раскопа, необходимо прежде всего отметить, что поверхностные слои, т. е. слой *A* (тонкая почвенная прослойка), слой *B* (намывной песок с галькой) и слой *B* (перегнившая щепа и строительный мусор, частично превращающийся в торф) — совсем недавнего происхождения. Наличие относительно мощного слоя перегнившей щепы и мусора, достигающего, как показал шурф, у края торфяного болота (см. выше) 0.80 м, объясняется тем, что на правом берегу истока Свири издавна строились суда, выгружались дрова и бревна и производилась распиловка и очистка лесных материалов. Прикрывающий остатки этой недавней деятельности человека слой намывного песка, естественно, относится к еще более позднему времени. Как видно из чертежей (рис. 5), указанные слои и прослойки варьируют по своей мощности в разных точках раскопа. Слой намывного песка, содержащий культурные остатки, вымытые из культурного слоя, выражен ярче (от 0.10 до 0.25 м), ближе к водоприбойной линии, в то время как слой щепы и мусора становится более мощным дальше от берега по направлению к болоту. Почвенная прослойка (слой *A*) непосредственно у берега не наблюдается вовсе.

Под этими слоями недавнего происхождения залегает культурный слой (на чертежах обозначен буквой *D*), представляющий сильно песчаный суглинок темной или темнокоричневой интенсивно гумусной окраски с значительной местами примесью торфа, очевидно, намывного происхождения. Этот слой, содержащий культурные остатки, выклинивается по направлению к реке (результат современного размывания) и становится более мощным в сторону от реки.

Ниже идет материковый слой серовато-зеленоватого суглинка, уходящий вглубь и заливаемый грунтовыми водами, обильно выступающими уже в нижних горизонтах культурного слоя, что очень затрудняло раскоп.

По всему раскопу встречаются крупные и мелкие валуны, сосредоточенные преимущественно в торфяном слое с культурными остатками и местами нагроможденные друг на друга. Никаких искусственных соору-

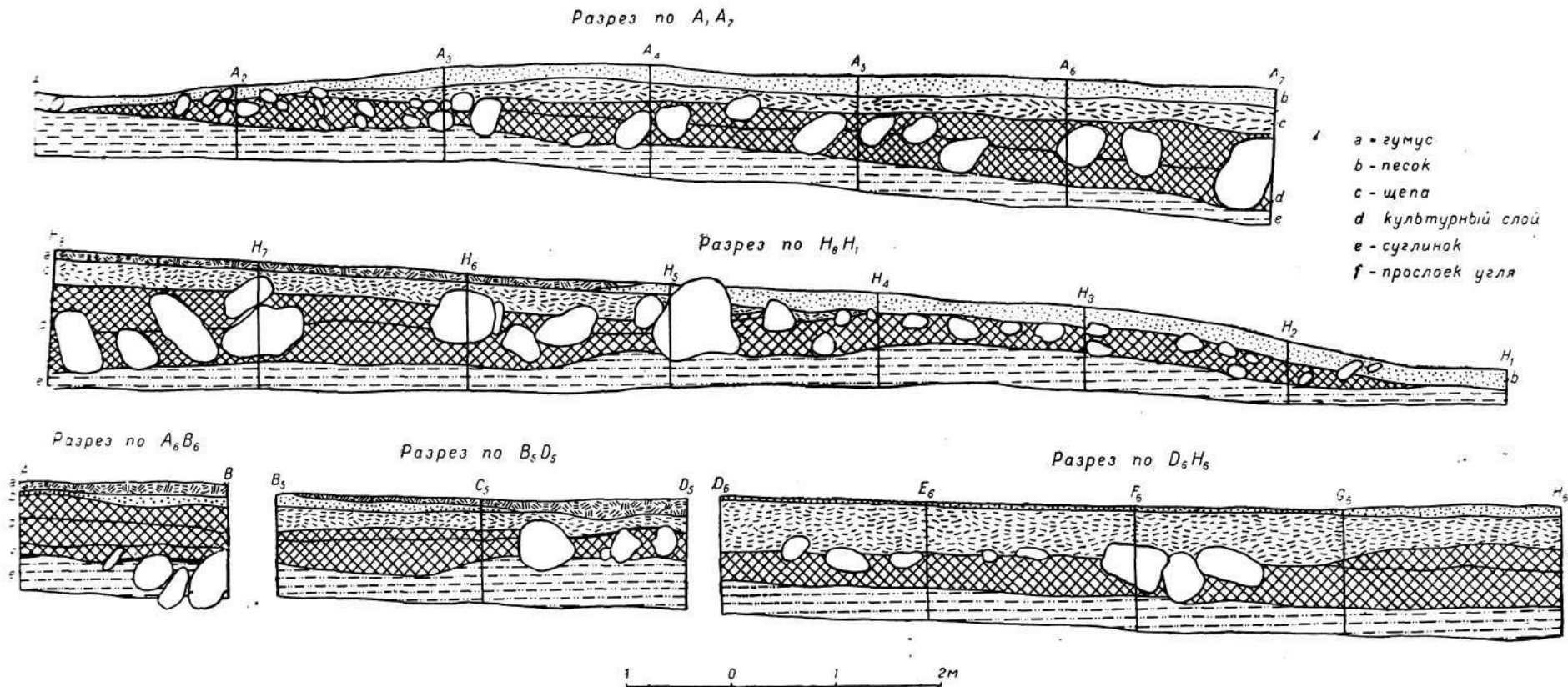

Рис 5. Разрезы и раскопу I.

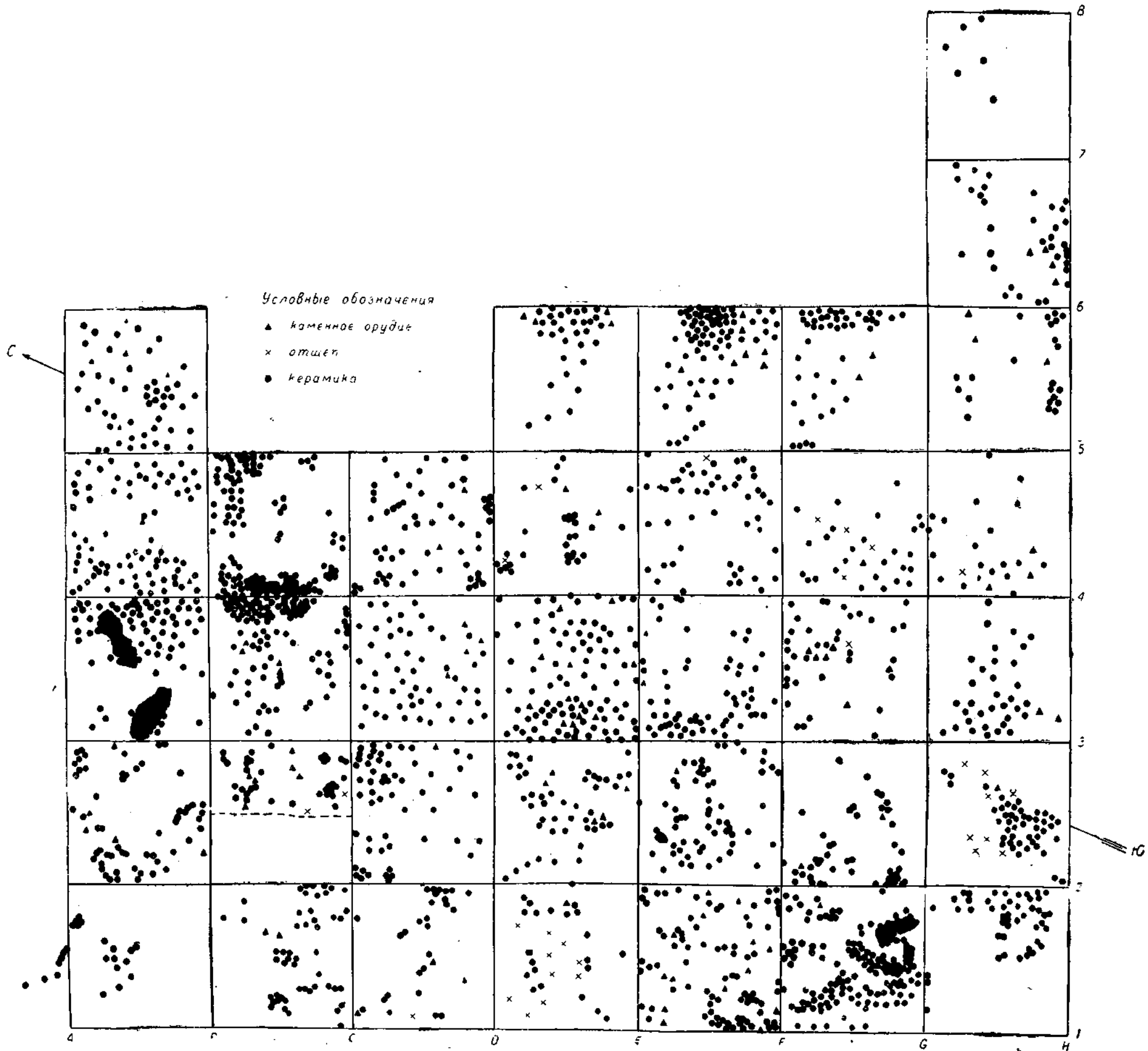

Рис. 4: План раскопа 1.

жений скопления этих валунов, однако, не представляют и являются просто результатом размыва ледниковых моренных отложений.

Культурные остатки, найденные в раскопе, содержались или в слое намывного песка (продукт современного размывания культурного слоя) или (главным образом) в торфяном, культурном, в точном смысле слова, слое. Они состоят исключительно из фрагментов керамики, каменных орудий (целых или фрагментов) и отщепов. Предметы из органических материалов (кость, дерево), а также кости животных в пределах раскопанной площади вовсе не были найдены. Раскопками было констатировано точно так же отсутствие углей, зола и, вообще говоря, очажных и кухонных остатков, столь характерных для хорошо сохранившихся культурных отложений на месте древнего оседлого жилища человека.

Распределение культурных остатков (план-рис. 4) — более или менее равномерное по всей площади раскопа. Отмечалось большое скопление остатков в нижних горизонтах культурного слоя. Число находок сокращается у восточного края раскопа, сходя на-нет в седьмом ряду квадратов.

Совокупность стратиграфических наблюдений и данные, характеризующие найденные культурные остатки, а также их распределение, заставляют прийти к наиболее, по видимому, вероятному выводу, что культурный слой неолитического поселения в истоке Свири был перемыт водой еще в глубокой древности. В настоящее время он подвергается вторичному и довольно интенсивному размыванию.

Среди культурных остатков фрагменты керамики по числу находок занимают первое место — найдено около 3900 фрагментов. Это обломки большей частью значительных по размерам (до 0.40 м в диаметре венчика), вылепленных от руки налепом круглодонных, остродонных или яйцевидных сосудов.¹ Глина содержит примеси зерен кварца и гранитной дресвы. Все фрагменты (за ничтожным исключением) покрыты так называемой ямочно-гребенчатой орнаментацией, столь характерной для неолита лесной полосы Восточной Европы. Из элементов орнамента преобладают ямочный чекан (круглый, ромбический, овальный) и гребенчатый штамп. Если пользоваться классификацией Айлио, то керамику из раскопа I можно было бы отнести ко времени перехода от I ко II фазе и началу II фазы развития ямочно-гребенчатого стиля орнаментации.

Каменные орудия и изделия из раскопа I по материалу распределяются на следующие группы: 1) сланцевые орудия и их фрагменты, 2) кремневые и 3) кварцевые.

Для полированных сланцевых орудий, найденных в раскопе I (рис. 6), характерны так называемые толстообушнные топоры с прямым или скошенным лезвием, плоские топоры с широким обухом прямоугольного или трапециевидного сечения, большие кирковидные орудия овального сечения, орудия для обработки дерева — тесла, трапециевидные тупообушнные долота, прямые и желобчатые, и длинные узкие долотообразные орудия, приближающиеся по форме и, вероятно, по функции к нашим стамескам. Следует особо отметить два изделия из шифера и сланца: 1) обломок кольца-браслета (шифер) и 2) палочка, заостренная с двух концов, — по всей вероятности служившая для орнаментации сосудов.

Кремневые орудия из раскопа I характеризуются тонко отретушированными по всей поверхности орудия, большей частью лавроволистными наконечниками дротиков и стрел (рис. 7), скребками и скребковидными орудиями различных типов (скребки из отщепе, концевые скребки на пластине, массивные скребки высокой формы и т. д., рис. 8), мелкими

¹ Ниже помещена работа Н. П. Гурьяной, специально посвященная керамике Волнесевской стоянки, в виду чего в настоящей статье рисунков керамики не приводится.

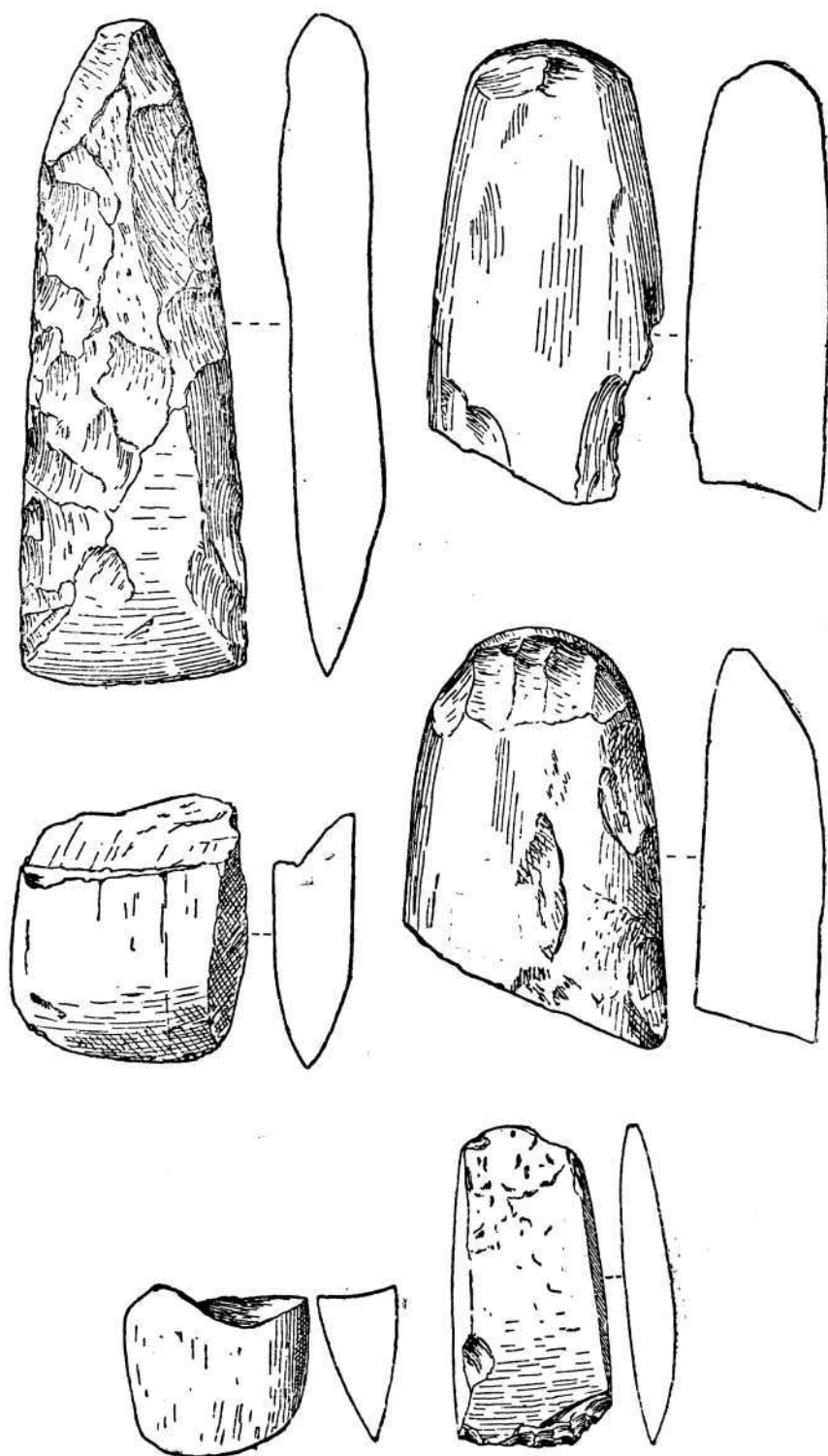

Рис. 6. Сланцевые орудия и их фрагменты из раскопа I.

пластинками с тонкой ретушью (рис. 7), пластинчатыми ножами, орудиями с острыми концами, резцами и т. д. Отмечаем как редкое и интересное явление — тонко оббитое кремневое орудие крючкови-дной формы (рис. 7), может быть рыболов-ный крючок, хотя против этого говорит характер ретуши, заостряющей всю вну-треннюю часть крю-чка.

Кварцевые из-делия из данного раскопа представлены орудиями типа скреб-ков.

Раскоп II. Был заложен у самой воды ниже раскопа I на 225 м. Общая площадь раскопа — 96 кв. м. Стратигра-фия близка к страти-графии раскопа I (рис. 10). Сверху шел слой намывного пес-ка, содержащий вто-рично вымытые куль-турные остатки. Над этим слоем местами выступали задерно-ванные участки (поч-венная прослойка а), а под ним кое-где прослеживалась пере-гнившая щепка. Ниже этих поздних поверх-ностных образований залегал культурный слой с — песчаный суглинок с темнова-той, слегка гумусной окраской, причем интенсивность этой окраски вариировалась в разных участ-ках раскопа. Слой выклинивается по

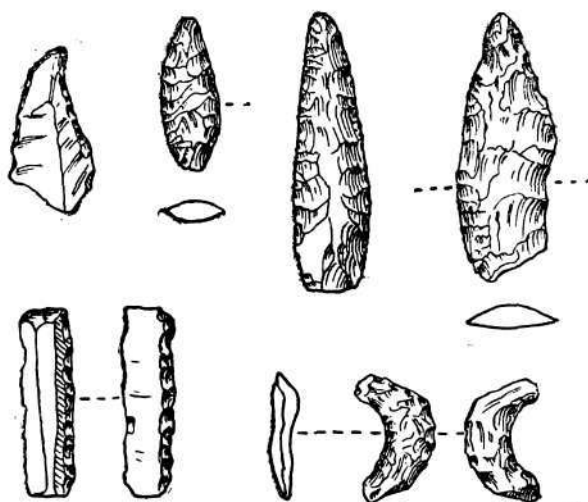

Рис. 7. Кремневые орудия из раскопа I.

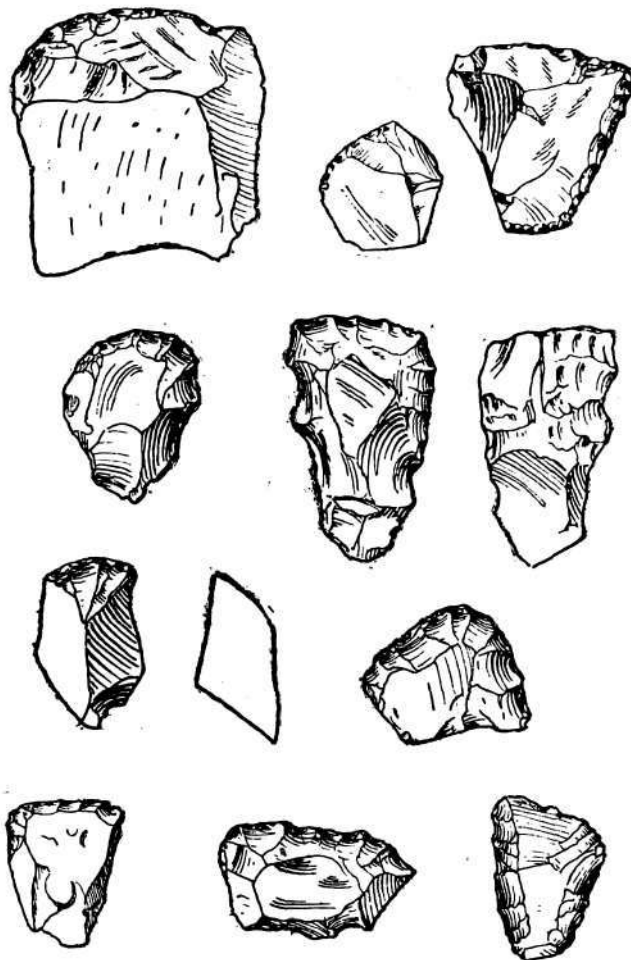

Рис. 8. Кремневые скребки из раскопа I.

направлению к реке. Культурные остатки в нем исчезают на линии седьмого (от воды) ряда квадратов (план-рис. 9). Ниже шел материковый слой (d) серовато-зеленоватого песчаного суглинка. Слой с культурными остатками (с) в отличие от раскопа I включений намывного торфа в себе не содержал. Валуны встречались на всей площади раскопа, но в значительно меньшем количестве, чем в раскопе I. Часто попадались старые ямы, выемки и тому подобные следы относительно недавних сооружений, нарушившие древнюю стратиграфию.

Культурные остатки из раскопа II по своему характеру близки к соответствующим находкам из раскопа I, хотя и имеют некоторые отличия от них.

Керамика раскопа II (найдено 1512 фрагментов) аналогична описанной выше и по орнаментации принадлежит к тому же кругу ямочно-гребенчатой керамики, но содержит наряду с древними образцами некоторое количество обломков, считавшихся относительно более поздними, как, например, текстильная или сетчатая керамика в ее ранней форме, керамика с позднегребенчатым орнаментом. Среди фрагментов керамики раскопа II гораздо больше черепков от небольших сосудов, чем это наблюдалось в раскопе I.

Каменные орудия раскопа II состоят из сланцевых (63 находки), кремневых (174 находки) и кварцевых (14 находок) орудий.

Сланцевые орудия, представленные в раскопе II более ярко, чем в раскопе I, характеризуются (рис. 11) толстообушными топорами, топорами так называемого русско-карельского типа, плоскими топорами подтреугольной формы, долотами прямыми и желобчатыми. Из находок в раскопе II подобран целый ассортимент мелких сланцевых орудий для тонкой обработки дерева: трапециевидные и треугольные мелкие тесла или долота и стамески с прямым и желобчатым лезвием (рис. 12). К группе сланцевых орудий относится орудие типа остроконечного ножа или кинжала (рис. 13). Интересны два обломка шиферных колец (одно с просверленным отверстием, другое плоское), галька — подвеска с просверленным отверстием — брускообразный предмет с желобком для привязывания веревки или ремешка (рис. 14).

Кремневые орудия из раскопа II аналогичны описанным выше орудиям из раскопа I. Среди них имеются тонко отретушированные лаврово-листные наконечники дротиков и стрел (рис. 15), ножи на широких пластинах, многочисленные скребки и скребковидные орудия, мелкие пластинки, резцы, нуклеевидные орудия и т. д. Встречены также куски кварца со следами обработки.

Раскоп III. Был заложен на самой оконечности мыса, образуемого Онежским оз. и Свирью. Общая площадь раскопа всего 28 кв. м (план-рис. 16). Стратиграфия близка к стратиграфии раскопа I (рис. 17). Под наносным песчаным слоем в залегал слой с, под которым шел культурный слой (почти черный песчаный суглинок с высоким содержанием торфа). Его подстилал материковый серовато-зеленоватый суглинок. Валуны встречались по всему раскопу. Границы культурного слоя здесь прослежены не были.

Переходя к перечислению культурных остатков из раскопа III, укажем, что керамика (всего найдено 613 фрагментов), найденная в нем, содержит значительный процент фрагментов раннесетчатой или текстильной керамики, сменяющей, по общепринятым мнениям, ямочно-гребенчатую керамику в позднем неолите. Среди фрагментов с ямочно-гребенчатым орнаментом очень много принадлежащих ко II и III фазам классификации Айдо. В верхнем горизонте культурного слоя были найдены совсем поздние черепки, часть которых относится, по видимому, к IX—X вв. нашей эры, а часть и к гораздо более позднему времени.

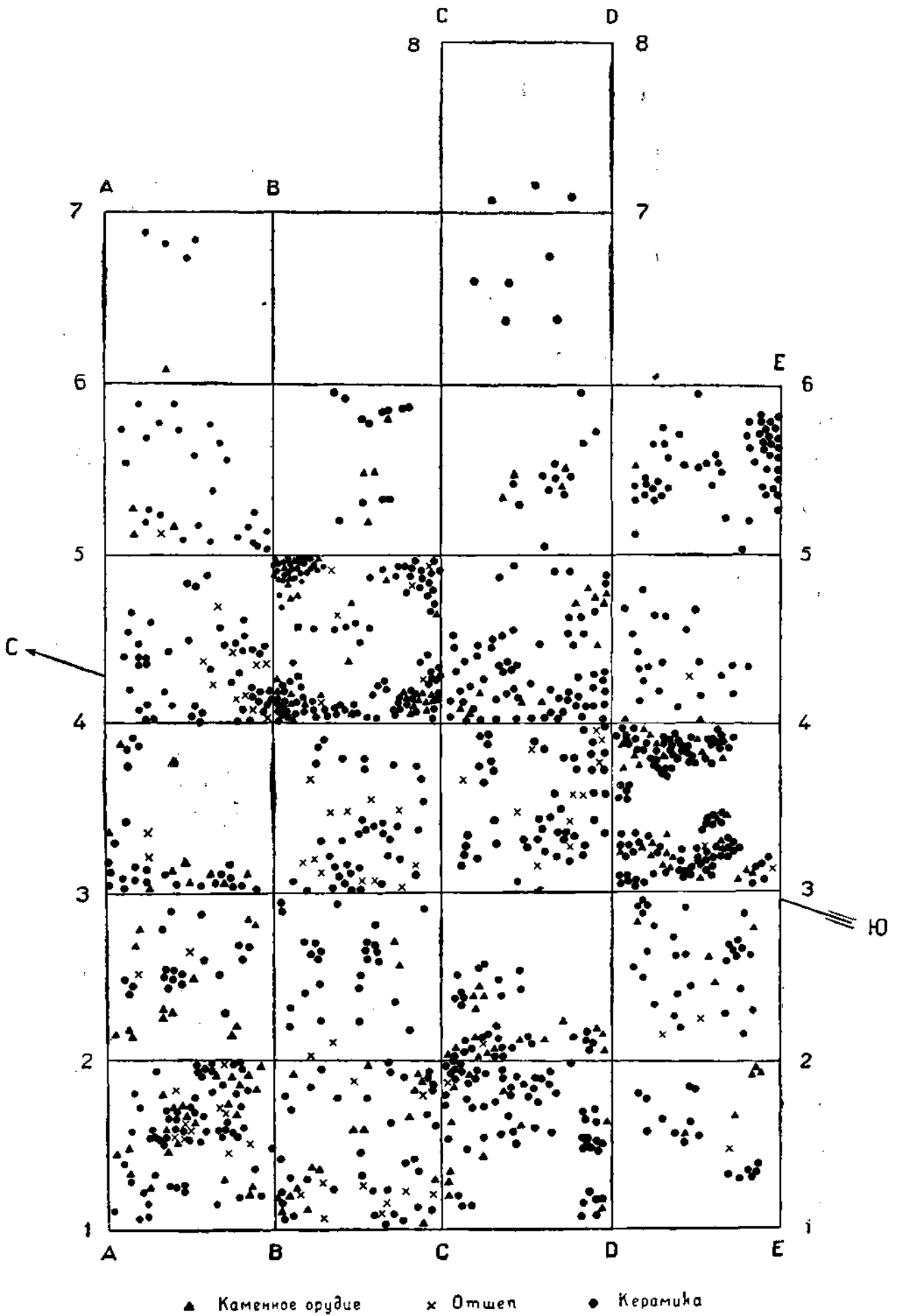

Рис. 9. План раскопа II.

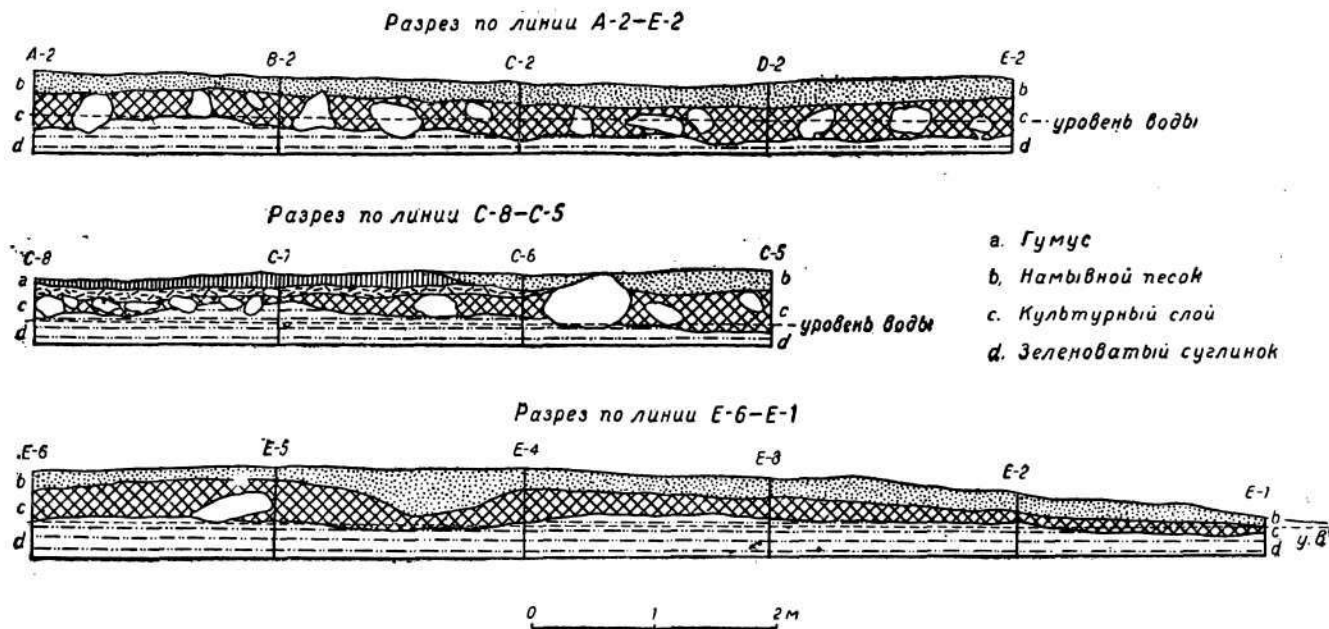

Рис. 10. Разрезы в раскопу II.

Каменные орудия (найдено 11 сланцевых, 17 кремневых и 45 кварцевых орудий) из раскопа III не обнаруживают резких отличий от описанных выше. Среди сланцевых орудий отмечаем широкое, плоское долото с поперечным лезвием, прямоугольное в сечении, обломок, повидимому, ладьевидного топорика с недовысверленной втулкой (орудие, повидимому, сломалось во время сверления) и конической формы гальку с заточенным концом, вероятно чекан для орнаментации сосудов. Кремневые орудия пред-

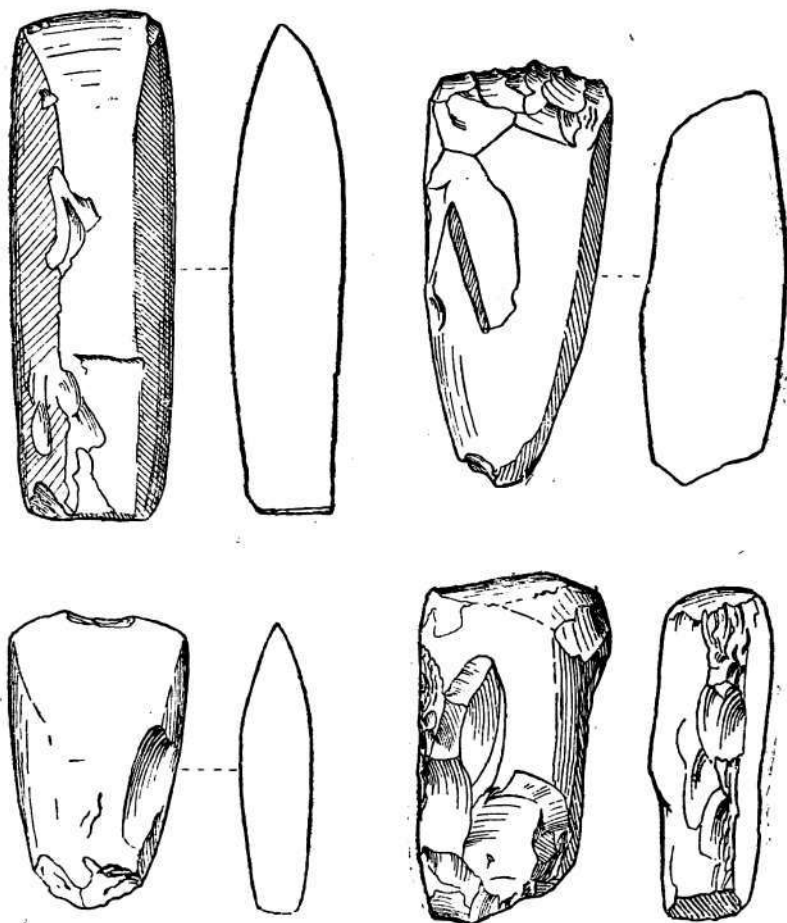

Рис. 11. Сланцевые топоры из раскопа II.

ставлены прекрасно оббитым лавроволистным наконечником стрелки, длинным узким заостренным орудием и орудиями типа скребков. Любопытно относительное обилие найденных кусков кварца со следами обработки.

На описании подъемного материала не останавливаемся, так как особых отличий от материала, добытого раскопками, он не представляет.

Переходя теперь к характеристике исследованного памятника в целом как исторического источника, мы должны выяснить прежде всего его возраст, его хронологическую дату, хотя бы и относительную. Тут, казалось бы, должна была прийти к нам на помощь четвертичная геология с ее тщательно разработанными, точными методами, научная результативность которых

наиболее ярко выражена как раз в детальной разработке послеледниковой истории балтийского бассейна. Мы привыкли высоко ценить геохронологический метод, метод пыльцевого анализа, приемы параллелизации или синхронизации геологических явлений и построенную на их основе схему-шкалу периодов озерно-морских трансгрессий и климатических колебаний пост-гляциальной эпохи. Однако, к сожалению, по вопросу о четвертичной истории Онежского оз. со Свирью и в частности по вопросу о возрасте современного залегания культурных остатков Вознесенского неолитического поселения между геологами единодушия нет, если не сказать более.

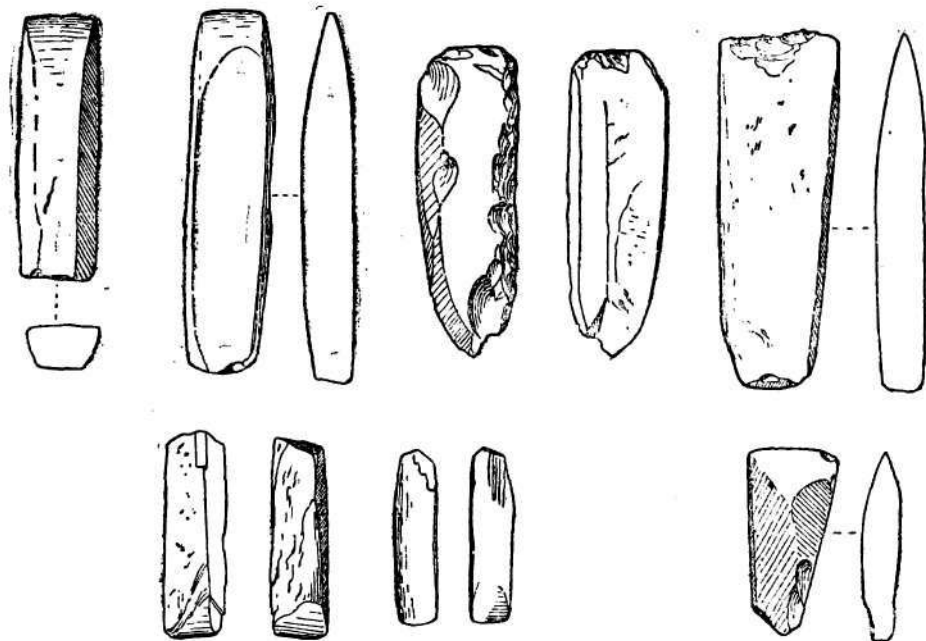

Рис. 12. Сланцевые орудия для обработки дерева из раскопа II.

Культурный слой Вознесенского неолитического местонахождения, как мы видели, во всех трех раскопках перемыт водой. Вопрос заключается в том, когда происходило это перемирование: в глубокой ли древности, в результате древней трансгрессии Онежского оз., как это было, например, с раскопанным Иностранцевым неолитическим поселением на берегу Ладожского оз., остатки которого обнаружены в намывном торфе, отложившемся в период ладожской трансгрессии, — или же Вознесенская стоянка была перемыта в наше время.

Описывая Негежемскую стоянку, относимую к эпохе, предшествующей трансгрессии Ладожского оз., Б. Ф. Земляков пишет: «вполне сходные условия залегания дает и стоянка у с. Вознесенья, культурный слой которой лежит на высоте около 35 м над уровнем моря и перемиывается отложениями онежской трансгрессии по времени, очевидно, синхроничной ладожской».¹ Б. Ф. Земляков констатирует, таким образом, древнюю Онежскую трансгрессию.

Между тем К. К. Марков, С. В. Порецкий и Е. В. Шляпина, специально изучавшие вопрос о колебаниях уровня Ладожского и Онежского

¹ Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка, стр. 101.

озер в послеледниковое время, отрицают древнюю трансгрессию Онежского оз. и считают, что Онежское оз. трансгрессирует лишь в настоящее время. «Ладожское озеро у южного берега достигало максимума трансгрессии в суббореальное время, Онежское в настоящее время»¹ — пишут указанные авторы.

Их точка зрения на геологию Вознесенского

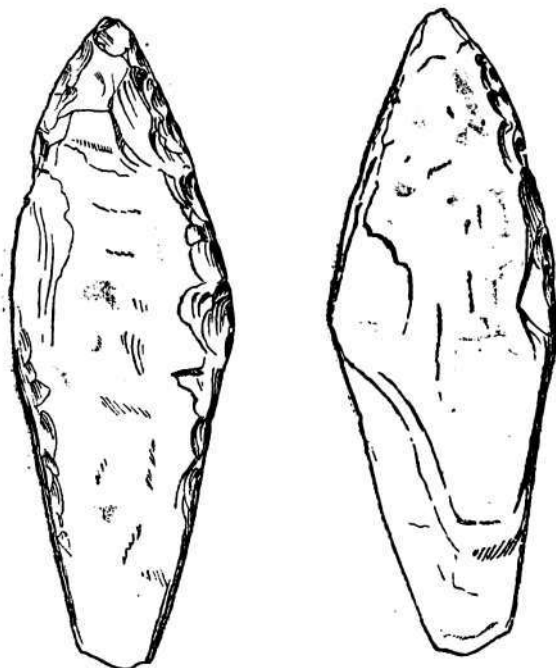

Рис. 13. Сланцевый кивжал из раскопа II.

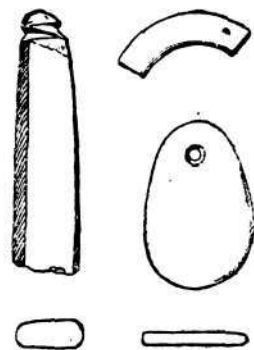

Рис. 14. Предметы из сланца раскопа II.

неолитического местонахождения изложена в следующих отрывках:

«Вознесенская стоянка. В потоке р. Свири, по правому ее берегу, по пути от Вознесенья на Куликов маяк, обломки керамики неолитического человека начинают попадаться еще у верхних (по течению) домов с. Вознесенья и дальше исчезают, не доходя до мыса, предшествующего мысу маяка Куликова. Черепки разбросаны по самой поверхности современного берегового вала на высоте не более одного метра над озером. Невысокий береговой вал слегка возвышается над всем побережьем, так как дальше от берега, т. е. за ним, лежит болотце. Вал сложен крупным песком с галькой, ниже частью илистым песком, тоже с галькой, и отдельными черепками. Черепки находятся в сфере достигаемости волн Онежского

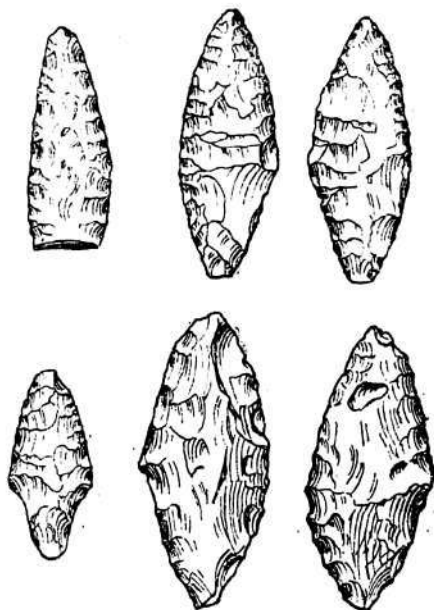

Рис. 15. Кремневые наконечники из раскопа II.

¹ К. К. Марков, В. С. Порецкий и Е. В. Шляпина. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время, стр. 112.

озера: даже при ничтожном волнении они намываются и переотлагаются и в настоящее время.

«Залегание остатков неолитической керамики на и внутри современного берегового вала Онежского озера уничтожает возможность обоснования на них факта последнедевической („очевидно синхроничной Ладожской“) трансгрессии Онежского озера.

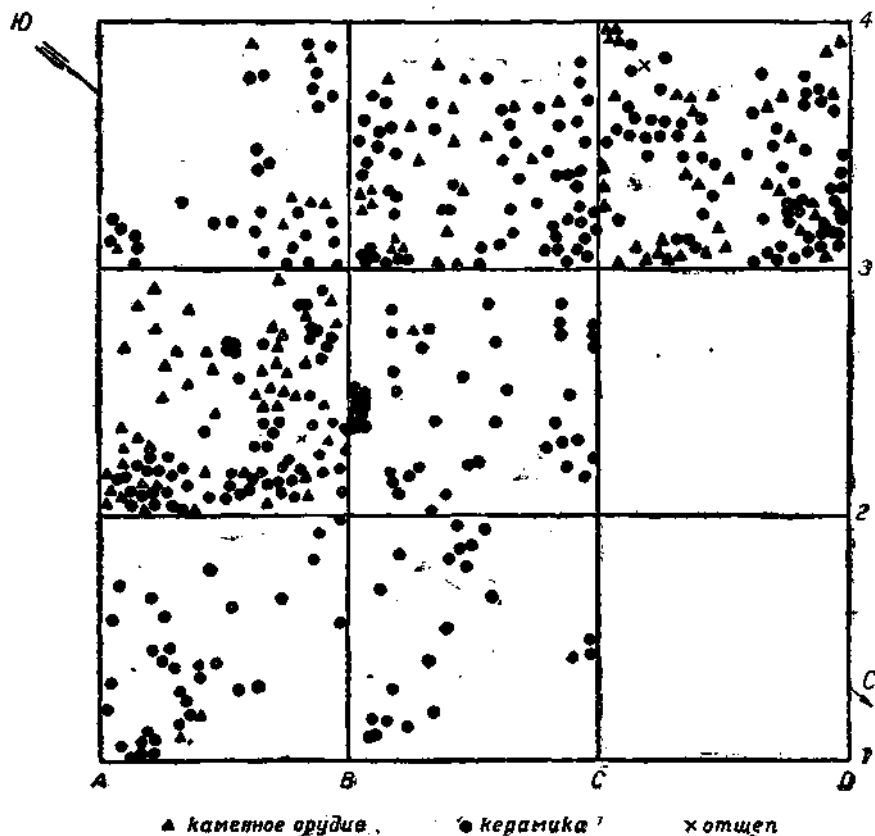

Рис. 16. План раскопа III.

«Прежде всего, указанные находки лежат не *in situ*. Они намываются в настоящее время и, следовательно (так как в толще вала культурного слоя нет, а за валом лежит нетронутый прибором торфяник), из-под современного уровня Онежского озера (его прибрежной части). Логически возможным является только это предположение, хотя местонахождение культурного слоя неизвестно и вряд ли он сможет быть обнаружен впоследствии. Нужно думать, что в период образования культурного слоя уровень Онежского озера в истоке Свири был ниже, чем в настоящее время, по Б. Ф. Землякову в I фазу развития гребенчатой керамики — за 2500—2700 лет до н. э., во время существования ладожских стоянок Иностранцева, в первой половине суббореального периода.

«После суббореальной стадии более низкого уровня Онежского озера оно трансгрессировало, точно так же, как и Ладожское озеро. При этом исходный уровень Ладожского озера (до начала последнедевической трансгрессии) был ниже современного. То же соотношение уровней имело место

у Вознесенья для Онежского озера, где, повидимому, культурный слой, лежавший тогда над водой, сейчас затоплен.

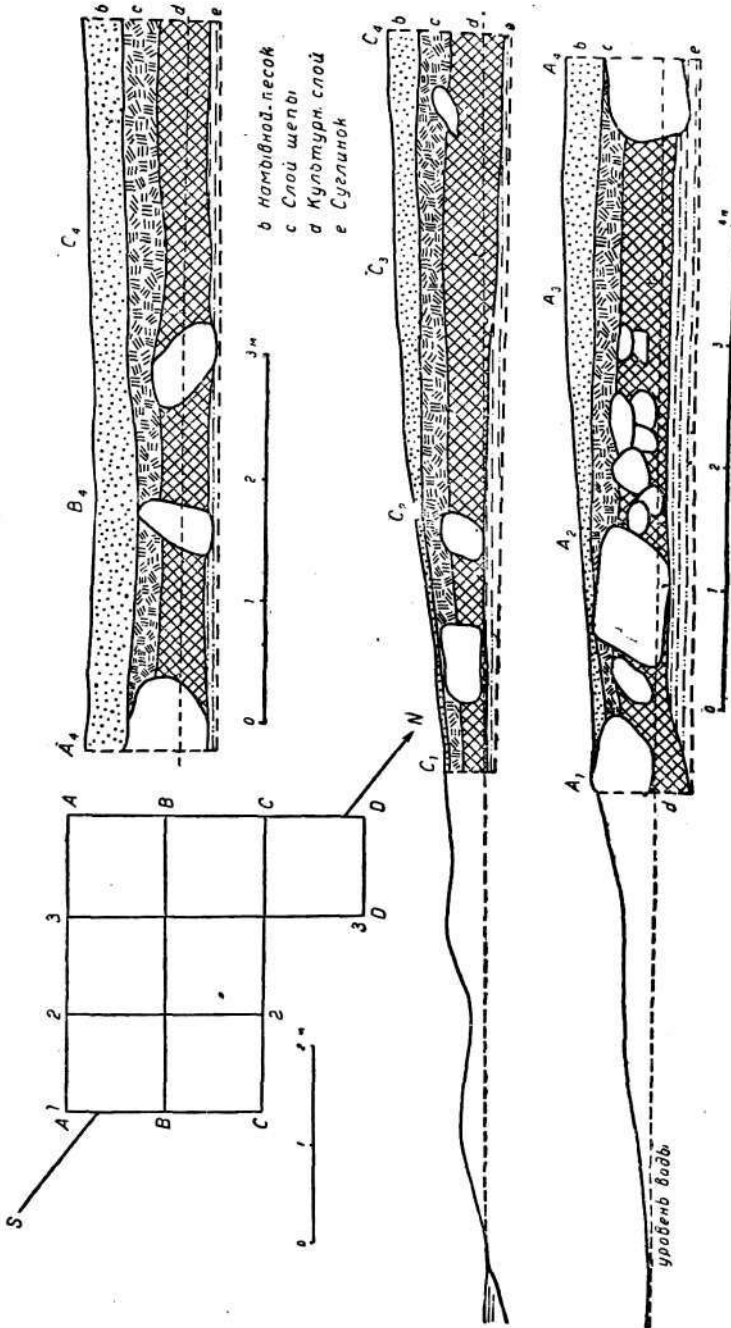

Рис. 17. Разрезы к раскопу III.

«Залегание культурного слоя Вознесенской стоянки и древесных пней под Онежским уровнем является последним важным штрихом: уровень Онежского озера (у южного берега) повышался после первой половины суббореального периода и продолжает повышаться в настоящее время.

Стратиграфия торфяников указывает нам, что уровень озера в течение всего послеледникового времени был ниже современного. Следовательно, затопление Вознесенской стоянки было вызвано трансгрессией Онежского озера, продолжающейся и в настоящее время.

«Итак, все, что известно о послеледниковом изменении уровня Онежского озера у южного его берега, укладывается в следующую схему:

«После стадии высокого уровня ледникового озера (позднеледниковое время) уровень опустился и в течение всего послеледникового времени у южного берега был ниже, чем в настоящее время.

«Момент кульминации регрессии неизвестен; послеледниковая трансгрессия продолжается и в настоящее время».¹

Нам трудно было бы пытаться разрешить этот спор известных специалистов по четвертичной геологии, но отметить фактические несоответствия описательных данных обеих спорящих сторон с данными наших собственных наблюдений мы считаем своей обязанностью. В. Ф. Земляков говорит об отложениях Онежской трансгрессии, которыми по его наблюдениям перекрывается культурный слой Вознесенской стоянки. Однако, по крайней мере на участках, вскрытых нашей экспедицией, культурный слой Вознесенского поселения перекрывается не отложениями древней трансгрессии, а бесспорно современными отложениями до неперегнившей щепы и намывного песка включительно (см. разрезы на рис. 8, 13 и 17). Точно так же нами не может быть принято утверждение К. К. Маркова, В. С. Порецкого и Е. В. Шляпиной, что в толще той прибрежной полосы истока Свири будто бы культурного слоя нет и что культурные остатки здесь намывты в настоящее время. Культурный слой и даже с намывным торфом здесь нами бесспорно констатирован, при этом мощностью до 0.30—0.40 м. Культурные остатки, в частности черепки глиняной посуды, обнаруженные в этом слое, как правило, вовсе не обкатаны или обкатаны очень слабо, чем они резко отличаются от подобных им остатков, находящихся в вышележащем слое намывного песка. Это свидетельствует о древности культурного слоя нашего местонахождения.² Таким образом вопреки К. К. Маркову мы можем все же настаивать на двукратном перемывании остатков Вознесенского поселения: первичном — в древности (результат — перемытый культурный слой) и вторичном — в настоящее время (результат — культурные остатки на поверхности, в намывном песке и на дне реки). Это подтверждает мнение В. Ф. Землякова о древней трансгрессии Онежского оз., хотя время этой трансгрессии, судя по характеру находок (не забудем о присутствии среди них текстильной керамики), следовало бы, быть может, отодвинуть вперед от суббореального к субатлантическому периоду или, быть может, к переходному между этими периодами времени.

Если прямые геологические данные пока что не дают таким образом вполне твердой опоры для хронологических заключений о нашем памятнике, то косвенные данные и культурно-исторические сопоставления больше помогут нам в этом отношении. Вознесенское неолитическое поселение закономерно входит в ряд неолитических памятников лесной полосы Восточной Европы, включая сюда и Финляндию. В нем представлены, повидимому хронологически, различные комплексы неолитической эпохи, начиная от более ранних с древними формами ямочно-ребенчатой керамики и кончая поздними с текстильной керамикой. Ранний комплекс, ярче и чаще всего выраженный в раскопе I, весьма близок к комплексу Ладужской стоянки,

¹ К. Марков, В. С. Порецкий и Е. В. Шляпина, ук. соч., стр. 101 и 111.

² Для определения возраста отложения этого слоя будут иметь важное значение результаты анализа образцов пыльцы, взятых из наших раскопок.

раскопанной Иностранцевым,¹ стоянки у Негежмы, раскопанной Б. Ф. Земляковым, стоянки в Коломцах, раскопанной Передольским,² к стоянкам территории Карелии (неопубликованные материалы Петрозаводского музея) и к финляндским стоянкам типа Вустоярви,³ Каукола и др. В определении возраста этих памятников мы можем вовсе не опираться на схему Айлио или тем более Монтелиуса, как это делает большинство современных авторов. Стоянка, раскопанная Иностранцевым, хорошо датируется временем тщательно в настоящее время изученной Ладожской трансгрессии, относящейся к суббореальному периоду, продолжавшемуся по абсолютной хронологии, согласно современным данным шведских и финляндских ученых, с середины третьего до середины первого тысячелетия до н. э.⁴ Стоянка Иностранцева относится ко времени не позднее начала этой трансгрессии, следовательно она относится к третьему тысячелетию до н. э., ко второй его половине, если геологические процессы выражены в терминах абсолютной хронологии правильно. Абсолютное сходство керамики и орудий древнейшего комплекса Вознесенского поселения с находками Ладожской стоянки с необходимостью заставляет относить его к этому же времени. Комплекс с ранней текстильной керамикой, представленный в наших раскопах II и III как наиболее поздний в неолите лесной полосы Восточной Европы,⁵ следует отнести ко времени не ранее начала первого тысячелетия до н. э. Но, разумеется, этим определяются только некоторые хронологические моменты в жизни древнего поселения в истоке р. Свири. Вспомним, что в раскопе III была найдена совсем поздняя керамика, в частности, повидимому, характерная для начала курганной эпохи в этих местах.

Культурные остатки в истоке Свири встречаются в береговой полосе на протяжении около километра. Это не значит, что давняя полоса по всей ее длине была занята одним непрерывным поселением, существовавшим в течение всего неолита. Хронологические различия между, например, раскопом I и раскопом III показывают, что скорее, может быть, здесь был ряд отдельных поселений, возникавших в разное время и в разных местах.

Значительные удобства местности для рыбной ловли — этой важнейшей, наряду с охотой, отрасли производства патриархального родового общества лесной полосы Восточной Европы — обуславливали ее заселенность в эпоху неолита. Здесь в это время существовали прочно-оседлые небольшие поселки рыболовов-охотников. К сожалению, о распланировке этих поселений, об устройстве их жилищ и очагов непосредственно мы не можем сделать заключения, так как вода, перемывшая здесь культурные отложения в их первоначальном залегании, уничтожила следы самих жилищ, выровняла рельеф, унесла уголь с золой, а также костные остатки и т. д.

Богатый состав находок из Вознесенского поселения значительно расширяет круг источников изучения истории родового общества эпохи неолита на северо-западе СССР и заслуживает полной обстоятельной публикации.

¹ А. Иностранцев. Доисторический человек на побережье Ладожского озера. СПб., 1882.

² В. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья. СПб., 1893; А. А. Иностранцев. Отчет о поездке в Коломцы. Изв. Археол. ком., 1905, № 17.

³ J. Ailio. Der steinzeitliche Wohnplatzfund in t. Uland, 1909.

⁴ К. К. Марков. История северо-западной части Ленинградской области в поздние последлениковое время. Бюлл. Информ. бюро Ассоц. для изуч. четверт. отлож. Европы, № 3—4, 1932.

⁵ В. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики Этнография, 1929, № 1.

V. RAUDONIKAS

LES TRAVAUX ARCHÉOLOGIQUES DE 1934 SUR LE SVIR

RÉSUMÉ

L'expédition de l'Académie d'Histoire de la Culture Matérielle sous la direction de l'auteur a exploré en 1934 la région longeant la rivière Svir de Podporojé jusqu'au lac Onéga, y compris la rive orientale de ce dernier dans la région de Bessov-Nos. On y a découvert près des villages Plotična et Vyazostrov des stations néolithiques. Des fouilles ont été faites à la station de Voznessenié, située sur la rive droite du Svir, non loin de sa source. L'auteur expose les résultats essentiels de ces travaux et publie quelques trouvailles faites pendant ces fouilles. La couche archéologique de la station a été remaniée par la transgression ancienne d'Onéga. Les objets trouvés à la station sont en grande partie synchroniques de ceux des stations de Negézma et de Ladozskaja. La station de Voznessenié en sa partie la plus ancienne appartient aux monuments primaires de l'époque néolithique du nord-ouest de l'URSS, à céramique «à fossettes et au peigne».

В. Ф. ЗЕМЛЯКОВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ У СЕЛА ВОЗНЕСЕНЫЕ НА РЕКЕ СВИРИ

Вознесенская неолитическая стоянка расположена на правом берегу воронки р. Свири, у самого истока последней из Онежского оз. Многочисленные черепки неолитической керамики прослеживаются на значительном протяжении берега р. Свири и прилегающих частей Онежского оз., у самого уреза воды и на поверхности вала, свидетельствуя о широком распространении культурного слоя и о размыве последнего в прибрежной зоне.

Первая краткая геологическая характеристика площади стоянки была дана автором после двукратного посещения ее в 1925 и 1927 гг. и опубликована в 1928 г.¹ В указанной заметке приводилось сопоставление Вознесенской стоянки с Нежежемской, в нижнем течении р. Свири,² и разбирался геологический профиль этого пункта на основании первых заложённых здесь шурфов.

При этом была отмечена следующая последовательность напластований:

- от 0 до 0,18—0,20 м. Растительный слой и щепа.
- от 0,18 до 0,20—0,45 м. Намывной среднезернистый песок.
- от 0,20 до 0,50—0,60 м. Линцы намывного торфа.
- от 0,50 до 0,70 м. Гумусированный суглинок с валунами (культурный слой).
- от 0,70 м и ниже. Валунный глинистый песок (морена).

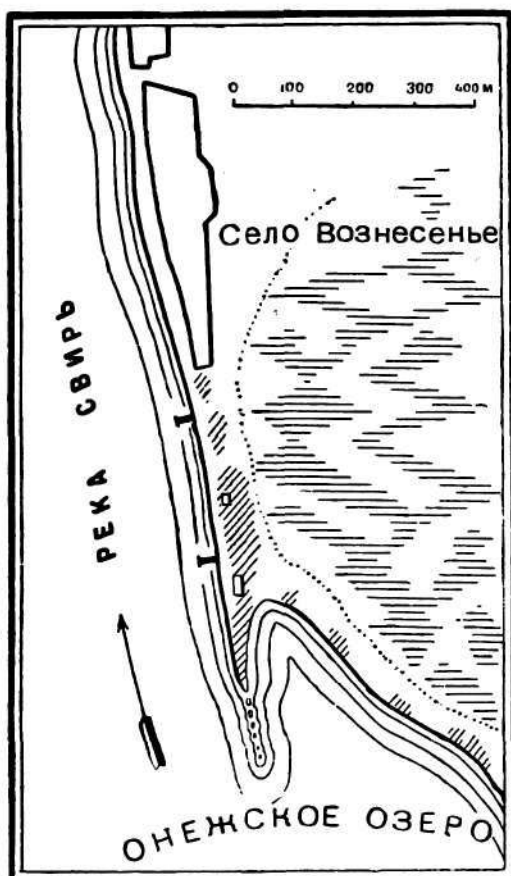

Рис. 1. Схематический план расположения Вознесенской стоянки. Область распространения культурного слоя заштрихована.

¹ В. Земляков. Доисторический человек Сев. зап. области в связи с ее геологией в последнединовое время. Доклады Акад. Наук СССР, 1928.

² В. Земляков. Нежежемская неолитическая стоянка. Труды Комиссии по изуч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, Лгр., 1932, вып. II.

Намывной торф залегает в виде небольших, часто выклинивающихся линз, причем граница между последним и гумусированным суглинком культурного слоя выражена очень неясно и потому может быть проведена лишь условно. Местами намывной озерный песок налегает непосредственно на культурный слой.

На основании изучения указанных разрезов было отмечено, что в основных чертах мы имеем здесь повторение разреза Негежемской стоянки, с тем лишь различием, что пески, прикрывающие культурный слой, принадлежат отложениям не Ладожской, а Онежской трансгрессии, «по времени, очевидно, синхроничной Ладожской».¹

Основанием для высказанного предположения послужила близость собранного на описываемых стоянках материала и аналогичные условия залегания, свидетельствующие о значительном размыве стоянок озерными водами, и, наконец, перекрытие культурного слоя песчаными отложениями с линзами намывного торфа. Все эти наблюдения послужили основанием для предположения, что приблизительно одновременно с трансгрессией Ладожского оз. на южном берегу Онежского оз. также происходила трансгрессия, оставившая свои следы в виде размыва и перекрытия песками культурного слоя неолитической стоянки у Вознесенья.

Высказанные положения встретили резкую критику в статье К. Маркова, В. Порецкого и Е. Шляпина, опубликованной в 1934 г.² Основанием для критики послужили следующие соображения:

1) Неолитические черепки Вознесенской стоянки залегают на поверхности берегового вала до высоты 1.0 м над озером и находятся в сфере действия волн.

2) Залегание черепков неолитической керамики внутри современного берегового вала уничтожает возможность обоснования на них послеледниковой (очевидно, синхроничной ладожской) трансгрессии Онежского озера.

3) Находки неолитической стоянки в Вознесенье лежат не *in situ*, откуда делается вывод, что культурный слой указанной стоянки не известен и вряд ли он сможет быть обнаружен впоследствии.

4) Стратиграфия торфяников, окаймляющих южное побережье Онежского озера, указывает нам, что уровень озера в течение всего послеледникового времени был ниже современного».

В итоге, на основании приведенных соображений указанными авторами была дана следующая схема соотношений колебаний уровня Ладожского и Онежского озер на протяжении послеледникового времени:

Периоды	Ладожское озеро	Онежское озеро
Субатлантический	Регрессия	Трансгрессия
Суббореальный	Трансгрессия	Трансгрессия
Атлантический	Уровень не выше современного	Уровень ниже современного

Основным выводом разбираемой работы явилось утверждение, высказанное в весьма категорической форме, что «Ладожское озеро у своего южного берега достигло максимума трансгрессии в суббореальное время, Онежское же — в настоящее время. Никаких иных послеледниковых

¹ Б. Земляков. Доисторический человек Сев.-зап. области etc.

² К. Марков, В. Порецкий и Е. Шляпина. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время. Труды Комиссии по изуч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, т. IV, вып. I, Лгр., 1934.

трангрессий, кроме современной, Онежское озеро не испытывало»,¹ а потому приведенный выше разрез Вознесенской стоянки и толкование его являются ошибочными.

Однако дальнейшие исследования Вознесенской стоянки, предпринятые В. И. Равдоникасом по поручению Института истории доклассового общества ГАИМК, и изучение геологии и геоморфологии южного Прионежья, произведенные автором, совместно с И. М. Покровской, по поручению Советской секции INQUA и ЦНИГРИ, не подтвердили выводов Маркова, Порецкого и Шляпиной. Эти исследования показали, что: 1) Вознесенская стоянка имеет отчетливо сохранившийся на громадной площади культурный слой, прикрытый слоем песка с включениями в основании последнего линз намывного торфа (рис. 2). 2) Культурный слой Вознесенской стоянки, отличающийся однородной и притом сравнительно малой мощностью, носит все признаки размывания с поверхности. Подтверждением сказанного является полное отсутствие очажных скоплений и рассеянность черепков, несомненно принадлежащих одному

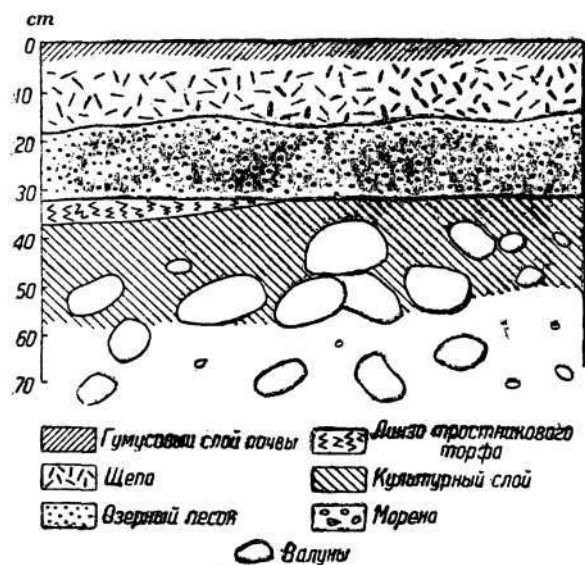

Рис. 2. Схематический разрез Вознесенской стоянки.

сосуду на громадной площади, а также наличие следов некоторого, хотя и весьма слабого, окатывания находок. 3) Послойное микропалеоботаническое изучение разреза Вознесенской стоянки, произведенное Е. Смирновой и И. Покровской, дает основание для отнесения культурного слоя и нижних горизонтов прикрывающих песков с линзами намывного торфа к суббореальному периоду, доказательством чего могут служить приводимые ниже пыльцевые спектры (рис. 3).

Сопоставляя все приведенные данные, основанные на тщательном изучении всего комплекса

материалов Вознесенской неолитической стоянки, мы имеем основания утверждать, что заключения Маркова, Порецкого и Шляпиной в части, касающейся территории стоянки, не подтверждаются новым фактическим материалом. Если бы указанные авторы не ограничились своими наблюдений только поверхностным осмотром места стоянки, а взяли на себя труд заложить хотя бы небольшой шурф, то все их возражения об отсутствии культурного слоя и залегании находок только на поверхности берегового вала или окружающего пляжа и т. п. отпали бы сами собой.

¹ К. Марков, В. Порецкий и Е. Шляпина, ук. соч.

1.50—1.75 м отмечается примесь песка, на которую указанные авторы, к сожалению, не обратили должного внимания.

Бурение на торфянике в районе Муромского оз. не обнаружило прослоек трансгрессивно залегающих песков или глин, равно как их не отмечали и в торфяниках более северных районов Онежского побережья.

Сопоставляя все изложенные выше наблюдения, можно с полной уверенностью утверждать, что в развитии торфяников южного Прионежья наблюдается совершенно отчетливый перерыв в накоплении торфа, отмеченный пластом песков или глин, возникновение которых можно объяснить лишь древней трансгрессией Онежского оз. последнего ледникового времени.

Таким образом последнее утверждение Маркова, Порецкого и Шляпиной о том, что «никаких иных трансгрессий, кроме современной, Онежское озеро на протяжении последнего ледникового времени не испытывало», оказывается столь же несостоятельным, как и вышеприведенные данные о стратиграфии Вознесенской стоянки.

К какому же времени относится древняя трансгрессия в районе южного Прионежья? Ответ на этот вопрос нам дают пыльцевые спектры, составленные И. М. Покровской для всех вышеперечисленных разрезов (см. табл. 1).

Прежде всего необходимо отметить, несмотря на некоторое различие деталей, сходные черты в общем ходе кривых на отдельных диаграммах. По общему характеру они довольно близко подходят к пыльцевым спектрам торфяников Приневской низины и в то же время существенно отличаются от соответствующих диаграмм торфяников центральной Карелии.

В приводимых диаграммах можно отчетливо выделить верхний горизонт, отвечающий подъему кривой сосны и падению кривой ели (I). Ниже мы имеем горизонт с максимумом ели (II), под которым залегают третий горизонт, характеризующийся максимумом ольхи и широколиственных пород (III). В основании некоторых разрезов отмечается горизонт чередующихся максимумов сосны и березы с примесью ели и ивы (IV).

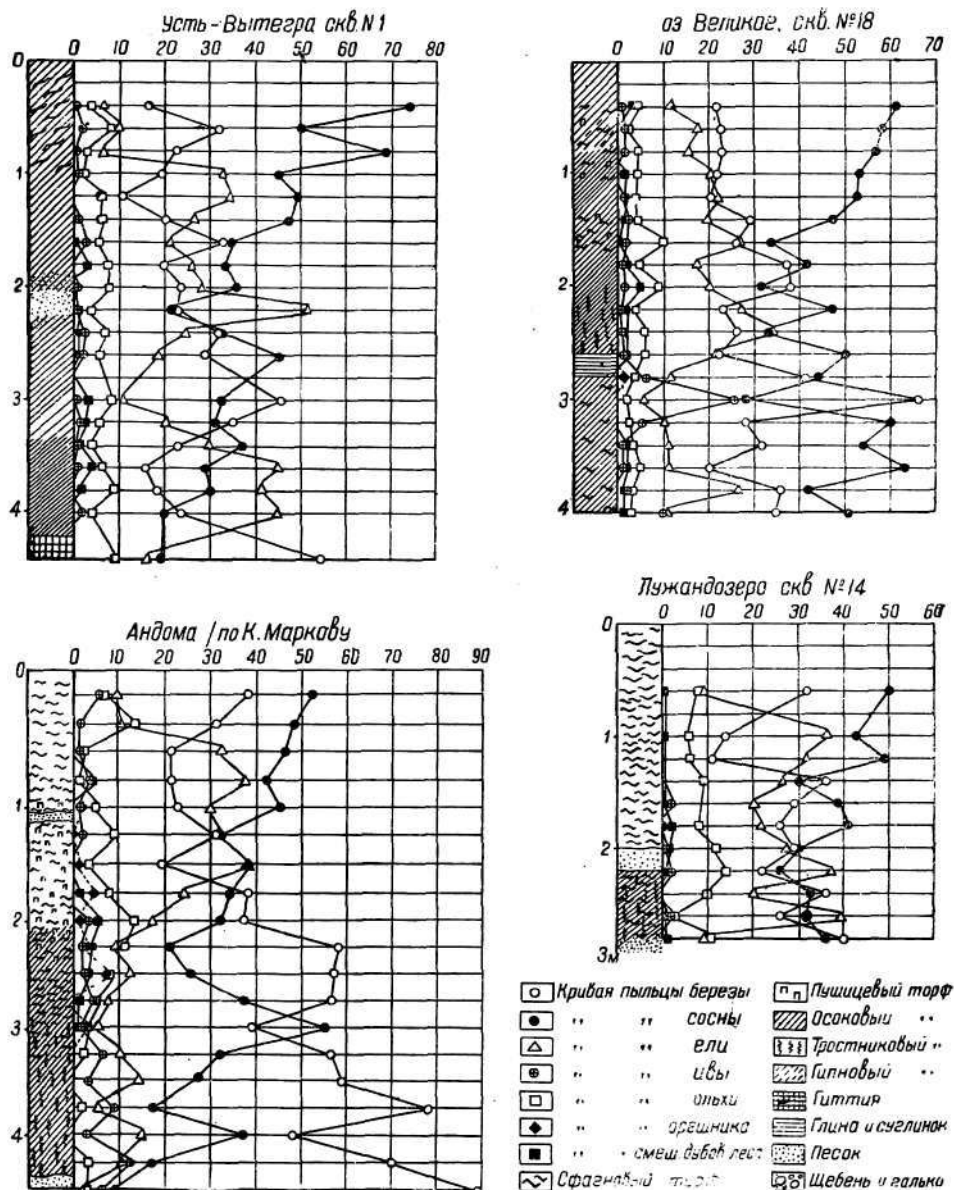
При сопоставлении приведенных диаграмм с пыльцевыми спектрами Приневской низины, горизонт I может быть сопоставлен с субатлантическим периодом, горизонт II отвечает суббореальному, а горизонт III — атлантическому периоду Бланта-Сернандера. Более точная датировка горизонта IV, отвечающего нижним — доатлантическим — слоям некоторых торфяников описываемой полосы, не имеет существенного значения для разбираемого вопроса. Если мы теперь, пользуясь приведенной схемой, подойдем к датировке интересующих нас пропластков песков и глин, расчленяющих толщу торфяников южного Прионежья, то окажется, что она близко совпадает с максимумом ели (горизонт II) и подстилается горизонтом с максимумом ольхи и широколиственных пород (III). Отсюда естественно заключить, что время древней послеледниковой трансгрессии на южном берегу Онежского оз. отвечает суббореальному периоду.

Таким образом трансгрессия, оставившая следы в торфяниках южного Прионежья, и трансгрессия, размывшая Вознесенскую стоянку, вполне синхроничны и отвечают суббореальному периоду.

Поскольку следы суббореальной трансгрессии вполне определенно устанавливаются лишь в южной и юго-восточной частях Онежского оз., сходя на-нет в северном направлении, можно с полным основанием предполагать, что они обязаны неравномерному эпейрогенческому поднятию

берегов Онежского оз., в результате которого имел место сток вод с NNW на SSO, сказавшийся на осушении северных и подтоплении южных берегов Онежского оз.

Таблица 1

Пыльцевые спектры торфяников южного Прионежья.

Возникновению стока вод через депрессию р. Свири, по всей вероятности образовавшейся лишь в это время, привело к понижению трансгредирующих вод до отметки порога стока р. Свири.

Однако на этом колебания уровня Онежского оз. еще не закончились. Поскольку этот огромный бассейн лежит в районе продолжающегося до наших дней эпейрогенического поднятия, мы вправе ожидать наличия

слива вод из области, испытывающей более энергичное вековое поднятие, в места, поднимающиеся медленнее или совершенно не поднимающиеся.

Расположение порога стока на Онежском оз. относительно линии поднятия дает возможность ожидать следов современной трансгрессии этого бассейна на южном и юго-восточном берегах. В 1931 г. Г. Верещагин опубликовал работу, в которой он сделал попытку разрешить поставленный вопрос о современной трансгрессии Онеги путем анализа многолетних футшточных наблюдений водомерных постов Онежского оз. за период с 1885 по 1929 г.¹ Результаты вычислений Г. Верещагина были в значительной степени поколеблены Е. Бергом,² доказавшим смещение значительного числа водомерных футштоков Онежского оз., на которых базировался в своих построениях Г. Верещагин.

Рис. 4. Общий вид Онежского озера в районе Вознесенской стоянки. В береговой полосе видны пни погребенного леса, вымытые из берегового обрыва.

В 1934 г. автором была сделана попытка разрешения поставленной задачи на основании изучения морфологии берегов Онежского оз.³ Собранный материал позволил установить несомненные следы современной трансгрессии Онежского оз. на протяжении южного и юго-восточного берегов. Основания для приведенного заключения сводятся к следующему:

1. На всем пространстве юго-восточного и южного берегов озера наблюдается очень интенсивный подмыв берегов.

2. Почти на всем протяжении береговой полосы озера от Усть-Шалы и до Вознесенья располагается полоса современных дюн, подвергающихся сильному размыву, в то время как другие части берегов Онеги почти лишены современных дюн. Это обстоятельство приобретает особенный интерес, если мы вспомним, что более 90% современных дюн располагается на опускающихся берегах.

¹ Г. Ю. Верещагин. К вопросу о неравномерности поднятия берегов Онежского озера. Труды Олон. научн. эксп., ч. III, вып. 2, ГГИ, Лгр., 1931.

² Е. В. Берг. Уровенный режим Онежского озера. Исследование озер СССР, под ред. А. Бенинг, вып. 5, ГГИ, Лгр., 1933.

³ Б. Земляков. О современной трансгрессии Онежского озера. Мат. по поднятию производительности с.-х. земель посредством мелиорации. Изд. Сев. Научно-исследов. Инст. гидротехники и мелиорации, Лгр., 1937; Б. Земляков. Четвертичная геология Карелии. Труды Секции производит. сил КНИИ, Петрозаводск, 1936.

К сказанному следует добавить, что развитие дюн здесь наблюдается к тому же на берегах, менее всего подверженных действию преобладающих ветров.

3. В ряде пунктов южного и юго-восточного берегов обнаружены следы погребенного в береговом песке или затопленного леса.

4. В ряде пунктов южного и юго-восточного берегов обнаружены погребенные и затопленные озером автохтонные торфяники субатлантического возраста.

5. В ряде пунктов южного и юго-восточного берегов обнаружены следы затопленных террас и эстуариев у впадающих здесь рек.

6. Установлено, что многочисленные озера, окаймляющие Онежское оз. с юго-востока и юга, являются вторичными образованиями, имеют сложенное торфом дно и обнаруживают тенденцию к расширению.

Основываясь на всех приведенных наблюдениях, можно утверждать, что Онежское оз. испытывает современную трансгрессию на протяжении берега между Усть-Шалой и Щелейками.

Сводя воедино все полученные нами материалы по колебаниям уровня Онежского оз. в последлениковое время и сопоставляя их с колебаниями уровня Ладоги, мы можем утверждать, что геологическое развитие этих озер-близнецов на протяжении последленикового времени имело очень сходные черты.

Периоды	Ладожское озеро	Онежское озеро
Субатлантический	?	Трансгрессия Регрессия
Суббореальный	Трансгрессия	Трансгрессия
Атлантический	Уровень у южных берегов ниже современного	Уровень у южных берегов ниже современного

Если мы теперь, в свете полученных данных, постараемся восстановить последовательный ход геологических событий на месте Вознесенской стоянки, то получим следующую картину.

В начале суббореального периода, когда человек впервые появился в районе южного Прионезья и обосновался в районе современного с. Вознесенье, уровень воды в Онежском оз. стоял несколько ниже современного. Об этом свидетельствует абсолютная отметка культурного слоя, не превышающая 33.0—33.5 м над ур. м., близкая к отметке современного уровня Онеги. Реки Свири еще не существовало, а через район Вознесенья протекала р. Ивина, впадавшая в Онежское оз. При последующей трансгрессии площадь стоянки была залита водой, причем культурный слой подвергся некоторому переувлажнению и был затем перекрыт линзами намывного торфа и сплошным слоем песка. До каких отметок поднималась при этом вода в районе стоянки, сказать трудно; однако геоморфологические наблюдения дают некоторые основания считать, что они едва ли превышали 38—42 м над ур. м. Благодаря спуску вод через депрессию возникшей в это время р. Свири, а также разработке речной долины, уровень озера опустился до современного (33 м над ур. м.). К началу суб-

атлантического времени уровень озера в районе стоянки едва ли существенно отличался от того, что мы наблюдаем в настоящее время; однако современная трансгрессия Онеги, еще сказывающаяся, хотя и слабо, в районе Вознесенья, а также эрозия р. Свири привели к некоторому размыванию краевых частей стоянки и переотложению находок в верхних горизонтах песка прибрежной зоны, как на внешней, так и на внутренней сторонах берегового вала. При таком толковании нам становятся понятными случаи совместного нахождения древней ямочно-гребенчатой керамики, вымытой из культурного слоя, с поздней сетчатой керамикой в верхних горизонтах прикрывающего стоянку озерного песка.

B. ZEMĹAKOV

LES CONDITIONS GÉOLOGIQUES DE LA STATION NÉOLITHIQUE PRÈS DU VILLAGE DE VOZNESSÉNIÉ SUR LE SVIR

RÉSUMÉ

L'auteur étudie en détail les conditions géologiques de la station néolithique de Voznessénié, située sur la rive basse du lac Onéga, à la sortie du Svir, station dont l'étude archéologique a été faite par V. Raudonikas.

La coupe géologique de la station montre l'ordre de succession suivant des dépôts: de 0 m. à 0.18 m. — terre végétale; de 0.18 à 0.30 m. — sable lacustre; de 0.30 à 0.50 m. — lentilles de tourbe de roseaux alluvionnaire; de 0.50 à 0.70 m. — limon foncé à humus avec cailloux (couche archéologique); au-dessous de 0.70 m. — sable argileux caillouteux (moraine).

La nature de la couche archéologique et la distribution en elle des restes de culture matérielle accusent un remaniement de la station par les eaux du lac et son ensablement, ce qui est confirmé par la structure des vastes tourbières qui bordent le rivage sud du lac Onéga sur presque toute son étendue. Un trait caractéristique de ces tourbières est la présence à 2—3 m. de la surface d'une intercalation sableuse ou argileuse qui partage la couche de tourbe en deux niveaux distincts.

Ces données permettent d'affirmer en toute certitude qu'à l'âge de la pierre le lac Onéga a transgressé sur son rivage méridional, ce qui a eu pour résultat l'érosion de la couche archéologique de la station et des tourbières, recouvertes dans la suite par un lit de sables ou d'argiles transgressifs.

L'étude des spectres polliniques de la station de Voznessénié et des tourbières s'étendant au sud du lac Onéga, effectuée par I. Pokrovskaja, établit le synchronisme de la tourbe et du sable recouvrant la couche archéologique avec les dépôts qui correspondent à une interruption dans l'accumulation de la tourbe au sud du lac Onéga et qui datent de la période subboréale de Blitt — Sernander.

Les traces de la transgression subboréale sont localisées principalement sur le rivage sud-est du lac Onéga, ce qui permet de considérer cette transgression comme une conséquence de la surrection séculaire irrégulière de ses rives. Cela est pleinement confirmé par l'étude des anciennes lignes de rivage du lac.

Les données géologiques permettent donc de dater la station de Voznessénié du début de la période subboréale.

L'affouillement de la station qu'on constate actuellement dans une certaine mesure est dû à une légère transgression du lac Onéga sur ses rives ainsi qu'à l'érosion par les eaux du Svir.

Ч. Н. ГУРИНА

КЕРАМИКА НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ У СЕЛА ВОЗНЕСЕНЫЕ НА РЕКЕ СВИРИ

Целью настоящей работы является описание большой коллекции керамики неолитического поселения у с. Вознесенье из раскопок В. И. Равдоникаса в 1934 г. Разнообразные по величине фрагменты керамики имеют многочисленные варианты ямочного орнамента в сочетании с «гребенкой». Цвет черепков обусловлен, с одной стороны, степенью обжига, а с другой, видимо, почвенными условиями, в которых пролежали тысячелетия фрагменты гончарных изделий.

В составе глины наблюдается в большей или меньшей степени примесь песка и мелких зерен кварца.

Основная масса вознесенской керамики — толстостенная (до 1—1.2 см толщины). Техника изготовления глиняных сосудов обычна для керамики лесного неолита. Сосуды лепились с помощью так называемой ленточной техники, повидимому на твердой основе, и, как нам кажется, не снизу, т. е. не со дна сосуда, а наоборот, с верхнего края ко дну, путем подлепки лент снаружи, а не изнутри сосуда, как думают некоторые исследователи.¹ Об этом говорит достаточно ясно направление косых изломов в верхнем крае черепков, с внутренней, а в нижнем — с наружной стороны. Глину налепляли на твердую основу, имеющую целью сохранить форму громадных круглодонных сосудов (диаметр сосудов доходит до 55 см, высота 40—45 см), начиная лепить от верхнего края сосуда и постепенно приближаясь к дну, путем накладывания ленты глины поверх предыдущей. Круглое дно лепилось из целого куска глины. После лепки сосуд подсушивался на воздухе. Верхний край тщательно подрезался или же подгибался внутрь сосуда, образуя закраину в виде утолщения или острого угла. Когда сосуд слегка подсыхал, его снимали с основы и приступали к орнаментации.

Нанесение орнамента производилось обычно от верхнего края сосуда. Об этом свидетельствует тщательность орнаментации «бережка» сосуда и его верхней зоны, где ямки, ромбы и гребенки всегда расположены правильными геометрическими рядами, что не могло бы иметь места в том случае, если бы орнамент наносился со дна. Не случайно днаща сосудов орнаментированы довольно небрежно. Для четкости рисунка стенки сосуда предварительно сглаживались и смачивались водой. При нанесении ямочного орнамента на внешней стороне сосуда другой рукой, сосуд поддерживался изнутри. Следы пальцев заметны на внутренней стороне. Иногда с внутренней стороны подкладывалась узкая пластинка, следы которой наблюдались на некоторых черепках. Этот прием предохранял от продавливания сосудов. Весьма часто наблюдается и сглаживание внутренней поверх-

¹ М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части СССР. Сов. Археол., т. 1.

ности сосудов, повидимому, пучком жесткой травы, следы которой прослеживаются в виде мелких линий, идущих в различных направлениях.

Общее количество черепков, собранных во время раскопок 1934 г., исчисляется в 4948 шт., из них (в соответствии с площадью раскопок) в I раскопе — 2823 фрагмента, во II — 1512 и в III — 613.

Керамика Вознесенской стоянки, за исключением небольшой группы фрагментов, покрыта ямочным и гребенчатым орнаментом. Форма ямок на сосудах очень разнообразна. На ряду с четкими, совершенно правильной округлой формы, мы имеем и ямки, выполненные очень небрежно. Ромбы, в изобилии украшающие сосуды, также варьируют от совершенно точных, геометрически правильных, до полуромбов, полуovalов. На ряду с указанными элементами орнамента, мы можем наблюдать, хотя и значительно реже, фрагменты сосудов, украшенные гребенкой, веревочкой, треугольниками, трубчатой костью, нарезками, отпечатками тканей и, наконец, вовсе гладкие, без орнамента.

Перечисленные элементы орнамента обычно встречаются не в чистом виде (за исключением ямок и ромбов), а в сочетании друг с другом. Орнамент располагается очень густо, покрывая собой всю поверхность сосуда. В большинстве случаев одинаковые элементы его соединяются в группы и опоясывают сосуд в виде правильных горизонтальных зон.

Наиболее распространенной комбинацией орнамента являются круглые ямки с гребенкой или веревочкой и овалы с гребенкой или нарезками. Ромбический же орнамент чаще всего встречается в чистом виде. Особенно тщательно и богато украшается верхняя часть сосуда, в частности его край или венчик. Для этой цели выбирались также элементы орнамента, которые оттеняли бы этот край, придавая сосуду законченную форму. В основном таким орнаментом являются отгиск гребенки, поставленной в большинстве случаев под некоторым углом к краю сосуда, или просто нарезки, выполненные каким-либо острым инструментом, причем орнаментируется всегда и срез края (подчеркивая его форму), орнамент которого заходит несколько внутрь сосуда, не спускаясь, однако, ниже 1 см и находясь в основном на утолщенной части края сосуда.

Переходя к конкретному описанию различных групп керамики, мы должны отметить следующее: в пределах возможного нами была проделана работа по выяснению принадлежности черепков к тому или иному сосуду; для многих из них удалось путем склейки подобрать сравнительно крупные части сосудов.

Последние мы будем называть сосудами, тогда как отдельные черепки будут называться фрагментами и объединяться в группы с сосудами, аналогичными по орнаменту.

Всего в керамике Вознесенской стоянки можно наметить следующие группы (представленные различно во всех трех раскопах):

1. Сосуды и фрагменты сосудов, орнаментированные круглыми ямками, отдельно или в сочетании с другими элементами орнамента, с преобладанием первых над последними.
2. Сосуды и фрагменты сосудов, украшенные ромбически-ямочным орнаментом (отдельно или в сочетании с другими).
3. Сосуды и фрагменты сосудов с овально-ямочным орнаментом в сочетании с другими элементами, но преобладая над ними.
4. Фрагменты сосудов, орнаментированные гребенкой.
5. Различные элементы орнамента: кружковый, треугольный и ямочный, образующие геометрические фигуры.
6. Текстильная керамика.
7. Гладкая, без орнамента.

Сосуды и их фрагменты, украшенные круглыми ямками

С о с у д № 1. Среди керамического материала первого раскопа встречается довольно значительное количество фрагментов, могущих быть отнесенными к одному сосуду. Часть их дала сравнительно крупные фрагменты, главным образом верхней части сосуда.

Рисунок 1 на табл. I знакомит с формой этого сосуда. Днище его, к сожалению, не сохранилось; судя по профилю стенок и имеющимся аналогам, нам кажется наиболее правильным предположить для него круглодонную форму.

Диаметр сосуда 52 см, высота примерно 36 см. Обрез края слегка скошен внутрь и сильно утолщен, ниже края слабо намечена шейка. Толщина стенок от 1 до 1.4 см, толщина края 1.5—1.6 см. Стенки к днищу утолщены. Внешняя сторона хорошо сглажена, внутренняя носит отпечатки ямочных вдавлений, нанесенных на внешней части сосуда.

Весь сосуд (исключая обрез края и бережок) украшен ямками. Среди керамического материала первого раскопа отсутствуют фрагменты, имеющие те же особенности, что и у описываемого сосуда. Для него характерен широкий (до 1.8 см) и плоский обрез края, украшенный почти во всю ширину короткими (до 1 см) поперечными линиями, выполненными зубчатым чеканом. Расположение этих линий двойное: перпендикулярно к обрезу края или под некоторым углом. Разрушенность края не дает возможности сделать численный подсчет для той или иной группы образцов.

Верхняя часть сосуда украшена косыми линиями острым инструментом (повидимому, кремневым отщепом). Длина этих линий примерно до 2 см. Поверх нарезок наложены довольно глубокие ямки (около 8—9 мм в диаметре), которые, располагаясь близко друг к другу (примерно на расстоянии 5 мм одна к другой), образуют горизонтальный пояс, охватывающий шейку сосуда. Ниже этого пояса расположен следующий ряд таких же по величине ямок, но значительно дальше отстоящих друг от друга (примерно 2—2.5 см). Наконец, еще ниже идет следующий ряд ямок, поставленных близко друг от друга. Таким образом по бокам одной предыдущей ямки располагаются две последующие. Таким же приемом украшена и вся остальная часть сосуда. Надо отметить, что ямки по мере удаления от края становятся несколько меньше.

Техника нанесения орнамента нам представляется в следующем виде: ямки наносились узкой, круглой, остро отточенной палочкой, которая, вонзаясь в глину, не вынималась сразу обратно, а поворачивалась на месте и, нажимая на один из краев ямки, лишала эту сторону правильной формы. Следы этих поворотов видны в ямках сосуда. Нажим круглого чекана наблюдается повсюду лишь в одну сторону — к верху сосуда. Круглая ямка тем самым превращалась в овал.¹ Учитывая направление вытянутости ямок к верхнему краю, следует предположить, что сосуд стоял вверх дном. Этим приемом выполнен орнамент всего сосуда. Доказательством такого приема служат наличие винтообразных нарезок, а также тот факт, что противоположный от удлиненного бока край ямки перпендикулярен к стенке, т. е. не имеет навеса над углублением, что было бы неизбежно в случае наклонного положения чекана.

Как было сказано, верхний, частый ряд ямок вдоль шейки сосуда наносился поверх насечек. Этот факт служит подтверждением нашего предположения о нанесении орнамента, начиная с верха сосуда, а не с его низа.

Г р у п п а ф р а г м е н т о в № 2 (39 штук), принадлежащих к различным частям одного сосуда (или к двум сосудам), сходным между собой.

¹ Любопытно, что такое направление «вытянутости» ямки мы можем наблюдать и на других сосудах, где ямки не имеют правильной геометрической формы.

Это — черепки из глины с большой примесью песка сероватого цвета, обжиг среднего и распределяющегося неравномерно по сосуду, на что указывает наличие то красноватых, то черноватых пятен на фрагментах. Внешняя поверхность сосуда сглажена. Толщина стенок черепков от 7 до 9 мм.

По характеру орнамента фрагментов (изогнутость линий, нанесенных веревочками) можно предполагать, что сосуд был остродонным. Орнамент составлен из круглых глубоких ямок, нанесенных заостренным круглым чеканом. Ямки располагаются в ряд сверху вниз (по 4—5) в виде широкой опоясывающей сосуд ленты (табл. I, рис. 3 и 6). Они отделены друг от друга горизонтальными линиями, нанесенными веревочкой.

Техника нанесения этого вида орнамента совершенно ясна (табл. I, рис. 4). Помимо двух параллельных горизонтальных линий заметна третья, состоящая из двух встречающихся линий, которые концами заходят друг за друга, — это концы крученой веревочки, опоясывающей сосуд.

Количество таких горизонтальных линий, отделяющих один пояс ямок от другого, варьируют от одной до трех. Толщина веревочки различна. Ширина поясов, составленных из ямок, тем больше, чем ближе они располагаются к верху сосуда.

Группа фрагментов № 3. Фрагменты, объединенные в эту группу, составляют части, быть может, нескольких сосудов, имеющих, однако, очень большое сходство в характере орнамента и материала. Все они сделаны из глины желтовато-серого цвета, полученного в результате органических примесей, хотя, может быть, цвет их обусловлен также степенью обжига. В тесте заметна примесь мелких зерен толченого кварца и песка. В этом смысле состав глины неодинаков — количество примесей в черепках варьирует.

Имеющиеся фрагменты выявляют приемы изготовления сосуда этого типа; особенно интересен в этом отношении фрагмент стенки сосуда № 1551. На нем можно наблюдать, как размятый валик глины накладывался поверх другого, ранее наложенного. Это не давало плотного сплеления, вследствие чего распад сосуда происходил в местах скрепления полос. Расположение излома на внешней, а не на внутренней стенках нижнего края черепка может указывать на последовательность лепки сосуда, путем наложения глиняных полос поверх, а не под каждой предыдущей. Этот фрагмент является подтверждением тому, что лепка сосуда производилась не с низа сосуда, а с верха. Подтверждением настоящего вывода может служить и то, что верхняя часть черепка имеет изломы на внутренней стороне.

Орнамент фрагмента состоит из ямок, сделанных круглым чеканом, заостренным на конце. Ямки наносились по горизонтальной линии слева направо. Это доказывает нажим на правой стороне ямки. Последние нанесены на внешнюю сторону сосуда настолько глубоко, что дают сильные выпуклости на внутренней стенке. Внешняя сторона сосуда хорошо сглажена. На внутренней стенке наблюдаются выпуклости, отвечающие вдавленности орнамента наружной поверхности сосуда (табл. I, рис. 7—9). На фрагментах этой группы мы в изобилии встречаем отпечатки пальцев.

Форма ямок и здесь отличается большой правильностью, что позволяет предположить одинаковые с первой группой способы нанесения этих вдавленностей. Распределение ямок равномерное.

Среди этой группы выделяются фрагменты, представляющие некоторую разновидность кругло-ямочного орнамента. В отличие от глубоких округлых ямок, наблюдавшихся на предыдущих сосудах, мы встречаем форму ямок, которые точнее было бы назвать лунками. Они представляют собой углубления, нанесенные круглым чеканом, концы которого хотя и закруглены, но тупые. Конец чекана обуславливает широкую, сравни-

тельно неглубокую форму ямок. Ямки отстоят далеко друг от друга. Все прочие черты целиком сходятся с группой фрагментов, описанных выше.

Г р у п п а ф р а г м е н т о в № 4 (табл. I, рис. 10—12). В эту группу объединяется ряд мелких фрагментов от разных сосудов, не имеющих правильно округлой формы ямок. Иногда эти ямки выступают в сочетании с зубчатым чеканом. Состав глины и обжиг совершенно сходны с описанными ранее.

Орнамент их имеет некоторые особенности. Верхний край сосуда образует острый угол вследствие среза как с внешней, так и с внутренней стороны и орнаментирован гребенчатым чеканом. Ниже, вдоль внешней стороны, располагаются косо поставленные короткие линии, выполненные гребенкой. Еще ниже их, подходя вплотную, а иногда и перерезая, нанесен ряд мелких треугольных вдавлений. Эти вдавления идут правильными рядами. Ниже пояса из мелких вдавлений следуют ряды ямок крупного размера (около 1 см в диаметре), нанесенных заостренным и неправильно округлым на конце инструментом.

Сосуды имеют от 45 до 50 см в диаметре, стенки толщиной до 9 мм.

Г р у п п а № 5 — сосуды и их фрагменты, украшенные ромбически-ямочным орнаментом (табл. II).

Среди них можно выделить ряд сосудов или отдельных фрагментов, объединяющихся общими чертами.

Глина, из которой они изготовлялись, желтовато-серого цвета с примесью крупнозернистого песка и равномерно распределенной дресвы. С внутренней и с внешней стороны поверхность их совершенно сглажена, и поэтому примеси почти незаметны. Обжиг довольно равномерный как с внешней, так и с внутренней стороны.

Форма и размеры сосудов по имеющимся многочисленным фрагментам определяются с трудом, так как мы имеем лишь срединную часть сосудов (табл. II, рис. 1, 2). Благодаря подбору фрагментов стенок, можно составить представление о сосуде очень большого размера, стенки которого, суживаясь книзу, заметно утолщаются. Диаметр сосуда в подобранной части равен 36 см. Судя по форме фрагментов и характеру орнамента, эту склеенную часть следует считать расположенной ближе к нижней, чем к верхней части сосуда.

Как внутренняя, так в особенности внешняя часть этого сосуда имеют совершенно гладкую поверхность, что достигалось вначале смачиванием стенки водой, а затем сглаживанием. Внешняя сторона, испещренная частым орнаментом, не дает нам ясного представления о том, в каком направлении и с помощью чего производилось сглаживание. На внутренней стороне заметны очень тонкие штрихи — вероятно, следы пучка травы, которым сглаживалась стенка.

Орнамент внешней стороны сосуда также состоит исключительно из ромбов, близко расположенных один к другому и покрывающих собою всю поверхность. При этом ромбы более крупные чередуются с более мелкими. Углубления нанесены чеканом, конец которого заострен, причем одна грань несколько острее трех остальных. Глубина ямок незначительна.

Г р у п п а № 6, имея ромбический орнамент, все же довольно сильно отличается от групп, описанных выше.

По материалу — это глина с довольно значительной примесью песка и мелких зерен кварца, распределенных неравномерно. Окраска варьирует от светлосерого, с несколько желтым оттенком, до темносерого, с темно-желтым оттенком.

Следы сглаживания с внешней стороны незаметны. Внутренняя сторона неровная, на ней выделяются узкие полосы, как будто бы от прикладываемой одна к другой узкой полоски, причем эта последняя по своей

ширине как раз соответствует ширине линии из ромбов, выдавленных на внешней стороне сосуда. Это совпадение наталкивает на мысль о прикладывании какой-то неширокой пластинки к внутренней стенке во время нанесения орнамента на поверхность сосуда. Иначе говоря, здесь эта пластинка выполняла функции пальцев, отпечатки которых часто заметны на других сосудах. Следы пальцев на этом сосуде совершенно не наблюдаются.

О форме сосуда можно судить лишь по его краю. Край совершенно прямой. Верхняя его часть значительно толще и как бы срезана. То же сделано и с внутренней стороны сосуда. Поэтому срез края получается очень тонким.

Размер сосуда велик (50—55 см в диаметре); кроме того он выделяется среди других сосудов своей толстостенностью (близ края толщина стенок доходит до 1,5 см).

Орнамент распределяется следующим образом. От острого среза края по внутренней и внешней сторонам сосуда идут косые линии, нанесенные, по видимому, острым кремневым отщепом. Несколько ниже этих линий, там, где начинается прямая часть края, расположен ряд косых линий, направленных перпендикулярно предыдущим и образующих с ними узор в виде елочки (табл. II, рис. 3—8).

Ниже этого орнамента располагаются идущие в ряд, тесно прижатые один к другому ромбы довольно значительной глубины и размером в 1 см (по большой диагонали). Этот ряд ромбов был нанесен после того, как закончилось нанесение орнамента, лежащего ближе к краю (аналогичные явления мы уже видели на сосуде № 1).

Несколько ниже, примерно на расстоянии 1,5 см, идет ряд ромбов, расположенных значительно реже (примерно один ромб приходится на два предыдущих). Еще ниже идут другие ряды, один за другим, все в том же порядке.

Таким ромбическим орнаментом покрыта вся остальная часть сосудов. Эта группа фрагментов резко отличается от всех других не только толстостенностью, но и внешним видом. Углы ромбов достаточно четки и остры. Сами ямки имеют вид усеченной пирамиды. Стенки ямок не прямые, а слегка вогнуты внутрь. Это позволяет предположить три варианта толкований: или орнамент нанесен на жидко замешанной глине (в силу чего получился некоторый затек наружного края грани ямки), или он выполнен каким-то мягким чеканом, грани которого прогибались под напором глины, или, наконец, он был обусловлен формой чекана.

Г р у п п а № 7 (табл. II, рис. 9, 11, 12) дает разновидность ромбического орнамента. Материал обломков сосудов — глина с примесью крупнозернистого песка, весьма неравномерно распределяющегося по сосуду. На внешней поверхности эта примесь почти незаметна, зато хорошо выявляется на внутренней стенке. Обжиг по силе средний. По профилю черепков можно предположить, что сосуды были остродонными.

Вся поверхность черепков этой группы сосудов покрыта ямками в виде небольших ромбов, располагающихся рядами и близко друг к другу. Глубина ямок 6—7 мм. Они нанесены чеканом, имеющим острые грани. Величина ямок по большой диагонали доходит до 10 мм. Форма ромба не является идеальной, но, благодаря приему нанесения, орнамент кажется очень четким. По имеющимся у нас фрагментам видно, что ромбы, покрывающие собой большую площадь черепка, разбиваются поясом, составленным из двух косых коротких линий, нанесенных зубчатым чеканом. Эти линии являются как бы продолжением одна другой, но между собой не соединяются.

Г р у п п а № 8. Глина сероватого цвета, хорошо отмученная, с примесью крупнозернистого песка. Обжиг средний. Край сосуда имеет пря-

мую форму, несколько утолщен и слегка загнут вовнутрь. Обе стороны сосуда носят следы сглаживания, на внутренней стороне в виде коротких параллельных штрихов, идущих вдоль края сосуда. На внешней стороне штрихи идут наискось по сосуду, параллельно друг другу, тесно приближаясь один к другому.

Орнаментирован сосуд углублениями, по форме близкими к ромбу, иногда переходящими в овал. Одна из сторон углубления имеет острый угол, что делает его похожим на ромб. Сосуд покрыт орнаментом в следующем порядке: в верхней части, вдоль утолщенной внутренней и внешней сторон края, идут короткие широкие линии, нанесенные гребенкой.

Срез края украшен двумя рядами небольших, почти правильной круглой формы ямочек, располагающихся так, что ямка верхнего ряда приходится на промежуток между ямками нижнего, образуя тем самым треугольник из ямок (табл. II, рис. 10 и 13).

Остальная площадь сосуда покрыта сплошь ромбообразными углублениями, размер которых книзу все время уменьшается.

Группы фрагментов сосудов с овално-ямочным орнаментом (табл. III)

К этой группе относятся фрагменты, принадлежащие частью к одним сосудам, частью к различным, но имеющим общие черты в орнаменте.

Группа № 9 (табл. III, рис. 1). Глина темносерого цвета, с примесью крупного песка и мелко раздробленного кварца: грубая, плохо отмученная и промешанная. Обжиг несколько ниже среднего. Диаметр сосудов — около 50 см. Форма их, по имеющимся фрагментам, остродонная.

Как внешняя, так и внутренняя стороны сосудов сглажены. Внутренняя носит на себе отпечаток какого-то инструмента (быть может ребра), служащего для сглаживания, и отпечатки пальцев.

Орнамент этой группы сосудов состоит из следующих мотивов:

1. Мелкие углубления трехгранной формы, располагающиеся рядами и образующие пояс шириною в три ямки.

2. Углубления продолговатой формы, нанесенные чеканом, закругленным с одной стороны и имеющим острое ребро с другой. Закругленный конец овала имеет отвесные прямые стенки, тогда как противоположный конец с острым ребром очень пологий. Указанная форма ямки напоминает углубления, нанесенные с помощью ребра мелкого животного.

3. Короткие косые линии, нанесенные гребенкой.

Чередование указанных элементов таково: верхняя часть фрагмента покрыта крупными овальными ямками, расположенными в ряд и образующими пояс, идущий вдоль сосуда, шириною в две ямки. Этот пояс отделен от аналогичного орнамента тремя рядами мелких треугольников. Ниже их тянется неширокий пояс из коротких линий, поставленных слегка косо, нанесенных зубчатым чеканом, которые опять сменяются большими овальными ямками. Этим узором ограничивается орнамент, встречающийся на фрагментах.

Группа № 10. К ней относятся фрагменты, орнаментированные чеканом овальной формы. По материалу глина этой группы сосудов желтоватого цвета с значительной примесью мелких зерен кварца и крупнозернистого песка. Обжиг неровен, на что указывают черноватые пятна на внешней поверхности сосуда. О диаметре сосуда говорить трудно вследствие отсутствия края.

Элементы орнамента этой группы сосудов на всех фрагментах следующие: мелкие вытянутые овалы, затем более крупные овалы и, наконец, гребенка (табл. III, рис. 2—5).

Сочетание этих элементов таково: вначале идут мелкие овалы, встречающиеся с большими овалами или с гребенкой. Орнамент покрывает весь сосуд. У всех овалов грани ребристые.

Овальный по форме чекан, заостренный на конце, имел на своих гранях очень тонкие нарезки, идущие в двух направлениях — или с верха в низ ямки (т. е. перпендикулярно стенкам сосуда) или же концентрическими кругами (параллельно стенке сосудов). Учитывая тонкость штрихов, необходимо предположить, что эти последние были нанесены скорее на кости, чем на камне или дереве.

Гребенка не отличается от обычного штампа. Сосуд толстостенный (9—10 мм).

Г р у п п а № 11. Глина серовато-желтого цвета со слабой примесью песка и мелкого кварца. Черепки выше среднего обжиги. Край прямой с небольшим утолщением, обращенный внутрь сосуда. Бережок и край украшены косою гребенкой, ниже которой расположен один ряд редких крупных овально-круглых ямок, под которыми идут меньшего размера горизонтальные ряды овально-круглых ямок, нанесенных несколько чаще, чем первый вышележащий ряд (табл. III, рис. 6—8). Ямки имеют довольно четкую овальную форму. На некоторых фрагментах этой группы можно наблюдать зональное распределение орнамента: между рядами ямок имеется заполнение косым гребенчатым чеканом с довольно ясными отпечатками крученой веревочки.

Г р у п п а № 12. Глина желтоватого цвета с большим количеством песка и мелких зерен кварца. Обжиг несколько выше среднего. Черепок тверд и от удара звенит. Стенки очень толсты (1,3 см).

Орнамент однообразен. Это исключительно ямки удлиненно-овальной формы, нанесенные, повидимому, круглым чеканом с заостренным концом (табл. III, рис. 9—12). Удлиненность ямок получилась в силу нажима чеканом на одну сторону ямки (сверху вниз), вследствие чего одна стенка ямки крута, противоположная ей — полого. Характер овала обусловлен не формой чекана, а приемом работы, дающим различные по величине ямки, находящиеся рядом. Форма ямок указывает нам на порядок нанесения орнамента. Круглый чекан становился перпендикулярно стенке сосуда и после того, как вошел в глину на нужную глубину, гончар делал нажим вниз.

На внутренней стороне сосуда заметны короткие штрихи, довольно глубоко идущие в различных направлениях. В местах, где ямки наиболее глубоки, встречаются отпечатки пальцев.

Г р у п п а № 13 (табл. III, рис. 13—15). В данную группу объединены фрагменты очень многих сосудов, не имевших четко выраженных орнаментальных углублений. Некоторые ближе всего стоят к форме овала. Сами углубления выполнены довольно небрежно. Повидимому, штамп, к которому относился орнамент, не отделялся с должной тщательностью, а зачастую представлял просто палочку, слегка заостренную на конце.

Г р у п п а № 14 (табл. IV, рис. 1—5). Фрагменты сосудов, украшенных гребенчатым чеканом. К этой категории орнамента относится очень небольшое количество фрагментов. Узоры орнамента несложны, это или пара шельные линии, нанесенные гребенкой и поставленные под углом к краю сосуда, или линии, образующие «елку». Ни составом глины, ни обжигом фрагменты данной группы не отличаются от прочих.

Г р у п п а № 15 (табл. IV, рис. 6 и 7). Фрагменты сосуда несколько отличаются от всех вышеописанных. Группа этих черепков с орнаментом, нанесенным, повидимому, трубчатой костью, так как плоскость черепков

покрыта характерными колечками, замкнутыми и с несколько осевшей серединой. Материал сосуда и его обжиг не вполне сходны с описанным ранее.

Г р у п п а № 16 (табл. IV, рис. 8). Фрагменты сосудов, украшенные треугольниками. Количество фрагментов очень невелико, и принадлежат они различным сосудам, разнообразным по составу глины и несколько отличным по орнаменту. Все части орнаментированы треугольниками правильной формы. Углы треугольника у основания часто округлы.

Г р у п п а № 17 (табл. IV, рис. 11—17). Фрагменты этой группы по составу материала не выделяются из общей массы керамики, но распределение кругло-ямочного и гребчатого орнамента значительно различается от всех вышеописанных групп. Разнообразие орнамента здесь достигается геометрическими фигурами в виде треугольников, образованных одним или двумя рядами ямок, сочетающихся с гладкими участками внутри треугольника и между ними (табл. IV, рис. 12—13), или же с заполнениями пустых участков гребчатым узором (табл. IV, рис. 15). Сочетание гребенки и кругло-ямочного орнамента создает причудливые геометрические фигуры (табл. IV, рис. 14).

Г р у п п а тонкостенной керамики № 18 (табл. IV, рис. 18—20). Эта группа, отличная от всех вышеописанных, состоит из керамики, объединенной нами в одну группу по общему признаку тонкостенности (не более 4—5 мм).

Из всего большого керамического материала раскопа I Вознесенской стоянки лишь очень незначительная часть обладает этими признаками (в нашем распоряжении лишь 33 фрагмента).

Они сходны с уже описанными группами как по орнаменту, так и по обжигу.

Керамика этого типа по орнаменту делится на две группы: а) кругло-ямочную, б) ромбообразную.¹

Кругло-ямочный орнамент, покрывающий поверхность этой группы фрагментов, имеет правильную форму и за небольшим исключением выполнен очень тщательно.

Что касается дополнительных элементов орнамента, то на некоторых черепках наблюдаем сочетание круглой ямки с оттиском крученой веревочки. На одном фрагменте края очень тонкостенного сосуда (диаметр сосуда около 40 см) заметен ряд ямок, разбивающихся линиями, нанесенными очень тонким зубчатым чеканом.

Кончая рассмотрение керамики первого раскопа, нам остается сказать несколько слов о профилировке края сосуда (табл. V). Всего, по приблизительным подсчетам, в раскопе I собрано 130 фрагментов отдельных сосудов. Они распадаются на три группы:

1) прямой край с едва заметным утолщением венчика,

2) край утолщенный и слегка загнутый внутрь,

3) край, срезанный с внешней и внутренней стороны, имеющий вид острого угла.

У первых двух групп орнаментация среза края различна. Это или зубчатый чекан или мелкие отверстия круглой и ромбической формы. Довольно часты также случаи наличия гладкого, не орнаментированного среза края.

Что касается третьей группы, то здесь наблюдается орнаментация в виде линий, нанесенных зубчатым чеканом (поставленным под углом

¹ Ромбообразным орнаментом мы называем те ямки, которые имеют форму не совсем правильного ромба, а лишь приближаются к нему. Эти углубления очень мелки и близко расположены друг к другу.

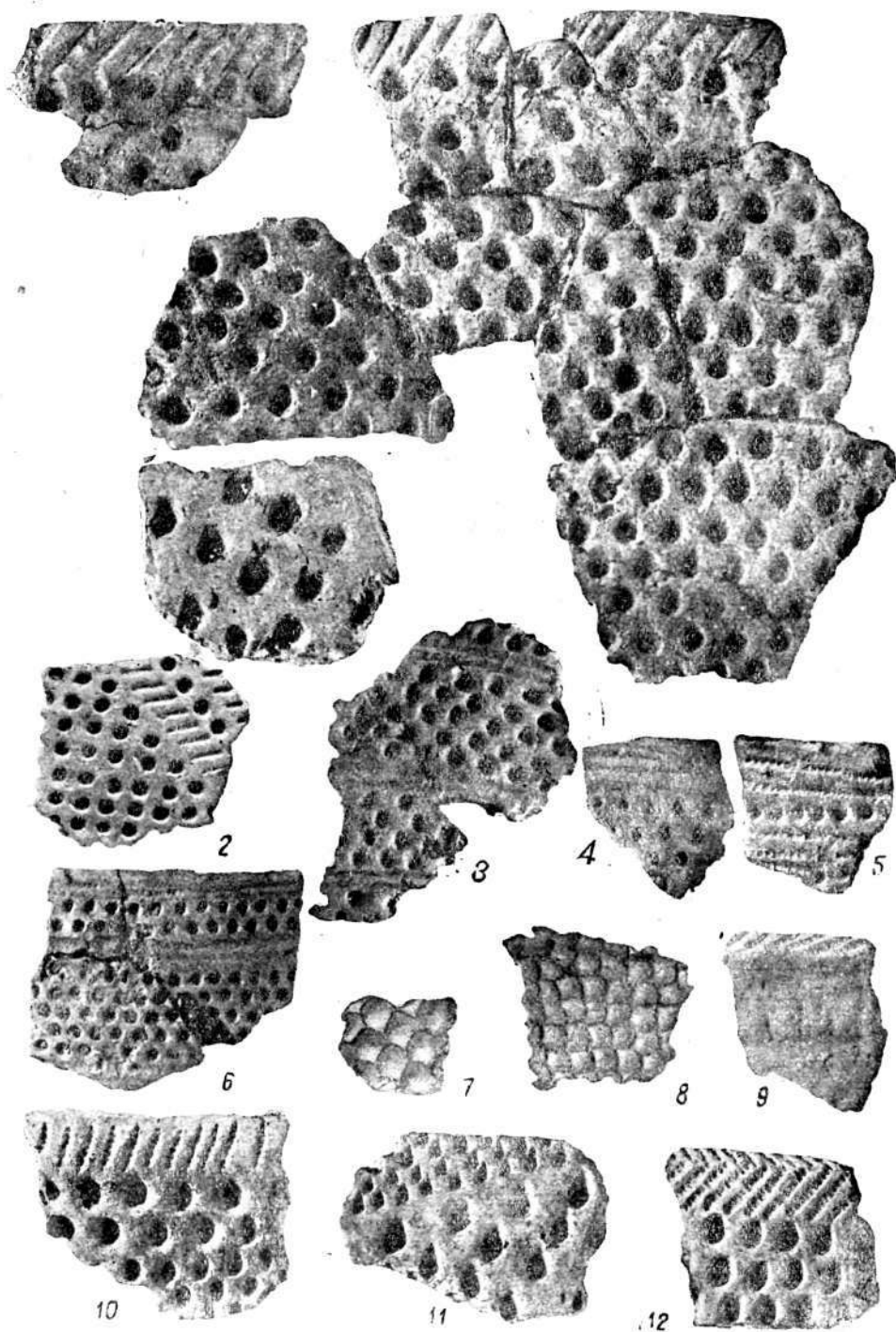

Рис. 1—12. Фрагменты керамики с кругло-ямочным орнаментом неолитического поселения у села Вознесенья на реке Свири.

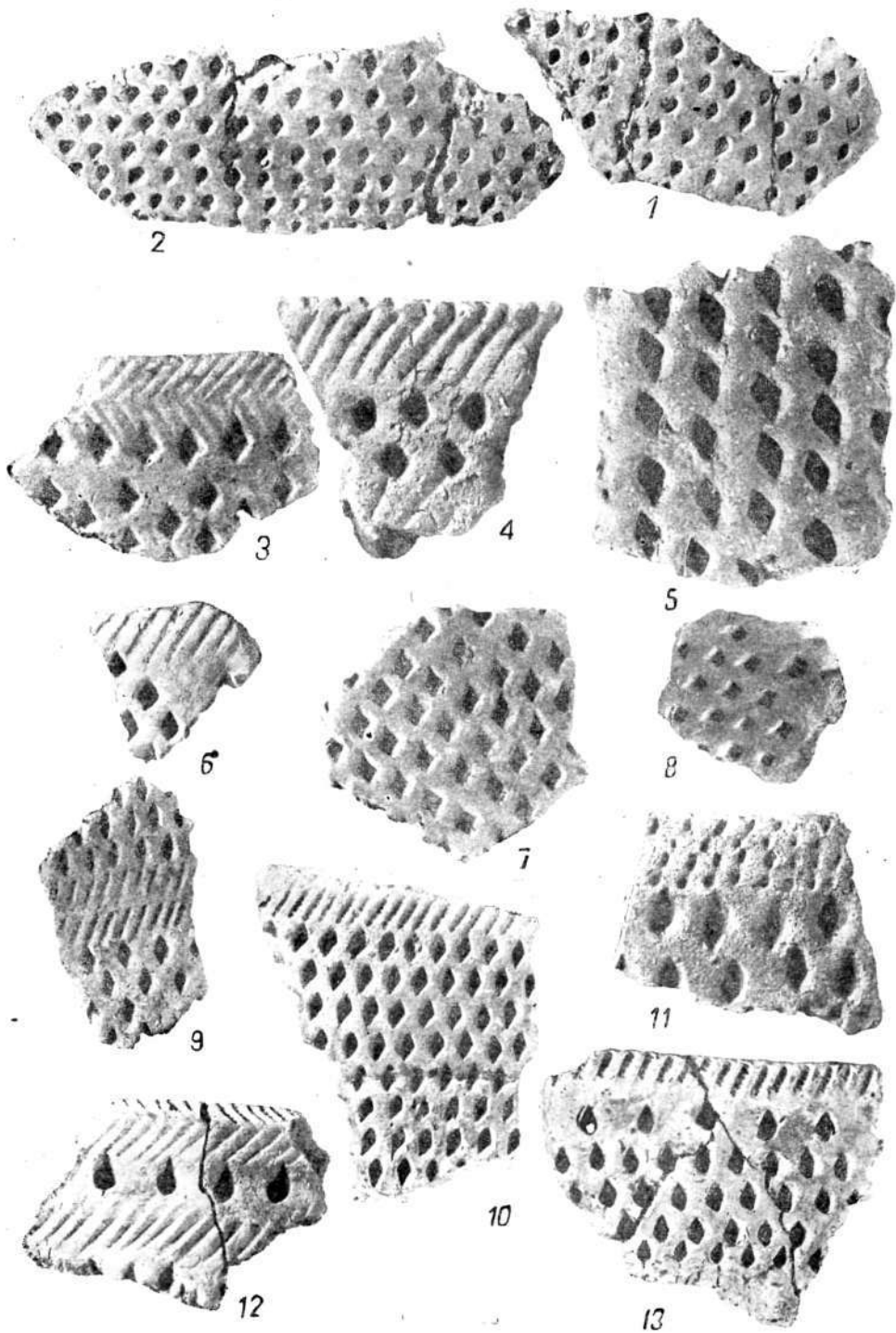

Рис. 1—13. Фрагменты керамики с ромбическим орнаментом неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири.

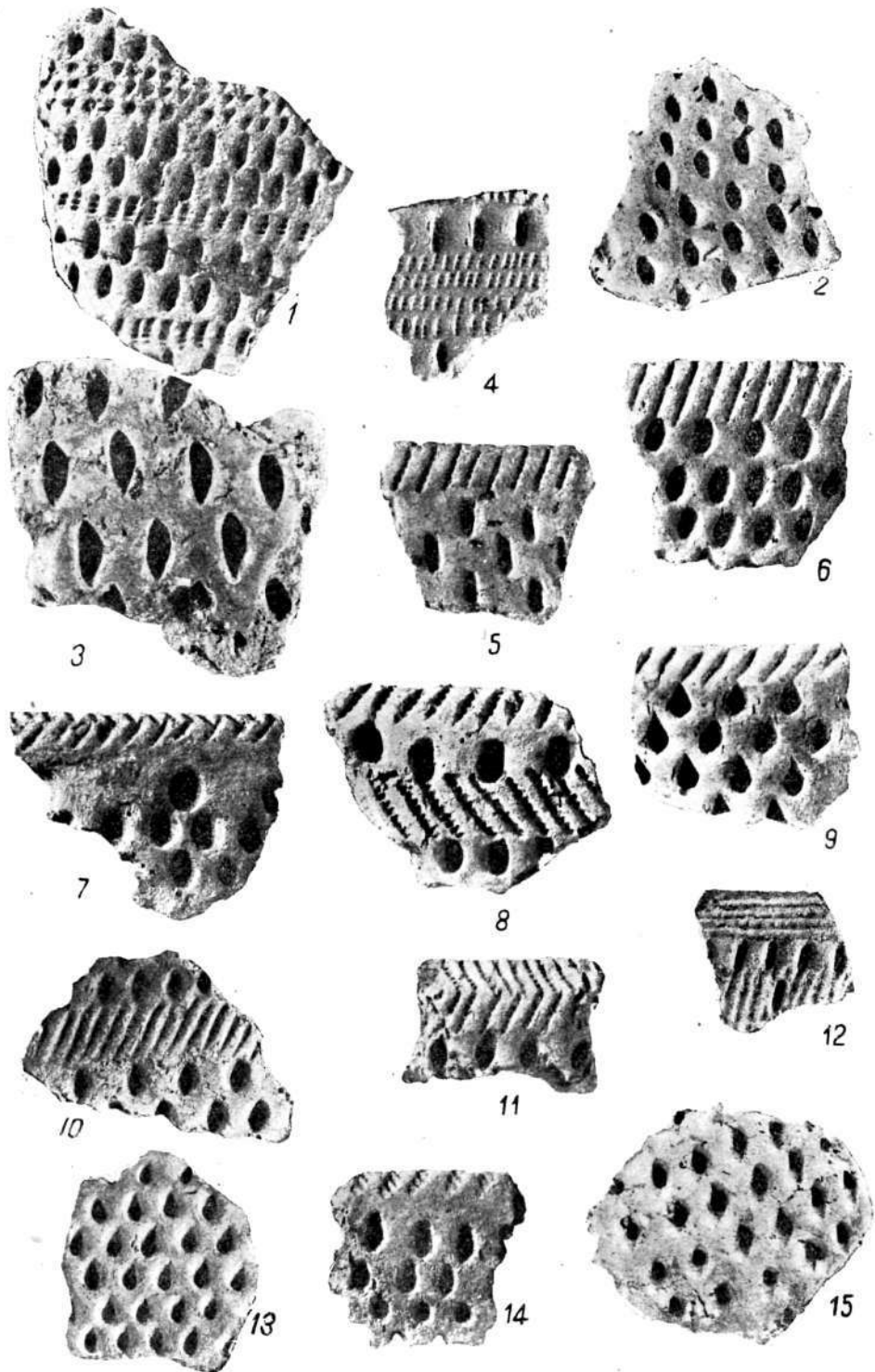

Рис. 1—15. Фрагменты керамики с овальноямочным орнаментом неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири.

к краю сосуда) и образующих узор в виде елки. Численность этой группы несколько менее двух указанных выше.

К е р а м и к а р а с к о п а II

В основной массе керамика из второго раскопа совершенно аналогична первому раскопу, за исключением лишь очень незначительного количества фрагментов, орнаментированных несколько по-иному.

Состав материала (примеси и глины), характер обжига, форма и размер сосудов, толщина стенок и в основном орнамент лишь повторяют описанные выше образцы керамики.

Мы считаем целесообразным ограничиться описанием новых элементов, не встречаемых ранее, и кратко перечислить аналогичные раскопу I.

Среди всего керамического материала из раскопа II, несколько меньшего по количеству, чем на раскопе I, можно встретить почти все элементы орнамента, указанного нами выше для раскопа I. Здесь мы встречаем круглоямочный в чистом виде или в сочетании с гребенкой или веревочкой; ромбически-ямочный (по количеству несколько меньший, чем в раскопе № 1); овально-ямочный, начиная с правильной геометрической формы и кончая фигурой, едва напоминающей овал. Отсутствуют лишь те, которые мы назвали группой различных элементов орнамента, в частности кружки, нанесенные трубчатой костью и треугольным чеканом. Зато имеются новые, еще не встречаемые элементы. К таким необходимо прежде всего отнести фрагменты с орнаментом в виде небольших овальных углублений, имеющих характерный выступ, делящий овал на две части (табл. IV, рис. 9—10). Этот бугорок получается вследствие того, что на конце чекана, по форме близкого к овалу, на середине делались небольшие углубления, пересекающие овал. Этот элемент орнамента очень характерен и позволяет сразу же выделить черепок из целой группы фрагментов. Но этот орнамент, судя по имеющимся фрагментам, встречается не отдельно, а в сочетании с ямками более крупных размеров.

На ряду с этим мы имеем элементы орнамента, названного В. А. Городцовым рамчатым чеканом (двойная гребенка); фрагментов с такого рода орнаментом очень мало.

Кроме вышеописанных, во втором раскопе встречены фрагмент керамики с примесью обеста (табл. IV, рис. 25), гладкий черепок без орнамента и, наконец, три небольших фрагмента с отпечатками ткани (так называемая текстильная керамика, табл. IV, рис. 21, 24). Последние, вероятно, в раскоп попали случайно.

К е р а м и к а р а с к о п а III

Третий раскоп, будучи меньшим по площади (28 кв. м), чем два первых раскопа, дает значительно меньшее количество керамики.

Существует различие в технике и характере орнаментации этой керамики с описанной выше из раскопов I и II.

Здесь можно наметить три основных группы орнамента:

- а) ямочно-гребенчатая керамика,
- б) текстильная керамика,
- в) гладкая, плоскодонная керамика.

Среди группы я м о ч н о - г р е б е н ч а т о й керамики наблюдаются следующие элементы орнамента: а) круглая ямка, б) ромбическая ямка, в) овальная ямка, г) зубчатый чекан.

Глина, из которой вылеплены сосуды, выделяется обилием примесей в основном крупнозернистого песка. Керамика отличается также более слабым обжигом.

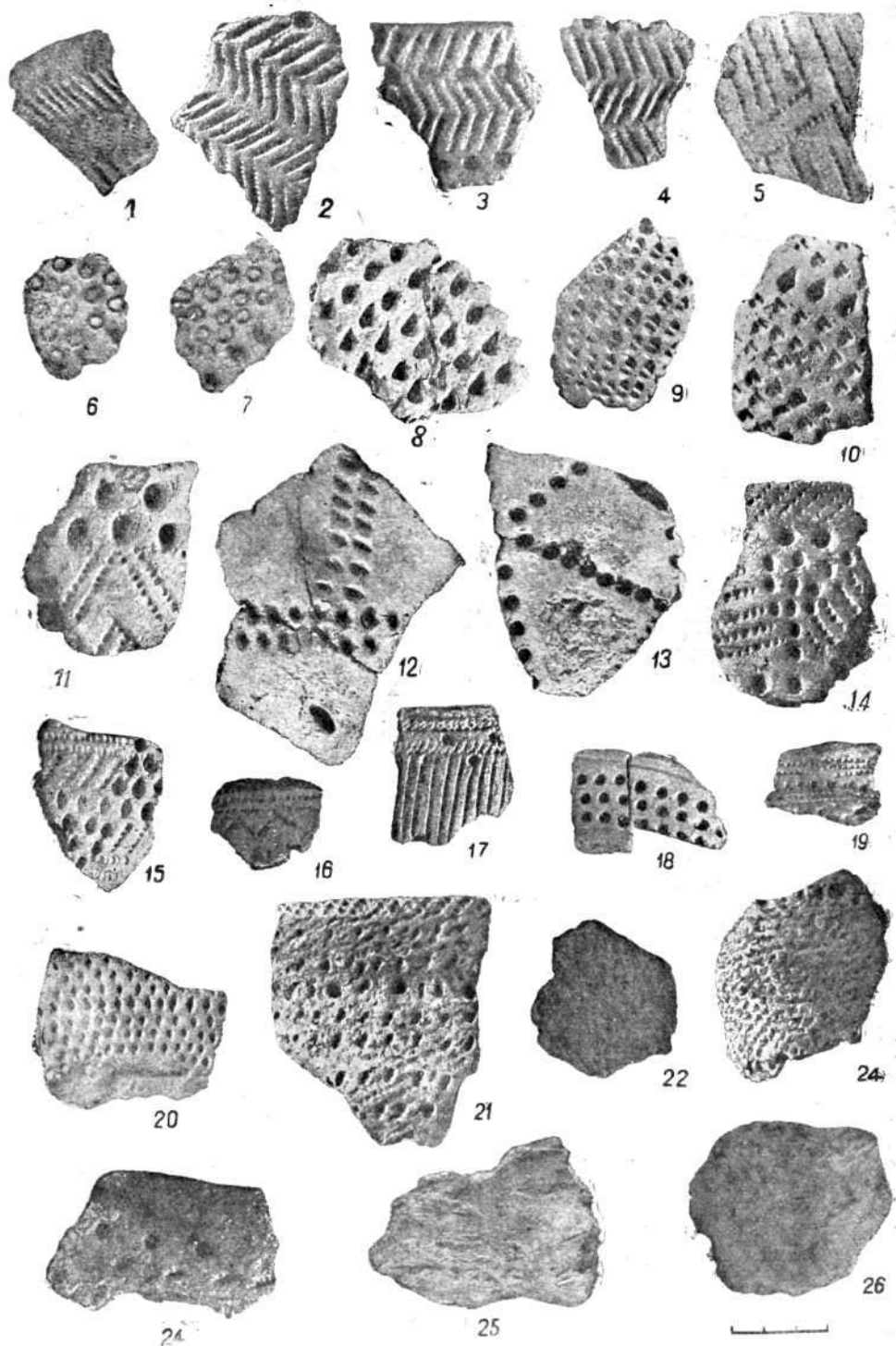

Рис. 1—26. Фрагменты керамики с гребенчатым геометризованным и «сетчатым» орнаментом неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири.

Нигде не замечается такая сильная небрежность производства сосуда, как в его орнаменте. Круглые ямки, ромбы, овалы не отличаются правильностью форм, а лишь напоминают эти фигуры.

На ряду с указанными видами орнамента, здесь довольно часто встречаются черешки, орнаментированные зубчатым чеканом, образующим косые параллельные полосы, или фигурой в виде елки. Нельзя сказать, что сосуды все орнаментированы только зубчатым чеканом, но этот последний играет роль не вспомогательного элемента (как было в сосудах первого и второго раскопов), а одного из основных.

Группа текстильной керамики представлена здесь хотя и небольшим количеством, но достаточно характерными образцами. Основной примесью к глине здесь является шамот. Всего в третьем раскопе мы имеем 7 фрагментов этого типа керамики, принадлежащей, вероятно, одному сосуду. Помимо обычного отпечатка материи на глине, с наружной стороны сосуд имеет небольшие углубления в виде ямки неправильной формы, нанесенные после того как был получен отпечаток от ткани. Это сочетание двух элементов орнамента не является специфическим для керамики села Вознесенье, он свойствен и ряду стоянок позднего неолита, как, например, стоянкам в местности Липки, Паново, раскопкам Б. С. Жукова в Московской области на р. Клязьме.¹ По словам М. Е. Фосс, стоянка Кубенино содержит также некоторое количество подобной керамики, датируемой М. Е. Фосс началом бронзы.

Что касается формы нашего сосуда, то говорить о ней трудно. По краю сосуда мы можем судить о том, что он большого размера, примерно 40 см в диаметре, с хорошо выраженной шейкой и слегка отогнутым наружным краем. О нижней части сосуда можно говорить лишь на основании аналогии с указанными выше стоянками (Липки и Паново). Можно предполагать здесь наличие круглого, а не плоского дна.

Керамика г л а д к а я. Всего имеется 19 фрагментов подобного рода керамики. Кроме фрагментов стенок сохранились днища. По составу глина имеет незначительное количество примесей в виде песка, довольно хорошо отмучена, но слабого обжига. Орнамент отсутствует вовсе, сосуд плоскодонный (табл. IV, рис. 26).

Керамический материал Вознесенской стоянки целиком входит в круг неолитических памятников северо-запада СССР. Полнейшая аналогия в орнаментации и технике изготовления глиняных сосудов сближает Вознесенскую стоянку с керамикой, повидимому, одновременных неолитических поселений на самой же р. Свири (Плотичное, Вяз-остров, Негежа и др.). Такое же сходство вознесенской керамики наблюдается с керамикой стоянки на Ладожском оз., исследованной Иностранцевым,² а также с некоторыми неолитическими поселениями Карелии, как, например, поселениями у г. Повенца на Вой-Наволоке, датируемого В. Ф. Земляковым концом суббореального периода и Онежской суббореальной трансгрессии.

Керамику Вознесенской стоянки нельзя рассматривать как нечто однородное, позволяющее отнести ее к определенной фазе, а именно к первой фазе развития ямочно-гребенчатого орнамента. На ряду с преобладающей по количеству ранней керамикой, имеются и ее несомненно более поздние варианты (керамика с примесью асбеста, древняя «сетчатая», поздняя гладкая керамика). Последний факт указывает на длительность существования Вознесенской стоянки. Это положение подтверждается также наход-

¹ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. Журн. «Этнография» № 1, 1929.

² Иностранцев. Человек каменного века южного побережья Ладожского озера, 1780.

ками, сделанными в третьем раскопе. Повидимому, эта ограниченная территория (раскоп III относится к мысу, образованному впадением р. Свири в Онежское оз.) была заселена неолитическими охотниками-рыболовами в более позднее время по сравнению с другими участками Вознесенской стоянки, и вряд ли данный участок мог быть постоянным пребыванием человека (на что указывает незначительное количество находок), а скорее занимался периодически и использовался лишь как наиболее удобный и выгодный участок для рыболовства. Тип таких временных стоянок известен в ряде пунктов. В противном случае трудно было бы объяснить находки разновременной керамики в очень ограниченном количестве на сравнительно небольшой территории мыса.

Значительная площадь Вознесенской стоянки, располагающейся на берегу р. Свири, и встречающиеся на ней культурные остатки в виде достаточно густых скоплений на определенных участках по своему характеру залегания, в слое камышевого торфа, как будто предполагают здесь процесс размывания стоянки. Можно допустить такой процесс лишь в очень небольшой степени, так как керамика не имеет совершенно следов окатанности и поддается склейке отдельных фрагментов, обычно находимых на площади одного квадрата раскопа.

Отсутствие здесь очагов и землянок и самое распространение культурных остатков только в узкой прибрежной части, но на весьма значительном протяжении (примерно около 1 км), может вызвать предположение о существовании здесь свайных поселений.

N. GURINA

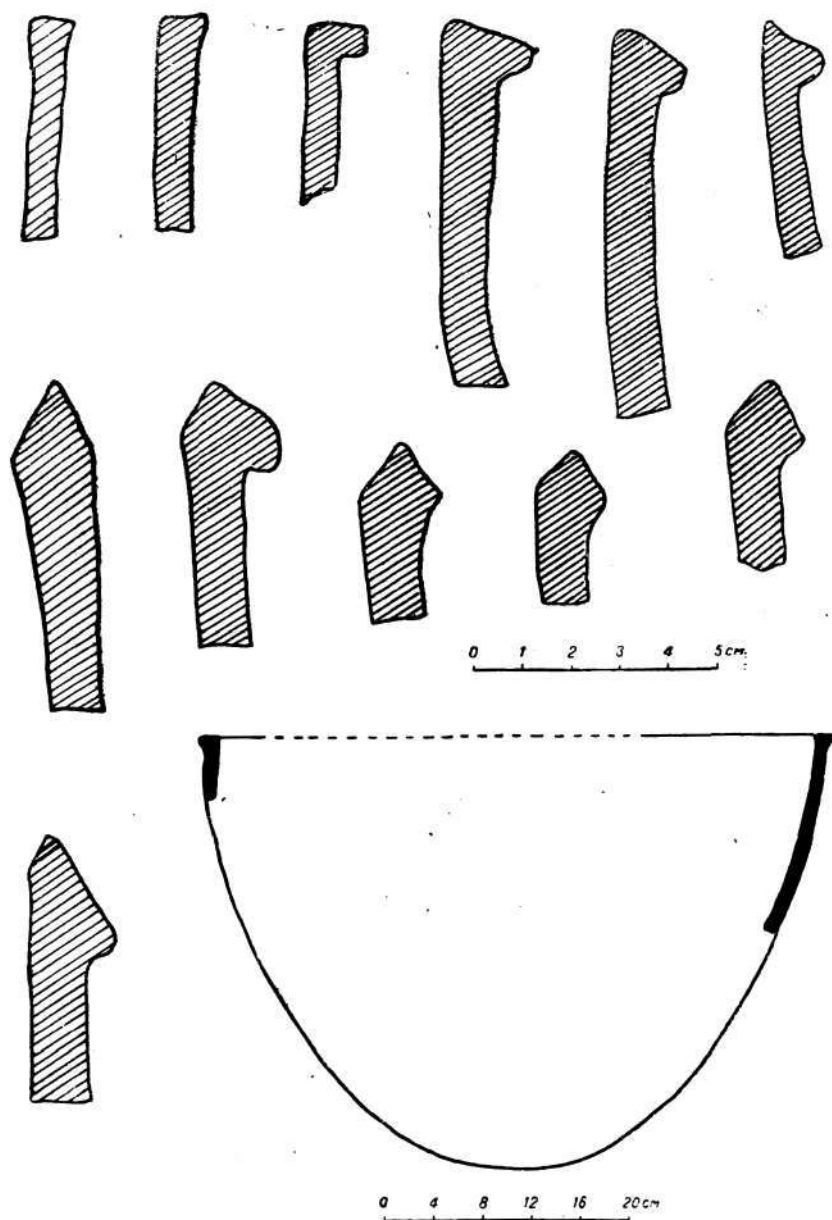
LA CÉRAMIQUE DE LA STATION NÉOLITHIQUE PRÈS DU VILLAGE DE VOZNESSÉNIÉ SUR LE SVIR

RÉSUMÉ

La céramique recueillie, à côté des instruments les plus divers en quartz, en silex et en schiste, lors des fouilles exécutées en 1934 par le prof. V. Raudonikas dans la station néolithique près du village de Voznessénié sur la rivière Svir permet d'une part d'étudier certaines particularités de sa fabrication, de l'autre, grâce à l'extrême diversité de ses motifs ornementaux, de raccorder cette station avec plusieurs stations néolithiques du nord-ouest de l'URSS situées tant sur le Svir même (Plotitchnoié, Viaz-ostrov, Néghézma, etc.) que dans le nord et le nord-est de la région de l'Onéga, ainsi qu'avec la station bien connue des bords du lac Ladoga explorée par Inostrancev.

Au cours de la subdivision de la céramique en groupes d'après les différences dans l'ornementation «en fossettes et au peigne» (fossettes rondes, rhombes, ovales, ronds, ornements faits au peigne, figures géométriques), on a pu fixer certains repères chronologiques qui font rapporter cette station de chasseurs-pêcheurs à la première moitié ou au milieu de la période subboréale, c'est-à-dire à l'époque ayant précédé la transgression subboréale de l'Onéga. La présence de divers groupes présentant des différences caractéristiques (par ex. du groupe plus récent de la céramique lisse avec addition d'asbeste et de la céramique dite «aréticulées») témoigne incontestablement de sa diversité de dates considérable. Le fait de la présence simultanée de céramique de différentes époques dans la même couche archéologique de tourbe de roseaux recouverte de puissantes alluvions fluviales ne peut guère s'expliquer par des phénomènes d'érosion. On peut plutôt supposer qu'il a existé ici des constructions lacustres légères.

Таблица V

Профили фрагментов керамики неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У „ГРЕМЯЧЕГО“ РУЧЬЯ

Материалом для настоящей заметки послужили некоторые результаты работ Камской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в Пермском районе Свердловской области в 1935 г.

До исследований А. В. Шмидта (1921—1922 гг.) по данному району были известны лишь случайные подъемные материалы, относящиеся к эпохе неолита, найденные у дер. Усть-Чусовой.¹

А. В. Шмидтом с 1921 по 1933 г. был открыт в этом районе целый ряд неолитических стоянок: у ст. Левшино, в устье р. Чусовой (почти полностью исследована), на южной стороне оз. Грязного и у дер. Адищевой по правому берегу р. Чусовой.²

Экспедиционными работами 1934—1935 гг. были открыты следующие неолитические стоянки: 1) у оз. Грязного близ хут. Астраханцева (детально исследована), 2) в 200 м к северу от нее на северной стороне озера, 3) у дер. Верхней Курьи и 4) у урочища Гремячий ручей.³ Последняя стоянка была открыта Н. А. Прокошевым и М. В. Талицким при обследовании правого, возвышенного, берега Камы.

Угроза затопления этой части берега при постройке плотины Камской ГЭС заставляла торопиться с разведочными работами и, в частности, с исследованием стоянки у Гремячего ручья.

Краткое описание стоянки Гремячий ручей имеется в отчете о результатах работ экспедиции.⁴

Урочище Гремячее расположено на правом берегу р. Камы в 2 км ниже дер. Турбино и против южной стороны оз. Грязного за Камой. Береговая возвышенность представляет лесистый склон, постепенно повышающийся по мере удаления от реки. Его перерезает небольшой приток Камы — ручей Гремячий, сливающийся примерно в 100 м от устья из двух ручьев, Северного и Южного Гремячих; первый течет с северо-запада, второй с юго-западо-запада. Ручей протекает по дну довольно глубокого оврага, пади; правый берег ручья, вначале низменный, затем довольно круто поднимается вверх, возвышаясь над уровнем р. Камы на 8—10 м. В настоящее время ширина ручья не превышает 3—4 м. Берега покрыты густыми зарослями смешанного леса. По наиболее возвышенной части мыса тянется окол, сохранившийся от эпохи гражданской войны, к нему примыкает

¹ П. И. Кротов. О раскопках, произведенных на городище близ дер. Галкина. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., т. III.

² А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сборн. Музея антропол. и этногр., т. VII, 1928; его же. Работы на строительстве Пермской ГЭС. Археол. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., стр. 166—175; его же. Стоянка у станции Левшино. Напечатано в настоящем номере «Советской Археологии».

³ Н. А. Прокошев. Камская экспедиция 1935 г. Сов. Археол., т. I, стр. 257. Карта распространения неолитических стоянок в Пермском Прикамье.

⁴ Там же, стр. 260—264.

северо-западный край стоянки. На правом мысу, протянувшемся с южной стороны ручья при выходе его к р. Каме, и расположена стоянка, занимающая поляну округлой формы, равную примерно 1000 кв. м, с трех сторон защищенную лесом. Как удалось выяснить в дальнейшем, стоянка заходила также на левый берег Гремячего, на мысок в месте слияния Северного и Южного Гремячих, представляющий как бы островок среди густых зарослей леса и имевший в древности большие удобства для поселения.

План стоянки у Гремячего ручья

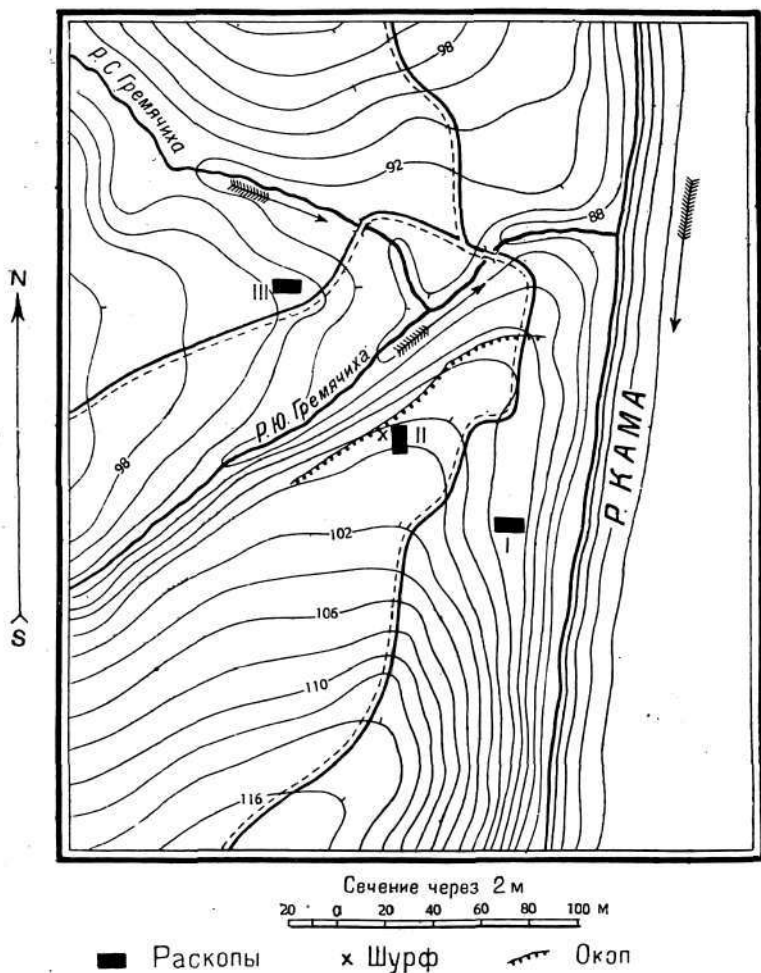

Рис. 1. План стоянки у «Гремячего» ручья.

Подобные места на мысах при впадении рек, защищенные лесами и оврагами от холодных северо-западных ветров, богатые разнообразными породами зверя, являлись особенно привлекательными при выборе человеком места поселения в ту отдаленную эпоху. Расположение неолитических стоянок на мысах при слиянии рек является характерным не только для Прикамья, но и для других районов лесной полосы Восточной Европы.

Раскопки 1935 г. на стоянке Гремячий ручей имели общую площадь 44 кв. м и имели целью выяснение ее границ (см. рис. 1).

Раскоп № 1 (8 × 2 м) расположен в основании надпойменной террасы на высоте 7.7 м над уровнем реки. В годы особенно сильного половодья эта часть стоянки заливается водами Камы. Стратиграфия отложений в раскопе следующая:

- 1) дерновой слой толщиной 0.10—0.20 м,
- 2) суглинок красновато-серого цвета толщиной 0.40—0.80 м,
- 3) материковая глина красного цвета.

Основная масса находок встречена на глубине 0.20—0.40 м, т. е. в слое красновато-серого суглинка с темными прослойками и вкраплениями угольков.

В культурном слое, наиболее ясно выраженном в северо-западном и юго-западном углах раскопа, где он доходил до глубины 0.80 м, был найден исключительно кремневый материал — несколько орудий (скребок, три резца, два ножа, из них один из плитчатого кремня), а также кремневые пластинки и отщепы. Отсутствие керамики среди находок, повидимому, является результатом размывания нижнего края стоянки.

Раскоп № 2 (8 × 2 м) расположен на возвышенной части мыса, на расстоянии 50 м к северо-западу от раскопа № 1 и примыкает к краю окопа. Абсолютная высота 10 м над уровнем р. Камы. Раскоп в южной части включил разведочный шурф,¹ в котором был обнаружен очаг, сложенный из нескольких известняковых плит, и черепки сосуда ананьинского типа с отогнутым венчиком и воротничком.² Там же в подьемном материале, собранном на склоне мыса, был найден шлифованный топор, частично обломанный, вымытый из края стоянки.

Стратиграфия раскопа № 2 состоит из следующих слоев:

- 1) подзолисто-гумусный слой толщиной 0.10—0.15 м,
- 2) супесь, окрашенная в серый цвет с темными прослойками, толщиной 0.60—0.90 м,
- 3) материковый песок желтого цвета с прослойками гальки в верхней части, толщиной 0.05—0.10 м.

При раскопках на глубине 0.20—0.35 м были встречены тонкостенные черепки красной глины, 2 точильные плиты, отщепы кремня, а в северо-западном углу раскопа было обнаружено кострище округлой формы (диаметр до 0.55 м) из обожженного красного песка.

На глубине 0.35—0.50 м отдельные находки встречались реже, и лишь с глубины 0.50 м начали попадаться грубые неолитические черепки, кремневые пластины и отщепы. На глубине 0.70—0.90 м культурный слой выступил особенно четко, доходя в некоторых местах (например в юго-западно-западном углу раскопа) до глубины 1.40 м; в северном и южном концах раскопа найдено скопление черепков до 0.80 м в диаметре. Черепки лежали на прослойке красной глины и гальки с углистыми вкраплениями и являются, повидимому, частями раздавленных сосудов, поставленных на очаг.³ В раскопе найдено несколько орудий: 2 скребка, проколка, наконечник стрелы и обломок наконечника дротика. Встречены различные породы кремня и сланец.

Пробный шурф, заложенный в 20 м выше раскопа № 2 с целью выяснения границ поселения, дал лишь ножевидную пластинку.

Раскоп № 3 (4 × 2 м) был заложен на мыске при слиянии Северного и Южного Гремячих, на расстоянии 70 м от раскопа № 2; стратиграфия его аналогична раскопу № 1.

¹ Н. А. Проношев, ук. соч., стр. 260.

² Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье в 1893 г. Мат. по археол. вост. губ. России; тип керамики — табл. 19, рис. 3.

³ В виду плохой сохранности керамики полностью реставрировать сосуды не удалось.

В раскопе № 3 были найдены: грубая неолитическая керамика, обломок стрелы из кремня, плоское орудие округлой формы из мелкозернистой породы с конусовидной сверлиной, а также кремневые пластины и отщепы.

Таким образом в трех раскопах было собрано 13 орудий из кремня и других твердых каменных пород, незаконченные орудия и обломки орудий. Материалом для их изготовления служили хороший темносерый меловой кремнь, красно-желтый и розовый непрозрачный кремнь плохого

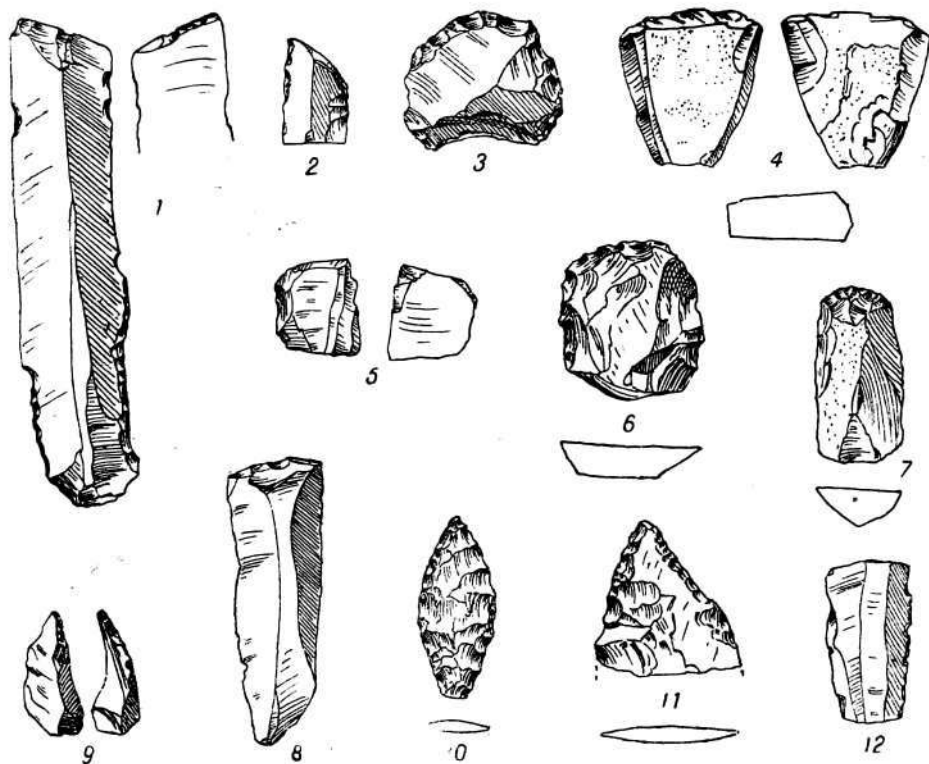

Рис. 2. Кремневые орудия. 1—5 раскоп № 1; 6—11 раскоп № 2; 12 — пробный шурф. 3/4 н. в.

качества и плитчатый темносерый полупрозрачный кремнь, залежи которого имеются поблизости. Материал этот ценен тем, что от природы имеет форму пригодных для употребления тонких плиток, толщиной в 0.2—0.6 см, покрытых коркой из блестящих кристаллов кварца. Кроме того употреблялись плохо раскалывающийся черный кремнистый сланец, кварцит розового и других цветов и афонитовые породы.¹

Среди орудий в относительно большем количестве представлены скребки и резцы следующих типов:

- 1) округлый скребок на массивном отщепе серого камня полукруглой формы (рис. 2, № 3),
- 2) грубо отделанный скребок на массивном трапециевидном в сечении отщепе кремнистого сланца подпрямоугольной формы (рис. 2, № 6),
- 3) концевой скребок на прямоугольной пластине серого кремня с частично сохранившейся коркой, в сечении треугольный (рис. 2, № 7),

¹ Определения пород без лабораторного исследования даны Б. Ф. Земляковым.

4) угловой резец на пластинке светлосерого кремня подпрямоугольной формы (рис. 2, № 5),

5) угловой резец на массивном отщепе плитчатого кремня трапецевидной формы с прямоугольным сечением и частично сохранившейся коркой (рис. 2, № 4).

Скребки, повидимому, употреблялись без рукоятки, так как и форма и выпуклый нижний край неудобны для вставления. При употреблении этих орудий, например при скоблении нижней стороны шкуры животного, они зажимались непосредственно в руке. Для резания эти скребки вряд ли употреблялись, так как резали более совершенными орудиями — ножами (см. ниже). Резцы представляют наиболее архаичную форму орудий, встречаемую на стоянке: в позднем неолите, как известно, эта форма исчезает. Интересно отметить, что резцы были встречены также на Левшинской стоянке, расположенной за Камой в 3—4 км от стоянки у Гремячего ручья.

Из мелких кремневых орудий необходимо упомянуть следующие:

1) проколка на отщепе серого кремня неправильно-треугольной формы (рис. 2, № 9),

2) наконечник стрелы листовидной формы с двусторонней отжимной ретушью и прямо срезанным нижним концом для удобства вставления в древко (рис. 2, № 10),

3) обломок верхней части наконечника дротика с отжимной ретушью по краю и частично заходящей на поверхность орудия (рис. 2, № 11).

Из более крупных кремневых орудий имеются два ножа:

1) нож на удлиненной пластине серого кремня с ретушью в нижней части боковых граней; на верхнем конце скол и подправляющая ретушь. для резания употреблялись и боковые грани и острый конец (рис. 2, № 1);

2) нож на прямоугольном отщепе плитчатого кремня с двусторонней боковой ретушью по одной длинной стороне, частично заходящей на поверхность орудия; в остальной части сохранилась корка (рис. 3, № 2). Этот тип ножа является характерным для поздненеолитических стоянок Верхнего Прикамья. Мы имеем подобные же ножи, принимающие иногда изогнутую форму,¹ с поздненеолитической стоянки у оз. Грязного близ хут. Астраханцева; известен также прямой нож подобной формы из подъемного материала со стоянки у поселка Верхняя Курья (рис. 3).

Эти ножи близки по своим формам к сланцевым ножам, встреченным в Норвегии² и характерным для так называемой «арктической» неолитической культуры. Отдельные экземпляры подобных ножей встречены также на севере СССР.

Среди находок, кроме описанных орудий, имеются ножевидные пластинки (типа рис. 2, № 8) и сечения их (типа рис. 2, № 12).

Кроме того встречены до 400 отщепов кремня и других каменных пород и небольшой отбойник в виде гальки с звездчатыми выщерблинами от ударов, что свидетельствует об изготовлении орудий на месте стоянки.

Среди материалов имеются два уже упоминавшиеся полированные орудия:

1) обломок полированного топора из афонита серо-зеленого цвета, прямоугольной формы, с прямым срезанным лезвием, в сечении округлым; половина орудия имеет грубые сколы — следы ударов, нанесенных, повидимому, позднее (рис. 3, № 1);

2) дисковидное уплощенное орудие из той же породы со сверлиной на два конуса и заполировкой.³ Обломок подобного орудия был найден на Левшинской стоянке А. В. Шмидтом и объяснялся им как навершие булавы. Подобные предметы широко известны в неолите Сибири и Фин-

¹ Н. А. Прокошев, ук. соч., рис. 2/1.

² A. W. Brögger. Den arktiske Stenadler i Norge (рис. 116—117).

³ Н. А. Прокошев, ук. соч., рис. 3/4.

ляндии, а также среди материалов с неолитических стоянок северо-запада СССР. Употребление их объясняли различно: как грузило и как навершие палицы. В нашем случае тщательный характер обработки скорее говорит за последнее.

Отметим также находку половины желвака со следами грубого оббивания и с боковыми выемками, первоначально, повидимому, служившего грузилом и затем расколовшегося и употреблявшегося в качестве отбойника (следы ударов на конце).¹

В целом, представленные здесь каменные орудия, в особенности кремневые, довольно примитивны. Однако на ряду с этим появляются более развитые формы, характерные для позднего неолита (полированные орудия).

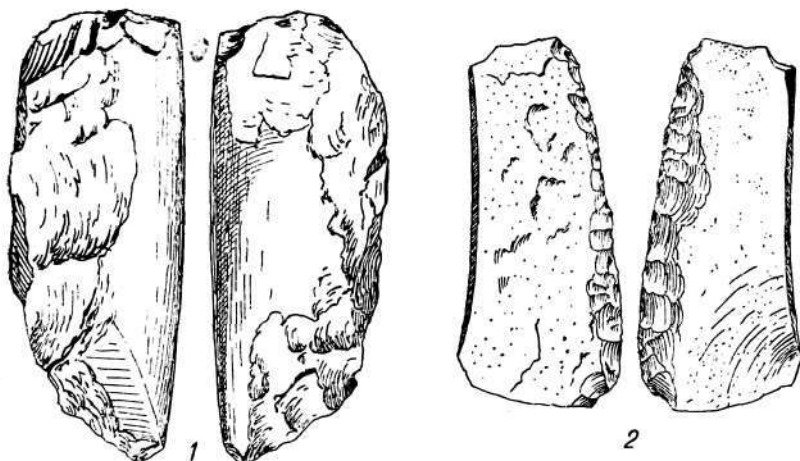

Рис. 3. Каменные и кремневые орудия; 1—подъемный материал; 2—раскоп № 2. 2/3 н. в.

Остатки глиняной посуды на стоянке довольно многочисленны: из раскопок 1935 г. было собрано до 500 фрагментов керамики. По характеру глины и степени обжига керамику можно условно разбить на две группы. Для первой группы, включающей основную массу находок, характерны сосуды из грубой глины желтого или бурого цвета с растительными примесями, слабого обжига, с толщиной стенок 0.8—1.6 см; на обратной стороне стенок имеются следы в виде горизонтальных штрихов от заглаживания пучком травы или другим подобным материалом. Венчики сосудов этой группы обычно утолщены и прямо срезаны (рис. 4, № 1). Сосуды лепились от руки из горизонтальных полос, о чем говорит распадение черепков по стыку полос.

Основным элементом орнамента является гребенчатый штамп в виде овальных (рис. 4, № 2) и удлиненных оттисков, покрывающих верхнюю часть сосуда, заходящих на срезанный край венчика и частично на внутреннюю поверхность сосуда (рис. 4, № 1). Представлена также орнаментация в виде двойной гребенчатой зигзагообразной линии, опоясывающей сосуд, так называемая «передвижная гребеночка», причем при нанесении орнамента передвигался то один, то другой конец штампа (рис. 4, № 3). Орнаментация глубокими ямками встречается изредка. К этой группе относятся фрагменты 10—12 круглодонных сосудов с прямым венчиком; диаметр отдельных из них достигает 0.30—0.45 м. Сосуды этого типа, повидимому, употреблялись для хранения запасов пищи, так как рыхлая глина слабого обжига не могла выдержать нагревания на огне.

¹ Н. А. Прокошев, ук. соч., тип — рис. 3/3.

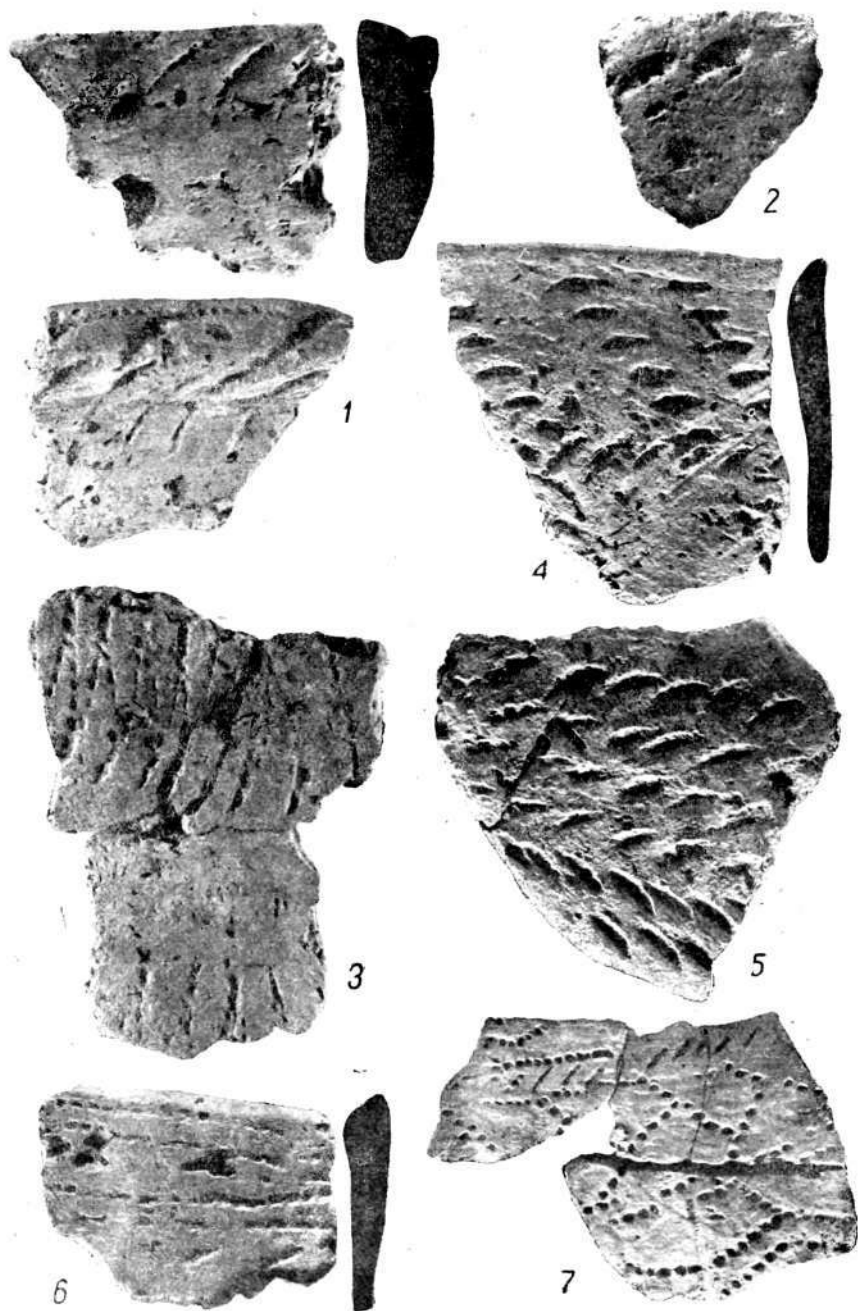

Рис. 4. Фрагменты керамики из раскопа № 2. 3/4 в. н. э.

Ко второй группе керамики относятся фрагменты сосудов из более тонко отмученной глины серого или оранжевого цвета, без примесей, лучшего обжига; толщина стенок 0.04—0.08 м. Венчики сосудов более тонкие, слегка моделированные и косо срезанные внутрь (рис. 4, № 6). Сосуды украшены гребенчатыми, а также поготовковыми или полудлунными оттисками в виде горизонтальных и наклонных поясков у венчика сосуда (рис. 4, № 4) или в виде горизонтальных поясков с чередованием различного наклона оттисков, покрывающих весь сосуд (рис. 4, № 5). Гребенчатый штамп, судя по пластилиновым оттискам, снятым с некоторых черепков, представлял род уплощенной лопаточки удлиненной или овальной формы, разделенной на 3, 5, 7 и до 9 зубчиков. Материалом для его изготовления могли служить кость, дерево и, наконец, уплощенная галька с острым ребром, подобно имеющейся среди находок с неолитической стоянки у оз. Грязного близ хут. Астраханцева.¹ На одном из фрагментов имеется сквозное отверстие, просверленное конусом в сырой стенке сосуда; обратная сторона покрыта толстым слоем нагара, получившегося в результате подвешивания сосуда над очагом при варке пищи. Обычно просверливались одно или два отверстия, одно против другого. Подобная керамика со сквозными отверстиями встречена среди материалов Левшинской стоянки, но известна в целом ряде неолитических стоянок. На неолитическую керамику с отверстиями указывает В. А. Городцов.² К этой группе относятся отдельные фрагменты 6—7 сосудов; формы и размеры их аналогичны предыдущим. Несколько выделяются два фрагмента от небольших чашечек светлосерой глины, диам. 0.08—0.10 м. Из них один орнаментирован ромбами из гребенчатых линий, другой покрыт косыми штрихами, получившимися в результате заглаживания сырых стенок сосуда гребенчатым штампом. Нужно также отметить находку обломка глиняной поделки уплощенно-округлой формы с вдавлениями по краю, повидимому представляющую пряслицу.

Среди керамики особо выделяется фрагмент сосуда красной глины с примесью талька, хорошего обжига, с толщиной стенок в 0.03 м, найденный в верхней части культурного слоя. Фрагмент орнаментирован гребенчатыми линиями: сверху идет зигзагообразная линия и горизонтальная полоса с наклонными отпечатками гребенки внутри нее; ниже расположено изображение, напоминающее очертания животного (повидимому оленя). Только находки более крупных фрагментов подобного сосуда помогут точнее разрешить вопрос о виде изображенного животного. Подобная керамика с фигурными изображениями была встречена О. Е. Клером на Среднем Урале (Верхне-Исетская дача).³

Присутствие талька в керамике характерно для поздненеолитических памятников Пермского района, как, например, для керамики из верхнего слоя стоянки у оз. Грязного близ хут. Астраханцева. Ф. А. Теплоухов объясняет факт встречи керамики с тальком в Усть-Чусовой существованием в данном районе обмена с восточным Уралом,⁴ что, повидимому, уже можно предположить для развитого неолита. Правда, естественнее было бы предположить наличие залежей талька в более близком к Прикамью районе, но пока они не обнаружены. Этим в основном исчерпывается материал из раскопок 1935 г. Какие же предварительные выводы об общем

¹ Материал из раскопок 1935 г.

² В. А. Городцов. Доисторическая керамика, стр. 601 и 607. Труды X. археол. съезда, т. I.

³ О. Е. Клер. Предварительные заметки об открытии изображений животных на сосудах неолитической эпохи на Урале, стр. 224; см. рис. ЗУОЛЕ, т. XXII, 1902.

⁴ Ф. А. Теплоухов. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в зап. части Пермской губ. Труды Пермской ученой архивной комиссии, 1892, стр. 51.

характере данной стоянки можно сделать на основании этого материала? Раскопки вскрыли однородный характер стоянки, расположенной на мысу в устье небольшого ручья, что, как указывалось выше, характерно не только для камских неолитических поселений но и для ряда неолитических поселений лесной полосы Восточной Европы.

Данное поселение, судя по мощности культурного слоя, в основной его части существовало довольно продолжительное время. Углубленность культурного слоя в раскопе № 2 до 1.25—1.40 м, а также наличие здесь очага заставляют предположить, что мы натолкнулись на остатки жилища в виде землянки. При дальнейших раскопках будет возможно точнее выявить форму и размеры землянок. На основании кремневого инвентаря, наличия в нем наконечников стрел и дротиков, а также на основании расположения стоянки на второй надпойменной террасе можно считать, что охота являлась одним из основных занятий ее жителей. Густые заросли леса, имеющиеся вокруг стоянки, в древности были еще более мощными и благоприятствовали охоте. Рыбная ловля также являлась одним из промыслов населения, о чем говорит найденный обломок грузила.

Таким образом уже на основании материалов, добытых раскопками в 1935 г., можно говорить о существовании здесь в древности поселения родовой группы охотников-рыболовов. Как мы старались показать при описании материала, последний имеет черты сходства с материалами Левшинской стоянки и с другими поздне-неолитическими стоянками данного района; следовательно, стоянка Гремячий ручей может быть отнесена ко времени не позднее начала II тысячелетия до н. э., а может быть к еще более ранней эпохе. Сочетание каменного инвентаря с архаическими чертами и грубой керамики с довольно разнообразной орнаментацией свидетельствует о примитивной культуре неолитического облика, существовавшей уже во время распространения культуры бронзы в более восточных районах Урала. Стоянка была, повидимому, заселена и в более позднее время, судя по находке сосуда типа ананьинских могильников, относящегося к I тысячелетию до н. э.

В заключение необходимо отметить, что раскопки 1935 г. на стоянке у Гремячего ручья показали целесообразность дальнейшего детального исследования этой стоянки. Экспедиционная работа 1936 г., как и нужно было ожидать, дала большой и интересный материал, который ждет публикации.

J. STANKEVIČ

UNE STATION NÉOLITHIQUE SUR LE GRÉMIATCHY-ROUTCHÉI

RÉSUMÉ

En été 1935, un détachement de l'expédition de la Kama, organisée par l'Académie Marr d'Histoire de la culture matérielle, a exécuté des fouilles préliminaires dans la station néolithique récemment découverte sur le Grémiatchy-Routchéi, à 16 km. de Perm, sur la rive droite de la Kama. Ces fouilles, entreprises en trois endroits, ont couvert une surface totale de 44 m². Elles ont fourni des fragments de vases à fond circulaire avec ornements faits «au peigne», géométriques, etc., des instruments en silex (grattoirs, burins, couteaux, pointes de flèches), ainsi que de nombreuses lames et éclats. On a trouvé aussi des instruments en roches dures: fragment de hache et outil discoidal plat perforé.

Les fouilles ont reconnu approximativement les contours de la station. Les affinités de la culture de cette station avec celle d'autres stations néolithiques de l'embouchure de la Tchousovaïa, telles que la station Lévitino et celle du lac Griaznoé près de la ferme Astrakhantsev, permettent de supposer ici l'existence assez prolongée d'une localité habitée par un groupe clanal de chasseurs-pêcheurs au début du 2-e millénaire avant notre ère.

В. И. СЕЛИНОВ и Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ

РАСКОПКИ ОДЕССКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПОД ОДЕССОЙ в 1936 г.

(Усатовская культура)

ВВЕДЕНИЕ

В период 1916—1920 гг. возле Одессы, в районе ломок «пильного камня», добываемого для строительных целей, на границе с. Усатова и Куяльника была открыта древняя стоянка, принятая тогда за неолитическую. Летом 1921 г. Одесский историко-археологический музей предпринял на этом месте раскопки. Обнаруженное на территории Куяльника древнее поселение скоро было дополнено погребениями, открытыми в соседних курганах, расположенных уже на территории с. Усатова.

С короткими перерывами раскопки здесь продолжались до 1933 г. Затем они возобновились только в 1936 г. под руководством В. И. Селинова. Было приступлено к раскопке курганов на территории Усатовского кладбища (рис. 5).

В состав экспедиции, кроме В. И. Селинова, вошла Е. Ф. Лагодовская.

К раскопке были намечены 2 кургана: № 1 и № 2 на упомянутой территории Усатовского кладбища. Кроме того, имелось в виду исследовать целинный участок, примыкающий к б. усадьбам Телющенко и Копанева в районе каменоломен, изрытый строительной артелью, не посчитавшей своей обязанностью поставить в известность о намеченных местах разработки известкового камня соответствующие органы охраны Усатовского заповедника.

Так как в общем усатовские курганы невысоки, решено было придерживаться способа раскопок их концентрическими кругами. Намечался условный круг от предположенной вершины кургана, так чтобы линия окружности уходила за границу подошвы кургана; иначе говоря, чтобы никакая часть насыпи не оказывалась за пределами раскопа. Это было просто сделать в данном случае потому, что по наружной окружности кургана можно было видеть отдельные камни кромлеха, частично оголенные.

После того как круг оказывался намеченным, его разбивали, в зависимости от величины радиуса, на 2 или 3 концентрических круга, и начиналось снятие насыпи концентрическими кругами. Так сохранялась цельная картина вскрываемого памятника, и при таком положении можно было оставаться уверенным, что ни одна деталь курганного сооружения не ускользнет от фиксации.

Первым курганом, с которого начались раскопки, был курган № 2. 3/XI было приступлено к исследованию кургана № 1, расположенного к юго-востоку в нескольких шагах от предыдущего, через кладбищенскую дорогу от ворот. Раскопки обоих курганов были закончены 14 XI 1936 г.

Надо сказать, что оба эти кургана находятся на той части кладбищенской территории, которая еще не занята современными могилами.

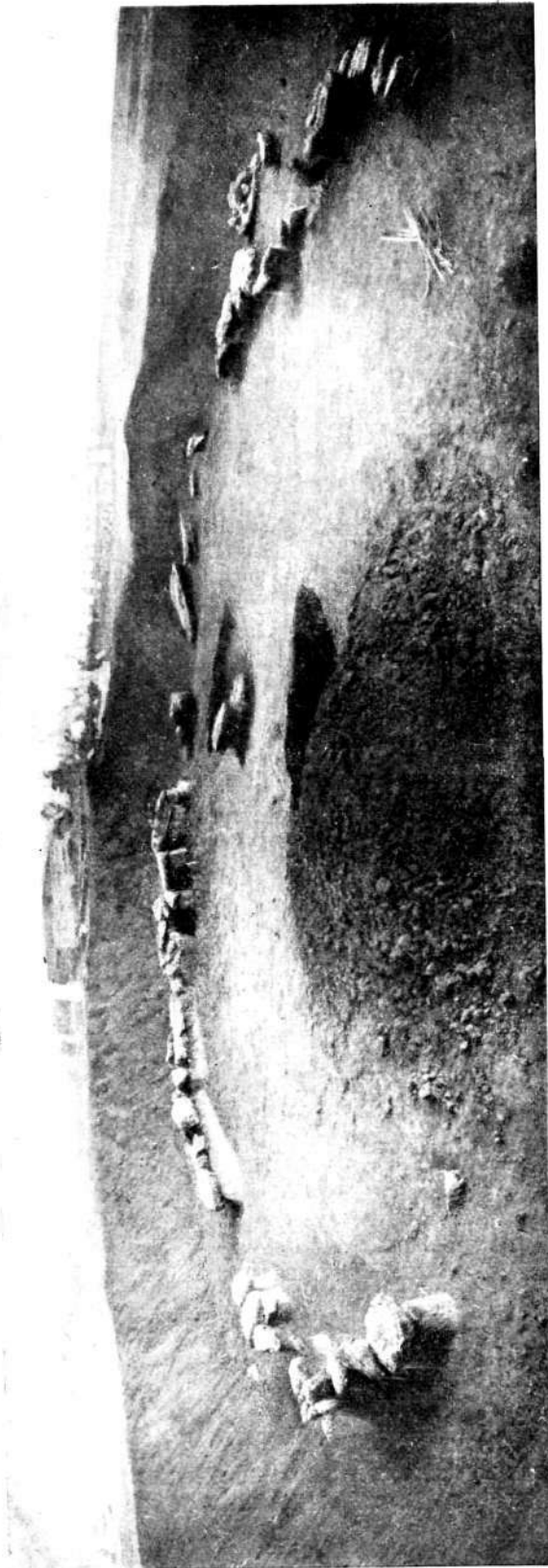

Рис. 1. Общий вид кургана № 1: кромлех и центральное погребение № 1.

Курган № 1¹

Высота — 0,55 м.
Диаметр — 16 м.

Северная сторона перерезывалась дорогой, которая идет от ворот кладбища. Южная половина кургана лежала в полосе вспаханной земли.

Раскоп был начат по первому от периферии кругу отрезком радиуса в 3 м (α). Первый штых в секторе СВ дал 5 отщепов кремня, а в секторе СЗ — 1 отщеп. За вторым штыхом по кругу α поступили следующие предметы: помимо кремневых отщепов, около 80 фрагментов стенки большого глиняного сосуда, типичных для усатовской культуры (черепки темносерого цвета, глина с большой примесью толченых ракушек), в секторе ЮЗ каменная фигурка естественного происхождения, игравшая какую-то роль в погребальном обряде, черепок сосуда светлой глины, 2 фрагментированных горшка серой глины. Все эти предметы находились в секторе ЮЗ, причем упомянутые 2 горшка оказались один возле другого внутри обнажившегося кромлеха, образованного из известковых камней в один ряд разнообразной формы и

¹ Описание сделано В. И. Селиновым.

величины. В северо-западной и юго-западной частях круга он разорван. Другие секторы почти ничего не дали, если не считать одного черепка из сосуда светлой глины и 5 кремневых отщепов сектора ЮВ.

Следующий круг (β) в 3 м и последний (центр в 2 м) не дали никаких интересных находок, если не считать фрагмента кремневого ножа светлого цвета (3.5 × 2.3 см), найденного в насыпи центра, 20 фрагментов серой керамики там же и зуба лошади (*Equus caballus*) в кругу β.

За четвертым штыком южная половина раскопанного кургана была доведена до глинистого слоя, в то время как в северной половине еще продолжал идти чернозем. Расчистка известковых камней кромлеха на том же месте, где были найдены два фрагментарных горшка, упомянутых выше, дала новый экземпляр глиняного сосуда, совершенно распавшегося, восстановить который не удалось.

Дойдя в южной части круга до глинистого слоя, можно было заметить ямные пятна: одно на юге у внешнего края кромлеха, другое на юго-востоке. Расчистка камней в секторе ЮВ дала возле одного из них хорошей сохранности женскую глиняную статуэтку, типичную для усатовской культуры (рис. 6 — внизу). Призматическое основание статуэтки вдоль

Рис. 2. Яма № 1. Центральное погребение.

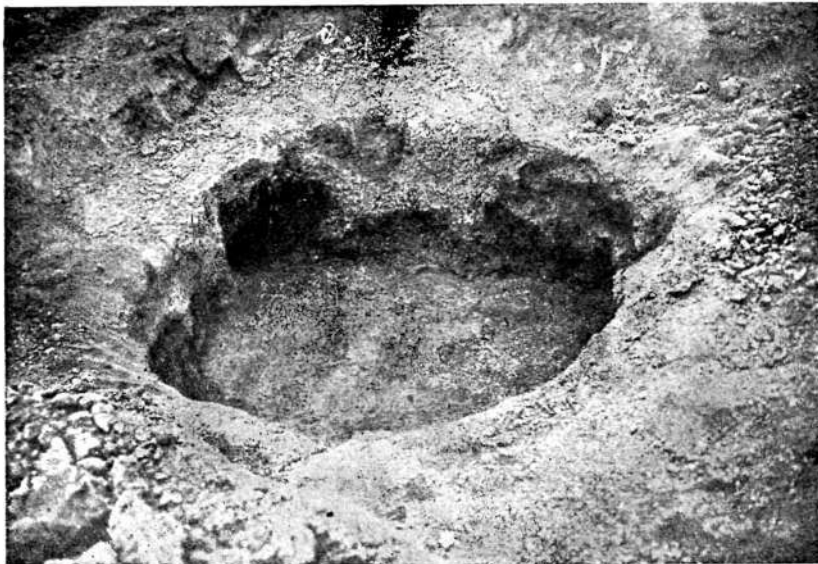

Рис. 3. Яма № 5.

ребер орнаментировано вдавленными черточками, образующими зигзаг, напоминающий собою букву «W». Высота фигурки 5.8 см, а четырехугольное основание имеет размер 3.1 см × 1.9 см. Орнамент особенно хорошо виден на обратной стороне статуэтки (рис. 6 — обратная сторона).

Пятно на юге за пределами кромлеха дало четырехугольную яму с закругленными краями (рис. 3). Можно предполагать по аналогии с другими ямами, что на перекрытие была положена известковая плита, которая не сохранилась.

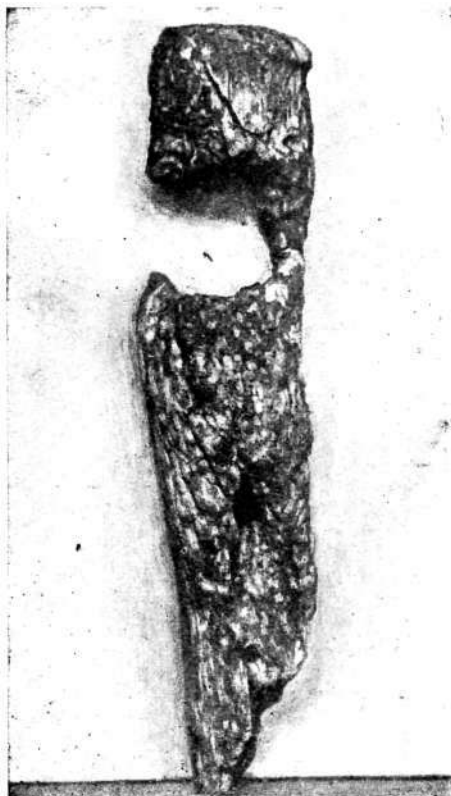

Рис. 4. Мотыга из оленьего рога.

Дальнейшая расчистка южной части кургана дала ряд ямных пятен под камнями за пределами кромлеха. Отмеченная выше яма № 2 на юго-востоке, лежащая в плане кромлеха, в момент раскопок не была прикрыта камнями. Однако нетрудно видеть, что камни были над ней, так как именно перед нею прерывается цепь камней кромлеха, разорванного в юго-восточной своей части. Кроме этой ямы, остальные в южной половине кургана находятся под камнями: № 3 под большой четырехугольной плитой, № 4 под группой камней, вследствие осадки середины ямного перекрытия образовавших над ней воронкообразное углубление, № 6 под плитой неправильной четырехугольной формы. Северная половина кургана не дала никаких ям ни под камнями кромлеха, ни за его границами.

После того как четвертый штык в южной половине кургана исчерпал черноземный слой и подошел к глинистому слою, в северной половине потребовалось еще некоторое углубление, чтобы дойти до глины. В секторе ЮЗ при расчистке кромлеха была найдена

еще одна каменная фигурка, аналогичная ранее указанной.

При расчистке всего пространства внутри кромлеха в центре кургана хорошо обозначилось четырехугольное ямное пятно, над которым не было никакой каменной плиты. Если над ямой № 5 должен был находиться камень и только ее периферийное положение привело к тому, что его в настоящее время не оказалось, то над центральной ямой никакой каменной плиты положено не было.

Приступим теперь к подробному описанию самих ям. Начнем с центральной (№ 1). Она ориентирована с востока на запад, имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями. Ее размеры — 1.70 м длины, 1.10 м ширины, 0.75 м глубины. На дне ямы обнаружен костяк в скорченном положении, головою на восток. Костяк лежал на спине, голова и ноги повернуты на юг (рис. 2). Правая рука согнута в локте, в ее кисти на груди покоится локоть левой руки, упирающейся кистью в подбородок. У затылка лежала роговая мотыга,

по линии отверстия для деревянной ручки распавшаяся на две части. Начиная от отверстия мотыги, вдоль костяка сохранились кусочки дерева. Один комок земли сохранил углубленную форму с приставшими к стенкам углубления измельченными кусочками дерева. Можно утверждать, что в этих остатках сохранились следы деревянной ручки мотыги. Никаких других предметов при костяке не было. Костяк оказался плохой сохранности; его антропологическое определение невозможно. Возраст средний.

Яма № 2 ориентирована с юго-запада на северо-восток, имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями, находилась в пределах плана кромлеха. Длина 1.40, ширина 1.20, глубина 0.60 м. Яма ока-

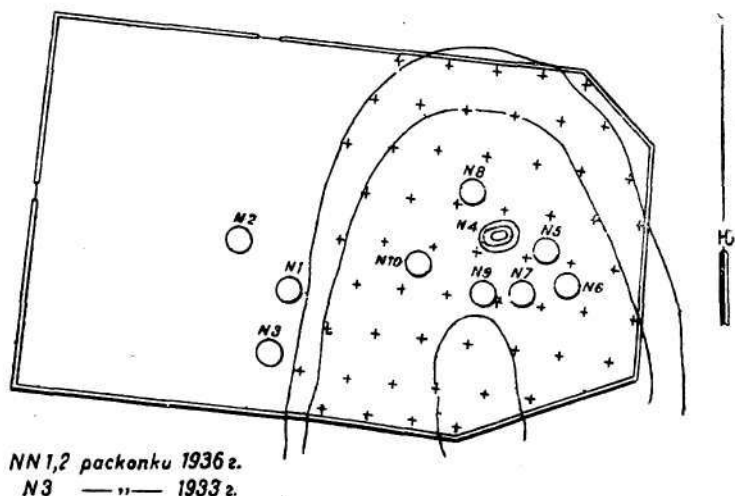

Рис. 5. План расположения курганов на территории Усатовского кладбища.

залась совершенно пустой, без какого бы то ни было погребения и инвентаря.

Яма № 3 ориентирована с юго-запада на северо-восток. Над нею покоилась большая, уплощенная, четырехугольной формы известковая плита (1.15 × 0.90 × 0.65 × 0.12 м), совершенно покрывавшая ямное пятно. Яма имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями. Длина 0.90, ширина 0.65, глубина 0.50 м. На дне ее в восточном углу находился небольшой горшочек, верхняя часть которого оказалась отбитой. По шейке сосуда — орнамент в виде ряда зигзагообразных параллельных вдавлений, расположенных по вертикали.

Яма № 4 ориентирована с юго-запада на северо-восток. Над нею находилась группа камней, вследствие осадки перекрытия образовавших воронкообразное углубление. Имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями. Длина 1.15, ширина 0.95, глубина 0.50 м. В яме оказалось погребение: ближе к северному краю могилы обломки человеческого черепа; на юго-запад от него глиняный горшочек; на северо-восток рядом два глиняных горшка. Яма изрыта кротовинами.

Яма № 5 (рис. 3) ориентирована с юго-запада на северо-восток. Имеет вид удлиненного четырехугольника с закругленными краями. Длина 1.25, ширина 0.85, глубина 0.50 м. Плиты над ямой не было. В яме оказа-

лись: глиняная votивная женская статуэтка, поврежденная при расчистке (рис. 6 — вверх), и фрагменты небольшого горшочка.

Яма № 6 — формы, близкой к яйцевидной. Ориентирована все же с юго-запада на северо-восток. Над нею лежала большая, четырехугольной формы каменная плита (0.80 × 0.80 × 0.10 м), неполностью покрывавшая ямное пятно. Длина ямы 1.30, ширина 1.30, глубина 0.50 м. На дне ямы, в юго-восточной ее части, оказалось рядом поставленных две чаши, на запад от которых лежало 2 бедренных кости, очень постлевших.

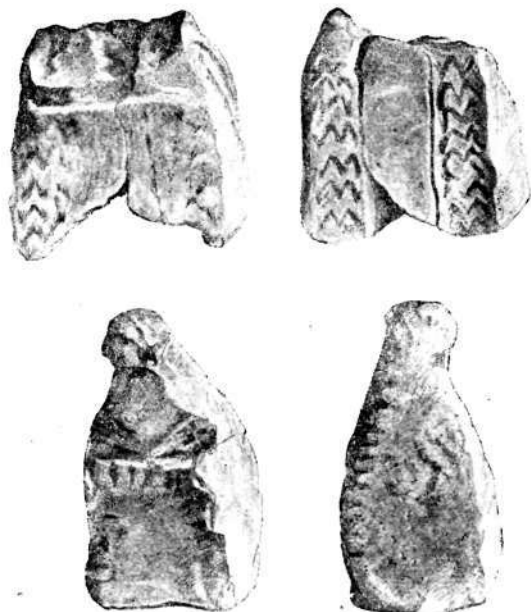

Рис. 6. Глиняные votивные фигурки.
3/4 н. в. Вид спереди и сзади.

шедший вокруг сосуда. Глина с примесью толченых ракушек. 2. Фрагмент стенки глиняного горшка с орнаментом, который, в виде веревочных параллельных вдавленных линий, опоясывает сосуд. Черепок серого цвета. 3. Глиняный горшочек, склеенный из многих фрагментов. Верхняя часть попорчена. Верхний край венчика немного отогнут наружу. С одной стороны, под его отогнутым краем, сохранилось 2 отверстия для продевания веревочки, служившей ручкой. Под венчиком идет веревочный орнамент в виде трех линий, опоясывающих сосуд. Ниже идет серповидный вдавленный орнамент, тоже обегаящий сосуд. Горшочек серого цвета. Высота 0.1 см, диаметр венчика 13.7 см, диаметр дна 6.4 см.

Яма № 5. — 1. Глиняная чашечка, склеенная из многих фрагментов. Верхняя часть попорчена. По верхнему краю частично сохранился веревочный орнамент. Сосуд серого цвета. Глина с примесью толченых ракушек. Диаметр 7.5 см, диаметр дна 3.8 см. 2. Женская стилизованная votивная статуэтка. Фигурка в молитвенной позе. Призматическое основание статуэтки по ребрам имеет ряды знаков в виде зигзага w. Верхняя часть отбита. Спереди внизу выщербина. Статуэтка склеена из двух фрагментов. Высота 3.6 см. Четырехугольное основание: 3.6 × 2.1 см (рис. 6 — вверх).

Яма № 6. — 1. Глиняная чаша светлого (красноватого) цвета, хорошего обжига; следов обычного на таких чашах расписного орнамента не сохранилось. Высота 6.5 см, диаметр 13.9 см 2. Чаша светлой глины, по-

И н в е н т а р ь п о -
г р е б е н и й к у р г а н а № 1

Яма № 1. Мотыга из рога оленя (*Cervus elaphus*), найденная распавшейся на две части. Острый конец сильно сработанный. Длина 16 см (рис. 4).

Яма № 3. Глиняный горшочек серого цвета (склеен из большого количества фрагментов) с высокой шейкой, значительная часть которой отсутствует. По шейке идет вдавленными зигзагами орнамент. Глина с примесью толченых ракушек. Дно закругленное. Высота 4.9 см. Диаметр венчика 5.5 см.

Яма № 4. — 1. Фрагменты горшка, серого цвета. Фрагмент дна со следами отпечатков плетеной подстилки, на которой он лежал и подвергался обжигу. На фрагментах стенок сохранился веревочный орнамент,

добная предыдущей, орнаментирована коричневыми полосами как снаружи, так и изнутри, образующими геометризованные фигуры. Высота 6.6 см, диаметр 11 см. (см. трехцветку).

Курган № 2¹

Раскопки кургана № 2 начались 30 X и закончились 14 XI.

Высота — 0.90 м.

Курган слегка деформирован распашкой, а общий вид его видоизменен камнями, вынутыми при его распашке и положенными на его вершине. Курган был несколько вытянут в восточно-западном направлении. Диаметр насыпи по линии С—Ю — 16 м, по линии В—З — 18 м. Такой характер

Рис. 7. Кромлехи кургана № 2. Вид с запада. С центрального погребения плита уже снята, и оно находится в процессе расчистки.

земляной насыпи кургана, как увидим ниже, вполне соответствовал плану его внутренних сооружений.

Памятник вскрывался весь целиком. Снятие насыпи велось приемом концентрических кругов.

По снятии насыпи кургана было обнаружено два концентрических кромлеха, сложенных из местного камня — известняка-ракушечника. Оба они были слегка подовальной формы и были вытянуты в восточно-западном направлении. Диаметр внутреннего кромлеха по Ю—С — 7.30 м, по В—З — 8 м. Диаметр внешнего кромлеха по Ю—С — 11.8 м, по В—З — 12.80 м (рис. 8).

Они имеют некоторые различия в плане. Внешний круг имел выходы, ориентированные на север и юг. Кроме того, в его плане наблюдались некоторые специальные кладки, которые, как потом выяснилось, увязались с погребальными ямами под ними. Таких кладок было 3: одна у южного выхода (над ямой № 6), другая у северного (над ямой № 5) и третья в сек-

¹ Описание сделано Е. Ф. Лагодской.

торе С—З (над ямой № 3). Кромлех сложен из больших камней, уложенных, в основном, плашмя и обставленных местами с внутренней стороны большими плитами на ребро.

Внутренний круг отличался от внешнего тем, что он не имел ни выходов, ни специальных кладок. Для него характерна плотная кладка из камней в плане всего кургана, за исключением южной его части, где наблюдалась кладка более редкая и притом из меньших камней. Правда, не исключена возможность, что эта часть кромлеха была несколько разрушена выборкой камня, который мешал при венашке, так как здесь на поверх-

Рис. 8. Кромлехи кургана № 2. Вид с запада. С центрального погребения плита уже снята, и оно находится в процессе расчистки.

ности кургана наблюдалось углубление, образовавшееся, повидимому, от выборки камня.

Проход между обоими кромлехами 0.60—1.80 м. О различном понимании обоих этих кромлехов будет сказано ниже.

При расчистке насыпи кургана и камней кромлеха, помимо единичных фрагментов керамики усатовского типа, кремневых отщепов, а также незначительных современных находок керамики, стекла и железа, были найдены:

1. Обломок патинизированного концевое скребка на поверхности кургана.

2. Кубик из раковистого известняка с гладкими, хорошо обтесанными плоскостями. Размер $3.3 \times 2.6 \times 2.7$ см. Найден при расчистке внешнего кромлеха в секторе ЮЗЗ. Раскопки предыдущих лет давали находки аналогичных глиняных кубиков с символическими изображениями на одной или двух их гранях.

3. Двойной скребок (1.8×2 см). Найден при расчистке камней внешнего кромлеха в секторе ЮЗЗ.

4. Железная стрелка листовидной формы с черенком. Длина 3.7 см.

5. Обломок амфоры римского времени.

В пределах внутреннего кромлеха находилась большая каменная плита, к которой с севера примыкали небольшие камни. Раскрытие памятника было начато с центральной группы камней.

Непосредственно под большой плитой были найдены обломки железной пластинки. Под плитой была обнаружена глубокая яма, ориентированная на западо-восток. С севера к ней вел дромос, в плане которого в основном лежали мелкие камни в два горизонта. Дромос представлял собою ступенчатый спуск длиной 1.40 м, расширяющийся книзу (0.35—1.0 м). В нем было выбито три ступеньки. Дно центральной ямы было на 0.30 м ниже последней ступени.

Расчистка дромоса не дала никаких вещественных находок, но дала возможность сделать одно очень интересное наблюдение, а именно: непосредственно на ступеньках, т. е. на слое глины, был виден небольшой слой чернозема в 2—5 см, более толстый посредине и выклинивающийся к краям ее. Сверху этого черноземного слоя лежал характерный

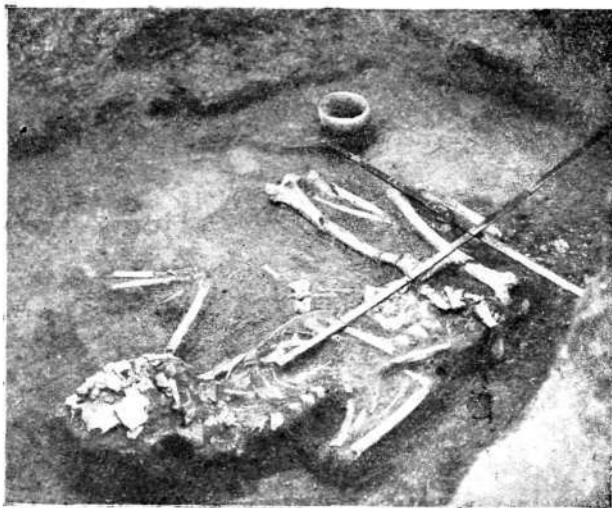

Рис. 9. Курган № 2. Центральное погребение № 1.

слой рушевой земли, заполнявший весь дромос, выше которого лежали камни, обнаруженные первоначальной расчисткой. Как объяснить этот слой чернозема на ступеньках дромоса? Повидимому, этот чернозем был нанесен ногами лиц, совершавших погребальный ритуал, или же членами рода, посещавшими покойника, уже положенного в могилу. Только этим можно объяснить большую толщину чернозема посреди ступенек. Если бы этот чернозем ссыпался естественным путем сверху, со стен дромоса, то он дал бы более толстый слой возле стенок, а не посредине ступенек, как это мы наблюдали в данном случае.

Дромос вел в грунтовую яму (1.4 × 1.6 × 1.2 м). На дне ямы лежал скелет на спине с ногами, направленными влево (рис. 9). Ориентировка — В. Голова на затылке. Левая рука, согнутая в локте, отставлена налево; правая рука вытянута в том же направлении. Предплечье правой руки на поясных позвонках. Стопа левой ноги под берцовыми костями правой. Под поясными позвонками небольшое пятно голубоватой глины, размером 8 × 10 см.

Инвентарь погребенного (погребение № 1)

1. В ногах покойника чашечка из тонкой глины хорошего обжига (рис. 11). Чашечка расписная изнутри и снаружи. Роспись выполнена одной краской — черной. Схема орнамента — типичная для усатовских чаш, но на дне чаши — необычный косой крест, выполненный зигзаговидными линиями. На дно чаши была насыпана охра, которая весьма интенсивно его окрасила, а также землю, заполнявшую чашу. Высота 6.6 см, диаметр верхнего края 11 см, диаметр дна 4.70 см.

2. В головах покойника стоял горшок черного цвета. Глина с примесью раковины. Сохранность сосуда плохая. Орнаментирован по венчику серповидными отпечатками перевитой веревочкой. На плечах вертикальная орнаментация из тех же элементов свисающими полосами.

3. На ногах пронызки из просверленных зубов. Общее их количество—47. Значительная часть пронызок была найдена при расчистке ямы, главным образом в ее западном конце. Принадлежность пронызок к украшениям ног стала очевидной после удаления берцовых костей правой ноги, под которыми была обнаружена стопа левой ноги, над которой и под которой лежали просверленные зубы. Разбросанность их, по видимому, должна быть объяснена деятельностью грызунов. Пронызки были сделаны из коренных зубов (molares) хищника из семейства *Canidae*, скорее всего рода *Canis* (собака или волк). Зуб разбит на две части. Коронки зубов закруглены и зашлифованы. Отверстия сделаны в корнях зубов (рис. 14).

4. Три медных височных кольца. Одно из них было найдено при расчистке верхних слоев центральной ямы. Два других при расчистке дна западной части ямы. Трудно предположить, чтобы все три височных кольца в том случае, если бы они были положены на обычном месте, как украшения головы, были перенесены грызунами к ногам покойника. Остается предположить, что они были преднамеренно брошены в его ноги. Височные кольца, очень характерные, из круглой проволоки в полтора оборота. Диаметр кольца 1,6 см.

5. Одна бусина темного цвета, типа рубленых, была найдена при расчистке нижней челюсти. Диаметр бусины 0,6 см, ширина 0,3 см.

6. Вторая бусина белая, пастовая (?), неправильно-грушевидной формы была найдена в выкиде земли из верхних слоев засыпи ямы и, по видимому, тоже может быть увязана с данным погребением.

Погребение № 2.

Внутри того же внутреннего кромлеха, на древнем горизонте, в расстоянии метра к юго-востоку от центрального погребения было обнаружено погребение взрослого человека. Скелет лежал на левом боку в очень скорченном положении. Ориентировка — ЮВ, лицом к ЮЮЗ. Кисти рук были перед лицом, ноги были плотно прижаты к телу. Сохранность костяка хорошая. Инвентаря при нем не было (рис. 10).

В плане внешнего кромлеха было обнаружено 4 культурных пятна, которым соответствовали специальные кладки кромлеха. О них было сказано выше. Во всех этих точках (№№ 3, 4, 5, исключая № 6) под камнями кромлеха был обнаружен второй горизонт камней, который, как оказалось, лежал в плане ям и являлся простым их перекрытием.

Яма № 3.

В секторе СЗ ямы № 3. Под камнями кромлеха был обнаружен второй горизонт камней, перекрывавших яму № 3. Камни дали небольшое оседание внутрь. Непосредственно под камнями кромлеха были найдены фрагменты керамики усатовского типа, а также современные находки, а именно: два железных гвоздя в обломках с широкими шляпками, один небольшой фрагмент современной посуды с синей полпвой, маленький фрагмент венчика горшка на гончарном круге. Этим современным находкам соответствовала находка пиленого камня (0,25 × 0,15 × 0,8 см), который лежал в плане пятна, непосредственно между стенкой ямы и каменным перекрытием ее. Если попадание небольших современных предметов легко может быть объяснено, то объяснение находки пиленого камня ставит исследователя в большое затруднение.

В процессе расчистки ямы на разных глубинах ее были обнаружены фрагменты керамики. При лабораторной обработке материала оказалось возможным склеить фрагменты керамики, найденные в засыпи ямы между каменным перекрытием ямы и камнями кромлеха и при расчистке камней кромлеха. К этому надо добавить очень существенные данные, а именно: керамика из ямы № 3, кроме указанной, склеивалась еще с керамикой из кургана № 1 погребения № 4. Но об этом позднее.

Рассмотрим подробнее этот материал.

1. Половина расписной крышечки с двумя высокими ушками. Глиняное тесто высокого качества. Обжиг хороший. Крышечка расписана только снаружи в две краски — черной и красной. Диаметр края — 9.8 см. Склеиваются: 1 фрагмент, найденный при расчистке кромлеха, 3 фрагмента, находившиеся между камнями кромлеха и каменным перекрытием ямы, 1 фрагмент из самой ямы № 3 и один из насыпи соседнего кургана № 1 (рис. 12).

2. Небольшой горшочек с высокой шейкой, слегка отогнутой снаружи. 2 ушка на боках сосуда. Орнамент: под венчиком полоса серповидных отпечатков перевитой веревочкой. У основания шейки — перевитая веревочка, ниже вертикальные свисающие полоски серповидных отпечатков, между ними по два подкововидных отпечатка перевитой веревочкой. Высота сосуда 10.5 см, высота шейки 2.1 см. Сосуд склеивается из фрагментов, найденных при расчистке внешнего кромлеха, между камнями кромлеха и перекрытием ямы № 3, в засыпи ямы № 3 и, что очень интересно, с фрагментами керамики из погребения № 4 кургана № 1.

3. Фрагменты от другого сосуда большей величины, тоже с двумя ушками и вертикальной орнаментацией из двух параллельных полос перевитой веревочкой. Склеивается так же, как и предыдущий сосуд.

Кроме керамики, к погребальному ритуалу надо отнести находку небольшого кусочка охры. Костяк обнаружен не был. Таким образом в яме № 3 не было обнаружено погребения конкретного лица, но по отношению к нему, по-видимому, был выполнен определенный погребальный ритуал. Не надо забывать, что яма № 3 по размерам своим и по глубине (1.5 × 1.2 × 0.8 м) имеет характер обычной погребальной ямы.

Яма № 5.

Аналогичную картину — отсутствие костяка — мы встретили в яме № 5. К этой яме вел проход, обставленный плитами на ребро (рис. 15). Под камнями специальной кладки, находившейся возле северного интервала внешнего кромлеха, был обнаружен второй горизонт камней, который лежал в плане ямы (рис. 16). Яма прямоугольной формы с характерно закругленными углами (1.2 × 1.2 × 0.8 м). Расчистка ямы дала часть сосуда (в фрагментах) с прямым дном и венчиком, орнаментированным перевитой веревочкой. Глина с примесью толченой раковины. Кроме керамики была найдена одна створка раковины *Venus gallina* Lin.¹ Скелет отсутствовал.

Погребение № 4.

На северо-восток от центрального погребения к яме № 4 вел проход, обставленный с правой стороны плитами на ребро. Под камнями кромлеха был обнаружен второй горизонт камней, воронкообразно осевших внутрь ямы (рис. 16). Это были большие плиты, при расчистке которых был обнаружен слой глины толщиной до 2—3 см. Положение глины, плотно слежавшейся на поверхности плит, указывает на то, что плиты в свое

¹ Все раковины были определены доцентом В. В. Степановым, за что приношу ему большую благодарность.

время были помещены в горизонтальном положении. Тогда же на них была брошена глина, вынутая, повидимому, при кошке ямы центрального погребения. Глина легла горизонтальным слоем на горизонтально лежащие плиты. Когда плиты медленно стали давать уклон внутрь, слой глины, плотно слежавшийся на них, опускался одновременно с ними.

При расчистке пространства, заполнявшего воронку оседания плит, был найден обычный современный железный нож с полусгнившей деревянной ручкой. Каким образом он мог оказаться здесь, под камнями кромлеха? Детальная расчистка показала, что он находился в норе грызуна ручкой вниз. Таким образом его присутствие должно быть объяснено опять-таки работой роющих животных. Здесь это было совершенно очевидно.

На дне ямы было обнаружено погребение. От костяка сохранились незначительные остатки черепной крышки и одна бедренная кость. Судя по направлению бедра, положение было скорченное, на левом боку, ориентированное на В (рис. 17).

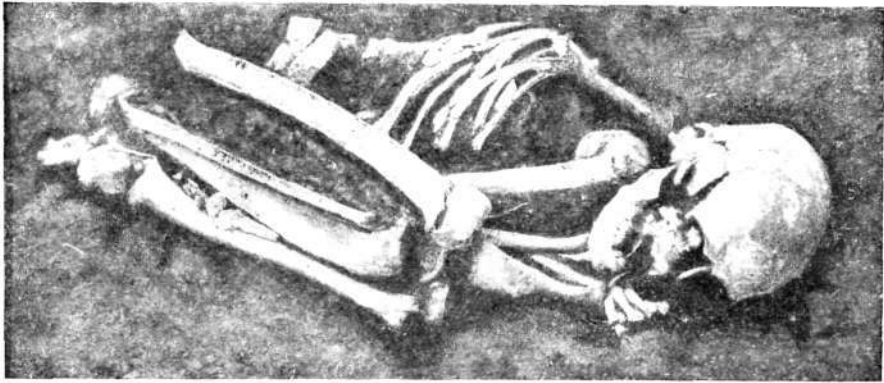

Рис. 10. Погребение № 2 (курган № 2).

Сзади, в ногах, у стенки ямы, были найдены два кувшинчика:

1. Один из них желтоватого цвета, из глины, плохо отмученной, с естественными примесями. Обжиг хороший. Тело сосуда покрыто росписью, выполненной черной краской. Орнаментация обычная, характерная для кувшинчиков, представляет собою дальнейший шаг в сторону упрощения, геометризации расписного рисунка. Высота 14.8 см, высота шейки 3.3 см, диаметр дна 5.8 см, диаметр венчика 9.6 см (рис. 18).

2. Второй кувшинчик светложелтого цвета, с шейкой, свободно переходящей в стенки сосуда, и двумя ушками у шейки, симметрично поставленными. Сохранность росписи плохая. Роспись выполнена черной краской. Характерны овалы, сделанные тройной липней. Высота сосуда 14.6 см, диаметр дна 6.3 см, диаметр венчика 9.6 см (рис. 19). В головах покойника найдены:

3. Горшок бумбовидной формы, с плоским дном и с двумя ушками на теле сосуда. Глина желтовато-серого цвета, с примесью раковины. Цилиндрическая шейка отделена от тела сосуда двумя параллельными отпечатками веревочки. По телу сосуда вертикально висящие полоски, сделанные, повидимому, из последовательных отпечатков ногтем. Высота сосуда 14.5 см (рис. 20). Найден в головах.

4. Предмет неопределенного назначения из необожженной глины округло-уплощенной формы, с плоским углублением на нижней поверхности. Диаметр 13 см. Лежал рядом с горшком (рис. 19).

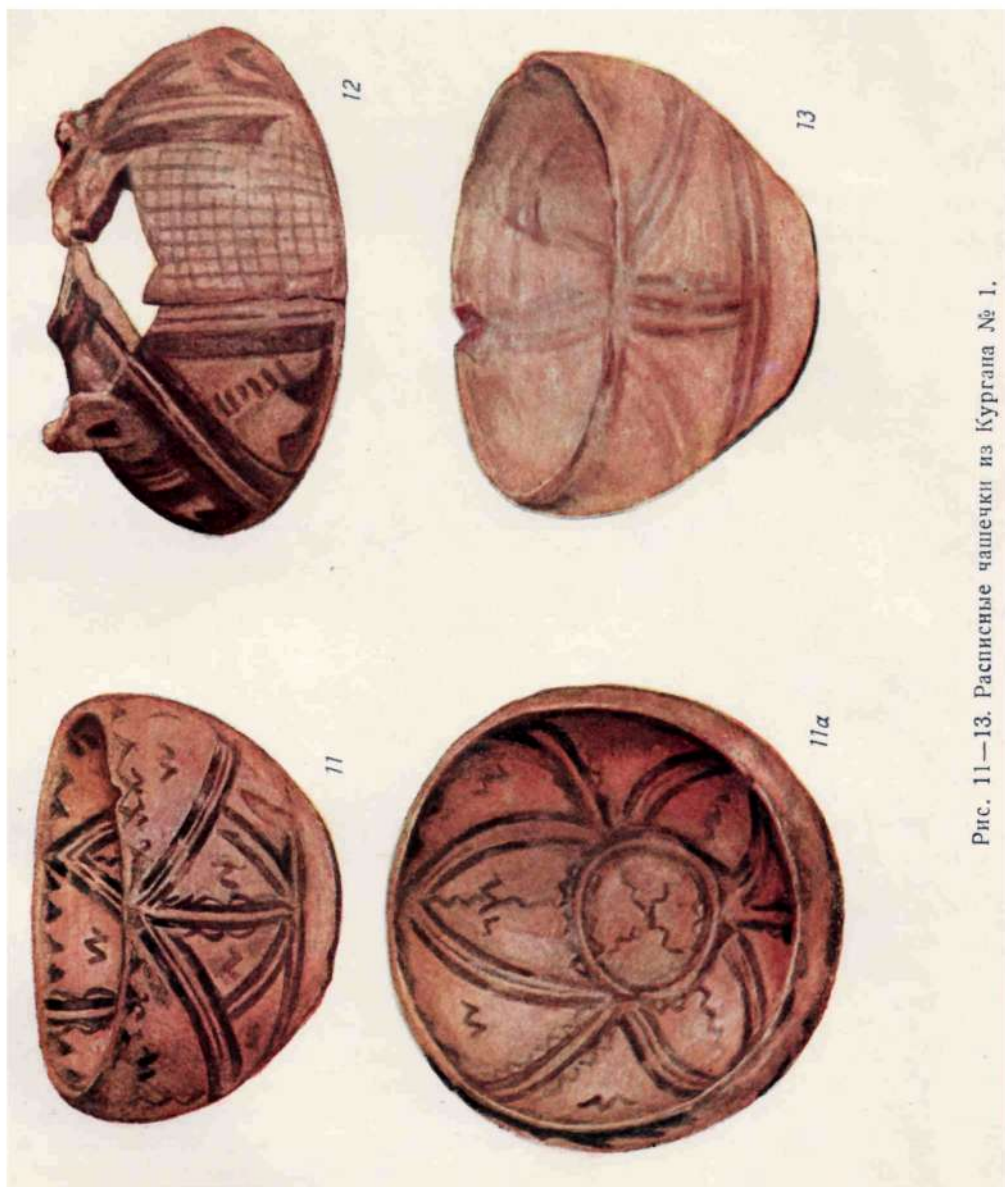

Рис. 11—13. Расписные чашечки из Кургана № 1.

Повидимому, к инвентарю этого погребения могут быть присоединены:

5. Медное шильце, найденное при расчистке камней внешнего кромлеха над ямой № 4. Шильце уплощенной формы, подтрапецевидное в сечении. Длина 3.2 см, ширина 0.2—0.4 см.

6. Половина пряслицы биконической формы. Диаметр 4 см. Высота 2.7 см. Найдена при расчистке камней внешнего кромлеха в секторе ССВ.

Незначительные остатки костяка не дают никаких данных к его определению. Вывод приходится строить из наличия определенного ассортимента инвентаря. Раскопки предыдущих лет показали, что в кургане № 1 (Усатово-село) кувшинчик сопровождал женское погребение. Справедливость этого вывода по отношению к данному погребению как будто подтверждают также находки медного шила, найденного при расчистке камней кромлеха над погребением № 4, обычного при женских погребениях данной стадии, повидимому, как инвентарь, брошенный сверху на могилу погребенной, а также пряслица, найденная также при расчистке камней кромлеха в секторе ССВ.

Яма № 6.

Возле южного выхода внешнего кромлеха лежала большая плита,

обложенная другими камнями. В этой плите, горизонтально лежавшей, было сделано чашевидное углубление диаметром до 10 см. Под плитой была открыта яма, квадратная в плане (1.0 × 1.0 м). На глубине 0.30—0.40 м яма была засыпана чистой глиной. Слой глины лежал неровно. Он был значительно толще возле юго-западной стенки ямы, где доходил до 25 см, постепенно сужаясь к северо-восточной стенке, где его толщина не превышала 5 см. Вполне очевидно, что мы имеем здесь дело с преднамеренной засышкой ямы. Глина бросалась, повидимому, от середины погребальной площадки. Этим можно объяснить ее большую толщину в юго-западной части. Таким образом здесь мы вторично встречаемся с явлением, которое наблюдали в точке № 4, а именно, с наличием глины из центрального погребения в ритуале погребений служебного значения по отношению к главному. Расчистка ямы превзошла всеякие ожидания. На дне ямы была обнаружена голова быка, высеченная из ракушечного известняка. Голова была сделана схематично в виде двух рогов и морды. Голова смотрела внутрь кургана, т. е. была обращена к центральному погребению (рис. 21).

Слева от головы:

1. Сосуд непосредственно возле правого рога, бомбовидной формы, с невысокой шейкой и венчиком, слегка отогнутым наружу. Внешняя поверхность хорошо сглажена, красноватого цвета. На плечах сосуда четыре симметрично поставленных ушка. Сосуд не орнаментирован. Высота

Рис. 14. Пронизки из просверленных зубов. Погреб. № 1 (курган № 2).

сосуда 14.2 см, высота шейки 2.7 см, диаметр два 7.4 см. Максимальный диаметр 16.5 см.

Рис. 15. Ход к яме № 5.

2. Рядом невысокий сосуд с глубоко сидящей шейкой. Поверхность сглажена. Глина с примесью раковины. Орнаментация перевитой веревочкой. Высота сосуда 4.5 см, дно уплощенное — 4.5 см, максимальный диаметр 7.7 см. Пространство между сосудами было густо посыпано белым порошком.

Рис. 16. Кладка камня на яме № 5 в плане внешнего кромлеха (курган № 2).

Возле стенки ямы:

3. Сосуд с высокой шейкой и венчиком, отогнутым наружу. На плечах два ушка, симметрично поставленных. Цвет серовато-желтый. Примесь толченой раковины. Орнамент: по венчику — серповидные отпечатки перевитой веревочкой, у основания шейки — отпечаток перевитой веревочкой.

По плечам — косые кресты перевитой веревочкой, заполняющие три четверти орнаментального пояса. Остальная четверть заполнена висящими треугольниками. Высота 11.1 см, высота шейки 3 см, диаметр венчика 8 см, диаметр дна 4.3 см (рис. 22).

4. Небольшой сосуд с высокой шейкой. Глина с примесью раковин. На двух противоположных сторонах дырочки, сделанные в сырой глине, так что часть венчика слегка оттянулась (рис. 22).

Справа от головы быка кучка охры малинового цвета.

5. Ниже — 4 тождественных фигурки из необожженной глины, поставленных плотно, одна возле другой, попарно в 2 ряда (рис. 23).

Посредине ямы ниже головы быка были разбросаны 5 коронок зубов человека. Дно ямы имеет интенсивную перегнойную окраску.

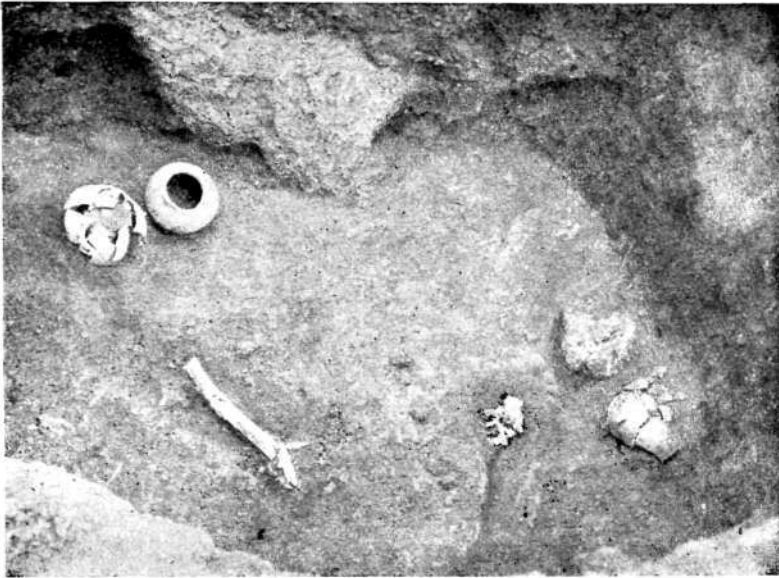

Рис. 17. Погребение № 4 (курган № 2).

6. 3 известковых бусины рядом с зубами. Диаметр бусин 9 мм, 8 мм и 5 мм.

Вполне очевидно, что находки остатков человека находились в «служебном» отношении по отношению к голове быка. Это ясно не только из того, что голова быка занимает доминирующее положение в яме, но также и из того, что весь погребальный инвентарь в виде сосудов, охры, белого порошка и т. д. был непосредственно связан с головой быка. Таким образом мы имеем здесь дело с человеческим жертвоприношением. Теперь становится понятным наличие плиты с чашевидным углублением над этой ямой, чисто ритуального значения. Повидимому, это углубление служило для культовых целей возлияний.

В засыпе этой ямы был обнаружен сосуд с высокой цилиндрической шейкой. Его характеризует большая ручка, идущая от венчика сосуда на его плечи. Глина с примесью раковин. Под венчиком орнаментация в виде серпачков перевитой веревочкой. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 6.4 см, высота венчика 2.4 см.

Закапывая на этом описании памятника, перехожу к наблюдениям и выводам, полученным в процессе его изучения.

Наблюдение памятника в процессе раскрытия дало возможность зафиксировать не только его окончательный вид, но и восстановить процесс его сооружения, т. е. известную последовательность погребального ритуала. Занимавший центральное место покойник, погребение которого сопровождалось таким сложным ритуалом, погребался не первым, а последним.

Рис. 18. Расписной сосуд из погребения № 4 (курган № 2).

выкидом из центральной ямы. Глина ямы № 1. Главный погребенный, в яму, был помещен членами рода. Об этом, как я указывала выше, говорит чернозем на ступеньках дромоса. Повидимому, тогда же был убит, — возможно, раб (погребение № 2), который должен был сопровождать господина в его загробной жизни. Он положен был без ямы, просто на земле, без всякого инвентаря, в сильно скорченной позе, с руками перед лицом. Повидимому, он был связан, а руки и ноги были плотно прибинтованы к телу. Над ними был насыпан небольшой курганчик, который был окружен каменным кругом. Иначе, как можно объяснить, что над слоем глины — выкидом из ямы № 1 — лежал под камнями внутреннего кромлеха слой чернозема (0.20—0.25 м)?

Время сооружения внешнего кромлеха, в плане указанной последовательности, пока выяснить не удалось. Очевидно одно, что сооружением кромлехов не начиналась, а заканчивалась погребальная церемония.

Как ритуальное захоронение, повидимому, можно рассматривать только погребение № 2. Что касается погребения № 4, то, повидимому, его надо рассматривать как вторичное погребение. Как я указывала, в яме № 4 были найдены незначительные остатки черепной крышки и одно бедро, причем никаких следов других разложившихся костей не наблюдалось.

Этот вывод сделан из факта нахождения глины на плитах перекрытия ямы № 4, а также нахождения глины в засыпи ямы № 6. Раньше я указывала, что глина могла лечь чистым слоем только в том случае, если она была брошена в яму непосредственно вынутая из породы. Повидимому, единственным местом, откуда она могла быть вынута, — это было центральное погребение. Отсюда следует, что яма центрального погребения копалась после того, как были закончены ритуальные процедуры с погребениями служебного значения, причем кромлехи в это время еще не были сооружены. Внутренний кромлех был сооружен уже после того, как был погребен «центральный» покойник. Прослойка глины является

после того как он был положен

Рис. 19. Расписной сосуд из погребения № 4 (курган № 2).

Во всех трех раскопанных курганах данной кладбищенской группы (№ 1 и № 2, раскопанные в 1936 г., и № 3, раскопанный в 1933 г.) полные костяки, хотя и плохой сохранности, наблюдались во всех случаях, за исключением погребения № 6 в кургане № 1, лежащего вне пределов кромлеха с положением только двух бедер, соответствующих скорченной позе; погребения № 4 из того же кургана с незначительными остатками черепной крышки и погребения № 4 из нашего кургана с положением остатков черепа и одного бедра, ориентированного как при скорченном положении. Таким образом во всех трех случаях костяки, представляющими погребенного, были черепная крышка и бедренные кости. Все эти погребения не были основными (центральными), а были дополнительными. Повидимому, мы имеем здесь дело с дополнительными захоронениями, которые принадлежали лицам, связанным с главным покойником или подчиненным ему. Эти лица были вторично погребены в курганах. О предполагаемой принадлежности данного погребения женскому я говорила уже выше.

Рис. 20. Сосуд из погребения № 4 (курган 2).

Ямы № 3 и 5, которые оказались пустыми, т. е. без покойников, но с наличием некоторого погребального инвентаря, ставят перед нами очень интересный вопрос о смысле «пустых» ям. Их пропорции весьма характерны для погребальных ям (ср. с пропорциями ямы № 6 кургана № 2: $1 \times 1 \times 1$ м, т. е. с ямой, квадратной в плане, а следовательно не типичной, которая и оказалась в действительности ямой чисто культового порядка). Охра, раковины, керамика являются обычными элементами погребального инвентаря. Повидимому, мы имеем здесь дело с условным захоронением членов данной родовой организации, которые должны были участвовать в погребальной церемонии, но в силу каких-то причин их участие выразилось лишь в символическом погребении.

Повидимому, некоторым подтверждением указанных соображений является факт склейки керамики из ямы № 3 нашего кургана и из ямы № 4 кургана № 1.

В яме № 4 кургана № 1 рядом с черепной крышкой была найдена керамика, частично давшая целые сосуды, частично склеившаяся с керамикой кургана № 2. Погребение это было, повидимому, вторичным, судя по находке остатков черепной крышки. Разброска фрагментов от двух сосудов, преднамеренно разбитых, в ямах двух различных курганов указывает на их ритуальную связанность и вместе с тем говорит об одновременности кургана № 2 и погребения № 4 из кургана № 1, расположенного вне кромлеха, у самого края курганной насыпи. Отсюда мы можем предположить, что курган № 1 был насыпан раньше кургана № 2, причем во время сооружения кургана № 2 в юго-восточном поле насыпи кургана № 1 было совершено дополнительное вторичное погребение (№ 4).

В итоге остается еще поставить вопрос о том, кто же был похоронен с таким пышным ритуалом. Начиная с 1921 г., когда впервые начались раскопки в с. Усатово, было исследовано 6 курганов, включая и наши раскопки 1936 г. Каждый из них, сохраняя общие черты, увязывающие его

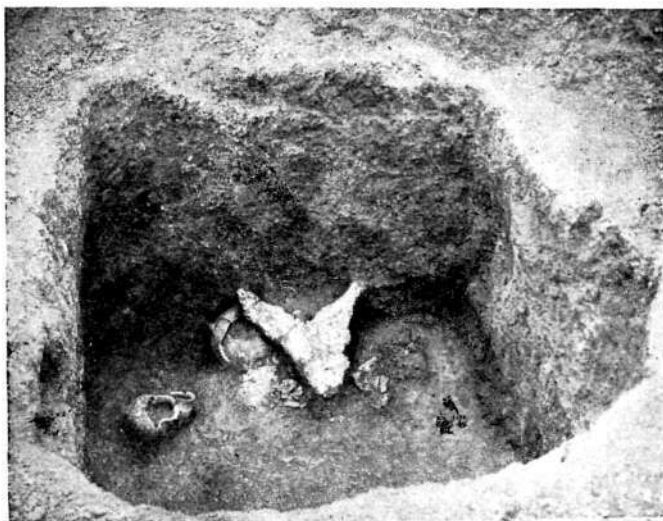

Рис. 21. Яма № 6. Ритуальное захоронение головы быка (курган № 2).

с. Усатово), станет, может быть, понятным, что курган насыпался не над всяким членом родовой организации и не каждый член родовой организации погребался под курганной насыпью, хотя бы и на правах второго порядка.

Сравнивая инвентарь центрального погребения из нашего кургана с инвентарями других, ранее раскопанных усатовских курганов, мы видим, с одной стороны, обычный, бывший в употреблении горшок для пицци и чашу для питья, однако с косым крестом на дне ее, т. е. с графическим выражением символики, довольно редкой на чашах и обычно увязывающейся с культом быка, с другой стороны, полное

отсутствие орудий труда или оружия, обычных в других курганах, как, например, кинжал (с. Усатово, курган № 1), медный топорик (с. Усатово, кладбище, курган № 3), роговая мотыга (с. Усатово, кладбище, курган № 1). Вместо этого мы находим пронизки из зубов в качестве украшений ног, имевших, повидимому, магическое значение, височные кольца, бусы. К этому надо добавить ритуальную яму, связанную с культом быка. Незолжно напрашивается вопрос, не имело ли и погребенное здесь лицо отношения к этому культу.

Рис. 22. Сосуд из ямы № 6 (курган № 2).

с другими, имел свои существенные индивидуальные особенности. Повидимому, основанием для этого была та сложность общественной структуры родового патриархального общества, которая обуславливала различия в погребальном ритуале, сообразно социальной значимости разных индивидуумов. Учитывая нахождение могильника массового типа рядом с курганной группой (в самом

Культ солнца и быка, возникающий на определенном историческом этапе, блестяще документирован нашим курганом. Культовая роль кромлеха обусловлена культом солнца и раскрывает миропонимание общества на определенной стадии развития.¹ В нашем кургане мы встретили два каменных круга. Внешний имел выходы, ориентированные на юг и север, внутренний же был плотно замкнут. Думаю, что различие в их кладке, в их архитектонике не случайно; оно, повидимому, может быть объяснено за счет их различного смысла. Если внешний круг может быть истолкован как кромлех, как круг солнца, освещающего за гробом жизнь покойника и всех тех, кто идет вместе с ним, то внутренний круг, повидимому, должен быть объяснен как магический круг, замыкающий главного покойника и охраняющий его покой от каких-либо посягательств.

Вопрос о культе быка, много раз ставившийся прежними исследователями на базе материала самого Усатовского селища (раскопки 1921—1933 гг.), снова может быть поставлен на блестящем материале ямы № 6 нашего кургана. Весьма существенным моментом является самый факт

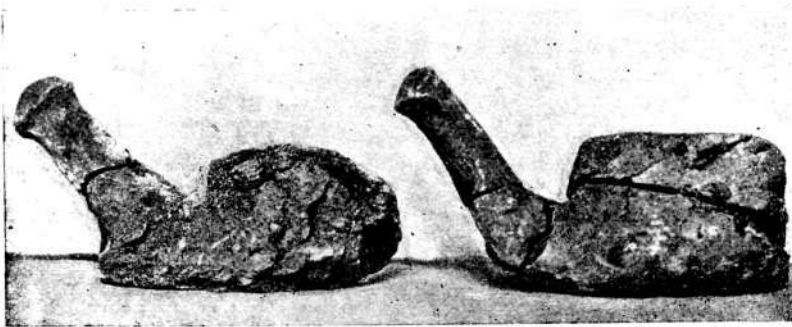

Рис. 23. Фигурки из необожженной глины. Яма № 6 (курган № 2).

«сучастия» быка в погребальном ритуале. Из данного выше описания ямы № 6 ясно, что по отношению к быку, символически представленному в виде головы, схематически высеченной в камне, был выполнен сложный погребальный ритуал, повидимому, даже с человеческими жертвоприношениями (коронки зубов человека). Над его ямой совершались возлияния (см. чашевидное углубление на плите). Чрезвычайно интересно раскрыть символику фигурок из необожженной глины, найденных в этой же яме, поставленных в направлении движения к огню — охре. Символика орнамента одного из сосудов тоже заслуживает большого внимания: это сосуд с косыми крестами по его плечам.

Раскопки Усатовского селища прежних лет дали очень интересный материал, показавший увязку символики косого креста с культом быка. Ту же символику, в той же увязке мы видим на материале египетской и критской культуры. Вопрос о магическом смысле орнамента, обусловленном строем мышления общества данной стадии развития, найдет богатую почву для своего разрешения на усатовско-трипольском материале.

Бескурганный массовый могильник

В процессе предварительного обследования предполагаемых пунктов раскопок, мы получили от местного населения интересные данные относительно новых пунктов нахождения усатовских погребений. Погре-

¹ И. И. Мещанинов. Кромлехи. ГАИМК, Лгр., 1930.

бения были обнаружены на целинном участке, непосредственно примыкающем с одной стороны к восточной стороне усадьбы Телющенко (б. Мороза) и Копанева, с другой граничащем со значительным участком разработок известняка, идущего для нужд строительства города. По сведениям наших рабочих, принимавших участие в этих работах по добыче камня весной 1936 г., при снятии слоя земли, покрывавшей известняк (на этом участке камень залегает неглубоко от поверхности и разрабатывается сверху, а не путем шахты), было обнаружено:

1. Против усадьбы Телющенко 2 погребения в ямах. При каждом из них было по сосуду красному, хорошего обжига, и черному. При одном из них был найден медный кинжал, который был брошен тут же в шахту и потом естественно завален камнями.

2. Дальше к северу против конца той же усадьбы, недалеко от усадьбы Копанева, при этих разработках был обнаружен один скелет в яме, при нем два горшка.

3. Против усадьбы Копанева было открыто 5 скелетов в самостоятельных ямах. При всех находилась керамика. Возле одного из них был найден кинжал, при другом скелет маленького ребенка.

Осмотр указанного участка дал следующие данные:

1. Котлован возле угла усадьбы Телющенко пришелся как раз на небольшое возвышение, которое я наблюдала еще в 1933 г. и которое тогда еще возбуждало во мне сомнения. Его неясные расплывчатые формы, деформированные проходившей рядом дорогой, идущей вниз, к лпмаву, не давали достаточного основания рассматривать его как курган. Находки, сделанные в этом котловане, доказывают, что этот бугорок действительно был курганом. Осмотр котлована не дал никаких наблюдений.

2. Осмотр второй точки дал обрезы погребальных ям в западной стене котлована. Над одним пятном ямы были видны тонкие пласты из раковинистого известняка, осевшие слегка внутрь.

3. Осмотр участка против усадьбы Копанева не дал никаких наблюдений; так как весь он был уже разработан до слоя известняка. Однако наша расчистка одного из выходов дала характерную усатовскую керамику с примесью раковины, медное четырехгранное шильде и обломки разрозненных костей человеческого скелета. Тут же девочкой Копанева был передан горшочек, раскопанный ее отцом, работавшим на этом участке, и сохранный девочкой. Это был кувшинчик розовато-желтоватого цвета, хорошего обжига, с двумя ушками, поставленными по телу сосуда, и с сетчатой орнаментацией, выполненной коричнево-черной краской, заполнявшей тело сосуда. Высота сосуда 13 см, диаметр горшка 7,3 см, диаметр дна 5 см.

Планом, составленным после осмотра участка, было предусмотрено исследование всего этого узкого участка целины с целью выявления бескурганых усатовских погребений. Если были основания точку против угла усадьбы Телющенко рассматривать как курган, если относительно точки против усадьбы Копанева ничего нельзя было сказать, так как весь участок был разработан до плиты, то точка 2, против конца усадьбы Телющенко, давала явную картину бескурганых погребений.

Был вскрыт участок (8 × 7 м), непосредственно примыкающий к стенке котлована, в обресе которого были обнаружены пятна погребальных ям. Расчистка показала, что на глубине третьего штыка начинался слой глины. Слой чернозема дал единичные находки кремня и обломки современного железа, стекла, посуды. Никаких нарушений естественного залегания слоев обнаружено не было. Никаких погребений, кроме открытых в обресе котлована, обнаружено не было.

Перехожу к их рассмотрению:

Погребение № 1.

Непосредственно под дерновым слоем находились плиты перекрытия ямы. Вполне очевидно, что в свое время плиты находились на поверхности. В разрезе стенки котлована видны одна горизонтально лежащая плита и две других, которые осели внутрь ямы. Плиты тонкие 0.8—0.10 м. Яма имеет прямоугольную форму, несколько корытообразную по дну. Длина ямы 1.10 м, ширина от стенки котлована 0.6 м, глубина 0.65 м, т. е. яма слегка опущена в слой глины.

На дне ямы погребение в скорченном положении, головою к югу, лицом к западу. Костяк лежал слегка на левом боку с поджатыми ногами. Левая рука согнута в локте и направлена к лицу. Правая согнута в локте и лежит на поясных позвонках. Сохранность костей очень плохая. Инвентарь отсутствует, если он не был уничтожен при рытье котлована, так как часть ямы снята стенкой котлована.

Яма № 2.

Рядом с ямой № 1, ориентирована в том же южно-северном направлении. Яма почти целиком была захвачена котлованом. Яма прямоугольная в плане с закругленными углами. Никаких находок, кроме раковины *Midium*, обнаружено не было (длина 1.05 м, глубина 0.75 м).

Погребение № 3.

В 20 м к юго-юго-востоку от рассмотренных ям был исследован старый шурф (2 × 2 м) строительной организации, в обресе которого на глубине 0.5 м была видна плита. Расчетка этого участка дала погребение непосредственно под плитой (0.65 × 0.60 × 0.08 м). Так как все погребение находилось в переходном слое, не доходило до слоя глины и, естественно, было засыпано землей того же черноземного слоя, то форму и размеры ямы установить не удалось. Сохранность костяка была очень плохая. Костяк лежал на левом боку. Ноги были согнуты в коленях. Руки согнуты в локтях и направлены к лицу. Перед грудью погребенного — сосуд слабого обжига. Глина с примесью раковины. Горшок с прямым дном и цилиндрической шейкой. Небольшое ушко. Орнамент отсутствует. Фрагменты другого тонкостенного сосуда украшены выемками треугольниками из 4 параллельных линий, выполненных вдавленной тонкой веревочкой.

Ценность исследования данного участка в том, что здесь мы впервые встречаемся с бескурганым способом усатовских погребений (погреб. № 1, 2, 3). Их объединяют общие черты: небольшие неглубокие ямы, едва опущенные в слой материковой глины, покрытые сверху плитами, скорченные погребения с бедным инвентарем.

Ценность этого материала в том, что он дает данные к пониманию социальной дифференциации усатовского общества, уводя дальше, за пределы того понимания, которое до сих пор давали раскопки курганов.

Усатовские находки для исследователя прежде всего интересны тем, что они дают и селище и его погребения, причем, как удалось установить раскопками 1936 г., эти погребения двойного рода: курганные и бескурганные — в неглубоких ямах, не идущих глубже 0.75 м от современной поверхности.

Что касается материальной базы, на которой строилась жизнь этого поселения, то раскопки предыдущих лет дали возможность выяснить, что ведущими отраслями хозяйства здесь были: 1) разведение крупного и мелкого рогатого скота, 2) рыболовство и 3) мотыжное земледелие.

Исследование огромного количества костей, полученных с территории селища, дало возможность вместе с рьяными видами домашних животных увидеть и разнообразную для той поры дикую фауну, которая как будто

позволяет сделать некоторые заключения и о ландшафте Причерноморской полосы далекого от нас времени.

Предварительное изучение костей животных И. Г. Пидопличкой дали такие результаты:

На долю домашних животных приходится из общего количества животных 71.6%. Таким образом процент количества диких животных выразился цифрой 28.4%. Это дает право заключить, что охота (на диких животных) для усадовцев отступила на второй план, именно благодаря успехам скотоводства.

Среди видов диких животных, на которых охотились усадовцы, можно назвать: тур, кулан, дикая свинья, сайга, олень, козуля, волк, лисица, заяц, бобр. Из рыб встретились кости сома и осетра.

Наличие таких четвероногих, как бобр, и рыб, как осетр, говорит за то, что усадовцы жили в условиях совсем иного ландшафта: в ту пору лиман должен был представлять собою пресноводную реку при отсутствии пересыпи. Еще в XVII в. в украинских степях, по словам Боллана, разгуливали «целыми стадами олени, лави, сайги», попадались кабаны и целые табуны диких лошадей.¹ Тогда еще украинские степи имели своеобразный вид, далекий от современного, освоенного земледельческой культурой. Кроме того, наличие дикого кабана указывает на огромные заросли камыша по болотистым местам рек на месте Хаджибейского лимана.²

Интересно количественное отношение между отдельными видами домашних животных:

Название животных	Г о л о в ы	
	абсолютное количество	%
Корова (<i>Bos taurus</i>)	186	31.6
Конь (<i>Equus caballus</i>)	91	15.5
Овца (<i>Ovis aries</i>)	223	38.0
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	13	2.2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	7	1.1
	520	88.4
Дикие животные	68	11.6
	—	100.0

Уже наличие развитого скотоводства в Усадовском селище говорит за то, что здесь перед нами родовая патриархальная коммуна, а самый характер погребений (центральная могила мужчины, часто в сопровождении захороненных рабов и женщины) ведет нас к заключению, что перед нами

¹ Боллан. Описание Украины. СПб., 1832, стр. 93.

² А. Мейер, автор «Описания Очаковской земли», вышедшей в 1794 г.; говорит, что «в болотистых камышах по берегам Днестра» водятся дикие кабаны (стр. 119).

в усатовском поселении не равняя стадия патриархальной коммуны, а период становления или развития домашней общины, т. е. состояние распада единого рода как хозяйственного целого на большие хозяйствующие семьи, во главе которых стояли патриархи, объединявшие под своей властью семьи своих сыновей и приобретенных домашних рабов. Важно отметить, что навстречу этому заключению идут также курганные погребения, где за пределами кромлеха, сооруженного в интересах захороненного главы большой семьи, устраивались под плитами могилы, связанные, очевидно, родством с центральным погребением, но по времени более поздние. На такой вывод, по крайней мере, напрашиваются погребения кургана № 1.

Что касается наличия примитивного земледелия, доказательствами в пользу его служат зерноотерка из известкового камня, а также обломки роговых мотыг, найденные при раскопках селища в предыдущие годы.

Раскопки 1936 г. дали, как мы это видели, роговую мотыгу в центральном погребении кургана № 1.

На ряду с отмеченными отраслями хозяйства нельзя пройти мимо развившегося ремесла. Здесь к идущим из седой древности способам и приемам обработки дерева, кремня и кости (деревянные ручки для орудий труда и оружия, кремневые ножи, скребки, проколки, пакопечники стрел, костяные шилья и проч.) надо присоединить и начальные опыты литейного дела. Погребальный инвентарь до сих пор дал ничтожное количество медных шильев, украшений в виде подвесок, один медный топорик, хотя медные предметы, надо полагать, имели значительное применение. На территории селища был обнаружен фрагмент небольшого глиняного тигля (часть венчика) со следами шлака.

Следует попутно отметить, что одно из погребений раскопок 1926 г. дало медный нож средиземноморского типа, что свидетельствует о проникновении таких вещей, возможно, извне.

Никаких данных для выделения ремесла в особую самостоятельную отрасль раскопки пока еще не принесли.

Наличие развитого скотоводства при неизменности мотыжного земледелия и домашнего хозяйства должно говорить за патриархально-родовой строй усатовского поселения. Курганные погребения дают веский материал в пользу такого заключения. Захоронение мужчины вместе с женщиной и рабами в одном кургане — явление для усатовских погребений характерное. Судя по инвентарю курганных погребений, можно ясно видеть в рамках родовой патриархальной коммуны следы социального расслоения: инвентарь центрального погребения богат по сравнению с остальными погребениями, которые его сопровождают; иногда раб кладется без ямы возле могилы своего хозяина, как в кургане № 2 Усатовского кладбища раскопок 1936 г., без всякого инвентаря. Кроме этого, установленные раскопками 1936 г. бескурганные погребения, где скорченники сопровождаются незначительным инвентарем, как будто позволяют сделать заключение, что под курганами в магических кругах кромлеха хоронились только представители верхушки патриархально-родового общества, тогда как рядовые члены не требовали для себя столь сложных сооружений и, значит, сложного культового ритуала.

На базе патриархально-родового строя вырастала и соответствующая идеология. Особенно следует подчеркнуть культ быка. Его глиняные изображения, найденные на территории селища, и особенно интересное захоронение головы быка в кургане № 2 говорят о его почитании достаточно ясно.

Помимо быка, повидному, культом окружено было и другое домашнее животное — овца. По крайней мере раскопки селища в 1933 г. дали одно

небольшое глиняное изображение барана (сохранились голова и часть туловища).

Нельзя попутно не отметить и обильного количества женских статуэток двойного типа. Одни из них, с которыми можно было познакомиться по раскопкам кургана № 1 в 1936 г., характерны призматическим основанием, покрытым вдоль ребер магическими вдавленными знаками в виде зигзага или буквы W, сделанной росписью и на погребальных светлоглиняных чашах. Верхняя часть этих статуэток представляет собою как бы тонкую шею, кончающуюся стилизованной головой в наклоненной позе. Другие фигурки дают более реальное, хотя все же сильно стилизованное изображение женщины. Первые обычно встречаются в курганных погребениях при отсутствии женских захоронений; вторые были найдены исключительно на месте селища и, надо полагать, продолжали собою традицию культа женского божества, который был выработан еще на стадии матриархальной.

На ряду с этими объектами культа играло большую роль солнце. Связь кромлеха с видимым диском солнца достаточно хорошо разъяснена акад. И. И. Мещаниновым, использовавшим в литературе, между прочим, и данные усатовских курганов.

Усатовская культура, счастливо представленная значительными остатками селища, могильниками курганным и бескурганым — массовым, представляющая собою дальнейший этап в развитии так называемой «трипольской культуры»,¹ синхроничная одновременно с этим с мегалитической культурой правобережья и катакомбной культурой левобережья Украины, представляет собою чрезвычайно ценные страницы истории доклассового общества Надчерноморья. Учитывая чрезвычайную значимость этого исторического документа, представленного пока что в основном раскопками в с. Усатове под Одессой, необходимо неспешно и полно подойти к изучению уже накопленного, но пока недостаточно освещенного материала, происходящего из Усатова, а также с максимальной научной бережливостью вести дальнейшие исследования.

V. SELINOV ET E. LAGODOVSKAJA

FOUILLES EXÉCUTÉES EN 1936 AUX ENVIRONS D'ODESSA PAR LE MUSÉE HISTORICO-ARCHÉOLOGIQUE D'ODESSA

RÉSUMÉ

Les fouilles entreprises au village d'Oussatovo près d'Odessa, sur la rive droite du liman de Hadji-beï, ont fourni d'intéressants résultats, qui ont élargi notre connaissance de ce monument archéologique daté de la fin du IIe millénaire avant notre ère.

Sous l'enveloppe de terre du tumulus № 1, entouré d'un cromlech de dalles calcaires, on a décelé au centre la sépulture principale. Dans une fosse quadrangulaire se trouvait un squelette, dans la posture repliée ordinaire. Près de la nuque était placé une houe en bois de cerf. C'est la première trouvaille d'outil de ce genre près d'un mort dans les tumuli d'Oussatovo. Aucun autre objet n'a été rencontré ici. La partie sud du tumulus cachait 4 fosses funéraires à l'extérieur du cromlech et une à l'intérieur. La fosse № 2 était vide; la fosse № 3 renfermait un petit vase d'argile, la fosse № 4 des fragments de crâne humain et trois vases d'argile, la fosse № 5 une statuette votive fémi-

¹ Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ. Херсон, 1903, стр. 114—123, курганы №№ 49, 50, 65, 74, 89. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1918, стр. 20.

nine en argile commune à Oussatovo et des tessons d'un petit vase et la fosse № 6 deux écuelles d'argile et des ossements humains décomposés.

Les fouilles du tumulus № 2 ont mis au jour deux cromlechs et outre la sépulture centrale, sous les pierres du cromlech extérieur, quatre fosses, et sur l'ancien sol près de la tombe principale un squelette fortement replié sans aucun mobilier funéraire.

Le rituel funéraire compliqué témoigne des plus grands égards envers le défunt principal. Non seulement il avait des colliers magiques en dents de loup aux pieds, des anneaux temporaux en cuivre, une coupe et un vase, mais auprès de sa fosse était enseveli un esclave, et sous les pieds du cromlech extérieur dans la fosse № 3 était réuni tout le matériel nécessaire au rituel funéraire (poterie, morceaux d'ocre) — sépulture fictive. Dans la fosse № 6, on a découvert une sépulture symbolique de taureau sous forme de tête à cornes sculptée en calcaire, accompagnée de vases en argile (dont l'un porte un ornement en croix en forme de x). Dans cette même tombe, on a trouvé des figurines originales en argile et de petits morceaux d'ocre.

La structure du tumulus № 2 permet de déterminer l'ordre du rituel funéraire. Sur l'emplacement choisi pour la sépulture, on a creusé d'abord des fosses auxiliaires, au-dessus desquelles sera édifié le cromlech extérieur, après quoi on a creusé la fosse principale, avec marches y descendant. C'est à ce moment qu'on a construit le cromlech extérieur. Puis on a immolé un esclave, couché près de son maître, et on a élevé au-dessus de son cadavre un petit tertre, entouré ensuite par le cromlech intérieur. Enfin, les deux cromlechs ont été ensevelis sous le tumulus.

À Oussatovo, on a découvert en outre un cimetière à nombreuses tombes sans tumulus de la même culture, ce qui atteste une différenciation sociale déjà assez avancée de la population d'Oussatovo.

С. МАКАЛАТИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕЛ. ДАБЛАГОМИ И АГАЯНИ

1. ДАБЛАГОМИ

Сел. Даблагоми находится в Самтредском районе, приблизительно в 4 км к западу от платформы Дапнари Ватумской линии железной дороги. Расположено оно на окраине обширной Рионской долины, в том месте, где долина ограничивается горным хребтом, разделяющим Имеретию и Гургию. Среди этих гор в окрестностях сел. Гоми выделяется довольно высокая гора, носящая местное название «Нацхвара», у подножия которой расположено сел. Даблагоми (Нижняя Гоми). Название «Нацхвара» указывает, что здесь была крепость.

Правда, остатки крепости не сохранились, но самое местоположение горы «Нацхвара» было чрезвычайно благоприятно для постройки укрепления. С вершины «Нацхвара» открывается вид на всю Рионскую долину; с юго-запада гора ограничена глубоким ущельем; с этой стороны «Нацхвара» неприступна. Поэтому можно предположить, что вершина этой горы была использована и как наблюдательный пункт.

Поверхность «Нацхвара» была ранее покрыта лесом; с сороковых годов прошлого столетия здесь появляются поселки, и в связи с сельскохозяйственными работами начались археологические находки.

Во время земляных работ крестьяне неоднократно находили глиняную посуду и большие амфоры, в которых встречались человеческие кости, украшения, монеты и проч. Все эти находки обычно пропадали для науки, пока в 1929 г. сотрудник рукописного отдела Музея Грузии Н. Бердзенишвили во время своей поездки в Гургию для собрания рукописных памятников случайно не узнал от художника Ш. Дзенадзе о даблагомских находках.

Н. Бердзенишвили на месте осмотрел одно погребение, обнаруженное в 1932 г., собрал у крестьян найденные там золотые украшения, серебряные монеты, черепки посуды и проч. Он даже производил раскопки, и ему удалось раскопать две могилы, но, к сожалению, Бердзенишвили не мог обратиться в погребальном инвентаре и установить характер погребений.

30 октября 1933 г. по поручению Археологического отдела Музея Грузии я был командирован в Даблагоми, чтобы осмотреть «Нацхвару» и произвести там контрольную раскопку.

При разведке оказалось, что вся почва «Нацхвара» насыщена черепками глиняной посуды, золой и остатками углей. Всюду встречаются обломки больших глиняных амфор (урн), местами находили бронзовые украшения и мелкие серебряные монеты, так называемые колхидки.

Между прочим, при разведке мной было найдено дно глиняного горшка (диаметром 6 см); в середине этого дна вставлен обсидиановый осколок; сосуды подобного рода известны под названием «Fensterurnen».

Нужно заметить, что сосудов типа «Fensterurnen» найдено несколько экземпляров в Восточной Грузии.¹ Что же касается Западной Грузии, то мы здесь только в Даблагоми имеем случай находки фрагмента этого интересного сосуда (рис. 1).

Осмотрев место «Нацихвара», мы для выяснения характера погребения приступили к контрольной раскопке. Такую раскопку возможно было произвести у среднего пояса «Нацихвара», где нет ни поселений, ни виноградников. Местность покрыта папоротниками, имеет крутой склон, и, видно, она не подвергалась распашке.

К раскопкам приступили 2 ноября, и при первом же ударе лопаты рабочие наткнулись на край большой амфоры «квеври». При расчистке земли квеври оказался с трещинами, и так как выкопать целиком его было трудно, начали расчистку внутри, чтобы выяснить характер погребения. На глубине 40 см в квеври оказался лежащим на боку черный глиняный кувшин.

У западной стенки квеври были найдены мелкие разноцветные стеклянные бусы и бронзовая привеска.

На дне лежали бронзовый браслет и мелкая серебряная колхидка.

Человеческий скелет не сохранился, но вынутая из сосуда земля из квеври была насыщена его истлевшими частями. Верхняя часть могилы была разрушена, вода сюда легко просачивалась и смывала находившиеся там погребения.

При климатических условиях Западной Грузии, где бывают частые дожди и где вообще сыро, кости человеческого скелета скоро подвергаются разложению и уничтожению.

Погребальный квеври оказался из хорошо выжженной глины, внутри он кирпичного цвета, снаружи черный. Квеври был зарыт в земле вертикально, в опрокинутом положении. Дно у него было отбито с целью уложить мертвеца, так как квеври имеет узкое горло, через которое невозможно опустить труп в сосуд.

Размеры квеври: высота 59 см, окружность 1.70 м, диаметр отбитой части 66 см, диаметр горла 29 см, толщина стенки 1.6 мм (рис. 2).

Глубина квеври от поверхности почвы: с южной стороны 44 см, с северо-западной стороны (в направлении по склону) 10 см.

Даблагомский квеври имеет округленную форму, узкое горло, конусообразное дно. Стенки с наружной стороны украшены веревочными полосками, у горла имеется изображение креста.

Квеври формировался на гончарном круге и после подвергался обжиганию в закрытой яме.

Поблизости от места раскопки были собраны фрагменты крупных сосудов, подобных сосуду, заключающему в себе описываемое погребение. Часть их украшена орнаментом. Среди украшенных мотивов встречаются изображения животных.

Наша контрольная раскопка выяснила тип погребального квеври и расположение его инвентаря.

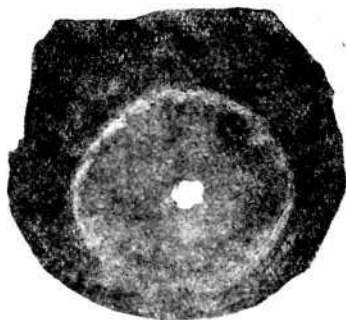

Рис. 1. Fensterurne. 1/3 н. в.

¹ S. Makalathia. L'ancienne nécropole de Plavismany. Bulletin du Musée de Géorgie, т. V, 1930, стр. 233—240.

Однако дать определенный ответ на то, в каком положении находился в сосуде труп, мы считаем преждевременным, пока не будут продолжены раскопки на даблагомском некрополе. Ограничимся пока некоторыми предположениями о возможной форме даблагомского погребения.

Как мы отметили, в погребальном кувшине кости не сохранились, и потому трудно судить о расположении скелета. Возможно, мы здесь имеем дело со вторичным погребением, когда покойного сперва оставляли на открытом воздухе или вешали на деревьях, а после его истлевшие кости собирали, клали в урну и хоронили.

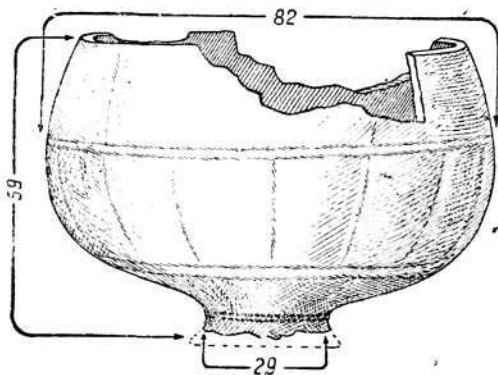

Рис. 2. Погребальный глиняный кувшин «квеври».

Подобная форма погребения, как нам известно по сведениям Аполлона Родосского, практиковалась у колхов.¹ Нам известно два типа погребений в глиняных сосудах: 1) в сидячем положении,² 2) в лежачем положении и в скорченном виде, на боку.³

Даблагомское погребение, судя по расположению погребального инвентаря, должно быть скорее скорченное. Голова покойника была помещена в западной стороне погребения; на это указывает найденное здесь ожерелье из бус с бронзовой подвеской. Покойник, вероятно, лежал на левом боку, лицо и руки были обращены к северу, где были найдены бронзовый браслет и мелкая серебряная монета (рис. 3).

При анализе находок даблагомского погребения особо важным фактом нужно считать находку серебряной монеты (колхидки), которая приблизительно определяет эпоху нашего могильника.

Колхидка эта обычного типа (рис. 4).

Лицевая сторона. Изображение женской головки в профиль вправо, с опущенными сзади волосами.

Оборотная сторона. Изображение головы быка влево.

¹ В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 2. СПб., 1889, стр. 418.

² S. Morgan. Mission scientifique au Caucase, II. Paris, 1889.

³ Открытие подобного типа погребения имело место в Земо-Авчалах, на территории Загэса, в 1923 г. Здесь на глубине 2.85 м были найдены две глиняных амфоры шарообразной формы, и в одной из них лежал скелет человека в скорченном положении, на левом боку и головой к югу (см. предварительные сведения об этом: Vesendok, Archäologisches aus Kaukasus, Archäologischer Anzeiger, 1925).

Эти мелкие серебряные монетки чеканились и обращались в Колхиде с IV—I вв. до н. э.¹

На территории Западной Грузии (древняя Колхиды) колхидки встречаются сотнями, иногда в виде кладов в глиняных сосудах. В Даблагоми эти монеты находят очень часто, и, между прочим, известна находка клада в составе около ста штук колхидок, заключавшихся в серебряной миске (рис. 5). Находка эта, возможно, связана с погребением.

Интересно, что на одной из монет клада сохранился кусок льняной ткани.² Очевидно, колхидки эти хранились в мешочке, который при погребении был положен на серебряную миску (рис. 5).

Знаменательно, что при нашей раскопке колхидку мы нашли в самом погребении, у дна куври. Это первый случай нахождения колхидки среди погребального инвентаря.

Нужно отметить, что на территории «Напихвара» кроме мелких колхидок других монет до сих пор не было найдено. Произведенная контрольная раскопка подтвердила наше предположение, что монеты, случайно найденные здесь крестьянами, собраны из разрушенных и смытых погребений.

Сравнительное изучение инвентаря даблагомского погребения показывает, что найденные здесь стеклянные разноцветные бусы и бронзовый браслет тонкой работы и с благородной патиной относятся к позднему периоду, приблизительно к IV—I вв. до н. э.

Исходя из этого, а также из более достоверно датирующего факта найденной здесь серебряной колхидки, даблагомское погребение мы относим к III—II вв. до н. э.

Даблагоми ждет больших археологических раскопок, и эти раскопки могут иметь громадное значение для изучения истории античной Колхиды.

¹ S. Makalathia. Die Kolchische Didrachme. Bulletin du Musée de Géorgie, т. VII, стр. 193—202.

² По сведениям Геродота, колхи занимались выделкой из льна полотна, которое называлось «сардонским» и славилось своим высоким качеством (Латышев, ук. соч., стр. 9).

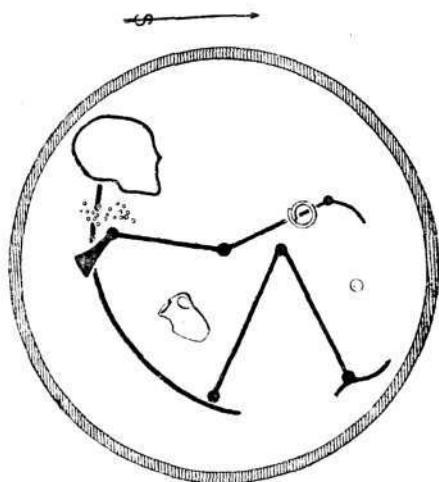

Рис. 3. Форма погребения.

Рис. 4. Колхидки, найденные в Даблагоми. Н. в.

Возможно, что под «Нацхвара» мы имеем один из акрополей древней Колхиды.

В Музее Грузии хранятся следующие случайные находки из Даблагони [см. Каталог Археол. отд., № 20—29 (1—139)].

1. Золотые серьги из круглой и тонкой проволоки с ушками.
2. Золотая серьга того же типа с золотой привесочкой.
3. Бусы золотые.
4. Бусы из темнокрасного агата.
5. Браслеты из белого металла с изображением на обоих концах змеи (2 экз.), диаметр 5 × 6 см.
6. Браслет бронзовый из круглой проволоки.
7. Гривна серебряная, диаметр 10 × 10 см.
8. Топорик бронзовый.
9. Топор железный.
10. Железный наконечник копья.
11. Кувшин из черной глины с ушком, высота 12 см., диаметр горла 6 × 6 см.
12. Кувшин без ручки черной глины.
13. Ушки глиняного сосуда.

2. АГАЯНИ

Сел. Агаяни находится в Горийском районе, в расстоянии 5 км от железнодорожной станции Ксани. Деревня расположена в Ксанском ущелье (Квемочальский сельсовет).

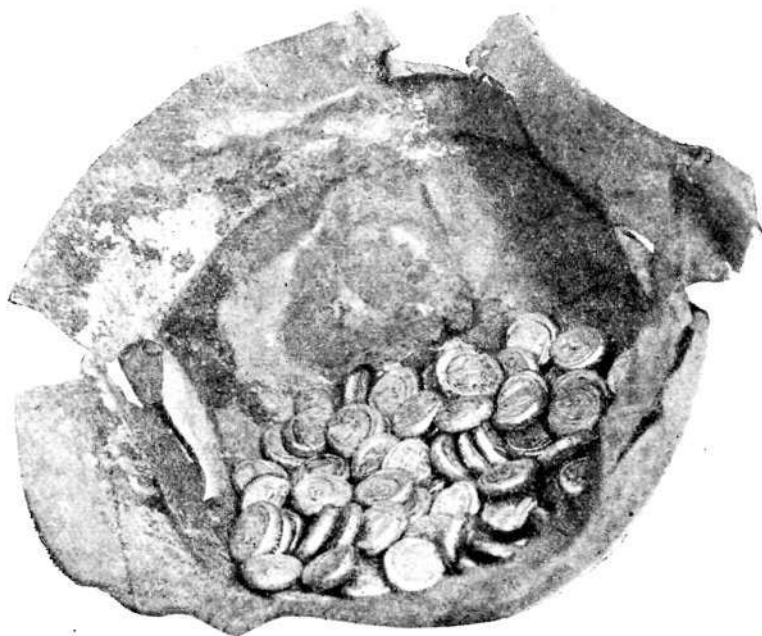

Рис. 5. Серебряная миска с колхидками. 4/7 н. в.

В 1928 г. в ноябре месяце в Агаяни на участке так наз. «Ахали-Сопели» крестьянин Г. И. Махарашвили открыл глиняный саркофаг. Махарашвили копал землю для постройки хлева и в глубине одного метра случайно наткнулся на погребение. Саркофаг оказался с трещинами, и при расчистке и вскрытии он развалился.

В саркофаге он нашел в беспорядочном расположении кости скелета, золотые украшения и две золотые монеты.

Глиняный саркофаг из хорошо выжженной глины, красноватого цвета, толщина стенок 2,5 см. Из сохранившихся фрагментов можно установить, что саркофаг имел овальную форму и сверху закрывался крышкой.

Находка глиняных саркофагов в Грузии имеет место не впервые: один был найден в Арагвском ущелье, в сел. Сагурамо (рис. 6),¹ второй — в сел. Урбниси (рис. 7) (оба саркофага хранятся в Музее Грузии),² третий саркофаг

Рис. 6. Сагурамский глиняный саркофаг.

был обнаружен в Боржомском ущелье и хранится в Московском историческом музее, четвертый этого же типа саркофаг в 1910 г. открыт А. Казнаковым и хранится в Музее Грузии (см. инвентарь Кавказского музея, № 6—10).

Если с этими находками сравним Агааянский саркофаг, то он по своей форме ближе всего подходит к типу урбниси-атенского саркофага.

Давно уже отмеченные в литературе погребения в саркофагах изучены еще совершенно недостаточно; не имеется описания их инвентаря и даже достоверных сведений об обстоятельствах находки. Поэтому датировка их была затруднительна.

В этом отношении большое значение имеет находка в Агааяни, где найдены золотые монеты, которые дают нам возможность приблизительно установить эпоху распространения глиняных саркофагов в Грузии.

Приводим описание этих монет (рис. 8).

1. Золотая монета Константина Великого:

$$- 2 \times 2; p = 4.520$$

Лиц. ст. Профиль Константина вправо, кругом: CONSTANTINVS PF VVC [P(rius) F(elix) Aug(ustus)].

Рис. 7. Глиняный саркофаг из Урбниси.

Об. ст. Стоящий воин, который в руке держит «labarum»; внизу две коленапреклоненных фигуры; кругом VICTOR OMNIVM SENIVM.

Под чертой: SMNT.

¹ Сообщение Байерна о двух найденных на Кавказе глиняных саркофагах, см. Пятый Археол. съезд в Тифлисе. Москва, 1879, стр. 63—64.

² Коллекция Музея Грузии, т. V. Археология. Тифлис, 1902, стр. 2232а, 2232б.

Монеты этого образца чеканились после победы Константина над Максенцием с 312 по 337 г. н. э. (рис. 9).

2. Золотая монета варварской чеканки:

— 1.9 × 1.8; р. = 3.540

Лиц. ст. Профиль императора влево, на голове венки; кругом искаженная надпись: IMPO... IVVSCN.

Об. ст. Изображение Ники влево, кругом превратная надпись:

VI. TORIVC VVC (Victoria Augustorum).

Под чертой: С. Н. С.

На этой монете изображение императора и надпись трудно разобрать, но по технике чеканки и его искаженной превратной надписи надо заключить, что монета варварской чеканки и представляет собою подражание римско-византийским солидам.

Рис. 8. Золотая монета Константина Вел. Н. в.

Известно, что страны, находившиеся под политическим и экономическим влиянием Рима и Византии, часто сами чеканили монеты, подражая римско-византийским образцам.

Аналогическое явление имело место в древней Колхиде и Иберии, где найдены: золотая монета с варварским подражанием Лизимаховым,¹ серебряные монеты типа динария Августа² и монеты сасанидского образца.³

К этой группе относится и агаянская золотая монета. Можно предположить, что она была отчеканена в Иберии (Восточная Грузия) по образцу римско-византийских солидов.

По типу и технике чеканки агаянская монета имеет сходство с итаलो-византийскими золотыми тремисами (Trémisses — $\frac{1}{3}$ солида), известными по находкам в северной Италии, которые датируются IV—V вв. н. э. Тремисы эти варварского типа, и их чеканили франки, готы, лангобарды и галлы.⁴

Агаянские золотые монеты, особенно солид Константина Великого, дают возможность установить эпоху агаянского погребения и период распространения глиняных саркофагов в Грузии.

Период этот совпадает с распространением в Грузии христианства и датируется приблизительно IV—V вв. н. э.

Кроме описанных выше монет, в агаянском саркофаге были найдены:

1. Золотое кольцо с сердоликовым камнем, диаметр кольца 2 × 2 см.
2. Золотые украшения, дутые, вроде бус, 10 шт., диаметр 4 × 4 мм; длина 4 мм (рис. 21).

Рис. 9. Золотая монета варварской чеканки. Н. в.

¹ S. Makalathia. Notice sur dates des nécropoles découvertes en Géorgie de 1920 à 1924. Bull. du Musée de Géorgie, IV, 1928, стр. 163.

² S. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, II. Paris. 1889, стр. 197—198, фиг. 9; Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I. СПб., 1910, стр. 10—11.

³ М. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства. СПб., 1844, стр. 17—18, табл. I, II; Пахомов, op. cit., стр. 15—35; табл. I, № 8, 9—20.

⁴ Граф И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. IX. Пгр., 1912—1914, стр. 212, 251, 384—385; Wroth. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum, 1911.

S. MAKALATIA

TROUVAILLES ARCHÉOLOGIQUES AUX VILLAGES DE DABLAGOMI
ET D'AGAÏANI (GÉORGIE)

RÉSUMÉ

1. En 1933, l'auteur a exécuté les fouilles d'une sépulture en «kvevri» (vase d'argile) au village de Dablagomi (Géorgie occidentale) près de Samtrédi. Le squelette était mal conservé, mais d'après la disposition du mobilier funéraire, on peut reconnaître qu'il était dans l'attitude ramassée, couché sur le flanc (fig. 1, 2, 3). Parmi le mobilier on a trouvé une petite monnaie d'argent (fig. 4, 5), frappée en Colchide aux IV—I^e siècles avant notre ère. C'est le premier cas de trouvaille de monnaie de Colchide dans une sépulture. Cette monnaie et le reste du mobilier datent la sépulture du III—IIe siècle avant notre ère.

2. Au village d'Agaiani (Géorgie orientale), près de la station Gori, on a découvert une sépulture dans un sarcophage d'argile, avec, parmi les objets funéraires, deux monnaies d'or: une de Constantin le Grand, l'autre une imitation barbare de monnaies romano-byzantines du IV—Ve siècle de notre ère (fig. 8 et 9). Semblables sarcophages ont été trouvés en beaucoup d'endroits de la Géorgie (fig. 6—7), mais l'époque de leur existence n'a pas été déterminée. La trouvaille des monnaies et le caractère du mobilier font rapporter la sépulture d'Agaiani au IV—Ve siècle de notre ère. Ce monument permet de dater aussi les autres sarcophages en argile découverts en Géorgie.

С. А. ТРУСОВА

РАСКОПКИ В ПЕЩЕРЕ АДЖИ-КОБА в 1933 г.

Исследования пещер Крыма, начатые К. С. Мережковским в 1879—1880 гг., впервые дали указания на наличие палеолитических культур в Крыму. Острокопечник из Волчьего грота, получивший широкую известность, привлек внимание западноевропейских исследователей, в частности Г. Мортилле, и опубликован в ряде изданий как объект достаточно убедительно свидетельствующий о наличии мустьерских местонахождений на территории Крыма. После исследований К. С. Мережковского изучение крымских пещер было прекращено на долгое время, и только с установлением Советской власти начались систематические поиски древнейших стоянок человека в Крыму. Многочисленные разведки и раскопочно-работы, проведенные с 1923 по 1937 г., дали богатейший материал по первобытной истории Крыма. Стоянки, открытые в скалистых убежищах Клик-коба, Шайтан-коба, Чокурчинский, Сюрень I и II, Шан-коба и Фатма-коба, и ряд открытых местонахождений типа тарденуаз раскрывают перед нами последовательную картину ранних этапов истории первобытно-коммунистического общества в Крыму.

В дополнение к ранее уже открытым палеолитическим стоянкам прибавилось в 1932 г. новое местонахождение в пещере Аджи-коба. А. С. Моисеев (в 1920 г.) во время геологических работ на Караби-Яйле произвел разведку в этой пещере, давшей небольшое количество кремневых орудий, повидимому тарденуазской стадии. Позднее в этой же пещере геолог У. Мамин, производя пробную шурфовку, собрал материал, указывающий на наличие здесь более древних следов культуры. Разведка в 1932 г., проведенная Г. А. Бонч-Осмоловским, подтвердила это предположение, однако незначительные находки все же не уточнили датировку этого местонахождения.

В 1933 г. Г. А. Бонч-Осмоловский продолжил разведочную работу в пещере Аджи-коба, охватив значительную ее площадь. Раскопочно-работы велись тремя раскопами, общей площадью около 50 кв. м. Пещера Аджи-коба расположена на западном склоне плоскогорья Караби-Яйлы у самого скалистого обрыва плато. Обращена она входом на запад; имеет длину 32 м, ширину 6.5 м. Это глубокая пещера коридорного типа, покрытая сталактитовыми и сталагмитовыми образованиями. Внутреннее помещение пещеры состоит из одного извилистого хода с небольшими расширениями, напоминающими отдельные камеры.

Напластования слоев в отдельных раскопках трудно увязываются между собой из-за нарушенности настилов пещеры водными потоками. Поэтому каждый раскоп представляет самостоятельное целое, сопоставляемое с другими, в большей части, по характеру культурных остатков. Пол пещеры сверху покрыт гумусированным слоем мощностью от нескольких сантиметров (у стен пещеры), в некоторых же местах достигает толщины

одного метра. В этом слое изредка встречаются обломки поздней керамики. Ниже гумуса в I и II раскопах залегает желтая рыхлая глина с находками обломков костей животных и редкими кремневыми осколками и орудиями. В III раскопе, в северной его части, непосредственно под гумусом залегает красная глина мощностью около 3 м, с редкими находками обломков костей и осколков кремня. В нижнем горизонте этой глины встречаются только обломки костей животных и копролиты гисны.

В южной части III раскопа залегает серая рыхлая глина со щебнем, заполняющая жолоб, промытый потоками воды в красной глине. На глубине около 2 м от поверхности этого слоя обнаружен небольшой очажок. Под красной глиной в постепенно сужающемся дне пещеры залегает светложелтая рыхлая глина без находок. Общая мощность отложений в III раскопе около 4 м.

Действие грунтовых вод, просачивающихся в пещеру, как отмечалось выше, местами нарушило стратиграфическую последовательность и способствовало перемещению культурных остатков. Поэтому меньшую часть находок приходится выделять в смешанный слой. Большая же часть находок несомненно залегает *in situ*. Это позволило Г. А. Бонч-Осмоловскому разделить весь полученный материал на два комплекса.

I комплекс — находки из второго слоя (желтая рыхлая глина I и II раскопа и серая рыхлая глина из III раскопа) — содержит следующие типы орудий: пластинки с подправкой по краю, микропластинки с боковой ретушью; резцы — срединные и угловые — на пластинках и нуклеовидные; скребки высокой формы, скребки на длинных пластинках и сколах. Там же найдено несколько обломков костяных шильев. Весь облик этого инвентаря при сравнении с другими материалами из крымских пещерных стоянок ближе всего стоит к инвентарю из верхнего слоя Сюрень I, датируемого верхним ориньяком. Состав фауны, по определению В. И. Громова и В. И. Громовой, не противоречит этой датировке. Фауна включает следующие виды: бык, козел, муфлон, сайга, благородный и северный олени, осел, волк, песец, корсак, медведь, гиена, дикая кошка, рысь, тюлень.

II комплекс — сборы из верхних горизонтов красной глины. Здесь найдено небольшое количество кремневых орудий, однако по своему характеру они резко отличаются от орудий из I комплекса. Это в большинстве своем типичные мустьерские остроконечники и скребла с односторонней и двусторонней обработкой. Аналогии этим формам мы имеем в находках из верхнего слоя Клык-коби или Чокурчинского грота, однако об их синхронности с ними говорить еще преждевременно.

Фауна из верхних горизонтов красной глины дает большее разнообразие видов: бык, сайга, благородный и северный олени, носорог, лошадь, осел, волк, лисица, песец, корсак, медведь, гиена и рысь.

Таким образом первый комплекс, связанный с верхними наслоениями пещеры, относится к позднему палеолиту, тогда как второй, добытый в нижележащих вторых отложениях, имеет значительно более древний возраст.

Работы 1932 и 1933 гг. по существу только положили начало ее изучению. Пещерная стоянка Аджи-коба нуждается в дополнительных исследованиях. Малые коллекционные сборы, обусловленные небольшой площадью раскопок, не позволили решить ряда исследовательских вопросов. В дальнейшем необходимо продолжить раскопки пещеры в местах, где сохранена стратиграфия напластований. В этом смысле особенно приходится рассчитывать на ту часть пещеры, к которой относится третий раскоп.

S. TRUSOVA

LES FOUILLES DE LA GROTTÉ D'ADJI-KOBA (1933)

RÉSUMÉ

La grotte d'Adji-koba a été découverte en 1920 par A. Moïseev et étudiée en 1933 par G. Bonč-Osmolovskij, qui y a fouillé une surface de 50 m.² environ. Elle est située sur le versant ouest du plateau de Karabi-Yaila et s'ouvre à l'occident. C'est une grotte profonde, en corridor, couverte de dépôts stalactitiques et stalagmitiques. La stratification des couches est fortement troublée par les eaux courantes, qui ont contribué au déplacement des restes archéologiques. Toutefois, la majeure partie des objets ont été trouvés in situ, ce qui a permis à G. Bonč-Osmolovskij de répartir le matériel récolté en deux complexes.

Le I complexe, qui provient de la 2-e couche, renferme des lamelles à retouche latérale, des microlamelles à retouche latérale, des burins, des grattoirs nucléiformes, des grattoirs sur longues lames et sur éclats et plusieurs outils en os. L'outillage lithique de ce complexe se rapproche le plus de celui de la couche supérieure de l'abri Surène I, daté de l'Aurignacien supérieur. La composition de la faune, déterminée par V. Gromova et V. Gromov, ne contredit pas cette datation.

Le II complexe, qui comprend les récoltes faites dans les niveaux supérieurs de la 3-e couche d'argile rouge, est constitué par des instruments en silex très peu nombreux, mais nettement différents de ceux du I complexe. Ce sont pour la plupart des pointes et des grattoirs unifaces ou bifaces moustériens typiques, proches de ceux trouvés dans la couche supérieure de Kiik-koba et de Tchokourtcha.

Les travaux de 1933 n'ont fait que commencer l'étude de la grotte d'Adji-koba. La solution de nombreuses questions concernant cette station humaine exige la continuation des recherches.

Н. В. СИБИЛЕВ

ЭПИПАЛЕОЛИТ ИЗЮМЩИНЫ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПОЗДНЕЙШИМ КУЛЬТУРАМ

Изюмщина¹ — одна из немногих пока в Советском Союзе местностей, где на одной и той же стоянке вместе с эппипалеолитом можно найти орудия макролитических типов и остатки позднейших культур. В первые годы своей исследовательской работы на Донце автор не придавал этому значения, считая, что смещение произошло вследствие выдувания ветром верхних слоев песков. Однако затем, во время зачистки обнажений на некоторых из стоянок, оказалось, что микролиты залегают в одном горизонте с макролитами.

Разрешением вопроса об отношении микролитов к макролитам автор мог заняться только в 1926 г., когда на пятнадцати изюмских стоянках произвел пробные раскопки, заложив на каждой из таких стоянок от одного до шести шурфов.

И тут оказалось, что раскопанные стоянки имеют ряд песчаных горизонтов различной окраски. На стоянках, не подвергшихся выдуванию, поверхность покрыта небольшим растительным слоем, ниже лежит слой светлосерого песка, затем идет темный, почти черный древний почвенный слой. Он книзу постепенно светлеет, приобретая последовательно оттенки от коричневого до коричневатого-серого или светлорыжевого цвета. Эти напластования подстилает мощный, далеко уходящий вглубь слой светложелтого цвета, в сухом виде почти белого донного песка.

Что же касается орудий, то микролиты залегают в светлорыжем песчаном слое, сразу же над светложелтым донным песком; это и есть подлинный эппипалеолит. Стоянки чисто микролитического типа в верхних слоях культурных остатков не содержат; в других же, более многочисленных, случаях над микролитами залегают макролиты с большей или меньшей примесью микролитов. Дальше идут позднеолитические и раннеметаллические культурные остатки, к которым изредка в ничтожном числе бывают примешаны микролиты и еще реже — макролиты. Еще выше лежат вещи раннего железного века и позднейших эпох, вплоть до наших дней.

Результаты раскопок автор опубликовал в «Отчете о зондажных раскопках», изданном в 1927 г. В виду того, что раскопки были только пробными и геологи в них не участвовали, мой отчет вызвал возражения и даже ожесточенные нападки со стороны некоторых археологов. Тогда, в 1929 г., С. С. Гамченко и автором была раскопана значительная площадь одной из богатейших Изюмских стоянок — I-й Яремовской. Раскопки эти показали, что микролиты встречаются как в чистом виде, сейчас же над светложелтым намывным песком, так и выше, в одном горизонте с макролитами. К сожалению, отчет о раскопках еще не опубликован.

¹ Под Изюмщиной я разумею область на р. Северном Донце в пределах б. Изюмского у. (позднее — округа Харьковской области), протянувшуюся в длину с севера на юг на 100 км.

В 1935 г. автором совместно с сотрудником Харьковского геологического института И. И. Лапкиным было заложено несколько шурфов на 1-й и 2-й Дробышовских и 1-й Яремской стоянках. Результаты получились точно такие же, как и у автора этих строк при пробных раскопках стоянок, а у И. И. Лапкина — при раскопках, удаленных от края надлуговой террасы дюн. И. И. Лапкин признал, что почвенные слои стоянок находятся в полной

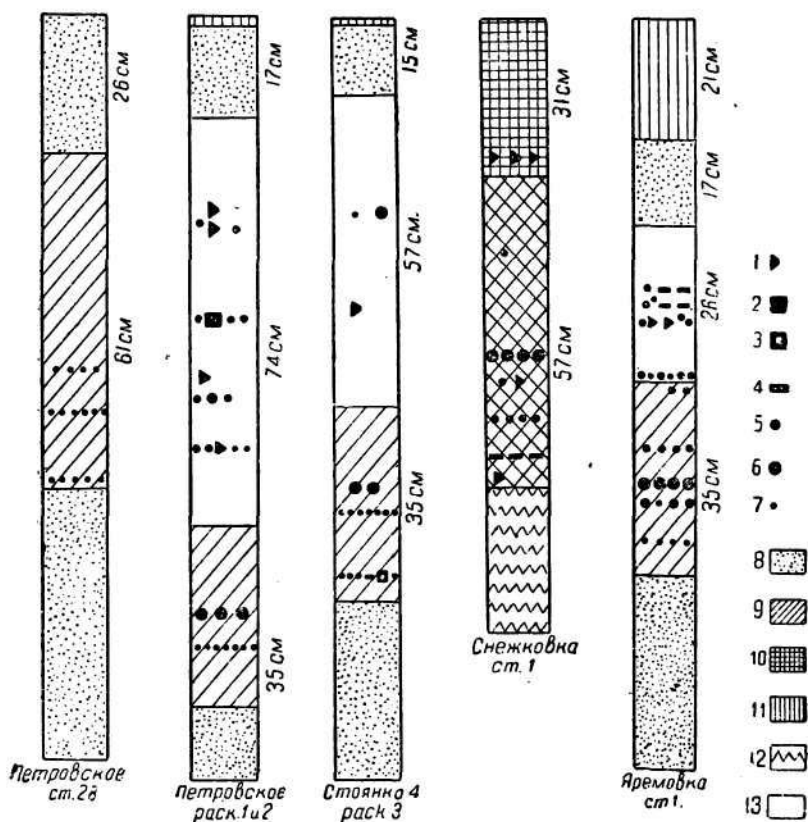

Рис. 1.

1 — керамика; 2 — камни; 3 — куски краски; 4 — кости; 5 — кремни робенг. и неопред.; 6 — макролиты; 7 — микролиты; 8 — светлый песок; 9 — коричнево-серый песок; 10 — чернозем; 11 — растительный слой; 12 — суглинок; 13 — темный песок.

неприкосновенности, а встречающиеся там культурные остатки залегают *in situ*. Результаты наших раскопок И. И. Лапкин включит в отчет о своих летних работах 1935 г., который должен быть опубликован в одном из геологических журналов.

В настоящее время пробные раскопки произведены автором на 25 изюмских стоянках, и там, где стоянки не пострадали от разрушительной деятельности человека, результаты получались всегда одинаковые.

Таким образом микролитическая культура была сначала самостоятельной и чистой. Позже, с появлением макролитов, микролиты превратились лишь в подсобный материал. Затем пережили себя и макролиты, которые вместе с микролитами, когда в этом встречалась надобность, употреблялись в качестве вспомогательного материала в поздний неолит и даже в медно-бронзовый век.

Выводы, к которым автор пришел в результате исследовательских работ еще 9 лет назад и которые вызвали в свое время ожесточенные возражения, нашли в настоящее время подтверждение в находках стоянок, где с керамикой и вещами позднейших культур встречаются микролиты.

N. SIBILEV

L'ÉPIPALÉOLITHIQUE DE LA RÉGION D'IZIUM ET SES RELATIONS AVEC LES CULTURES PLUS RÉCENTES

RÉSUMÉ

La région d'Izioum, sur le Séverny Donetz (République Ukrainienne) est une des rares contrées dans l'Union soviétique où l'on puisse rencontrer dans une seule et même station, à côté de matériel épipaléolithique, des instruments de type macrolithique et des restes de culture plus récente. Les travaux de sondage accomplis ici en 1926, 1927 et 1935 avaient pour but d'éclaircir les relations entre les microlithes et les macrolithes. Les microlithes sont renfermés dans une couche brun clair surmontant directement un sable dunaire jaune clair, et si la station est purement microlithique, les couches supérieures ne contiennent aucun reste archéologique. Dans le cas contraire, on trouve au-dessus des microlithes des macrolithes associés à des microlithes plus ou moins nombreux. En 1935, plusieurs puits de recherche furent exécutés (en collaboration avec le géologue I. Lapkin) dans les stations 1 et 4 de Drobychi et la station d'Yarémovo. Les données fournies par les fouilles d'essai effectuées dans 25 stations de la région d'Izioum permettent de conclure que la culture microlithique a été d'abord autonome et pure. Plus tard, avec l'apparition des macrolithes, les microlithes furent réduits à l'état d'outillage auxiliaire et continuèrent à être utilisés à côté des macrolithes durant le Néolithique tardif et même au cours de l'âge du cuivre et du bronze.

А. Н. РОГАЧЕВ

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАБОТАХ КОСТЕНКОВСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ в 1936 г.**

В 30 км к югу от Воронежа, среди многочисленных логов и оврагов, прорезывающих меловые отложения высокого правого берега Дона, в устье одного из крупнейших логов — Покровского — в с. Костенки (Гремячского района) расположено поселение первобытного человека палеолитического времени. Это поселение получило название стоянки Полякова по имени исследователя, впервые обнаружившего здесь в 1879 г. следы пребывания первобытного человека.

Начиная с 1923 г., систематические исследования стоянки Полякова (Костенки I), а также многих других памятников в этом районе ведутся проф. П. П. Ефименко. Наиболее значительные работы по изучению археологических памятников этого района проведены за последние пять лет.

В 1936 г. перед Костенковской экспедицией стояла задача — закончить исследование стоянки Полякова¹ и выяснить точно границы распространения так называемой жилой площадки.²

В 1934 г. были заложены три небольших разведывательных траншеи на предполагаемых границах распространения культурного слоя, которые и определили объем работ на исследуемом памятнике. Исходя из данных предварительной разведки 1934 г., экспедиция получила возможность спланировать раскопки настоящего года. В задачу экспедиции также входило проведение разведывательных работ в столь богатом палеолитическими местонахождениями районе, как правобережье Дона (села Костенки и Боршево). Намеча-

лась разведка шурфами устья широкого Покровского лога. Однако по ряду причин разведочная часть работ экспедиции полностью проведена не была.

В работах экспедиции участвовали проф. П. П. Ефименко (начальник экспедиции), научные сотрудники: Н. В. Валукинский, Д. Д. Леонов, П. А. Смелов, Н. А. Береговая, А. Н. Рогачев (Зам. начальника экспедиции по Костенковскому отряду) и практиканты: Л. Я. Крижевская, С. С. Позин и Н. А. Рихтер.

Переходя к описанию результатов работы экспедиции 1936 г., необходимо указать, что исследования этого памятника проводились планоно и систематически в течение нескольких лет, в результате чего накопился богатый материал, характеризующий многие стороны хозяйственной и культурной жизни первобытного общества. Правильно поставленная методика изучения этого древнего памятника позволила вскрыть целое поселение, жилой комплекс средней поры верхнего палеолита с его хозяйственными сооружениями и деталями жилища.

За все предшествующие годы на стоянке Полякова была вскрыта и исследована площадь свыше 400 кв. м. В 1936 г. вновь вскрыто и исследовано около 350 кв. м, причем в отчетном году была расчищена также значительная площадь старых раскопов, были раскрыты засыпанные I и II землянки с прилегающими к ним сооружениями. (Не расчищенной осталась только юго-восточная часть жилой площадки по 8 линии квадратов включительно.)¹ Расчистка уже ранее исследованной площади старых раскопов была произведена с целью проверить правильность прежних наблюдений, с одной стороны, и иметь возможность изучаемую часть жилища рассматривать в одной целой картине с ранее раскопанными частями — с другой. Таким образом общая площадь раскопа в 1936 г. превышала 600 кв. м,

¹ Одновременно другим отрядом экспедиции велись раскопки в Боршево на стоянке Боршево II (у моста); см. отчет руководителя отряда П. И. Борисовского.

² Общие цели и задачи экспедиции, а также и общее направление работ достаточно освещены в предварительных отчетах П. П. Ефименко (см. Сообщения ГАИМК, №№ 11—12, 1931. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 4, 1934).

¹ См. для ориентировки план в работе П. П. Ефименко. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4.

т. е. было вскрыто больше чем две трети жилой площадки с ее землянками и множеством других хозяйственных ям. Площадка, как показало исследование, имеет вытянутую овальную форму около 40 м в длину и 15—17 м в ширину и занимает около трех четвертей вскрытой площади. Вся она сплошь покрыта мощным слоем культурных отложений. По оси длины ее расположено 8 очажных ям (в диаметре 1—1.20 м), заполненных золой и костным углем. Толщина слоя золы и угля достигает 40 см. Очажные ямы углубляются на 20—25 см ниже древнего пола жилья.

По краям жилой площадки на всем ее протяжении расположены через каждые 3—5 м большие ямы, обычно округлой формы (в диаметре 1—1.40 м). Таких крупных окружающих ям в этом году вскрыто восемь. Кроме этих восьми ям на границе распространения культурного слоя расположены три жилых ямы-землянки; одна из них, открытая в этом году, находится в северо-западном конце жилой площадки, на квадратах CDEFG-35—37, две другие — открытые в 1933 и 1934 гг. — расположены друг против друга. Одна на квадрате PQR-9—13, другая — на квадрате ABC-14—16. Само расположение этих ям и землянок придает жилой площадке овальную форму. Распространение культурного слоя ограничено этими ямами и землянками. Землянка, расположенная на квадратах CDEFG-35—37, по форме и характеру своего заполнения несколько отличается от первых двух землянок. В массе, заполняющей землянку, и в культурном слое на месте этой землянки обнаружены отдельные торчащие кости; несколько кусков бивней, обломки тазовой кости мамонта, обломки ребер и нижняя челюсть мамонта. Ниже в углублении встречено целое нагромождение крупных костей, главным образом мамонта. Среди этого нагромождения встречались обычные культурные остатки поселения и значительное количество кремневых пластин и отщепов. По снятии расчищенного слоя костей, который не уходил глубже 40—45 см, в суглинистом заплыве этой большой ямы встречались отдельные кости крупных животных. На самом дне землянки, на глубине 70—80 см ниже уровня древнего пола жилой площадки, шла тонкая золная прослойка, содержащая порой и крупные костные угли, но она была обнаружена только у северо-западного края землянки в пределах квадратов 37 линии. Следует отметить, что на самом дне землянки, кроме незначительного количества крупных костей, встречено всего несколько кремней, несколько обломков ребер и около десятка кусков мергеля, тогда как в остальных ямах и ранее исследованных землянках изделия обитателей поселения из кремня, кости и мергеля встречаются, как правило, на дне ямы, в более или менее значительном числе.

В верхнем слое заполнения найден округлый стержень из бивня мамонта (диаметр — 2—3 см, длина около 80 см), заостренный на одном конце, затем лопило из ребра крупного животного, еще одно орудие из слоновой кости и пр. (Подробное описание этих находок будет дано после расчистки и изучения). Здесь же были встречены две тазовые кости мамонта со следами насечек. Следы насечек, в одном и том же месте подвздошной части тазовой кости мамонта, представляют здесь обычное явление. Изложенные выше факты позволили проф. П. П. Ефименко предположить, что эта землянка относительно более древнего времени, чем другие землянки сооружения этого жилого комплекса.

Наблюдены и другие факты, подтверждающие этот вывод проф. П. П. Ефименко.

Так, например, на месте большой ямы на квадратах 19—21, как и на соседних квадратах, на уровне пола ничего не было найдено, кроме немногих кремневых отщепов и нескольких обломков дробленых костей. Лишь в одном месте, выше уровня пола на 2—3 см, торчал обломок ребра крупного животного. При расчистке обнаружены обломок лопатки и нижняя челюсть мамонта. Далее, на 15—20 см ниже уровня пола, обнаружено целое скопление костей мамонта, заполнявшее яму. После окончательной расчистки выяснилось, что яма имеет почти четырехугольную форму с округленными углами (длина около 2 м, ширина 1.5 м) и служила, повидимому, складочным помещением для бивней, крупных трубчатых и других костей мамонта. На дне ямы встречено также очень мало находок. Очевидно, яма была забита глиной и не использовалась обитателями в последующее время.

Правильность высказанного предположения проф. П. П. Ефименко подтвердилась и данными изучения ямы, расположенной на квадрате DE-27—28. Эта яма, как оказалось, была вырыта на месте старой ямы, уже засыпанной. Исследование установило, что старая яма была глубже и шире и относится к более раннему времени.¹

В результате раскопок получен богатый материал для того, чтобы судить о характере и назначении крупных краевых ям, которых в 1936 г. открыто больше, чем за все предшествующие годы (в 1936 г. исследовались, главным образом, окраины жилой площадки). Несмотря на некоторое их однообразие, а также характер их заполнения (они, как правило, заполнены крупными костями мамонта и фрагментами бивней, наряду с обычным отбросом), каждая из них все же имеет свои особенности.

¹ На дне старой ямы найдены фрагменты одной женской статуэтки (головка, тело и ножки), изящно вырезанной из бивня мамонта, типа статуэтки, найденной в 1923 г. на этой же стоянке.

Наиболее интересной из крупных краевых ям оказалась яма овальной формы на квадрате MN-29—30. В ее заполнении, сильно окрашенном красной краской и содержащем более десятка крупных фрагментов ребер мамонта, было встречено лощило из ребра крупного животного и мотыга из бивня мамонта, типа уже известных мотыг, но значительно больших размеров. На самом дне ямы найден торс очень маленькой женской статуэтки из мергеля. Эта яма стоит несколько особняком по характеру своего заполнения и по месту, занимаемому ею в системе жилища (она находится внутри жилого комплекса). С внешней стороны ее найдены значительные культурные остатки. Вероятно она служила, как и другие краевые ямы, по мнению П. П. Ефименко, ямой для хранения хозяйственных запасов.

Следует отметить, что в заполнении одной из крупных краевых ям мы встретили прекрасную заготовку мотыги из бивня мамонта.

Что касается наиболее ценных поделок из кремня, кости и мергеля, то они встречаются, как правило, на дне небольших ям и ямок, расположенных внутри жилого комплекса. Таких ям и ямок в этом году открыто около полутора десятков. Для примера возьмем яму на квадрате С-25. Она округлой формы (в диаметре около 1 м, глубиной 50—60 см), в заполнении ее обнаружены обломки ребер, трубчатая кость мамонта и проч. На самом дне ямы заполнение было интенсивно окрашено красной краской. В нем встречены два весьма интересных лощила и обломок от конца какого-то долотовидного орудия из бивня мамонта. Такова же яма овальной формы на квадрате EF-21—22, на дне которой найдено три замечательных лощила из ребер крупного животного с орнаментированной рукоятью. Подобна этим и яма на квадрате EF-24—25; в ее заполнении встречены лощила из ребра крупного животного и небольшой стержень из бивня мамонта, украшенный концентрическими кругами, опоясывающими стержень. Однако имеются и совершенно другого характера ямы и ямки, например на квадратах G-28 и K-28 маленькие ямки, в которых были найдены торные длинные пластины из кремня. Вместе с пятью крупными пластинками в ямке на квадрате K-28 лежал обработанный толстый стержень из бивня мамонта.

В этом году, как указывается выше, нами открыто два очага: очаги № 1 и 2. Очаг № 1 является обычным очагом с неглубоким чашкообразным углублением в полу древнего жилища, которое с верхом было заполнено очажной массой, состоящей из зола и пережженного костного угля. Очаг № 2 на квадрате H-31 несколько своеобразен. В самой очажной яме, глубина которой равна 20—25 см, встречено много еще не перегоревших, а лишь обожженных костей крупных животных; из ямы этого

очага было удалено значительное количество очажной массы и разбросано вокруг очага.

Из находок следует отметить замечательную статуэтку женщины из мергеля, найденную значительно выше культурного слоя — в черноземе; очевидно, что она была вынесена сюда роющим животным. Часто встречаются кремневые отщепы и осколки, а иногда и поделки из кремня, вынесенные роющими животными.

На полу квадрата А-25 найдена замечательно отделанная мотыга из бивня мамонта. В ямках и в культурном слое найдено около десятка головок статуэток женщин из мергеля. Из этого же материала с разных мест жилого комплекса собрано значительное количество фрагментов поделок: части статуэток, обломки подвесок, фигурка животного, крупные головки животных и другие неопределенные поделки или просто обработанные куски мергеля. Много найдено обычных для стоянки Полякова кремневых наконечников копий с боковой выемкой и резаков; гораздо реже встречались скребки и другие орудия из кремня. Найден хорошо выраженный лавролистный наконечник дротика или копьяд на широкой пластине, двусторонне обработанный плоской солиотрейской ретушью по концам.

В кратком предварительном сообщении нет возможности подробно описать столь значительные по своим результатам раскопки стоянки Полякова.

Одним из существенных достижений, полученных в результате многолетнего исследования описываемого памятника, является разработка проф. П. П. Ефименко новой методики раскопок палеолитических поселений. Благодаря этому стоянка Полякова (Костенки I) дала очень много точно документированных фактов, позволяющих по-новому поставить, а в некоторых случаях и разрешить крупные и сложные проблемы истории наиболее интересного (и менее всего изученного на археологическом материале) периода первобытно-коммунистического общества — времени возникновения и упрочения родового строя.

Полевое изучение стоянки Полякова в результате работ этого года можно считать законченным; получен огромный коллекционный материал, наряду с ценнейшими сведениями о жилище верхнего палеолита. Мы с нетерпением будем ждать от проф. П. П. Ефименко подробного отчета (монографии) об этом замечательном памятнике.

Как уже указывалось, разведочные работы экспедиции были незначительными, но все же удачными. В 50 м от стоянки Полякова нами была расчищена заваленная яма старого погребка. При расчистке выяснилось, что ямой прорезан культурный слой палеолитического поселения, являющегося, очевидно, аналогичным стоянке Полякова. На всех стенах ямы погребка был обнаружен окрашенный крас-

ной краской культурный слой, содержащий кости животных, костные угли, кремневые отщепы и пластины. Юго-восточной стеной погребя разрезано какое-то углубление. Культурный слой в этом месте интенсивно окрашен и уходит на 35—40 см ниже нижней границы культурного слоя. В этом углублении лежали крупные кости мамонта. Со дна этой ямки нами взяты один крупный кремь и несколько кремневых осколков и пластинок. При зачистке дна ямы погребя встречено пятно, интенсивно окрашенное краской; диаметр его равен 25—30 см. При расчистке этого пятна, которое вглубь уходило всего на 10—15 см от дна ямы погребя, встречено несколько кремневых отщепов и пластинок. Очевидно, что здесь мы имели дело с небольшим остатком дна какой-то ямки, край и значительная часть которой были сняты, как и сам культурный слой, при рытье погребя. В старой мешанной земле, наполняющей яму погребя, найден обломок поделики в виде лопила из трубчатой кости животного. Затем яма погребя была углублена до 5 м с целью получения геологического разреза и разведки второго культурного слоя, существование которого, как известно, установлено на стоянке Полянова. До глубины 4 м встречались разрозненные находки костей животных очень плохой сохранности и несколько штук

кремневых осколков. Второй (нижний) культурный слой, прослеженный на стоянке Полянова (в слое погребенной почвы), здесь найти не удалось, так как благодаря начавшимся дождям грунтовые воды заливали раскоп.

Во время пребывания в Костенках нами были получены сведения о находках костей ископаемых животных вместе с кремнями при рытье силосных ям в колхозе им. Э. Тельмана (Александровского сельсовета). При зачистке стен и дна круглой силосной ямы встречены пятна обычного культурного слоя, довольно сильно окрашенные краской. При разборке этих пятен, которые группировались к одной стене ямы, встречено до трех десятков кремневых пластинок и отщепов; среди них встречались и орудия. Характер кремневого инвентаря говорит за то, что стоянка, открытая здесь, относится к более позднему времени верхнего палеолита, чем исследованная нами стоянка Полянова. Культурный слой залегает здесь под мощным слоем чернозема (1,20 м) в слое желтоватого суглинка на глубине 2,50 м.

От граждан с. Костенок и окрестных поселений мы получали много сведений о находках костей ископаемых животных, проверить которые не всегда представлялось возможным.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАСКОПКИ БОРШЕВСКОЙ ВТОРОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ в 1936 г.

(Краткое сообщение)

В составе возглавляемой П. П. Ефименко Костенковско-Боршевской археологической экспедиции 1936 г. работал организованный Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР при участии Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Боршевский отряд. Задачей отряда были раскопки палеолитической стоянки Боршево II.¹

Стоянка Боршево II исследовалась экспедицией П. П. Ефименко в 1923, 1925 и 1929 гг. Как известно, стоянка расположена на невысокой террасе, поднимающейся всего на 4—5 м над уровнем Дона

и заливаемой во время весенних разливов. Она заключает в себе три разновременных горизонта культурных остатков.

Стоянку, тянущуюся по берегу Дона, можно разделить на две части, называвшиеся раньше «выше моста» и «ниже моста». Теперь это обозначение потеряло свой смысл, так как бывший в этом месте мост через Дон снесен. Теперь можно говорить о частях стоянки выше и ниже по течению Дона. Выше по течению Дона прослеживаются только нижний и средний горизонты культурных остатков, тогда как ниже по течению Дона прослеживаются только верхний горизонт и отдельные изолированные находки, относящиеся к нижнему горизонту. Раскопки 1936 г. ставили задачей изучение верхнего культурного слоя и проводились в нижней по течению Дона части стоянки. Раскопки велись с 13 августа по 20 октября 1936 г.

На берегу Дона был заложен большой раскоп длиной 80 м (раскоп был вытянут вдоль берега) и шириной от 4 до 13 м (рис. 1). Для увязки с раскопками преж-

¹ Отряд работал в следующем составе: К. В. Вяткина (старший научный сотрудник), П. В. Серебровский (ученый консультант-зоолог), С. Р. Баргина, Х. Л. Дейч, В. Д. Рыбалова (студентки-практикантки исторического факультета Лен. Гос. университета) и П. И. Борисковский (начальник отряда). Повседневную помощь работе отряда оказывал проф. П. П. Ефименко.

них лет были перекрыты и расчищены раскопы 1923 и 1925 гг.

Общая раскопная площадь — около 600 кв. м. Из них верхний культурный слой был изучен на площади около 450 кв. м, тогда как остальная площадь приходится в основном на расчистку старых раскопов.

Стратиграфия стоянки представляется в следующем виде. Под почвенным слоем залегают желтый лёссовидный суглинок. Он в свою очередь подстилается тонким черным слоем ископаемого гумуса, толщиной 5—10 см. Ископаемый гумус залегает на глубине от 1 м 20 см (в верхней по

течению Дона части раскопа) до 2 м 35 см (в нижней по течению Дона части раскопа) от поверхности земли. К этому слою ископаемого гумуса и приурочен верхний культурный слой. Под ним залегают серая супесь, в которой на глубине от 2 м 50 см до 3 м 50 см от поверхности земли начинает выступать вода. В серой супеси, на глубине 20—40 см ниже верхнего культурного слоя, залегают кое-где изолированные находки костей мамонта и обработанных кремней, относящихся к нижнему культурному слою. В одном месте тазовая кость мамонта даже выступает в верхний культурный слой.

Рис. 1. Боршево II. Общий вид территории раскопок 1936 г.

Основной задачей раскопок было проследить характер группировки культурных остатков в верхнем культурном слое и выявить там границы распространения отдельных скопления культурных остатков. Для этой цели при расчистке культурного слоя все культурные остатки — кремни, кости, куски краски, интенсивные углистые скопления и т. д. — оставлялись на месте и фиксировались на плане в масштабе $\frac{1}{10}$ (одновременно фиксировалась и глубина залегания культурного слоя в отдельных участках).

На расчищенной площади верхнего культурного слоя было прослежено около шести скоплений культурных остатков. Поперечник их был не менее 5 м и доходил до 10 м. Скопления были округлыми, неправильных очертаний, не имели четких границ и не образовывали линзообразных углублений. Ископаемый гумус в местах скопления культурных остатков имел ту же толщину 5—10 см, что и в других местах. Промежутки между скоплениями были

2—3 м; на этом пространстве находились лишь редкие мелкие осколки костей и кремни. Скопления культурных остатков состояли из значительного количества костей животных чрезвычайно плохой сохранности, кремней, кусков краски и угольков. Характерно, что большая часть костей не была раздроблена. Многие кости образуют группы, лежащие в анатомическом порядке (конечности, части позвоночников и т. д.); видимо, многие части туш бросались на месте стоянки в нерасчлеленном виде. Ряд костей обожжен.

Фауна верхнего культурного слоя по раскопкам 1936 г. была определена В. И. Громовой. Около 90% всех костей составляют кости лошади. Затем следуют северный олень и волк (примерно в равном количестве), заяц, лось, бык, лисица и пещерная гиена.

Из кремневого инвентаря (кремни в большинстве своем темный, меловой) отмечим разнообразные формы резцов на узких удлинённых пластинках, скребки на ковце

удлиненных пластинок, короткие скребочки на сечениях пластинок — ординарные, двойные и округлые (форм, приближающихся к геометрическим), и узкие острия с затупленным краем. Найдено несколько правильных призматических нуклеусов. Обработанная кость представлена слабо; найдено лишь несколько костяных острий. Преобладают куски красной краски, но попадаете также желтая и коричневая. Некоторые куски краски достигают 4 см в поперечнике. Помимо них попадают и куски сферосидерита. Найдены ряд украшений, служивших, вероятно, подвесками или нашивавшихся на одежду. Это плоские, миниатюрные кружочки из камня и кости до 1 см в диаметре, с отверстием в центре, трубочки из раковин *Dentalium* и шесть миниатюрных тонких трубочек-пронизов, найденных в одном месте. Наконец, отметим находки нескольких морских раковин.

В пределах скопления культурных остатков отдельные находки располагались неравномерно. С костями обычно были перемешаны кремни и куски краски. Но кроме того кремни и куски краски группировались особняком в пределах скопления. Кости в этих частях скопления были представлены лишь редкими мелкими обломками. Одно скопление культурных остатков состояло почти исключительно из кремней и кусков краски. Это неизменное сочетание большого числа кремней с большим числом кусков краски очень характерно. В двух скоплениях был прослежен довольно густой слой золы и угольков. Но он не образовывал сколько-нибудь заметного утолщения культурного слоя и поэтому не может рассматриваться как остатки очага.

Вообще культурный слой, будучи очень тонким, довольно беден культурными остатками.

Значительный интерес представляет собой нижняя по течению Дона (юго-восточная) часть раскопа. Здесь на протяжении 150—200 кв. м отсутствуют интенсивные скопления культурных остатков. Это периферия культурного слоя с отдельными изолированными находками костей животных и кремней. Но изолированные кости заслуживают внимания. Это четыре волчьих челюсти, лежащие попарно; две лошадиные челюсти, лежащие под прямым углом друг к другу; волчий череп и по обеим сторонам его на небольшом расстоянии лежащие в анатомическом порядке кости двух конечностей лошади. В юго-восточном углу раскопа лежали кости лапы волка в анатомическом порядке, в одном метре за ними — округлый кусок железистой породы со следами оббивки со всех сторон, а в двух метрах за ними находилась выкладка из камней. Выкладка была сделана из неправильных, разных размеров плиток мягкого камня, приближалась по своей форме к плоскому полукольцу и имела в диаметре около 1 м. По обеим сторонам выкладки находились две группы костей

конечности лошади, а за ними два интенсивных углистых скопления, как бы окаймлявших выкладку.

Выкладка из камней находится на периферии стоянки и не связана со сколько-нибудь значительными скоплениями культурных остатков. Поэтому ее и нельзя рассматривать как часть очага или жилого сооружения. Ее следует связывать с идеологическими представлениями обитателей стоянки. Скорее всего выкладка представляет собой выложенное на земле из камней какое-то культовое изображение, связанное с найденными в ближайшем ее соседстве костями конечностей лошади и волчьей лапы. Возможно, что выложенное изображение, как и кости, найденные в этой части стоянки, связано с тотемистическими верованиями.

Разведочные шурфы, заложенные от Дона по направлению к селу, показали, что верхний культурный слой тянется примерно на 30 м от Дона и на 20 м от стенки раскопа. Таким образом раскопками вскрыто около одной трети стоянки, во всяком случае меньше половины ее.

Как мы уже указывали, сколько-нибудь выраженный нижний культурный слой в раскопанной в 1936 г. части стоянки отсутствует. Имеются лишь отдельные находки, которые можно приурочивать к нижнему культурному слою. Их можно связывать именно с нижним слоем, потому что кремнь, происходящий отсюда, в своей массе темный меловой, тогда как в прослеженном выше по течению Дона среднем горизонте преобладает цветной кремнь. В двух местах находки, относящиеся к нижнему горизонту, образуют интенсивные скопления. В одном месте, на площади около 16 кв. м, найдены следы золы и угольков, ряд костей мамонта и около полутора тысяч кремней. В другом месте, в центральной части раскопа, на площади около 50 кв. м, обнаружено скопление костей мамонта, в том числе большой бивень, примыкающий к части черепа, и ряд зубов. Возле костей найдены зола, угольки и кремни. Среди костей были обнаружены два орудия из оленьего рога (рис. 3). Это вытянутые, круглые в сечении, слегка изогнутые стержни с полукруглым заостренным доловидным концом. Длина их 15 и 17 см; диаметр в поперечном сечении около 3 см. Это мотыги или кирки. Их можно сопоставлять с мотыгами чукчей и коряков, с помощью которых они вынапывают из земли съедобные корни, или с кирками эскимосов, с помощью которых последние проделывают во льду проруби для рыбной ловли. Нечеткое, хотя и отдаленное, сходство они имеют с мотыгами, найденными в стоянке Костенки I. Расчистка мотыг обнаружилась, что поверхность каждого из них покрыта очень тонким, к сожалению, плохо сохранившимся орнаментом в виде нарезки. Орнамент представляет собой сетку из узких, вытянутых по направлению длины орудия, ромбов. Она напоминает орнамен-

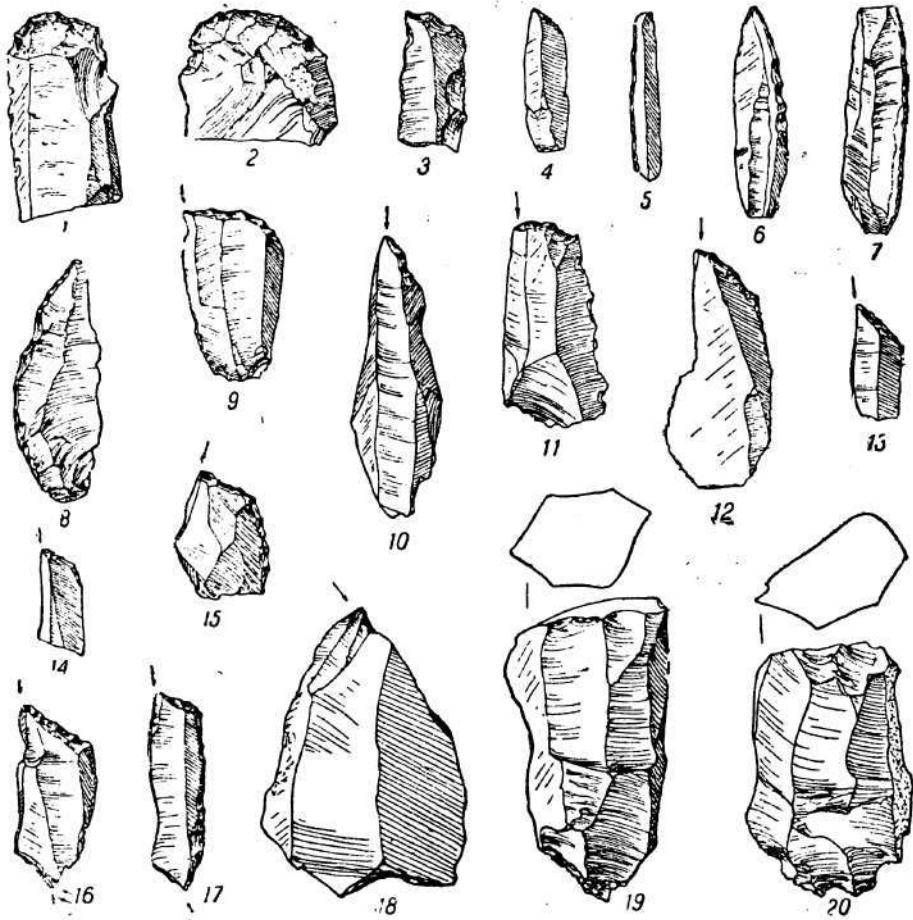

Рис. 2. Боршево II. Раскопки 1936 г. Кремневые орудия нижнего культурного слоя. 1, 2 — скребки; 3, 4 — острия со скошенным концом; 5—8 — пластинки и острия с затупленным краем; 9—17 — резцы бокового типа; 18 — массивный срединный резец; 19, 20 — нуклеусы. 2/3 н. в.

тальные мотивы из Тимоновки, Елисеевичей и Мезина.

Хотя нижний культурный слой на площади, исследовавшейся в 1936 г., слабо выражен, на всей территории раскопа было собрано свыше двух тысяч кремней и в том числе свыше двухсот орудий. В виду того, что кремневый инвентарь нижнего горизонта Боршево II в нашей литературе почти совершенно не описан, мы считаем целесообразным воспроизвести здесь основные типы его и дать их краткое описание (рис. 2).

В качестве материала преобладает темный меловой кремнь. Цветного кремня очень мало. Меловой кремнь покрыт белой патиной.

Обращают на себя внимание малые размеры орудий. Единицами насчитываются орудия, превышающие 5 см длины, а орудия, превышающие 7 см длины, вовсе

отсутствуют. Средняя и наиболее обычная длина орудий — 4 см, а ширина — 1.5 см. Орудия как правило приготовлены из правильных тонких пластинок.

Среди орудий решительно преобладают резцы. Из общего числа 200 орудий резцов 150 экземпляров. Большая часть резцов — боковые (рис. 2—9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17). Их 100 экземпляров. Все они сделаны на узких тонких правильных пластинках. Резцовое лезвие их очень тонкое, 2—3 мм шириной и получено сочетанием тонкого вертикального резцового скола и ретуши. Ретушь крутая, очень тонкая и мелкая. Боковые резцы нижнего горизонта Боршево II напоминают резцы из Гонцов и приближаются к известному типу Ноай.

Помимо 100 боковых резцов, налицо 16 срединных резцов (мало типичных), 15 резцов на углу сломанной пластинки

и 16 пластинок с резовыми сколами. Все они небольших размеров, тонкие и довольно правильных очертаний. Только шесть экземпляров сравнительно массивных резов на отщепках и плитках кремня, достигающих 6—7 см в поперечнике (рис. 2—18). Лезвие их получено несколькими резовыми сколами и имеет ширину около 1 см.

0.5—1 см. Затушливающая ретушь идет лишь по одному краю.

Острый с затушливаемым краем — 6 экз. (рис. 2—6, 8). Размеры их таковы же, как и пластинок с затушливаемым краем. Один край дугообразно изогнут и отретуширован мелкой крутой ретушью. Другой край не отретуширован. Они не имеют

правильной формы пластинок в виде клинка перочинного ножа, происходящих из верхнего горизонта.

Скребок — 11 экз. (рис. 2—1, 2). Они сделаны на конце небольших пластинок или на коротких сечениях пластинок. В последнем случае ширина их нередко превышает длину. Геометризованные двойные скребочки, столь обильные в верхнем горизонте Боршево II, здесь отсутствуют (во время раскопок прежних лет их было найдено в нижнем горизонте 3 экземпляра).

Нуклеусов — 11 экз. (рис. 2—19, 20). Все они типичные, правильной призматической формы и имеют целый ряд идущих параллельно узких пластинчатых фасеток, опоясывающих их почти кругом. Размеры их очень небольшие; длина 3—4.5 см; поперечник — 1.5—2.5 см.

Таков кремневый инвентарь нижнего горизонта Боршевской второй палеолитической стоянки по раскопкам 1936 г. (мы не описываем нескольких единичных типов). Он довольно существенно отличается от кремневого инвентаря верхнего горизонта. В частности совершенно отсутствуют геометризованные формы. Нижний культурный слой Боршево II может быть отнесен к среднему мадлену, тогда как верхний культурный слой вероятно относится к самому концу мадлена, составляющему переход к азильской эпохе.

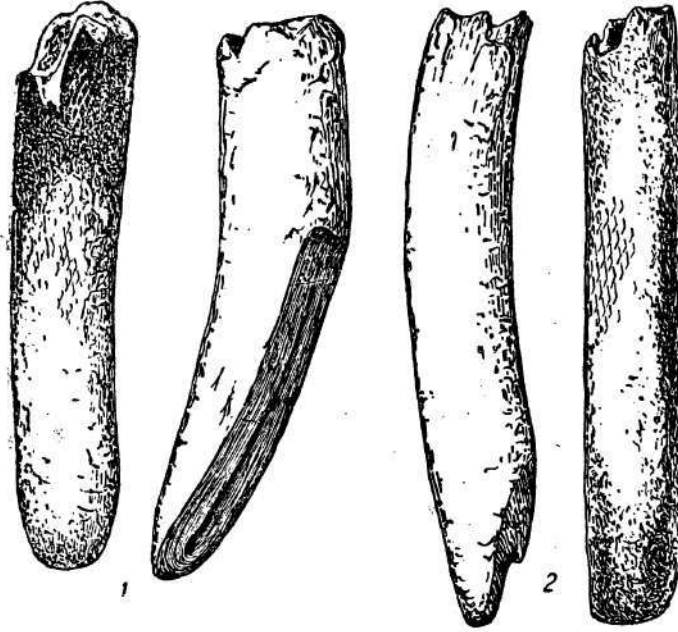

Рис. 3. Боршево II. Нижний культурный слой. Орнаментированные орудия из оленьего рога. 1/2 н. в.

11 небольших узких пластинок со скошенным концом, отретушированным мелкой, тонкой, слегка приотстригающей ретушью (рис. 2—3, 4). Ретушь эта формирует острие на углу пластинки. Их можно обозначить как острия со скошенным концом. Они очень близки к описанным боковым резам; у них лишь недостает резового скола.

Пластинки с затушливаемым краем — 16 экз. (рис. 2—5, 7). Все они очень малых размеров, с правильным параллельным ограничением. Длина их 2—4.5 см, ширина

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

РАБОТЫ ПО ПАЛЕОЛИТУ В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ в 1936 г.

По поручению и на средства Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР автором в 1936 г. были произведены в Западной области раскопки палеолитической стоянки в дер. Елисевицах, Почепского района, и место-

нахождения с остатками четвертичной фауны в дер. Курове, Погарского района (предполагаемая палеолитическая стоянка).

В Елисевицах рядом (на запад и на северо-запад) с раскопом 1935 г. (20 кв. м)

была вскрыта площадь стоянки размером в 61 кв. м. На всей вскрытой площади в верхних слоях лёсса оказались кремни азийско-тарденуазской стадии (предположительно) нижние слои были насыщены костным и кремневым материалом нижнемадленского возраста.

Фауна нижнемадленского слоя стоянки представлена мамонтом, бурым медведем, волком, северным оленем (очень мало), песцом (много), более мелкими животными (пока еще не определенными). Раскопки 1936 г. не дали чего-либо существенно нового в отношении фауны. Интерес пред-

отщепков (отбросы производства), большое количество ножевидных пластинок. Иногда встречались нуклеусы. Среди орудий весьма заметно преобладание резцов при полном почти отсутствии скребков, находки которых на стоянке считаются единицами.

В числе предметов из кости — несколько небольших игол (со следами ушка), шильев, верхняя часть свистка (?), сделанного из трубчатой кости некрупного животного. Масса костей, особенно костей песца, имеет на себе всякого рода нарезки. В отношении плечевых, локтевых, бедренных и других костей песца наблюдалась, как правило, следующая особенность: если кость была поломанной в древности, то возле места разлома всегда находятся один или, чаще, несколько поперечных надрезов. Эта особенность стоит, очевидно, в связи с какой-то стороной производственной деятельности нижнемадленского человека. Любопытно несколько фаланг медведя или волка с симметрично расположенными на них нарезками. Правильно расположенные нарезки оказались и на совсем крошечной (около 3—4 см длины) тонкой фаланге песца.

В разных местах раскопа найдено до десятка маленьких буси-

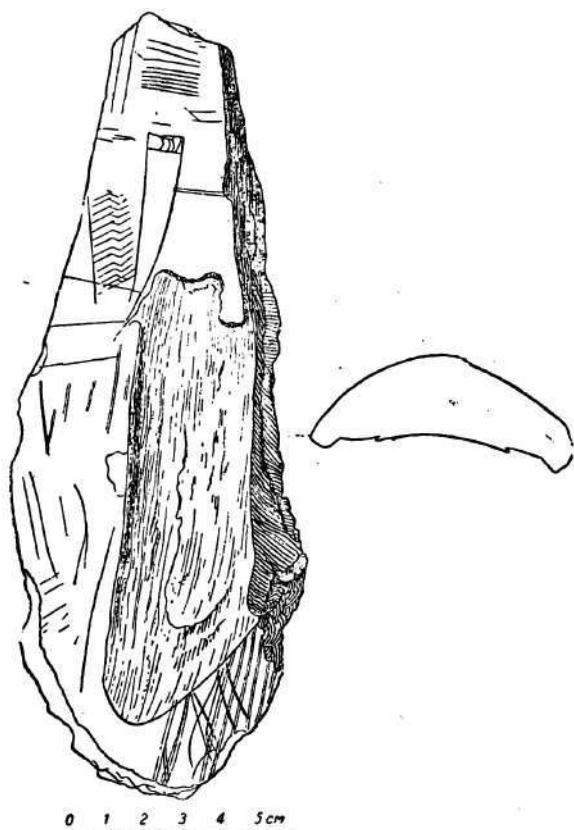

Рис. 1. Пластинка из бивня. Найдена в восточной части хода, с внутренней стороны южной стены.

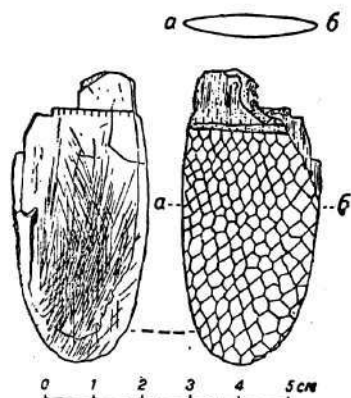

Рис. 2. Пластинка из бивня. Найдена в средней части хода между стенами.

ставляет находка большой берцовой кости (tibia) мамонта с прилегающими к ней снизу мелкими костями в совершенно нарушенном анатомическом порядке. В другом месте найдены в таком же порядке 9 позвонков мамонта с несколькими ребрами. Позвонки и ребра залегали на углестом слое, что создавало впечатление остатков костра с положенной на него сверху частью туши мамонта.

Собрано несколько десятков тысяч штук кремня, главным образом обломков и

нок из продолговатых цилиндрических раковин, повидимому, ископаемых. Можно предполагать, что раковинки эти имеют местное происхождение. Если они принесены откуда-то со стороны, то вряд ли издалека, так как среди найденных имеются раковинки и непросверленные.

Часто встречались куски мергеля. Мергель (из отложений меловой системы) находится в самих Елисеевичах.

Среди отдельных находок 1936 г. в Елисеевичах следует отметить: а) две «чурин-

гоподобные» пластины из бивня мамонта, с резьбой (рис. 1); б) небольшую пластинку из того же материала с резьбой в виде рыбьей чешуи, аналогичной резьбе на большой «чуринге» в форме рыбы из раскопок 1935 г. (рис. 2); в) хорошо обработан-

остатки жилищ — на юге в виде длинной полосы черного углистого слоя, на севере в виде кладки стены из тазов, лопаток и трубчатых костей мамонта. В 1936 г. южная сторона раскопа 1935 г. совершенно не раскапывалась. Северная часть его

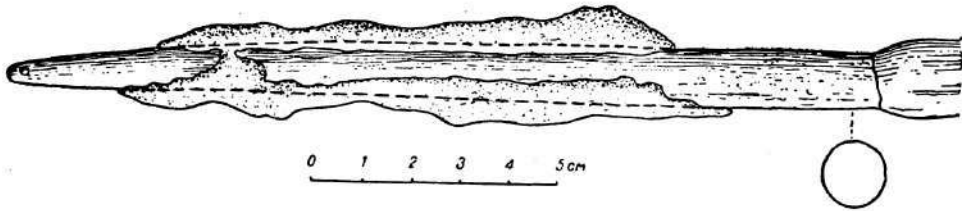

Рис. 3. Стержень из бивня. Найден стоящим вертикально в лёссе восточной части раскопа.

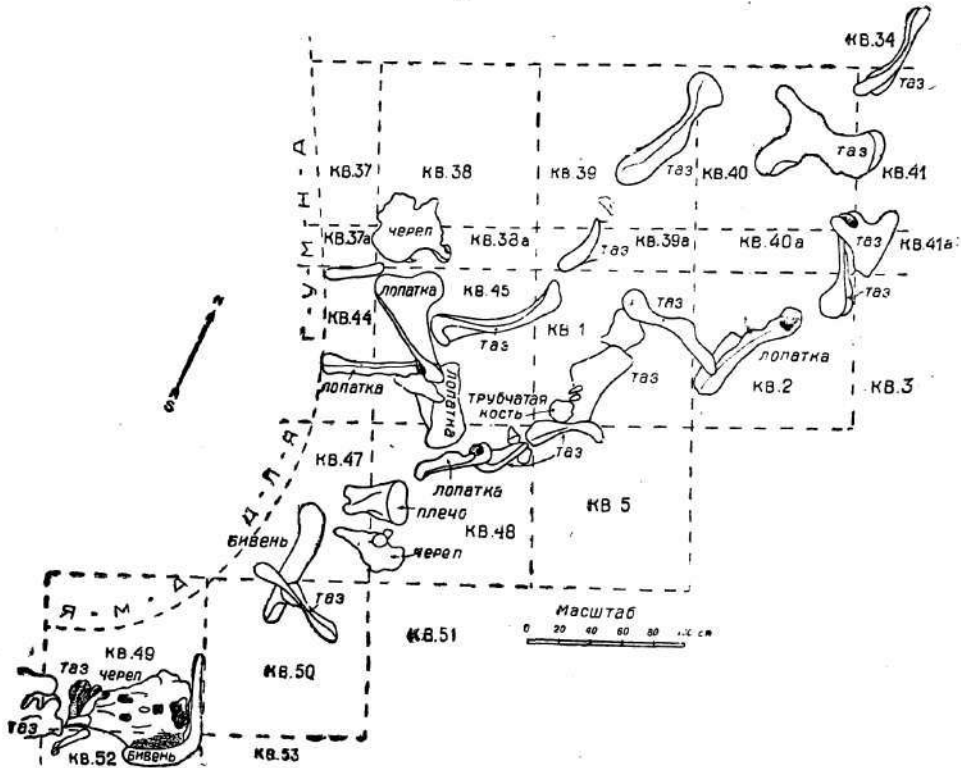

Рис. 4. Общий план хода.

ный, тонкий стержень из бивня мамонта, круглый в разрезе, длиной 20.9 см при толщине 1.2 см; на более тонком его конце имеется сквозное поперечное круглое отверстие; этот стержень обнаружен стоящим вертикально в лёссе (рис. 3); г) бивень молодого мамонта, почти целиком покрытый длинными поперечными нарезками на двух противоположных сторонах (с одной стороны имеется около 72 нарезок, с другой — около 45).

При расчистке раскопа 1935 г. в южной и в северной его сторонах обнаружены

вскрыта целиком. Раскопки 1936 г. показали, что в данном случае была вскрыта стена не самого жилья, а какого-то хода, идущего с северо-востока на юго-запад на протяжении 6.5 м (рис. 4). Для укрепления стен этого хода применены преимущественно тазы мамонта (12), затем — в меньшем количестве — лопатки (4) и трубчатые кости, а также два больших бивня. Все половины тазов поставлены параллельно (а не поперек) направлению хода и притом так, что тонкие, узкие их части обращены вниз, широкие и более тяжелые —

вверх (рис. 5, 6). Удалось проследить два более или менее правильных ряда костей, оканчивающихся в 2—3 м от обрыва к р. Судости, над которой расположена стоянка. Ширина хода 1—1.5 м. Никакого сомнения в преднамеренном устройстве этого хода быть не может. Ни в 1935, ни в 1936 гг. обнаруженные здесь кости не были сдвинуты с места: по окончании работ в этом году ход целиком, вместе со всем раскопом, был засыпан землей.

1927 гг.) ямы для гумна, прорезавшей ход до самого его основания. Дальше к западу уцелевшая часть хода, в состав которого здесь входит также громадное, вертикально стоящее плечо мамонта, упирается в нетронутую стену раскопа, в которой и можно рассчитывать обнаружить продолжение хода.

В заключение этого обзора следовало бы остановиться еще на одном обстоятельстве. В раскопе 1935 г. было обнаружено большое скопление из лежащих ку-

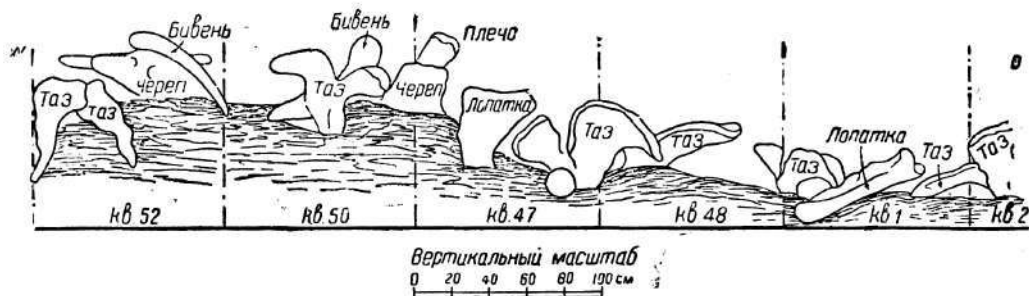

Рис. 5. Вид южной стены хода с юго-востока (схема).

В процессе работы выяснилась следующая интересная подробность. Слой костей залегает горизонтально в лёссе, очевидно на поверхности древней почвы. Эта древняя поверхность почвы, отвечающая времени палеолитической стоянки, находится на уровне верхних частей тазов, лопаток и других костей, образующих опи-

чею небольших бивней (около 30, частично с резьбой), пластин («чуринги») с резьбой, нескольких берцовых костей (tibia) мамонта небольшого размера и статуэтки женщины. На разных расстояниях от этого скопления было расположено 27 черепов мамонта (на 20 кв. м раскопа). Число мамонтов, которое можно было

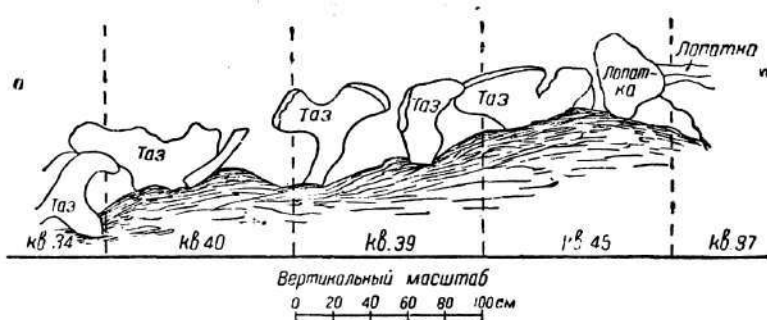

Рис. 6. Вид северной стены хода с северо-запада (схема).

санный выше коридор. Между тем самые стены его уходят глубже в землю на 0.5—0.6 м. Все пространство внутри хода и снаружи около костей заполнено зеленым суглинком, иногда с воллистыми пятнами и прослойками. Дальше, в стороны от стен хода, залегает уже лёсс, т. е. светложелтый суглинок. Повидимому, здесь предварительно был вырыт в древней почве, т. е. в лёссе, длинный ход, который затем и был обставлен костями.

Ход идет на юго-запад раскопа. Западный конец северо-западной его стены совершенно уничтожен при рытье (в 1926 или

определить не по черепам, а по другим остаткам (нижние челюсти, кости конечностей), достигало, вероятно, всего цифры 5. В своем докладе о раскопках 1935 г. в Елисеевичах, сделанном на пленуме Комиссии по ископаемому человеку Советской секции INQUA в декабре 1935 г., автор, говоря о большом количестве черепов мамонта, указывал на возможную связь этой находки с тотемистической идеологией верхнего палеолита, а также и на культовое значение описанного скопления. В связи с этим приобретают особый интерес результаты подсчета количества осо-

бей мамонта по различным костям, найденным в 1936 г. Костей ног и нижних челюстей мамонта было найдено очень мало. Всего по ним можно определить наличие 5—10 экземпляров мамонтов. Между тем черепов найдено 20. Череп в раскопе распределялись так: в южной части раскопа (рядом, с западной стороны, с раскопом 1935 г., в непосредственной от него близости и на расстоянии от скопления бивней не более 6 м) на пространстве лишь в 14 кв. м находилось 16 черепов. Все они залежали к югу от описанного выше хода, как и все 27 черепов из раскопок 1935 г. На остальных 47 кв. м площади раскопа 1936 г., на север от хода, было расположено только 4 черепа. Таким образом при-

можно думать, что дальнейшие раскопки здесь дадут еще много ценного материала.

Вследствие этого представляется совершенно необходимым продолжение раскопок в Елисеевичах и в дальнейшем с тем, чтобы были вскрыты части стоянки, находящиеся как на продолжении (к западу) «хода», так и лежащие к югу от жилья, часть которого (пол) была вскрыта в южной части раскопа 1935 г. Общую площадь дальнейших раскопок можно определить в 100—120 кв. м.

Одновременно, в виду наличия на р. Судости еще одного места — пос. Селище (колхоз Первомайский), Погарского района, — с двумя верхнепалеолитическими местонахождениями, обследованными авто-

Рис. 7. Дер. Елисеевичи. Раскопки палеолитической стоянки в 1935 г. Вид южной стены раскопа. Видны крупные кости, заключенные в очажном слое, представляющем пол жилья.

веденное выше предположение находками 1936 г. вполне подтверждается. Некоторое, правда уже косвенное, подтверждение этого можно видеть и в том, что 1) на одном из черепов имеется резьба (три пары параллельных нарезок, идущих поперек наружной поверхности альвеол бивней) и 2) в нескольких черепках оказались — в альвеолах бивней — «клады» в виде кремней, а также осколков костей. Кости так плотно сидят в альвеолах, что представляется несомненным, что они забиты в альвеолы нарочно, а не попали туда случайно.

Этот краткий обзор еще раз показывает, какие интересные и важные моменты вносит в изучение верхнего палеолита Восточной Европы Елисеевичская стоянка. Об этом говорить можно и при тех небольших раскопках, которые были произведены в течение 1935—1936 гг. [всего за два года вскрыто 81 кв. м (20 + 61)].

ром в октябре 1934 г., следовало бы поставить хотя небольшие раскопки с целью более точного выяснения характера и возраста этих местонахождений.

В дер. Курове, где автором на основе обследования в 1930 г. был предположительно указан палеолит, в 1936 г. было заложено 4 шурфа общей площадью в 52 кв. м. Два шурфа, №№ 2 и 3, не дали никаких находок. Два остальные, №№ 1 и 4, расположенные рядом, доставили с площади в 31 кв. м довольно значительное количество палеонтологических остатков. Найдены остатки сибирского носорога, мамонта, лошади, быка (?), волка, оленя. Никаких следов пребывания здесь человека не обнаружено. Напомню, что при небольшой пробной раскопке, произведенной мною в 1930 г., был найден всего только один обломок кремня, по форме напоминающий обломок ножевидной пластинки. Публи-

кую в 1932 г. результаты работ в Курове, автор отметил, что этот обломок кремня «все-таки нельзя с уверенностью назвать обломком орудия: признаков искусственной обработки в виде площадки отбивания, ударного бугорка и характерной раковистости на этом обломке нет». Таким образом и после раскопок 1936 г. вопрос о наличии палеолитической стоянки в Курове следует считать пока открытым. Однако большое количество костей (не менее, чем 6 видов животных) говорит как будто в пользу того, что при дальнейших работах здесь возможны находки и остатков человеческой культуры.

Кости находятся *in situ* и залегают в древнеаллювиальных песках с прослойками суглинка. Место находок — верхняя (вторая надпойменная) терраса р. Судости, ее склон. Склон спускается к древнему оврагу, теперь сильно замаскированному. Возможно, что кости залегают в ложе древнего ручья, впадавшего в овраг.

Дальнейшие работы в Курове все же необходимы хотя бы для получения полной и четкой картины этого местонахождения как со стороны геологической, так и палеонтологической, а также для окончательного решения вопроса о наличии здесь стоянки палеолита.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

БУРЕТЬ — НОВАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ «СТОЯНКА» НА АНГАРЕ

В долине р. Ангары следы палеолитических поселений до сих пор были известны только в окрестностях г. Иркутска. Первым, по времени открытия, из них является местонахождение каменных и костяных изделий палеолитического человека, вместе с костями вымерших четвертичных животных у Военного госпиталя, расположенное по правую сторону от устья рч. Ушаковки. Неподалеку от Военного госпиталя, в местности «Рабочий Дом», был известен М. П. Овчинникову второй пункт, где также встречались палеолитические изделия. За последнее время в том же районе некоторые новые находки были сделаны в пади Шеничковой.

На противоположной стороне р. Ангары М. М. Герасимовым была открыта палеолитическая «стоянка» в местности у Переселенческого пункта, давшая небольшой, но бесспорно палеолитический вещественный материал и фауну, отчасти сближающие ее со «стоянками» типа Афонтовой Горы на Енисее. Некоторые указания на наличие в местности Звездочка, «1-й Огород», у переправы на том же левом берегу Ангары палеолитических остатков известны автору данного сообщения.

Ниже г. Иркутска расположена известная «Верхоленская Гора», где имеются следы нескольких палеолитических поселений. На Верхоленской Горе, неподалеку от Жарниковой пади, находится падь Ушканка. Здесь открыто небольшое, но очень интересное по стратиграфии палеолитическое поселение с инвентарем, родственным поселению в Жарниковой пади.

Ниже по Ангаре известна была только одна, открытая автором в 1934 г., палеолитическая стоянка, расположенная на левом берегу р. Ангары, выше устья р. Белой, против займки Зайцево. Неподалеку от нее, но уже в долине р. Белой, работами М. М. Герасимова и, отчасти, М. П. Овчинникова (Бадай) затронута группа палеолитических памятников разного возраста,

в том числе Мальтинская стоянка.

В 1936 г. автором и его сотрудниками, участниками Ангарской археологической экспедиции Иркутского музея и ГАИМК, был открыт ряд новых палеолитических местонахождений в долине Ангары на протяжении от Тельмы до дер. Подволочной.

Среди них наибольший научный интерес представляют находки у с. Буреть (Нижняя) на правом берегу Ангары, в 50 км к северу от Мальты, но они пока не столь существенны, чтобы служить основанием для отделения находок, сделанных в Бурети, от мальтинских. При дальнейших работах они могут, очевидно, лишь содействовать более полному пониманию жизни людей мальтинского времени.

Мальта оставалась раньше единственным в своем роде памятником, исключительным по своему одиночеству в кругу всех остальных палеолитических поселений этой территории. Теперь мы имеем «вторую Мальту» — Буреть.

Находки в Бурети со всей определенностью подтверждают справедливость сделанных ранее Н. К. Ауэрбахом и П. П. Ефименко указаний на близость инвентаря Мальты к инвентарю типичных верхнепалеолитических памятников Европейской части СССР. Вместе с тем остатки палеолита в Бурети столь же определенно, как и мальтинские, показывают их глубокие отличия от более поздних палеолитических поселений Сибири (типа Верхоленской Горы, Ушканки, Бадай и проч.). Налицо две группы памятников, две стадии сибирского палеолита. При этом только в поздней стадии полностью развиваются так называемые «архаические типы» каменных орудий и соответствующие технические приемы.

«Поздняя стадия палеолита» предшествует развитому неолиту и, следовательно, соответствует так называемому «мезолиту»

Запада. Таковы выводы, которые вытекают из сопоставления старых мальтинских находок и новых из Бурети с материалами позднепалеолитических поселений. Продолжение раскопок в Бурети должно способствовать разъяснению этих коренных для данного момента вопросов изучения сибирского палеолита и, несомненно, принесет богатые научные результаты.

Остатки палеолитической культуры встречены были у нижнего конца села в местности Сухая падь, на правой стороне последней, и связаны с возвышенной второй, надпойменной (третьей от русла реки) террасой высотой от 15 до 20 м.

вых отщепков и осколков кварцита, лежавших преимущественно плашмя. Оказалось также, что культурные остатки залегают здесь на одной плоскости, расположенной почти горизонтально под углом по отношению к склону террасы. Вследствие этого внизу, по сильно размытому дождевыми потоками склону, палеолитические остатки были прикрыты только дерном и, повидимому, частично уничтожены, а вверх по склону они прикрывались все более и более утолщающимся слоем желтоватого суглинка. В пределах раскопа и внизу кости животных и кремни тоже залежали в суглинке, *in situ*, лишь перекрытые дер-

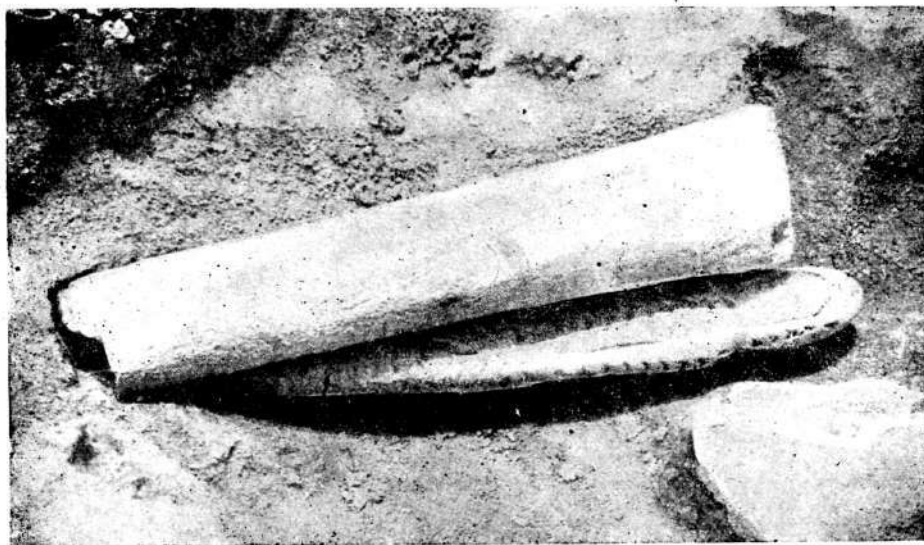

Рис. 1. Статуэтка из Бурети.

С северо-востока над этой террасой господствует возвышенность не менее 100—150 м. Внизу, около устья пади, сохраняются участки сильно размытой первой надпойменной террасы. На первой надпойменной террасе встречаются в большом числе неолитические орудия из камня, черепки, изредка и кости животных. На второй надпойменной террасе, по правой и левой сторонам пади, обнаружены энеолитические погребения обычного для долины Ангары типа.

Около одной такой группы неолитических погребений, на правом мысу пади, почти в устье последней и были найдены остатки четвертичной фауны вместе с изделиями человека. Первоначальная находка была сделана на пологом склоне террасы, где удалось обнаружить слегка выступавшую ребром из дернового покрова плиту известняка, а под ней ребро крупного животного с обломанным концом и рог северного оленя.

Зачисткой этого и соседнего участков было установлено также наличие кремне-

пом. Значительно ниже по склону и в самом дерне изредка встречались отдельные мелкие фрагменты рогов северного оленя и резе кремни (отщепки).

Произведенной затем раскопкой площади, на которой встретились культурные остатки (раскопано около 15 кв. м), установлено, что они встречались в определенных довольно четко ограниченных пределах и особенно густо концентрировались в двух более крупных скоплениях. Первое скопление состояло из лежавшего плашмя массивного рога оленя, ребра крупного животного и мелких фрагментов костей. Тут же находились раздробленный валун кварцита, кремневые отщепы и орудия из кремня. Скопление сверху было прикрыто одной относительно крупной плитой известняка; вторая плита, меньших размеров, лежала под нею, рядом находились и другие, более мелкие плитки известняка. Из орудий здесь были найдены скребки и орудие с массивным острием, оформленным резцовым сколом и ретушью, крупная галька, оббитая с одного края. Неподалеку

лежал распавшийся на продольные пластины бивень мамонта.

Неподалеку располагалось второе, более крупное, скопление костей животных. В середине его размещался позвоночник крупного животного, причем позвонки полностью сохраняли свое естественное, анатомически правильное расположение. Около последнего, в верхней его части (по отношению к скелону), лежал вния челюстью череп животного (очевидно лошади).

Второй такой же череп (оба черепа без нижних челюстей) находился у нижнего конца позвоночника, сбоку. Тут же лежали фрагменты бивня мамонта, ребро большого животного, фрагменты рогов оленя. Неподалеку на камнях покоилась часть черепа оленя с одним рогом, другой был отбит.

Среди костей были обнаружены мелкие кремневые изделия, в том числе одна удлиненно-треугольной формы — «проколка» — на широкой пластинке кремня, с крутой краевой ретушью ориньякского облика. Здесь же найдено и два крупных орудия — скребло случайной формы и дуклеевидное рубящее орудие своеобразной формы, несколько напоминающее так называемые нуклеусы — скребки, столь хорошо известные не только из палеолитических местонахождений, но также из неолитических памятников. (Неолитические нуклеусы-скребки отличаются, впрочем, мелкими размерами и особой формой лезвия.) В этом же скоплении культурных остатков обнаружена была еще одна и наиболее интересная находка. Под крайними снизу двумя позвонками, входившими в состав отмеченного хребта крупного животного, оказались лежащие рядом трубчатая кость джигетая (определение В. И. Громова) и обыкновенная галечка. Между ними, как бы слегка прикрытая костью джигетая, лежала, обращенная лицом вверх и вбок, статуэтка из бивня мамонта с отчетливо оформленным лицом и пластически выполненными деталями (нос, глазные впадины). Следует отметить, что на статуэтке изображена одежда из меха. Особенно ясно передан меховой капюшон на голове. Эта одежда ближайшим образом напоминает меховые одежды племен крайнего Севера с их характерными комбинезонами, охватывающими тело до пят, а также с большими шапками-капюшонами на голове, опущенными густым мехом по краям.

Все культурные остатки располагались на небольшой сравнительно площади, с одной стороны как бы заключенные в кривую линию, ограничивающую их сверху и по бокам. Снизу эта кривая линия пересеклась областью размыва, который, несомненно, уничтожил часть культурных остатков.

Горизонтальная в середине площадка, на которой располагались культурные остатки, повышалась вверх и по направлению к юго-востоку, представляя в общем как бы часть чашевидной впадины с пло-

ским дном и пологими стенками. Замечательно в связи с этим, что около второго скопления костей не только лежали плоские плиты известняка, но имелся и своего рода барьер из нагроможденных друг на друга угловатых камней, на который налегал олений рог, уцелевший на описанном выше черепе оленя.

Интересно отметить также, что кроме площадки с культурными остатками, охарактеризованной выше, еще одно скопление, хотя и крайне незначительное по количеству находок и площади их распространения, было обнаружено глубже, непосредственно на галечном ложе. Оно представляло как бы особый горизонт, характер которого, быть может, при дальнейших работах удастся объяснить, исходя из общей планировки культурных остатков и в связи со всей структурой жилища.

В результате предварительного исследования палеолитического местонахождения в Бурети мы имеем, несмотря на ограниченность исследованной площади, целостную и очень характерную картину.

Палеолитическое поселение было расположено на склоне древней 15—20-метровой террасы правого берега Ангары.

Исследованию подверглась часть палеолитического жилого комплекса, о чем свидетельствуют находки «кухонных» остатков и инвентаря. В структурном отношении это жилище, повидимому, приближалось к обычным верхнепалеолитическим полуподземным зимним жилищам солиотрейско-мадленской эпохи на становищах под открытым небом. Такие существенные детали, как расположения культурных остатков значительными группами, прикрытые плитняком кости животных, сходны с аналогичными деталями, зарегистрированными при исследовании жилищ на соседней Мальтинской стоянке. Сходство бытового и, следовательно, социального уклада обитателей палеолитических поселений в Бурети и в Мальте подчеркивается также значительным родством техники изготовления каменных орудий и составом инвентаря. Хотя в Бурети найдено немного орудий, но они чрезвычайно характерны по форме и технике.

Характерно, например, уже отсутствие массивных скребел, изготовленных из речной гальки и часто оформленных «мустьерской ретушью».

Скребки представлены концевыми скребочками, а крупные орудия не имеют ничего общего с обычными для позднего палеолита вещами. При изготовлении орудий массивной кварцитовой и яшмовой гальке предпочитается кремневый желвак.

Решающим аргументом в пользу сближения Бурети с Мальтой является находка скульптурного изображения из бивня мамонта, совершенно сходного по стилю и «орнаменту» с мальтинскими. О справедливости такого сближения свидетель-

стаует и фауна Бурети: мамонт, северный олень, дикая лошадь, джигетай и, по всей вероятности, песец.

Есть впрочем и некоторые частные признаки, отличающие находки в Бурети от мальтинских.

С. А. ЛОКТЮШЕВ

МАСТЕРСКАЯ КРУПНЫХ КВАРЦИТОВЫХ ОРУДИЙ НА р. ДЕРКУЛ В ВОРОШИЛОВОГРАДСКОЙ ОБЛ.

I

На протяжении наших многолетних (1924—1934) полевых археологических работ в Донбассе нам не раз приходилось встречать в единичных экземплярах типичные, так называемые макролитические орудия. В большинстве случаев находки касались предметов, выведенных тем или другим путем из их положения *in situ* и встреченных нами то на поверхности почвы,¹ то в местах обнажений прежних речных наносов,² то, наконец, в выносах из балок.³ Такое состояние этих находок не давало возможности установить условия их первоначального залегания.

В полевые сезоны 1932—1933 гг., во время наших разведочных археологических изысканий в связи с работами Харьковского Научно-исследовательского института истории материальной культуры, на магистрали Москва—Донбасс была случайно открыта нами по р. Деркул (притоку р. Дона) обширная мастерская каменных орудий из кварцита.

Мастерская встретилась здесь в 2 км на север от хутора Нижне-Герасимовского на широкой площадке высокого правобережья этой реки. Эта площадь сильно расчленена балками и наклонена на юг к хутору. Все Нижне-Герасимовское правобережье спускается к реке несколькими уступами, в виде террас размыва с одной террасой накопления.

По геологическому сложению в нем выступает в основании мергель мелового возраста, на который налегают разноцветные пески Полтавского яруса с заключенным в них кварцитовым, разного размера плитняком. Пески переходят вверх в песчаный чернозем, мощностью до 54 см.

В районе расположения мастерской значительная площадь этих песков, главным образом по причине денудационных процессов, оголена и по склонам некоторых балок сильно развевается. Связанный с песками кварцит благодаря этому выводится на поверхность, образуя массовые россыпи, возможно, служившие в те времена сырьевой базой для технической утилизации камня.

¹ У сел. Александровки, Валуского, Борисовки и др.

² По берегу р. Деркул место «Половичи»; бассейн р. Ковсуг у с. Роговик.

³ У хутора Юганова, Гурнина и др.

Материальные объекты, характеризующие мастерскую, были найдены разбросанными группами и в одиночку в разных местах площади. В одном месте нам удалось напасть на самый пункт, где, очевидно, сосредоточен был процесс производства орудий (рис. 1). Этот пункт представлял небольшой участок на обрабатываемом к югу пригорье. Здесь, под слабым развеваемым слоем гумусированного песка сохранился след от очага в виде редких, проникнутых кремнеземом древесных угольков, рядом с которыми лежали фрагмент крупного призматического нуклеуса и два мидалевидных орудия.

Разбросанность объектов небольшими группами может указывать на возможность существования нескольких рабочих пунктов, но по тем же причинам не уцелевших.

Все, относящееся к мастерской, составляет до 140 экземпляров кварцитовых объектов. Среди них имеются орудия изготовления орудий труда, отбросы производства в виде осколков и сами орудия труда.

В числе первых имеется шесть нуклеусов, один отбойник, четыре экземпляра ножевидных, с прямым краем, пластинок и, наконец, пять экземпляров различных пластин. Один из нуклеусов по форме дисковидный, два — призматические и три экземпляра — пирамидальные. Размеры их варьируют от 15 до 31 см в высоту.

Кроме упомянутых, имеются еще четыре экземпляра, но неопределенно угловатой формы, со следами использования в качестве нуклеусов. По размерам они: один 17×12×13 см; другой 17×12×11 см; третий 17×16×10 и четвертый 17×11×9 см. Те и другие имеют крупные и грубые боковые рабочие сколы. Отбойник — формы почти полусферической, размера 7×5×5 см. Ножевидные пластины — от 8 до 13 см дл.; все они имеют некоторую обработку по краям. Среди осколков имеются 12 экземпляров ножевидных, от 8 до 17 см дл., 11 экземпляров треугольных, от 6 до 14 см дл., 49 экземпляров равных, неопределенных, различного размера и форм.

Из орудий труда нами найдено: 3 экземпляра орудий типа «tranchet», 8 экземпляров «ris» и 3 экземпляра мидалевидных поделок.

Таблица I

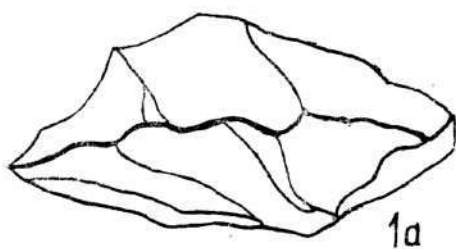
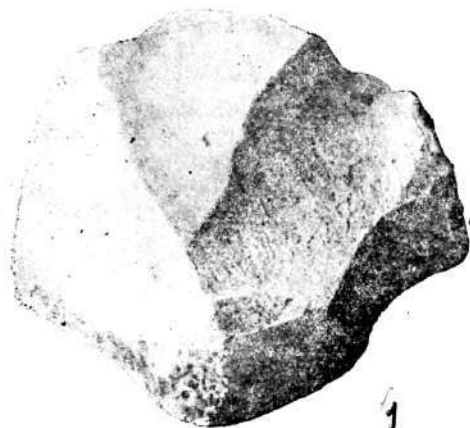

Рис. 1, 2, 3, 4.

«Tranchet» (рис. 2) по форме двоякого вида: долотовидные (2 экземпляра) и треугольный (1 экземпляр). Первые — оба длинные, один из них узкий.

Узко-длинный «tranchet» сработан из большой трехскатной пластинки, имеет 27 см в высоту и 6 см в ширину. У него закруглена загнутая несколько вперед верхняя часть, трапециевидно, под углом, сбито рабочее поперечное лезвие и выбита

самый большой. На нем заметна намеренно притупленная и подрубленная оббивкою верхняя часть, для целей, надо полагать, привязи в этом месте во время работы.

Миндалевидные поделки представлены тремя экземплярами. Они с обеих сторон грубовато оббиты, причем с передней стороны полнее. По верхнему широкому плоско-выгнутому краю у них одинаково имеется грань — сбитая под

Таблица II

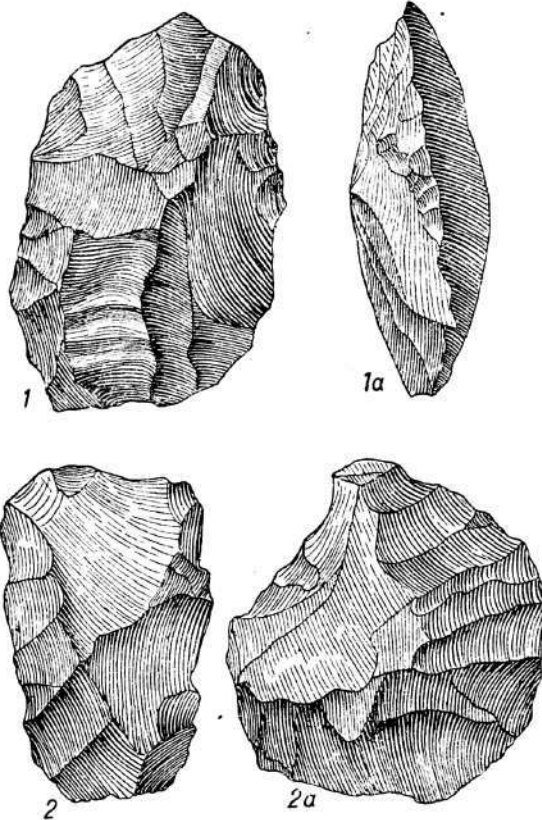

Рис. 1 и 2. Миндалевидный нуклеус.

неглубокая, на тыльной стороне, полуовальная выемка.

Другой экземпляр, 25 см высотой, представляет только полуфабрикат.

Треугольный экземпляр с трапециевидным, сбитым под углом поперечным лезвием, имеет 16½ см высоты.

Орудия типа «рис» (рис. 3 и 4). Из них по форме 5 экземпляров кривые, с серповидным профилем, варьирующие в длину от 19 до 47 см и в весе от 3200 г до 7600 г, и 2 экземпляра продолговато-овальные, из которых один имеет почти прямые боковые края, а у другого они в нижней половине несимметрично выпуклы. Верхняя половина последнего дает впечатление черешка; из первых заслуживает внимания

углом, наклоненным к тыльной стороне, и притупленная, шириною 2—3 см. Грань могла служить местом для обхватывания орудия рукою при работе. Размер колеблется от 14½ до 18 см.

Морфологическая сторона описанных орудий труда позволяет, до известной степени, установить их назначение. Одни из них являлись орудиями земледельческого труда и использовались при обработке земли как мотыги; другие были, очевидно, орудиями труда деревообделочного, т. е. применялись при рубке дерева, стругании его и т. п., служа как бы топором, струганком и т. д.

Роль первых могли играть миндалевидные поделки и орудия типа «рис». Если

Таблица III

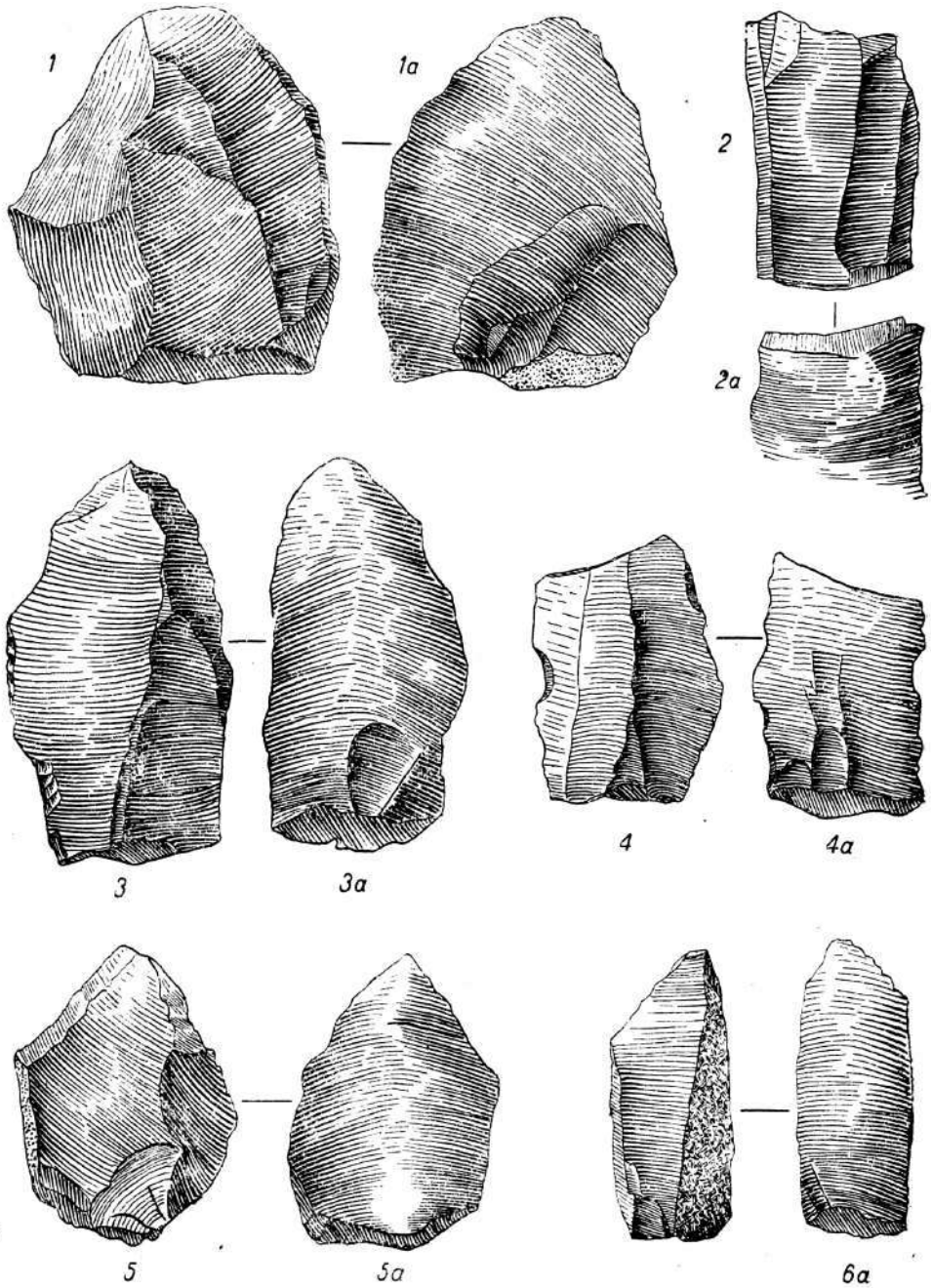

Рис. 1—1а треугольная пластинка
 2—2а ножевидная пластинка
 3—3а треугольная выгнутая пластинка
 4—4а ножевидная пластинка
 5—5а треугольный осколок
 6—6а ножевидный осколок.

при этом первые употреблялись при земледельческих работах как ручные, т. е. их непосредственно держали в руке, то из вторых только продолговато-овальные могли быть ручными, а остальные насаживались на рукоятку.

Каков был конструктивный облик этого приспособления, определенно сказать, конечно, трудно; возможно, он походил на тот несложный деревянный аппарат,

который был еще в ходу при работах над землей, с каменным же острием, на почве архаического Египта.

Рассмотренный нами инвентарь Деркульской мастерской находит соответствие в инвентаре одностадийных с нею мастерских крупных каменных орудий. Подобные мастерские открыты во Франции (в Кампиньи), в Бельгии, в Литве, в Польше, в Белоруссии и на Украине.

Г. П. СОСНОВСКИЙ

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ДОЛИНЕ р. КАТУНИ

Летом 1936 г. экспедиция Советской секции INQUA и ГАИМК, работавшая под руководством Г. П. Сосновского, продолжала исследование палеолитической стоянки у с. Сроетки на правом берегу р. Катуня (в 36 км от г. Бийска), открытой в прошлом году.

В окрестностях с. Сроетки остатки палеолитического периода были обнаружены в трех пунктах:

1) на северо-восточном склоне Сроетинской горы.

2) На юго-западном ее склоне, близ паромы.

3) На юго-западном склоне «Крутого солонца».

Каменные орудия и осколки древней техники залегают в верхних слоях песчано-глинистой толщи, слагающей третью террасу. В 1936 г. раскопки производились на северо-восточном склоне Сроетинской горы (в 350 м от крайних домов села), где было обнажено около 160 кв. м площади древнего поселения.

Геологический разрез третьей надлуговой террасы представляется в следующем виде:

1. Гумусовый горизонт почвы	0.35—0.40 м	
2. Палево-серая лёссовидная супесь	0.80—1	»
3. Буроватая более глинистая супесь	0.90	»
4. Светлосерая мелкозернистая супесь	0.40	»
5. Темносерая супесь	около 3.5	»
6. Бурый суглинок	3.45	»

Наз террасы маскирован осыпью.

Палеолитические предметы были найдены:

- в гумусовом слое почвы на глубине 15—37 см от поверхности,
- в лёссовидной супеси на глубине от 40 до 80—90 см,
- в буроватой супеси, 0.85—1.30 м ниже дневной поверхности.

Пласт песчано-глинистой толщи, содержащий остатки палеолита, измеряется в 0.85—1 м.

Распределение древних остатков по вертикали было неодинаковое. В гумусированной почве они находились в небольшом числе; ниже в лёссовидной супеси встречались значительно чаще, но основная масса их была собрана в переходном горизонте от лёссовидной супеси к буроватой супеси и в последней.

В буроватой супеси обнаружены пять культурных комплексов, представляющих собою скопления предметов каменного производства и остатки кострищ.

Здесь палеолитические изделия были найдены *in situ*, и их расположение связано с поверхностью древней стоянки. Между комплексами наблюдались интервалы; в промежутке между ними попадались лишь отдельные орудия и отщепы.

Из пяти культурных комплексов в трех найдены следы кострищ, окруженные отбросами каменного производства.

Одно из них (1) без признаков огня дает картину настоящей мастерской по выделке орудий, где были обнаружены все стадии их приготовления и законченной обработкой изделия.

Остатки кострищ (диаметром $1\frac{1}{2}$ —3 м) содержат зольный слой толщиной в 2—6 см. Собраны мелкие кусочки древесных угольков.

Кости животных найдены в небольшом числе. Они принадлежат ископаемой лошади и, повидимому, оленю.

На стоянке не обнаружено огромных скоплений кухонных отбросов, как это характерно для более древних поселений Сибири (Мальта, Афонтова гора).

При раскопках было найдено около 100 орудий и около 2000 отщепов, обломков камня и пр.

Взяты образцы породы, составляющей верх третьей надлуговой террасы. Сравнение находок палеолитических орудий и отщепов, происходящих из различных уровней, показывает, что разницы в составе каменного инвентаря отдельных горизонтов не наблюдается.

Грубые скребла мустьерского облика, орудия типа ручного рубила и мелкие скре-

бочки и угловые реэцы встречались на различной глубине.

На ряду с ними собраны небольшие нуклеусы привагмического типа, мивиа-турные ножевидные пластинки, нуклеевидные формы, проветрки, пластинки с ретушью по краю и проч.

Все изделия приготовлены из речной гальки и валунов (кварц, кварцит, лидит, яшмовидные породы и др.).

Стоянка у с. Сроетки по данным работ экспедиции должна быть причислена к местонахождениям поздней стадии верхнего палеолита Сибири (без мамонта) и относится к послеледниковому времени.

Каменные орудия, найденные в долине р. Катуня, по технике обработки и формам весьма близки к инвентарю енисейских палеолитических стоянок.

С. А. ТРУСОВА

КРАТКИЙ ОБЗОР РАБОТ КРЫМСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1936 г.

I

Задачей Крымской палеолитической экспедиции, организованной на средства Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Советской секции INQUA, являлось продолжение раскопок в скалистом навесе Шан-ноба, у сел. Уркуста и разведка района Байдарской долины вместе с низовьями каньона р. Черной. Работы велись под руководством С. Н. Бибикова, при участии антрополога Е. В. Жирова, научного сотрудника С. А. Трусовой и студентов ИГУ.

Раскопки навеса Шан-ноба проводились в течение нескольких лет — в 1927—1928 гг. Г. А. Бонч-Осмоловским,¹ в 1935 г. С. Н. Бибиковым.² Работы этих лет не исчерпали культурных напластований, поэтому целый ряд вопросов, связанных, главным образом, с планировкой стоянки как жилого места, оставались открытыми. Кроме того, несмотря на значительную полноту коллекционных сборов, они требовали по некоторым комплексам дополнительного материала. Таким образом работы нынешнего года являлись продолжением раскопок предыдущих лет. В этом году раскопкам подвергалась центральная часть навеса — участки 11—17 а—д, расположенные непосредственно под потолком навеса и сохранившие неповрежденные культурные напластования. Для ориентировки см. план, приложенный к работе С. Н. Бибикова.

Стратиграфия наслоений включает 6 слоев, которые даны по разрезу линии уч. 15 б и в.

1 слой. Кизяк и слой, содержащий остатки средневековых сооружений для обработки железа.

1А слой.¹ Гумусированная рыхлая почва серого цвета с небольшой примесью щебня.

2 слой. Глинистый, желтого цвета, с большим количеством щебня, более влажный и плотный, чем первый слой.

3 слой. Имеет темносерый цвет, более рыхлый, щебнистый и с большим количеством раковин улиток *Helix vulgaris*.

4 слой. Еще более темного цвета, сильно щебнистый. Раковин улиток *Helix vulgaris* не содержит.

5 слой. Светлоричневая глина, с небольшим количеством щебня.

6 слой. Выделяется от пятого слоя своим темносерым цветом, менее глинистый и с большим количеством щебня.

7 слой. Желтая глина, у стенок навеса зеленоватого цвета, с небольшим количеством щебня. Археологических находок не содержит.

В процессе работ выяснился целый ряд вопросов, связанных с планировкой стоянки.

Первый слой сохранился не на всей раскопанной площадке. Частично, на уч. 12—13 в—д, он был разрушен, повидимому, в средние века. Слой содержит большое количество костей животных, главным образом кабана, кремня и керамику. Большой интерес представляют обнаруженные здесь ямы, наполненные костями животных и угольками. Всего обнаружено 6 ям. Каждая яма в плане имеет овальную форму и к низу несколько сужается. Все они прорезывают нижележащий второй слой, а некоторые и верхнюю поверхность третьего слоя. В распо-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934 (мелкие сообщения с упоминаниями работ в навесе Шан-ноба опускаю. С. Т.).

² С. Н. Бибилов. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. Сов. Археол., т. I, 1935, стр. 195—212.

¹ Выделение слоя 1А в самостоятельный горизонт стало необходимым, так как этот слой, в противоположность раскопкам прошлых лет, весьма четко определяется не только по характеру цветности, но и по своеобразным находкам.

ложении их не удалось заметить какой-нибудь планировки. Возможно, обитатели навеса пользовались ими для тушения мяса, как это имеет место у некоторых народностей, например у австралийцев.

Раскопки этого слоя (1 А) дали возможность установить одновременность залегания керамики с определенным кремневым инвентарем. В предыдущие годы, благодаря незначительной мощности этого слоя, этот вопрос оставался открытым.

Второй слой не представляет самостоятельного культурного комплекса. Как поверхность его, так и сам слой очень бедны культурными остатками.

Третий слой, судя по его мощности и количеству находок, служил долговременным жилым местом. Раскопками 1937 г. была исследована центральная часть площадки, вместе с очагом на уч. 17 в. Очаг представляет собой дугообразно выложенный ряд камней (наиболее широкая часть 42 см), ограничивающий впадину с большим скоплением золы и мелких угольков. Очагом пользовались долгое время, так как очажные камни перекрывались слоем золы, а глинистый слой (пятый), подстилающий очаг, получил сильную красноватую прокалину, очень плотную и простирившуюся за пределы самого очага.

Валик из мелких костей и раковин улиток *Helix vulgaris*, обнаруженный раскопками 1935 г. на уч. 20—21 д, прослеживался и на уч. 17 д. На соседнем уч. 16 д его контуры постепенно исчезают.

Четвертый слой, очень тонкий, частично был разрушен жителями третьего слоя и сохранился лишь пятнами. Этот слой на участках линии 14 почти совсем выклинивается.

Пятый слой, так же как и второй слой, не представляет самостоятельного культурного комплекса.

Шестой слой, богатый остатками, располагался только в восточной части раскопанной площадки, к западу и к стенкам навеса он прекращается. Раскопками 1937 г. была захвачена западная окраина этого культурного слоя. Центральная часть его была раскопана в 1928—1935 гг. (участки 18—21 а—д).

В результате исследования этой стоянки установлено, что с изменением культурных комплексов перемещается и центр поселения. Если в шестом слое центральным местом являлась восточная часть навеса — уч. 20—21 а—д, в третьем слое центром были уч. 17—16 а—д, то еще западнее располагается центр первого комплекса — вероятно центральной частью его являлись уч. 10—11 а—д и возможно площадка перед навесом.

Весь кремневый и костяной инвентарь, собранный из всех слоев, можно, как и в предыдущие годы, разделить на три основных комплекса.

Первый комплекс¹ включает находки из первого слоя. Выделение этого комплекса очень важно, так как теперь можно с определенностью говорить об одновременности керамики с своеобразными и отличными от нижних слоев «микролитами». Кремневый инвентарь представлен многочисленными изделиями типа «трапедий со струганой спинкой», сегментами и наконечниками стрел с двусторонней обработкой. Костяные орудия представлены несколькими шильями и обработанным клыком кабана.

Второй комплекс находок включает остатки из второго и третьего слоев. Кремневый инвентарь представлен главным образом трапециями и трапециевидными формами с зубчиками; последние в предыдущих сборах были в единичных экземплярах. Далее идут сегменты малого размера, острия различного типа, пластинки с выемками, скребки и очень небольшое число резцов, по преимуществу угловых.

Костяной инвентарь дополняет сборы 1935 г. Найдены:

1. Костяной стержень-наконечник дротика, без боковой прорези, круглый в сечении.

2. Несколько костяных шильев.

3. Панцирь черепахи, обнаруженный почти целиком. Он весь покрыт известковым налетом. Утверждать, что эта находка служила в древности сосудом, нет еще данных.

Об использовании панциря черепахи вообще свидетельствует одна поделка из панциря, покрывающего брюшко черепахи, имеющая вид расширяющейся ложки с явными следами обработки.

4. Очень интересна находка пластины из мела. Пластина близка по очертаниям к четверти окружности. Она сплошь испещрена бороздками от стесывания с обеих сторон.

Весь вышеуказанный инвентарь, как костяной, так и кремневый из второго комплекса, вполне подтверждает датировку этого комплекса как тарденуазского.

Третий комплекс объединяет находки из 4,5 и 6 слоев. Кремневый инвентарь, собранный в 1936 г., при сопоставлении с инвентарем из раскопок прошлых лет, не вносит почти ничего нового в характеристику его и лишь дополняется количественно. Костяной инвентарь, собранный, главным образом, из шестого слоя, представлен некоторыми новыми объектами. Однако количество его значительно меньше, чем в сборах 1935 г. Общая характеристика обработанной кости в смысле технических приемов изготовления костяных изделий остается в том виде, в котором они даны в работе С. Н. Бибикова.

¹ См. указанную работу С. Н. Бибикова.

В результате раскопок 1937 г. исчерпаны почти целиком все культурные напластования, относящиеся к палеолитическому времени в навесе.¹ Остался недоисследованным первый слой, который распространяется еще западнее от раскопанной площадки и выходит, вероятно, на площадку перед навесом, свободную от камней.

II

Второй задачей экспедиции была разведка в районе Байдарской долины и низовьев каньона р. Черной.

В 1927 г. разведкой экспедиции Академии Наук в составе С. Н. Вибикова и С. А. Трусовой была обследована северная, северо-восточная и восточная части Байдарской долины, с заходом в Узунджинскую долину. В 1930 г. Бибиковым и И. Д. Соловьевым обследован каньон р. Черной от сел. Уркуста до так называемого Чортова моста (в 3 км выше сел. Чоргувь), район селений Кучка, Упа, Айтотор и Уркуста. Таким образом оставались не обследованными западная и юго-западная части Байдарской долины и нижнее течение р. Черной. Разведкой 1937 г. были охвачены эти районы с выходом к сел. Камары и по каньону р. Черной, от места окончания работ 1930 г., вниз по течению. Разведочным отрядом руководил Е. В. Жиров.

Были совершены три маршрута:

1) в район сел. Бююк-Мускомья (западная часть Байдарской долины); 2) на северо-восточные склоны возвышенностей, примыкающих к долине, — район селения Бага. Этот маршрут являлся повторным и имел целью исследование отложений в пещере Сюндюрлю-коба; 3) основной маршрут, охватывавший каньон р. Черной в районе сел. Чоргувь, с выходом к Федюкиным высотам.

Кроме этих маршрутов состоялись небольшие разведки в районе сел. Уркуста. В задачу разведочной группы, кроме поисков палеолитических местонахождений, входило и обследование поздних памятников, заключавшееся только в поверхностных наблюдениях и сборах подъемного материала.

В районе сел. Бююк-Мускомья осмотрено городище Исарчик, на склонах которого в трех местах отмечены остатки древних стен. На поверхности собраны керамика, серебряная монетка с арабской надписью, обломок железного ножа, грузило и осколки кремня. Здесь же осмотрен ряд навесов и пещер: 1) навес Мидаштешкере, 2) Сакал-коба, 3) Кавалагач-коба, содержащие в своих напластованиях позднюю керамику; Гогорджан-коба и навесы Экиджик-коба, Арабач-коба — без находок.

На юго-восточном склоне мыса Ланга, в 3 км к северу от сел. Бююк-Мускомья,

имеются три безыменных навеса. Их называли по имени проводника — Юсуф-коба. 1. Западный навес — Юсуф-коба I, длиной 36 м, глубиной 3 м и высотой 4.5 м, обращен на юго-восток. 2. Средний — Юсуф-коба II, засыпанный до потолка землей, длиной около 22 м, обращен на юго-восток. 3. Восточный — Юсуф-коба III, наиболее высокий и глубокий, длиной около 16 м, глубиной 6 м, высотой 5 м, обращен на юг.

В Юсуф-коба I, в восточной части навеса, заложен шурф размером 1 × 2 м. Шурф дал следующие напластования: 1 слой — кизяк, толщиной 10 см. 2 слой — щебнистый, бурого цвета. Разбит в процессе работы на два горизонта: первый горизонт до глубины 30—40 см с находками фрагментов крупных сосудов красного цвета, с хорошим обжигом, второй горизонт до глубины 100 см, с более ранней керамикой, темного цвета из крупнозернистой глины, с мелкими обломками костей и осколками кремня. Далее идет тонкая прослойка толщиной в 3—5 см, содержащая ракушки улиток *Helix vulgaris*, мелкие обломки костей и кремня. В северо-западном углу шурфа обнаружена небольшая ямка, которая прорезывает нижележащий слой. Из кремневых орудий найдены: трапеция, сегмент, пластинка с ретушью и пластинка с выемками.

3 слой — желтая глина, сильно понижается к юго-востоку, без находок.

Кремневый инвентарь из Юсуф-коба I типологически близок к инвентарю из третьего слоя Шап-коба и другим позднепалеолитическим стоянкам Крыма. Напыщенный раковинами улиток *Helix* слой и ямка, служившая для приготовления улиток в пещу, находят свою полную аналогию с тарденуазским слоем Шап-коба.

Вторым маршрутом обследован район сел. Баги: 1) осмотрены навесы и урочище Умеранай-кал, имеющие скалистое дно; 2) местность Тасхан-Бурман, где собран подъемный материал в виде керамики и осколков кремня; 3) урочище Мачу, на южном склоне которого замечены остатки древней стены, собрана поздняя средневековая керамика; 4) балка Бююк Узень-дере, где зарегистрировано четыре навеса под названием Каныгуль-коба. Шурфовка навесов дала позднюю керамику и осколки кремня; 5) в местности Суук-су осмотрен ряд навесов, некоторые из них достигают очень больших размеров, но все со скалистым дном; 6) вторично поставлен разведочный шурф в пещере Сюндюрлю-коба. Пещера обращена входом на юго-запад. Внутри имеет два коридора: один прямо против входа, короткий, длиной в несколько метров, второй располагается несколько сбоку, с сильно понижающимся полом внутрь пещеры, длиной около 160 м. Пещера очень сырая. На поверхности пола пещеры найдены разбросанными кости человека и современ-

¹ Кроме контрольных участков в западной части навеса.

ная керамика. Из шурфа извлечен железный наконечник копья.

Третьим маршрутом был охвачен район селений Камары, Алсуи-Чоргунь.

В 1—1.5 км к северо-западу от Балаклавы осмотрены: 1. Пещера Каплан-коба, искусственно вырубленная с лежанкой, нишами и ямками для столбов и перекладин. 2. Безымянный грот, в 100 м к северу от 8-го км шоссе Севастополь—Ялта, без находок. 3. Урочище Ак-Топрак, в северной части которого отмечено месторождение кремня в известняках. В северо-западной части собраны коллекция кремневых осколков со следами обработки и керамика. 4. В юго-западном конце сел. Камары, у кладбища на перепаханной площадке собран подъемный материал в виде керамики и осколков кремня. 5. В местности Кая осмотрен ряд пещер и навесов. Многие из них носят следы шурфовки. Из расспросов местного населения выяснилось, что раскопки здесь производились в 1914 г. (вероятно Р. Р. Шмидтом). В отвалах земли у самой большой пещеры собран подъемный материал. Рядом поставлен шурф, размером 1 × 1 м. Подъемный материал и материал из шурфа состоит из обломков керамики от сосудов большого размера, красного цвета, нескольких кремневых осколков, со следами ретуши, обломка рога, тоже со следами обработки, железных поделок, раковин морских моллюсков и проч. 6. Пещера Бурмок-Спиля в 2 км к северо-востоку от сел. Камары — без находок. 7. Местность Почта-Каясы, Макри-Мале — грот, хорошо видный с Севастопольского шоссе, урочище Чирка, в 2 км к востоку от сел. Камары, навес на левом берегу реки Черной, в 1 км к северо-западу от сел. Алсу, — все без находок.

На левом берегу р. Черной, в 2½ км от сел. Чоргунь, вверх по реке, в ущелье Боклу-дере расположен грот Мурзак-коба, раскопки которого дали весьма ценные результаты. Грот расположен на высоте 36 м над уровнем реки, обращен входом на восток. В тарденуазском слое (третьем) было обнаружено двойное погребение, заваленное камнями. Исключительно ясная стратиграфия не вызывает никаких сомне-

ний в том, что оба костяка одновременны с третьим слоем. Скелеты, лежащие в вытянутом положении, на спине, перекрывал совершенно однородный слой, заключающий объекты, вполне характерные для тарденуазской эпохи. Никаких предметов культового назначения в погребении не найдено. У кисти правой руки костяка № 1 лежало ребро животного со следами обработки, которое вероятно было привязанным к руке человека и погребено с ним. Кремневый инвентарь представлен трапециями, сегментом, наконечниками стрел, пластинками с выемками, пластинками с ретушью, резцами с поперечной подретушью, округлыми скребками и т. п. Весь кремневый инвентарь свидетельствует о тарденуазском возрасте третьего слоя, в котором залегают погребения.¹

Кроме перечисленных работ, экспедицией проведено небольшое обследование местности Чорна-Терля, расположенной по дороге из сел. Чоргунь в ущелье Боклу-дере, на правом берегу р. Черной. Вся местность Чорна-Терля усеяна кремневыми осколками, происходящими из коренных пород — известняка, содержащих в огромном количестве кремнь. Среди этих естественных осколков найдены отщепы, несомненно несущие следы искусственной обработки, выражающиеся в наличии ударных площадок, бугорков и следов предыдущих сколов с нуклеуса. Здесь же в перестроженном суглинке, на глубине нескольких сантиметров от поверхности почвы, найдено одно вполне законченное орудие — скребло на массивном отщепе. Датировка этого материала не вполне ясна, однако некоторые признаки дают возможность отнести его к ранней поре неолита. Если дальнейшие наблюдения и сборы в этой местности подтвердят эту датировку, то материалы из Чорна-Терля будут первыми, характеризующими раннюю пору неолита, до сих пор еще не известную в Крыму.

¹ Подробное изложение работ в гроте Мурзак-коба см. в статье С. Н. Бибикова в этом же сборнике.

О. Н. БАДЕР

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ КРЫМСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ

в 1936 г.

В 1935 г. Научно-исследовательским институтом антропологии Московского университета были начаты работы по поискам палеолитических памятников в восточной половине горного Крыма. По избранному для работ району отсутствовали какие бы то ни было предварительные сведения

о находках. Тем не менее, поиски дали, как известно, довольно обильные результаты. На их основе экспедицией были развернуты археологические работы в 1936 г.

Прежде всего, были поставлены рекогносцировочные раскопки грота Чагарак-коба, давшего в 1935 г. при разведках

мустьерскую или раннеориньякскую фауну. Незначительная вскрытая площадь вновь не дала кремня, но многочисленные вынутые из слоя кости принадлежат, по определению В. И. Громова, носорогу, пещерной гиене, лошади, сайге, пещерному льву и т. д.

Приведенный перечень фауны заставляет отнести Чагарак-коба к мустьерскому времени.

Все кости расщеплены, однако погрызы зубов хищников на них отсутствуют. Это позволяет не терять надежды обнаружить здесь в дальнейшем остатки материальной культуры неандертальца.

На ряду с этим были произведены раскопки расположенного неподалеку грота Буран-кая на правом берегу р. Бор-ульчи, близ Койнаута (см. трехцветку в начале сборника). Раскопки можно считать исчерпывающими. В залегающем на речных наносах слое желтого суглинка обнаружены остатки, относящиеся к азийскому времени, тождественные нижнему слою грота Шан-коба, но с некоторыми чертами большего архаизма.

Собраны кремневые орудия и осколки, остатки фауны млекопитающих и съедобных моллюсков, среди которых следует особо отметить раковины устриц, говорящие о сношениях обитателей грота с морским побережьем. Удалось фиксировать остатки кострищ, скопления кремневых осколков и заготовок, соответствующие, по видимому, рабочему месту изготовлявшего орудия человека, и т. д.

Одновременно произведены дополнительные разведки в том же районе. Обследован также обширный район между Феодосией, Судакком и Старым Крымом, давший пятнадцать местонахождений с кремневыми орудиями и осколками; восемь из этих местонахождений могут быть сочтены за остатки стоянок позднеарденуазского облика.

В работах экспедиции принимали участие научные работники О. Н. Бадер, А. В. Збруева, Е. И. Висниовская, П. Н. Заболоцкий (Феодосийский археологический музей), А. Я. Гафнер (Судакский музей) и П. К. Молдавский (Старо-Крымское отделение Общества изучения Крыма).

М. З. ПАНИЧКИНА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ПРИ ЧЕРНОМОРЬЯ в 1936 г.

Археологическая экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР, под руководством С. Н. Замятина, в 1936 г. продолжила работу по изучению древнего палеолита на Черноморском побережье Кавказа, начатую в 1934—1935 гг.

Основными задачами этого года экспедиция ставила: 1) повторное изучение недостаточно изученных местонахождений, открытых в 1934—1935 гг. в Абхазии; 2) отыскание и предварительное обследование новых памятников как в Абхазии, так и за пределами ее, на севере — в Адлерском, Сочинском и Туапсинском районах, а на юге — в Мингрелии. В 1936 г. район работ экспедиции был значительно расширен.

Разведочные работы экспедиции велись двумя отрядами, работавшими — один к северу от Абхазии, другой к югу. Первый отряд работал в составе М. З. Паничкиной (нач. отряда), И. В. Щербанова и А. П. Краснова. Работу в Мингрелии и Гурии вел аспирант ГАИМК А. Н. Калантадзе. Общее руководство работами лежало на С. Н. Замятине.

Геологическая датировка обнаруженных местонахождений проводилась сотрудниками экспедиции Геологического института Академии Наук под руководством Е. В. Шандера.

Как уже было указано, работы 1-го отряда велись в районах Туапсе, Сочи и Адлера. Толчком к этому обследованию послужила находка древнепалеолитических кремней, сделанная в 1935 г. С. Н. Замятым близ Хосты, на территории колхоза «Надмен».

В процессе работы был обследован и взят на учет ряд скалистых навесов и пещер в районах Сочи и Адлера, а также обнаружен ряд палеолитических местонахождений аллювиального типа. Подобные местонахождения открыты ранее в Абхазии; их остатки связаны с древними морскими террасами.

В районе Туапсе отмечено одно древнепалеолитическое местонахождение, расположенное за Кадошским мысом, на территории Дома отдыха Ц. К. Союза работников трамвая близ горы Паук. Находки обнаружены на поверхности распаханного поля, на хорошо выраженной стометровой террасе. Орудия, изготовленные на широких отщепах, с грубой двусторонней подправкой крупными сколами по краям, интенсивно патинизированные, могут быть определены как мустьерские.

В Сочинском и Адлерском районах следы обитания палеолитического человека приурочены к долинам более крупных рек, как, например, рр. Мацесты, Восточной и Западной Хосты, Кудепсты

и др. В этих долинах обнаружено до 8 пунктов с остатками палеолитического кремневого инвентаря. Из них следует отметить два местонахождения по р. Мацесте: 1) в сел. Абазинке, в 6 км от Старой Мацесты вверх по течению, на левом берегу реки, и 2) в сел. Семеновке в двух пунктах — а) по улице села, в размытых канавках, против дома Чипаковой, обнаружены в небольшом количестве кремневые поделки, по видимому, верхнепалеолитического времени и б) на старой усадьбе фельдшера Смонара, на поверхности распашанного поля. Находки того же возраста.

По р. Хосте обнаружены палеолитические остатки в четырех пунктах. Первое местонахождение расположено в 4—5 км от г. Хосты, близ Воронцовского шоссе, за так называемыми «белыми скалами». Здесь, по пологому склону балочки в размытых канавках, находки залегали на небольшом участке; за пределами его совсем не встречались. Наличие архаичного материала (крупные широкие пластины, скребло, нуклеевидные находки) наряду с более поздними кремнями позволяет считать это местонахождение размытой стоянкой, разновременные культурные остатки которой перемешаны вследствие ее размывания.

Обнаруженное С. Н. Замятинным в 1935 г. местонахождение на территории колхоза «Нацмен» расположено совсем недалеко от вышеописанного, но только на другом берегу р. Хосты, на несколько сот метров ниже по течению. В этом году, при более детальном его осмотре, оно дало достаточный материал (широкие треугольные пластины, острокопечники, дисковидный нуклеус), с несомненностью указывающий на древнепалеолитический возраст этого местонахождения.

Значительно выше, на берегах этой же реки, обнаружен еще ряд пунктов, которые, однако, требуют более детального изучения. Сюда относятся находки в сел. Воронцовке, Батурино, Широком Поюсе и колхозе им. 1-го Мая.

Второй задачей отряда было предварительное обследование скалистых навесов и пещер в районах Сочи и Адлера. Всего было обследовано 9 пещер: две Хостинские на правом берегу Хосты, в районе колхоза им. 1-го Мая, Семеновская пещера в верховье р. Мацесты, 4 пещеры близ сел. Воронцовки, Навалишинская пещера на правом берегу р. Кудепсты и Ахштырская на правом берегу р. Мзымты. В некоторых из них намечена постановка широких раскопочных работ.

В 1936 г. раскопки пещер под непосредственным руководством начальника экспедиции С. Н. Замятина были начаты в двух пещерах Адлеровского района: 1) в урочище Широкий Поюс близ сел. Навалишино и 2) в Ахштырском ущелье близ сел. Голвицыно.

В Навалишинской пещере была подвезена раскопке площадь в 27 кв. м.

В отложениях пещеры (общая глубина их 1 м 85 см) было установлено три разновременных слоя, четко выделяющихся стратиграфически.

Верхний слой, начинающийся от самой поверхности, насыпан в недавнее время из внутренней части пещеры местными жителями, приспособившими пещеру для устройства церкви. Находки из этого слоя позднепалеолитического облика. Второй слой дал орудия верхнепалеолитического типа, и нижний содержал кремневые изделия, значительно отличающиеся по своему облику от находок вышележащих слоев, а именно, — характерные мустьерские треугольные отщепы, острокопечники, изготовленные на широких пластинах, и т. д. Нижний слой коричневой глины, к которому были приурочены мустьерские находки, был разбит на три горизонта темными угольными прослойками — следами очагов. Из них нижняя лежала на каменистом дне пещеры. Все слои содержали в большом количестве кости животных, как правило, хорошей сохранности. Среди них имеются намеренно разбитые в древности и также обожженные. Любопытно отметить наличие большого количества зубов пещерного медведя.

Вторая пещера, в которой проводились разведочные работы экспедиции, расположена на правом берегу Мзымты, в 4 км от сел. Голвицыно. Работы в этой пещере за поздним временем были ограничены лишь разведочным шурфом. Мощность наслоений в пещере более 3 м. Два верхних слоя находок не содержали. Лишь в третьем были обнаружены два культурных горизонта, давние кремневые поделки мустьерского типа и фауна.

В Абхазии в 1936 г. совместно с геологами В. И. Грозовым, Е. В. Шацкером, Т. М. Микულიной проведен ряд экскурсий. Были осмотрены местонахождения по Кодору и в районе Цебельды. В районе Цебельды, по Шакуранскому и Кодорскому ущелью, обследованы 3 пещеры и 2 навеса. Значительный интерес представляет открытое местонахождение в сел. Захаровке. Здесь кремневые орудия верхнепалеолитического возраста были собраны на поверхности морены.

В Очамчирском районе — в совхозе «Чай-Грузия» и в окрестностях сел. Отап — обследован ряд местонахождений древнепалеолитического возраста.

Близ Отапа осмотрены две пещеры.

Работами А. Каландадзе в Мингрелии было установлено наличие находок палеолита в условиях, сходных с констатированными в Абхазии, в ряде пунктов, главным образом в окрестностях г. Зугдиди. Был сделан ряд находок и более позднего времени. Особый интерес из находок А. Н. Каландадзе представляет находка им близ сел. Одиши кремневого инвентаря с характерными геометрическими минералитами, впервые отмечаемыми на Гавказе.

В. И. СМЕРНОВ

КОСТРОМСКОЙ ДЕКОРАТИВНЫЙ ТОПОРИК

В 1928 г. при раскопках на одной из стоянок Ярославской обл., «Станке», в верхнем дерновом слое был найден железный топорик с серебряной инкрустацией.

Стоянка Станок находится на север от г. Костромы приблизительно в 12 км в пойме р. Костромы. Эта стоянка расположена на древнем береговом валу в 400—500 м к северу от оз. Борисова. Теперь во время внешних разливов этот пункт заливаеся. Кругом нет никакого жилья. Но когда-то эти места привлекали насе-

зонта смешанной керамикой был найден вышеупомянутый топорик.

Топорик имеет узкую талию, расширенный в обе стороны обух и широкое дугообразное лезвие с выдающимся вперед носиком. В разрезе топорик имеет форму клинообразную, суживаясь к лезвию и расширяясь к обуху. Края обуха овальные. При этом проух расширяется в направлении к рукояти. Такой формы топоры, обычно больших размеров, имеющие на обухе язычки, встречаются в курганах Костромского края.

Топорик отлично сохранился и даже лезвие его очень острое. В проухе сохранились остатки дерева.

Размеры: длина от обуха до лезвия — 8.7 см; лезвие по прямой линии — 6.1 см; ширина талии (в самом узком месте) — 1.1 см; диаметр проуха — 1.8 см; толщина тыловой части обуха — 0.4 см; толщина топорика в талии — 2 см; размеры обуха в длину — 3.4 см; длина площади, занятой орнаментом, — 4.9 см.

Топорик выкован из согнутого куска железа — след сгиба заметен в проухе и в бороздках по узким сторонам топорика.

Орнамент серебром — в виде линий и завитков на обеих сторонах несколько углубленной в этом месте широкой плоскости, на части обуха и талии, — повидимому, вплавлен. Можно предполагать, что серебро накладывалось отдельными проволочками и затем, после плавки, заглаживалось, подпилком. Однако следов бороздок или желобков в тех местах, где серебро выпало или стерлось, незаметно. Серебро, очевидно, основательно заглажено и сохранилось в виде весьма тонкого слоя.

Весь несложный орнамент завитков, несколько не совпадающий на той и на другой стороне топорика, заключен в рамочку из нескольких линий, изогнутых по форме орудия.

По своему характеру узор в виде завитков, соприкасающихся спинками, и новых, из них выходящих, живо напоминает народный орнамент железных изделий (см. Воронов, Крестьянское искусство. М., 1924, стр. 70—73) и встречается до последнего времени, например в орнаменте полшубка (см. Народный орнамент. Труды Костромского научного общ., вып. XXXVIII, рис. 46, 47, 80, 126, 164, 172 и др.).

Мастерство этого рода А. А. Спицын относит к Владимиро-Суздальскому краю времени XII—XIII вв. (А. Спицын. Декоративные топоры. Зап. Отд. русск.

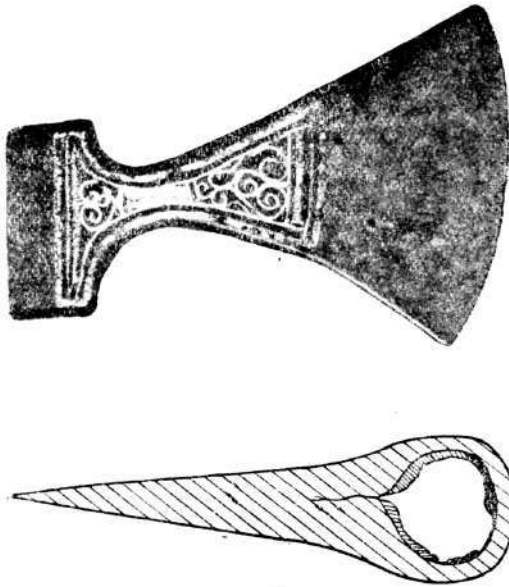

Рис. 1. Костромской декоративный топорик.

ление, благодаря, надо полагать, обилию дичи и рыбы, так как кроме упомянутого большого водоема оз. Борисова с другой стороны стоянки расположены почти заросшие теперь озера Гармоники и далее целая сеть речек и озер поймы р. Костромы. Здесь на стоянке жил поздненеолитический человек, оставивший характерную ямочно-гребенчатую керамику. Человек бронзового века также оценил значение этого места, оставив на Станке второй культурной слой с посудой типа стоянки «Халамониха» (Ивановской обл., Вязников. р-на). Позднее здесь поселился человек культуры сетчатой керамики, следы поселения которого особенно обильны в верхнем культурном слое. В верхнем горизонте до глубины 25 см 35-го участка 1-й траншеи вместе с обычной для этого гори-

и слав. археологии Ист.-арх. общ., т. XI, 1915, стр. 222—229. Здесь приведена библиография вопроса. Позднее вышла

еще работа В. А. Герасимова о ~~каменном~~ топорике в «Трудах Гос. Ист. музея», М., вып. I, 1926, стр. 135—143.

А. В. МАЧИНСКИЙ

ДВЕ НОВЫХ ПСЕВДОПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НАХОДКИ В АМЕРИКЕ

В Америке до сих пор не имеется вполне достоверных находок костей или орудий первобытного человека в несомненной связи с костями ископаемых животных. Все опубликованные до сих пор сообщения о подобных находках ставились последующими исследованиями под сомнение. О значении таких находок, для разрешения вопроса о древности существования человека в Америке, не приходится говорить.

В течение 1936 г. в Сев. Америке были сделаны две интересные находки орудий и костей первобытного человека в связи с костями мамонта и слонов. Недалеко от г. Clovis (New Mexico) экспедицией, организованной University Museum, University of Pennsylvania (Philadelphia), совместно с Academy of Natural Science, Carnegie Institution of Washington, под руководством E. B. Howard, во время разведочных раскопок были найдены кости двух слонов и каменные и костяные орудия, лежавшие в непосредственной связи с костями. Были собраны каменные листовидные наконечники стрел (аналогичные наконечникам, найденным ранее недалеко от Folsom, New Mexico) вместе с костями вымершего вида бизона, скребков и плоских ножевидных орудий. Два длинных, заостренных на одном конце, костяных острия также, вероятно, являются наконечниками стрел или дротиков. Кости слонов определены как принадлежащие *Parelephas columbi* (Falconer). E. Antews считает возможным относить слой песка, содержавшего кости, к 12000—13000 гг. до н. э. E. B. Howard датирует находки 8000 г. до н. э., допуская тем самым, что в VIII тысячелетии до н. э. в Америке существовали слоны. Такое допущение, при отсутствии достаточных

подтверждающих его данных, представляется мало вероятным.

Вторая находка была сделана во время земляных работ недалеко от г. Los Angeles (California). Человеческий череп и отдельные кости, найденные на глубине каких-нибудь тридцати футов, были перекрыты супесчанистыми слоями серого цвета, являющимися, очевидно, речными отложениями. Кости, лежавшие на слое гравия, были непосредственно перекрыты серым глинистым слоем. На расстоянии тысячи англ. футов от места находки костей человека были найдены в том же слое кости мамонта (*Archidiskodon imperator* Leidy). По мнению Dr. Clements'a, вызванного на место раскопок, находки относятся к плейстоценовой эпохе. Кости как человека, так и мамонта находятся в состоянии полной окаменелости. У черепа не хватает лицевых костей, вследствие чего физический тип данного существа не может быть ясно представлен. По мнению автора заметки A. Bowden'a, череп не имеет примитивных черт и по размерам близок к черепу, найденному в Новой Мексике несколько ранее, вместе с вещами, относящимися к раннему неолиту (и так называемой культуре Basketmakers I), что заставляет сомневаться в его большой древности.

E. B. Howard. The First Americans Bull. University Museum, University of Pennsylvania, Philadelphia, November, 1936, vol. 6, № 5, pp. 22—25, 4 pl.
A. O. Bowden and J. A. Lopatin. Pleistocene Man in Southern California (El Palacio. Santa Fe N. M., Nov. 11—15—25. Dec. 2. 1936, vol. XLI, № 20—23, pp. 121—123).

А. В. МАЧИНСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕКСИКАНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

В ноябре 1936 г. Музеем Института антропологии, археологии и этнографии получена, при содействии профессоров Боаса и Тоззера, из Peabody Museum (Cambridge Mass., USA.) коллекция по археологии Мексики. Коллекция происходит из раскопок в окрестностях г. Ацвапоццалько (Districto Federal, Mexico), произведенных Интернациональной школой американской археологии и этнологии. Она получена в компенсацию за денежную сумму, внесенную Академией Наук при организации этой школы. Предметы для коллекции были любезно отобраны проф.

Тоззером, согласно пожеланиям, высказанным Музеем ИАЭ. Коллекция состоит из глиняных фигурок, большого количества разнообразной керамики, светильников, глиняных формочек, ирсылиц и обсидиановых отщепов и орудий. Предметы, составляющие коллекцию, охватывают историю Мексики, начиная с так называемой «архаической культуры» (неолит), вплоть до культуры ацтеков (XV в. н. э.). Коллекция выставлена в Музее на устроенной в 1937 г. экспозиции по археологии Америки.